

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет социологии
«Социополис»: Библиотека современного социогуманитарного знания

Б. Н. МИРОНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РОССИИ

Учебное пособие

Санкт-Петербург

2009

ББК 60.5
М64

*Печатается по решению Ученого совета факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

Рецензенты: д.ф.н., проф. И.Д. Осипов; д.с.н., проф. Н.Г. Скворцов

Под общей редакцией В.В. Козловского

М64 **Мионов Б.Н.** Историческая социология России: Учебн. пособие / Под общ. ред. В.В. Козловского — СПб.: Издательский дом С.-Петерб. ун-та; Ин-терсоцис, 2009. — 536 с. («Социополис»: Библиотека современного социогуманитарного знания)

ISBN 978-5-94348-055-3
ISBN 978-5-288-04859-3

История России осмысливается с социологической точки зрения и предстает не как привычный, упорядоченный набор дат, фактов и событий, а как процесс развития личности, семьи, собственности, права, общества и государства.

Пособие дает удачный пример применения как общих социологических теорий и теорий среднего уровня к анализу исторических фактов, так и исторического метода при анализе социальных структур и институтов. Оно помогает понять значение произошедшего, смысл, логику, тенденции развития России, причины социальных изменений, связь прошлого с настоящим.

Книга полезна социологам, историкам, культурологам, политологам, правоведам, юристам-криминалистам, журналистам и политикам — всем, кто интересуется историей России.

ББК 60.5

Картинка на обложке: К.С. Петров-Водкин. Мать. 1915 г. Государственный Русский музей.

Фотография автора книги сделана Александром Крупновым.

ISBN 978-5-94348-055-3
ISBN 978-5-288-04859-3

© Интерсоцис, 2009
© Мионов Б.Н., 2009
© Яковлев В.В., художеств.
оформление серии, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение. От истории и социологии к исторической социологии</i>	9
<i>Глава I. Социология российской колонизации</i>	23
<i>Глава II. Социальная стратификация и социальная мобильность</i>	61
<i>Глава III. Социальная демография</i>	96
<i>Глава IV. Социология российской семьи</i>	138
<i>Глава V. Урбанизация</i>	169
<i>Глава VI. Русская культура в коллективных представлениях</i>	205
<i>Глава VII. Социология крепостного права</i>	240
<i>Глава VIII. Русская община в деревне и городе</i>	276
<i>Глава IX. Социология российской преступности</i>	315
<i>Глава X. Происхождение правового государства</i>	354
<i>Глава XI. Становление гражданского общества</i>	391
<i>Глава XII. Россия и Запад: социологические образы и историческая реальность</i>	433
Программа курса «Историческая социология России периода империи»	472
Библиография	478
Глоссарий	507
Предметный указатель	520
Список таблиц	534

Введение. От истории и социологии к исторической социологии	9
Глава I. Социология российской колонизации	23
I.1. Колонизация и ее факторы	23
А. Колонизация: как это было	23
Б. Факторы расширения границ: геополитика и менталитет	26
В. Факторы расширения границ: экономика	27
Г. Экстенсивная и интенсивная стратегия развития	28
I.2. Последствия колонизации: природные ресурсы	30
А. От бедности к богатству	30
Б. Географический детерминизм	33
В. Демографический детерминизм	36
I.3. Последствия колонизации: многонациональная империя и национальный вопрос	39
А. Факторы стабильности империи: национальная политика, взаимные интересы, толерантность населения	41
Б. Факторы стабильности империи: особенности российского колониализма	47
В. Факторы распада империи: изменение национальной политики ...	48
Г. Теория национальных движений Мирослава Хроха	52
I.4. Социологическая оценка результатов колонизации	54
А. Результаты колонизации: плюсы, минусы и общая оценка	54
Б. Колонизация под углом зрения теорий функционализма, конфликта и модернизации	57
Основные тезисы	59
Вопросы для размышления и повторения	59
Глава II. Социальная стратификация и социальная мобильность	61
II.1. Дворянство	63
II.2. Духовенство	68
II.3. Городское сословие	73
II.4. Крестьянство	78
II.5. Средний класс и разночинцы	81
II.6. От этатратического общества к классовому	83
II.7. Межсословная социальная мобильность	88
Основные тезисы	93
Вопросы для размышления и повторения	94

Глава III. Социальная демография	96
III.1. Демографическое поведение православного населения	98
III.2. Брачность	105
А. Возраст вступления в брак	–
Б. Сезонность браков	106
В. Уровень брачности	108
Г. Разводы	110
Д. Семейное состояние населения	112
III.3. Рождаемость	114
А. Уровень рождаемости	114
Б. Начало регулирования рождаемости в России	116
III.4. Смертность	121
III.5. Особенности демографического развития народов России ...	127
III.6. От традиционного к современному типу воспроизводства населения	131
Основные тезисы	135
Вопросы для размышления и повторения	136
 Глава IV. Социология российской семьи	 138
IV.1. Изменение форм семейной организации	139
А. Сельское население	140
Б. Городское население	150
В. Структурно-функциональный анализ нуклеаризации семьи	153
IV.2. Развитие внутрисемейных отношений	154
А. Крестьянская семья	154
Б. Буржуазная, дворянская и пролетарская семья	160
IV.3. Российское общество в зеркале семейных отношений	163
Основные тезисы	167
Вопросы для размышления и повторения	168
 Глава V. Урбанизация	 169
V.1. Городские поселения	169
V.2. Сельские поселения	175
V.3. Административное, социальное и юридическое размежевание города и деревни	178
V.4. Экономическое отделение города от деревни	180
А. Занятия городского населения	180
Б. Занятия сельского населения	185
В. Следствия структурной трансформации городов	189
V.5. Численность городского и сельского населения	192
V.6. Социальная структура городского и сельского населения	197
V.7. От слитности к дифференциации и от дифференциации к интеграции	202
Основные тезисы	203
Вопросы для размышления и повторения	204

Глава VI. Русская культура в коллективных представлениях ...	205
VI.1. Коллективные представления крестьянства и городских низов в крепостное время	207
А. Крестьянство	207
Б. Городские низы	211
VI.2. Коллективные представления крестьянства и городских низов в пореформенное время	214
VI.3. Традиция против модернизма	217
VI.4. Коллективные представления интеллигенции и буржуазии в пореформенное время	223
VI.5. Отцы и дети	228
VI.6. Секуляризация сознания	229
VI.7. Культурный раскол российского общества	235
Основные тезисы	237
Вопросы для размышления и повторения	238
Глава VII. Социология крепостного права	240
VII.1. Кто был закрепощен в России?	240
А. Дворянство	241
Б. Духовенство	243
В. Посадские, или городские налогоплательщики	245
Г. Крестьянство	246
VII.2. Корпоративное, или общинное, крепостное право	248
VII.3. Всеобщность крепостничества и причины этого явления ...	249
VII.4. Отмена крепостничества	253
А. Освобождение дворянства	253
Б. Освобождение духовенства	257
В. Освобождение посадских	259
Г. Освобождение крестьянства	262
VII.5. Причины отмены крепостного права	267
VII.6. Трудный путь к свободе	272
Основные тезисы	274
Вопросы для размышления и повторения	275
Глава VIII. Русская община в деревне и городе	276
VIII.1. Две модели социальной организации: общность и общество	276
VIII.2. Сельские и городские (посадские) общины до конца XVII в.	277
VIII.3. Крестьянская община в XVIII–первой половине XIX в.	282
А. Структуры и управление общиной	284
Б. Принципы общинной жизни	290
В. Личность и внутриобщинные отношения	293

VIII.4. Крестьянская община в пореформенный период	300
VIII.5. Городская община в XVIII–начале XX в.	305
VIII.6. Дворянская корпорация в XVII–начале XX в.	306
VIII.7. От общности к обществу	308
Основные тезисы	312
Вопросы для размышления и повторения	313
Глава IX. Социология российской преступности	315
IX.1. Уголовное законодательство и его основные понятия	317
А. Понятие преступления	317
Б. Субъект и объект преступления	321
В. Состояние невменяемости	325
Г. Номенклатура составов преступлений	326
IX.2. Наказания	327
IX.3. Обычное уголовное право о преступлении и наказании	330
IX.4. Преступность в России в XIX–XX вв.	334
А. Источники данных о преступности и их достоверность	334
Б. Динамика и структура преступности	336
В. Факторы преступности	344
Г. Преступность в советский период	347
IX.5. Социальная патология или прыжок в будущее?	349
Основные тезисы	352
Вопросы для размышления и повторения	353
Глава X. Происхождение правового государства	354
X.1. Народная монархия XVII в.	357
А. Основания легитимности власти	357
Б. Роль Боярской думы, Земского собора и Освященного собора	358
В. Значение обычая, традиции и закона в государственном управлении	361
X.2. Дворянская патерналистская монархия XVIII в.	363
А. Новое обоснование легитимности власти	363
Б. Роль дворянства в государственном управлении	367
В. Роль закона в государственном управлении	369
X.3. Становление правомерной монархии в первой половине XIX в.	371
X.4. Всесословная правомерная монархия в пореформенный период	376
X.5. Дуалистическая правовая монархия 1906–1917 гг.	379
X.6. Российский чиновник	382
X.7. От народной монархии к правовому государству	386
Основные тезисы	388
Вопросы для размышления и повторения	389

Глава XI. Становление гражданского общества	391
XI.1. Опоры государства: бюрократия и армия	392
XI.2. Общественность и государство	395
XI.3. Государство и народ	400
А. Отношение народа к власти	400
Б. Политическая коммуникация в народной среде	401
XI.4. Каналы связи между обществом и государством	405
XI.5. Добровольные ассоциации	414
(а) Виды добровольных ассоциаций	415
(б) Значение добровольных ассоциаций	418
XI.6. Динамика политического процесса	421
XI.7. Ритмы и результаты политической модернизации	424
Основные тезисы	430
Вопросы для размышления и повторения	431
Глава XII. Россия и Запад: социологические образы и историческая реальность	433
XII.1. Итоги социального развития России в XVIII– начале XX в.	433
XII.2. Россия в парадигме Э. Дюркгейма: от механической к органической солидарности	441
XII.3. Россия в ракурсе цивилизационной парадигмы	444
XII.4. Россия и Запад в ракурсе модернизационной парадигмы ...	448
А. Общее и особенное	448
Б. Россия и Запад — разные часовые пояса	456
XII.5. Россия в ракурсе трех парадигм	467
Основные тезисы	469
Вопросы для размышления и повторения	470
Программа курса «Историческая социология России»	472
Библиография	478
Глоссарий	507
Предметный указатель	520
Список таблиц	534

*Посвящается моим учителям
Александру Львовичу Шапиро и
Аркадию Георгиевичу Манькову*

Введение От истории и социологии к исторической социологии

История и социология — два ингредиента, из которых можно составить два коктейля: социальную историю, если взять много истории и немного социологии, и историческую социологию, если взять много социологии и немного истории.

Отцы-основатели социологии О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер занимались историей серьезно, М. Вебер — профессионально. Дюркгейм даже считал, что история и социология обречены стать единой наукой: «Мы (социологи. — ред.) помогаем выявлению самой причинности в истории, когда убеждаем историка выйти за пределы его обычной перспективы, заглянуть за рамки выбранной для исследования специфической страны или периода и заняться общими вопросами, поставленными теми специфическими фактами, которые он наблюдает. Но как только история начинает сравнивать, она становится неотличимой от социологии. И наоборот, социология не только не может обойтись без истории, но на самом деле нуждается в историках, которые могут быть социологами. Пока социолог будет чужаком, вторгающимся в область историка, чтобы получить интересующие его данные, он будет лишь скользить по поверхности. Только историк знает историю настолько, чтобы быть способным использовать исторические данные. Следовательно, не будучи непримиримыми, эти две дисциплины имеют естественную тенденцию к сближению, и все указывает на то, что они предназначены соединиться в общую дисциплину, в которой элементы истории и социологии будут совмещены и объединены. Это кажется ненормальным, что тот, кто должен выявлять данные, не владеет методами сравнения, для которых именно эти данные подходят; а тот, кто сравнивает данные, не имеет понятия, как они были получены. Воспитание историков, которые знают, как смотреть на исторические данные социологически, равно как развитие социологов, владеющих всеми методами историков, — вот цель, которую мы должны преследовать»¹.

Мало кто разделяет убеждение Дюркгейма, что две дисциплины действительно нуждаются друг в друге. Поэтому отношения между социологией и историей чаще характеризуются либо равнодушием, либо нарочи-

¹ Цит. по: *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ // *Время мира: Альманах.* Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 1998. С. 124–125.

той отчужденностью. Многие историки не верят в объяснительную силу социологических теорий и осуждают социологов за поверхностное отношение к историческим фактам. Со своей стороны, социологи иронизируют над историками за антикварный интерес к историческим деталям, ползучий эмпиризм и поверхностный анализ. В период между двумя мировыми войнами социологи сознательно отвернулись от постановки исторических и философских проблем, полагая, что историзм и метафизические спекуляции только мешают социологии развиваться в полезную науку. Однако мировой кризис 1930-х гг. и вторая мировая война показали, что рассмотрение социальных проблем в исторической перспективе может быть продуктивным. Обращению к истории способствовало и то, что некоторые социологи не принимали функционализм, ставший доминирующей теорией в 1950-х гг., за его, как они полагали, невнимание к социальной динамике и конфликтам и неспособность постичь сложные конфликтные отношения послевоенного мира. Чтобы проанализировать конфликты, они ввели в социологию сравнительно-историческую перспективу. Благодаря этому с конца 1950-х гг. между историей и социологией стали развиваться продуктивные контакты.

Увлечение историей было настолько сильным, что некоторые ученые вновь, как 100 лет назад Дюркгейм, стали мечтать о слиянии истории и социологии в единую науку. «Я лично согласен с Дюркгеймом, — говорил известный американский социолог И. Валлерстайн. — Просто я не могу себе представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных полностью в рамки их исторического контекста, также я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы назвали социологией. Но если это так, есть ли вообще место для двух отдельных дисциплин? Это кажется мне одним из основных стоящих перед нами вопросов, поскольку мы обсуждаем будущее социологии и социальных наук в целом в двадцать первом столетии».

В результате увлечения социологов в конце 1950–1980-х гг. историей и возникла историческая социология, или историко-эмпирическая социология. Эти годы, называемые теперь «золотым веком макросоциологии», отмечены известными работами П. Андерсона, Р. Арона, Р. Бендикса, И. Валлерстайна, Р. Карнейро, Р. Коллинза, Б. Мура, Т. Скочпола, Н. Смелзера, А. Стинчкомба, Ч. Тилли, С. Н. Эйзенштадта, Н. Элиаса. Датой институционализации исторической социологии считается 1983 г., когда в рамках Американской социологической ассоциации возникла специальная секция исторической социологии.

1960–1980-е гг. отмечены также появлением интереса историков к социальным наукам, прежде всего к социологии. Взаимное увлечение вызвало на Западе широкую международную дискуссию об отношении между историей и социологией, в которой приняли участие представители обеих дисциплин, и породило настоящий журнальный бум. В 1958 г. был основан журнал «Сравнительные исследования общества и истории» («Comparative Studies in Society and History»), в 1963 г. — «История труда» («Labor History»), в 1967 г. — «Журнал социальной истории»

(«Journal of Social History»), в 1970 г. — «Журнал междисциплинарной истории» («Journal of Interdisciplinary History»), в 1975 г. — «Журнал истории семьи» (Journal of Family History), «Социальная история» («Social History»), «История и общество» («Geschichte und Gesellschaft»), в 1976 г. — «История социальной науки» («Social Science History»), в 1988 г. «Журнал исторической социологии» («Journal of Historical Sociology») и др. В 1960–1980-е гг. наблюдался расцвет социально-исторических исследований; эти годы по праву можно назвать «золотым веком социальной истории». Таким образом, из союза социологии и истории родились социальная история и историческая социология. В чем специфика каждой из дисциплин?

В фокусе социальной истории, в отличие от традиционной истории с ее преимущественным интересом к политическим событиям, действиям великих личностей, в 1960–1980-е гг. находятся структуры, процессы и общество. Например, традиционный историк, изучая бюрократию, акцентирует свое внимание на чинах и званиях, формах одежды и распорядке службы, жалованье и пенсиях, служебных злоупотреблениях отдельных чиновников и на других важных, но частных, событийных вопросах. Социальный историк интересуется тем, как эволюционировала бюрократия как социальная и властная структура, как она взаимодействовала с обществом, верховной властью, как она управляла — смотря или невзирая на лица, следуя закону или указаниям начальников и т. п. Традиционный историк-урбанист изучает историю отдельных городов (Петербурга, Москвы, Ставрополя): как они возникали и развивались, кто и почему их основывал, кто ими управлял, благоустраивал и т. д. Социального историка история отдельного города не интересует: он исследует процесс урбанизации — динамику числа городов и горожан, изменение функций городов, схем застройки, архитектурных стилей, профиль социальной и профессиональной структур городского населения, миграции, взаимодействие города и деревни и т. д. Традиционные историки изучают историю государства и политики через деятельность отдельных лиц, которые стояли у кормила власти и принимали решения. Внимание социального историка привлекают другие проблемы — взаимодействие государства с обществом, влияние общественности на политику, участие в политическом процессе различных социальных групп и т. п.

Вообще в социальной истории чрезвычайно велик интерес к обществу, к составляющим его структурам — сословиям, классам, социальным слоям, к протекающим в нем процессам, социальным и политическим движениям — рабочему, женскому, демократическому. Социальный историк изучает историю, отталкиваясь не от государства и великих людей, а от общества. «В центре внимания социальной истории, — говорится в американском словаре исторических понятий, — находятся социальные группы, их взаимоотношения, их роли в экономических и культурных структурах и процессах; она часто характеризуется использованием теорий общественных наук и количественных методов». В 1990-е гг. социальные историки под влиянием культурной истории с ее пристальным вниманием к истории восприятия и опыта, к формам осмысления действительности,

к истории языка и менталитета расширили свой предмет и включили в него, кроме структур, процессов и общества, также и человека — изменение в системе ценностей, жизненных представлений, норм и образцов поведения. Включив в историческую социальность культурный аспект, новейшая социальная история превратилась в социокультурную историю.

Изменение предмета изучения повлекло за собой изменение методологии и языка. Традиционный историк опирается главным образом на герменевтические методы (внутренняя и внешняя критика источника) и говорит языком источника. Социальные историки в своей методологии совершили аналитический поворот в двух отношениях. Во-первых, обратились к социальным наукам за понятиями (вроде «сословия» или «класс»), моделями (типа «традиционное» или «индустриальное общество», «феодализм» и «капитализм»), идеальными типами (наподобие «протестантская этика», «бюрократия») и теориями (например теория модернизации). Благодаря этому получил распространение междисциплинарный подход, границы между науками стали прозрачными. Во-вторых, начали создавать большие базы данных, использовать количественные методы и компьютеры для их обработки с помощью количественных методов. В результате существенно возрос информационный потенциал исторической науки и достоверность полученных выводов. В-третьих, под влиянием культурной истории социальные историки в 1990-е гг. более чем прежде стали учитывать роль дискурсивных (речевых) практик в формировании исторических источников, которые они используют для реконструкции исторической действительности, и роль собственных методик, представлений и понятий, которые также влияют на полученные результаты.

Апофеозом развития социальной истории явилось издание шеститомной «Энциклопедии социальной истории Европы: 1350–2000 гг.» в 2000 г. в США, подготовленной ведущими зарубежными социальными историками.

Исторические социологи, как свидетельствуют исследовательская практика и социологические словари, ставят либо теоретические задачи — изучение социальных изменений и тенденций в развитии общества, выявление общих вневременных закономерностей, развитие новой теории, способной обеспечить более убедительные и исчерпывающие объяснения исторических явлений и структур, либо верификационные задачи — проверка какой-либо социологической теории или некоторых частных гипотез на исторических данных, либо прикладные задачи — использование существующих концепций и объяснений для анализа исторических данных. При этом предметом анализа может служить одно, несколько обществ или отдельная сфера общественной жизни.

В силу своих специфических задач историческая социология отличается от социальной истории более интенсивным и всесторонним использованием социологического инструментария и осуществляет это двумя путями: 1) переосмыслением исторического материала, собранного и описанного на языке исторической науки, в социологических понятиях и концепциях и 2) познанием исторических явлений с самого начала, от постановки проблемы и сбора данных, с помощью социологического

инструментария.

В первом случае социологические понятия как бы перекраивают, преобразовывают, переобозначают исторический материал, подобно тому, как перекраивается и перешивается костюм по новой модели. Однако, используя готовую схему для упорядочения уже известных в истории фактов и зависимостей, исследователи в той или иной мере остаются «рабами» этих фактов и зависимостей и не могут получить принципиально новое знание (как из старого костюма портной не может сшить то, что хочется клиенту: старый фасон в значительной мере диктует варианты переделки). В этом случае социология не в состоянии проявить все свои возможности для получения нового исторического знания. Кроме того, на пути переосмысления готового исторического материала в социологических понятиях стоит существенная преграда: большая предварительная работа по соотношению двух систем понятий — исторических и социологических.

Во втором случае историческая действительность изначально «наблюдается» и расчленяется под углом зрения социологических понятий, в соответствии с которыми проходят и сбор эмпирического материала, его обработка и интерпретация; другими словами, историческое исследование проходит как социологическое и отличается от последнего только историческим объектом изучения. Подобный подход открывает большие возможности для эффективного использования социологических понятий, концепций, теорий. Однако результаты таких исследований слабо соотносятся с традиционно историческими трудами, имеют преимущественное значение для социологов, обогащая социологические понятия конкретным историческим содержанием и создавая для них благоприятную возможность проверить правильность своих концепций на историческом материале. Кроме того, изначальное «кодирование» исторических данных в социологических понятиях включает в себе опасность презентизма, поскольку социологический инструментарий предназначен для анализа современных, а не исторических проблем. Поэтому и в том случае, когда социология имеет фундаментальное значение для исторического исследования, все равно требуется установление связи между терминами исторических источников и социологическими понятиями.

На Западе список работ по исторической социологии насчитывает сотни наименований; имеются историографические и аналитические обзоры, в том числе и на русском языке. Напомним несколько известных исследований, в которых особенно ярко отразились особенности нового направления. Р. Коллинз выбран как автор сбывшегося предсказания распада Варшавского блока и СССР соответственно за 9 и 11 лет до того, как это в действительности произошло, что случается крайне редко; Р. Бендикс — как исследователь альтернативных путей общественного развития, Ч. Тилли — как ученый, органически сочетавший в своих работах исторический и социологический анализы (его исследование о крестьянском движении в Вандее во время Французской революции приводят в доказательство того, что социологи могут освоить ремесло историка); Б. Мур — как один из самых видных представителей исторической социологии, всегда интересовавшийся Россией.

Предметом гордости исторических социологов является работа Р. Коллинза, в которой он сделал прогноз о распаде СССР на основе своей геополитической теории, построенной в результате социологического обобщения исторических фактов. Суть ее в следующем. Сила и устойчивость государства зависят от трех факторов — ресурсов (чем больше, тем лучше), географии (окраинное положение имеет преимущество перед центральным) и стабильности границ. Периодически происходит изменение геополитической структуры мира: вся «ойкумена» завоевывается одной—двумя окраинными и наиболее обеспеченными ресурсами империями, а срединные области распадаются. Кто оказывается победителем, а кто прекращает существование, зависит от комбинации факторов: при богатых ресурсах, окраинном положении и умеренном расширении, которое не требует больших затрат, геополитическая экспансия данного государства продолжается, а при недостатке ресурсов, невыгодном центральном положении и чрезмерном расширении, поглощающем огромные средства, экспансия прекращается и наступает его фрагментация. В 1980 г. Коллинз проанализировал современную геополитическую ситуацию в мире с помощью своей теории. Сопоставив конкретные данные о геополитическом положении двух сверхдержав — США и СССР на конец 1970-х гг., он установил, что США имеют ресурсное и окраинное преимущество и осуществляют умеренную геополитическую экспансию, в то время как СССР а) проигрывает США в ресурсах — в населении и доходах на душу населения, вследствие чего испытывает дефицит средств для поддержания социалистической системы; б) имеет невыгодное географическое положение между странами Запада, Японией, Китаем и исламским миром, что вынуждает расходовать значительные ресурсы для защиты границ огромной протяженности; в) страдает от чрезмерной геополитической экспансии, что проявляется в слабости коммуникаций и контроля за сателлитами и в наличии вокруг центра нескольких этнических слоев, готовых к сопротивлению. На базе этих расчетов Коллинз сделал прогноз о распаде Советской империи (СССР со всеми другими странами, где дислоцированы советские войска) в течение 30–50 лет — времени действия определенных геополитических тенденций, и сохранения США как сверхдержавы. Хотя в прогнозе и не была указана точная дата распада Варшавского блока в 1989 г. и СССР — в 1991 г., он оправдался, что согласно общепринятым критериям повысило достоверность самой теории и престиж исторической социологии.

Немецко-американский исторический социолог Р. Бендикс приобрел широкую известность за три книги: 1) «Труд и власть в промышленности» (1956) — социологический и исторический очерк развития конфликтов между капиталом и рабочим классом; 2) «Построение нации и гражданство» (1964) — история конфликтов и политического взаимодействия между властью и народом в ряде стран, в ходе которого складывалась единая национальная политическая система и власть становилась легитимной; 3) «Короли и народ: власть и мандат на господство» (1978) — анализ влияния политических порядков и культурных традиций в различных странах на выбор методов экономической модернизации. Во всех

трех книгах Бендикс изучает историю западного буржуазного общества и ищет альтернативные капитализму пути развития. В результате анализа он приходит к выводу, что в ходе модернизации перед большинством стран возникали похожие «функциональные» проблемы, но решали они их по-разному. Например, цель индустриализации в Западной Европе состояла в решении проблемы жизнеобеспечения, но за пределами Запада не только цель индустриализации была, как правило, иной — ответом на вызов, стремлением догнать развитые страны, укрепить оборону, но и средства ее достижения варьировали по странам — иностранные инвестиции, усиление налогового пресса, внешние заимствования, строительство железных дорог или первоочередное развитие легкой промышленности, привлечение рабочей силы из деревни или из-за границы и т. д. Точно так же политические, социальные и культурные проблемы модернизации в разных странах решались различными средствами, а вместе с тем от страны к стране изменялась политика правительства, проводились различные реформы, возникали разные структурные модели и, значит, предпринимались различные социальные действия. Бендикс понимает, что хотя люди сами творят свою историю, они находятся в зависимости от определенных обстоятельств данного момента и от того, что завещали им предыдущие поколения. Однако он настаивает на необходимости делать акцент на пространстве свободных действий участников исторических событий, избегая, как он говорит, «ретроспективного детерминизма» — тенденции смотреть на историю как на predetermined и однозначную форму развития событий, без возможных альтернатив. Анализ социальной системы в точке бифуркации, когда она находится на перепутье, особенно важен, потому что позволят глубже понять, почему победила та, а не другая альтернатива, какая случайность позволила ей реализоваться.

Подход Бендикса очень актуален для России, чья история в последние триста лет изучается преимущественно под углом зрения ретроспективного детерминизма — если в 1917 г. Империя развалилась и существующий режим был свергнут, значит, все предшествующее развитие являлось несостоятельным и ущербным; аналогично, если в 1991 г. распался СССР и вместе с ним был уничтожен советский режим, значит, и все, что делалось в советский период, было несостоятельным и вело к кризису.

Американский социолог Ч. Тилли много лет, начиная с 60-х гг. XX в., пытается ответить на социологические вопросы при помощи исторического материала. В отличие от большинства социологов он работает с первоисточниками так же, как и историки. Тилли изучает закономерности и варианты коллективных действий в западноевропейских обществах в течение последних 400 лет. Много усилий он затратил, чтобы разобраться, как коллективное действие развивалось в различных социальных движениях, как за тем, что поверхностному наблюдателю кажется властью толпы, скрывается достаточная мера осознания, планирования и рационального просчета интересов.

В книгах «Забастовки во Франции в 1830–1968 гг.» (1974), «Мятежное столетие 1830–1930» (1975) и «Шумные французы: народная борьба четырех столетий» (1986) Тилли предложил плодотворную гипотезу о

наличии в любом коллективном действии «рационального расчета». Для ее верификации он проследил развитие репертуара народных действий в связи с модернизационными процессами. Этот репертуар включал а) меры, к которым люди привыкли прибегать, б) действия, которым они только еще обучаются, в) действия, которые забываются. Например, в доиндустриальном обществе народ предпочитал насильственные движения протеста и восстания, а в индустриальном обществе — мирную забастовку, которая стала стандартным средством решения проблем между рабочим классом и капиталистами. Репертуар коллективных народных действий сузился в связи с индустриализацией и урбанизацией. Но в дальнейшем он пополнился новыми формами социального протеста. Недостатки в коллективных акциях, движениях протеста и восстаниях для Тилли не служат признаком их упадка. Серьезным препятствием для проявления народной активности, по мнению Тилли, являлись эффективные методы, предпринимаемые властью для подавления оппозиции. Он не согласен с точкой зрения консерваторов и радикалов, что репрессии властей ведут к возрастанию напряженности и впоследствии к насильственному взрыву или революции. Напротив, если властям удастся запугать протестующих, вызвать у них пассивность и абсентеизм, происходит падение социальной активности, деградация всего репертуара действий. Люди приспособляются к бессилию и теряют значительную часть способности к социальной инициативе.

В своей вышедшей в 1990 г. книге «Принуждение, капитал и европейские государства в период с 990 до 1990 г.» Тилли пытается выявить различные пути развития государственности, выявить то, что в соответствии с теорией кажется парадоксальным в процессе государственного строительства. Государства, существовавшие в X–XV вв., являлись различными политическими системами, имели разные структуры и устройства: империи, многонациональные унитарные образования, федерации, конфедерации. В XVI в. складывается модель национального государства, которая постепенно становится идеалом и в XIX–XX вв. распространяется на остальной мир. Однако страны «третьего мира» так и не смогли превратиться в государства-нации по образцу Западной Европы. Тилли показывает, насколько специфично протекал процесс становления национальных государств в Европе и как мало имелось необходимых предпосылок для их возникновения в Африке, Азии и Латинской Америке.

На начальной стадии государственного строительства огромное значение имели войны — государства развивались именно в результате войн, при этом в большей степени те, которые могли сформировать мощные армии и вооружить их эффективным оружием. Те, кому это не удавалось, уходили в тень, на периферию мировой политики. Но постепенно ставка на военную силу уменьшалась. Лидерам удалось создать постоянные армии и разоружить гражданское население. Однако переход к управлению при помощи налогообложения, всеобщей воинской повинности, переписи населения и полиции означал приобретение страной социальных функций. Переговоры государства с капиталом и трудящимися о получении ресурсов для ведения войн вели к появлению все новых требований: пен-

сий, пособий для неимущих, системы народного образования, городского планирования и многого другого. В ходе удовлетворения этих требований государства превращались из военных в социальные. Кроме военной они стали выполнять ряд регулирующих, компенсаторных, распределительных и защитных функций. Именно такое развитие дел позволило Англии и Франции создать сильные государства и возвыситься над окружающими их странами.

Из сравнительно-исторического анализа Тилли делает вывод, что в Европе постоянные армии и национальные государства обусловили появление друг друга, что решающим фактором для развития государственной власти была сбалансированность интересов государства и капитала: ни административные интересы первого, ни экономические интересы второго не стали преобладающими. В отличие от Европы, в «третьем мире» имелась только военная власть, которой не противостоял капитал и народ, поэтому формирование государственности там происходило по другому сценарию и не привело к созданию национальных государств в европейском смысле. Более того, ввиду отсутствия развитого национального капитала гипертрофированная власть бюрократии превратилась в труднопреодолимое препятствие для модернизации стран «третьего мира».

Особый интерес для российских исследователей представляют работы патриарха исторической социологии Б. Мура, отметившего в 2003 г. свое 90-летие. В 1950-е гг. он изучал опыт политического развития СССР и только после этого посвятил себя исторической социологии, не забывая, впрочем, о предмете своего первого увлечения. Все работы Мура имеют прямое отношение к российским проблемам, независимо от того, изучает он эскимосов, древнегреческое общество или Германию в новое и новейшее время. Поэтому его творчеству будет уделено больше внимания.

Книга «Социальное происхождение диктатуры и демократии: землевладелец и крестьянин в процессе создания современного мира» (1966) посвящена поиску альтернатив европоцентристской теории модернизации за пределами западноевропейского ареала. С этой целью Мур сравнил процесс модернизации — переход от традиционного общества к современному — в ряде стран и пришел к выводу, что есть три пути к современному индустриальному обществу: 1) через буржуазную революцию снизу к капитализму и либеральной демократии (Англия, Франция и США), 2) через буржуазную революцию сверху к капитализму и фашизму (Германия и Япония), 3) через крестьянскую революцию к коммунизму (Россия и Китай). Таким образом, социальный кризис, революция и насилие повсюду служили необходимой предпосылкой модернизации. Но результаты социально-революционного кризиса зависели от того, как понимало крестьянство (народ) социальную справедливость и как оно вело себя в революции. В первом и втором вариантах крестьянство, как правило, приняло капитализм (США, Франция, Германия, Япония) либо исчезло как класс (Англия). В третьем варианте традиционное крестьянство не приняло капитализм, вследствие чего вместо буржуазной произошла коммунистическая революция. Для человека традиционного общества экономическая революция, ведущая к индустриализации, была

неприемлема, поскольку подрывала основы его существования. Принципы либеральной демократии он не особенно понимал, поэтому к лозунгам свободы и братства остался равнодушен. Зато крестьяне понимали и потому приняли хорошо знакомый им принцип равенства, который был для них идеалом и отчасти действительностью и соответствовал их представлениям о справедливости: именно равенство в распределении средств производства обеспечивало традиционные способы самообеспечения. Только при поверхностном взгляде такое представление о справедливости кажется консервативным; для крестьянства оно имело рациональный и реалистический смысл.

В книге «Несправедливость» (1978) Мур, опираясь главным образом на немецкие материалы XIX–XX вв., пытается понять: Почему в одних случаях люди предпочитают послушание, в других бунт? Когда люди со скромным экономическим, политическим и социально-культурным достатком удовлетворяются существующим положением, а когда они пытаются его изменить? При каких обстоятельствах людям удастся взглянуть на свое тяжелое положение со стороны, выработать новые формы социальной активности и начать борьбу за изменение не устраивающего их социального порядка? Для ответа на поставленные вопросы Мур подробно анализирует пассивность и послушание людей в экстремальных ситуациях, когда они выдерживают чрезвычайную, угрожающую жизни эксплуатацию и унижение: поведение неприкасаемых в Индии, узников в концентрационных немецких лагерях, участников социально-психологических экспериментов и т. д. Он обнаружил, что люди, у которых отсутствует четкая альтернатива действий, приспосабливаются к тому, что они имеют, воспринимая его как должное, единственно возможное и неизменяемое. Люди часто осознают, что их эксплуатируют и подавляют, но не сопротивляются, оправдываясь тем, что у них нет для этого возможностей. Чтобы оправдать свое послушание и смириться в ситуациях, когда борьба невозможна, они прибегают и к другим успокаивающим средствам, например находят в своем плачевном положении какой-то рациональный смысл, используют магические и религиозные ритуалы, мифы и утопии. Без такой психологической защиты их ожидает нестерпимая боль, невыносимые огорчения, полное унижение. Однако послушание может перейти в привычку, и тогда даже при изменении ситуации, например при появлении ресурсов для борьбы, люди не становятся социально активными. Какого-либо врожденного духа неповиновения не существует. Чтобы стать активным, требуется внутреннее перерождение человека: на собственном опыте он должен убедиться, что условия существования можно изменить, что общими усилиями положение можно улучшить. Только тогда он сможет усвоить новый взгляд на эксплуатацию — как на следствие человеческой несправедливости.

При каких же обстоятельствах представление о несправедливости может стимулировать у людей попытки изменить мир, заставить их участвовать в акциях социального протеста, в освободительных движениях? В том случае, если власти подрывают элементарные возможности для выживания, нарушают общепринятые нормы социальной пристойности и

общественного порядка, игнорируют законные требования семьи, общины, профессии и религии, проявляют откровенный произвол в управлении и вторгаются в личную жизнь. Именно тогда представления о несправедливости могут объединить людей и подвигнуть их на протестную активность. Приведет ли такая конфликтная ситуация к восстанию, зависит от силы господствующего класса и имеющихся ресурсов у конфликтующих сторон. Однако для обычных трудящихся, перед которыми остро стоит проблема выживания, полагает Мур, революция в кризисное время представляет собой крайне нежелательное и далекое от их реальных потребностей явление, поскольку ведет к дальнейшему ухудшению их положения. Революции они всегда предпочитают стабильный общественный порядок. Конечно, людей можно вовлечь в революционную деятельность, но это происходит, как правило, не по их собственной инициативе и вопреки их желанию. «Маленькие люди» оценивают порядок положительно, даже если он оборачивается неравенством, подавлением и эксплуатацией; они, по мнению Мура, питают отвращение к вмешательству в свою будничную жизнь, идет ли оно от разбойников с большой дороги, религиозных или политических фанатиков или представителей власти. Обычно люди поддерживают политического лидера, обещающего им мир и порядок, особенно если лидер делает это во имя легитимности, в которую они верят. Как настоящий социолог, в ходе продолжительного исследования Мур доказывает свою исходную гипотезу о существовании связи между представлениями о несправедливости и частотой проявления коллективного недовольства.

Большой интерес вызывает книга Мура «Частная жизнь» (1984), где рассматривается изменение взглядов на проблему частной жизни и анализируются возможности, имеющиеся для частной жизни и развития независимой личности в разных культурах и цивилизациях, при различных политических режимах. Мур анализирует исторический опыт нахождения приемлемого баланса между частным и общественным у эскимосов и индейских племен, в сельской общине традиционных обществ и в Афинах IV в. до н. э., в древнем Израиле и Китае между VI и III в. до н. э. Например, в сельской общине традиционных обществ автор обнаружил такой специфический механизм выхода агрессии и разрешения конфликтов: мужчины притесняли женщин, женщины — детей, которые отыгрывались на животных. Лишь на первый взгляд отношения в общине казались идиллическими. На самом деле там существовали изматывающие конфликты и открытые противоборства. Буйные скандалы, которые случались после употребления алкоголя, помогают понять, какие конфликты обычно скрывались или сдерживались на трезвую голову. Мур находит, что в обстоятельствах, чреватых конфликтами между личным и общественным, семья часто служила защитой от вторжения коллектива. Именно семья всегда являлась потенциальным ресурсом в борьбе против экспансии общественного, против требований мобилизации по любым поводам, когда это надо обществу, провозглашается ли это во имя государства, нации, народного единства, пролетариата или исходит от харизматического лидера. Однако Мур не считает, что семья во всех обще-

ственных обстоятельствах может функционировать бесконфликтно и плодотворно. Например, в бедных ресурсами культурах и традиционных обществах «ловушка домашнего труда» была реальностью, серьезно мешавшей женщинам иметь частную жизнь.

Подводя итог своим историческим экскурсам, Мур подчеркивает, что ни одно общество не могло вынести превалирования частных интересов над общественными. Всегда требовались и потому существовали механизмы сдерживания конфликтов и отвода агрессии в приемлемую обществом колею, механизмы разрешения конфликтов между человеком и коллективом, всегда создавалось пространство для проявлений частной жизни и индивидуализма. Подавление личности порождало агрессию. Агрессия — не продукт современного развития и не пережиток ранних стадий развития общества. Она естественное следствие социальной активности, взаимодействия между людьми, между человеком и коллективом; она содержит позитивный аспект — указывает на больные точки в общественных отношениях. Всем обществам в той или иной степени удавалось регулировать агрессию и направлять ее в безопасное русло или утилизировать в общественных интересах. Сбалансированность интересов индивида и общества — труднодостижимый идеал. Всегда существовала опасность, что перевесят либо одни, либо другие. Патология частной жизни и угроза частной жизни — одинаково опасны. «Приватизация» — развитие частной жизни служит известным балансом в ситуации превалирования общественных или государственных интересов, например, в современных обществах она противостоит повсюду наблюдающейся бюрократизации.

В своей последней книге «Авторитет и неравенство при капитализме и социализме» (1987) Мур обращается к вопросу «смерти идеологий». Он обнаружил, что ни ортодоксальный западный либерализм, ни социализм в форме коммунистических общественных систем не справились с фундаментальными проблемами человеческого существования: произволом властей, дискриминацией и отсутствием элементарного равенства в распределении средств к жизни. Острое соперничество и конфликты существуют во всех индустриальных обществах. Ни социализм, ни либеральный капитализм не содержат никакой гарантии против такого развития событий, когда какая-либо группа приобретет подавляющую власть и воспользуется ею для достижения групповых политических целей, исключительно для собственной пользы, во вред всем остальным.

Поскольку известные модели развития уже использованы, могут возобладать, предсказывает Мур, революционные или религиозно окрашенные фундаменталистские решения, несмотря на то что подобные идеологии нельзя превратить в долгосрочную и действенную политику. Необходимо отказаться от невыполнимых проектов в науке и в политике, от попыток сверхамбициозных объяснений и постановки наивно-аполитичных целей. Нельзя устранить угнетение, эксплуатацию и нищету, но можно отрегулировать отношения в направлении более справедливого общества. Нельзя устранить бюрократию как институт: она всюду выполняет необходимые функции — создает власть и поддерживает общественный порядок. Но можно

наладить такое регулирование сложных общественных конфликтов, которое будет способствовать росту равенства и снижению административно-го угнетения. Это может показаться жалкой программой в сравнении с великими общественными проектами. Но проведение ее в жизнь, по мнению Мура, гораздо больше способствовало бы устранению человеческих несчастий, чем все, что сумели сделать либерализм и коммунизм вместе взятые за весь XX в. Нельзя приходить в отчаяние перед тенденциями к новой стагнации, призывает Мур, нужно предоставить простор для развития социальной фантастики и выработать новые альтернативы политических действий.

В заключение отметим, что во многих своих работах, в том числе публицистических, Мур отстаивает точку зрения об отстраненности общественной науки от политики: слишком активная или страстная увлеченность политикой мешает ученому соблюдать необходимую критическую дистанцию в отношении к явлениям современности. Он критикует тенденцию социальных ученых создавать шаблоны для решения социальных проблем, провоцирует читателя на активную критику всех скороспелых и категорических утверждений. Мур полагает, что ценность исторической социологии состоит в том, что она очищает ум от ложных представлений, от веры в социальную предопределенность, позволяет смотреть на современность в историческом ракурсе, понять, что за видимостью непоколебимых структур, институтов и властных отношений скрываются альтернативы социального развития. Историко-социологические исследования снижают в суждениях градус категоричности, которая порождается тем, что человек в своих мнениях исходит из собственного, ограниченного современностью опыта, открывают нам глаза на новые альтернативы, новые формы социальной активности и заключенные в них возможности. В этом смысле историческая социология может стать источником исторического оптимизма относительно возможностей развития современности по благоприятному для человечества сценарию.

В России историко-социологическое направление в общественных науках получило развитие во второй половине XIX – начале XX в. В 1850–1880-е гг. в трудах историков государственной, или юридической, школы (А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и др.) была предложена социологическая концепция русского исторического процесса, обосновывавшая его принципиальное отличие от такового в Западной Европе, состоявшего якобы в решающей роли государства. Возникшая в конце XIX в. социологическая школа права (В.И. Сергеевич, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов и др.) создала историческую политическую социологию. В своих построениях представители данной школы опирались на социологическое осмысление истории государства и права в Европе и России.

Первым русским историческим социологом в современном смысле этого термина следует считать М.М. Ковалевского. Он, подобно современным социологам, широко использовал сравнительно-исторический метод для изучения закономерностей в развитии общества, предварительно обосновав методологию его применения. Рассматривая русский истори-

ческий процесс со сравнительно-исторической точки зрения, М.М. Ковалевский впервые высказал идею о принципиальной общности исторических судеб России и Европы. Н.П. Павлов-Сильванский в книге «Феодализм в России» на основе сравнительно-исторического анализа обнаружил ряд важных аналогий в истории общества и государства в России и Европе и довел идею Ковалевского о сходстве исторического развития России и Европы до тщательно разработанной концепции. Большое значение социологический подход играл в трудах историков В.О. Ключевского и П.Н. Миллюкова. Философское обоснование его применения дал историк и социолог Н.И. Кареев. Из социологов дружил с историей П.А. Сорокин. В его первой крупной работе «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) нарисована историческая панорама генезиса и эволюции основных форм поведения. Его важнейший четырехтомный труд «Социокультурная динамика» (1937–1941), написанный в США, обобщает такое большое количество исторических данных, что может служить образцом социологического осмысления мировой истории.

В советское время историческая социология как научное направление не существовала. Однако социологический подход в исторических исследованиях sporadически применялся, например, Ю.Л. Бессмертным, М.М. Громько, А.Я. Гуревичем, Л.М. Дробижевой, Л.П. Лашук, Б.Н. Мироновым, Б.Ф. Поршневым, Н.Н. Фирсовым. Социологи в чистом виде историко-социологические работы не проводили, если за таковые не считать так называемые повторные сравнительные социологические исследования. Исключение представляет, пожалуй, только И.С. Кон, который систематически использовал исторические данные для своих социологических обобщений. Его книги «Социология личности» (1967), «Открытие “Я”» (1978), «Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива)» (1988), «Сексуальная культура в России (клубничка на березке)» (1997), вышедшие огромными тиражами, до сих пор очень популярны.

О постсоветском времени можно сказать, что в этот период произошло пробуждение интереса к исторической социологии. Большая заслуга в этом принадлежит А.С. Ахизеру, А.Г. Вишневскому, И.А. Голосенко, И.С. Кону, Н.С. Розову, Н.В. Романовскому. Историки активно занимаются социальной историей, но к исторической социологии в большинстве относятся настороженно-скептически. Историографические традиции и недостаток квалификации собственно в социологии отчасти объясняют их позицию. Впрочем, то же самое наблюдалось на Западе в конце 1950–1960-х гг., накануне «золотого века» исторической социологии.

Краткий обзор состояния историко-социологических исследований показывает, что последние 50 лет социологи и историки идут навстречу друг другу, но до сих пор не стали настоящими коллегами и друзьями; до идеала, о котором мечтал Дюркгейм, еще очень далеко. В России, как и за границей, социальная история, не говоря об истории вообще, остается доменом историков, а историческая социология — социологов. Крайне редко встречаются ученые, которые, как Ч. Тилли или И.С. Кон, равно хорошо владеют ремеслом историка и социолога.

Глава I Социология российской колонизации

Ключевые понятия: *географическая среда, географический детерминизм, геополитика, демографический детерминизм, империя, индекс человеческого развития (индекс развития человеческого потенциала), колониализм, колонизация, модернизация, мультикультурализм, народность (народ), нация, национализм, национальное государство, национальный вопрос, природные ресурсы, экспансия территориальная, этнический статус, этнопатернализм, этнос.*

Жертва географии, тюрьма народов, колониальная империя, бедная страна — так часто презентуется Россия в отечественном и зарубежном массовом сознании и науке. А дискурс, как известно, конструирует социальную реальность. Поэтому-то наше Отечество и воспринимается россиянами и иностранцами как обреченное, империалистическое, криминальное и нищее. Что здесь справедливого и объективного, что вымышленного и мифологического?

I.1. Колонизация и ее факторы

В России экспансия и колонизация происходили рука об руку. Порой экспансию просто невозможно отделить от колонизации, так как в XVI–XIX вв. на просторах Евразии четкие государственные границы нередко отсутствовали, да и многие народы вообще не имели государственности. Тесное переплетение и совпадение во времени экспансии и колонизации делают целесообразным рассмотрение обоих процессов вместе, под углом зрения колонизации.

А. Колонизация: как это было

С 1646 по 1914 г. территория России увеличилась с 14,1 млн до 21,8 млн кв. км, или в 1,55 раза, а население — с 7 млн до 178 млн человек, или в 25,4 раза. Территория Европейской части страны за это время возросла с 4,1 млн до 4,8 млн кв. км, а население — с 6,7 млн до 143,3 млн человек (табл. I.1).

Только США опережали Россию по темпам роста населения: с 1790 по 1915 г. население США увеличилось с 3,9 млн до 100,5 млн, или в 25,8 раза, т. е. за 125 лет больше, чем в России за 267 лет. Все европейские страны по росту населения далеко отставали от России. Это привело к тому, что в 1760-е гг. Россия стала самым населенным государством в Европе. В 1762 г. на долю России приходилось 18 % населения всей Европы (23,2 млн из 130,0 млн), в 1800 г. — 22 % (39 млн из 175 млн), в 1850 г. — 27 % (68,5 млн из 255 млн), в 1910 г. — 32 % (161 млн из 505 млн). В 1914 г. на территории России в границах 1646 г. проживало 40 % всего населения, а на присоединенной территории — 60 %. Из этого следует, что основным источником роста населения в XVII–начале XX в. были присоединения, завоевания и естественный прирост нерусского населения. Представителям других этносов не запрещались миграции ни в

пределах Империи, ни за ее пределы, и они в такой же примерно степени переселялись на собственно русские земли, в какой русские переселялись на присоединенные. В 1897 г. на территории, инкорпорированной Россией после 1646 г., русских было 15,7 %; на российской территории в границах 1646 г. нерусских было 16,3 %. В основном русские переселялись на незаселенные земли Новороссии, Юго-Востока, Северного Кавказа и Сибири и очень мало — в регионы, занятые и освоенные другими народами. В Финляндии русские составляли 0,23 % всего населения, в Польше — 2,8 %, на Кавказе — 4,3 % и т. д., зато в Новороссии — 21,4 %, на Северном Кавказе — 42,2 %, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье — 57,9 %, Сибири — 76,8 % (табл. I.2).

Таблица I.1

Рост населения Российской империи в 1646–1914 гг.

Год	Все население, млн	Население в границах России 1646 г.		Население на присоединенной территории		Плотность населения в России, человек на 1 кв. км					
		млн	%	млн	%	В текущих границах	В границах 1646 г.	На присоединенной территории	Европейская Россия*	Европейская Россия**	Сибирь
1646	7,0	7,0	100	—	—	0,5	0,5	—	1,6	1,6	—
1678	11,2	9,6	85,7	1,6	14,3	0,8	0,7	5,3	1,7	1,7	—
1719	15,6	13,6	87,2	2,0	12,8	1,1	1,0	5,0	3,5	3,5	—
1762	23,2	18,1	78,0	5,1	22,0	1,6	1,3	—	5,2	5,2	0,1
1782	28,4	22,1	77,8	6,3	22,2	2,0	1,6	—	6,2	6,2	0,1
1796	37,4	23,8	63,6	13,6	36,4	2,3	1,7	5,4	7,5	7,5	0,1
1815	46,3	28,6	61,8	17,7	38,2	2,7	2,3	5,9	8,7	8,8	0,1
1858	74,5	40,8	54,8	33,7	45,2	4,1	2,9	8,2	12,4	12,4	0,2
1897	128,9	52,0	40,3	76,9	59,7	5,9	3,7	10,0	19,9	19,5	0,5
1914	178,4	73,0	40,9	105,4	59,1	8,2	5,2	13,7	27,0	26,6	0,8

* С Польшей, Финляндией, но без Северного Кавказа.

** Без Польши, Финляндии и Северного Кавказа.

В XVIII в., как и в XVI–XVII вв., основные потоки переселенцев направлялись в Черноземный центр и Поволжье, с 1780-х гг., после присоединения Крыма и до 1861 г., — в Новороссию, в Нижнее Поволжье и Приуралье; в последней трети XIX в., после окончательного завоевания Кавказа, — в Предкавказье, Новороссию, а также в Сибирь; в начале XX в. — в Сибирь. Миграция в Среднюю Азию была ничтожной. В целом за 1678–1915 гг. 39,4 % всех мигрантов поселилось в Сибири, 23,5 % —

в Новороссии, 19,1 % — на Северном Кавказе, 13,1 % — в Поволжье и Приуралье и 4,9 % — в Черноземном центре. До эмансипации переселенцы происходили в основном из нечерноземных губерний Севера, Северо-Запада, Центра и Белоруссии. С 1860-х гг. к ним добавились мигранты из Черноземного центра, Украины и Поволжья.

Таблица I.2

**Распределение русского населения по регионам
Российской империи в 1897 г.**

Район	Население, тыс.	Русские	
		тыс.	%
Бессарабская губерния	1935	156	8,1
Белорусско-Литовский	10063	566	5,6
Прибалтийский	2385	114	4,8
Украинские губернии	17134	1423	8,3
Польша	9400	267	2,8
Финляндия	2600	6	0,23
Средняя Азия	7700	588	7,6
Кавказ	5516	235	4,3
Новороссия	6296	1345	21,4
Нижнее Поволжье и Южное Приуралье	10115	5858	57,9
Северный Кавказ	3784	1595	42,2
Сибирь	5759	4424	76,8
Итого в границах 1897 г.	82687	16577	20,0
Территория в границах 1646 г.	45594	3912	8,6

Данные табл. I.3 дают представление о количестве переселенцев по различным направлениям миграций.

Таблица I.3

**Численность переселенцев по районам поселения
в 1678–1915 гг. (в тыс.)**

Район поселения	1678– 1740	1740– 1782	1782– 1858	1870– 1896	1897– 1915	1678– 1915
Черноземный центр	260	370	–	–	–	630
Север, Сибирь и Казахстан	90	–	517	926	3520	5053
Новороссия	–	135	1510	1045	333	3023
Поволжье и Приуралье	–	270	968	358	80	1676
Северный Кавказ	–	–	565	1687	296	2448
Итого	350	775	3560	4016	4229	12830

По национальному составу среди мигрантов преобладали русские, затем идут украинцы и белорусы. Представителей остальных народов было мало. Общее число переселенцев за 237 лет, 1678–1915 гг., оценивается в 12,8 млн человек, в том числе за 180 лет, в 1678–1858 гг., — 4,7 млн и за 57 лет, в 1858–1915 гг., — 8,1 млн. Значит, в среднем в год мигрировали в 1678–1858 гг. 26 тыс. человек, или 0,08 % всего населения, в 1858–1915 гг. — 143 тыс. человек, 1,2 % всех жителей страны. Представление о том, что население России *всегда* было очень подвижным, не соответствует действительности для периода с 1678 по 1858 г., когда в России существовало крепостное право, но, вероятно, справедливо для времени до середины XVII в. и в меньшей степени — для пореформенного периода. Например, по данным писцовых книг в 1498–1539 гг., мирный и благоприятный в экономическом отношении период, лишь 30 % крестьян оставались в домах своих отцов или обосновались в ближайшем соседстве, 36 % переехали в другие селения данного уезда и 20 % выселились за пределы своего уезда (о судьбе 14 % крестьян сведений нет). В годы кризиса, 1539–1576 гг., за пределы уезда выселилось до 60 % крестьян. Окончательное закрепощение населения в 1649 г. затормозило мощное миграционное движение, начавшееся в середине XVI в. Колонизация возобновилась с новой силой после эмансипации, поглощая около 77 % естественного прироста населения страны, что замедлило рост его плотности в районах старого заселения, но не остановило его совсем.

Б. Факторы расширения границ: геополитика и менталитет

Что стимулировало территориальную экспансию во второй половине XVII–начале XX в.? Преимущественно геополитические, а не экономические соображения — обеспечить прочные границы, обрести незамерзающие порты, воспрепятствовать захвату пограничных территорий соперниками или включить их в сферу своего влияния. При этом Россия приобретала лишь то, на что другие государства, как правило, не претендовали. Правящая элита рассматривала Россию законной наследницей и преемницей Киевской Руси и Золотой Орды и стремилась «собрать русские земли», которые в XI–XII вв. входили в состав Киевской Руси, а в XIII–XVI вв. — в состав Золотой Орды, под скипетр русского царя. Движение к Черному морю в первую очередь диктовалось стремлением укрепить южные границы и покончить с набегами крымских татар, которые в XVI–XVIII вв. захватили в плен сотни тысяч русских и продали их в рабство в Стамбуле. Движение к Балтийскому морю обуславливалось желанием обезопасить западные рубежи и иметь порты для экономических и культурных связей с Западной Европой.

Аннексия Северного Кавказа и Закавказья не может быть понята вне контекста войн с Ираном и Османской империей, аннексия Казахстана и Средней Азии — вне контекста противостояния между Россией и Великобританией и поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг., аннексия Дальнего Востока — вне контекста противоречий между Россией, с одной стороны, и Великобританией, Францией, США и Японией — с другой. Только в практически незаселенную Сибирь (в момент ее присоединения в начале XVII в. на территории площадью в 10 млн кв. км про-

живало примерно 200 тыс. человек коренного населения) русских влекла исключительно возможность воспользоваться ее природными богатствами; движение на Дальний Восток и в Среднюю Азию отчасти стимулировалось также стремлением получить источники сырья и рынки сбыта. Во всех других случаях стратегические соображения доминировали.

В массовом сознании крестьянства XVIII–XIX вв. обнаруживается убеждение об экстенсивном развитии как наиболее рациональной и эффективной форме ведения хозяйства, своего рода миграционная парадигма, которая делала крестьянина психологически подготовленным для переселения. Крестьяне идеализировали акт миграции, рассматривая его как уход от несправедливой «новизны» и перенесение на новое место справедливой «старинной», как поиск рая на Земле на далеких землях. Легенда о Беловодье — земле, где человека ожидает полное благополучие и свобода, — бытовала среди крестьян до начала XX в. Это служило психологической предпосылкой массовых миграций.

В. Факторы расширения границ: экономика

Что же касается собственно колонизации, то она, как это ни парадоксально, стимулировалась возникновением *относительного аграрного перенаселения* и вызываемого им кризиса данной — какой бы она ни была — системы хозяйства. Каждой системе хозяйства соответствует предельная плотность населения, могущего себе найти в условиях данного строя хозяйства необходимые средства существования. При достижении этого предела наступает аграрное перенаселение — относительный недостаток земли, выход из которого возможен либо путем перехода к более интенсивному хозяйству, либо с помощью эмиграции. Переход к новой системе земледелия требует времени, знаний, средств и психологической перестройки; к этому способу люди обращаются лишь тогда, когда отсутствует возможность миграции. У россиян почти всегда существовала возможность для колонизации — вот почему они чаще всего обращались именно к переселению, а не к интенсификации земледелия.

С 1860-х гг. основными губерниями выхода крестьянства являлись те, где земельная теснота достигла такой остроты, что даже зажиточные крестьяне страдали от малоземелья, — это черноземные центрально-земледельческие, украинские и средневожские губернии старого заселения. Из них в 1870–1896 гг. выселилось 3,4 млн человек, что составляло 12,2 % сельского населения этих губерний в 1897 г. и около 87 % всех российских переселенцев. Аграрное перенаселение больше всего ощущалось в районах господства крепостничества, потому что крепостное право затрудняло свободные миграции людей.

Вплоть до середины XVI в. русские сосредоточивались на Севере и в нечерноземной части Русской равнины, так как Казанское, Астраханское и Крымское ханства парализовали колонизационное движение на Юг и Восток, хотя вся южная плодородная, черноземная половина Русской равнины представляла собой безлюдную степь и крайне редко была заселена Сибирь. После взятия Казани и Астрахани потоки переселенцев устремились в Черноземный центр, Камский край и Приуралье, благодаря чему центр населенности стал перемещаться с Севера на Юг. До начала XVIII в.

2/3 населения Европейской России проживало в северной и лесной зонах; в 1914 г. там осталась лишь треть, а 2/3 населения стало проживать в более благоприятной для земледелия лесостепной и степной зонах.

Перемещение центра хозяйственной деятельности на Юг чрезвычайно способствовало увеличению экономического потенциала страны, главным источником которого являлось сельское хозяйство. Экспансия в южном направлении увеличивала не только общий земельный фонд, но и степень его использования, так как по мере передвижения границы на юг доля земли, пригодной для земледелия и скотоводства, возрастала: с 1696 по 1914 г. *процент окультуренной земли* повысился более чем в 2 раза — с 24 до 52 %. И хотя Россия по-прежнему уступала по этому показателю большинству стран Западной Европы, где он составлял на рубеже XIX–XX вв. около 60–70 %, исключая Норвегию, Швецию и Финляндию, достижение даже 52 % освоения земельного фонда Европейской России стало возможным только благодаря увеличению территории в благоприятных земледелию регионах.

Продвижение на Юг уменьшало издержки производства и повышало производительность общественного труда. На протяжении XVIII – начала XX вв. производительность труда в районах земледельческой колонизации была в 2–3,8 раза выше, чем в районах старого заселения, несмотря на то что в последних удобрения стали понемногу входить в практику земледелия еще в XVI в., в течение XIX в. их применение там стало повсеместным, в то время как в районах колонизации удобрения начали использоваться лишь с конца XIX в. и в начале XX в. они еще не вошли прочно в сельскохозяйственный быт (табл. I.4).

Г. Экстенсивная и интенсивная стратегия развития

Экстенсивный путь развития экономики был неизбежным для России, более того — оптимальным. Интенсификация требует огромных затрат капитала и, если иметь в виду мировой опыт, как правило, происходит тогда, когда существует избыток труда, недостаток земли и достаток капитала. В России всегда был избыток земли и недостаток капитала, поэтому возникший в отдельных районах избыток труда переливался в районы избытка земли и недостатка труда. Если количество сельскохозяйственных орудий и скота принять за показатель склонности к накоплению, то оказывается, что того и другого крестьяне держали ровно столько, чтобы удовлетворить текущие потребности. В 1910 г., согласно данным первой и последней переписи сельскохозяйственного инвентаря, на 1 хозяйство приходилось 1,1 орудия вспашки (из них только 34 % были усовершенствованными или железными, остальные деревянными) и 1,4 орудия рыхления почвы (из них лишь 5,4 % были железными или усовершенствованными). Сельскохозяйственные машины использовались мало: 12,5 % всех хозяйств применяло веялки, 4 % — жатвенные машины, 3,1 % — молотилки, 1,5 % — сеялки и 0,5 % — сенокосилки. Машины имелись главным образом у владельцев земли на праве частной собственности. Но и среди них подавляющее большинство имели такие же орудия, как и общинные крестьяне. Положение с рабочим скотом тоже было напряженным: в Европейской России в 1870 г.

на один крестьянский двор приходилось 1,3 рабочей лошади, в 1900 г. — 0,92, в 1916 г. — 1,1 лошади.

Таблица 1.4

**Производительность труда в зерновом производстве
в регионах Европейской России в XVIII–XX вв.**

Показатели	Районы старого заселения						Районы колонизации			
	Север	Северо-Запад	Нечерно-земный центр	Белорусско-Литовский	Правобережная Украина	Левобережная Украина	Черноземный центр	Поволжье	Северный Кавказ	Новороссия
Урожайность зерновых, ц/га, 1860-е гг.	6,1	5,6	5,9	4,8	5,6	4,5	6,3	4,9	5,2	3,6
Урожайность зерновых, ц/га, 1900–1910 гг.	7,6	7,0	7,0	6,9	11,0	8,3	8,2	6,7	8,7	7,5
Затраты труда на 100 га, чел.-дни*	4920	3590	3030	3020	2800	2800	2309	1645	1580	1430
Отношение региональной производительности труда к минимальной по России, 1750–1800 гг.	100	108	129	124	224	161	250	305	—	—
То же, 1860-е гг.	100	127	157	129	163	129	222	241	267	204
То же, 1901–1910 гг.	100	127	149	148	255	192	230	262	357	333

* По данным исторических экспериментов, имитировавших земледелие при трехпольном севообороте в условиях безмашинной техники и без применения удобрения.

Главная причина слабого накопления состояла в отсутствии соответствующей мотивации у населения. Капитал — это труд в превращенной форме, поэтому для его создания необходимо предварительное использование труда без непосредственного результата, а во имя будущего дохода. Капитал предполагает накопление, сопряженное с принесением в жертву настоящей выгоды ради будущей. Надежда на будущий доход предполагает осознание идеи, что капитал, используемый в производстве, обладает способностью не только воспроизводить себя, но и давать некоторую прибыль. Идея накопления, предварительного использования труда ради получения прибыли в будущем была чужда русскому крестьянину, озабоченному текущей минутой. Отсюда мотив к накоплению у него был весьма слабым, что усугублялось недостатком бережливости и предус-

мощности, небрежным отношением к природным ресурсам и неуважением к собственности, не только чужой, но даже своей.

Подчеркнем, что парадигма экстенсивности утвердилась бы в сознании любого народа, если бы он находился в тех же условиях, что и россияне. В соответствии с законом падающей производительности земли (в современной трактовке, закон убывающей производительности любого переменного ресурса при прочих фиксированных) *интенсивное* производство практикуется только там, где существует недостаток земли, и наоборот, где налицо избыток земли, там господствует *экстенсивное* земледелие. Причина этого состоит в том, что издержки интенсивного земледелия *гораздо выше*, чем при более примитивной системе ведения хозяйства. Следовательно, экстенсивное земледелие при наличии запаса земель является наиболее рациональным способом ведения хозяйства. И оно в свое время встречалось всюду, где существовал свободный фонд земель, а в США, Канаде, Австралии и некоторых других странах оно наблюдалось и в XIX в., хотя фермеры приехали из Европы, где давно практиковалось интенсивное земледелие.

Таким образом, экстенсивный путь развития российского сельского хозяйства был оптимальным для России вплоть до начала XX в.: он не только поддерживал скромный жизненный уровень (поскольку крестьянство как до эммансипации, так и после нее в основном удовлетворяло свои потребности), но и создавал прочный запас ресурсов для будущего развития.

1.2. Последствия колонизации: природные ресурсы

А. От бедности к богатству

Среди исследователей нет единого мнения о влиянии географической среды на экономику, общество и культуру. Одни исследователи отмечают богатство природных ресурсов России, другие — их недостатки: континентальность климата, общий дефицит тепла и влаги, непригодность значительной территории для земледелия, отсутствие значительных минеральных источников в европейской части страны, особенно до XIX в., отдаленность от моря, невысокое плодородие почв, исключая черноземы, которые занимают относительно небольшое пространство, и т. д. Кто же прав?

Географические условия для сельскохозяйственного производства в России сравнительно со странами Западной Европы действительно имеют ряд недостатков. Но не следует их и преувеличивать — сами недостатки иногда переходят в достоинства и наоборот — достоинства в недостатки. Например, континентальный климат оказывает некоторое отрицательное влияние на сельское хозяйство, но он обладает и некоторыми плюсами. Более жаркий и влажный в весеннее и летнее время климат позволял выращивать однолетние культуры значительно севернее, чем в других странах. Например, хлопок возделывался в России под 42 градусами северной широты, а в США — под 38. Злаки, включая пшеницу, произрастали в России севернее, чем в других европейских странах, в самых северных российских губерниях — Архангельской, Вологодской и Олонецкой, причём урожай в XVI–первой половине XIX в. там были выше, чем в среднем по России и в более южных губерниях Нечерноземной стороны.

Россия сравнительно с европейскими странами хуже обеспечена осадками — на рубеже XIX–XX вв. среднегодовое количество осадков (470 мм) было на треть меньше, чем в соседних провинциях — Германии и Австро-Венгрии, и вдвое меньше, чем в Северо-Западной Европе, а также в земледельческих штатах США. Однако недостаток осадков хотя бы отчасти компенсировался снеговой водой, а избыток осадков не менее вреден, чем их недостаток. Средний уровень естественного плодородия земли в России был ниже, чем в остальной Европе. Но русскому чернозему по естественному плодородию не было равных в мире, а он был распространен в 189, или 38 %, из 497 обследованных к концу XIX в. уездах России. Серые лесные почвы, преобладавшие в 20 уездах, или 4 % всех уездов, были также достаточно плодородны, а менее плодородные дерново-подзолистые почвы (в 167 уездах, или в 34,4 % всех уездов) имели свои преимущества — при их забрасывании они увеличивали свое плодородие и пашня могла быть легко восстановлена крестьянином, на чем была основана залежная система земледелия. В отличие от дерново-подзолистых почв легкая и плодородная почва в гористых и холмистых районах Западной Европы, в частности в Средиземноморье, при забрасывании пашни, что случалось в периоды упадка и сокращения населения, не могла быть восстановлена, так как почвенный слой с невозделанных полей смылся, в результате чего пахотные угодья сокращались.

В лесной зоне России земледелие на мелких участках было невыгодно, а более крупные массивы требовали использования тяглогового скота, так как одним ручным трудом обойтись здесь было невозможно. Это делало необходимым органическое соединение земледелия и скотоводства. Аномальные климатические условия в России XII–XX вв. в целом находились на уровне европейских, а циклические колебания климата в разных европейских странах были синхронными. Таким образом, климат и почвы в России и на Западе различались, причем столь существенно, чтобы видеть в них факторы, способные объяснить различия в их социальной и экономической истории.

Определенное значение имели также другие особенности природных условий в России, но и их роль не следует переоценивать. Большая часть России отдалена от моря, и ее береговая линия слабо изрезана. На всем пространстве Западной Европы нет ни одного пункта, который отстоял бы от моря дальше, чем на 300 км, в то время как расстояние от Москвы до моря — 650 км, а от Уральских гор — более 1100 км; кроме того, большая часть российского побережья не имела транспортного значения. Эти обстоятельства затрудняли торговые сношения с другими странами. Зато Европейская Россия располагала развитой системой судоходных рек, которые чрезвычайно облегчали торговлю не только внутри страны, но и с внешним миром.

Известно, что оптимальное разнообразие географических условий наиболее благоприятно воздействует на общественное развитие и способствует разделению труда. В этом отношении Россия имела худшие по сравнению с Западной Европой показатели — ее природные условия вследствие равнинного характера поверхности, несмотря на огромную площадь, срав-

нительно однообразны; отдельные природные ландшафты занимали громадное пространство и поэтому находились на большом расстоянии друг от друга. Это обуславливало однообразие экономической деятельности населения и замедляло развитие разделения труда, но не блокировало его. До XIX в. разделение труда принимало преимущественно форму регионального и в меньшей степени деревенско-городского разделения труда — не столько город и деревня вступали в торговый обмен друг с другом, сколько один обширный район определенной специализации вступал в отношения обмена с другими обширными районами иной специализации. Однако деревенско-городское разделение труда в большей степени тормозилось не природными, а социально-экономическими факторами — отсутствием четкого размежевания города и деревни до реформ 1775–1785 гг., отсутствием монополии городского сословия на ремесленно-торговую деятельность и преимущественно административно-военным и аграрным характером городских поселений вплоть до начала XIX в. Вследствие этого столь характерный для Европы начиная со средневековья городской район, объединявший тесными торгово-экономическими связями город и его округу в единый экономический комплекс, не получил в России развития. Усовершенствование транспорта и дорожное строительство в XIX–начале XX в. преодолевали фактор отдаленности специфических ландшафтных зон друг от друга, но этот процесс происходил медленно, параллельно прогрессу в видах транспорта и качестве. Однако и в природном однообразии Русской равнины имелся *положительный момент* — оно облегчало миграции населения и способствовало освоению равнины на всем ее огромном пространстве. Географической особенностью России являлось окраинное размещение по ее поверхности гор, где до 1917 г. были сосредоточены открытые к тому времени минеральные богатства и строительный камень. При примитивном транспорте это тормозило развитие горной, а вместе с тем и всей промышленности, поскольку уголь и железно являлись основой промышленного развития в XVIII–начале XX в., и обуславливало использование недолговечного дерева для строительства жилищ и дорог. Развитие транспорта отчасти преодолеvalo этот недостаток, но все равно промышленное сырье приходилось перевозить на большие расстояния, что удорожало конечный продукт.

Отдаленность от первоначальных очагов мировой культуры и от моря, огромная протяженность расстояний, однообразие природы, континентальность климата и другие географические особенности оказывали некоторое негативное влияние на экономическое развитие, но всего этого явно недостаточно, чтобы объяснить экономическую отсталость России и специфику ее общественных и политических институтов. Тем более что недостатки качества природных ресурсов с лихвой компенсировались их количеством. США в XVIII в. представляли первобытную, сравнительно с Западной Европой, и незаселенную страну, которая всего через одно столетие превратилась в первую державу мира. Между тем по своим природным условиям США значительно ближе к России, чем к Западной Европе, — и по континентальности климата, и по отдаленности от моря, и по сравнительному однообразию природы. Несмотря на

это США в относительно короткий срок сумели освоить пространство с помощью гигантской сети железных дорог, отвоевать путем расчистки огромные площади у леса под сельскохозяйственные культуры, победить засуху с помощью орошения и специальной агротехники, наконец, найти громадные запасы полезных ископаемых. Однако источником изобилия ресурсов в Америке стало не само по себе природное богатство. Изобилие принесли интенсивные геолого-разведочные работы, применение новых технологий добычи, обогащения и переработки сырья, расширение рынков и рост инвестиций в развитие транспорта. Но, пожалуй, в еще большей степени оно стало результатом деятельности юридических, институциональных и политических структур, оказавших влияние на все перечисленные факторы.

Таким образом, изобилие природных ресурсов, так же как и технологические достижения, — социально обусловленный феномен. Как сейчас, так и прежде действительной причиной бедности страны является не бедность природы, а неспособность разработать имеющиеся значительные запасы ресурсов. И никто лучше, чем Япония, не доказывает этот тезис.

Несмотря на некоторые недостатки природной среды в России, именно ее природа позволяла производить в больших количествах зерно, лен, пеньку, кожи, мех, шерсть, сало, рыбу, икру, которые долго обеспечивали положительное сальдо ее торгового баланса. По своим минеральным богатствам Россия в XVIII—начале XX в. также не была бедной — не может бедная ресурсами страна жить за счет экспорта нефти, газа, угля, железа и др. И если она уступала некоторым странам Западной Европы и США в XVIII—XIX вв., то только потому, что была еще весьма слабо изученной в геологическом отношении. Это следует из того, что по состоянию на 1985 г. с точки зрения освоенных природных ресурсов на душу населения Россия была на равных с США, на треть превосходила Англию, в 3 раза — Германию и Францию и в 13 раз — Японию.

Считается, что продуктивность посевов в России ниже сравнительно со среднемировым уровнем в 3–5 раз вследствие общего дефицита тепла. Однако этот недостаток компенсируется количеством водных, земельных и лесных ресурсов, по обилию которых России нет равных в мире, — на 1998 г. удельная обеспеченность водным стоком для водопотребления равнялась 85 куб. м на человека в сутки (в 3,7 раза больше среднемировой), обеспеченность пахотными угодьями — 0,85 га на человека (в 6,1 раза больше среднемировой), обеспеченность лесом — 560 куб. м на человека (в 8 раз больше среднемировой).

Б. Географический детерминизм

Некоторые исследователи считают, что географические особенности России решающим образом повлияли на ее историческое развитие и формирование социально-политических институтов. По их мнению, низкая агротехническая культура, небольшие запашки, низкий уровень производительности труда в сельском хозяйстве в московский и императорский периоды были вызваны низким естественным плодородием почвы, а главное — недостатком рабочего времени, так как климат позволял выпол-

нять сельскохозяйственные работы лишь в течение 5 месяцев (с начала мая по начало октября — по Григорианскому календарю), в то время как в западноевропейских странах нерабочими были только декабрь и январь.

Поскольку страна была аграрной, то и низкий объем совокупного прибавочного продукта имел тот же источник. Для изъятия небольшого прибавочного продукта у производителей с целью перераспределения его в интересах всего общества, а также для регулирования социальных и экономических отношений потребовалось установить режим крепостничества, а чтобы этот режим поддерживать, необходимо было сильное государство. Низкие урожаи приводили к постоянному недоеданию — вплоть до начала XX в. крестьянин потреблял около 1500–2000 килокалорий, а потребность составляла 3000. При малодоходном, неустойчивом и рискованном хозяйстве можно было выжить только в случае солидарности крестьянства. Отсюда произошли общинные формы жизни, поскольку община обеспечивала взаимную поддержку, помогала бедным и т. п., а развитие института частной собственности на землю задержалось. Словом, все проблемы России в ее климате и почвах. Как можно оценить данную точку зрения, попадающую под понятие географического детерминизма?

Роль географической среды, в которой происходило развитие России, велика, особенно на ранних стадиях. Например, бесспорно влияние климата на земледелие, животноводство и другие виды сельскохозяйственной деятельности, непосредственно связанные с биосферой. Среда обитания оказывает влияние на социальные процессы и, как теперь полагают ученые-социобиологи, на популяционную генетику человека, на социальное поведение и социальную и этническую психологию. Однако это влияние отнюдь не решающее. Кроме того, влияние климата и географии вообще на общественные и политические институты, социальные напряжения, политику, цены и т. д. — опосредовано и усложнено воздействием других факторов, отделить которые друг от друга и оценить точно, статистически их влияние на общество и человека не представляется возможным. В силу этого общие соображения о влиянии географической среды на отдельные институты, модели поведения, социальные и экономические процессы и политические явления в жизни общества носят предположительный, а часто просто гадательный, спекулятивный характер, так как не могут быть подкреплены эмпирическими данными.

Например, суровость климата — факт. Канадские метеорологи сравнили климат в России и в Канаде — одной из самых суровых по климатическим условиям среди развитых стран. В 1920 г. среднестатистический житель России жил на территории, где средняя температура января составляла -11°C , а в 1920 г. почти на градус ниже ($-11,9^{\circ}\text{C}$), в Канаде соответственно $-10,1^{\circ}\text{C}$ и $-8,9^{\circ}\text{C}$. Но если суровость климата имеет для России решающее, фатально негативное значение, то как объяснить, что народы ряда западноевропейских стран (Финляндии, Норвегии), проживая в еще более суровых природных условиях, не испытали их травматического воздействия? А как объяснить, что народы Германии, Дании, Канады, Нидерландов, Швеции, Северной Англии и Ирландии, находясь в примерно таких

же условиях, знали феодализм, ренессанс, реформацию, а Россия нет, и намного раньше нее расстались с общинными отношениями, коллективной собственностью, крепостным правом, всеобщей государственной властью и полюбили частную собственность, индивидуальную ответственность, демократию и интенсивный труд? Это возможно объяснить только тем, что действовали другие, кроме природных, факторы, роль которых не учитывается. Пример Нидерландов и Японии — стран с ничтожной территорией и бедными природными ресурсами — также показывает, что не ресурсы главное. Своему неожиданному для всех взлету и могуществу Нидерланды в XVIII в. и Япония в XX в. были обязаны трудовым подвигам собственного населения.

Во многих случаях сторонники географического детерминизма используют несостоятельные предпосылки для своих построений. Возьмем к примеру тезис о хроническом недоедании, которым якобы страдали российские жители и из которого выводится склонность к солидарности и общинным формам жизни. По биологическим законам невозможно, чтобы в течение нескольких столетий народ хронически и значительно — на 30–50 % потреблял меньше, чем требует физиологическая норма. В этом случае он просто вымер бы, а не колонизовал или завоевал 21 млн кв. км территории. Тезис о хроническом голодании находится в противоречии с фактами. По мнению иностранных наблюдателей XVI–XVII вв., в России был здоровый климат, продукты питания производились в избытке, русские отличались выносливостью, физической силой, здоровьем и долговечностью. Например, известный немецкий ученый Адам Олеарий, проживавший в России в 1633–1639 гг. и написавший о ней самую известную и знаменитую книгу в XVII в., указывал: «Хотя холод у них зимою велик, тем не менее трава и листва весною быстро выходят наружу и по времени роста и созревания страна не уступает Германии»; «почва и кусты покрываются как бы одеждою (снегом. — *Б. М.*) и охраняются от резкого холода... У них нет недостатка в тех плодах земли, которые необходимы для обыкновенного питания в жизни. Отсутствие некоторых плодов и растений следует приписать не столько почве и воздуху, сколько небрежности и незнанию жителей... Народ здоровый и долговечный. Недомогает он редко... Русские являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару... Женщины среднего роста, красиво сложены, нежны лицом и телом... Мужчины большей частью рослые, толстые и крепкие люди, кожу и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами». Заметим, что это писалось о русской ойкумене — Нечерноземном центре первой трети XVII в.

Наблюдения Алеария подтверждаются современными исследователями. В XV–XVI вв. сельское хозяйство (агротехника, урожаи, продуктивность животноводства) России и европейских стран со сходными природными условиями (Польша, Германия и др.) находилось примерно на одинаковом уровне, и лишь в последующем, особенно в XVIII–XIX вв., обнаружилось отставание. Крестьянство самой северной части Русского государства в XV–XVI вв. (новгородские земли и Поморье) обеспечивало хлебом и себя, и городское население. Не страдали дистрофией рос-

сийские жители в XVII в. и имели рост примерно такой же, как и их соседи в странах Центральной, Восточной и Западной Европы.

Противоречит фактам и основной тезис построений о недостатке рабочего времени для сельскохозяйственных работ (ввиду континентальности климата) как о решающем факторе экономической отсталости. По данным на конец XIX в., в самом северном губернском городе России Архангельске в году было 185 дней с температурой выше 0 °С, когда можно было производить сельскохозяйственные работы, и 125 дней — с температурой выше 6 °С, при которой происходит рост злаков, в Москве — соответственно 220 и 165 дней, в Одессе — 285 и 225 дней, в Ялте, самом южном городе Европейской России, — 365 и 285 дней. Значит, сельскохозяйственные работы в течение года в нечерноземной полосе могли производиться 6–7 месяцев в году, а в черноземной полосе — от 7 до 9 месяцев. В остальное время крестьяне могли заниматься неземледельческими промыслами, так как в России в отличие от многих европейских странах закон не запрещал им заниматься торговлей, ремеслом, кустарной промышленностью, что, кстати, многие земледельцы и делали. Тезис о недостатке рабочего времени находится в противоречии с тем, что православные русские люди имели большее число праздников, чем протестанты, католики и мусульмане, проживавшие с ними бок о бок, — в начале XX в. вместе с воскресными днями от 120 до 140 в год против 80–120 у других народов, причем большинство их приходилось на весну и лето.

Еще более спекулятивный характер имеют попытки связать с географическими условиями существования человека явления культуры, нравы и психологию народов. Например, классик российской историографии С.М. Соловьев объяснял суровыми природными условиями суровость русских нравов и исключение женщин из общественной жизни. Другой классик — В.О. Ключевский тесно увязывал с природой «народное хозяйство и племенной характер великоросса». События порассуждать на тему о влиянии русской природы на российскую историю и культуру поддавались многие знаменитые русские люди. Н.А. Бердяев считал главным фактором пространство: «Русская душа ушиблена ширью; она находится под своеобразным гипнозом безграничности русских полей и русского государства». В.В. Розанов видел проблему в температуре и длинных ночах: «Мало солнышка — вот все объяснение русской истории. Да долгие ноченьки. Вот объяснение русской психологичности». Подобные примеры легко продолжить. Умозрительные рассуждения такого рода имеют место и в настоящее время, в особенности в современной культурологии, усматривающей в географии России природные предпосылки российской ментальности. Все они уязвимы для критики и опровергнуть их не представляет трудности.

В. Демографический детерминизм

Детерминизм демографический столь же односторонен, как и географический, и потому неприемлем. Признание этого, однако, не означает полного отрицания влияния демографии на исторический процесс. Убедительными выглядят предположения, связывающие социальные и экономические явления с ростом плотности населения, которая в свою оче-

редь находилась в тесной связи с территориальной экспансией. Например, изменение форм землевладения, вероятно, до некоторой степени обуславливалось плотностью населения. А.А. Кауфман, изучавший эту проблему на примере Сибири, установил, что при наличии фонда свободных, «ничейных» земель господствовало «захватное», индивидуальное землевладение, — каждое хозяйство захватывало столько земли, сколько было в состоянии обработать.

Исчерпание свободных земель побуждало земледельцев искать тот или иной способ закрепления земли за хозяйствами, что могло произойти в форме частной или коллективной собственности. Но для появления частного землевладения требовался ряд дополнительных условий — развитость рыночных отношений, превращение земли в товар, личная свобода, индивидуалистический менталитет и т. д., которые в центральных регионах европейской части России в момент исчерпания фонда свободных земель, в XV–XVI вв., отсутствовали. В Сибири важным фактором перехода от захватного к передельно-общинному землевладению служили традиции, принесенные переселенцами из Европейской России, а также склонность коронной администрации поддерживать общинно-передельные порядки как более удобные для управления крестьянами. Таким образом, не якобы присущая русским людям солидарность, не континентальный климат и частые стихийные бедствия, а ряд экономических, юридических и социальных факторов способствовал утверждению в России коллективного землевладения, а наличие свободного фонда земель лишь задерживало переход от коллективной к частной форме землевладения. Резонно предположить, что низкая плотность населения оказывала некоторое влияние также на возраст вступления в брак (это были очень молодые люди) и количество детей (семьи были многодетными). Благодаря наличию большого фонда свободной земли при возможности ее колонизации у крестьянского населения России вплоть до середины XIX в. не было серьезных стимулов откладывать вступление в брак или вообще от него отказываться, а также регулировать рождаемость.

Рост плотности населения постоянно толкал крестьянство не только к колонизации, но и к интенсификации земледелия. Но до 1861 г. этот процесс развивался очень слабо, что следует из того, что урожайность в течение XVI–первой половины XIX в. была стабильна либо имела тенденцию снижаться. С отменой крепостного права интенсификация в Европейской России стала проходить более быстрыми темпами под влиянием сильного аграрного перенаселения. В 1861–1913 гг. за 52 года урожайность на крестьянских землях выросла на 69 % — больше, чем за предшествовавшие 350 лет. Одновременно вследствие роста сельского населения величина земельного надела на душу мужского пола с 1861–1870 по 1891–1900 гг. сократилась в среднем по Европейской России с 5,3 до 2,8 га. В результате возникло относительное аграрное перенаселение: по разным оценкам его величина к 1900 г. составляла от 22 до 52 % от общего числа работников.

Интенсификация производства предшествовало или ее сопровождало снижение жизненного уровня. С середины XIX в. до 1870-х гг. в целом

наблюдалось ухудшение качества питания низших и средних слоев деревни и низших слоев городского населения, т. е. большинства населения России; параллельно этому происходило уменьшение роста новобранцев и увеличение доли тех из них, которые забраковывались по медицинским показателям для службы в армии.

Связь между падением жизненного уровня и интенсификацией производства не была специфически российским явлением. Обычно именно снижение качества жизни вследствие возросшей плотности населения заставляет людей осознать кризис данной системы земледелия и перейти к другой, более интенсивной системе. До тех пор, пока крестьянство находило альтернативу интенсивности в колонизации, оно прежде всего использовало миграцию как наиболее легкий и дешевый способ борьбы с перенаселением и лишь во вторую очередь — интенсификацию земледелия как более дорогой и трудный способ борьбы с ним. Когда колонизация перестала решать проблему перенаселения, крестьяне в первую очередь обратились к интенсификации и во вторую очередь — к другим средствам, включая переселения. Эта зависимость объясняет, почему российское крестьянство до 1861 г. предпочитало колонизацию, а после нее — интенсификацию или, по крайней мере, сочетание интенсификации с колонизацией. К середине XIX в. фонд свободных земель в Европейской России был в значительной степени исчерпан, а переселение в Сибирь само по себе требовало больших средств и являлось несравненно более тяжелым предприятием, чем колонизация в пределах Европейской России, как в экономическом, так и в психологическом отношении.

Совпадение в пореформенной России перехода к более интенсивной системе земледелия с кризисом старой системы земледелия, аграрным перенаселением и падением жизненного уровня крестьянства является серьезным аргументом в пользу того, что давление роста населения способствовало интенсификации сельского хозяйства. Однако рост плотности населения не являлся решающим фактором. Если в качестве показателя степени интенсификации земледелия взять чистый доход с гектара земли, а в качестве показателя плотности населения — величину земельного надела на душу сельского населения, то связь между этими показателями для 50 губерний Европейской России в 1900 г., оцененная с помощью коэффициента корреляции, составляла 0,60. Это означает, что плотность населения могла обуславливать интенсификацию земледелия не более чем на 36 % (квадрат коэффициента корреляции).

Таким образом, социально-экономические процессы в России, как и в других странах, испытывали многоплановое воздействие демографического фактора. Однако нет оснований возлагать на него всю ответственность за своеобразие национальных социальных и политических институтов, что всегда и везде было делом рук человеческих, а не стихийных сил природы. Некоторые исследователи полагают, что если бы за Уралом плескался океан, то россияне оказались бы в «золотом миллиарде», что означает признание решающей роли демографического давления на экономические и культурные успехи народа. Представим, что было бы с Россией, останься она в границах 1646 г. Если бы все русские люди в 1897 г., которых насчитыва-

лось 55,7 млн, оставались на территории европейской части страны в границах 1646 г., то к 1897 г. плотность населения здесь увеличилась бы примерно в 8 раз и составила около 14–16 человек на 1 кв. км, как в Англии и Франции в XI в., в Германии и других западноевропейских странах в XVII в. Такой плотности населения обычно соответствует трехпольная система земледелия без активного использования удобрения. Между тем фактически в 1897 г. на территории в границах 1646 г. проживало 50 млн — всего на 11 % меньше контрфактического расчета, а плотность населения составляла 12–14 человек на 1 кв. км. В целом же в европейской части страны без Финляндии фактическая плотность населения в 1897 г. в два раза выше — 24 человека на 1 кв. км, а применение удобрения в сельском хозяйстве конца XIX в. стало почти всеобщим явлением. Следовательно, территориальная экспансия приводила к росту плотности населения и не препятствовала экономическому развитию России, так как она инкорпорировала не только пустующие земли, но и густонаселенные районы с более развитой, чем на собственно русской территории, экономикой.

Увеличение плотности населения постоянно заставляло людей искать способы борьбы с относительным перенаселением. Различные народы выбирали разные пути в зависимости от природных условий, политических и социальных институтов, менталитета, традиций, обычаев и закона: сокращение рождаемости, или уменьшение числа детей в семье, сначала через увеличение возраста вступления в брак, затем с помощью различных методов контрацепции; переключение населения из сельского хозяйства в промышленность, ремесло и торговлю; эмиграции; экспансия и колонизация. Россия долгое время предпочитала колонизацию, и этот способ борьбы с перенаселением являлся оптимальным для населения, не имеющего капитала, но богатого рабочими руками и землей.

1.3. Последствия колонизации: многонациональная империя и национальный вопрос

Хотя и до середины XVII в. Россия, как практически все европейские государства, была многонациональна, однако территориальная экспансия привела к тому, что Россия превратилась в многонациональную империю, в которой «титупная» нация оказалась в меньшинстве. В 1646 г. на долю русских приходилось около 95 % всего населения страны, к 1917 г. — 44,6 %, следовательно, на долю около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку и культуре, — 55,4 % (табл. 1.5).

Итак, территориальная экспансия имела тот фундаментальный результат, что превратила Россию в многонациональную империю и породила острые национальные конфликты. Накануне своего крушения в 1917 г. Россия была в политическом смысле унитарным, централизованным государством, полную автономию имели только Финляндия, Бухара, Хива и Урянхайский край, или Тува.

Одна часть территории России оказалась в составе Империи в результате завоевания (Прибалтика, Польша, Финляндия, Северный Кавказ, Средняя Азия), другая часть была присоединена по договору (Левобережная Украина, Грузия, Бессарабия, некоторые земли Азербайджана и Казах-

стана), третья часть была инкорпорирована в ходе хозяйственной колонизации (Север, некоторые земли Поволжья и Сибири). Все государства мира в XVIII – начале XX в. использовали указанные способы увеличения своей территории, так как все они в то время признавались международным правом как легитимные. Например, США в результате войны с Мексикой в 1846–1847 гг. захватили 1,36 млн кв. км площади (более половины первоначальной территории Мексики), на которой впоследствии разместилось 7 штатов.

Таблица I.5

Этнический состав населения России в 1719–1914 гг. (в %)

Этнос	1719	1762	1795	1857	1914
Русские	70,7	62,3	48,9	45,9	44,6
Украинцы	12,9	14,6	19,8	17,1	18,1
Белорусы	2,4	6,7	8,3	5,3	4,0
Эстонцы	2,0	1,7	1,2	0,9	0,7
Татары	1,9	3,3	1,9	2,6	1,8
Чуваши	1,4	1,2	0,9	0,7	0,6
Калмыки	1,3	0,3	0,2	0,2	0,1
Башкиры	1,1	0,6	0,5	0,8	1,0
Латыши	1,0	1,3	1,8	1,3	1,0
Финны	1,0	2,7	2,2	2,2	1,0
Мордва	0,7	0,9	0,8	0,9	0,7
Немцы	0,2	0,2	0,6	1,1	1,4
Поляки	–	0,2	6,2	5,3	6,5
Евреи	–	0,2	1,4	2,7	4,2
Казахи	–	–	–	2,2	2,7
Армяне	–	–	–	–	1,2
Азербайджанцы	–	–	–	–	1,2
Узбеки	–	–	–	–	1,2
Литовцы	–	–	2,0	1,6	1,0
Грузины	–	–	–	–	1,0
Молдаване	–	0,5	0,5	1,0	0,7
Другие	3,4	3,3	2,8	8,2	5,3
Итого, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Итого, млн	15,7	23,6	41,2	75,9	171,8

Полный императорский титул отражал рост Российского государства, законность завоеваний и присоединений, поскольку признавался всеми государствами, с которыми Россия имела дипломатические отношения. Напомним этот титул: «Божиею поспешествующею милостью, Мы, NN., Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь

Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и вся северная страна Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая». Единство империи обеспечивалось и олицетворялось императором и клятвой на верность со стороны местных элит. Восшествие на престол каждого нового императора сопровождалось личной клятвой всего населения империи.

При всех трениях, а иногда и открытых выступлениях против доминирования Петербурга, которые сравнительно легко, хотя и жестко подавлялись, Российская империя вплоть до 1917 г. никогда не стояла перед угрозой распада. Что обеспечивало ее стабильность?

А. Факторы стабильности империи: национальная политика, взаимные интересы, толерантность

Важнейшим фактором стабильности являлась гибкая национальная политика. При присоединении к народами, имевшими государственность, заключался формальный договор. Те, кто ее не имел, принесли присягу на верность русскому царю. При добровольном присоединении отношения между государствами строились в соответствии с договором, который, однако, не создавал федерации: присоединение осуществлялось в форме протектората, переходившего со временем в полное подчинение. Иначе решался вопрос при завоевании. В этом случае административное и общественное устройство завоеванных областей зависело от воли России, которая обычно предоставляла завоеванной области широкую автономию, однако не приводившую к ее обособлению в отдельное государство. Степень автономии зависела от многих обстоятельств. Но первым основным принципом политики на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. При лояльности к центральной власти автономия увеличивалась, как это было с Финляндией, при проявлении враждебности и сепаратизма автономия сужалась, как это было с Польшей после восстаний 1830 и 1863 гг.

Проходило несколько десятилетий, иногда столетий, прежде чем вводились общероссийские порядки, но вплоть до 1917 г. полной административной, общественной и правовой унификации в так называемых национальных окраинах и великороссийских губерниях не произошло. Проиллюстрируем сказанное на примере Казахстана. Длительное политическое доминирование русских в Казахстане (большая часть территории,

населяемая казахами, так называемые Младший Жуз и Средний Жуз, была присоединена в 1730-е гг.) не нарушило образа жизни и не подорвало традиционные казахские социальные и политические институты. Продолжали действовать советы аксакалов, суд биев, институт рабства, разделение на жузы, или племена, курултаи, избиравшие ханов жузов, хотя институт ханов был формально отменен царским правительством в 1824 г. Даже в советское время, несмотря на то что все традиционные институты были формально отменены, они фактически продолжали действовать, а после распада СССР пережили возрождение.

Вторым после уважения статус-кво краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получили права русского дворянства, что облегчало для центральной власти управление новой территорией. Типичный пример дает Левобережная Украина, присоединение которой произошло без особых осложнений благодаря тому, что украинская элита вошла в состав российского дворянства на равных с ним правах.

Согласно третьему принципу национальной политики, этнические и национальные критерии не служили определяющими для продвижения по социальной лестнице. Различные народы имели равный этнический статус. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными, включавшими протестантов немцев и финнов, мусульман татар, католиков поляков и представителей многочисленных нерусских народов. Доля *нерусских* среди всех чиновников в 1730 г. составляла 30 %, в 1850-е гг. — 16 %. В составе высшей бюрократии доля неправославных, и, значит, нерусских, составляла в 1825 г. — 11,1 %, в 1853 г. — 32,7 %, в 1917 г. — 11,8 %. В офицерском корпусе российской армии в 1867–1868 гг. 23 % всех офицеров были *неправославными*, в том числе среди полных генералов на долю протестантов приходилось не менее 27 %, в 1903 г. — соответственно 18 и 15 %. Вплоть до 1917 г. лояльность трону, профессионализм и знатное происхождение ценились гораздо выше, чем этническая или конфессиональная принадлежность. Крещеные евреи имели те же права, что и русские, и иногда делали исключительную карьеру на светской, военной или религиозной службе. Среди евреев известны генералы, адмиралы, министры и даже епископы. Например, внук крещеного еврея Александр Кржижановский (1796–1863 гг.) стал архиепископом.

Четвертый принцип национальной политики состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими. Нерусские народы, у которых до присоединения к России не было крепостного права, так и не были закрепощены. До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. большинство нерусских народов было освобождено от тяжелой рекрутчины. В 1881 г. к отбыванию повинности в облегченном виде было привлечено население Финляндии, в 1887 г. — Кавказа (в облегченном виде), но по-прежнему были освобождены от нее народы Сибири, Средней Азии и Европейского Севера. В табл. 1.6

приведены результаты расчета бремени воинской повинности, которое определялось как отношение доли новобранцев данного этноса к его доле среди населения в Европейской России.

Таблица I.6

**Бремя воинской повинности в Российской империи
для отдельных этносов**

Этнос	1867–1868 гг.			1904–1909 гг.		
	Ново- бранцы	Насе- ление	Бремя воинской	Ново- бранцы	Насе- ление	Бремя воинской
	%		повин- ности	%		повин- ности
Башкиры	0,09	0,99	0,09	–	–	–
Белорусы	1,32	6,62	0,20	4,00	4,68	0,85
Евреи	0,78	2,40	0,33	4,00	3,96	1,01
Карелы	0,03	0,33	0,09	–	–	–
Латыши	1,97	1,62	1,22	1,10	1,12	0,98
Литовцы	1,76	1,57	1,12	1,08	1,29	0,84
Марийцы	0,17	0,65	0,26	–	–	–
Молдаване	0,10	1,50	0,07	–	–	–
Мордва	0,27	1,18	0,23	–	–	–
Немцы	0,13	0,94	0,14	1,43	1,42	1,01
Поляки	0,59	1,16	0,51	6,33	6,30	1,00
Русские	63,44	53,78	1,18	53,60	43,38	1,24
Татары	1,92	2,52	0,76	–	–	–
Украинцы	24,81	21,24	1,17	18,00	18,00	1,00
Финны	–	0,15	–	–	–	–
Чуваши	0,39	0,87	0,45	–	–	–
Эстонцы	1,49	1,19	1,25	–	–	–
Армяне	–	–	–	1,18	0,99	1,19
Грузины	–	–	–	0,90	1,13	0,80
Другие	0,74	1,29	0,57	8,38	17,73	0,47
Итого	100,00	100,00	1,00	100,00	100,00	1,00

В 1867–1868 гг. выше среднего бремя воинской повинности ложилось на эстонцев, латышей, литовцев, украинцев и русских. Все остальные

народы имели льготы, особенно значительные у молдаван, немцев, белорусов, марийцев, мордвы, чувашей, так называемых «инородцев». С 1827 г. и до Крымской войны 1853–1855 гг. евреи участвовали в несении воинской повинности наравне с русскими, а прибалтийские народы имели льготы. С 1874 г. тяжесть воинской повинности была до некоторой степени выравнена для разных этносов, хотя русские были по-прежнему переобременены сравнительно с остальными, а «инородцы» облегчены.

Статус «инородец», введенный в сословном законодательстве в 1822 г., не заключал в себе ничего унижающего и обидного. Он распространялся на малые народы Сибири, Европейского Севера, Кавказа, калмыков, впоследствии — на народы Казахстана. Хотя в правовом положении каждой группы имелись некоторые особенности, все они по своим правам приближались до 1860–х гг. к государственным крестьянам, после — к свободным сельским обывателям и управлялись «по законам и обычаям, каждому племени свойственным». Их элита признавалась за «почетных инородцев» и на время пребывания в должности получала соответствующий чин точно так же, как это практиковалось в отношении русских, и ей был открыт доступ в дворянство. Оседлые инородцы могли переходить в любое из сословий Империи. Сложное положение некоторых нерусских народов, например малых народов Сибири, в котором они оказались к началу XX в., являлось следствием не притеснений со стороны русских, а трудностей адаптации к европейской культуре, носителями которой являлись русские.

Составной частью национальной политики являлось то, что правительство с помощью налоговой системы намеренно поддерживало такое положение в Империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, населявших национальные окраины, был по возможности выше, чтобы нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами (табл. I.7).

В XVIII в. львиная доля нерусских по социальному положению принадлежала к государственным крестьянам, чьим хозяином была казна, а с точки зрения самих людей — российский император. Неслучайно именно для этой группы наблюдались наибольшие послабления в налогообложении, которые до 1794 г. даже нарастали: налог с «иноверца» был меньше, чем с русского в 1725 г. в 2,75 раза, а в конце века — в 10 раз. Различия в налогах помещичьих крестьян разных этносов были несущественны, а у мещанства и купечества — отсутствовали. Подобное положение сохранялось до конца периода империи, хотя в XIX в., особенно с 1860-х гг., налогообложение постепенно унифицировалось. В 1886–1895 гг. прямой налог на душу русского населения составлял — 1,91 руб., нерусского населения — 1,22 руб., на 59 % меньше.

Боязнь сепаратизма вынуждало центральное правительство поддерживать это не нормальное для истинно колониальной державы положение даже тогда, когда государственные расходы в национальных окраинах превосходили доходы. В 1890-е гг. из 69 губерний империи (без сибирских и среднеазиатских) в 12 государственных расходы превышали доходы на душу населения; из них только две были великорусскими, а десять — кавказ-

кими, привислинскими и белорусскими. Убыточными для казны были также Средняя Азия и, вероятно, Сибирь.

Таблица I.7

**Прямые налоги русских и нерусских в XVIII в.
(в коп. с души мужского пола)**

Сословные и национальные группы	1725–1760 гг.	1761–1782 гг.	1783–1793 гг.	1794–1796 гг.
Государственные крестьяне:				
русские	110	270	370	400
украинцы	–	85–100	70–120	100–120
белорусы	–	55	170	200
иноверцы, кроме евреев	40	40	40	40
евреи	–	100	120–170	240–370
Помещичьи крестьяне:				
русские, украинцы	70	70	70	100
белорусы	–	55	70	70
Мещане:				
русские, прибалтийские	120	120*	120*	120
украинцы	120	85–120	120*	120

* В 1769–1774 гг. по случаю войны с Турцией — 200 коп.

Перечисленные принципы русской национальной политики оставались общими для всего периода империи, но их реализация в существенной степени зависела от отношения к русскому доминированию со стороны элиты инкорпорированного народа и других факторов. Важную роль играли традиции государственности и культуры, т. е. имел или не имел народ до присоединения свою территорию, границы, признаваемые мировым сообществом, администрацию, писанные законы, письменность, искусство, литературу и т. д. Эти традиции влияли как на политику российского правительства, так и на поведение национального меньшинства. Яркий пример — Польша и Финляндия. Польша имела традиции государственности, Финляндия — нет. В результате в одном случае — непрерывная война, закончившаяся разрывом, во втором — сотрудничество, закончившееся мирным разводом. Существенное значение имело сходство или различие религий и культур. Сравнительно мало проблем русскому правительству доставляли Грузия, Армения, Украина, Белоруссия и Молдавия и очень много — мусульманские народы. Христианские народы, за исключением поляков, оказывали несравненно меньшее сопротивление русской экспансии, чем исламские. В течение XVII–XVIII вв. четыре раза восставали башкиры с намерением перейти в подданство то сибирского хана, то Турции. Северный Кавказ и Средняя Азия также были присоединены к России после длительной и изнурительной войны. Важную роль играл способ присоединения, наличие международного признания или, наоборот, непризнания присоединения. Завоевание, хотя оно в то время

считалось законным способом расширения территории, создавало больше проблем, чем мирное присоединение или колонизация. Россия не воювала с финнами, эстонцами, латышами, литовцами, белорусами, украинцами и молдаванами. Их земли перешли как военный трофей от тех, кто господствовал там до прихода русских. Для них присоединение к России означало только смену господина, что облегчало восприятие русского владычества, примиряло с ним и способствовало их мирному вхождению в состав России. Наконец, нерусское население принимало во внимание потери и приобретения от присоединения. Для Грузии, Армении, Левобережной Украины присоединение к России *казалось* наименьшим злом, а для кавказских горцев, среднеазиатских ханств — наибольшим. В данном случае более существенно не то, как это было на самом деле, объективно, а как *казалось* присоединенному народу, точнее — его элите.

Следует также отметить, что как только оканчивалось очередное «покорение» той или иной земли, поведение русских по отношению к другим народам становилось терпимым; они отличались восприимчивостью к чужому, исключая, может быть, только евреев, и то не потому, что они были евреями, а потому, что они были иудеями, распявшими Христа. Установка «мы» — русские и «они» — нерусские никогда не имела для русских, в особенности для крестьянства, столь абсолютного значения, как для большинства европейских народов. Под словом «мы» русские понимали не только этнически чистых русских, но и соседей, если они подчинялись русскому царю. Что же касается православных единоверцев, то русские вообще никогда не противопоставляли их друг другу, ибо два основных критерия национальности господствовали в сознании русского народа — принадлежность к православию и подчиненность православному русскому царю. Разумеется, отношения между русскими и нерусскими не были идиллическими (таких отношений не наблюдалось и среди представителей одного народа, особенно если люди принадлежали к разным сословиям), но они в принципе развивались в русле партнерства и добрососедства. Экономическая выгода и христианское миссионерство в российской экспансии были выражены намного слабее, чем в политике морских держав Запада, и наоборот, факторы безопасности и сотрудничества с туземным населением — сильнее. Причина состояла в большей географической, исторической, культурной и религиозной близости между русскими и нерусскими, чем между западными европейцами и колониальными народами Америки, Азии и Африки. В российском варианте нерусские этносы проживали по соседству, русские давно находились с ними в контакте, образ жизни и верования между русскими и нерусскими имели значительное сходство.

Отказ правящих верхов от идеи превращения великорусской нации в господствующую также способствовал добрососедским отношениям между русским и нерусскими народами. Русские не чувствовали превосходства над мусульманами, благодаря чему последние входили в политическую и интеллектуальную элиту Российской империи, хотя со временем сильно обрусели. Вот фамилии представителей элиты тюркского происхождения: Аксаковы, Апраксины, Аракчеевы, Бахтины, Бердяевы, Булгаковы, Бухарины, Голенищевы-Кутузовы, Горчаковы, Дашковы, Ер-

моловы, Карамзины, Киреевские, Куракины, Мещерские, Мусины-Пушкины, Нарышкины, Пироговы, Самарины, Суворовы, Таганцевы, Татищевы, Тимирязевы, Тургеневы, Тухачевские, Тютчевы, Ушаковы, Чаадаевы, Черкасские, Шаховские, Шереметьевы, Юсуповы. Ни британская, ни французская, ни испанская элита не имеют в своем составе столько представителей покоренных народов.

Б. Факторы стабильности империи: особенности российского колониализма

Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова (хотя элементы колониализма наблюдались, например, по отношению к народам Сибири) по нескольким причинам. Во-первых, русские не были «господствующим» народом империи: они подвергались частичной социальной дискриминации по сравнению с нерусскими и уступали ряду народов (например немцам, полякам и евреям) по степени урбанизированности, уровню грамотности, экономическому развитию, по числу лиц, занятых в сфере интеллектуального труда. Русские в массе всегда жили хуже, чем нерусские. Во-вторых, национальная политика России отличалась прагматизмом и терпимостью по отношению к нерусским, ставила на первое место не экономические, а политико-стратегические задачи; религиозная и языковая ассимиляция и долгое время также административно-правовая интеграция не входили в ее цели, «господствующий» народ не поглощал побежденных. Нерусские к этому настолько привыкли, что всякие попытки интеграции и модернизации вызывали у них бурный протест, который подрывал стабильность социально-политического порядка и заставлял центральное правительство скоро от них отказываться. В-третьих, в экономическом и культурном смысле русский центр уступал западной периферии и незначительно превосходил большинство своих восточных и южных окраин. Сама Россия в императорский период вследствие относительной культурной и экономической отсталости находилась в существенной зависимости от иностранного капитала, европейской науки и технологии. В-четвертых, Российская империя держалась в решающей степени на династическом и сословном принципе, а не на этническом и религиозном самосознании русских. В силу указанных особенностей, а также вследствие большого разнообразия религиозного, культурного, социального, экономического и политического положения народов, входивших в состав России, ярлык «колониальной державы» не соответствовал ее сущности.

Специфически имперский характер российского политического устройства обеспечивал возможность управления многонациональным государством, которое включало десятки народов, находившихся на разных ступенях развития, позволил России успешно конкурировать с колониальными империями Запада и выдержать борьбу с восточными империями. Сам факт достижения Россией международного статуса империи считался в свое время и в действительности был огромным достижением — не случайно потребовалось более двух десятков лет, чтобы после принятия Петром I титула императора в 1721 г. он был признан всеми великими державами: Швеция признала новый титул в 1723 г., Турция —

в 1739 г., Англия и Германия — в 1742 г., Франция и Испания — в 1745 г.; позже всех Польша — в 1762 г.

В. Факторы распада империи: изменение национальной политики

В национальной политике российского правительства можно выделить два этапа — до и после 1863 г. с переходным между ними периодом между 1830 и 1863 гг. До 1830 г. политика была толерантной к национальным особенностям и прагматической. Приоритетом служила социальная стабильность, внутренняя и внешняя безопасность. Если они подвергались угрозе со стороны националистов, то правительство прибегало к энергичному вмешательству с использованием всех доступных средств, включая военную силу. Если же нерусские элиты проявляли лояльность и обеспечивали социально-политическую стабильность в своих регионах, их принимали в качестве партнеров. После польского восстания 1830 г. политика стала более жесткой, но только в западных землях она приняла форму репрессии и была направлена на ликвидацию их административно-политической автономии. До второго польского восстания 1863 г. национальная политика не имела культурно-языковой направленности, а ее жесткость проявлялась лишь в отношении польских сепаратистов и тех, кто их поддержал; в остальных национальных регионах сохранялся прежний курс. Достаточно сказать, что крепостное право сначала было ограничено или отменено в Латвии, Эстонии, Молдавии, Белоруссии и на Украине, а потом только у русских крестьян. Самые большие выкупные платежи за землю в 1861 г. были назначены русским крестьянам.

С 1863 г. политика, направленная на административную интеграцию национальных окраин в состав империи, стала всеобщей и форсированной, и к ней добавилась языково-культурная унификация в форме русификации. Следует отметить, что эта политика была созвучна настроениям, преобладавшим в русском обществе, а также пробудившемуся русскому национальному самосознанию и в свою очередь способствовала его мобилизации. Проявлением новой национальной политики явились жестокое подавление польского восстания, меры, направленные на полную унификацию западных земель и Закавказья (с 1860-х гг.), балтийских губерний (с 1880-х гг.) и Финляндии (с 1890-х гг.), наступление на привилегированное положение балтийских немцев (с 1860-х гг.). Интеграционная политика выражалась в денационализации школы, в ограничениях на издания газет, журналов и книг на родном языке, ограничении евреев доступа в гимназии и университеты.

В чем причины смены курса? Одна из них состояла в том, что правительство усомнилось в возможности спокойной и либеральной ассимиляции и пришло к мысли, что жесткая национальная политика поможет сохранить и укрепить государственное единство. Возник своего рода *польский синдром* — уверенность, что либеральный курс приводит к мятежам, а жесткий курс — к успокоению. Как возник этот синдром? В 1815 г., по окончании наполеоновских войн, к России по решению Венского конгресса было присоединено герцогство Варшавское. Из него было создано Царство Польское с самой демократической в то время в Европе

конституцией, парламентом и большой автономией. Однако в ответ на это поляки в 1830 г. подняли первое восстание, а в 1863 г. — второе. После этого правительство обратилось к репрессивным методам решения национального вопроса в Польше и по аналогии в других регионах.

Изменение правительственного курса в национальной политике находилось в тесной связи с повсеместным в Европе развитием национальных движений, в том числе русского, которые в ряде регионов появились, а в других усилились именно в 1860-е гг. Одновременный подъем национального движения среди русских и других этносов империи поставил центральное правительство перед соблазном активно использовать силу русского национализма и антисемитизма для нейтрализации оппозиционных движений и растущего социального напряжения, так как русский национализм поддерживал стремления к интеграции и унификации. Несмотря на это, оно предпочло твердо придерживаться наиболее целесообразных в то время принципов легитимной, наднациональной монархии и не идти на поводу у крайних националистов.

Перемена курса национальной политики была обусловлена необходимостью для современного государства, каким становилась Россия после Великих реформ, унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали — через прежние сословные барьеры и по горизонтали — через национально-региональные границы, укрепить связи между всеми частями государственного аппарата независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности. Поскольку существование национально-региональных особенностей во всех сферах жизни служило важнейшим препятствием для реализации этих задач, правительство было вынуждено проводить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию. Следует подчеркнуть, что всюду в Европе модернизация сопровождалась процессами, аналогичными русификации.

Смена национального курса правительства происходила также под влиянием национальной политики в европейских государствах, где модернизация началась раньше и во второй половине XIX в. вступила в заключительную фазу. Например, Франция и Англия интегрировали свои национальные меньшинства в существующую большей степени, чем Россия, а Австрия и Германия в 1860-х гг. проводили более или менее успешную политику по созданию современных наций в рамках империи. Политика «культуркампа» в Германии, которая осуществлялась Бисмарком с целью устранить сепаратистские движения католиков и превратить страну в единую, централизованную империю, вероятно, послужила непосредственным толчком для изменения национальной политики в России.

Интеграционная политика имела двойственные результаты. С одной стороны, под ее влиянием национальные движения в ряде регионов были заморожены в 1864–1905 гг. С другой стороны, эта же политика способствовала мобилизации против России не только образованных элит, но и

широких слоев населения в «старых» нациях, например среди поляков, литовцев и армян, а также мусульман Средней Волги. Это подтверждается данными о национальной принадлежности участников революционного движения. В 1871–1879 гг. за антиправительственную деятельность к суду были привлечены 469 революционеров-народников. Среди представителей 18 этносов русские составляли 70,8 %, украинцы — 11,7 %, поляки — 5,8 %, евреи — 4,9 %, армяне и грузины — по 0,9 %; остальные — по 0,2–0,4 %. С учетом относительной численности каждого из 18 народов, наиболее политически активными были русские, затем евреи, армяне, украинцы и поляки, грузины, немцы, эстонцы, латыши, белорусы. Только доля русских и еврейских революционеров превышала долю данных народов в населении империи. Эти сведения отражают социально-политическое самочувствие каждого народа. До 1860-х гг. социально-экономический статус русских был ниже, чем у нерусских — они и дали наибольшее число революционеров. За русскими следовали евреи. Остальные народы, за исключением поляков, еще, по-видимому, не чувствовали национального угнетения и потому проявляли лояльность к властям. Под влиянием изменившейся национальной политики ситуация в революционном движении к началу XX в. принципиально изменилась. Данные о национальности 7 тыс. самых активных революционеров, собранных в Сибирь в 1907–1917 гг., приведены в табл. I.8.

Таблица I.8

**Национальный состав ссыльных революционеров
в 1907–1917 гг.**

Этнос	Среди ссыльных	Среди населения	Отношение доли среди ссыльных к доле среди населения	Место по активности
	%			
Русские	43,5	43,4	1,00	6
Поляки	17,6	6,2	2,84	3
Евреи	15,8	3,9	4,05	2
Латыши	8,2	1,1	7,45	1
Украинцы	4,2	12,5	0,34	8
Грузины	2,3	1,1	2,09	5
Армяне	1,9	0,9	2,11	4
Эстонцы	0,6	0,8	0,75	7
Белорусы	0,4	4,6	0,09	11
Литовцы	0,2	1,3	0,15	10
Другие	5,4	24,2	0,22	9

В начале XX в. среди наиболее активных революционеров на долю русских приходилось около 40 %, а на долю нерусских народов — 60 %. Если сопоставить долю данной национальности в населении с ее долей среди

революционеров, а революционную активность русских принять за единицу, то окажется, что латыши были в 8 раз активнее русских, евреи — в 4, поляки — в 3, армяне и грузины — в 2 раза. Остальные народы проявляли слабую активность. Наименее активными были украинцы и белорусы. Первые в 3 раза менее активны, чем русские, вторые — в 11 раз. В «анти-элите» — среди руководства революционных организаций — всюду преобладали лица нерусского происхождения. Например, среди народников в 1870–1880-х гг. на долю нерусских приходилось около 50 %, среди лидеров социалистов-революционеров и большевиков преобладали евреи, среди меньшевиков — грузины, евреи и лица других нерусских национальностей.

В целом, однако, затормозить развитие национальных движений удалось лишь на сравнительно короткое время в значительной мере потому, что модернизация, охватившая Россию, подспудно создавала предпосылки для нового подъема национальных движений. Проведенная эмансипация крестьянства, а также индустриализация и урбанизация повсеместно способствовали формированию среднего слоя населения в городе и деревне. Образование среднего класса подготовило прочную социальную базу национальных движений и создало социальные предпосылки для всеобщей интеграции народов в новые нации. Распространение грамотности сделало пропаганду эффективной и способствовало мобилизации одних на борьбу за национально-культурную автономию, других — за суверенитет.

Развитие национальных движений чрезвычайно активизировалось русским освободительным движением, которое в борьбе с самодержавием искало всюду союзников, раздувало всякое недовольство, каким бы оно ни было опасным для целостности государства. С этой целью русское освободительное движение привлекло к общему делу и неудовольствие национальных меньшинств. Введение в России конституции и демократических свобод способствовало возникновению на базе национальных движений легальных национальных политических партий. К февралю 1917 г. функционировали 113 национальных партий и 45 общерусских, к октябрю 1917 г. — соответственно 206 и 53. До 1914 г. с идеей федерации выступили только Белорусская революционная громада и социалисты-федералисты Грузии, остальные партии своей конечной целью ставили достижение национальной независимости. Однако в начале первой мировой войны руководители национальных партий в Государственной думе поддержали внешнюю политику российского правительства. Вплоть до Февральской революции 1917 г. настоящего сепаратизма нигде в России не наблюдалось. После падения монархии, весной и летом 1917 г., национальные движения, за исключением финнов и поляков, также не выдвигали требований выше культурной и административной автономии — федеративное устройство их устраивало. На выборах в Учредительное собрание в начале 1918 г. национальные партии получили всего 22 % голосов, в то время как доля нерусских избирателей, после отделения Польши и Финляндии, составляла около 50 % от числа всех избирателей. Отсюда следует, что большинство нерусских жите-

лей страны проголосовало не за свои национальные, а за общероссийские партии. Большевики во всех регионах, кроме Прибалтики и Белоруссии, имели весьма слабую поддержку, хотя только они на словах отстаивали право наций на самоопределение.

Некоторое время после Октябрьской революции национальные партии занимали выжидательную позицию. Но первые мероприятия большевиков оттолкнули от них национальные партии, которые не могли с ними сотрудничать ввиду их стремления к централизации и монополюльной власти, подчинению национального самоопределения принципу классовой борьбы. Победа большевиков воспринималась многими нерусскими как победа города над деревней, рабочих над крестьянами, русских над нерусскими. Произошло возвращение к идее национальной независимости.

Г. Теория национальных движений Мирослава Хроха

Чем можно объяснить подъем национальных движений в 1860-е гг.? Великие реформы 1860-х гг., индустриализация и урбанизация, распространение грамотности, развитие системы школьного образования и печати привели к невиданной политической мобилизации всех этносов, включая русский. Развитие национальных движений в России, особенно на западной границе, неплохо укладывается в схему, предложенную чешским историком М. Хрохом для описания национальных движений в Центральной и Восточной Европе: *в фазе пробуждения* возникает интерес сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору определенного народа; *в фазе агитации* национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса; наконец, *в фазе массового движения* данный народ в целом охватывается идеями национального самосознания и мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость. Таким образом, в каждом национальном движении была заложена, как мина замедленного действия, идея политического самоопределения, и если оно начиналось, то, как правило, развивалось до своего логического конца.

Из-за отсталости России сравнительно с другими европейскими странами национальные движения охватили ее позже, чем остальную Европу, и внутри Российской империи ввиду различий в уровне развития отдельных этносов разворачивались асинхронно. С конца XVIII в. на западной периферии, в первой половине XIX в. на южной и восточной окраинах национальные движения у наиболее развитых этносов вступили в фазу культурного пробуждения, во второй половине XIX– начале XX в. — в стадию политической агитации; стадия массовой мобилизации наблюдалась до 1905 г. только у русских, поляков, финнов, эстонцев, латышей, литовцев, грузин и армян, а у остальных этносов — в 1917 г. или позже. Фактически языческие народы на Севере, Урале, Средней Волге и в Сибири вступили в культурную фазу в конце XIX в., поэтому фазы агитации достигли лишь некоторые из них около 1917 г.

Приложение схемы Хроха к национальным движениям мусульманских народов в азиатской части России показывает, что грузины, как «старая» нация, не нуждались в культурном пробуждении, в агитационную фазу вступили после реформ 1860-х гг., политически мобилизовались в

начале XX в. Армяне этап культурного возрождения прошли в XVIII в., в агитационную фазу вступили в первой половине XIX в., а к политической мобилизации приступили в конце XIX в., т. е. еще до революции 1905 г. Волжские и крымские татары, а также азербайджанцы культурную фазу переживали в XIX в., около 1905 г. вошли в агитационную фазу и в 1917 г. в стадию политической мобилизации. Казахи в XIX – начале XX в. находились в стадии культурного возрождения.

Основополагающее значение для формирования характера отдельных национальных движений имело различие между «старыми» и «молодыми» народами. У первых существовали собственная дворянская элита и прочные традиции государственности, общей и языковой культуры (поляки, грузины, волжские и крымские татары, азербайджанцы и др.). Вторые из-за отсутствия собственной элиты, а нередко и средних городских слоев обладали незавершенной социальной структурой; у них либо никогда не было своей государственности, либо она была разрушена в начале нового времени; они не располагали своим литературным языком и высоко развитой культурой. «Старые» народы были «дворянскими», «молодые» — «крестьянскими», над последними господствовали дворянские элиты другой национальности.

В Российской империи к «молодым» народам относилось большинство этнических групп — украинцы, белорусы, литовцы, эстонцы, латыши, финны, чуваша, якуты и пр. Особый случай представляли диаспоры евреев и армян с городскими элитами и высокоразвитыми культурами, но без дворянства и с забытыми традициями государственности. Соответственно своему положению и уровню развития «старые» и «молодые» народы, а также диаспоры выдвигали различные программы. Первые, руководимые дворянством, с самого начала стремились к восстановлению своей государственности, вторые под руководством лидеров из крестьянской среды — к созданию полноценной социальной структуры, развитие собственной высокой культуры и достижению автономии, третьи, ведомые интеллигенцией, — к равенству с господствующим этносом и национально-культурной автономии.

Концепция развития национальных движений, предложенная М. Хроном, служит только удобной схемой, пригодной для анализа европейских национальных движений в определенный период европейской истории, но ни в коем случае не является железным законом исторического развития всех народов, входящих в состав многонациональных государств. Нет достаточных оснований полагать, что закономерности развития национального сознания и национальных движений везде и всегда с неумолимостью физических законов приводят к возникновению сепаратистских настроений в многонациональном государстве, что, распространяя образование и культуру, создавая письменность и литературные языки, способствуя появлению высокой литературы и искусства, развивая национальные элиты, многонациональная страна готовит предпосылки для своего будущего распада. Теоретики модернизации полагают, что социальные отношения, основанные на первичных привязанностях — узах крови, расы, языка и религии, — являются мощной силой в традиционных, доиндуст-

риальных обществах, в современных развивающихся странах, но с приходом индустриальной эры должны слабеть.

Пример дореволюционной России говорит о том, что стремление к культурно-национальной автономии перерастало в желание отделиться не автоматически, не само по себе, а лишь под влиянием конкретных обстоятельств: 1) насколько стремления к национально-культурной автономии удовлетворялись центральным правительством, 2) насколько демократизировалась Россия, 3) насколько привлекательным было ее экономическое положение и развитие, 4) насколько выгодно было в экономическом и культурном смысле отделение для данного народа. Изменение национальной политики в начале XX в. стало назревшей задачей российского правительства уже только по той причине, что русские составляли всего 45 % населения России, а нерусские народы проявляли настойчивое стремление к автономии. Вместо этого центральное правительство долгое время не шло на уступки, что, можно думать, способствовало развитию сепаратизма и в конечном итоге привело к развалу империи в 1917 г. Однако пример Австро-Венгрии показывает, что и либеральная политика, дающая культурную и гражданскую автономию, тоже не являлась гарантией стабильности империи. Геополитические обстоятельства, конкретная международная обстановка, соотношение сил сторонников и противников отделения, сила националистов, отношение мирового сообщества, субъективный фактор (например наличие выдающихся харизматических лидеров) порой имеют решающее значение для успеха национализма и сепаратизма.

1.4. Социологическая оценка результатов колонизации

А. Результаты колонизации: плюсы, минусы и общая оценка

Экспансия имела важные *позитивные* последствия для России: увеличение природных ресурсов; перемещение основной массы населения и центра хозяйственной деятельности с Севера на Юг, в более благоприятную географическую среду; повышение безопасности проживания русских в пограничных районах и благодаря этому более рациональное перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения; плодотворное влияние на российское общественное устройство сословно-корпоративной организации, более развитой культуры и экономики, существовавших в инкорпорированных западных областях. Однако экспансия имела и негативные последствия: обуславливала экстенсивный характер природопользования, способствовала формированию аморфной системы сельских и городских поселений со слабой инфраструктурой и, наверное, самое важное — создала в конце концов серьезную национальную проблему. Национальный вопрос оказывал травматическое влияние на социальные процессы в «метрополии» — требовались значительные средства на поддержание общественной стабильности, что тормозило экономическое развитие; возрастал налоговый пресс, что вызывало недовольство русского населения; нерусские народы подавали пример нелояльности к властям, что способствовало общему росту оппозиционных настроений в стране и ослаблению авторитета центральной власти. Но без территориальной экспансии Россия

осталась бы небольшой и очень отсталой европейской страной, каковой она и была в действительности до XVI в., и никаких серьезных достижений в области литературы, искусства, науки и технологий ожидать от нее не приходилось бы, как трудно было бы рассчитывать и на высокий уровень жизни ее граждан.

Несмотря на печальный финал российской колонизации, ее общий итог оказался положительным, в конечном счете от российской экспансии выиграли и все народы, вошедшие в состав империи, включая те, которые потом вышли из нее. Всем, включая русских, Россия обеспечивала безопасность, всем, а нерусским даже в большей степени, помогала развиваться, и уж во всяком случае этому не препятствовала. Под «крышей» России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли этого сделать вне России.

При оценке значения нахождения в составе России нерусских народов необходимо учитывать баланс плюсов и минусов для каждого этноса, так как положение отдельных народов сильно различалось. Но поскольку в состав империи входило более 200 больших и малых народов, то индивидуальные оценки для всех пока (вероятно, и в будущем) невозможны из-за отсутствия соответствующих данных. Но если бы мы даже такими индивидуальными оценками располагали, все равно потребовалось как-то 200 оценок обобщить. Позволю сделать достаточно грубую и, естественно, приблизительную оценку положения русских и 13 нерусских народов по отдельности и в целом по состоянию на 1897 г. 1897 г. — год всеобщей переписи, которая дает данные для подобной оценки и основывается на *индексе человеческого развития*, или *индексе развития человеческого потенциала* (Human Development Index). Этот показатель используется с 1990-х гг. Организацией Объединенных Наций для сравнительной оценки уровня жизни населения различных стран. Он включает три частных индекса, или показателя, — индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении (x), индекс образования (процент грамотности и доля детей школьного возраста, посещающих школу, y) и индекс производства (валовой внутренний продукт на душу населения или какой-нибудь его аналог, z). Каждый показатель принимает значение от 0 до 1, индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому. Частные индексы для продолжительности жизни и грамотности рассчитываются по формуле:

Частный индекс = (фактическое значение x , y — минимальное значение x , y): (максимальное значение x , y — минимальное значение x , y).

Частный индекс производства рассчитывается по той же формуле, только вместо фактического значения показателя берется его логарифм.

Для продолжительности жизни минимальное значение принимается за 25, максимальное за 85, для грамотности соответственно 0–100, для производства от 100 до 40 тыс. долларов.

В конкретном случае с Российской империей из-за отсутствия сведений о валовом внутреннем продукте на душу населения по различным

этнонациональным единицам в качестве показателя развития производства принимаются *государственные доходы на душу населения* в губерниях, населенных определенным этносом, так как их величина зависит от уровня развития производства и торговли¹. Результаты расчета для русских в 1897 г. представлены ниже:

Индекс продолжительности жизни = $(28,65 - 25) : (85 - 25) = 0,061$;

Индекс грамотности = $(29,3 - 100) : (100 - 0) = 0,293$;

Индекс производства = $(3,0382 - 2,4314) : (3,9960 - 2,2,4314) = 0,388$;

Индекс человеческого развития = $(0,061 + 0,293 + 0,388) : 3 = 0,247$.

Исходные данные для расчета индекса представлены в табл. I.9.

Таблица I.9

Индекс человеческого развития 14 народов России в 1897 г.

Этнос	Средняя продолжительность жизни, лет	Средняя грамотность, %	Средние гос. доходы, коп. на душу населения	Индекс продолжительности жизни	Индекс грамотности	Индекс производства	Индекс человеческого развития
Русские	28,7	29,3	1092	0,061	0,293	0,388	0,247
Чуваши	31,0	9,8	469	0,100	0,098	0,095	0,098
Татары	34,9	16,4	469	0,164	0,164	0,153	0,160
Белорусы	36,2	20,3	442	0,186	0,203	0,137	0,175
Украинцы	38,1	18,9	929	0,218	0,189	0,343	0,250
Евреи	39,0	41,4	849	0,233	0,414	0,318	0,322
Башкиры	37,3	18,5	316	0,204	0,185	0,044	0,144
Молдаване	40,5	8,8	460	0,258	0,088	0,148	0,165
Поляки	41,0	41,8	991	0,267	0,418	0,361	0,349
Литовцы	41,8	48,4	1278	0,279	0,484	0,432	0,398
Немцы	45,0	78,5	1331	0,333	0,785	0,443	0,520
Эстонцы	43,1	94,1	1753	0,302	0,941	0,519	0,587
Финны	44,3	98,3	2377	0,321	0,983	0,604	0,636
Латыши	45,0	85	1278	0,333	0,850	0,432	0,538
В среднем	32,4	27,7	937	0,123	0,277	0,345	0,248

Индекс человеческого развития для русских равен 0,247, для нерусских (взвешенный на доле каждого этноса) — 0,301, или на 22 % выше. Следовательно, и положение нерусских в целом было предпочтительнее, чем русских. Из 14 народов, для которых имеются данные для подсчета индекса человеческого развития, у евреев, латышей, литовцев, поляков,

¹ Ввиду отсутствия данных о валовом внутреннем продукте индекс человеческого развития имеет локальное применение — для оценки уровня развития 14 народов России на 1897 г.

украинцев, финнов, эстонцев и немцев индекс был выше, чем у русских, а у башкир, белорусов, молдаван, татар, чувашей — ниже. У поляков, как у тех, которые проживали собственно в Польше (0,354), так и у тех, кто проживал собственно в России (0,315), индекс человеческого развития был выше, чем у русских. То же самое наблюдалось у финнов, проживавших в Финляндии (0,620) и в России (0,762). Отметим, что если подсчитать индекс человеческого развития у русских в пределах только той территории, на которой компактно проживали татары и башкиры, то в таком случае он будет у русских ниже — 0,150.

Б. Колонизация под углом зрения теорий функционализма, конфликта и модернизации

Макросоциологические теории функционализма, конфликта и модернизации помогают объяснить и понять причины возникновения, систему существования Российской империи и ее развал. Империя как политическая структура возникла из насущной потребности русского государства обеспечить безопасность и благополучие своим подданным. Именно отсюда проистекало его стремление достичь прочных естественных границ, обрести незамерзающие порты, воспрепятствовать захвату пограничных территорий соперниками или включить их в сферу своего влияния. В ходе колонизации и возникла аморфная многонациональная империя, стабильность которой обеспечивалась именно бессистемностью, рыхлостью, мультикультурностью, возведенной в главный принцип имперского строительства. За исключением поляков, этносы более или менее мирно сосуществовали, пока империя давала им политическую крышу, не препятствовала их развитию, не вмешивалась в их внутреннюю жизнь, не насаждала православие и русскую культуру, требуя лишь лояльности. Это была механическая, а не органическая солидарность этносов. В империи не было полной гармонии; господство, конфликт и подавление являлись ее постоянными спутниками, как и согласие, компромисс и уступка. Конфликты, постоянно возникавшие между центром и периферией, разрешались и появлялись вновь. Они играли не только негативную (расшатывали империю), но и позитивную роль — помогали выявлять и разрешать противоречия. Стабильность империи достигалась компромиссной политикой правительства, которое реагировало на требования, протесты, восстания, массовые миграции прежде всего уступками.

Однако подобное мирное сосуществование бесконечно продолжаться не могло. Огромная и сильная на первый взгляд империя в действительности была колоссом на глиняных ногах, потому что правительство не имело возможности мобилизовать ее огромные материальные и людские ресурсы, так как каждая часть империи была фактически автономна, мало работала на имперский бюджет и армию. Центр командовал периферией лишь номинально, не имея рычагов для реального контроля, — не было единой администрации, единых законов, единства прав и обязанностей всех подданных империи. Между тем на Западе успешно проходила модернизация — превращение традиционных аграрных общества в современные индустриальные, в ходе чего возникали сильные национальные

государства, обладавшие огромными экономическими и военными преимуществами перед аморфной империей. Социокультурными нормами модернизированных обществ являются рационализм, универсализм, функциональная специализация и взаимозависимость. Эффективность государства обеспечивается высокой степенью централизации управления и однородностью строения различных общественных и государственных организаций и институтов, что достигается в процессе гомогенизации.

Под влиянием необходимости и требований модернизации российское правительство с 1860-х гг. стало проводить последовательную рационализацию управления, интеграцию всех частей империи в цельное национальное государство, в единое правовое, административное, культурное и экономическое пространство. Ввиду огромного числа этносов интеграция проходила под флагом русификации, так как моделью для унификации служили административные, правовые и политические порядки, установленные Великими реформами в великороссийских губерниях

В то время русификация рассматривалась и в действительности была средством увеличения социальной интеграции, а русский язык выступал в роли языка модернизации. Но двести с лишним народов, объединенных в рамках империи, не смогли «перевариться в этническом котле» и превратиться в национальное государство, т. е. в системную политическую единицу. Единое российское национальное государство к 1917 г. и единая российская нация не сложились по причине краткости времени, из-за больших различий в культуре и уровне социально-экономического развития различных этносов, а также вследствие политических ошибок и недостатка административных ресурсов у правительства. Ситуация осложнилась тем, что попытка интеграции империи в национальное государство совпала с ростом революционного и национального движения и даже подхлестнула их развитие, поскольку интеграция ассоциировалась с угнетением, преследованиями национальных меньшинств, нарушением традиционных прав и привилегий. В результате политика централизации, унификации и интеграции вызвала взрыв национальных страстей, протеста, рост оппозиции, для подавления которых у правительства не хватало административных и финансовых ресурсов.

Как известно, социальная интеграция формируется на основе согласия большинства людей следовать единой системе ценностей. Разгоревшийся пожар революционного и национально-освободительного движения не только этому не способствовал, но даже разорвал ту тонкую ткань механической солидарности, которая соединяла империю. Конфликт обострился с появлением в 1905 г. легальной возможности организовывать политические группы, в том числе по национальному признаку.

Итак, с одной стороны, в российском обществе не возникло согласия в отношении общих ценностей, с другой, обострились этнические конфликты и противоречия. Так создались объективные предпосылки для распада империи. Неудачи российской армии во время первой мировой войны, политический кризис и революции позволили этим предпосылкам реализоваться.

Основные тезисы

1. С 1646 по 1914 г. территория России увеличилась в 1,55 раза, а население — в 25,4 раза. На начальных этапах исторического развития природа обделила Россию ресурсами. Этот недостаток был с лихвой компенсирован в ходе колонизации, которая превратила Россию в мощную державу, богатую природными ресурсами. Уже в XVIII – начале XX в. проблема состояла не в величине природных ресурсов, а в их разведанности, доступности и эффективности использования.

2. Колонизация имела как положительные, так и отрицательные последствия, но баланс оказался на стороне позитивного. Без колонизации Россия осталась бы небольшой, второстепенной, отсталой европейской страной. Колонизация способствовала возникновению новых наций, определяла границы, создавала более развитую социальную организацию, стимулировала возникновение этнического самосознания. В конечном счете от нее выиграли все народы, вошедшие в состав империи, включая те, которые потом из нее вышли. Под крышей России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли это сделать вне России.

3. Российская империя не была ни тюрьмой народов, ни колониальной державой в европейском смысле этого слова. В национальной политике правительство придерживалось принципа имперского этнопатернализма и мультикультурализма. Специфически имперский характер российского политического устройства обеспечивал возможность управления многонациональным государством, которое включало более 200 народов, находившихся на разных ступенях развития, позволил России успешно конкурировать с колониальными империями Запада и выдержать борьбу с восточными империями.

4. Географический и демографический детерминизм — давно преодоленные в социальных науках теории. Они получили распространение в современной России из-за отсталости отечественной социальной науки, на почве ущемленного национального самолюбия, ложно понимаемого патриотизма и политических спекуляций.

Вопросы для размышления и повторения

1. Почему дореволюционная Россия называлась империей? Плохо или хорошо быть империей? Когда и почему Россия стала империей?
2. Правильно ли СССР называть империей?
3. Что Российскую империю отличало и чем она была похожа на европейские колониальные империи?
4. Кого в России называли инородцами и каково было их положение в составе империи?
5. Кто проявлял наибольшую активность в революционном движении?
6. Почему распалась Российская империя в 1917–1918 гг.?
7. Чем объяснялась длительная колонизация?
8. Что приобрела и что потеряла Россия от колонизации и экспансии?
9. Какие привилегии имели русские и нерусские народы?

10. Каковы были особенности российской национальной политики?
11. Что такое русификация, как и почему она проводилась?
12. Богаты или бедны природные ресурсы России?
13. Что такое географический детерминизм, почему он несостоятелен, какова роль географического фактора в истории России?
14. Может ли холодный климат быть причиной низкого жизненного уровня?
15. Что такое демографический детерминизм, в чем его слабости, каково было значение низкой плотности населения для прогресса России?
16. Когда и почему Россия стала самым большим по численности населения государством в Европе?
17. Концепция национальных движений Мирослава Хроха.
18. Что такое польский синдром?

Глава II

Социальная стратификация и социальная мобильность

Ключевые понятия: *каста, класс, коэффициент Джини, сословие, социальная мобильность, социальная страта, социальная стратификация, социальная структура, социальный статус.*

Знание социальной структуры общества имеет исключительное значение: скажи, в обществе какой социальной структуры ты живешь, и я скажу, кто ты. Общества кастовое, сословное или классовое, закрытое и открытое принципиально отличаются друг от друга, соответственно различаются и люди, живущие в этих обществах — поведение североамериканца отличается от поведения индуса в значительной мере потому, что в современной Индии кастовый строй еще силен, а в США давно утвердились классы. Принадлежность к касте сковывает человека, а к классу — делает свободным и открытым.

При изучении социальной структуры общества целесообразно «разложить» его на крупные однородные социальные единицы в соответствии с теми или иными критериями, ясно сознавая, что всякая социальная классификация является в значительной мере условной, поскольку зависит от критериев, положенных в ее основу. В качестве таких единиц для стратифицированных обществ с развитым социальным расслоением обычно используются каста, сословие или класс.

Социальные сообщества, или группы, в России XVI – первой половины XVII в. не являлись ни кастами, ни сословиями, ни классами. Люди, в них входившие, различались не столько правами, сколько обязанностями в отношении к государству: одни — служили ему лично, другие — платили налоги и несли повинности, или тягло, третьи — не несли ни государственной службы, ни государственного тягла. Большая или меньшая имущественная состоятельность, виды имущества, занятия, престиж были второстепенными и вытекали из служебного положения, в силу этого различия в правах и обязанностях были скорее фактическими, чем юридическими. Соответственно служебному положению население разделялось на три состояния: 1) служилые люди, или чины служилые; 2) тяглые люди, или чины земские, или жилецкие люди; 3) нетяглые люди. Состояния в свою очередь подразделялись на несколько разрядов, соединявших служилых и тяглых людей неуловимыми переходами, были открыты на входе и выходе почти как классы, но вместе с тем обладали и важными признаками сословия: наследственность социального статуса у служилых по отечеству; различие в правах, хотя только фактическое; наличие корпоративной организации (например общины у тяглых людей); самоуправление. Однако между *служилыми людьми* не существовало сословного равенства и корпоративного единства — они объединялись в многочисленные служилые разряды, мало между собой связанные; даже между членами одного разряда постоянно существовали споры о служебном старшинстве, что не совместимо с сословным строем. *Тяглые люди* также не образовывали сословия. Еще менее сословного единства имелось среди

представителей *нетяглых людей*, так как они включали вольных, или гулящих, людей, бывших лично свободными, и холопов, находившихся в личной зависимости. Культурные стандарты были едиными для всех социальных групп, включая и высший «чин» боярство.

Таким образом, Московское государство представляло собой общество бескастовое, бессословное и бесклассовое. Основные категории населения не являлись сословиями в истинном смысле этого понятия, поскольку они были более открыты на «входе» и «выходе», чем это бывает в истинно сословном обществе, их права не были закреплены в законе и они не имели утвержденных законом сословных организаций и сословного представительства. Но они также не соответствовали современному понятию «класс»: представители различных общественных групп обладали различными правами и обязанностями; происхождение играло важную, а в случае с элитой — решающую роль для социальной идентификации; социальные перемещения, хотя не запрещались законом, в действительности не были массовыми, состав общественных групп был намного более стабильным, чем в нормальном классовом обществе; отсутствовали типичные для последнего профессиональные организации, отстаивающие свои права. Стратификационный профиль общества был ближе всего к этакратическому типу: дифференциация между социальными группами происходила в первую очередь по их положению в государственной иерархии чинов и разрядов, которое обуславливало уровень материального благополучия, стиль жизни и престиж. Такое общество можно назвать *этакратическим*.

С начала XVII в. наметилась тенденция к консолидации социальных групп в сословия. В актах и грамотах, принятых на земских соборах XVII в., обычно указывались те «чины», которые присутствовали на заседаниях и подавали свои мнения. Перечень 6–8 чинов в порядке ступеней иерархической лестницы переходил с небольшими вариациями из одного акта в другой, приобретая характер эталона. Иногда эти чины сводились в 3–4 группы — «духовный», «воинский», «торговый», «судебный» чин. Подобная устойчивость номенклатуры чинов свидетельствует о перерастании «чинового» строя в сословный.

Уложение 1649 г. явилось важным рубежом в развитии сословного строя. Уложение предоставило отдельным социальным группам преимущества, или привилегии, в постоянное и наследственное обладание с целью закрепить за ними постоянные государственные обязанности и постоянное место жительства. Личное землевладение стало исключительным правом всех служилых людей, владение крепостными — правом только потомственных служилых людей (служилых по отечеству). Духовенство получило исключительное право на религиозную деятельность. Посадским было присвоено исключительное право на занятия торговлей, ремеслом и промышленностью в черте города, а земледельческий труд стал правом крестьянского населения, хотя и не исключительным правом, так как посадским не запрещалось заниматься сельским хозяйством. Ограничение социальной мобильности, наследственное прикрепление социальных групп к занятию, службе, месту жительства служили факторами развития со-

словности. Общество, в котором идет процесс образования сословий, можно называть *протосословным*.

Образование сословий в XVIII в. пошло более быстрыми темпами, и мы проследим данный процесс для отдельных сословий.

II.1. Дворянство

Дворянство в первой четверти XVIII в. образовалось из высших разрядов служилых людей Московского периода, которые находились на придворной, военной и гражданской службе и имели звание *«служилых людей по отечеству»*, т. е. были, во-первых, наследственно-служилыми людьми, занесенными в Разрядные книги XVII в. и Бархатную книгу 1687 г., и, во-вторых, землевладельцами. В 1714 г. дворянские поместья — условные владения были обращены в собственность дворян — в вотчины. В 1719 г. персонально за каждым дворянином были навечно закреплены все крестьяне, жившие в его поместье, а его права над крестьянами были существенно расширены. Но и право собственности на землю, и права на крестьян были по-прежнему обусловлены службой. Манифестом 1762 г. дворяне освобождались от обязательной государственной службы и обязательности обучения с сохранением за ними поместья и крестьян. В 1766 г. дворяне приобрели право иметь корпоративную организацию на уездном уровне. В 1775 г. уездная дворянская корпорация получила более правильную организацию, право иметь сословный дворянский суд и комплектовать из своей среды путем выборов коронную уездную администрацию. Наконец, в 1785 г. Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству увеличила и систематизировала его права: всему дворянству и только ему были дарованы титул благородства, право иметь герб, владеть землей и крепостными, занимать средние и высшие должности в коронной администрации и армии; дворянство освобождалось от всех налогов, повинностей, обязательной службы и телесных наказаний, получило внешние атрибуты дворянской принадлежности — мундир, шпагу, экипаж, место в церкви и т. д. и объединялось в губернские дворянские общества с правами самоуправления и юридического лица. Дворяне стали взаимно равны.

Принадлежность к дворянству подтверждалась специальным актом — до 1785 г. внесением в Бархатную книгу 1687 г., а с 1785 г. — внесением в губернские дворянские книги. Специальное герольдмейстерское учреждение разбирало все вопросы, связанные с принадлежностью к дворянству в общероссийском масштабе. В дворянстве постепенно развивалось чувство дворянской чести и принадлежности к благородному сословию, которое во всем стало отличаться от других разрядов населения: именем и фамилией, языком (предпочитался французский язык) и образованием, полученным в учебных заведениях, манерами и одеждой, западноевропейской ориентацией, менталитетом и этосом. Даже монастыри начали разделяться по сословному признаку: одни предназначались для дворян, другие — для народа.

Таким образом, в 1785 г. дворянство приобрело почти все признаки сословия, кроме одного — по причине отсутствия в стране представи-

тельного учреждения дворянство не располагало сословным представительством при верховной власти. Взамен этого дворянство имело сословный и не зависимый от коронной администрации суд, избирало из своего состава лиц на коронную службу в местных учреждениях и обладало правом петиций о своих нуждах высшей коронной администрации и самому государю посредством адресов и через специально избранных депутатов.

Дворяне дифференцировались по источникам получения дворянства и по своему имуществу. До 1762 г. важнейшими источниками дворянства являлись служба и рождение, с 1762 г. на первое место вышло рождение. В 1785 г. добавились новые способы приобретения дворянства — орден и пожалование государем, в 1806 г. — ученая степень доктора (она давала право на чин восьмого класса и на потомственное дворянство, если человек находился на государственной службе).

Особую группу среди дворянства с 1722 г. составляли личные дворяне — это лица, находившиеся на государственной службе, но не выслужившие чина, который давал статус потомственного дворянина. С 1785 г. личные дворяне были освобождены от телесных наказаний, налогов, рекрутской повинности, но не имели права владеть крепостными, записывались в особую часть городских обывательских книг, а не губернских дворянских книг и были слабо связаны с губернскими дворянскими обществами, хотя по закону считались их членами.

С точки зрения доходов, уровня образования, властных полномочий, корпоративных прав, престижа и образа жизни дворянство разделялось на три страты — низшую, среднюю и высшую. Трехчленная стратификация была свойственна всем другим сословиям, только критерии стратификации были иными. До отмены крепостного права в 1861 г. основным показателем материальной состоятельности дворянства и соответственно стратификация являлось число крепостных крестьян, именно от него при залоге имущества в банк зависела величина ссуды. Образование, престиж, влияние дворянина определялись доходом, который приносили крепостные. Беспоместные и мелкопоместные дворяне с числом крепостных мужского пола менее 20 относились к низшей страте и считались бедными дворянами, среднепоместные дворяне с числом крепостных от 21 до 100 относились к средней страте и считались достаточными дворянами, крупнопоместные дворяне с числом крепостных более 100 относились к высшей страте и считались богатыми дворянами. Личные дворяне не имели права владеть крепостными, основной доход им приносили жалованье или пенсия за службу. По уровню жизни и другим признакам они приближались к мелкопоместному неслужащему дворянству и занимали низшую часть низшей страты дворянства.

Первые более или менее полные и точные сведения о российском дворянстве мы имеем на 1858 г. (табл. II.1). Личных и потомственных мелкопоместных дворян, составлявших низшую страту дворянства, насчитывалось 614,3 тыс., или 69,1 % всего дворянства; среднепоместных, принадлежавших второй страте, — 164,5 тыс., или 18,5 %; крупнопоместных дворян, составлявших высшую страту, — 110 тыс., или 12,4 %.

Низшей страте принадлежало 3,2 % всех крепостных, средней — 15,8 %, высшей — 81 % всех крепостных крестьян.

Таблица II.1

Стратификация дворянства Европейской России в 1858 г.*

Категория дворян	Число дворян обоего пола		У них крестьян мужского пола	
	тыс.	%	тыс.	%
Личные	276,8	31,1	—	—
Потомственные	612,0	68,9	—	—
без земли и крепостных	33,9	3,8	—	—
с землей, без крепостных	96,6	10,9	—	—
без земли, с крепостными, до 4	16,8	1,9	12,0	0,1
с землей и крепостными, до 20	190,2	21,4	327,5	3,1
с землей и крепостными, 21–100	164,5	18,5	1666,1	15,8
с землей и крепостными, 101–500	92,4	10,4	3925,1	37,2
с землей и крепостными, 501–1000	11,2	1,3	1569,9	14,9
с землей и крепостными, 1000+	6,4	0,7	3050,6	28,9
Итого	888,8	100,0	10551,2	100,0

* Без Польши и Финляндии.

Средняя страта дворянства была малочисленной; высшая — еще малочисленнее, но в ее руках сосредоточивалась львиная доля всех земельных богатств и крепостных. Среди бедного дворянства наблюдалось довольно значительное число деклассированных элементов, которые нигде не служили, не получили никакого образования, не имели крепостных, потеряли дворянское достоинство и по своему положению приблизились к крестьянству. В 1846–1847 гг. таких лиц насчитывалось до 109 тыс. мужского пола. Некоторые знатные дворянские фамилии дошли до совершенного обнищания, и между ними представители боярского рода Ласкиревых, происходивших в прямом мужском колене от византийских императоров, из дома Ласкарисов, затерялись между государственными крестьянами-однодворцами. Полученные результаты о стратификации дворянства можно распространить на XVIII – первую половину XIX в. Более подробные сведения мы имеем о числе дворян-помещиков и их крепостных (табл. II.2).

Из данных табл. II.2 следует, что в 1727–1861 гг. численность самой многочисленной низшей страты дворянства и в абсолютном, и в относительном значении уменьшалась, а средней и особенно высшей страт увеличивалась. Поскольку крепостных могли покупать только потомственные дворяне, на основании приведенных данных можно предположить, что мелкопоместное дворянство продавало свои имения средним и в особенности крупным помещикам, а само, теряя землю и крепостных, как бы деклассировалось, по крайней мере как помещики. Другими словами, из среды помещиков вытеснялись мелкопоместные дворяне, а средние и крупные консолидировались.

Уровень неравенства среди дворянства можно оценить с помощью коэффициента неравенства Джини, который принимает значения от 0 при полном равенстве до 1 при максимальном неравенстве членов данной совокупности. Для дворян-помещиков коэффициент Джини по данным о числе крепостных, принадлежавших каждой страге, составил в 1727 г. — 0,67, в 1777 г. — 0,72, в 1833 г. — 0,75 и в 1858 г. — 0,71. Такая тенденция указывает на то, что уровень неравенства среди помещиков был всегда высоким. У дворян, находившихся на гражданской службе, т. е. прежде всего у личных дворян, дифференциация по получаемому ими жалованью была намного ниже. Например, в 1857 г. 118,1 тыс. чиновников можно разделить по классности на 4 группы: канцеляристы (27,2 % всех чиновников), чиновники IX–XIV классов (59,6 %), III–V классов (12,5 %), I–IV классов (0,7 %). По получаемому ими жалованью без наградных, столовых и квартирных они соотносились как 100:300:700:4300. И несмотря на серьезное различие в жалованьи, уровень неравенства, измеренный коэффициентом Джини, оказался умеренным — 0,35. То же наблюдалось среди дворянства, находившегося на военной службе. Причина этого состояла в том, что чиновников и офицеров высших рангов, получавших действительно огромное жалованье, насчитывалось несколько сотен. Государство старалось удерживать неравенство между служащим дворянством на умеренном уровне, чтобы был стимул делать карьеру и чтобы в то же время сохранялось единство служилого дворянства. В массе российское дворянство отнюдь не было богатым — естественное следствие того, что Россия являлась одной из беднейших стран Европы. Заезжих иностранцев действительно поражало богатство царского двора и некоторых, весьма немногих вельмож. Впечатление по ошибке было распространено на все дворянское сословие.

Таблица II.2

**Стратификация дворян-помещиков в 1727–1905 гг.
в Европейской России**

Год	Низшая страга		Средняя страга		Высшая страга		Итого	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
1727*	38,3	60	20,5	32	5,7	8	64,5	100
1777*	41,0	59	18,0	25	11,0	16	70,0	100
1833*	38,8	54	20,3	28	13,0	18	72,1	100
1858*	25,5	39	24,6	38	15,4	23	65,5	100
1861**	41,0	41	35,0	35	24,0	24	100,0	100
1905**	59,7	59	25,6	25	16,0	16	101,3	100

* Стратификация по числу крепостных.

** Стратификация по землевладению.

В пореформенное время дворянство стало постепенно утрачивать свои сословные привилегии, сближаясь в правовом положении с другими со-

словиями. В 1861 г. оно лишилось монопольного права на владение крепостными (монополия на земельную собственность была утрачена еще в 1801 г., когда было разрешено недворянам покупать и продавать незаселенные земли); в результате реформы полиции в 1862 г. дворяне утратили право формировать уездную полицию, а после введения земств в 1864 г. потеряли монополию на формирование органов местного коронного управления; в 1863 г. телесные наказания были отменены для всех, кроме крестьян; в результате судебной реформы в 1864 г. дворяне попали под юрисдикцию общесословных судов, с 1874 г. стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. До эмансипации дворяне платили лишь небольшие земские сборы с 1853 г., а с 1863 г. начали платить налоги на общем основании, и введение любых новых налогов в стране стало распространяться на дворян в равной степени с другими сословиями.

Таким образом, к 1917 г. дворяне утратили юридически все свои сословные права, их престиж уже не имел юридического базиса, а основывался прежде всего на традиции и на покровительстве монарха и его правительства. Это наглядно проявилось, например, в том, что после 1861 г. привлекательность губернских дворянских родословных книг для дворян заметно снизилась. Богатые перестали в них записываться, и только бедные проявляли к ним интерес: будучи, как правило, малограмотными, не располагая или не имея возможности сохранить какие-либо письменные источники о своем происхождении, они стремились оставить след в истории внесением своей фамилии в родословную книгу.

Качественно изменилась и структура дворянства. За 1858–1905 гг. доля потомственных дворян сократилась с 69 до 65 %, соответственно доля личных дворян увеличилась с 31 до 35 %; доля поместного дворянства среди потомственного дворянства сократилась с 80–85 % до 30 %, а в общей численности сословия соответственно с 63 до 22 %. Жизненный уклад поместного дворянства также претерпел изменения. Потеряв крепостных в результате реформы 1861 г., оно было вынуждено перестраивать свое хозяйство на основе использования наемной рабочей силы. Основным показателем состоятельности дворян-помещиков стала величина земельной собственности, и были приняты новые основания для разделения дворян-землевладельцев на три страты — к низшей страте относились собственники 1–109 га земли, к средней — собственники 109–545 га, к высшей страте — собственники более чем 545 га. Стратификации дворян-помещиков по землевладению (см. табл. II.2) показывает, что число мелких помещиков возрастало, а средних и крупных — уменьшалось. Это свидетельствует о том, что разорялись все три группы помещиков, при этом крупные становились средними и мелкими, средние — мелкими, а мелкие и часть средних деклассировались, по крайней мере как помещики. Как и в крепостное время, важная причина разорения состояла в том, что единонаследие среди российских дворян, как и среди всего населения, не привилось и поместья в соответствии с законом после их смерти делились на доли по числу наследников мужского пола. Уровень неравенства между дворянами-помещиками в пореформенное время несколько повы-

сился: коэффициент Джини по землевладению в 1861 г. равнялся 0,62, в 1877 г. — 0,79, в 1905 г. — 0,82. Обедневшие дворяне приезжали в города и поступали на государственную или частную службу, занимались предпринимательством, некоторые служили в качестве наемной прислуги, иногда случалось, что женщины-дворянки становились проститутками, а мужчины — люмпенами. Процесс обеднения большей части дворянства сопровождался успешной адаптацией к новым условиям меньшей их части, которой удалось в конце XIX—начале XX в. не только сохранить свои поместья, но и войти в предпринимательскую элиту России.

II.2. Духовенство

Факт становления духовного сословия наглядно демонстрирует, что в России XVIII в. процесс образования сословий реализовывался объективным ходом событий, волей и коллективными усилиями самих социальных групп, не только при поддержке, но иногда и вопреки намерениям высшей власти. Православное духовенство разделялось на черное, или монашеское, и белое, или приходское. На долю монахов приходилось около 10 %, но они занимали командные позиции в русской православной церкви. Церковное право допускало получение духовного сана при удовлетворении возрастного (25 лет для дьякона и 30 лет для священника), образовательного и нравственного цензов, а также при наличии разрешения от начальства для находящихся на службе и от общества или ведомств, к которому приписано лицо, для мужчин податного состояния. Сложение духовного сана разрешалось по прошению и по решению суда за преступления, оскорбляющие достоинство духовного сана. Для вступления в монашество требовался определенный возраст (30 лет для мужчин и 40 для женщин) и свобода от других обязанностей и отношений, не совместимых с монашеством: состоящие на службе получали разрешение от начальства, лица податных состояний — от общества и ведомств, при живом супруге пострижение возможно сразу обоих супругов. Добровольное сложение монашеского сана также не возбранялось. Наш анализ ограничен приходским духовенством.

В XVI—XVII вв. клир церкви, состоявший из священнослужителей (священника и дьякона) и церковнослужителей, или причетников (дьячка, пономаря), избирался прихожанами. Выбор священнослужителей утверждался епископами после проверки квалификации кандидатов, от которых требовалось знание грамоты, библии и церковной службы, а также обладание голосом и соответствующими сану моральными качествами — это прежде всего трезвый образ жизни и скромное поведение. Профессиональные требования были невелики, справиться с ними мог практически любой верующий грамотный человек, и состав духовенства теоретически мог постоянно обновляться за счет притока людей из других слоев населения. Факты, однако, говорят о том, что к концу XVII в. замкнутость духовенства достигла значительных размеров и намного превышала замкнутость других профессионально-социальных групп. Духовные власти при утверждении кандидатов отдавали явное предпочтение детям духовенства. Церковный собор 1667 г. прямо осудил архиереев за поставле-

ние в священники и дьяконы людей, не принадлежавших к духовному званию. Светские власти, не запрещая прямо, негативно относились к переходу крестьян и посадских в духовенство из-за нежелания терять налоплательщиков. Приходские общины при выборах кандидатов также предпочитали представителей духовенства: прихожане, связанные круговой порукой в несении налогов и повинностей, не желали выбирать духовных лиц из своей среды, поскольку за человека, переходящего в состав духовенства из крестьян и посадских, налоги должна была платить его податная община. В свою очередь и духовенство принимало меры, чтобы закрепиться на одном месте, так как найти другую кафедру было нелегко. Так мало-помалу вместе с профессиональной наследственностью развивалась обычай наследования церковных мест. Это шло вразрез с каноническими требованиями православия, но жизненные обстоятельства заставляли церковные власти примириться с этим.

В последующем духовенство приобрело другие признаки сословия. В 1719 г. оно было освобождено от прямого налога, в 1724–1725 гг. — от рекрутской повинности, в 1801 г. священнослужители были избавлены от телесных наказаний. С 1722 г. только Синод в качестве специального церковного суда разбирал все гражданские дела между духовными лицами и уголовные преступления, кроме самых тяжких. В 1774 г. доступ в духовенство из податных сословий был окончательно запрещен. Если в 1730-е гг. на долю представителей светских лиц по происхождению приходилось около 4 % всех клириков, то в 1760-е гг. — 2 %, а в 1780–1790-е гг. — 0,8 %. В 1760-е гг. духовенство было освобождено от всех повинностей и обязанностей перед государством, за исключением ведения актов гражданского состояния, и начало служить только алтарю. С XVIII в. выборы клира прихожанами уже ограничивались и в 1797 г. были запрещены. После смерти священника на церковные кафедры назначались епископом наследники из числа его сыновей, обычно старших, а при их отсутствии место переходило в наследство по женской линии и доставалось мужьям дочерей. С 1797 г. верховная власть стала отмечать духовенство особыми наградами и отличиями (крест на цепи для ношения на шее, особый головной убор и т. п.), что, учитывая специальную одежду служителей церкви, сообщало ему специфические внешние признаки.

Добившись юридического оформления своих привилегий, духовенство окончательно превратилось в сословие, что не входило в намерения правительства. Свои права духовенство, прежде всего Синод и иерархи, можно сказать, вырвали у верховной власти. Оно не поднимало восстаний, а настойчиво просило, требовало, пользовалось любой благоприятной возможностью, личными связями с императорами, чтобы добиться прав, повысить свой социальный статус и законодательно его закрепить. Правительство шло на уступки, понимая, какую огромную опасность может представлять духовенство в случае его враждебного отношения к существующему режиму.

Параллельно с приобретением специальных прав развивались сословное самосознание и сословная честь. Духовенство смотрело на себя как на пастырей и учителей, от которых зависело спасение людей; служители

церкви считали себя привилегированным сословием и претендовали на социальный статус, равный дворянскому. Требования духовенства, по крайней мере священнослужителей, были в значительной степени удовлетворены, так как по своим правам к началу XIX в. они сравнивались с личными дворянами. Представители белого духовенства за особые заслуги получали орден и становились потомственными дворянами, не оставляя духовное сословие.

Русская православная церковь имела такую систему административной и судебной организации, которая позволяла ей реализовывать свой особый принцип управления с большой самостоятельностью. Внутренними сословными делами духовенства управляли почти исключительно духовные лица, частью выбираемые, частью назначаемые. Синод располагал исполнительной властью, хотя и не имел законодательной инициативы. Во главе духовных консисторий стояли архиереи, назначаемые Синодом и утверждаемые императором. Они осуществляли управление и суд в епархии вместе с духовной консисторией, члены которой назначались архиереем из представителей черного и белого духовенства: в 1756 г. консистории состояли на 38 % из приходских священников, а в 1860-е гг. — уже на 79 %. Если работу Синода контролировал обер-прокурор Синода, назначаемый императором из светских лиц, то духовные консистории осуществляли управление вполне самостоятельно. Во главе монастырей стояли сами монахи.

Таким образом, духовенство к концу XVIII в., почти одновременно с дворянством, превратилось во второе свободное сословие, поскольку стало обладать всеми признаками сословия. В первой половине XIX в. сословные признаки духовенства еще более развились.

Белое духовенство превосходило по образованию все сословия, включая и дворянство, а по власти и особенно доходу сильно последнему уступало. В XVIII в. даже младшие чиновники и офицеры имели доход в 4–5 раз больше, в первой половине XIX в. — в 1,5–2 раза больше, чем основная масса священнослужителей. Но самое удивительное, что престиж духовенства в обществе был низок. Нет пословицы, которая что-нибудь хорошее сказала бы о духовенстве. Современники отмечали, что отдельных его представителей любят и уважают, но *«целое сословие находится в презрении»*. В числе причин этого указывалось на далекий от идеала образ жизни духовенства, его замкнутость, существование духовной цензуры. Подрывали авторитет раскольники, пользовавшиеся уважением среди простого народа, и интеллигенция, имевшая влияние среди привилегированных классов. Раскольники считали официальное духовенство изменником истинного православия, а интеллигенция — врагом просвещения. Однако эти объяснения нельзя считать достаточными: негативные отношения к православному духовенству проявлялись еще в Киевской Руси. Возможно, многовековая борьба православного духовенства с язычеством, наследие которого прочно сохранялось в сознании народа до начала XX в., служила не менее важной причиной трудных взаимоотношений духовенства и народа. В некоторых западноевропейских странах, например во Франции, священники не пользовались уважением крестьян.

янства, среди крестьян бытовала присказка: «если у тебя умный сын, сделай из него каменщика, а если придурок — отправляй в попы».

В стремлении улучшить положение духовенства в 1860–1870-е гг. власти провели серию церковных реформ в дополнение к общегосударственным реформам. Была запрещена наследственная передача церковных должностей и отменены все наследственные, семейные права на служебные места в церкви. Дети духовенства получали светский юридический статус — личного или потомственного почетного гражданства в зависимости от образования. Наследственность духовного статуса ликвидировалась, а дети духовенства могли беспрепятственно выбирать себе жизненное поприще в соответствии с наклонностями и интересами. Отменялся обычай, по которому лица духовного звания обязаны были жениться только на дочерях духовных лиц. Духовные школы стали доступны детям всех слоев населения. Отменялись ограничения на свободу слова и печати для религиозных органов. Власть епископа над приходским духовенством была серьезно ослаблена, личный суд епископа сохранялся только в случае маловажных проступков, за которые следовало наказание в виде епитимьи. За все преступления духовенство подлежало светскому суду наравне с лицами недуховного звания. Предусматривалось создание съездов выборных от духовенства для обсуждения вопросов, относящихся к устройству епархиальных духовных училищ и семинарий, и для выборов членов правлений духовных училищ, что ограничивало власть епископа в области духовного образования. Возможность добровольного отказа от сана получили монахи, причем они возвращались в прежнее, домонашеское, сословие со всеми правами, принадлежавшими им по происхождению.

Церковные реформы способствовали постепенному превращению белого духовенства из сословия в профессию. Например, в Москве в 1882 г. из 6319 человек духовного звания отправлением культа было занято всего около 40 %, остальные служили чиновниками, педагогами, врачами, литераторами, артистами, 450 человек работали наемной прислугой, 356 находились в больницах и богадельнях и 134 человека являлись деклассированными элементами. Однако и в начале XX в. среди клириков по-прежнему было мало представителей других сословий: в 1904 г. из 47743 священников всего около 3 % составляли люди светского происхождения. Но теперь это являлось следствием только объективных обстоятельств, так как в законе не осталось никаких оснований для сохранения сословности.

Численность черного и белого духовенства христианских исповеданий с членами их семей в Европейской России и Сибири составляла в 1678 г. около 40 тыс., в 1719 г. — 140 тыс., в 1795 г. — 216 тыс., в 1850 г. — 281 тыс. и в 1897 г. — 240 тыс. человек мужского пола. На долю приходского духовенства приходилось до 90 % всего духовенства. Оно состояло из трех основных групп — священников, дьяконов и причетников, соотношение между которыми находилось в соответствии с духовными штатами. Представители каждой группы имели различный духовный статус и, следовательно, разные обязанности при исполнении церковных обрядов: священник выполнял главную роль, без него вообще не могли совершаться никакие обряды и таинства, дьякон помогал священнику, а

причетники обеспечивали пышность, торжественность службы, выполняющая эстетическую функцию. Священник и дьякон относились к священнослужителям разного ранга, а причетники — к церковнослужителям, не имевшим статуса священства. Священник являлся главой причта и обладал административной властью над остальными его членами. Заметно различались члены причта своими доходами, так как по обычаю они делились между священником, дьяконом и всеми причетниками в пропорции 4:2:1. Наличие духовного образования служило важнейшим фактором при занятии церковной должности, поэтому члены причта отличались высоким уровнем образования (табл. II.3).

Таблица II.3

**Состав православного приходского духовенства
в России в 1738–1913 гг.**

Год	Священники		Дьяконы		Причетники		Всего		Прихожан на одного	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	клирика	священника
1738	—	37	—	10	—	53	—	100	205	553
1783	27,3	29	13,4	14	54,6	57	95,3	100	250*	873*
1824	34,1	31	15,1	14	59,7	55	108,9	100	316	1008
1830	—	31	—	14	—	55	—	100	—	—
1836	32,4	31	15,2	14	58,7	55	106,3	100	—	—
1860	37,8	33	12,6	11	64,1	56	114,5	100	457	1371
1880	37,0	40	7,6	8	48,1	52	92,7	100	—	—
1890	—	43	—	13	—	44	—	100	—	—
1904	47,7	45	14,7	14	44,2	41	106,6	100	826	1844
1913	50,4	45	14,9	14	45,7	41	111,0	100	—	—

* 1796 г.

В 1738 г. один православный клирик обслуживал 205 прихожан обо-го пола, включая детей, в 1824 г. — 316, в 1904 г. — 826, т. е. за 166 лет нагрузка увеличилась в 4 раза. На главную фигуру причта — священника нагрузка возросла в 3,3 раза. На Западе у католиков на одного священника (других категорий церковников у них не было) приходилось в конце XVIII в. около 300 прихожан, у протестантов — 1100, в середине XIX в. — соответственно 700 и 1700, в начале XX в. — соответственно 690 и 2260 прихожан. Иначе говоря, православный священник обслуживал в 2–3 раза больше прихожан, чем католический, но в 1,24 раза меньше прихожан, чем протестантский. Отсюда проистекало и качество религиозной работы, и тяжесть содержания причта для прихода, и величина дохода причта. Всегда отмечалось высокое качество работы католических священников, плохая материальная обеспеченность православного причта. У одного православного российского церковника было в 2,7–4,4 раза меньше прихожан, чем у протестантского, и в 1,2–1,5 раза меньше, чем у католи-

ческого до конца XIX в. Только в конце XIX—начале XX в. у католического священника стало меньше прихожан, чем у православного. Поскольку в конечном итоге притч содержали прихожане, то православным это обходилось в 2,7–4,4 раза дешевле, чем протестантам, и в 1–1,5 раза дешевле, чем католикам. Соответственно доходы, или оплата труда, православных церковников была самая низкая, на что они постоянно жаловались.

Структура приходского духовенства в XVIII—начале XX в. подвергалась изменениям. После церковных реформ в первой четверти XVIII в. и до начала 1780-х гг. происходило уменьшение доли священников и увеличение доли дьяконов и причетников. С конца XVIII в., и особенно в пореформенное время, доля священников и дьяконов имела тенденцию возрастать, а доля причетников — уменьшаться. К 1913 г. доля священнослужителей увеличилась до 59 %, а доля церковнослужителей уменьшилась до 41 % — произошел позитивный качественный сдвиг. Поскольку первые имели более высокий социальный статус, лучшее образование, более высокие доходы, чем вторые, структурные сдвиги благоприятно сказались на общем социальном статусе духовенства и на его благосостоянии, которое повышалось также и благодаря другим мерам, принимаемым духовными и светскими властями. Реальные доходы приходского духовенства возросли за 1714–1913 гг. не менее чем в 3 раза, в том числе за 1714–1850-е гг. — до 2,5 раза.

По доходам различия между тремя стратами в течение XVIII–XIX вв. были умеренными и снижались: в 1738 г. коэффициент Джини по доходам священников, дьяконов и причетников составил 0,45, в 1787–1860 гг. — 0,33, а в 1904–1913 гг. — 0,30. Это объяснялось главным образом увеличением доли священнослужителей и снижением доли церковнослужителей. Доходы духовенства были ниже, чем у дворян, и более равномерно распределялись как между отдельными группами духовенства, так и между отдельными притами.

Духовная карьера строилась в значительной мере на традиционном иерархическом принципе с продвижением по служебной лестнице. Например, в 1830 г. места причетников замещались на 21 % детьми священников, на 9 % — детьми дьяконов и на 70 % — детьми причетников. Статусы не являлись наследственными, но мобильность у представителей разных страт была различной. Самыми мобильными были дети дьяконов, затем — дети священников и, наконец, дети причетников, что определялось полученным образованием: семинарское или академическое образование почти гарантировало получение места священника. Но священникам и дьяконам, материально лучше обеспеченным, дать своим детям образование было легче, чем причетникам, поэтому и мобильность последних была минимальной. В результате церковных реформ 1860-х гг. перемещения внутри духовенства возросли ввиду огромного оттока хорошо образованных детей духовенства в другие сословия.

II.3. Городское сословие

Городское сословие в императорском периоде постепенно превращалось в сословие и по мере этого несколько раз изменяло свое название:

посадские, граждане, купцы, городские обыватели (мы будем называть их также бюргерами). Сословные признаки городских обывателей получили свое завершающее оформление в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. Грамота окончательно определила для него корпоративные формы существования (гильдии, цехи, городское общество), создала сословный суд и организационные формы для самоуправления. Ввиду нежелания дворянства и духовенства работать в органах самоуправления и вследствие запрещения участвовать в них военным и крестьянам, городские думы превратились в органы самоуправления купцов, мещан и ремесленников. Избирательных прав были лишены лица, не имевшие собственного дома, капитала, ремесла, а также лица моложе 25 лет и женщины. Грамота закрепила за городскими обывателями монопольное право на занятие торговлей и промышленностью в черте города, усилила их корпоративные права, передала в собственность общин городские земли, а в собственность отдельных лиц — торгово-промышленные заведения, ввела сословные суды и освободила их от выполнения тягостных казенных служб. Каждый город получил свой герб. Купечество было освобождено от уплаты прямого налога, вместо которого оно стало платить установленный процент с объявленного капитала, и получило привилегию откупаться деньгами от рекрутской повинности. Грамота защитила имущество, честь и достоинство городских обывателей: только суд мог лишить их дарованных им прав; суд же присуждал к штрафу лиц, нанесших им оскорбление, которому подвергались также и дворяне. Они получили право приносить жалобы о своих нуждах на имя губернатора. Наконец, Грамота определила и некоторые внешние признаки сословия: купцы первой гильдии получили право ездить в карете, купцы второй гильдии — в коляске, запряженной парой лошадей, купцы третьей гильдии — в экипаже, запряженном одной лошадью. Мещане и ремесленники должны были ходить пешком или ездить на телегах.

Права, полученные городскими обывателями, соответствовали их пожеланиям, высказанным в Комиссии об Уложении 1767 г., что говорит о том, что у них к моменту издания «Жалованной грамоты» сформировалось сословное самосознание. Таким образом, в течение XVIII в. окончательно обозначилось третье, городское сословие. Подобно дворянству и духовенству оно не имело только одного признака настоящего сословия — не участвовало в представительном учреждении.

В течение конца XVIII–первой половине XIX в. сословные права городских обывателей укреплялись и развивались. Однако после реформ 1860-х гг. сословие испытывало упадок. В этом важная роль принадлежала новому Городовому положению 1870 г. Оно превратило сословное городское самоуправление во всесословное, в котором представители дворянства и профессиональная интеллигенция заняли значительное место. Отмена подушной подати и круговой поруки в 1860-е гг. у мещанства, составлявшего до 90 % общего числа городских обывателей, ослабила мещанскую общину. С потерей сословного самоуправления и монополии на профессию, с упадком сословной общины, с заменой сословного суда всесословным, а рекрутской повинности всесословной воинской обязан-

ностью от городского сословия практически ничего не осталось, кроме имени и формального названия «сословие». Началась его медленная трансформация в классы буржуазного общества.

Общая численность городского сословия с 1719 по 1897 г. увеличилась с 297 тыс. до 5276 тыс. человек мужского пола. Сословие разделялось на несколько страт, которые различались правами, профессиональной деятельностью и доходами. В Московскую эпоху основанием стратификации посадских являлся доход, в соответствии с которым они разделялись на первостатейных, среднестатейных и третьестатейных. В 1721 г. посадские были разделены на регулярных граждан первой, второй гильдий, цеховых и нерегулярных граждан. Во второй половине 1720-х гг. они получили общее наименование купцов и стали составлять три гильдии. В 1775 г. по закону было введено новое деление городского сословия на гильдейское купечество, мещанство и цеховых. Купечество было разделено на три гильдии на основании объявленного капитала, от которого зависело их налогообложение. Для записи в одну из трех гильдий устанавливался ценз или минимальный капитал: для I гильдии — 10 тыс. руб., для II гильдии — 1 тыс., для III — 500 руб. Остальные лица, не имевшие необходимого минимума капитала, были отнесены к мещанам или цеховым.

Городовое положение 1785 г. сохранило классификацию 1775 г. и ее основания — род занятий и величину объявленного капитала, но ввело новую социальную категорию — именитых граждан, в которую входили крупнейшие купцы и банкиры. Реформа 1775–1785 гг. превратила гильдейское купечество в привилегированную страту городского населения, так как оно освобождалось от прямых налогов (подушной подати), рекрутской повинности, опеки посадской общины и т. д. Но *принадлежность к купечеству перестала быть наследственной*: купеческие привилегии покупались, а не наследовались. Всякий городской обыватель мог записаться в купцы и приобрести привилегии, но в этом случае он должен был объявить капитал и платить гильдейский сбор, равный 1 % с объявленного капитала. Сбор даже с купцов III гильдии был в 1775 г. в 4,2 раза, а с 1785 г. в 8,4 раза больше, чем прямые налоги (1,20 руб.) с мещан или цеховых. Если сбор не уплачивался, то купец автоматически переходил в ряды мещан и за ним числилась недоимка. Напротив, звания мещанина и цехового были наследственными.

В 1832 г. вместо категории именитых граждан ввели почетное гражданство, которое присваивалось императорскими указами. Потомственное почетное гражданство давалось по рождению детям личных дворян и детям православных священников, окончившим духовную академию или семинарию; по ходатайству — купцам I и II гильдий, состоявшим безвыходно в своей гильдии соответственно 10 и 20 лет или награжденным орденом, их детям, а также артистам, художникам, ученым с ученой степенью и лицам, имевшим классный чин. Личное потомственное гражданство присваивалось по рождению детям священников без специального образования; по ходатайству — лицам, окончившим университет и некоторые высшие учебные заведения, а также чиновникам, не имевшим по

своему чину права на личное дворянство. В 1863 г. была отменена третья гильдия, и представители всех сословий получили свободный доступ в ряды купечества.

Таблица II.4

**Стратификация городского сословия в Европейской России
без Польши и Финляндии в XVIII–начале XIX в. (в %)**

Год	Почетные граждане	Купцы I гильдии	Купцы II гильдии	Купцы III гильдии	Купцы I–III гильдий	Мещане и цеховые	Цеховые	Всего
1724*	–	9,0	18,0	–	27,0	72,0*	1,0	100
1744*	–	9,0	18,0	–	27,0	67,0*	6,0	100
1764*	–	7,2	24,7	–	31,9	62,1*	6,0	100
1775	–	–	–	–	19,0	81,0**	–	100
1782	–	–	–	–	26,0	74,0	–	100
1795	–	–	–	–	20,0	80,0	–	100
1811	–	0,5	1,0	14,5	16,0	84,0	–	100
1815	–	–	–	–	12,0	88,0	–	100
1824	–	–	–	–	5,6	94,4	–	100
1825	–	–	–	–	7,0	93,0	–	100
1835	–	0,2	0,5	7,9	8,6	91,4	–	100
1840	0,2	0,1	0,4	8,7	9,2	90,6	–	100
1850	0,4	0,1	0,4	6,5	7,0	93,0	–	100****
1858	0,5	0,2	0,5	9,0	9,7	83,0***	7,0	100****
1863	0,8	–	–	–	10,0	83,5***	6,0	100****
1870	1,0	–	–	–	7,0	92,0	–	100
1897	3,0	–	–	–	2,0	91,0***	4,0	100

* Вместе с Сибирью.

** Купцы III гильдии.

*** Мещане.

**** Многие почетные граждане являлись одновременно купцами I–II гильдий, поэтому сумма долей отдельных категорий населения превышает 100.

Стратификация бюргерства в соответствии с изменяющимся разделением его на различные категории представлена в табл. II.4. В составе городского сословия происходили изменения, которые носили циклический характер и определялись социальной и экономической политикой правительства, а также экономической конъюнктурой. Например, в 1812–1815 гг. число купцов снизилось в связи с Отечественной войной, принесшей разорение многим купцам, в 1815–1824 гг. — в связи с формальным разрешением в 1812 г. крестьянской торговли, которая подлежала меньшему налоговому обложению, чем купеческая торговля. После уравнивания финансовых условий крестьянской и купеческой торговли в 1824 г. численность гильдейского купечества начала вновь расти до 1863 г. Несмотря на все перипетии, капитал гильдейского купечества снижался только в годы сокращения его численности — в 1812–1824 гг., а в остальные периоды

возрастал: в 1802 г. сумма объявленного всеми купцами капитала составляла 98 млн руб. серебром, в 1820 г. — 41 млн, в 1849 г. только в Европейской России 113 млн руб. золотом. Упадок купечества обнаружился после реформ 1860-х гг. и по той причине, что в глазах городских и сельских обывателей упала привлекательность купеческого звания — почетное гражданство давало купеческие привилегии, а получить его было легче.

Категория цеховых была введена в 1721 г. вместе с их корпоративной организацией цехами, которые не получили широкого развития. В 1740-е гг. они существовали в 92 гоородах, или в 46 % городов, в 1760-е гг. — в 106, или в 52 % городов, и объединяли лишь треть всех городских ремесленников. Толчок развитию цехов дали Ремесленное положение 1785 г. и Устав цехов 1799 г., действовавший без изменений до 1917 г. Согласно этим актам, все ремесленники должны были записаться в цехи — коренные городские ремесленники как вечноцеховые с правами мещанства, а пришлые из других мест и крестьяне — как временноцеховые без сословных прав мещанства. Подобная организация ремесленного труда была распространена на всю Россию, но вводилась только в тех городах, где число ремесленников достигало значительной величины. Благодаря принятым мерам число цехов и записанных в них ремесленников постепенно возрастало и к 1858 г. охватило почти 7 % всех бюргеров. Но цехи существовали далеко не во всех городах: в середине XIX в. — в 180, в 1893 г. — в 142, в 1905–1917 гг. — в 29 городах России. С быстрым развитием индустриализации ремесленный труд стал постепенно вытесняться, следствием чего явилось сокращение доли цеховых примерно до 4 % в 1893 г. Окончательно цеховая система прекратила свое существование после 1917 г. Таким образом, как и в случае с гильдейским купечеством, корпорация цеховых была на подъеме до 1860-х гг., после чего начала испытывать упадок, дожив, однако, до 1917 г.

Категория мещан непрерывно росла, поскольку впитывала в себя, вопервых, разоряющихся купцов, которые не имели капитала для возобновления купеческих прав, во-вторых, разоряющихся цеховых, которые изменяли профессиональную ориентацию, в-третьих, крестьян-мигрантов.

Верхушка бюргерства до 1860-х гг. была невелика: в 1820 г. во всей России насчитывалось лишь 28 именитых граждан (150 человек обоого пола с семьями), в 1863 г. — 17833 почетных граждан обоого пола. В дальнейшем их число быстро росло, так как интеллигенция, численность которой быстро увеличивалась, почти автоматически получала этот статус, и в 1897 г. почетных граждан было на треть больше, чем купцов, — 156,6 тыс. против 116,4 тыс.

Итак, в течение почти двухсотлетнего периода происходило уменьшение доли гильдейского купечества и цеховых и, наоборот, росла доля мещанства и почетных граждан. Общая тенденция в изменении структуры городского сословия состояла в уменьшении доли привилегированной части сословия с 28 до 5 % и в соответственном росте доли непривилегированной части с 72 до 95 %.

Уже в 1708–1759 гг. неравенство среди бюргеров отдельных городов было значительным. Такое заключение можно сделать, поскольку значе-

ние коэффициента Джини — интегрального показателя уровня неравенства, рассчитанный для этого периода, колеблется от 0,543 до 0,821. В последующем неравенство городских обывателей продолжало увеличиваться: в первой половине XIX в. коэффициент Джини не опускался ниже 0,7, в 1860-е гг. — ниже 0,8, а в 1880-х гг. достиг почти максимальной отметки 0,911.

Важная особенность стратификации бюргерства состояла в том, что верхняя страта сословия постоянно обновлялась благодаря высокой внутрисословной вертикальной мобильности. До середины XIX в. большинство купеческих фирм возвышалось и падало в течение жизни одного, самое большее двух поколений вследствие частых банкротств и расточительства разбогатевших купцов, стремившихся подражать по образу жизни дворянам. На смену обедневшим купцам I и II гильдий приходили разбогатевшие купцы III гильдии, мещане или цеховые, так как никакого юридического барьера между разными стратами городских обывателей не существовало.

II.4. Крестьянство

Крестьянство в середине XIX в. делилось на несколько разрядов, которые имели некоторые отличия, особенно существенные в начале XVIII в. *Государственные крестьяне*, до 1866 г. принадлежавшие казне, вобрали в себя прежде всего бывших черносошных крестьян, многочисленные категории крестьян, не принадлежавших дворянству и императорской фамилии, нерусское население Поволжья, Приуралья и Сибири, платившего особый налог — ясак и потому называвшееся *ясачными инородцами*, церковных или монастырских крестьян после секуляризации 1764 г., а также многочисленные категории служилых людей по прибору. К началу XIX в. можно говорить о консолидации государственных крестьян. *Помещичьи крестьяне*, до 1861 г. принадлежавшие потомственному дворянству, образовались из частновладельческих крестьян и холопов, превращенных в крестьян в ходе ревизии 1719 г. *Дворцовые крестьяне*, до 1797 г. принадлежавшие императорской фамилии в целом, в 1797 г. превратились в удельных и обрели персонифицированных владельцев, в 1863 г. были освобождены. *Монастырские крестьяне* XVIII в. являлись прямыми наследниками монастырских крестьян XVII в., в 1764 г. они были окончательно конфискованы у монастырей и образовали особый разряд экономических крестьян, которые в 1815 г. перешли в состав государственных крестьян. Разряд *посессионных крестьян* образовался в XVIII в. из государственных крестьян, приписанных к заводам и фабрикам купцов, из купленных последними у помещиков, а также из пойманных беглых крестьян, которых отдавали на фабрики навечно.

В XVIII в. права и обязанности всех разрядов крестьян заметно выравнивались. Они стали принадлежать к непривилегированным, или податным, слоям населения, не имевшим свободы передвижения и социальной мобильности, права выбора занятий, прикрепленным наследственно к своему социальному статусу, месту жительства, общине и владельцу. Это дает основание объединить все разряды крестьян

ян, существовавшие до 1860-х гг., в одно сословие закрепощенных сельских обывателей. С 1719 (год 1-й ревизии) по 1857 г. (год последней, 10-й ревизии) доля государственных крестьян увеличилась с 25,9 до 48,8 %, доля всех остальных категорий крестьянства уменьшилась: помещичьих (вместе с посессионными крестьянами) — с 54 до 47,3 %, удельных — с 7,7 до 3,9 %, доля церковных (экономических) крестьян за 1719–1811 гг. сократилась с 12,4 до 8,5 %.

Крестьянство превращалось в непривилегированное сословие постепенно. В середине XVII в. оно имело два существенных признака сословия: наследственность социального статуса и корпоративную организацию в форме мира, или общины. К концу XVIII в. крестьяне приобрели еще два признака сословия: специфический менталитет и этос и внешние сословные признаки. Несмотря на это они имели мало прав и совсем не располагали привилегиями. Екатерина II в 1785 г. подготовила для государственных крестьян проект «Жалованной грамоты», в которой утверждались их сословные права — личная свобода, право собственности, крестьянский суд, самоуправление. Но из-за нежелания раздражать дворянство и возмущать обойденных в грамоте помещичьих крестьян проект не был реализован, хотя использовался на практике в государственной деревне. Права и обязанности крестьян, как и обязанности перед ними их патронов, были закреплены в законе только в 1832 г. Таким образом, крестьяне обладали важными признаками сословия, но до 1832 г. они были квазисословием, а с 1832 г. их можно считать непривилегированным сословием.

В результате реформ 1860-х гг. все категории крестьян консолидировались в единое сословие свободных сельских обывателей и постепенно стали утрачивать сословные черты. После отмены выкупных платежей за землю, подушной подати и круговой поруки, после получения права на выход из общины и изменение своего социального статуса в 1906 г. (указом 5 октября 1906 г. крестьяне, как и все лица податных сословий, были уравнины в правах с другими сословиями в отношении поступления на государственную службу, в учебные заведения, получения духовного звания и поступления в монашество) крестьянство стало быстро превращаться в настоящий класс в истинном значении этого понятия.

Крестьянство в период империи являлось самым многочисленным сословием: в 1678 г. численность его мужской части составляла около 8180 тыс., в 1858 г. — 23889 тыс., в 1897 г. — 39260 тыс. (вместе с казаками). В табл. II.5 обобщены результаты имеющихся в литературе данных о стратификации крестьянских хозяйств в отдельных имениях с конца XV в. до 1861 г. на три группы — бедных, средних и зажиточных.

В крепостное время социальный состав крестьянства был стабильным. В каждый данный момент преобладали и середняки. Имущественные различия между представителями трех страт, как правило, были незначительными, хотя имелись исключительные случаи, когда крестьяне становились очень богатыми людьми, владели записанными на имя помещика крепостными, землей, фабриками, огромным капиталом. После 1860-х гг. дифференциация крестьянства стала увеличиваться, но не достигла той степени, на которой настаивал В.И. Ленин и другие большевистские авторы, стре-

мившиеся доказать, что Россия быстро превращалась в капиталистическое государство. Например, в Воронежской земледельческой губернии крестьянство даже в конце XIX в. было довольно однородно как в имущественном, так и в социальном отношении. Коэффициенты неравенства Джини низки: неравенство в распределении земли между крестьянами оценивается как 0,249, неравенство в распределении скота — 0,173, а неравенство в доходах — наиболее точный показатель уровня неравенства — 0,090. Умеренную дифференциацию обнаруживают результаты группировки крестьянских хозяйств на основе дохода, выполненные земскими статистиками в четырех других губерниях — Костромской, Новгородской, Пензенской и Харьковской. О слабом расслоении свидетельствуют и данные переписи 1897 г.: в 50 губерниях Европейской России всех рабочих и прислуги, для которых данная профессия служила *главным средством к существованию*, насчитывалось всего 6,809 млн обоего пола, или 7,3 % всего населения, а в среде крестьянства — 1,836 млн обоего пола, или 2,3 % от общего числа крестьян — в 3,2 раза меньше. С точки зрения изменения обеспеченности крестьянства 60 уездов скотом, с 1880 по 1905 г. дифференциация была несущественной и имела тенденцию уменьшаться. Результаты оценки по состоянию на 1893–1905 гг. неравенства среди крестьянства в 84 уездах 16 губерний по числу скота и в 58 уездах 9 губерний по количеству земли: средний коэффициент Джини оказался умеренным — по скоту 0,430, по земле — 0,396, а по доходу на душу населения — 0,133–0,206. Таким образом, крестьянство до конца периода империи оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородным и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения.

Таблица II.5

**Стратификация крестьянства
Европейской России в 1495–1860 гг.**

Годы	Число дворов	Население, тыс.	%		
			Зажиточные	Средние	Бедные
1495–1505	5038	—	15	53	32
1600–1750	3479	24353	15	53	32
1751–1800	34116	235036	10	48	42
1801–1860	39178	286863	23	53	24

Социальная и имущественная однородность крестьянства в значительной степени обуславливалась высокой мобильностью внутри самого сословия. До реформ 1860-х гг. крестьяне довольно легко переходили из одной страты в другую — более 80 % крестьян в течение жизни изменяли свой первоначальный статус. Но в пореформенное время внутрисословная мобильность обнаружила тенденцию к снижению, в результате чего в начале XX в. только около половины крестьян переходило в течение жизни из первоначальной страты в другую, вторая половина все время оставалась в своей страте.

II.5. Средний класс и разночинцы

Считается аксиоматичным, что в буржуазном обществе классы существуют в единстве и взаимодействии и поэтому оно нуждается в среднем классе как классе-посреднике. Именно он является консолидирующей силой, гарантом демократического режима, стабильности, общественного порядка и эволюционного мирного развития общества. Однако любое общество, для того чтобы быть обществом, а не конгломератом индивидуумов и социальных групп, нуждается в социальном посреднике. А раз есть потребность, должна быть и соответствующая общественная структура. Кто выполнял эту роль в доклассовом российском обществе?

В крепостное время сословия также существовали в единстве и взаимодействии, хотя единства между ними было намного меньше, чем в буржуазном обществе, а взаимодействие происходило почти исключительно на микроуровне, т. е. на уровне повседневного межличностного общения — на ярмарке, в церкви, в присутственном месте, суде, на службе и т. д. Частота межсословных браков показывает, что в городе сословия взаимодействовали довольно интенсивно, а в деревне слабо: в городе доля межсословных браков равнялась среди духовенства 81 %, среди дворянства — 78 %, среди купцов — 37 %, среди мещан и крестьянства — 59 %, среди разночинцев — 38 %. В деревне браки, как правило, заключались между представителями одного сословия.

Роль социального посредника выполняла структура, которую Политическая полиция (3-е Отделение Императорской канцелярии) в 1820–1850-е гг. называла «средним классом», а современники «средним сословием». «Средний класс — душа империи», по мнению полиции, включал богатых помещиков, купцов I гильдии, образованных людей и литераторов. Примерно так же идентифицировал эту социальную группу в 1856 г. общественный деятель конституционно-аристократического направления М.П. Позен: «Среднее сословие у нас всегда было. К нему принадлежало небогатое дворянство, чиновники, ученые, врачи, высшее купечество. Не образуя собою особого сословия в смысле юридическом, они на практике были им и составляли звено, связующее высшее сословие с низшим».

После Великих реформ, с появлением сословных городских дум и земств, сословия, точнее их представители, получили возможность взаимодействовать на уровне города, уезда, губернии (мезоуровне). Наконец, в конце XIX–начале XX в., когда возникли региональные и общероссийские добровольные ассоциации, политические партии и с 1906 г. парламент, взаимодействие между нарождающимися классами, деградирующими сословиями вышло на национальный уровень (макроуровень). Тогда и зародился настоящий средний класс. В его состав входили так называемые цензовые граждане, которые получили избирательные права в 1864 г. для выборов в земства, в 1870 г. — в городские думы, в 1906 г. — в Государственную думу. Избирательные права получали те, кто отвечал имущественному цензу (отсюда и название «цензовые граждане»): либо владел недвижимым имуществом, либо имел торгово-промышленные свидетельства на право заниматься предпринимательской деятельностью, либо арендовал отдельную квартиру и платил квартирный налог. Этот

ценз выделил из населения малочисленный высший класс, но прежде всего средний класс — буржуазию (поскольку она покупала торговле-промышленные свидетельства) и людей умственного труда (врачей, юристов, преподавателей, техническую интеллигенцию, лиц свободных профессий, чиновников), поскольку квартиры нанимала именно интеллигенция (рабочие и другой бедный люд снимали комнаты, углы, кровати). В 1907 г. число лиц, отвечавших имущественному цензу на право участия в выборах в Государственную думу, в 50 губерниях Европейской России равнялось 1288 тыс., эти же лица имели избирательные права и для выборов в городские думы и земства. Поскольку избирательным правом пользовались только мужчины старше 25 лет, то процент среднего класса надо определять делением числа цензовых граждан не на все население, а на число мужчин в возрасте 25 лет и старше. Тогда доля цензовых граждан составит 5,8 %. В это число входили представители не только среднего, но и высшего класса — около 60 тыс. семей, или 366 тыс. человек, что составляло около 0,34 % населения 50 губерний Европейской России. Следовательно, на долю среднего класса приходилось около 5,5 %, на долю низшего класса — 94,2 %, высшего — 0,3 % (во всей империи — с Сибирью, Закавказьем, Средней Азией и Польшей, процент среднего класса был, вероятно, немного ниже). В приведенные данные не вошли 490 тыс. крестьян-дворохозяев (только в 45 губерниях), имевших в собственности землю, так как по условиям избирательного закона они не образовывали особого разряда избирателей и не входили в состав землевладельцев. По определению средний класс включает мелкую буржуазию, а крестьяне-собственники как раз и являлись мелкой сельской буржуазией. Если их включить, доля среднего класса в 1906 г., накануне Столыпинской реформы, составит 7,7 %.

7,7 % — много или мало? Примерно таким по численности был средний класс на Западе в XVIII в., где лица богаче, чем ремесленники, и беднее, чем аристократы: купцы, мануфактуристы, банкиры, юристы, чиновники и другие представители интеллектуального труда составляли около 20 % городского населения и 4–5 % всего населения России. Но это в 2,6 раза, меньше, чем в Великобритании в 1911 г. (20,3 %), где почти не было фермеров, и в 2,8 раза меньше, чем в США в 1910 г. (21,4 %), если не учитывать фермеров, с учетом же фермеров (16,5 % трудоспособного населения) средний класс США увеличивался до 37,9 % и в 4,9 раза превосходил по численности средний класс России. Американский вариант показывает, почему Столыпинская реформа имела огромное значение для формирования отечественного среднего класса. За 1907–1916 гг. из общины вышли 3,1 млн дворов, и если всех дворохозяев отнести к мелкой буржуазии, то средний класс возрастет до 21,2 %. Однако неправомерно всех крестьян, выделившихся из общины, относить к мелкой буржуазии, так как многие из них давно перестали быть земледельцами, продали землю или сдавали ее в аренду, а сами работали на фабриках и заводах. Ограничимся теми, кто выделился на хутора и отруба, — это 1,5 млн дворохозяев. Но и в таком случае численность среднего класса к 1917 г. увеличилась до 3,2 млн и составляла около 14,5 % населения.

Итак, отставание России от развитых стран по численности среднего класса в дореволюционный период в существенной степени объяснялось неразвитостью института частной собственности: буржуазия — важнейшая часть среднего класса в индустриальную эпоху — без этого института не может развиваться. Вторая причина слабости среднего класса состояла в экономической отсталости страны. Чем более развита экономика, тем больше потребность в работниках умственного труда, тем, следовательно, многочисленнее средний класс. В 1914 г. национальный доход на душу населения, важнейший показатель уровня развития экономики, в России был меньше в 1,5 раза, чем в Австро-Венгрии, в 2,7 раза — чем в Германии, в 2,9 раза — чем во Франции, в 3,9 раза — чем в Великобритании и в 5,3 раза — чем в США.

Некоторые исследователи к «среднему сословию» относят разночинцев. Но с этим нельзя согласиться. Понятие «разночинец» имело два значения. Первое для обозначения людей, которые в силу обстоятельств откреплялись от своего сословия, но в момент переписи не успевали закрепиться за другим сословием. По закону они находились в переходном положении и были обязаны через определенное время приписаться к какому-нибудь сословию. Во втором значении к разночинцам относились все те, кто принадлежал к некоторым мелким социальным группам (например канцеляристы — мелкие чиновники без классного чина), имевшим особый, более привилегированный юридический статус, чем крестьяне и посадские, так как они были освобождены от налога и рекрутской повинности, но менее привилегированный статус, чем дворянство. Разночинцы были промежуточной социальной группой между податными и привилегированными сословиями. Численность разночинцев и их доля в населении в 1719–1833 гг. увеличивались (с 1,6 до 4 %), а в 1833–1913 гг. уменьшалась (с 4 до 0,2 %). Причина этого состояла в том, что в 1834 г. вошел в силу новый Свод законов, который более четко распределил население по сословиям, упразднил мелкие сословные группы и консолидировал основные. В результате реформ 1860-х гг. стимулы для перехода из одного сословия в другое резко снизились, так как были сняты многие сословные ограничения на право заниматься любой профессиональной деятельностью. Вследствие этого произошло уменьшение числа разночинцев. Существование такой значительной по численности социальной группы, как разночинцы, свидетельствует о том, что социальная структура русского общества была достаточно пластичной, а сословия — мобильными.

II.6. От этакратического общества к классовому

Московское государство являлось обществом бескастовым, бессловным и бесклассовым; его можно назвать этакратическим.

К концу XVIII в. в России в основных чертах, хотя и с некоторыми особенностями сравнительно с западноевропейскими странами, сформировались однородные социальные единицы, которые обладали определяющими признаками истинного сословия: 1) сословные права были закреплены в законе; 2) права являлись наследственными и безусловными;

3) имели свои сословные организации (дворянские собрания, городские думы, купеческие, мещанские, ремесленные, крестьянские общества и др.) и сословный, не зависящий от коронной администрации суд; 4) пользовались правом самоуправления; 5) обладали корпоративным духом, сословным самосознанием, менталитетом и этосом; 6) имели внешние признаки сословной принадлежности. По причине отсутствия в стране представительного учреждения российские сословия не имели только сословного представительства при верховной власти (в большинстве западноевропейских стран такие учреждения в XVIII в. тоже отсутствовали или не действовали). Однако дворянство, духовенство и бюргерство, а иногда и крестьянство (например в 1767 г. в Комиссии по сочинению нового уложения) обладали правом быть выслушанными правительством по вопросам о делах сословия и государства, как это практиковалось в некоторых странах Запада (Пруссия и др.). В наибольшей степени идеальному типу сословия соответствовало дворянство, в наименьшей — крестьянство.

Апогей развития сословного строя в России приходится на первую половину XIX в. благодаря тому, что в новом Своде законов 1832 г. социальная структура русского общества получила вторичное, еще более четкое юридическое оформление как строго сословная. Закон определил четыре главных сословия — дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели. Даже после утверждения сословной парадигмы следует иметь в виду, что каждое из четырех сословий, как оно определялось в законе, никогда не составляло единого целого, а подразделялось на разряды, различные по своему юридическому положению. Всего к 1861 г. насчитывалось 68 сословных групп. Ни в одной европейской стране даже в период расцвета сословного строя также не существовало четких консолидированных сословий — дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Четкая 3- или 4-членная сословная структура в европейских странах — не более чем теоретическая конструкция, идеальный, а не реальный тип сословного устройства общества.

Сословия только отчасти являлись плодами трудов законодателей, приписавших людей к тому или иному сословию, и дискурса политиков (социальных ученых тогда еще не было). Сословия сложились в значительной степени стихийно в процессе взаимодействия социальных групп с государственными структурами. И те и другие нуждались в правилах поведения и взаимодействия, т. е. в определении того, кто должен платить налоги, в какой форме и в каком количестве, кто должен защищать рубежи государства, замаливать грехи, пахать землю, торговать, поддерживать общественный порядок, управлять и т. д. Групповые интересы были разными, найти согласие было нелегко, но его в конце концов нашли в острой борьбе и при руководстве и посредничестве государства, которое, разумеется, имело и защищало свои собственные интересы. Консенсус состоял в установлении сословного строя, который и был закреплен в законодательстве. Дворянство, как более организованная, богатая и влиятельная группа, добилось статуса самого привилегированного сословия, духовенство, как менее богатая, организованная и влиятельная группа, — статуса менее привилегированного сословия, малочисленное и

небогатое бюргерство — статуса непривилегированного сословия, а многочисленное, но неорганизованное и бедное крестьянство получило статус непривилегированного квазисословия.

Сословный строй действительно являлся социальным консенсусом; все находили в нем оправдания, резоны, смысл, даже крестьяне, которые оказались скорее среди проигравших, чем среди победителей. Из множества пословиц, выражающих народный взгляд на социальный строй до-революционной России, чаще всего цитируются те, которые осуждают дворян (или бояр, бар), духовенство, критикуют суд, и забываются те, которые содержат примиряющий функционалистский взгляд на социальный строй: «На Руси дворянин, кто за многих один»; «Кабы не боярский разум да не мужичья простота, все бы пропали»; «Кто служит — тужит; а кто орет — песни поет»; «Без попа, что без соли. Без попа не приход»; «С боярами знаться — ума набраться»; «Мужик — Богу свеча, государю слуга»; «Купец торгом, поп горлом, мужик горбом». При этом народный разум признавал и верность теории конфликта, зафиксировав наличие глубоких противоречий между крестьянами и дворянством: «Барская хворь — мужицкое здоровье»; «Барин за барина, мужик за мужика»; «Боярин и в рубище не брат». Общественный порядок поддерживался и тем, что люди из непривилегированных сословий были в большинстве равнодушны к славе, богатству и жизненному успеху в дворянском смысле и могли находить религиозное оправдание, моральное утешение и своего рода компенсацию за свое непривилегированное положение в будущем царстве небесном, без чего им было бы трудно достичь душевного комфорта: «Жить — Богу служить»; «На этом свете помучимся, на том порадуемся». Как заметил тонкий психолог и поэт А.А. Фет: «Нравственно-христианское воспитание умягчает и возделывает духовную почву для плодотворного восприятия всего высокочеловечного, не ставя человека во враждебное отношение к своему жребию, как бы этот жребий ни был скромен».

Как ни парадоксально это звучит, но сословия являлись одновременно и реальными социальными единицами, и воображаемыми сообществами. Сословия были реальны, так как люди ощущали себя и воспринимали других в рамках сословной парадигмы — как крестьян, дворян, мещан и т. п., знали свои привилегии, права и обязанности в том виде, как они были прописаны в законе и формулировались в обычае, соглашались играть роли крестьян, дворян, мещан и т. п. Если государство или другие сословия покушались на права какого-нибудь сословия, оно их коллективно защищало. Отмена Павлом I некоторых принципиальных пунктов «Жалованных грамот дворянству и городам» была встречена протестами и гневом со стороны дворянства и купечества. Император был свергнут с престола и убит в значительной мере по причине нарушения привилегий, дарованных грамотами. Купечество, получившее в 1785 г. сословный суд, воспрепятствовало введению весосословного суда в 1820–1830-е гг., поскольку боялось затеряться среди дворянства. Знало и защищало свои права крестьянство, и не только с дубиной в руках, а жалобами и прошениями: «Не станет хлеба, барин даст», — говорили крестьяне, зная, что помещики по закону обязаны их кормить во время неурожая.

Однако есть существенная особенность российских сословий сравнительно с западноевропейскими в пору их расцвета — сословные интересы защищались, в том числе перед государством, не от имени всего российского дворянства, купечества, духовенства или крестьянства, а от имени дворянства N-й губернии, купечества N-го города, духовенства N-го прихода или крестьян N-й деревни. Представители отдельных сословий не были объединены ни на всероссийском, ни на губернском уровне, поскольку всероссийские и губернские сословные организации по закону запрещались до 1906 г. (кроме дворянства, консолидировавшегося в губернские и уездные дворянские общества в 1785 г.); они сплачивались только в рамках отдельного поселения, к которому были приписаны. Всероссийского дворянства, всероссийского купечества или всероссийского крестьянства не существовало в качестве реальных социальных единиц, как не существовало и рязанского крестьянства, тамбовского духовенства, сибирского купечества и т. п. Иногда Синод заступался за духовенство; изредка во второй четверти XIX в. петербургское или московское купечество пыталось говорить от имени всего городского сословия, но это не было постоянной практикой, закрепленной в законе. Поэтому, имея в виду всероссийский или губернский уровень (кроме дворянства), можно сказать, что сословия являлись воображаемыми или статистическими сообществами.

Классы, как и сословия, формировались в пореформенной России стихийно, в конфликтах и при взаимных уступках различных социальных групп и государства, под руководством последнего, которое юридически оформляло компромисс и делало процесс образования классов по возможности цивилизованным. И хотя складывание классовой структуры сопровождалось активным дискурсом среди общественности, политиков, ученых, юристов, он вряд ли влиял сколько-нибудь существенно на сам ход и направление процесса. Может быть, дискурс сказался на скорости классовобразования, потому что под его влиянием государство до конца XIX в. тормозило обуржуазивание деревни и только с 1906 г. стало его поощрять. Огромное большинство населения даже не слышали о дискурсе, так как не умели читать. Как и в случае с сословиями, государство законодательно оформляло результаты классовобразования, а юридическое утверждение классовой парадигмы способствовало ее более глубокому проникновению в массовое сознание и в жизнь.

Формирование сословий, а потом и классов в России происходило под западноевропейским влиянием: социальная структура в западноевропейских странах до некоторой степени задавала российскому правительству образец для подражания. Однако это влияние не следует преувеличивать. Копирование было внешним, суть процесса обуславливалась внутренними факторами. То, что сословный строй, сложившийся в России к концу XVIII в., был похож на сословный строй европейских государств XVIII в., где он уже разрушался, а не на сословный строй в момент его расцвета в XIII–XV вв., говорит не о силе влияния Запада, а скорее о том, что российское общество не нуждалось в классическом сословном строе, так как уже переросло его.

Важное значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой — устранение правовой неполноценности мещанства и крестьянства. Ликвидация частновладельческого крепостного права в 1861 г., земская и судебная реформы 1864 г., городская реформа 1870 г., военная в 1874 г., а также отмена подушной подати и круговой поруки, телесных наказаний, паспортного режима и выкупных платежей за землю в 1907 г., включение дворянства в число налогоплательщиков, получение права на выход из общины в 1906 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г. привели к тому, что к 1917 г. все сословия *юридически* утратили свои специфические сословные права, сблизились друг с другом в правовом положении. Реформы способствовали постепенной трансформации сословий в классы и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники — с чиновниками-недворянами в профессиональную группу бюрократов, прочие категории личного и потомственного дворянства — с профессиональной интеллигенцией; происходило также «обуржуазивание» дворянства и «оземеливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей и рабочих. Крестьянство заполняло все профессиональные и классовые ниши. Высший, средний и низший классы также ассимилировали представителей всех сословий. Немало дворян пребывало на социальном дне. Приведем сословный профиль 8962 предпринимателей Петербурга и Москвы в 1913 г.: купцы — 44 %, крестьяне — 26 %, мещане — 15 %, разночинцы — 6,4 %, почетные граждане — 5,8 %, дворяне — 2,7 %. К 1917 г. подобный сложный сословный профиль имела любая профессиональная группа, будь то земледельцы, рабочие, прислуга, бюрократы, полицейские, офицеры; только пропорции были иными.

Завершение формирования подлинной классовой структуры общества происходит в ходе так называемой *профессионализации*, под которой понимается консолидация представителей отдельных профессий в профессиональные организации с целью коллективного отстаивания своего общественного статуса и контроля за той сферой рынка, где данная профессиональная группа осуществляет свои функции. Профессионализация сделала в пореформенной России значительные успехи. Но 12 лет, которые прошли после получения в 1905 г. легального права на создание любых ассоциаций, включая профсоюзы и политические партии, — слишком короткий срок, чтобы к 1917 г. всеобщая и глубокая профессионализация совершилась и настоящие классы буржуазного общества сложились. Однако старая сословная структура разрушилась. Слова «рабочий», «солдат», «чиновник» или «крестьянин» стали обозначать не только социальную группу, но и профессию. Складывание классовой структуры хорошо просматривается по данным о сословной принадлежности членов городских дум. До реформы 1870 г. городские думы состояли исклю-

чительно из представителей городского сословия. После реформы состав дум стал пестрым. Так, Петербургская городская дума в 1912 г. на 31,9 % состояла из купцов и почетных граждан, на 25,5 % — из профессиональной интеллигенции, на 16,3 % — из чиновников (в том числе служащих дворян), на 14,4 % — из мещан, ремесленников и крестьян, на 6,3 % — из неслужащих дворян и на 5,6 % — из офицеров. Представители всех сословий сидели за одним столом и обсуждали общие проблемы — это поистине знаковая картинка рождавшегося буржуазного общества.

Чисто внешне социальная структура всего населения в имперский период изменилась мало (табл. II.6). Доля дворянства в населении страны за 1719–1913 гг. уменьшилась с 2 до 1,5 %, духовенства — с 1,9 до 0,5 %, крестьянства — с 89,1 до 80,1 %, военные перестали существовать как сословная группа вследствие замены рекрутства всеобщей воинской повинностью; разночинцы «рассосались» между основными сословиями; зато доля городского сословия увеличилась с 3,9 до 17,6 %. За этой внешней малоподвижностью, как мы видели, скрывались принципиальной важности перемены — социальная структура в имперский период дважды трансформировалась — сначала из этакратической в сословную, а затем из сословной в классовую. Крестьянин в конце XVIII в. очень отличался от крестьянина в начале XX в. Это были совсем разные люди; они имели разные социальные статусы: между крепостным человеком помещика и государства в первом случае и свободным сельским обывателем во втором — огромная дистанция.

Таблица II.6

Социальная структура населения в Европейской России без Польши и Финляндии в XVII–начале XX в. (в %)

Сословие	1678	1719	1762	1795	1858	1870	1897	1913
Дворяне	1,7	2,0	1,0*	2,0	1,5	1,3	1,5	1,5
потомственные	—	—	—	1,1	1,0	0,8	1,0	—
личные	—	—	—	0,9	0,5	0,5	0,5	—
Духовенство	0,9	1,9	1,7	1,2	1,0	0,9	0,5	0,5
Военное	4,5	—	—	—	6,4	6,1	—	—
Армия и флот	0,9	1,5	1,2	1,2	1,6	1,1	1,2	1,0
Городское	4,2	3,9	2,8	4,2	7,3	9,3	11,3	17,6
Крестьянство	88,7	89,1	91,6	88,8	82,7	81,8	85,9	80,1
Разночинцы	—	1,6	1,7	2,6	1,2	0,6	0,8	0,2
Итого **	100	100	100	100	100	100	100	100
Итого, тыс.**	9228	14878	21813	35597	59206	65556	93186	128864

* 1782 г.

** За 1678 и 1858–1913 гг. без регулярной армии.

II.7. Межсословная социальная мобильность

Два фактора определяли изменение социальной структуры общества: различие в естественном приросте отдельных сословий и межсословная

социальная мобильность. Поскольку по естественному приросту сословия различались несущественно (этот вопрос рассмотрен в специальной главе), то главным фактором перемен была социальная мобильность. Насколько сословия были открытыми?

Социальные перемещения обеспечивали рост численности дворянства в первой половине XVIII в. примерно на 30 %, во второй половине XVIII в. — на 40 %, в первой половине XIX в. — на 50 %. К середине XIX в. «новое дворянство», получившее статус за службу, составляло около 59 % сословия, на рубеже XIX–XX вв. — 66 %. Дворянское сословие было широко открыто не только на выходе, но и на входе. Данные о социальном происхождении чиновников (а бюрократия была питомником дворянства) показывают, что в 1755–1855 гг. чиновничество более чем на половину формировалось из недворян (табл. II.7).

Таблица II.7

Социальное происхождение чиновников I–XIV классов (в %)

Сословная группа	1755	1795–1805	1840–1855
Дворянство	49,8	39,4	43,6
Канцеляристы	17,5	9,7	6,6
Духовенство	2,1	19,0	20,2
Нижние воинские чины	0,8	12,5	19,9
Городские обыватели	0,8	4,7	2,9
Иностранцы	7,4	4,5	2,0
Крестьяне и прочие	21,6	10,2	4,8
Итого	100	100	100

Весомую долю недворяне составляли в офицерском корпусе: в 1720-е гг. — 38 %, в 1816 г. — 26 %, в 1864 г. — 30 %, в 1912 г. — 46,4 %. Благодаря социальной мобильности дворянства, с одной стороны, интенсивно обновлялось за счет притока «свежей крови», с другой — через нисходящую мобильность освобождалось от малополезных элементов. Эта циркуляция долгое время поддерживала интеллектуальный и биологический потенциал дворянства на достаточно высоком уровне.

Естественный прирост духовенства всегда опережал общественную потребность в его услугах, что вынуждало власти в XVIII–первой трети XIX в. регулярно производить так называемые разборы духовенства: выявлять тысячи праздных церковников и переводить их в канцеляристы, солдаты, в мещане и государственные крестьяне. Так, после последнего разбора 1831 г. 5022 человека были отданы в рекруты. Велик был вклад духовенства в формирование профессиональной интеллигенции: во второй четверти XIX в. среди бюрократии доля церковников составляла около 20 %, среди преподавателей учебных заведений — 35 %, среди гражданских врачей — 30 %. Но лица из других сословий в духовенство приходили редко: например, среди студентов Петербургской духовной академии в 1814–1869 гг. таких насчитывалось 0,6 %. Зато 15 % выпускников академии стали чиновниками, литераторами, преподавателями и т. п.

Основные потоки перемещений из крестьянства до введения всеобщей воинской повинности направлялись в армию: за 1699–1858 гг. около 7,6 млн. Много крестьян переходили в мещане и купцы, и поток этот со временем возрастал: в 1719–1744 гг. — около 2 тыс. человек, в 1782–1811 гг. — 25 тыс., в 1816–1842 гг. — 450 тыс.; в 1861–1913 гг. счет уже шел на миллионы. Именно крестьяне составляли основной источник пополнения городского сословия. В другие сословия вклад крестьянства был мал; редки были перемещения в крестьянство. Таким образом, крестьянство и духовенство служили главными источниками пополнения других сословий, но сами являлись практически закрытыми на входе. Оба сословия «варились в собственном соку», и в этом состояла одна из причин длительного существования особой субкультуры крестьянства и духовенства, их традиционности, социальной и культурной обособленности от других сословий.

Бюргерство в 1719–1858 гг. ассимилировало около 1,3 млн крестьян, церковников, канцеляристов и отставных военных, а в пореформенный период — несколько миллионов. В свою очередь тысячи городских обывателей переходили в солдаты, в государственные крестьяне, на гражданскую службу, в духовенство. В целом уходивших всегда было меньше, чем прибывавших из других сословий. Открытость городского сословия на входе и выходе обеспечивала его культурную восприимчивость, подвижность, склонность к новациям.

Данные об изменении социального состава учащихся (в особенности увеличение процента крестьян и мещан среди учащихся) могут служить наглядным показателем роста межсословной мобильности после Великих реформ (табл. II.8).

Таблица II.8

**Социальный состав учащихся гимназий
и университетов (в %)**

Сословие	Мужские гимназии					Университеты					
	1843	1863	1880	1898	1914	1855	1863	1880	1895	1914	1914*
Дворянство	78,3	73,1	52,1	52,2	32,5	65,3	64,6	46,6	45,4	35,9	29,2
Духовенство	1,7	2,8	5,1	3,4	7,1	8,2	8,3	23,4	4,9	10,3	3,8
Городское	—	—	31,6	34,6	37,4	23,3	23,5	21,5	40,9	35,3	42,0
Крестьянство	—	—	6,9	7,1	20,0	1,0	1,6	3,3	6,8	14,5	20,8
Прочие	20,0	24,1	4,3	2,7	3,0	2,2	2,0	5,2	2,0	4,0	4,2

* Высшие учебные заведения технического профиля.

Доля учащихся из непривилегированных сословий за 1843–1914 гг. повысилась в гимназиях с 20 до 60 %, в университетах за 1855–1914 гг. — с 26 до 54 %, в технических институтах — до 67 %. В военно-учебных заведениях процент учащихся из потомственного дворянства с 1881 по

1903 г. сократился с 62 до 52. Вытеснение дворянства из учебных заведений, естественно, вело к его вытеснению из бюрократии и офицерского корпуса. Выходцы из потомственного дворянства среди классных чиновников в середине XIX в. составляли около 44 %, в 1897 г. — 31 %, в офицерском корпусе в 1844 г. — 73,5 %, в 1912 г. — менее 37 %. Образование являлось важнейшим каналом социальной мобильности, так как открывало возможности для карьеры на государственной или частной службе и получения титула личного или потомственного дворянства.

Все виды межсословных перемещений охватывали в крепостное время около 10 % каждого поколения, а в пореформенное время — более 20 %. Это немало, учитывая сословный характер русского общества той эпохи. Уровень социальной мобильности в городе был существенно выше, чем в деревне. До 1874 г. примерно на 70 % социальная мобильность была принудительной (переходы в солдаты происходили не по доброй воле); в пореформенное время принудительная мобильность осталась доминирующей, но в данный период вследствие индустриализации, урбанизации и аграрного перенаселения, которые вынуждали крестьян покидать деревню, изменять профессию и социальный статус. Поскольку перемещения из крестьянства в бюргеры или военные были главными направлениями социальной мобильности и, как правило, сопровождались повышением социального статуса, можно сказать, что на протяжении XVIII–начала XX вв. в российском обществе преобладала восходящая мобильность.

Горизонтальная социальная мобильность в абсолютных цифрах охватывала большие массы населения, но при переводе этих данных в относительные показатели оказывалась незначительной. В 1678–1858 гг. в переселения было вовлечено до 4,7 млн человек, что составляло в среднем в год около 30 тыс., или 0,1 % среднегодовой численности населения, следовательно, 2–3 % от численности каждого поколения. Во второй половине XIX в. горизонтальная социальная мобильность, как и вертикальная, увеличилась примерно в 2 раза: в 1870–1915 гг. в пределах России переселились 8,1 млн человек по 233 тыс. человек в среднем в год, или 0,2 % среднегодовой численности населения.

Как и всюду в мире, в России жизненный успех отдельного человека зависел от социального происхождения, материальной обеспеченности, службы, образования и случая. Интересные результаты дает корреляционный анализ факторов социальной мобильности чиновников в первой половине XIX в. Карьера (при устранении влияния возраста) примерно на 31 % зависела от образования, на 18 % — от социального происхождения, на 12 % — от богатства (числа принадлежавших чиновнику крепостных душ) и на 39 % — от других факторов — здоровья, национальности, родственных и личных связей, способностей, активности, благоприятного стечения обстоятельств. Примечательно, что роль происхождения для карьеры была относительно невелика и уступала образовательному цензу — и это в период расцвета сословного строя. Вероятно, в пореформенном российском обществе сословный статус для жизненного успеха человека имел еще меньшее значение.

В развитии буржуазном обществе социальная мобильность была намного выше наблюдаемой в России даже в начале XX в., например в США в 1945–1957 гг. в нее было вовлечено от 61,5 до 67,7 % самодеятельного населения. Невысокая мобильность в крепостное время не обеспечивала представителям различных сословий равных возможностей для продвижения, но зато являлась одним из факторов высокой социальной стабильности дореформенного российского общества. Напротив, двукратный рост социальной мобильности в последней трети XIX–начале XX в. увеличил шансы у лиц из непривилегированных слоев на повышение социального статуса, но дестабилизировал общество и послужил фактором развития революционного движения, даже несмотря на то что восходящие потоки социальной мобильности скорее всего превyšшали нисходящие. Подтверждение этому находим в данных об участии выходцев из духовенства в революционном движении.

Своего пика приток церковников в революционные массы достиг в 1870–е гг.: 22 % народников происходили из духовенства, в то время как его доля во всем населении страны была в 24,4 раза меньше — 0,9 %. Но и в последующем вклад духовенства в революционные кадры был значителен: доля духовных лиц руководящего ядра эсеров — 9,4 %, большевиков — 3,7 %, кадетов — 1,6 %. Экс-семинаристами были И.В. Сталин, А.И. Микоян, Н.И. Подвойский, украинский националист С.В. Петлюра, лидер энесов А.В. Пешехонов, члены ЦК кадетской партии М.С. Аджемов, Я.К. Имшенецкий, Н.В. Некрасов. Ф.Э. Дзержинский в юности мечтал о карьере ксендза. Среди многих объяснений революционной настроенности церковников самое социологичное и наиболее верное предложил в 1863 г. А.А. Фет: «Искусственное умственное развитие, раскрывающее целый мир новых потребностей и тем самым далеко опережающее материальные средства известной среды, неминуемо ведет к новым, небывалым страданиям, а затем и ко вражде с самою средою».

Исследователи, изучающие социальную мобильность, обнаружили, что в закрытых обществах люди, выбившиеся наверх, но не получившие той доли социальных благ, на которую они рассчитывали, рассматривают существующий строй как помеху к достижению своих законных целей и стремятся к радикальному его изменению. А образованные и талантливые люди среди опустившихся становятся лидерами революционного движения. Церковники, исключенные из семинарии, относились именно к этим категориям людей. Они происходили из духовного сословия — образованного, но бедного, презираемого снизу и сверху. В семинарии они осознали, как трудна и тяжела дорога к священническому сану, а награда — ничтожна. Карьеру в церковной иерархии могли сделать 3–5 % семинаристов — тем, кому удавалось поступить в духовные академии. Остальных ожидала хорошо известная им судьба сельского священника — бедность, безвыездная жизнь в темной деревне и сложные отношения с крестьянами. И это после 6 лет учебы и 8–10 лет послесеминарской службы! Вот почему бросившие семинарию или из нее исключенные часто находили свое призвание в революционном движении.

Итак, к 1917 г. сословия *юридически* утратили важнейшие специфиче-

ческие привилегии и превратились в классы. Однако, как это часто бывало в России, закон обгонял и жизнь, и массовые представления о социальной структуре общества, и социальные отношения, и социальное поведение. Социальные традиции оказались весьма живучими и служили препятствием для полной трансформации сословий в классы. Сословная парадигма, упраздненная юридически, не была окончательно ликвидирована фактически и психологически, хотя в общественной практике и в массовом сознании она, безусловно, к 1917 г. потеряла свое прежнее значение. Общество пореформенного периода можно назвать *протоклассовым*. Существование сословий с различными, а иногда и враждебными субкультурами, с огромной имущественной дифференциацией между ними и внутри себя затрудняло формирование не только среднего класса и гражданского общества, но также и единой российской нации, объединенной единой культурой, единой системой ценностей, единым законом. Наличие в составе России других национальностей еще более замедляло этот процесс. В результате складывание российской нации и единого национального государства к 1917 г. не завершилось.

Основные тезисы

1. Московское государство было обществом этакратическим с элементами сословности.

2. Общество второй половины XVII–XVIII в. было протосословным.

3. Сословный строй сложился к концу XVIII в., законодательно закреплен «Жалованными грамотами дворянству и городам» в 1785 г. и вторично в «Своде законов Российской империи» 1832 г. Закон определил четыре главных сословия, которые с точки зрения престижа ранжировались как дворянство — духовенство — городское сословие — крестьянство.

4. После Великих реформ сословия стали превращаться в классы и профессиональные группы, но процесс этот к 1917 г. не завершился: пореформенное общество — протоклассовое.

5. Сословия и классы формировались в значительной степени стихийно в процессе взаимодействия социальных групп друг с другом и с государственными структурами, в конфликтах и взаимных уступках, под руководством государства, которое юридически оформляло компромисс, делая процесс образования сословий и классов по возможности цивилизованным.

6. Сословия являлись одновременно и реальными социальными единицами, и воображаемыми сообществами. Люди ощущали себя и воспринимали других в рамках сословной парадигмы — как крестьян, дворян, духовных, мещан и т. п.; люди добровольно играли роли крестьян, дворян, духовных, мещан и пр., как они прописывались в законе или обычае. Однако, имея в виду всероссийский или губернский уровень (кроме дворянства, которое составляли губернские и уездные корпорации), можно сказать, что сословия являлись воображаемыми или статистическими сообществами, поскольку представители отдельных сословий не были объединены ни на всероссийском, ни на губернском уровне.

7. Образование сословий было большим социальным достижением

российского общества. Четкое определение в законе прав и обязанностей отдельных сословий ставило отношения между сословиями и между сословиями и государством в рамки закона, защищало людей от административного, судебного и другого произвола, развивало уважение к закону и закономерному общественному порядку, создавало предпосылки для возникновения гражданского общества и правового государства.

8. Сословия были разделены внутри себя на страты. У дворянства и городского сословия средняя страта была слабой, низшая, состоявшая из бедных и неимущих, — многочисленной; богатство сосредоточивалось в руках малочисленной высшей страты. Имущественное расслоение среди духовенства было незначительным. Крестьяне до самой революции 1917 г. оставались в имущественном и социальном отношениях слабо дифференцированными.

9. Социальная структура всего населения в имперский период медленно изменялась вследствие того, что сословия были открытыми на входе и выходе, что предписанный, или наследственный, статус не блокировал социальную мобильность, хотя и сдерживал ее.

10. В крепостное время внутрисословная мобильность была высокой у всех сословий; межсословная мобильность у дворянства, духовенства, бюргеров и разночинцев была достаточно высокой, а у крестьянства — низкой. Все виды межсословных перемещений охватывали до 10 % каждого поколения. На 70 % социальная мобильность была принудительной. Преобладала восходящая социальная мобильность. Уровень социальной мобильности в городе был выше, чем в деревне.

11. Во второй половине XIX—начале XX в. внутрисословная мобильность оставалась высокой; основные направления межсословных перемещений были прежними: из крестьянства — в городское сословие, из духовенства — в дворянство и городское сословие. Но уровень межсословной социальной мобильности возрос примерно в 2 раза, открытость сословий увеличилась. Восходящая социальная мобильность, как правило, превосходила нисходящую, структурная мобильность — добровольную.

12. В крепостное время в горизонтальную мобильность вовлекалось 2–3 % людей, во второй половине XIX—начале XX в. — 5–6 %, т. е. в 2 раза больше.

12. Низкая социальная мобильность до 1860-х гг. не обеспечивала представителям различных сословий и населению разных регионов равных возможностей для продвижения, но служила одним из факторов высокой социальной стабильности дореформенного российского общества. Двукратный рост социальной мобильности в последней трети XIX—начале XX в. увеличил шансы у лиц из непривилегированных слоев повысить социальный статус, но дестабилизировал общество и послужил фактором развития революционного движения.

Вопросы для размышления и повторения

1. В чем сходство и различие понятий касты, сословия и класса?
2. Когда сформировались сословия и почему образование сословий было боль-

- шим социальным достижением? Когда сословия перестали существовать?
3. Каким образом складывались сословия и классы?
 4. Что такое социальная мобильность, какие виды социальной мобильности существуют, какое она имеет значение для общества и отдельного человека?
 5. Какое сословие было самым открытым, самым закрытым и почему и какое это имело значение для отдельных сословий?
 6. Трудно ли было в России недворянину стать дворянином, сколько в среде дворянства было выходцев из крестьян, мещан и купцов, и наоборот?
 7. Всегда ли дворянин был богатым человеком? Российское дворянство было бедным или богатым сравнительно с дворянством Запада?
 8. Как и почему происходила утрата дворянского статуса?
 9. Кто и как мог стать священником? Многочисленным ли было духовенство в России сравнительно с западными странами? Как соотношение церковников и прихожан сказывалось на деятельности причта?
 10. Почему народ в массе относился к духовенству негативно, какие это имело социальные последствия?
 11. Какое сословие было самым образованным в России и почему?
 12. Слово «мещанин» в современном языке означает «обыватель», человек узких взглядов, примитивный. Кого называли мещанами в дореволюционной России? Чем они занимались? Мог ли мещанин стать дворянином или купцом?
 13. Что такое коэффициент Джини?
 14. Каков был уровень неравенства среди различных сословий?
 15. Каков был уровень материального и социального неравенства среди крестьян? Мог ли крестьянин изменить свой социальный статус?
 16. От каких факторов и в какой степени зависела карьера человека?
 17. Каково было соотношение различных сословий, как и почему оно изменялось во времени?
 18. Если соотношение сословий более чем за два столетия не изменилось, значит ли это, что социальная структура общества и само российское общество также не изменились? В чем же тогда выражалась социальная динамика?
 19. Что такое средний класс? Велик ли он был в России, больше или меньше, чем в западноевропейских странах?

Глава III

Социальная демография

Ключевые понятия: *брутто-коэффициент воспроизводства населения, демографическое поведение, естественный прирост населения, коэффициент брачности, коэффициент разводимости, коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, модель брачности, нетто-коэффициент воспроизводства населения, современный тип воспроизводства населения, традиционный тип воспроизводства населения, цена простого воспроизводства населения.*

Изучение демографических процессов с социологической точки зрения позволяет наполнить сухие цифры о браках, рождениях и смертях большим социальным смыслом. От того, сколько детей рождает женщина за свою жизнь, зависит ее социальное положение, участие или неучастие в общественных делах — не может женщина, обремененная многочисленным семейством, быть активной общественницей. Естественный прирост населения влияет на уровень благосостояния — не бывает богатых стран, в которых население быстро растет. Но, с другой стороны, увеличение населения служит стимулом социальных изменений. Принципиальным событием нового времени был демографический переход (демографическая революция), в ходе которого рождаемость и смертность попали под контроль человека. Поскольку демографический переход начался со снижения смертности вследствие улучшения гигиены, медицины и т. п., то он должен был начаться с того, что человеку захотелось жить дольше, что ему стало интересно и радостно быть на Земле. Следовательно, должно было измениться отношение и к жизни, и к смерти — от индифферентно-животного к страху перед смертью. Если рост атеизма способствует желанию жить дольше, а глубокая религиозность такое желание ограничивает, значит, демографический переход должен был сопровождаться секуляризацией общественного сознания. Эти и другие проблемы обобщает социальная демография.

В этой главе мы выясним, какая модель демографического поведения действовала в России в XVIII–начале XX в., когда начался переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, кто был пионером в регулировании рождаемости, какие социальные последствия имели длительное существование традиционной модели воспроизводства и ее изменение. Анализ будет из-за недостатка сведений ограничен главным образом православным населением, доля которого во всем населении страны составляла в 1858 г. 85 %, в 1897 г. — 84 %.

Источниками служат данные переписей-ревизий, проводившихся 10 раз в течение 1719–1857 гг., церковного метрического (регистрация браков, рождений и смертей) и исповедного учета (регистрация посещения исповеди), начавшегося в 1720-е гг., административно-полицейской демографической статистики и первой настоящей переписи населения, произведенной в 1897 г. Каждый из видов учета рисовал иногда весьма дале-

кую от действительности картину. Но комбинация сведений всех источников создает достаточно адекватное представление о ситуации и позволяет выявить основные тенденции в демографическом развитии страны.

В табл. III.1 приведены общие коэффициенты брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста по Европейской России в XVIII–начале XX в., которые обнаруживают легкую тенденцию к снижению.

Таблица III.1

**Коэффициенты брачности, рождаемости, смертности
и естественного прироста православного населения
Европейской России в XVIII–начале XX в.
(на тыс. человек)**

Демографический процесс	XVIII в.	1801–1860	1909–1913*
Все население			
Брачность	9,9	10,2	8,2
Рождаемость	51	50	47
Смертность	37	36	31
Естественный прирост	14	14	16
Городское население			
Брачность	11,7	10,6	6,7
Рождаемость	60,0	55,0	36,0
Смертность	51,0	49,0	27,0
Естественный прирост	9,0	6,0	9,0
Сельское население			
Брачность	9,7	10,1	8,4
Рождаемость	50,0	50,0	49,0
Смертность	36,0	35,0	32,0
Естественный прирост	14,0	15,0	17,0

* Все население.

Изменения в демографических показателях до середины XIX в. были незначительными. Это свидетельствует о том, что *за 150-летний период ни городское, ни сельское население не испытывало в своем воспроизводстве серьезных перемен*. Об этом же говорит и стабильная возрастная структура населения в XVIII–первой половине XIX в., которая не изменяется только в том случае, если основные демографические характеристики также не изменялись. Сделанный вывод очень важен. Для периода до середины XIX в. мы располагаем ограниченным набором демографических сведений, относящихся ко всему населению, но почти всеобъемлющим комплексом данных, относящихся к отдельным уездам и губерниям

ям в 1830–1850-е гг. Если воспроизводство православного населения в течение 150 лет в целом отличалось стабильностью и не имело существенных региональных различий, значит, анализ данных за 1830–1850-е гг., касающихся отдельных местностей, может дать более или менее адекватное представление о воспроизводстве населения во всей России за период до середины XIX в. За вторую половину XIX–начало XX в. имеющийся корпус данных достаточен для получения надежной картины изменений в демографических процессах.

III.1. Демографическое поведение православного населения

Модель демографического поведения людей оказывает решающее воздействие на воспроизводство населения. В России периода империи эта модель определялась крестьянством, доля которого среди жителей страны составляла в начале XVIII в. около 90 %, в 1897 г. — 84 %. Девять десятых крестьян жили в деревнях и занимались сельским хозяйством. Чем дальше от 1897 г. в прошлое мы уходим, тем более крестьянским представляется население России. В XVIII в. даже большинство городов России были аграрными, их жители занимались преимущественно сельским хозяйством и по своему частному и общественному быту мало отличались от крестьянства. Хотя модель демографического поведения крестьянства, действовавшая в период империи, претерпела некоторые изменения после Великих реформ 1860-х гг. (для привилегированных образованных слоев населения, кроме духовенства, — в большей степени, для мещан, купцов и особенно крестьян — в меньшей), но в основных чертах сохранилась и, самое существенное, оставалась основной для подавляющего большинства населения. Рассмотрим эту модель.

Демографическое поведение крестьянина обуславливалось главным образом его взглядами на брак, семью и детей. Эти взгляды своим происхождением и бытованием обязаны комплексу социально-экономических факторов, в ряду которых невозможность существования крестьянского хозяйства вне семейной формы, высокая смертность, не обеспеченная государством и сельской общиной старость были важнейшими. Представления о ценности семьи и детей, священности и нерасторжимости брака нашли свое воплощение в нормах обычного права и крестьянской этики, которая в принципе совпадала с христианской. Несоблюдение обычая и этических норм ставило крестьянина вне общины и по существу вне общества, потому что для подавляющего большинства крестьян до конца периода империи община была его микрокосмом, где проходила вся его жизнь от рождения до могилы.

Брачные и семейные отношения в деревне имели не только интимный, но и публичный характер. В свадьбе участвовала почти вся деревня, девственность невесты демонстрировалась — на всеобщее обозрение представлялась рубашка новобрачной, вывешивалась простыня новобрачных на заборе дома, раздел имущества, факты неподчинения детей родителям, семейные конфликты разбирались на общинных сходах; в последний путь провожали все односельчане. Публичность всех межличностных отношений на селе имела следствием подчиненность

крестьянина четким, практически не дающим альтернатив нормам демографического поведения. Стоит подчеркнуть, что эти нормы освящались церковью, к началу XVIII в. они превратились уже в традицию, а традиции, тем более поддерживаемые православной верой, крестьянин привык уважать.

Каково же было содержание норм демографического поведения, в какой мере эти нормы находили воплощение в реальном поведении основной части населения России?

С точки зрения русского земледельца, брак — важнейшее условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Вступление в брак — моральный долг. До заключения брака крестьянского парня, даже взрослого — 20 лет, никем в деревне всерьез не воспринимался. Он — «малый». Уже само название статуса неженатого молодого мужчины говорит об ущемленности его прав и о его неполноценности. И действительно, «малый» находился в полном подчинении у старших, не имел голоса в семье, не участвовал в сельском сходе. Ему не доверялись некоторые сельскохозяйственные работы, например посев, который ассоциировался с оплодотворением, покидать деревню он мог лишь под присмотром взрослых. Только после вступления в брак «малый» становился настоящим «мужиком», т. е. приобретал права и обязанности полноценного члена семьи и общины. Неженатые мужчины вызывали подозрительное и презрительное отношение окружающих. Их называли обидными прозвищами, например «вековушами» по аналогии со старыми девами, что означало пожилой, засиделый, обойденный невестами парень. Люди вслух в их присутствии бесцеремонно выражали свои догадки об их физическом уродстве как о причине внебрачного состояния. Словом, холостое положение рассматривалось как своего рода безнравственное поведение. «Холостой, что бешеный. Холостой — полчеловека», — говорила русская пословица. Считалось, что не женятся только физические и нравственные уроды, парни плохого рода, разорившихся семей или прославившие «непутящими», «забубенными головами», т. е. распутными, буйными и беззаботными людьми, которые забыли страх божий и наставление родителей.

Невеселая судьба ожидала и незамужнюю женщину. Недаром говорили: «Без мужа жена — всегда сирота». По крестьянским понятиям, женщина без мужа не имела самостоятельной ценности: «Птица крыльями сильна, жена мужем красна». После смерти родителей она была обречена на бедность или нищенство, лучшим выходом для нее могло служить пострижение в монастырь. Пословица «Жизнь без мужа — поганая лужа», — отражала мироощущение крестьянки, по несчастливому стечению обстоятельств оказавшейся без семьи. Женщина всегда предпочитала девичеству самую плохую партию.

Взгляды крестьян на брак в значительной мере определялись экономическими и правовыми условиями их жизни. Прежде всего неженатый крестьянин не мог получить полный земельный надел — главный источник средств существования — от помещика, администрации или общины. Между тем только получение земли и связанное с этим вхождение крестьяни-

на в состав налогоплательщиков давало ему личные права — взрослый, но холостой мужчина находился в неопределенном положении. Существовало при наличии в нем и женских и мужских рук, так как в его основе лежало половозрастное разделение труда. По воззрениям крестьян, мужчина не должен был делать женской работы, а женщина — мужской. Приготовление пищи, уход за скотиной, воспитание детей, бытовое обслуживание семьи, включая обеспечение всех ее членов домотканой одеждой, считалось делом женских рук. Полевая же работа, за исключением жатвы, заготовка дров, уход за постройками и т. п. лежали на мужских плечах. Только вместе крестьянин и крестьянка могли вести полноценное хозяйство, способное удовлетворять потребности семьи.

Понимание крестьянами брака как морального долга обуславливалось также их религиозными воззрениями. «Отношения полов, — учила церковь, — святы и чисты только в таинстве брака... Те, кто волею Божьей принимают решение никогда не вступать в брак, должны воздерживаться от всяких интимных отношений, потому что это было бы изменой Богу... Бог сотворил мужчину и женщину, чтобы они в браке соединили свои жизни как “плоть едина”». В соответствии с этими наставлениями церкви жизнь без семьи рассматривалась как отклонение от предначертаний Господних либо по причине несчастья, либо вследствие безнравственности. Напротив, женитьба, рождение и воспитание детей рассматривались как исполнение божественных указаний. В силу этого обряд венчания занимал особенное место в жизни крестьян и назывался ими «суд Божий». «Обряд венчания, — заметил этнограф конца XIX в., — одно из самых великих таинств для крестьянина. Он не только уважает его, но и благоговейно готовится к нему, со страхом встречает. Тут Бог благословляет человека на новую жизнь, решает для него счастье или несчастье. Был жених добрый, невеста честная — присудит Господь толику счастья в брачной жизни, нет — не пошлет Господь и радости. Момент таинства поэтому — самый крупный и страшный в жизни — момент исполнения предначертания Божьего. Отсюда и название таинства судом Божьим».

Итак, экономическая и моральная необходимость заставляла крестьян жениться при первой благоприятной возможности, делала безбрачие почти невозможным в их глазах.

При заключении брака материальные расчеты имели очень большое значение. Это обстоятельство явилось для многих наблюдателей крестьянской жизни основанием считать брак хозяйственной сделкой и отрицать какое-либо значение взаимной склонности, эмоций и наличие нематериальных соображений у жениха и невесты. Такая точка зрения утрирует положение дел. Конечно, браки устраивались родителями, и они всегда принимали в расчет прежде всего статус и престиж семьи, из которой происходили новобрачные, затем личные качества невесты и жениха и лишь в последнюю очередь их взаимные склонности. По русскому обычаю новобрачные не устраивали отдельного самостоятельного хозяйства, новая семья становилась частью уже существующей семьи отца жениха, в его дом переходила невеста на жительство. Вряд ли правильно объяс-

нять исключительно материальными соображениями желание родителей жениха иметь в доме работающую, здоровую, скромную, с хорошим характером, красивую женщину из хорошей семьи, так же как и желание родителей невесты отдать замуж дочь за трудолюбивого, трезвого, здорового мужчину, хорошего роду, с честным именем на селе, которому не угрожает военная служба. Этот расчет включал психологические, эстетические соображения, а также престижность данного брачного союза, поэтому брак не являлся хозяйственной сделкой. Случалось, что желание родителей и новобрачных совпадали, бывало и наоборот, но чаще всего молодые не испытывали друг к другу ни ярко выраженной симпатии, ни антипатии. Однако желание новобрачных все более принималось в расчет. Во-первых, это было следствием того, что возраст вступления в брак со временем повышался. Например, если в начале XVIII в. женили девочку 12–14 лет и мальчика 13–15 лет и их мнение родители могли игнорировать, то во второй половине XIX в. супругами становились молодые женщина и мужчина в возрасте 21 и 24 лет, и совсем не учитывать их желания было уже невозможно. Во-вторых, в молодых крестьянах постепенно развивались автономность, чувство собственной индивидуальности, вследствие чего к концу XIX в. они стали упорнее, чем их сверстники прежде, настаивать на принятии во внимание их желаний.

Наконец, следует учесть религиозные воззрения крестьян. Брак по страсти не являлся богоугодным делом, он содержал в себе, по их мнению, что-то греховное, ибо цель брака состоит не в получении плотских радостей, а в устройстве семьи, рождении и воспитании детей. Страсти греховны и мешают устройству совместной жизни мужчины и женщины на правильных основаниях, т. е. таким образом, чтобы брак, по словам Иоанна Златоуста, превратил дом в «малую церковь», где Божья благодать существует для спасения и жизни человека. В отличие от современного человека, крестьяне полагали, что не страсть, а необходимость оправдывает и одновременно облагораживает брак. Известный этнограф А. Ефименко заметила: «Выходить замуж по любви считается для девушки постыдным».

Согласно крестьянским представлениям, в брак необходимо было вступать в молодости. В начале XVIII в. оптимальным возрастом считались 16–18 лет для девушки и 18–20 для юноши, во второй половине XIX в. — соответственно 20–22 и 23–25. На девицу старше этого возраста смотрели как на засидевшуюся невесту, а на мужчину — как на старого холостяка. Оптимальный возраст до некоторой степени определялся духовными и светскими законами, но главную роль играли все же условия крестьянской жизни. Прежде всего отсутствие необходимости для новобрачных устраивать собственное хозяйство создавало реальную возможность ранних браков. Родители жениха хотели взять в дом работницу помоложе и поздоровее, а поскольку разница в возрасте жениха и невесты была величиной достаточно фиксированной, то и сына приходилось женить раньше. Психологические соображения родителей также играли в этом важную роль. Патриархальная крестьянская семья строилась на строгом подчинении младших старшим, женщин — мужчинам. Чем моложе были дети, тем с большим успехом родители могли употребить свою власть над

ними. «Жени помоложе, пока послушен, а уматереет — не женишь» — житейская мудрость стариков. Крестьяне справедливо считали, что чем моложе невеста, тем легче пройдет ее адаптация к новым условиям. Тяжелая крестьянская работа рано старила и истощала женщину; она быстро теряла свою привлекательность и частично здоровье, а эстетические и практические соображения играли важную роль при заключении брака. Жених хотел скорее стать полноправным «мужиком»; невеста боялась записаться в девках, ее родители страшились, что девушка до замужества может забеременеть, и тогда возможность замужества крайне затруднялась, а на семью и род ложился страшный позор. Родители новобрачных хотели иметь внуков, чтобы быть уверенными, что их род не прервется, — этому придавалось большое значение. При высокой смертности только ранние браки могли это гарантировать. Ранние браки являлись способом дать легальный выход гиперсексуальности молодежи. И старики по-своему были правы — в деревнях, в которых под влиянием отходничества браки заключались в более старшем возрасте, было намного больше женщин с внебрачными детьми, с разбитой на этом основании судьбой.

Как видим, у крестьян имелось много соображений для ранних браков. Поэтому, когда средний возраст вступления в брак в середине XIX в. приблизился к продолжительности одного поколения — 22–25 лет, то в силу всех вышеприведенных мотивов ранних браков дальнейшее «старение» первых браков прекратилось.

Идеальная, с точки зрения крестьян, разница между возрастом жениха и невесты составляла 2–3 года. Девушка считала для себя бесчестьем выйти замуж за «старика» — мужчину старше ее более чем на 2–3 года. Это определялось высокой смертностью мужчин (средняя продолжительность жизни у мужчин была примерно на 2–3 года меньше, чем у женщин), их ранним старением от тяжелого труда и страхом для женщины остаться вдовой, да еще с детьми. И это было резонно. При увеличении разницы в возрасте с 0 до 10 лет вероятность овдоветь к 40–50 годам увеличивалась почти вдвое.

Существенным препятствием к браку служило, пожалуй, только родство или свойству между желающими вступить в брак. По правилам православной церкви запрещались браки по кровному родству и свойству между одним супругом и родственниками другого до 7-й степени, между родственниками одного и другого — до 5-й степени и т. д. Точное соблюдение этих правил ставило трудности при вступлении в брак. Под влиянием требований жизни Синод после долгих колебаний принял в 1810 г. достаточно либеральный закон о браках, который понизил требования к родству на три степени. Например, браки по кровному родству и свойству между одним супругом и родственниками другого запрещались только до 4-й степени. Католическая церковь была либеральнее православной, а протестантская — либеральнее католической: у протестантов запрещались браки только между родственниками по прямой линии. Ограничения между вступающими в брак родственными отношениями, которые соблюдались православным населением, практически исключали возможность существования кровного родства между будущими супругами

и обеспечивали низкую степень последнего в популяции в целом. Это имело огромное значение для воспроизводства физиологически и психологически здорового поколения. По подсчетам некоторых исследователей, среди крестьян в конце XIX—XX в. некоторая степень кровного родства наблюдалась всего у 2–6 человек из тысячи. Таким образом, опыт поколений диктовал как соблюдение равенства в возрасте, так и недопустимость родственных отношений между супругами.

Если брак крестьяне считали богоугодным делом и полагали, что брачные узы неразрывны, то на развод они смотрели отрицательно. Но и здесь взгляды со временем изменились. В начале XVIII в. народная этика допускала разводы и вторые браки при наличии многих оснований. Но постепенно под влиянием церкви число таких оснований сократилось до пяти: пострижение в монашество, прелюбодеяние, длительное отсутствие по неизвестной причине, вступление одного из супругов в отсутствие другого в новый брак, тюремное заключение. Это совпадало с другой тенденцией — со временем идея священности и вечности (считалось, что и в загробном мире, в стране праведников, муж соединится со своей первой женой) брака все более укоренялась в сознании крестьян. Во второй половине XIX в. развод стал рассматриваться крестьянами как тягчайший грех, хотя и в XVIII в. первый брак, как правило, был единственным, если только он не прерывался ранней смертью одного из супругов.

Вдовство, особенно для женщин, крестьяне рассматривали как Божье наказание, огромное несчастье. Имеется много русских пословиц на этот счет: «Лучше семь раз гореть, чем раз овдоветь»; «В девках приторно, замужем натужно, а во вдовьей чреде (положении. — *Б. М.*) что по горло в воде»; «Вдовье дело горькое. Нет причитания супротив вдовьего (вдовый плач — самый горький. — *Б. М.*)». И вдовец, и вдова — «круглые сироты», которые нуждаются в помощи и защите. Поэтому второй брак не осуждался. Однако крестьяне относились к нему с некоторым подозрением из-за страха, что и он окажется недолговечным: один раз Бог покарал, покарает и второй. Третий же брак крестьянами порицался, поскольку считалось, что, вступая в третий брак, человек стремится изменить свою судьбу, явно идет наперекор Божьей воле оставить его одиноким. Крестьяне говорили: «Первая жена от Бога, вторая — от человека, третья — от черта». Крестьянское мировоззрение вступало даже в противоречие с православной нормой, допускающей третий брак как последний брак. Девушка неохотно вступала в брак со вдовцом, так как боялась на том свете остаться одинокой, ибо ее муж там соединится с первой женой. Вдову неохотно брали замуж. Естественно, чаще всего овдовевшие люди вступали в брак друг с другом. Согласно крестьянским представлениям, вступление в брак пожилых (например, для мужчины — в возрасте старше 60 лет, для женщины — старше 50 лет) считалось неприличным, «ибо брак от Бога установлен ради умножения рода человеческого», что находилось в противоречии с законом, который допускал заключение брака до 80 лет.

Моральным оправданием супружеской жизни служили дети — без

них брак терял богоугодность. «У кого детей нет — во грехе живет», — говорила пословица. Многодетность освящалась церковью, прерывание беременности и вообще уклонение от рождения детей считались и церковью и крестьянами грехом. Имелись и экономические соображения, способствовавшие многодетности. Без взрослых сыновей хозяйство не имело шансов стать зажиточным. Только большая семья, полагали крестьяне, могла рассчитывать на благосостояние. Бездетного крестьянина в старости ожидала нужда, потому что после 60 лет у него, как правило, по крайней мере частично, забирали землю опять в общину для нового поколения. Согласно этическим и правовым нормам, сын должен был материально содержать престарелых, немощных родителей, а дочь ухаживать за ними и оказывать моральную поддержку. Так в действительности и было. Уклонявшихся от этой обязанности детей община, крестьянский суд, а до отмены крепостного права помещики и администрация принуждали к выполнению своего долга перед родителями. Без детей старики могли рассчитывать только на помощь общины и родственников, но ее хватало ровно настолько, чтобы не умереть с голоду. Поэтому именно дети служили для крестьян как бы страховым полисом, который обеспечивал их в старости. «Корми сына до поры: придет пора — сын тебя прокормит». При отсутствии сыновей допускалось усыновление, а если все дети были дочерьми, — принятие в семью зятьев. Усыновление проходило по решению общины и в этом случае освобождало семью от воинской повинности. Приемные дети рассматривались как родные и не подвергались никакой дискриминации. Крестьяне говорили: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил».

Сколько же детей крестьяне считали необходимым иметь, чтобы обеспечить старость? Как минимум три сына: «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын». Почему именно три? «Первый сын — богу, второй — царю, третий — себе на пропитание». Пословица имела в виду, что первый сын, скорее всего, умрет в младенчестве, второй пойдет служить в армию (до 1874 г. призыв на службу навсегда отрывал крестьянина от дома), в старости рассчитывать можно лишь на третьего сына. При равновероятном шансе рождения сына и дочери, чтобы иметь троих сыновей, нужно родить шестерых детей. Счет на сыновей велся потому, что «дочь — чужое сокровище: холь (ухаживай. — *Б. М.*) да корми, учи да стереги (от греха, т. е. внебрачной связи. — *Б. М.*), да в люди отдай». «Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям снадобится (пригодится. — *Б. М.*)». Согласно демографическому расчету конца XIX в., для мужского пола вероятность дожить до возраста 1 год составляла 35 %, до 21 года — возраста призыва на воинскую службу — 44 %, до 45 лет — до того момента, когда старому отцу понадобится помощь, — 35 %. Единственного сына в армию не брали. Таким образом, из трех сыновей только один мог помочь в старости.

Среди женского пола смертность была лишь немного меньше, поэтому из трех дочерей в старости можно было полагаться тоже на одну. Значит, на спокойную старость можно было надеяться, если в семье не менее шести детей. Отсюда пословица: «У кого детей много, тот не забыт от

Бога». Сказанное, однако, не означает, что в среде крестьянства родители сознательно стремились ограничить число детей шестью. Всякое вмешательство в священное дело рождения рассматривалось как грех. «Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить», — писал в середине XIX в. священник Ф. Гиляровский.

Крестьяне резко отрицательно относились к внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, не узаконенные через последующий брак, считались незаконнорожденными. Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, в особенности девушке, родившей ребенка вне брака, и ее семье грозили позор, презрение односельчан, а без помощи родителей — и нищета. Нередко такая женщина была вынуждена покидать деревню, переезжать в город, становиться проституткой, подкидывать ребенка или в отчаянии убивать его. Женщины, забеременевшие не от мужа, пытались вызвать искусственный выкидыш, обращались к знахаркам, чтобы избавиться от плода. Незавидна была и судьба незаконнорожденных детей, так как родители «согрешившей» матери часто отворачивались от нее и от ее ребенка, ни отец, ни государство, ни община по закону не обязаны были содержать внебрачных детей. Они жили в деревне париями, их презирали, высмеивали, награждали унижительными кличками. Однако при достижении совершеннолетия мужчины получали земельный надел наравне с другими.

III.2. Брачность

А. Возраст вступления в брак

В России всегда преобладали ранние браки. В XVII—начале XVIII в. наиболее распространенными были браки между 16–18-летней невестой и 18–20-летним женихом; случались и очень ранние браки, так как церковь ограничивала нижний предел бракоспособного возраста 12 годами для невесты и 15 годами для жениха. В 1774 г. бракоспособный возраст повысился у женщин до 13 лет, в 1830 г. до 16 лет у невесты и 18 лет у жениха. Мотивировка последнего указа вполне рациональна: «Во избежание известных по опыту вредных последствий, кои происходят от сочетания браков между несовершеннолетними». Традиция чрезвычайно ранних браков долго сохранялась, но брачный возраст повышался. За 1780–1850-е гг. средний возраст невест вырос с 15–16 до 18–20 лет, женихов — с 16–18 до 20–21 года. На окраинах России — на Севере, в Сибири, в южных губерниях — в брак вступали на год–два позже, чем в центральной части Европейской России.

Кроме закона действовали и другие факторы, повышавшие нижний предел бракоспособного возраста. Фактором, оказавшим влияние на увеличение возраста вступления в первый брак, было осознание образованной частью общества под влиянием разъяснений врачей вредности для здоровья чрезвычайно ранних браков, заключаемых до наступления полной половой зрелости. У русской крестьянки во второй половине XIX в. половая зрелость наступала в среднем в 16,2 года, при этом в 17,1 года на севере и до 15,3 на юге Европейской России. У представительниц привилегированных классов половая зрелость наступала несколько раньше.

Нет никаких оснований для предположения, что половая зрелость в крепостное время наступала раньше. Постепенное повышение брачного возраста в законодательстве, а вслед за ним и в жизни являлось рациональным и происходило под влиянием помещиков и администрации в государственной деревне. От крепостного времени сохранилось множество инструкций, полученных от помещиков и государственной администрации приказчикам, эти инструкции включали и пункт о браках. В первой половине XVIII в. чаще всего рекомендовалось венчать девушек в возрасте 15–16 лет, юношей — в 18 лет, а с конца XVIII в. — соответственно в 16–18 и 18–20 лет; предельный возраст устанавливался для мужчин — 25 лет, для женщин — 20 лет. Инструкции отражали не только изменение гигиенических представлений, но также и усилившееся с конца XVIII в. малоземелье в центре России.

К середине XIX в. большая половина девушек вступала в брак до 21 года, а мужчин — до 23–24 лет. После 23 лет вероятность для девицы выйти замуж падала и к 40 годам становилась ничтожной. Начиная с 1860-х гг. средний возраст вступления в первый брак стабилизировался и вплоть до 1917 г. оставался неизменным: у невест 21,4 года, у женихов — 24,2 года. Устойчивость была результатом главным образом того, что доля вступающих в брак ранее 21 года и после 30 лет уменьшалась, а в интервале 21 год — 30 лет увеличивалась.

Городские женихи и невесты были примерно на 3 года старше, чем новобрачные в деревне, и чем крупнее город, тем разница возрастала. Например, в 1910 г. средний возраст вступления в брак у мужчин равнялся в крупных городах 27,7 года, в прочих городах — 26,8, в деревне — 24,8 года, у женщин — соответственно 24,3; 22,8 и 21,6 года. В пореформенное время в городах наблюдалось понижение возраста женихов, а у невест он практически остался без изменений, что вело к стиранию различий между городом и деревней в отношении возраста новобрачных. Причина этого явления состояла в росте крестьянской миграции в города, которая несла с собой сельскую модель брачности.

Средний возраст вступления в брак заметно варьировал по губерниям. Браки молодели с Севера на Юг и с Запада на Восток. Наиболее молодые браки наблюдались в регионах, имевших сугубо сельскохозяйственную специализацию, наиболее поздние — в промышленных и промысловых регионах. Зависимость от занятий сказывалась на возрасте вступления в брак даже в пределах одного уезда. Современники объясняли это так: если село сельскохозяйственное, то жених и его родители стремились раньше получить работницу в дом, если промышленное или промысловое, то не торопились взять в дом лишнего едока. В пореформенное время возраст вступления в брак всюду в России постепенно выравнивался, приближаясь к среднероссийскому стандарту, в чем отражалось формирование общероссийской модели брачного поведения.

Б. Сезонность браков

В течение года заключение браков происходило неравномерно (табл. III.2). Наибольшее число браков заключалось в январе–феврале и октябре–ноябре. Причины помесячных колебаний были экономические

и религиозные. Церковь воспрещала венчания на протяжении четырех постов — Великого (48 дней), Рождественского (40 дней), Петрова (20 дней) и Успенского (15 дней); с 25 декабря до 6 января, во все дни масленицы (неделя перед Великим постом) и пасхальной недели, в кануны и в самые дни церковных и государственных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года. Отсюда отсутствие браков в марте и декабре и небольшое количество браков в апреле, июне и августе. Частые колебания числа венчаний в феврале объясняются переходящим характером Великого поста, который мог начинаться и в феврале, и в марте. Многочисленные браки зимой и осенью были связаны также с аграрным циклом: с окончанием сельскохозяйственных работ в сентябре начиналось время свадеб (с перерывом в декабре в связи с Рождественским постом), достигавшее своего апогея в январе—феврале и замиравшее к началу нового цикла работ в марте—апреле.

Таблица III.2

Распределение вступления в брак по месяцам в Европейской России в конце XVIII—начале XX в. (в %)

Годы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Сельское население												
1760—1780	31,5	21,7	—	3,2	8,4	2,0	5,2	0,9	5,2	12,4	9,5	—
1830—1850	17,9	11,2	—	8,7	16,9	1,1	6,2	1,5	6,2	15,8	14,5	—
1867—1871	22,9	14,3	0,9	5,4	8,6	4,2	5,1	1,6	3,7	17,2	15,4	0,7
1906—1910	24,7	17,5	1,0	3,6	8,1	4,7	4,1	1,9	4,4	15,8	13,3	0,9
Городское население												
1830—1850	14,4	11,1	—	6,2	16,0	1,7	6,7	1,9	6,4	17,6	18,0	—
1867—1871	15,7	11,2	1,8	6,3	8,1	5,7	8,6	6,1	8,7	13,6	12,1	2,1
1906—1910	16,6	14,1	1,7	6,1	8,0	6,2	8,5	5,7	7,8	13,0	10,3	2,0
Все население												
1830—1850	17,3	11,2	—	8,6	16,8	1,6	6,2	1,6	6,2	15,9	14,6	—
1867—1871	23,8	14,5	—	4,8	8,2	3,7	4,8	1,3	4,0	18,3	16,6	—
1885—1887	22,2	19,7	1,1	4,3	7,1	3,8	4,2	1,6	3,7	16,8	14,6	0,9
1906—1910	25,3	17,3	—	3,7	8,3	4,3	4,5	1,8	4,6	16,7	13,5	—

Сравнение распределения браков по месяцам у городского и сельского населения обнаруживает любопытный факт — после 1861 г. помесечные колебания вступления в брак в городе и деревне становились более согласованными, значит, связь между сезонностью браков в городе и деревне возрастала — указание на то, что миграция крестьян в город усиливалась, а вместе с нею увеличивалось и влияние сельской модели демографического поведения на городскую. Согласованность в изменении двух явлений четко оценивается с помощью коэффициента корреляции, значение которого с ростом согласованности увеличивается от 0 до 1 (при 0 согласованность отсутствует, при 1 — достигает максимального уровня). В середине XIX в. коэффициент корреляции между сезонностью браков в городе и деревне составил 0,84, а в 1906–1910 гг. — 0,95.

Со временем распределение браков по месяцам в пределах года становилось более равномерным, что служит показателем уменьшения зависимости жизнедеятельности населения от аграрного цикла, а возможно, и от требований церкви. Для оценки степени распределения браков по месяцам воспользуемся коэффициентом вариации, который принимает значения от 0 и выше; чем меньше его значение, тем меньше вариация, и наоборот. Коэффициент вариации показывает, что изменчивость числа браков по месяцам в 1906–1910 гг. сравнительно с 1760–1780 гг. в целом уменьшилась, при этом в деревне со 115 до 94, в городе с 82 до 55.

В. Уровень брачности

Брачность в период империи была не только ранней, но и почти всеобщей. В крепостное время всего около 1 % мужчин и женщин в возрасте 60 лет никогда не состояли в браке, что почти совпадало с долей инвалидов (слепые, немые и глухонемые) и психически больных в 1897 г., равной 0,9 % от всего населения. До 1861 г. среди крестьянства безбрачные почти отсутствовали, а в городах, особенно в крупных, они встречались чаще. Например, в Москве в 1782–1857 гг. среди купечества и мещанства в возрасте старше 35 лет процент старых холостяков колебался от 5 в 1815 г. до 11 в 1782 г., а старых дев — от 1 в 1795 г. до 8 в 1857 г. В конце XIX в. количество людей, никогда не вступавших в брак, увеличилось, но все же оставалось невысоким: среди сельского населения в возрасте 50 лет лишь 3 % мужчин и 4 % женщин оставались вне брака, среди городского населения — соответственно 11 и 12 %, среди всего населения — 4 и 5 %. Но в крупных городах безбрачие прогрессировало значительно быстрее. Например, в Петербурге в 1891–1900 гг. среди лиц в возрасте 50 лет насчитывалось 13–15 % мужчин и 19–21 % женщин, никогда не вступавших в брак. И все же даже в начале XX в. доля людей, состоявших в браке, оставалась очень высокой, существенно выше, чем в западноевропейских странах.

При высокой смертности населения овдовение было частым явлением. Вероятность вступить во второй брак у мужчин была существенно выше, чем у женщин: 23 % мужчин женились второй раз и лишь 4 % женщин повторно выходили замуж. Причем с 1867–1870 гг. по 1906–1910 гг. доля повторных браков у мужчин сократилась с 19 до 14 %, у

женщин — с 14 до 9 %. Благодаря сокращению смертности процент вдов среди всего населения также понижался.

Средняя продолжительность брака в 1897 г. у представителей городского населения в возрасте до 50 лет была на 5 лет короче, чем у представителей сельского населения, и равнялась 20 годам против 25 лет. По наблюдениям врачей, средний возраст наступления климактерического периода во второй половине XIX в. и, вероятно, в более раннее время равнялся 45 годам, колеблясь в разных губерниях от 42 до 47 лет. Однако физиологическая стерильность женщин, принадлежавших к непривилегированным сословиям, как правило, наступала к 40 годам — за 4–7 лет до наступления менопаузы, вследствие тяжелых условий жизни и громадных физических нагрузок. Поскольку средний возраст вступления в первый брак у горожанок составлял 23,6 года, у крестьянок — 21,6, то весь репродуктивный период большинство горожанок и крестьянок проводило в браке, что способствовало поддержанию высокой рождаемости. В период империи ситуация в отношении длительности брака мало изменилась, так как брачный возраст повышался, а смертность немного снижалась.

Ранние браки и небольшое число безбрачных обеспечивали в России очень высокий уровень брачности. До 1850-х гг. коэффициент брачности составлял 10–11 браков на 1 тыс. человек населения, в том числе в деревне — 10, в городе — 11. После 1861 г. брачность стала понемногу снижаться, и в 1911–1913 гг. коэффициент брачности упал до 8,2, в том числе в деревне — до 8,4, а в городе — до 6,7 браков на тысячу. До 1860-х гг. уровень брачности в городе был выше, чем в деревне, по той причине, что в городе благодаря миграции оказывалось больше молодых и зрелых людей. После эмансипации брачность в городе стала ниже сельской вследствие более быстрого, чем в деревне, роста безбрачия среди горожан.

Снижение брачности было повсеместным, но в крупных городах — более значительным, чем в малых, а среди городского населения — большим, чем среди сельских жителей. Среди крестьянства брачность понизилась больше в земледельческих губерниях, чем в промышленных. В результате этого произошла нивелировка уровня брачности по регионам, о чем свидетельствует уменьшение вариации коэффициента брачности между 50 губерниями Европейской России: в 1861–1865 гг. коэффициент вариации равнялся 17 %, а в 1896–1900 гг. — 10 %. Наибольшее снижение брачности наблюдалось в земледельческих губерниях, страдающих от перенаселения, а наименьшее — в промышленно развитых, где крестьяне находили дополнительные заработки в отхожих промыслах. Коэффициент корреляции между *снижением* брачности и *уменьшением* количества пахотной земли и угодий на душу населения в 1861–1865 гг., а следовательно, и в более раннее время, был очень низким (0,102), а в 1870–1900 гг. оказался высоким (0,708). Это указывает на то, что после эмансипации крестьян появилось серьезное аграрное перенаселение, что стало оказывать существенное влияние на снижение уровня брачности. В промышленных губерниях, где значительную часть своего дохода крестьяне получали от неземледельческих занятий, брачность в 1860-х гг. не

зависела от обеспеченности крестьян землей (0,123), а в конце XIX в. мало зависела (0,406), но обуславливалась общей доходностью крестьянского хозяйства.

Понижение деревенской брачности отражало то, что в деревне появились не только люди, не желающие вступить в брак, но настолько бедные крестьяне, что они не могли это сделать. Чтобы сыграть свадьбу, нужны были немалые деньги как семье жениха, так и семье невесты. Например, в Рязанской губернии в начале XX в. средней руки свадьба обходилась родителям жениха в 50 руб., в то время как доход семьи середняка, состоявшей из 6 человек, составлял 77 руб. в год. Кроме того, семья жениха платила своеобразный выкуп за невесту, величина которого тоже сильно варьировала по местностям. Так, в Самарской губернии в 1870-е гг. он составлял от 20 руб. за невесту из бедной семьи до 100 руб. — из богатой. В конце XIX в. величина приданого невесты, которое ее родители начинали собирать с момента ее рождения, зависела от местности, традиции, семьи; обычно по стоимости оно было эквивалентно цене двух коров, но иногда приближалось к стоимости всего хозяйства отца невесты. Подготовка приданого наносила серьезный экономический ущерб крестьянскому хозяйству, а если дочерей было несколько, то грозило ему разорением. Однако уклонение от этих затрат наносило удар по престижу семьи, а честь для крестьянина значила много — больше, чем деньги.

Г. Разводы

В России конца XVII—начала XVIII в. разводы не были редкостью, как можно было бы ожидать, основываясь на нормативной модели демографического поведения. До 1730 г. для развода достаточно было обоим супругам сделать заявление своему приходскому священнику и получить от него так называемое «разводное письмо». В некоторых случаях обходились и без священника. Однако если одна из сторон не желала разводиться, то развод становился делом очень трудным. На окраинах России подобная практика сохранялась дольше. В конце XVII—начале XVIII в. насчитывалось до 26 *законных поводов* для развода, с 1723 г. их число упало до пяти: 1) прелюбодеяние, 2) долгое отсутствие одного из супругов по неизвестной причине или ссылка и тюремное заключение, 3) уход в монастырь, 4) близкое родство, 5) вступление в брак при жизни супруга. Несогласие между супругами, физические недостатки, тяжелые болезни, побои не служили основанием для развода. В 1850 г. было разрешено разводиться также и в случае «физической неспособности к брачному сожитию», что было равносильно признанию тяжелой болезни. Ограничения в основаниях для разводов иногда приводили к тому, что мужчины, желавшие расстаться с женой, при ее несогласии на развод прибегали к побоям, чтобы заставить жену либо уйти в монастырь, либо согласиться. В подобных случаях на помощь женщине приходили родственники, которые защищали ее перед светскими или духовными властями.

Государство отдало матримониальную сферу полностью в руки церкви, и духовенство в первой половине XIX в. в основном добилось того, что официальный развод стал возможен только с санкции духовного суда и при самом строгом соблюдении требований к основаниям развода. Напри-

мер, чтобы прелюбодеяние могло служить таким основанием, стороне, которая добивалась развода, необходимо было представить нескольких живых свидетелей. Строгость оправдывалась тем, что развод стал рассматриваться как грех, подрывающий идею о священности брака. Но в глухой провинции и в отдаленных районах, где поблизости не было приходских священников, старые традиции продолжали действовать.

Статистика разводов до 1841 г. отсутствует, но можно полагать, что ужесточение условий, выполнение которых стало необходимым для развода, привело к уменьшению числа формальных, санкционированных церковью разводов. Действительно, в 1841–1850 гг. церковь санкционировала всего 770 разводов, т. е. в среднем по 77 разводов в год. Для православного населения 43 млн это ничтожно мало. После реформ 1860-х гг. число разводов стало возрастать, однако до 1917 г. оно оставалось на очень низком уровне: в 1867–1886 гг. происходило по 847 разводов в год, в 1905–1913 гг. — по 2565. Разводов на 1 тыс. человек населения приходилось в 1841–1850 гг. — 0,002, в 1867–1886 гг. — 0,014, в 1905–1913 гг. — 0,029, в России 2001 г. — 5,3, т. е. в 183 раза больше. В 1900-е гг. в Австро-Венгрии коэффициент разводимости составлял 0,01, в Великобритании — 0,02, Германии — 0,2, Франции — 0,25, США — 0,8 и Японии — 1,1 на тысячу. Данные об основаниях разводов представлены в табл. III.3.

Таблица III.3

**Разводы среди православного населения
Европейской России в середине XIX – начале XX в.**

Основания разводов	Число разводов		Процент разводов	
	1841–1850	1905–1912	1841–1850	1905–1912
Прелюбодеяние	31	18801	4,0	97,4
Неспособность к супружеской жизни	15	449	2,0	2,3
Вступление в брак при жизни супруга	287	–	37,3	–
Безвестное отсутствие и ссылка в Сибирь	409	46	53,1	0,3
Близкое родство	28	–	3,6	–
Итого	770	19296	100,0	100,0

До 1850-х гг. главными основаниями для формального развода служили длительное отсутствие и вступление в брак при жизни супруга, в начале XX в. почти единственным основанием стала супружеская измена. Формальные разводы происходили главным образом в среде городского населения. Дать статистику самовольных, не санкционированных церковью разводов, более распространенных в деревне, невозможно — они не регистрировались. Согласно свидетельствам современников, на рубеже XIX–XX вв. гражданские разводы были более распространены, чем во времена крепостничества. Значит, частота не только формальных,

но и гражданских разводов в пореформенный период увеличилась. Они практиковались среди всех сословий, но более всего и повсеместно среди крестьянства. После развода, если детей в семье было мало, женщина вместе с детьми возвращалась в дом родителей, забирая с собой приданое и те вещи, за которые заплачен выкуп. Если детей много, из дома уходил муж, оставляя все имущество жене и детям.

Таким образом, ужесточение процедуры и дороговизна бракоразводного процесса делали для бедных официальный развод недоступным, и они нашли выход в гражданском разводе, который санкционировался, разумеется нелегально, общиной и общественным мнением. Значительное увеличение и радикальное изменение оснований разводов указывают на серьезные сдвиги в психологии россиян, прежде всего горожан, произошедшие в результате Великих реформ, — на их стремление к счастливому супружеству и к свободному выбору партнера, на готовность защищать свое достоинство, на отказ от традиционного отношения к браку как священному и нерасторжимому союзу.

Если суммировать данные относительно жизненного цикла типичной русской женщины в фертильном возрасте от 16 до 49 лет, вступавшей в брак и прожившей с мужем до конца репродуктивного периода (до 49 лет), то на рубеже XIX–XX вв. из 33 лет своей жизни она проводила в девичестве 6 лет, в замужестве — 25 лет, во вдовстве — 2 года, в разводе — 2 недели.

Д. Семейное состояние населения

Таким образом, в России со второй половины XIX в. началось медленное снижение брачности. Главными факторами этого снижения, вероятно, были аграрное перенаселение, падение благосостояния, начавшееся изменение демографического менталитета населения, которое стало несходительнее относиться к безбрачию, откладыванию вступления в брак, разводам. Это хорошо видно по данным о семейном состоянии важнейших сословий по пяти губерниям (Гродненской, Калужской, Пермской, Симбирской и Ярославской) в 1850-е гг. и 1897 г. (табл. III.4).

Изменения в семейном состоянии начались в первую очередь в городах. Уже в середине XIX в. среди купечества и мещанства, сравнительно с крестьянством, имелось почти в 2 раза больше неженатых (15 % против 7 %) и незамужних (21 % против 12 %) и, напротив, меньше семейных людей (38 % против 44 % у мужчин и 32 % против 40 % у женщин). К концу XIX в. этот разрыв еще более увеличился, хотя и в деревне наметилась тенденция роста числа холостых и девиц. На рубеже XIX–XX вв. и в городе, и в деревне появилось некоторое число разведенных, которые в первой половине XIX в. практически отсутствовали. В деревне сократилось число состоящих в браке. Сравнивая семейное состояние населения на 1897 г. четырех главных сословий, легко заметить, что наибольшие перемены произошли у духовенства и особенно у дворянства, имевших высокий уровень грамотности. Таким образом, изменения в брачной модели начались в городе в первой половине XIX в. и затем, во второй половине XIX в., они распространились на деревню. Лидерами этих перемен выступали образованные слои населения, в первую очередь дворянство.

**Семейное состояние населения
Европейской России в 1850-е гг. и в 1897 г. (в %)**

Семейное состояние	Купцы, мещане		Крестьяне		Дворяне		Духовенство	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
1850-е, по пяти губерниям								
Не достигшие брачного возраста	42	33	44	40	–	–	50	39
Холостые и девицы	15	21	7	12	–	–	7	13
Состоящие в браке	38	32	44	40	–	–	37	35
Вдовы	5	14	5	8	–	–	6	13
1897, по пяти губерниям								
Не достигшие брачного возраста	34	33	47	41	–	–	–	–
Холостые и девицы	23	19	8	12	–	–	–	–
Состоящие в браке	40	34	41	38	–	–	–	–
Вдовы	3	14	4	9	–	–	–	–
Разведенные	0,1	0,1	0,07	0,05	–	–	–	–
1897, Европейская Россия								
Не достигшие брачного возраста	43	39	45	40	36	30	40	32
Холостые и девицы	17	16	11	12	26	24	19	27
Состоящие в браке	37	35	40	40	34	32	34	29
Вдовы	3	10	4	8	4	14	7	12
Разведенные	0,1	0,3	0,01	0,05	0,2	0,2	0,04	0,04

Поскольку именно в столице империи, Петербурге, концентрировались образованные люди и находилось много иностранцев, то изменения брачной модели там были особенно заметны. Уже в 1864 г. в столице доля холостых и девиц достигала 35 %. Средний возраст вступления в первый брак составлял у мужчин 30,5 года, у женщин — 25,5 года. Сезонность браков существенно сгладилась. К началу XX в. появились первые сотни разведенных, которые составляли 0,18 % всего населения города.

Итак, российская модель брачности XVIII в. отличалась от западноевропейской, для которой были характерны поздние браки (возраст невест превышал 25 лет, женихов — 27 лет) и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке (она составляла как минимум 10 % и во многих случаях превышала 15 %). Примерно с конца XVIII в. модель брачности начала изменяться прежде всего за счет возрастания нижнего предела бракоспособного возраста, затем за счет увеличения числа лиц, не вступающих в брак, за счет разводов и сокращения числа повторных браков. Тем самым традиционная модель всеобщих и ранних браков стала постепенно приспосабливаться к новым условиям и новым взглядам на семейную жизнь. Это относилось ко всем сословиям, но в разной степени. Тон изменениям в брачной модели задавали крупные города и образованные

слои населения. Изменения брачной модели привели к снижению общего уровня брачности в стране. И все же Россия по этому показателю вплоть до начала XX в. занимала первое место среди развитых европейских стран и США. Только в 1900-е гг. на первое место вышли США, благодаря огромной эмиграции взрослого населения из Европы, и сохранили лидерство в последующие 40 лет.

III.3. Рождаемость

А. Уровень рождаемости

Высокий уровень брачности при психологической установке людей на многодетность предполагал высокую рождаемость. До середины XIX в. у православных происходило около 50 рождений на тысячу человек населения, причем в городах на 5–10 пунктов выше, чем в деревне. Начиная с 1860-х гг. рождаемость стала снижаться, но в городах быстрее, чем в деревне, и в 1909–1913 гг. составила в городах 34, в деревне — 44 на тысячу (для населения всех конфессий — соответственно 36 и 49 рождений на тысячу). Сколько же раз женщина рожала за свою жизнь? В пореформенное время замужняя крестьянка, прожившая в браке весь репродуктивный период и обладавшая хорошим здоровьем, рожала в среднем 8–10 раз, следовательно, на каждую женщину, с учетом безбрачных, вдов и солдаток, приходилось в среднем по 6–8 родов. Эти данные характеризуют среднюю плодовитость всех русских женщин до середины XIX в., поскольку сколько-нибудь существенных различий в рождаемости как между городом и деревней, так и между разными сословиями, за исключением чиновников, не наблюдалось (табл. III.5).

Таблица III.5

**Демографические процессы среди разных сословий
в 1840–1850-е гг. (на тыс. человек населения)**

Сословие	Рождаемость	Смертность	Прирост	Брачность	Рождений на 1 брак
Дворяне-помещики	51	41	10	8,6	5,9
Духовенство	51	39	12	9,6	5,3
Купцы	51	39	12	8,2	6,2
Мещане	52	40	12	8,4	6,2
Крестьяне	51	35	16	10,0	5,1
Военные	52	43	9	8,2	6,3
Итого	51,1	35,9	15,2	9,9	5,2

Что касается чиновников, то они весьма неохотно связывали себя семейными узами; многие из них оставались холостяками, и если вступали в брак, то в зрелые годы, вследствие чего у них было меньше детей, чем у других сословий. Причина этого состояла в том, что многие чиновники в качестве дохода имели исключительно жалованье. Пока они находились в малых чинах и имели скромный доход, женитьба означала для них паде-

ние благосостояния ниже того уровня, который было прилично иметь чиновнику. Они могли позволить себе жениться тогда, когда достигали значительного чина, на что требовалось много лет службы.

В пореформенное время дворянки стали рожать примерно на треть, а купчихи, мещанки и крестьянки — на 10 % меньше, чем в крепостное время. Общее представление об изменении рождаемости по сословиям в России с конца XVIII в. дают данные табл. III.6.

Таблица III.6

**Количество детей в возрасте до 7 лет в Европейской России
по сословиям, 1796–1903 гг. (в % от общей
численности населения)**

Сословие	1796	1835	1849	1860	1903
Дворяне	15,9	15,0	15,3	15,2	10,9
Духовенство	18,3	20,5	20,5	19,4	18,4
Купцы, мещане	14,6	16,1	16,0	15,6	15,0
Крестьяне	14,9	17,8	17,7	18,3	18,6
Итого	14,9	17,6	17,5	18,0	18,2

До 1830-х гг. различия в числе детей в возрасте до 7 лет у разных сословий были несущественными. Со второй трети XIX в., когда точность учета заметно возросла, число детей у дворян и чиновников стало значительно, а у купцов и мещан медленно уменьшаться, у крестьян, напротив, немного увеличиваться. Как же это сочеталось с тем, что у всех сословий рождаемость снижалась? Детность сословий отражает изменение не только рождаемости, но и смертности, которая с 1860-х гг. начала сокращаться. У крестьян уменьшение смертности немного превышало снижение рождаемости, результатом чего и явился некоторый рост числа детей. Вероятно, снижение смертности замедлило уменьшение детности в семьях других сословий.

Снижение рождаемости началось в городе еще в крепостное время. После эмансипации крестьянства оно распространилось на губернии сельскохозяйственной специализации быстрее, чем на губернии промышленной ориентации. В тех и других сокращение рождаемости согласовывалось с изменением земельной обеспеченности крестьян: коэффициент корреляции между наделом и рождаемостью в промышленных губерниях равнялся 0,831, а в сельскохозяйственных — 0,623. В дореформенной деревне подобная зависимость отсутствовала. Ряд современников отмечали связь рождаемости с колебаниями урожаев и цен на хлеб, с качеством питания и вообще с благосостоянием населения, с уровнем физических нагрузок, в доказательство указывая на прекращение менструаций у женщин с наступлением постов, у крестьянок — во время полевой страды.

Особого внимания среди факторов, понижавших рождаемость у таких сословий как купцы, мещане и крестьяне, заслуживает отход на сезонные работы крестьян в город, горожан в деревню, что особенно быстро стало развиваться начиная с 1860-х гг. Миллионы крестьян, включая

женщин, и десятки тысяч мещан и купцов ежегодно покидали, иногда на длительные сроки, свои дома ради заработка. Говоря об отходничестве, обычно имеются в виду крестьяне. Это правильно только в абсолютных цифрах. В 1891–1900 гг. отходничеством занималось около 4,7 % крестьян (3,8 млн) и 28,1 % всего городского сословия (3,4 млн). На рождаемость отходничество влияло прежде всего вследствие длительной разлуки супругов, но также и тем, что изменяло быт и стандарты традиционного демографического поведения у крестьян. В уездах с развитым отходничеством благосостояние и грамотность были выше, быт имел сходство с городским, в брак вступали позже, в семьях было меньше детей, они получали больше ухода, их лучше воспитывали. В таких уездах показатели смертности и рождаемости были на несколько пунктов ниже, средняя продолжительность жизни для новорожденных на 3–4 года больше сравнительно с чисто сельскохозяйственными уездами. Заметное различие в образе жизни встречалось даже в пределах уезда, в соседних волостях, если одни занимались отходничеством, а другие — нет.

Б. Начало регулирования рождаемости в России

Принято считать, что если общая рождаемость составляет 40–50 на тысячу человек населения, то брачная плодовитость находится на физиологическом пределе и волевого сознательного ограничения числа детей у женщин не существует. Тезис о всеобщности стихийной рождаемости в России до середины XIX в., а для крестьянства — до 1930-х гг. нуждается в корректировке прежде всего потому, что у людей имелось желание ограничить рождаемость и они знали способы, как это сделать.

Для всего исследуемого времени желание предотвратить беременность или избавиться от нежелаемого ребенка было свойственно женщинам, которым приходилось рожать вне брака, поскольку это считалось большим позором и для женщины, и для ее родственников. В Европейской России уже в середине XIX в. насчитывалось около 260 тыс. женщин с внебрачными детьми. Доля *зарегистрированных* православными священниками незаконнорожденных детей в общем числе новорожденных в первой половине XIX в. колебалась от 2 % в Киевской губернии до 7 % в Московской губернии, составляя в среднем по Европейской России 3,3 %. В 1859–1863 гг. православные женщины регистрировали в среднем в год 99 тыс., в 1910 г. — 106 тыс. незаконнорожденных. Однако их доля в общем числе новорожденных снижалась: 1859–1863 гг. — 3,4 %, 1870 г. — 3,0 %, 1885 г. — 2,7 %, 1910 г. — 2,3 %. Итак, по мере модернизации, урбанизации и индустриализации происходило относительное уменьшение числа внебрачных детей у православных женщин, в то время как у старообрядцев, католиков, протестантов и иудеев увеличивалось. Как можно интерпретировать этот парадокс?

Единственное удовлетворительное объяснение состоит в том, что женщины, вступавшие во внебрачные отношения, применяли противозачаточные меры, а забеременевшие вне брака избавлялись от плода путем аборта или искусственного выкидыша. Только это объяснение может примирить противоречащие на первый взгляд факты, наблюдавшиеся в пореформенное время: 1) число незамужних женщин, вступавших во вне-

брачные половые связи, по общему мнению современников, возрастало; 2) возможность скрыть факт беременности и внебрачного рождения как от родственников, так и от священников, увеличивалась; 3) среди старообрядцев, католиков, протестантов, иудеев и мусульман женщины, не состоявшие в браке, но рожавшие детей, не осуждались столь сурово, как среди православных, а их дети не дискриминировались; 4) женщинам не было смысла уклоняться от регистрации внебрачного ребенка потому, что, согласно религиозным представлениям, некрещеный младенец не попадал в рай, воспитательные дома, куда можно было сдать ребенка, в 1891 г. ввели ограничения на их прием. Если наше предположение верно, то число женщин, применявших противозачаточные средства или делавших аборт в течение года, в 1910 г. превышало 126 тыс. Эта цифра получена следующим образом. В 1859–1863 гг. число внебрачных детей составляло 99 тыс., а их доля среди всех новорожденных — 3,4 %. Если бы женщины не применяли мер против рождения только незаконнорожденных детей, то число последних должно было бы составить в 1910 г. как минимум 232 тыс. (по проценту незаконнорожденных в 1859–1863 гг. от общего числа новорожденных в 1910 г.). Между тем фактически было зарегистрировано 106 тыс. внебрачных детей, т. е. на 126 тыс. меньше.

С середины XIX в. среди *замужних женщин* всех сословий, включая крестьянок, обнаружилось явное желание уменьшить число детей. Уже в народных пословицах, собранных В.И. Далем в 1840–1850-е гг., имеются такие, которые иронизируют над многодетностью и не рассматривают ее как безусловное благо: «Детки — на руках железа»; «Малые дети не дают спать, большие не дают дышать»; «Без детей горе, а с ними вдвое». В 1860-е гг. появляются первые свидетельства современников о том, что матери стараются избежать зачатия и беременности, число которых со временем увеличивалось. Рост числа подкидышей мог бы служить хорошим показателем увеличения количества нежеланных детей. Но, хотя дети подкидывались по всей России на протяжении всего изучаемого периода, полных сведений об этом нет. Представление о динамике рождаемости нежеланных детей дает деятельность двух самых больших воспитательных домов в России, находившихся в Москве и Петербурге. В 1791–1800 гг. в оба дома поступали ежегодно 3342 младенца, в 1841–1850 гг. — 13092, в 1871–1880 гг. — 20169, в 1881–1890 гг. — 24298, в 1891–1900 гг. — 17785, в 1901–1910 гг. — 19218. Следовательно, за 120 лет число подкидышей возросло в 5,8 раза, в то время как население России увеличилось в 2,9 раза. Число подкидышей, принятых в воспитательные дома, зависело не только от количества матерей, желавших их сдать, но и от возможностей и политики воспитательных домов. Поэтому, например, снижение численности подкидышей в 1891–1910 гг. вовсе не означает, что их действительно стало меньше, — просто воспитательные дома ввели ограничения на их прием: стали требоваться свидетельства от полиции и священников, подтверждающие, что приносимые в дома дети — незаконнорожденные. Это сразу уменьшило число желающих сдавать детей в воспитательные дома.

Итак, в пореформенное время сотни тысяч русских женщин стали тя-

готиться многочисленными детьми и задумываться над тем, как облегчить бремя материнства, как уменьшить многодетность. Знали ли женщины средства против этого? В древнерусских памятниках XI–XII вв. встречаются свидетельства, что женщины использовали лекарства для вытравливания плода и нагружали себя тяжелой физической работой, чтобы вызвать выкидыш. Судя по вопросникам, составленным монахами для исповеди в XIV–XVIII вв., священники спрашивали женщин на исповеди: «Не травила ли младенца во утробе? Не убила ли младенца во утробе?» Кроме того, и мужчин, и женщин постоянно призывали покаяться за отклонения (они во множестве перечислялись) от ортодоксального способа полового акта, признаваемого в православной церкви, которые могли использоваться для избежания беременности. В одном вопроснике, относящемся к началу XVIII в., имеется такой вопрос: «Не вступал ли муж в половой контакт с женой после извержения семени?» Это указывает на то, что *coitus interruptus* был известен, но его использование считалось грехом. Врачи и судебные следователи отмечали следующие способы предотвращения или прекращения беременности, известные женщинам в конце XIX в.: механические (поднятие тяжестей, прыжки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и т. п.), лекарственные (от различных трав до ртути и фосфора, употребляемых внутрь), вытравливание плода, удлинение лактационного периода, аборт и др. В каждом селении были знахарки, занимавшиеся изгнанием плода.

Если люди имели потребность регулировать деторождение и знали, как это делать, то естественно ожидать, что они применяли эти, пусть весьма несовершенные, методы. Так оно и было в действительности, хотя соответствующая информация скрывалась, поскольку по духовным законам все средства предотвращения беременности считались грехом, а по гражданским законам аборт был запрещен и уголовно наказуем, причем привлекались к ответственности и врачи, и пациенты. В деревне большой популярностью пользовалось увеличение срока кормления грудью до 2 и более лет. В 1860-е гг. горожане познакомились с абортом раньше, и в начале XX в. промышленные города были охвачены «эпидемией абортов». Прерывания беременности в большинстве случаев были криминальными, поэтому можно составить лишь приблизительное представление об их числе. Если за 1840–1890 гг. во всех российских родовспомогательных учреждениях было сделано всего 247 официально разрешенных по медицинским соображениям абортов, то в 1910-е гг. только в Москве совершалось около 10 тыс. абортов в год. При этом менее 1 % женщин, сделавших аборт, предстали перед судом, причем в 75 % случаев они были оправданы. В 1913 г. под влиянием общественного движения за отмену уголовного преследования врачей и пациентов за производство абортов Двенадцатый съезд русских врачей поддержал это требование. Однако аборт в России был легализован только в 1920 г.

В городах движение женщин против многодетности приняло более широкие масштабы. Например, в таком среднем по численности населения городе России, как Харьков, распространение презервативов и абортов началось уже с конца 1860-х гг. С 1890-х гг. образованные классы населения

стали широко применять презервативы. Однако по религиозным причинам и из-за дороговизны презервативы в крестьянский быт не входили.

Регулирование рождаемости постепенно входило в жизнь и начинало приносить свои результаты. Рождаемость в Петербурге с 1861–1865 гг. по 1911–1915 гг. упала с 38 до 26 новорожденных на тысячу человек населения, в Москве в 1867–1880 гг. всего 23 на тысячу, но в отличие от Петербурга к 1911–1913 гг. повысилась до 29 новорожденных на тысячу вследствие огромного притока крестьян. Данный уровень рождаемости свидетельствует о том, что она стала регулироваться. Об этом говорит и тот факт, что общая и брачная плодовитость в Петербурге имела не только межсословные, но и внутрисословные отличия. В 1907–1912 гг. женщины бедных классов рожали в 3 раза чаще, чем представительницы богатых слоев, жены квалифицированных рабочих рожали в 2 раза реже, чем жены неквалифицированных рабочих. К 1910 г. насчитывалось 15 губерний, где рождаемость была ниже 40 младенцев на тысячу и, следовательно, определенно контролировалась.

Знание методов регулирования рождаемости проникало в деревню через отходников. В волостях с развитым отходничеством женщины обыкновенно рожали через 3,5 года, хотя мужья ежегодно на два–три месяца приходили домой, а в волостях «оседлых», крестьяне которых не занимались отходничеством, — через 1–2 года. Поэтому в первых женщины рожали за репродуктивный период 5,3 раза, а во вторых — 9,2 раза, т. е. на 74 % больше. При этом в «отхожих» семьях совсем не рожавших женщин насчитывалось 11 %, а в «оседлых» — 3 %. Это дает веские основания для заключения, что мужчины-отходники приносили из города знания о том, как не допускать зачатия. В Ярославской губернии 1880-х гг., где 37 % взрослого населения занималось отхожими промыслами, крестьянки имели первые роды спустя 2,9 года после вступления в брак, в то время как в земледельческих губерниях — на первом году брака. Последний ребенок у ярославских женщин появлялся на свет, когда в среднем им было около 38 лет, а климакс наступал в 42 года. Эти факты ясно указывают на то, что ярославские женщины регулировали рождаемость. Согласно данным проведенного в 1927 г. обследования украинских крестьянок в возрасте свыше 50 лет, т. е. которые были рождены до 1877 г. и большую часть репродуктивного возраста которых прошла до 1917 г., 9 % из них пользовалось тем или иным способом, чтобы предотвратить зачатие, чаще всего *coitus interruptus*. При этом в среднем на каждую женщину, применявшую меры защиты, пришлось 7,4 рождения, а в среднем на всех женщин — 9,5 рождения. 9–10 % женщин, предохранявшихся от беременности, — это был тот уровень, который достигло стихийное движение за сокращение рождаемости к 1917 г. При этом среди женщин в репродуктивном возрасте на Украине в 1930 г. предохранялись от беременности всего 15 %, в Саратове в 1927 г. — 19,4 % (в том числе 30,1 % интеллигентных женщин и 14,5 % неинтеллигентных). В 1880-х гг. в деревнях, особенно в подгородных, стали входить в практику аборт, производимые преимущественно «бабками» и знахарками. Об их распространенности до 1917 г. дают представление первые всероссийские

данные об абортах, произведенных в больницах СССР в 1925–1926 г., через 5–6 лет после их легализации: в губернских городах абортировались 4,3 % женщин в возрасте 15–49 лет (от 2,5 % в Астрахани до 13 % в Симферополе), в прочих городах — 2,8 % (от 0,4 % в городах Тверской губернии до 5,6 % в городах Крыма), в сельской местности — 0,5 % (от 0,06 % в Тверской губернии до 1,1 % во Владимирской губернии). Это число нужно увеличить примерно на треть за счет подпольных операций. Следовательно, до революции, т. е. за 8–9 лет до 1925–1926 гг., к ним ежегодно прибегало менее 3–4 % горожанок и менее 0,5 % крестьянок. По состоянию на 1964 г. — год максимального числа абортотворцев за весь XX в., их сделали более 16 % россиянок фертильного возраста, в 1985 г. — 10 %, в 2001 г. — 5,2 %.

Таким образом, приведенные данные прямо говорят о том, что в пореформенное время методы регулирования рождаемости стали постепенно входить в жизнь, сначала в городах, затем в деревнях, в среде образованных и богатых слоев населения, а позже и среди городских низов и крестьянства. Однако есть основания полагать, что регулирование рождаемости началось по крайней мере во второй трети XIX в., причем началось оно среди помещичьих крестьян, особенно в малоземельных губерниях. С регулированием ими рождаемости связано явление, получившее в исторической литературе название «вымирание помещичьего крестьянства». Суть его состоит в следующем. С конца XVIII в. доля помещичьего крестьянства в общем населении страны сокращалась: в 1719 г. она равнялась 48,4 %, в 1762 г. — 52,7 %, в 1796 г. — 53,9 %, в 1811 г. — 51,7 %, в 1833 г. — 44,9 % и 1857 г. — 39,2 %, с 1830-х гг. вообще прекратился рост его абсолютной численности. Этому феномену посвящено большое количество публикаций, но исследователи не могут прийти к общему мнению потому, что спор идет вокруг вопроса: что было главной причиной сокращения численности помещичьих крестьян — социальная мобильность или высокая смертность, о которой судили не по прямым данным, а по естественному приросту населения? Между тем обращение к прямым данным о брачности, рождаемости и смертности приводит к выводу, что более низкий естественный прирост помещичьих сравнительно с государственными крестьянами объяснялся их пониженной рождаемостью, а не повышенной смертностью (табл. III.7).

Таким образом, способность регулировать рождаемость позволила им уменьшить смертность детей, облегчить положение женщин, повысить свое благосостояние. Вполне естественно, что именно помещичьи крестьяне выступили пионерами регулирования рождаемости: у них было меньше земли, чем у казенных крестьян; они несли большие повинности; они сильнее, чем менее закрепощенные категории крестьян, тяготились крепостной зависимостью.

Итак, анализ истории рождаемости в России за 200 лет обнаружил, что она, как и брачность, претерпела достаточно серьезные изменения. Снижение рождаемости началось во второй трети XIX в. у дворянства, чиновничества, высшей страты городского населения, а также у крепостного крестьянства; в пореформенное время это явление постепенно ох-

ватило все остальные группы населения. Снижение рождаемости в деревне с 1860-х гг. происходило под влиянием крупных, промышленных городов. Как и в случае с брачностью, действовали экономические, культурные и психологические факторы. Увеличение плотности населения и соответствующее уменьшение природных ресурсов на душу населения в деревне во второй трети XIX в., изменение культурных стандартов у образованных классов общества и городских сословий — вот что являлось главными факторами снижения рождаемости. Оно происходило сознательно в результате снижения брачности и начавшегося со второй трети XIX в. регулирования рождаемости. Среднее число детей, которое могла бы родить женщина за свою жизнь, — 12,44; родила — 6,24; не родила — 6,20, в том числе из-за смерти в возрасте моложе 50 лет — 1,26, из-за того, что не вступила в брак, — 0,55, из-за того, что не вступила в брак в возрасте 16 лет, — 2,38, из-за пребывания вне брака после овдовения — 0,41, из-за плохого состояния здоровья или прерывания беременности — 1,60.

Таблица III.7

**Демографические процессы в среде помещичьих
и государственных крестьян и городского населения
в первой половине XIX в. (на тыс. человек)**

Категория населения	Брачность	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост населения
Харьковская губерния, 1808–1817				
Крестьяне помещичьи	10,6	44,2	30,4	13,8
Крестьяне государственные	10,6	49,3	30,4	18,9
Городское сословие	10,3	48,1	35,0	13,1
Полтавская губерния, 1835–1850				
Крестьяне помещичьи	12,3	51,4	40,0	11,4
Крестьяне государственные	13,9	60,4	48,3	12,1
Городское сословие	10,5	49,3	41,9	7,4
Петербургская губерния, 1841–1850				
Крестьяне помещичьи	10,5	50,0	34,0	16,0
Крестьяне государственные	9,8	53,0	36,0	17,0
Городское сословие	8,4	52,0	40,0	12,0

III.4. Смертность

В период империи смертность среди православного населения России находилась на очень высоком уровне как в городе, так и в деревне, как

среди простого народа, так и среди привилегированной части общества (табл. III.8). В XVIII в. общий коэффициент смертности в городе колебался между 40 и 60, в деревне — между 30 и 40 на тысячу человек населения. В первой половине XIX в. колебания смертности по годам несколько сгладились, но ее средний уровень оставался, как и прежде, высоким: в городе — около 49, в деревне — 35 на тысячу. С 1860-х гг. смертность начала постепенно снижаться: общий коэффициент смертности с 1851–1859 по 1909–1913 гг. в городе понизился с 53 до 27, в деревне — с 39 до 32 на тысячу. Снижение смертности было повсеместным, но в городе оно проходило интенсивнее, чем в деревне, в крупных городах — значительнее, чем в малых, среди привилегированных слоев — быстрее, чем среди низших классов населения.

Главными факторами снижения смертности в России являлись повышение культурного уровня населения и расширение бесплатной медицинской помощи. За 1850–1913 гг. грамотность населения в возрасте старше 9 лет выросла с 15 до 40 %. В 1837 г. в России насчитывалось 6,8 тыс. врачей (без дантистов), в 1846 г. — 8,7 тыс., в 1880 г. — 13,5 тыс., в 1913 г. — 28,1 тыс. Число врачебных участков, где крестьянам оказывалась бесплатная медицинская помощь, за 1870–1913 гг. увеличилось с 530 до 2970, или в 5,6 раза. Успехи самой медицинской науки повысили эффективность профилактической и лечебной работы медицинского персонала. Возникшие общества по борьбе с детской смертностью развернули работу по всей стране, и это имело большое значение, так как прежде всего падение детской смертности способствовало понижению общей смертности. Новые гигиенические навыки и представления постепенно распространялись среди населения, особенно городского и той части сельского, которая была тесно связана с городом. Результаты всей этой работы стали постепенно сказываться на уровне смертности. Например, за 1891–1914 гг. число умерших от скарлатины, дифтерии, кори и коклюша сократилось на 42 %, от оспы — на 150 %, от тифа — на 88 %.

Интересно отметить, что снижение смертности в 1860–1870-х гг. происходило на фоне падения жизненного уровня сельского населения и ухудшения его питания. Это говорит о том, что культура и медицинское обслуживание иногда оказывают большее влияние на смертность, чем благосостояние, если его падение не заходило слишком далеко. Однако *снижение смертности имело негативные последствия для крестьянства* — оно привело к повышению естественного прироста и увеличению числа детей в семье (см. табл. III.5), так как падение смертности только у крестьянства превысило падение рождаемости. У всех остальных сословий число детей в семьях сократилось благодаря тому, что рождаемость понизилась больше, чем смертность. Увеличение числа выживающих детей еще более усугубляло материальное положение крестьянства (87 % населения) и в свою очередь имело два демографических последствия: с одной стороны, толкало население к понижению рождаемости, с другой — препятствовало ускорению дальнейших прогрессивных изменений в характере и уровне смертности. Ввиду этого вплоть до начала XX в. смертность сохраняла такие черты, как резкое преобладание смертей, обуслов-

ленных экзогенными факторами, или факторами среды (инфекционные болезни, болезни органов дыхания, несчастные случаи, отравления, травмы), концентрация смертей в детском и зрелом возрасте и очень низкая средняя продолжительность жизни.

Исследователи обычно указывают в качестве факторов высокой смертности бедность, хроническое недоедание, низкое качество питания народа, антисанитарную обстановку повседневного труда и отдыха, тяжелые жилищные условия, отсутствие элементарных гигиенических знаний и навыков. Действительно, материальное благосостояние оказывало влияние на смертность, причем в городах, по-видимому, всегда, а в сельской местности — только начиная с конца XIX в. По данным табл. III.9 можно видеть, что в деревне в отличие от города в 1830–1870-х гг. смертность отдельных сословий была обратно пропорциональна их достатку (за исключением военных и чиновников-недворян).

Таблица III.8

**Смертность среди разных сословий в 1840–1870-е гг.
(на тыс. человек населения)**

Население	Дворяне и чиновники	Духовенство	Купцы	Мещане	Крестьяне
Лужский уезд, 1841–1850	41	39	39	40	35
Тульская губерния, 1860–1864	–	–	50	60	45
Одесса, 1851–1860	21	–	20	34	53
Архангельск, 1870–1874	32	19	19	33	37
Тула, 1860–1864	78	36	37	45	63
Москва, 1834–1840	44	21	34	35	38
Санкт-Петербург, 1870	24	25	30	41	43

Эти различия в уровне смертности в течение пореформенного периода росли вследствие увеличения имущественного расслоения городского населения при одновременной дифференциации районов городов по степени благоустройства и комфорта. Состоятельные слои заселяли благоустроенные кварталы, а бедные классы — неблагоустроенные, вблизи промышленных предприятий, как правило, на окраине города. Сочетание материального достатка с жизнью в лучших экологических условиях способствовало снижению заболеваемости и смертности привилегированных слоев общества. Россия в этом отношении догоняла Европу.

Среди крестьянства различия в смертности до 1860-х гг. не были заметны ввиду его социальной однородности. Но к концу XIX в. имуще-

ственная дифференциация крестьянства повысилась, и это обстоятельство сразу сказалось на различиях смертности отдельных его социальных слоев. О влиянии благосостояния крестьян Воронежской губернии в 1898–1902 гг. на их здоровье и смертность можно судить по данным, приведенным в табл. III.9.

Таблица III.9

**Уровень здоровья и смертности крестьян
Воронежской губернии в зависимости от их благосостояния
в 1898–1902 гг. (на тыс. человек)**

Земельный надел на хозяйство, га	Общая смертность	Детская смертность	Инвалиды	Больные
Безземельные	35,0	217,1	39,1	9,7
Менее 5,5	34,1	212,6	17,8	5,8
5,5–15,9	33,2	186,6	14,7	4,2
16,0–27,0	28,6	168,1	11,5	3,2
Более 27,0	26,2	149,3	8,8	2,5

Кроме материального достатка действовали еще три важных фактора высокой смертности: образ жизни (быт и культура), местожительство (город или деревня) и высокая рождаемость, которая обуславливала плохой уход за детьми.

Образ жизни. Если ранжировать сословия по уровню смертности, то окажется, что среди всего населения наиболее высокая смертность наблюдалась у дворян, затем — у мещан, купцов, почетных граждан и духовенства, самая низкая — у крестьян. Другая картина в городах: чаще всего наивысшая смертность была у крестьян, затем — у мещан, дворян, самая низкая — у купцов и духовенства (см. табл. III.8). Если бы главные факторы высокой смертности сводились к условиям быта, то по уровню смертности среди всего населения сословия расположились бы в порядке, соответствующем их материальному положению: дворяне, купцы, духовенство, мещане, крестьяне — чем выше материальный уровень жизни сословия, тем ниже была бы смертность. Но мы видим другую картину. Если бы материальные условия жизни не играли никакой роли, то и среди городского населения смертность по сословиям была такой же, как среди всего населения. Однако в городе по-другому. Дело в том, что значительную часть городских крестьян составляли мигранты и отходники, приезжавшие в город на заработки. Они были заняты на рискованных работах, жили в непривычных для них и во много раз более плохих условиях сравнительно с деревней — без семьи, без деревенской работы на свежем воздухе и других атрибутов сельской жизни и, возможно, даже хуже питались. Поэтому смертность крестьян в городе была самой высокой и выше, чем в деревне. В привычных условиях деревни, несмотря на низкий материальный уровень жизни, смертность у них была самая низкая среди других сословий. В условиях города смертность у мещан была в 1–7 раза выше, чем у купцов, но в деревне она у тех и других повыша-

лась и выравнивалась, поскольку и мещане, и купцы отрывались от дома, от привычных им условий жизни, так же как крестьяне, приходившие в город на заработки.

Духовенство и дворянство в городе имели более низкую смертность, чем в деревне, потому что городское духовенство было намного обеспеченнее сельского и вело более спокойную и размеренную жизнь. Из дворян жизнь в городе могли себе позволить только богатые. В этом случае они, естественно, имели комфорт, лучшее из возможного медицинское обслуживание; кроме того, несколько месяцев в году они проживали в своих поместьях в деревне. У чиновников, которые проживали в городах, а также у военных смертность, как правило, везде была высокой. Причина в том, что у военных была опасная, а у чиновников — изнурительная и вредная для здоровья служба. Разумеется, в данном случае имеются в виду не высшие, а низшие страты тех и других, поскольку уровень смертности чиновников и военных определяли не генералы, а низшие чины, которые были плохо материально обеспечены и многие из которых жили без семьи, что не способствует долголетию. Священник И. Братолюбов, обнаруживший, что среди населения России смертность у дворян и офицеров из дворян выше, чем у крестьян, несмотря на худшие условия жизни последних, так объяснил этот парадокс: «Жилища крестьян не так опрятны, как жителей других сословий; избы по большей части дымные и курные, в болезнях они редко прибегают к лечению, а если и лечатся, то как-нибудь и чем-нибудь. Но образ жизни и занятия предотвращают болезни и уменьшают смертность. Крестьяне исключительно занимаются земледелием и работают на свежем воздухе, среди полей, лугов и лесов. Труд — в пору и в меру, покой и отдых — вовремя, жизнь — умеренная и непрехотливая, обилие жизненных продовольствий и довольство малым заключают более условий для долговечной жизни».

Местожителство. В период империи в городе смертность была выше, чем в деревне — 49–51 против 36–37 на тысячу человек населения (см. табл. III.1). Со временем различия в уровне смертности уменьшались, и если судить по коэффициенту смертности — 30,5 смертей в городе и 35,4 смертей на тысячу человек в деревне, — то к концу XIX в. город даже превзошел деревню. Однако в данном случае значения общего коэффициента смертности исказили истинные возрастные особенности городского и сельского населения. Между тем вследствие миграции в городе сравнительно с деревней проживало более молодое население, причем не за счет младенцев и детей, а за счет взрослых людей, которые умирали реже, чем дети и старики. Чтобы выяснить истинные различия в смертности между городом и деревней, необходимо использовать *стандартизированный коэффициент смертности*, который оценивает смертность при стандартной, одинаковой возрастной структуре в городе и деревне. Если вычислить для городов и сел показатель смертности, приняв за стандарт возрастную структуру Европейской России, то стандартизированный коэффициент смертности для православного городского населения в 1897 г. составит 37 смертей, для сельского — 34 смерти на тысячу. В 1842–1851 гг. различия в смертности были еще более в пользу деревни — 34

против 46 на тысячу. В чем причины более высокого уровня городской смертности?

Некоторое влияние на смертность могла оказывать густота населения в городах в связи с вредными последствиями для здоровья человека скопления людей, с загрязнением воздуха, почвы, воды и пр., скоростью распространения инфекционных заболеваний. Однако главные факторы — это переселенность жилищ, развитие пауперизма, алкоголизма и проституции, существование в городе большого числа вредных для здоровья профессий, а также то, что санитарные и гигиенические условия жизни горожан, включая водоснабжение, наличие нечистот, фальсификация пищевых продуктов и заразные болезни в XVIII–начале XX в., находились на весьма низком уровне и были намного хуже, чем у сельского населения. Первые водопроводы были построены в Москве (в 1805 г.) и Петербурге (в 1859 г.), к 1910 г. в России (без Финляндии) имело водопровод 18 % городов, канализацию — 3,5 %, а скотобойни в городской черте — 83 %. Русские города в санитарном отношении заметно отставали от западноевропейских. Лишь со второй четверти XIX в. власти стали принимать меры по улучшению санитарного состояния городов. Среди этих мер важное место принадлежало указу от 1826 г. о переносе в течение 10 лет вредных для здоровья горожан промышленных заведений из городов вниз по течению рек. Начиная с 1870-х гг. городские думы стали более серьезно заниматься вопросами благоустройства городов и к 1917 г. им удалось сделать сравнительно много, но все же не достаточно, чтобы догнать в санитарном отношении западноевропейские города.

Высокая рождаемость и уход за детьми. Большое влияние на уровень смертности оказывала также высокая рождаемость и связанный с ней плохой уход за детьми. Ни одно общество, ни одна самая развитая экономика не в состоянии прокормить то огромное число детей, которое рожали русские женщины, если бы дети не умирали тоже в огромном количестве. Младенческая смертность до середины XIX в. превышала 300 человек на тысячу, к концу XIX в. понизилась до 260, к 1911 г. — до 237 на тысячу; до 5 лет даже в 1897 г. доживало всего 57 % новорожденных. Высокая рождаемость провоцировала высокую смертность, и наоборот. Если бы детей рождалось меньше, они получали бы лучший уход и их несомненно меньше бы умирало. Не случайно, чем выше был порядковый номер рождения (начиная с третьего ребенка), тем меньше было у ребенка шансов выжить. В данном случае речь идет не о прямой физиологической связи между рождаемостью и смертностью, а об опосредованной зависимости, которая обуславливалась влиянием бытовых, культурных и социально-экономических факторов.

Высокий уровень детской смертности, существовавший в России, являлся производным не только низкой культуры, уровня грамотности, недостатка медицинских знаний и бедности; он являлся порождением русской модели демографического поведения. В Германии, Австрии, Швеции, Франции и других странах, придерживавшихся иной, так называемой западной модели, в XVII–XVIII вв. общий коэффициент смертности составлял 25–28 на тысячу — меньше, чем в России даже в 1913 г. (31 на тысячу), в

значительной степени потому, что рождаемость там находилась в пределах 28–32 на тысячу, и матери могли выхаживать своих детей при том же уровне общей культуры, грамотности и медицинских знаний, которыми обладали в массе россияне в начале XX в.

Среди православного, и в особенности среди русского населения до 1860-х гг., существовала самая расточительная, *неэффективная экстенсивная модель воспроизводства населения*. Среднее число девочек, которое надо было родить замужней женщине, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения (так называемая цена простого воспроизводства населения), в середине XIX в. равнялось 2,4, а в западноевропейских странах в XVII–XVIII вв. — 1,8. Причина такого различия заключается в том, что у православных женщин до середины XIX в. существовала иная психологическая установка в отношении числа рождающихся и умирающих детей — полагаться не на себя, а на судьбу. Вся забота нашего крестьянина о детях в раннем возрасте яснее всего выражается в его поговорке: «Если ребенок родился на живое, то выживет, если на мертвое, так умрет». Уход за детьми, даже за первенцами, был минимальным. Среди 11 народностей России в конце XIX в. смертность детей у русских в возрасте до 3 лет включительно была наивысшей — выше, чем у белорусов, украинцев, молдаван, татар, башкир и чувашей, которые в смысле материального достатка и образования даже уступали русским.

Примерно такое же положение было и у девочек. Пройти суровую школу русского детства удавалось лишь 47 % мальчикам и 50 % девочкам. Можно было бы предположить, что до 11 лет доживали самые здоровые, самые смышленные дети, способные пережить все невзгоды, которые выпадали на их долю, лучше, чем дети других народностей. Средняя продолжительность предстоящей жизни в любом возрасте у русских детей оказывалась ниже, чем у детей других народностей, за исключением чувашей. Эффекта выживания сильнейших не получалось. Кроме того, более половины детей умирало, унося с собой в могилу и те затраты, которые успели сделать родители.

III.5. Особенности демографического развития народов России

Нет возможности сколько-нибудь подробно рассмотреть особенности воспроизводства различных народов, проживавших на территории России, поскольку их насчитывалось более 200, да и демографических источников для решения этой задачи пока выявлено недостаточно. Ограничимся краткой характеристикой по основным конфессиям, которых в Европейской России в конце XIX в. было пять: православные (83 %), католики (4,7 %), протестанты (3,5 %), иудеи (4,1 %) и мусульмане (3,8 %).

Католическое и протестантское население (литовцы, латыши, эстонцы) сосредоточивалось в прибалтийских и западных губерниях, которые вошли в состав России в XVIII в. с уже сложившимися культурами и моделями демографического поведения. Население Прибалтики имело много общего с населением западноевропейских стран в культурном, социальном и экономическом отношениях. Уже в конце XVIII в. оно было

на две трети грамотным. Демографическая модель Прибалтийского региона в XVIII– начале XX в. развивалась скорее под европейским, чем под русским влиянием. Находясь в составе России, прибалтийские народы, конечно, испытывали воздействие общероссийских социально-экономических процессов, но их культурные стандарты оставались нерусифицированными, поскольку российское правительство за исключением отдельных непродолжительных периодов придерживалось политики культурной автономии для народов, вошедших в состав России.

Демографическая модель, которая господствовала в Прибалтийском регионе в XVII–XVIII вв., представляла собой промежуточный вариант между западноевропейской и восточноевропейской моделями, что было естественным следствием его географического положения. Условная линия Петербург–Триест, которая разделяла Европу на зоны господства западноевропейской и восточноевропейской моделей брачности, проходила через территорию пяти прибалтийских губерний России (Виленской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской), населенную в основном католиками и протестантами. Если судить по данным, относящимся к хорошо изученной в демографическом отношении Эстонии, в сельской местности, где проживало около 94 % населения, средний возраст вступления в первый брак в XVIII в. составлял у мужчин 26 лет, у женщин — 23 года, около 84 % женщин вступало в брак в возрасте до 24 лет, в браке к 35–39 годам состояло свыше 92 % женщин, общий коэффициент брачности находился на уровне 9,5, коэффициент рождаемости — 40, коэффициент смертности — 31 на тысячу человек населения, брачная плодовитость составляла 8–9 рождений, число внебрачных детей — 2–3 %. Примерно такое же положение наблюдалось среди литовского и латышского населения. Между тем в странах с европейской моделью брачности возраст вступления в первый брак был на два года выше у женщин и на год — у мужчин, вне брака оставалось 10–15 % населения, коэффициенты брачности, рождаемости и смертности были ниже.

С начала XIX в. и до 1917 г. в Прибалтийском регионе проявилась тенденция к снижению брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста. В результате семейная структура населения и интенсивность демографических процессов существенно изменились. Как видно из данных табл. III.10 и III.11, народы Прибалтийского региона по своим демографическим характеристикам приблизились к западноевропейским странам, но еще не полностью с ними сравнялись.

Они достигли существенного прогресса в своем демографическом развитии: снизили смертность, активно вступили на путь внутрисемейного регулирования рождаемости. Это позволяет говорить о том, что на рубеже XIX–XX вв. эстонцы, латыши и литовцы находились на стадии перехода от традиционной к современной модели демографического поведения и воспроизводства населения.

Таблица III.10

**Семейная структура населения различных конфессий в 1897 г.
в Европейской России (без Польши и Финляндии) (в %)**

Веро- исповедание	Не состоят в браке		Состоят в браке		Вдовы		Разведенные	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Православные	55,97	52,16	40,3	39,4	3,7	8,4	0,03	0,04
Католики, лютеране	61,54	56,51	35,6	34,3	2,8	9,1	0,06	0,09
Иудеи	61,24	57,41	36,8	36,1	1,8	6,0	0,16	0,49
Мусульмане	58,10	45,88	39,4	45,6	2,4	8,4	0,10	0,12
Европейская Россия	57,14	55,02	39,5	39,6	3,3	8,3	0,06	0,08

Таблица III.11

**Некоторые демографические характеристики населения различных
конфессий в 1896–1904 гг. в Европейской России**

Веро- исповедание	Возраст вступления в брак, м	Возраст вступления в брак, ж	Брачность, на 1000	Рождаемость, на 1000	Смертность, на 1000	Смертность млад., на 1000*	Внебрачные дети, %
Православные	24,2	21,3	8,7	51,1	34,8	263	2,4
Католики	29,1	23,3	6,9	36,5	22,3	151	3,4
Протестанты	28,5	24,6	6,8	29,2	21,0	161	3,7
Иудеи	27,5	24,1	7,3	30,7	16,0	116	0,4
Мусульмане	27,6	22,2	10,9	43,9	27,7	158	0,2
Европейская Россия	25,1	21,8	8,5	50,1	30,9	224	2,3

* Новорожденных.

Демографическая статистика относительно других народов России появилась только в 1897 г. в результате проведения первой всеобщей переписи населения. Для более раннего времени существуют отрывочные сведения. Поэтому о пути, который эти народы прошли в своем демографическом развитии начиная с XVIII в., можно лишь предположительно судить на основании анализа данных первой переписи населения и отрывочных сведений за более ранний период (см. табл. III.13).

Данные табл. III.12 показывают, что в середине XIX в. брачная плодовитость была наивысшей у православных, а наименьшей — у протестантов и что только у католиков и протестантов наблюдались пониженная рождаемость и брачность. Кроме того, естественный прирост был наибольшим у

мусульман, а наименьшим — у иудеев, в связи со сравнительно низкой смертностью у мусульман и высокой смертностью у иудеев, поскольку рождаемость у тех и других была высокой.

Таблица III.12

Число рождений, приходящееся на брак, и соотношение родившихся и умерших по конфессиям в 1848–1852 гг.

Вероисповедание	Число рождений на 1 брак	Соотношение родившихся и умерших
Православные	4,7	1,30
Католики	4,3	1,31
Протестанты	4,2	1,25
Иудеи	4,5	1,15
Мусульмане	4,4	1,36
В среднем	4,5	1,29

К 1897 г. иудеи имели хорошие демографические показатели, в некоторых отношениях они были даже лучше, чем у католиков и протестантов: рождаемость у иудеев была немного ниже, а брачность, наоборот, — выше; общая и особенно младенческая смертность находилась на существенно более низком уровне, а внебрачных детей практически не имелось (см. табл. III.11). По средней продолжительности жизни они уступали прибалтийским народам (табл. III.13), вследствие того что в еврейских семьях насчитывалось больше детей, смертность которых была намного выше, чем у взрослых людей. Чтобы достичь таких результатов к концу XIX в., евреи должны были вступить в стадию демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения во второй половине XIX в., ибо по демографическим показателям в середине XIX в., как мы видели выше, они мало отличались от православных и мусульман. Живя в черте оседлости, испытывая во всем дискриминацию, имея низкий жизненный уровень, евреям, несмотря на это, удалось одними из первых вступить в стадию демографического перехода.

Таблица III.13

Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении 11 народностей Европейской России в 1896–1897 гг. (лет)

Национальность	Мужчины	Женщины	Национальность	Мужчины	Женщины
Русские	27,5	29,8	Башкиры	37,2	37,3
Чуваши	31,0	31,0	Молдаване	40,5	40,5
Татары	34,6	35,1	Литовцы	41,1	42,4
Белорусы	35,5	36,8	Эстонцы	41,6	44,6
Украинцы	36,3	39,9	Латыши	43,1	46,9
Евреи	36,6	41,4	В среднем	31,3	33,4

Мусульмане Европейской России — это прежде всего волжские и крымские татары, а также башкиры — по своим демографическим характеристикам в середине XIX в. мало отличались от православных, но к концу XIX в. они добились некоторых успехов. Особенно выгодно они отличались от православных низкой младенческой смертностью. Брачность у мусульман была выше, чем у православных, а рождаемость ниже. Следовательно, татары более активно применяли доступные им методы регулирования рождаемости. Мусульмане Средней Азии по своим демографическим показателям намного уступали не только татарам, но и православным.

Показатель «средняя продолжительность предстоящей жизни» для 11 народностей России на 1897 г. хорошо отражает уровень демографического развития каждого народа (см. табл. III.13).

По средней продолжительности жизни на первом месте находились латыши, на последнем — русские. Этнические различия в продолжительности жизни обуславливались, во-первых, различной степенью вовлеченности отдельных народов в демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Прибалтийские народы и евреи раньше других вступили на этот путь и к концу XIX в. достигли значительных успехов под прямым влиянием новых демографических отношений, складывавшихся в Западной Европе, с которой у них были более тесные культурные, религиозные, экономические и другие связи. На рубеже XIX–XX вв. Прибалтика во всех отношениях была передовым регионом России. Демографический переход у других народов начался позже, естественно, они меньшего и добились. Второй фактор, определивший различия в средней продолжительности жизни, можно назвать культурным. От уровня культуры, воспитания зависело отношение к детям и женщине, качество ухода за ними, отношение к здоровью взрослых и детей и многое другое, что влияло на долговечность жизни.

III.6. От традиционного к современному типу воспроизводства населения

Мы рассмотрели основные демографические процессы в России периода империи и обнаружили, что за 200 с лишним лет брачность, рождаемость и смертность заметно уменьшились, особенно в пореформенное время, причем смертность — в большей степени, чем рождаемость. В результате этого произошло два важных демографических события: увеличилась средняя продолжительность жизни и естественный прирост населения. В 1838–1850 гг. новорожденных мальчиков ожидала жизнь продолжительностью в 25, а девочек — в 27 лет, в 1904–1913 гг. — соответственно 32,4 и 34,5 года. Естественный прирост населения, долгое время бывший крайне изменчивым, с 1851–1860 по 1911–1913 гг. вырос с 1,2 до 1,68 %. Оба эти факта изменили режим воспроизводства населения, сделав его более рациональным.

Чтобы оценить, насколько режим воспроизводства стал эффективнее, демографы предлагают два показателя: брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства населения. Брутто-коэффициент равен среднему

числу девочек, которое родит одна женщина, прожившая до конца репродуктивного периода, т. е. до 50 лет, при сохранении тех условий жизни, в которых она жила на момент расчета коэффициента. Нетто-коэффициент равняется среднему числу девочек, рожденных «средней» женщиной в течение репродуктивного периода, которые доживут до того возраста, когда сами смогут рожать. Отношение брутто- и нетто-коэффициентов называется ценой простого воспроизводства, так как оно показывает, сколько девочек надо родить женщине, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения или простую замену материнского поколения; это отношение служит мерой экономичности данного режима воспроизводства, или режима возобновления поколений.

Брутто-коэффициент воспроизводства населения с 1851–1863 по 1904–1913 гг. понизился с 3,261 до 3,089, а нетто-коэффициент повысился соответственно с 1,442 до 1,636, цена простого воспроизводства населения уменьшилась с 2,261 до 1,839. Следовательно, российская женщина стала меньше рожать, но, несмотря на это, каждое новое материнское поколение становилось более многочисленным. Причем замена одного материнского поколения другим стала проходить на 23 % более эффективно (2,261:1,839), т. е. с меньшими физическими затратами со стороны женщины и меньшими материальными затратами со стороны родителей. Конечно, это был еще весьма далекий от совершенства режим воспроизводства населения. Такой режим существовал во Франции и в Швеции в 1796–1800 гг. А в 1980-е гг. в развитых странах цена простого воспроизводства составляла в США и Франции 1,02, в Швеции — 1,01, в Японии — 1,0, в СССР в 1980 г. — 1,05. Европейские страны опережали Россию по демографическому развитию (табл. III.14).

Таблица III.14

**Демографические показатели в различных странах в XIX–начале XX в.
(промилле)**

Страна	Демографические процессы	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е
Россия	рождаемость	50,3	51,5	50,3	47,2
	смертность	36,8	39,8	35,4	30,2
	младенческая смертность	–	272*	268	250
	брачность	9,9	10,3	9,2	8,5
	разводимость	–	0,028*	0,032	0,029
	продолжительность жизни, лет	–	25,8	30,0	33,5
Австрия	рождаемость	39,5	37,8	38,0	34,9
	смертность	28,2	32,1	29,5	23,7
	младенческая смертность	188	250	249	213
	брачность	8,1	8,0	7,8	7,8
	разводимость	–	0,055*	0,01	0,01

Страна	Демографические процессы	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е
	продолжительность жизни, лет	–	–	–	40,1
Англия и Уэльс	рождаемость	–	34,1	32,9	28,7
	смертность	–	22,1	19,2	16,9
	младенческая смертность	–	155	142	132
	брачность	–	8,5	7,5	7,0
	разводимость	–	0,005	0,015	0,02
	продолжительность жизни, лет	–	42,4	45,5	53,4
США	рождаемость	57,7	45,3	39,8	31,2
	смертность	–	19,5**	18,4	15,8
	младенческая смертность	–	127**	160**	96,5***
	брачность	–	9,6**	8,7	10,5
	разводимость	–	0,30**	0,42	0,8
	продолжительность жизни, лет	–	41,0	43,5	50,6
Германия	рождаемость	38,3	35,4	37,0	33,6
	смертность	25,2	26,6	25,3	19,3
	младенческая смертность	294****	172	167	193
	брачность	8,2	8,0	7,4	8,1
	разводимость	–	0,035	0,09	0,2
	продолжительность жизни, лет	–	–	46,6	49,1
Франция	рождаемость	32,0	26,4	24,2	20,7
	смертность	28,0	23,9	22,1	19,8
	брачность	7,6	8,0	7,4	7,8
	разводимость	0,02	0,035	0,09	0,25
	продолжительность жизни, лет	39,6****	–	47,0	50,5
	Япония	рождаемость	–	–	26,9
смертность		–	–	19,6	20,9
младенческая смертность		–	–	–	–
брачность		–	–	8,2	8,8
разводимость		–	–	–	1,1
продолжительность жизни, лет		–	–	43,6	44,5

*1860-е гг. ** Штат Массачусетс. ***1911–1915 гг. **** 1830-е гг.

Хотя режим воспроизводства населения в России во второй половине XIX—начале XX в. немного усовершенствовался, он все еще оставался невероятно тяжелым для российских граждан. Примерно девяти женщинам из десяти приходилось по 8–10 раз рожать, что реально устранило их из общественной и культурной жизни и сводило по необходимости их существование к беременностям, уходу за детьми, из которых чуть меньше половины умирало, и к тяжелой работе, поскольку мужчины не могли без их помощи материально обеспечить семью. Например, крестьянка вынуждена была накануне родов до позднего вечера работать в поле, а после родов, которые в 97–98 % случаев проходили либо при помощи деревенских повитух, либо вообще без всякой помощи, уже на третий или четвертый день идти на самую трудную работу. Женщины из городских низов находились примерно в таком же положении. Женщинам из привилегированных слоев также приходилось по несколько раз рожать, но они имели медицинскую помощь и послеродовой отдых. Данный режим воспроизводства населения был тяжелым и для мужчин, которые должны были добывать средства на большое число иждивенцев. Каждая трудящаяся семья несла огромные расходы на рождение и воспитание нового поколения. Эти затраты задерживали экономический рост страны, препятствовали повышению благосостояния и сводили жизнь большинства трудящегося населения к работе и заботам о детях. Во второй трети XIX в. люди стали осознавать, что данное положение вещей ненормально, что необходимо регулировать рождаемость и уменьшить число детей в семье. Это был мучительный процесс ломки старых стереотипов, традиций, поэтому он растянулся на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1950-е гг., когда окончательно завершился переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения.

Демографический переход в России начался по модели, близкой к французской, так как обе фазы перехода — снижение смертности и снижение рождаемости — начались практически одновременно. Отличие состояло в том, что снижение смертности немного обгоняло рождаемость, что привело к росту естественного прироста населения, не перешедшего, однако, в демографический взрыв.

Традиционный тип воспроизводства населения с его высокой рождаемостью и смертностью, приносящий людей в жертву продолжению рода человеческого, имел несколько оснований: психологическое — слабое развитие индивидуальности, экономическое — низкий уровень благосостояния, социальное — сословный строй, затруднявший мобильность населения и увековечивавший его неравенство, политическое — отсутствие гражданского общества и легальной возможности для осознания и защиты людьми своих интересов, государственное — поддержка государством, политической элитой, научным сообществом и общественностью, заинтересованных в увеличении числа подданных и трудящихся, обеспечивавших военное могущество империи и рост производительных сил общества.

При столь серьезных основаниях изменить традиционный тип воспро-

изводства населения было чрезвычайно трудно. Его ломка началась с изменения отношения человека к жизни, смерти, продолжению рода, поскольку снижение брачности, рождаемости и смертности, происходившее не по манию царя и побуждению властей, а добровольно и на уровне каждого человека и каждой семьи, свидетельствовало именно о том, что человек стал задумываться над смыслом своего существования, искать причины собственного тяжелого положения и средства для его улучшения не во вне — у Бога, царя, помещика, властей, как было прежде, а в своем быте, своих традициях, в себе самом, и нашел их в своем нерациональном демографическом поведении. А это признак зарождения новой активной индивидуалистской личности. В силу этого первые шаги, сделанные в пореформенный период по пути демографической революции, были знаковыми и обнадеживающими.

Основные тезисы

1. В России до конца периода империи господствовал традиционный тип воспроизводства населения, для которого были характерны высокие брачность, рождаемость и смертность, низкая ценность человеческой жизни, смиренность перед смертью, пассивное отношение к своему здоровью, огромное число женщин, страдающих гинекологическими заболеваниями, и очень высокая цена продолжения рода человеческого.

2. Демографическая ситуация усугублялась тем, что православное население придерживалось так называемой восточноевропейской модели брачности с ее ранними и почти всеобщими браками, что удерживало российскую рождаемость на самом высоком уровне в Европе.

3. Традиционный тип воспроизводства населения имел в качестве психологической причины слабое развитие индивидуальности, в качестве экономической причины — низкий уровень благосостояния, в качестве социальной причины — сословный строй, затруднявший социальную мобильность и увековечивавший социальное неравенство, политической причиной — отсутствие гражданского общества и прав человека, создающих легальную возможность для защиты своих интересов.

4. Модель традиционного демографического поведения, которой следовали россияне, вобрала в себя (интериоризировала) установки и стандарты общества, ориентированного на колонизацию и непрерывно растущий земельный фонд. Модель обеспечивала высокий естественный прирост населения и в этом смысле соответствовала реалиям быстро растущего обширного государства и потому поддерживалась государством, политической элитой, научным сообществом и общественностью, которые были заинтересованы в увеличении числа подданных и трудящихся, обеспечивавших военное могущество империи и рост производительных сил общества.

5. Среди всех конфессий в империи демографические процессы среди православных проходили по самой неблагоприятной экстенсивной модели и с максимальными жертвами для населения.

6. Во второй трети XIX в. крепостные крестьяне проявили первые признаки сознательного отношения к рождаемости и начали применять средства, ее ограничивавшие. Результаты оказались вполне осязаемыми, но

все же скромными из-за несовершенства методов контрацепции.

7. Демографический переход начался с западных губерний, населенных протестантами, католиками и иудеями, и постепенно распространялся на восток и юг, охватывая сначала большие города, потом мелкие города, затем крестьянство губерний промышленной ориентации и, наконец, сельскохозяйственные регионы.

8. Демографический переход начали во второй трети XIX в. привилегированные слои общества и под их влиянием крепостные крестьяне, а затем и все другие группы населения.

9. Демографический переход в России происходил по европейской модели — сначала снижалась смертность, что вызывало немедленное увеличение естественного прироста населения, которое через некоторое время приводило к снижению рождаемости. Демографический переход к 1917 г. находился на самой ранней стадии и был далек от завершения.

10. Демографический переход был тем редким случаем в истории России, когда прогрессивные изменения происходили не по манию царя и по побуждению властей, а даже вопреки им, добровольно и стихийно, на уровне отдельного человека и отдельной семьи, и потому были необратимыми. В этом смысле начало демографического перехода было знаковым событием — признаком зарождения новой активной индивидуалистской личности.

Вопросы для размышления и повторения

1. Каков был уровень брачности в России и западноевропейских странах и как он изменился в XVIII–начале XX в.? Сколько людей вступали и сколько не вступали в брак? Кто не вступал в брак и почему?
2. Что такое сезонность браков и от чего она зависела?
3. Почему в России уровень брачности был выше, чем на Западе, и как влиял уровень брачности на уровень рождаемости?
4. В каком возрасте вступали в брак женщины и мужчины и как и почему изменялся со временем возраст вступления в брак? Как влияли ранние браки на здоровье?
5. Браки заключались по любви или по воле родителей? Какова была роль помещиков в этом вопросе во времена крепостного права? Чем руководствовались при выборе невесты и жениха?
6. Прочны ли были браки, заключаемые по воле родителей?
7. Возможен ли был развод и на каких основаниях? Каков был уровень разводимости в России и западноевропейских странах и как он изменился за 200 лет?
8. Кто санкционировал развод и возможен ли был гражданский развод?
9. Каков был уровень рождаемости в России и западноевропейских странах и как он изменился за 200 лет? Сколько детей женщины рожали и сколько из них выживали? Как высокая рождаемость сказывалась на уходе за детьми и на их смертности?
10. Как высокий уровень рождаемости сказывался на положении женщин и детей?
11. Когда и где началось регулирование рождаемости, кто был инициатором и какие средства использовались для предотвращения и прерывания беременности?

12. Почему крепостные крестьяне стали пионерами регулирования рождаемости?
13. Каков был уровень смертности в России и западноевропейских странах и как он изменился за 200 лет?
14. Как сословия ранжировались по уровню смертности и от каких факторов зависел ее уровень?
15. Вымирало ли крепостное крестьянство накануне отмены крепостного права? Назовите причины сокращения численности крепостных крестьян среди всего крестьянства.
16. Какой была средняя продолжительность жизни в России и западноевропейских странах и как она изменялась со временем? Была ли продолжительность жизни у богатых выше, чем у бедных, у дворян — выше, чем у крестьян, у горожан — выше, чем у сельских жителей?
17. Россия была многонациональной страной; какие различия в демографических процессах и продолжительности жизни наблюдались между русскими и другими народностями?
18. Как можно просто и наглядно выразить и оценить прогресс в демографическом развитии общества? Наблюдался ли прогресс в России и в какой степени?
19. Что такое демографический переход и когда он произошел в России и западноевропейских странах?

Глава IV Социология российской семьи

Ключевые понятия: *авторитарная личность, гендер, жизненный цикл семьи, нуклеаризация, семейная революция, семья, социализация, феминизм, формы семьи, функции семьи.*

В 1965 г. британский историк Джон Хайнал предложил новый подход к сравнительному изучению истории семьи. Он разделил Европу на две зоны, в одной из которых действовала западноевропейская, а в другой — восточноевропейская модель брачности (для краткости будем их называть западная и восточная модель), и провел разделительную линию между ними от Санкт-Петербурга (Россия) до Триеста (Италия).

В восточной зоне в брак вступали рано (уже к 25 годам от 85 до 95 % женщин и около 70–80 % мужчин состояли в браке) и почти все (вне брака оставались от одного до нескольких процентов населения, главным образом больные и инвалиды). В западной зоне возраст первого брака был существенно выше (к 25 годам лишь около 50 % мужчин и 60–70 % женщин) и вне брака оставалось от 10 до 20 % мужчин и женщин. Восточноевропейская модель была свойственна также и другим регионам мира, в то время как западная встречалась лишь в странах, заселенных преимущественно выходцами из Европы: в США, Канаде, Австралии.

Хайнал предложил причинное объяснение моделям брачности — тип брачности по существу определялся специфическим способом организации домохозяйства. В западноевропейских странах хозяйство опиралось на малую семью, состоявшую из родителей и их детей. При наступлении старости глава передавал хозяйство одному из своих сыновей, который, как правило, только после этого женился. Другие сыновья, лишённые недвижимого имущества, вынуждены были устраивать судьбу на свой страх и риск, откладывая женитьбу до того времени, когда твердо станут на ноги и смогут содержать семью. В противоположность этому в юго- и восточноевропейских странах, а также в других регионах мира люди отдавали предпочтение хозяйствам, основанным на совместном труде двух и более брачных пар — отца и женатых сыновей, женатых братьев и т. д. В составной семье ранние браки приветствовались — всем находилась работа и пища. Новые хозяйства образовывались чаще всего путем раздела имущества после смерти отца. Автор предположил, что западная модель сложилась в новое время и что страны, где существовала восточная модель в XVIII–XIX вв., постепенно переходили к западной. Следствием этого служила их конвергенция, хотя вплоть до 1940 г. в восточноевропейских и западноевропейских странах сохранились следы обеих моделей брачности. Таким образом, специфическое брачное поведение западноевропейцев являлось важным признаком, который отличал их от остального мира только в определенный период их истории.

Работы Хайнала вызвали настоящий бум в изучении истории семьи, который только недавно достиг России, в то время как на Западе он уже

прошел. Что же обеспечило успех концепции — такой простой и на первый взгляд далекой от политики и идеологии? Ее социально-культурологический подтекст. На фоне острых споров в 1960–1970-е гг. о том, чем были обусловлены успехи западной цивилизации сравнительно с более древними и развитыми, концепция указала на новый, до тех пор игнорировавшийся фактор — *модель семьи*, за которой стояла серьезная разница в культурных и поведенческих стереотипах, в психологических ориентациях человека. Малая семья, дававшая защиту и убежище лишь до совершеннолетия, а также единонаследие, приводившее к лишению недвижимого имущества всех детей, кроме одного, вынуждали человека строить семью после достижения экономической самостоятельности и рассчитывать только на свои силы, что содействовало развитию индивидуализма, предприимчивости, а в масштабе всего государства — капитализма. Напротив, составная семья, дававшая приют каждому от рождения до старости, а также равенство прав на наследство, обеспечивавшее каждому получение минимума средств существования (как говорили русские пословицы: «Родись человек — и краюшка хлеба готова». «На всякую душу Бог зарождает». «На рабочего дело найдется, на голодного кус съестся»), позволяли рано вступать в брак и рассчитывать на помощь родственников, что воспитывало в личности коллективизм, конформизм, способность уживаться с родственниками, подчиняться авторитету старшего, самому диктовать свою волю младшим, которые поддерживали традицию. Таким образом, на западе Европы свобода ценилась выше порядка, а риск — выше спокойствия, а на востоке, наоборот, порядок — выше свободы, гарантированный минимум — выше риска.

IV.1. Изменение форм семейной организации

Существуют разные представления о том, когда и какие формы семьи доминировали. Понятия «семья», или «семейство», и «двор», или «домохозяйство», в XVII–начале XX в. были тождественными и означали совокупность близких родственников, которые жили вместе и вели одно хозяйство под управлением одного человека. Семьи в современном значении — как основанной на браке, любви и уважении группы из супругов и неженатых детей, связанных эмоциональной привязанностью, общностью быта, моральной ответственностью, необходимостью взаимопомощи и духовным общением, — не знали. При этом домохозяйство могло состоять из одной брачной пары, включавшей родителей и неженатых детей, или из двух или более брачных пар, члены которых находились в *родственных отношениях*, например женатые дети, жившие вместе с родителями, женатые братья, жившие вместе одним хозяйством, и т. д. Главными критериями единства нескольких брачных пар в одном домохозяйстве, или семействе, являлись наличие общего нераздельного имущества и одного главы, который управлял этим имуществом и вообще всеми делами в хозяйстве. Члены одного семейства жили одним двором, но не в том смысле, что они занимали одну избу (постройку), а в том, что вели одно хозяйство, имели общее имущество. Поэтому хозяйство, двор и семья были синонимами.

Согласно типологии, принятой в современной исторической демографии, различают пять семейных форм: 1) семья, состоящая из одного человека; 2) группа родственников или неродственников, не образующих семьи, но ведущая общее хозяйство; 3) простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, в которую входят две или более супружеских пар. В пятую категорию входят также и так называемые *большие патриархальные отцовские или братские семьи*, которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3–5 и более супружеских пар и объединяющих 15, 20, 30 и более человек. Последняя форма семейной организации в западноевропейских странах в новое время не встречалась, и поэтому в специальный тип не выделена.

А. Сельское население

Ответить на вопрос, какие типы семьи преобладали среди крестьянства, нам помогут данные о населенности, или людности, крестьянского двора (табл. IV.1).

Таблица IV.1

Средняя людность крестьянского двора в России (человек обоого пола)					
Район	1710	1850-е	1897*	1900-е	1917
Северный	6,8	6,8	5,3	5,6	5,6
Северо-Западный	7,4**	6,8	5,6	6,4	5,7
Нечерноземный центр	7,4	6,8	5,2	5,9	5,9
Черноземный центр	7,8	10,2	6,3	6,5	6,8
Поволжье	6,6	8,2	5,4	5,9	6,0
Киевская губерния	—	7,3	5,4	—	6,0
Европейская Россия	7,6	8,4	5,8	6,1	6,1

* Сельское население по переписи 1897 г.

** 1678 г.

Средняя населенность крестьянского двора в крепостное время в промысловых и промышленных регионах (Север, Северо-Запад и Нечерноземный центр) была стабильной или уменьшалась, а в земледельческих регионах — возрастала. Это свидетельствует о том, что характер хозяйственной деятельности оказывал серьезное влияние на размер семьи: занятие земледелием способствовало ее увеличению, а торговлей, промышленным производством и промыслами — уменьшению. После отмены крепостного права происходило повсеместное сокращение состава семей, причем этот процесс в большей степени охватил земледельческие губернии, что привело к выравниванию средней населенности крестьянского двора в районах промышленной и сельскохозяйственной ориентации.

В XVII–начале XX в. средний крестьянский двор никогда не был многонаселенным, что создает предпосылки интерпретировать малонаселен-

ность как показатель нуклеарной семьи. Но сама по себе малочисленность не является достаточным критерием для заключения о типе семьи, так как может быть следствием высокой смертности и короткой продолжительности жизни. Например, семья из четырех человек может включать две полные семьи и являться составной, а не малой. Какие формы семейной организации преобладали у крестьянства?

По состоянию на 1850 г. имеются данные о семейной структуре крестьян четырех губерний, в которых проживало более 4 млн человек (табл. IV.2).

Таблица IV.2

Людность дворов-семей в России в 1850-е гг. (в %)*

Губерния	Процент хозяйств с числом членов												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11–15	16–20	21–30
Ярославская	5,1	12,7	7,7	9,7	10,9	10,7	9,7	7,9	6,2	4,9	11,3	2,5	0,7
Ярославская**	39,6	20,3	7,9	7,3	6,2	4,9	3,7	2,5	1,8	1,4	3,4	0,7	0,3
Нижегородская	–	6,4	8,9	10,5	12,6	13,0	11,9	9,1	7,2	5,7	12,1	1,7	0,9
Пермская	4,7	6,9	8,3	11,6	11,7	10,9	8,5	7,1	5,7	5,6	14,1	3,6	1,3
Киевская	–	5,8	8,7	11,6	13,3	13,1	11,2	8,7	6,6	5,0	11,8	2,6	1,6

* Доля хозяйств с 31 и более членами у крестьян Ярославской губернии — 0,04 %, Пермской — 0,11 %, у ярославского мещанства — 0,06 %.

** Городское сословие.

В ярославской деревне в среднем на одно хозяйство приходилось 1,95 семьи, 6,49 человека (3,01 мужчины и 3,48 женщины), в том числе 3,45 взрослых и 3,04 детей. Для трех других губерний известно лишь о распределении домохозяйств по числу членов: в Пермской домохозяйство в среднем состояло из 7,06 человека, в том числе 3,33 мужчины и 4,73 женщины, в Нижегородской — соответственно 6,89; 3,30 и 3,59, в Киевской — 7,32; 3,64 и 3,68.

Обычно типология семей устанавливается путем анализа состава каждой семьи. Такой кропотливый анализ требует соответствующих источников, которых у нас недостаточно. Однако выявить приблизительную типологию возможно и по величине семьи, поскольку между типом и величиной семьи существовала тесная связь. Для этого необходимо знать, сколько членов в среднем включали малые, расширенные и составные семьи. С этой целью обратимся к типичному жизненному циклу семьи, который в крепостное время имел следующий вид:

	Мужчины	Женщины
Возраст вступления в первый брак	24–25	21–22
Возраст при рождении первого ребенка	26–27	23–24
Возраст при рождении последнего ребенка	42–44	39–40
Продолжительность предстоящей жизни при вступлении в брак	35–36	39–40
Продолжительность предстоящей жизни после рождения последнего ребенка	24–25	27–28
Среднее число рождений на одну крестьянку	–	7–8

Если женщина весь репродуктивный период проводила в браке и обладала крепким здоровьем, то она рожала 10–11 раз. Вследствие задержки вступления в брак, овдовения, бесплодия, безбрачия, плохого здоровья или намеренного предотвращения рождений крестьянки в среднем рожали по 7–8 детей; из них каждый третий (35 %) умирал в течение первого года жизни, только каждый второй (56 %) доживал до 20 лет и каждый из трех сыновей призывался на пожизненную воинскую службу. Средняя численность малой семьи в момент своего расцвета, когда супругов было 45–50 лет, могла составлять 6 человек (2 родителя, 3 ребенка и 1 сын в армии). К этому времени старшие дети достигали возраста 20 лет и численность семьи должна была начать постепенно сокращаться, если бы все дети покидали родительский дом. Этот расчет подтверждается данными о жизненном цикле семей духовенства, которое по уровню рождаемости и смертности можно сопоставить с семьями крестьян (табл. IV.3).

Таблица IV.3

Состав семей представителей духовенства в Вологодской губернии в 1859 г.

Возраст супруга	Число семейств, имевших детей										Всего детей	Всего семей	Детей на 1 семью
	0	1	2	3	4	5	6	7	8+				
60+	18	29	26	16	8	4	2	–	–	193	103	1,87	
55–59	11	28	26	21	10	11	4	2	–	276	113	2,44	
50–54	9	25	35	28	29	26	15	6	2	575	175	3,29	
45–49	10	15	19	26	29	38	20	13	8	716	178	4,02	
40–44	21	19	22	32	46	60	43	25	15	1201	283	4,24	
35–39	20	20	27	53	79	82	54	14	5	1426	354	4,03	
30–34	21	32	72	103	78	45	16	5	1	1161	373	3,11	
25–29	27	100	77	64	26	2	2	–	–	572	298	1,92	
18–24	16	63	3	–	–	–	–	–	–	69	82	0,84	
Итого	153	331	307	343	305	268	156	65	31	6189	1959	3,17	

Приведенные цифры показывают, что максимальной величины — 6,24 человека (2 родителя и 4,24 детей) — семьи духовенства достигали, когда

супругам было 40–44 года, после чего число членов начинало уменьшаться. Это было связано с тем, что в семьях духовенства только один сын наследовал отцу и становился его преемником, остальные устраивали свою жизнь самостоятельно; дочери после замужества покидали родителей. Когда супруги достигали 60 лет, с ними мог оставаться только один сын, наследовавший отцу, и младшая дочь, не успевшая выйти замуж. Таким образом, престарелые родители доживали жизнь с сыном.

Семьи представителей духовенства можно считать примером семьи, которая на протяжении всего жизненного цикла оставалась малой. В отношении к крестьянству эта модель является *контрфактической*: она показывает, что *было бы* с крестьянской семьей, *если бы* 1) она всегда оставалась малой, 2) крестьян, так же как и представителей духовного сословия, не брали в армию. Средняя величина семьи белого духовенства составляла только 5,17 человека. Это при том, что духовенство являлось самым многодетным сословием в России по причине раннего вступления в брак, относительного благосостояния и неприятия (по религиозным соображениям) любых средств, ограничивающих деторождение.

В крестьянских семьях, как и в семьях духовенства, дочери после замужества покидали родительский дом, но в отличие от духовенства каждый из трех крестьянских сыновей после достижения призывного возраста, равного 21 году, как правило, уходил в армию и в семью не возвращался. Рекрутская повинность крестьянских детей и меньшая сравнительно с духовенством детность крестьянских семей объясняют, почему по нашему расчету в малой крестьянской семье оставалось трое детей, а в семьях духовенства — 4,24. Второе отличие состояло в том, что крестьянские сыновья, кроме ушедших в армию, оставались с родителями, приводили в дом жен и обзаводились детьми. Начинаясь новый рост семьи, который продолжался 20–30 лет до смерти патриарха, потому что, как правило, сыновья при живом отце от него не уходили и имуществу с ним не делили. Если же они настаивали на разделе, то, согласно обычному праву, не получали никакого имущества. За 20–30 лет численность семьи заметно увеличивалась, так как две–три невестки за это время несколько раз рожали. Нередко случалось, что после смерти отца братья продолжали жить вместе. Большие отцовские и братские семьи иногда достигали значительных размеров: например, самая большая семья в Ярославской губернии включала 72 человека, в Нижегородской — 46 и в Пермской — 44 человека.

Итак, в середине XIX в., и в более раннее время тем более, в среде крестьянства семьи, насчитывавшие 6 и более человек, в основном являлись расширенными или составными. Естественно, не все семьи численностью 5 человек и менее были малыми, как и не все семьи, насчитывавшие более 6 членов, были расширенными или составными — речь идет о наиболее распространенных случаях. Имеющиеся локальные исследования действительно показывают, что семьи, насчитывавшие до 5 человек включительно, чаще всего являлись малыми, 6 — расширенными, 7 и более — составными. Семьи с числом членов 11 и выше будем считать большими. В таком случае наша исходная табл. IV.2 примет вид табл. IV.4.

**Типология крестьянских хозяйств-семей в середине XIX в.
в Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской губерниях (в %)**

Тип семьи	Ярославская		Нижегородская		Пермская		Киевская	
	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население
Одинокие	5,1	0,8	—	—	4,7	0,7	—	—
Группа родственников	6,7	2,1	—	—	—	—	—	—
Малая	34,2	19,8	38,9*	21,4*	38,5*	20,3*	39,4*	19,2*
Расширенная	10,6	9,8	13,2	11,5	10,9	9,2	13,1	11,3
Составная	43,4	67,5	47,9	67,1	45,9	69,8	47,5	69,5
в т. ч. большая **	14,5	31,2	17,7	28,5	23,0	38,3	16,1	32,8

* Вместе с одинокими и группой родственников.

** С 11 и более членами.

Ярославская, Нижегородская и Пермская губернии имели промышленную ориентацию, так как крестьяне, не оставляя земледелия, активно занимались кустарной промышленностью, отходничеством, торговлей. Во всех трех губерниях *в каждый данный момент* количественно преобладали составные семьи; вместе с расширенными семьями они составляли абсолютное большинство, как и в земледельческой Киевской губернии. Кроме числа семей, необходимо учитывать и население, жившее в семьях разного типа: в составных семьях проживало до 70 % всех крестьян, малых — около 20 %, в расширенных — 10 %. В аграрных губерниях доля составных семей и населения, проживавшего в них, была выше, поэтому и средний размер семьи там был примерно на 25 % больше, чем в промышленных губерниях. Например, в 1857 г. средняя величина семьи в Воронежской губернии — 9,6 человека, Вятской — 9,7, Курской — 9,1, Саратовской — 8,4, Тамбовской — 9,0 человек обоего пола. В целом по Европейской России в 1850-е гг. средняя людность двора составляла 8,4 человека (см. табл. IV.1), по неземледельческим Ярославской, Нижегородской и Пермской губерниям — 6,8. На основании этих данных можно предположить, что до 1861 г. в деревне преобладала составная крестьянская семья.

Пореформенный период отмечен уменьшением средней величины семьи и доли расширенных и составных семей (см. табл. IV.1, табл. IV.5 и IV.6).

Таблица IV.5

**Типология хозяйств-семей сельского населения в 1897 г.
в Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской губерниях (в %)**

Тип семьи	Ярославская		Нижегородская		Пермская		Киевская	
	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население
Одинокие	8,1	1,7	5,9	1,2	3,4	0,7	2,1	0,4
Малая*	60,3	44,9	54,5	39,3	57,2	39,9	58,1	41,8
Составная**	31,6	53,4	39,6	59,5	39,4	59,4	39,8	57,8
в т. ч. большая***	1,4	2,8	4,0	8,1	2,5	5,2	1,2	2,4

* Вместе с группой родственников.

** Вместе с расширенными семьями.

*** С 11 и более членами.

При анализе табл. IV.5 и IV.6 следует иметь в виду, что их данные относятся ко всему сельскому населению, а не собственно к крестьянству. В семейной структуре проживавших в деревне мещан, купцов и дворян было больше малых семей и меньше расширенных и составных и их населенность была меньше, чем населенность крестьянской семьи: на одну семью дворян приходилось 5,4 человека, духовенства — 5,8, городских обывателей — 5,1.

Как видим, на рубеже XIX–XX вв. во всех регионах России малые семьи преобладали (хотя на Северо-Западе, в Черноземном центре и Белоруссии их доля была менее 50 %). *Составная семья заметно и всюду сдала свои позиции* сравнительно с серединой XIX в. Но в промышленных губерниях, где индустриализация и урбанизация зашли достаточно далеко, процесс размельчения семей продвинулся дальше, чем в аграрных. В целом у крестьянства Европейской России малые семьи преобладали — на их долю приходилось 50,5 % всех семей, хотя с точки зрения численности членов семей разного типа во всех районах, кроме Прибалтики, к началу XX в. немногим более половины крестьян все еще проживало в составных, включая большие, семьях, если мы по аналогии с серединой XIX в. предположим, что расширенные семьи охватывали около 10 % семей и населения.

Приведенная типология дает представление о семейной организации крестьянства на момент группировки, т. е. синхронно. Но каждая семья была живым организмом, в течение своего существования она переживала диахронно жизненный цикл: рост, упадок и другие хозяйственно-морфологические процессы. При нормальных условиях малая, составная или большая семьи представляли собой отдельные стадии в этом цикле, так как малая семья становилась составной и часто большой, а составная и большая семьи после раздела превращались в малые. Динамические переписи крестьянских хозяйств конца XIX–начала XX в., в ходе которых прослеживалась в течение 4–20 лет судьба отдельного крес-

стьянского хозяйства, обнаружили: на определенный момент около 70 % хозяйств испытывало рост своего состава, 20 % — разделялось, оставшиеся 10 % хозяйств выселялись из деревни, прекращали свое существование, переезжали из других мест, соединялись или распадалась. В крепостное время рост крестьянской семьи нередко продолжался до большой, в пореформенной деревне, как правило, — до составной.

Таблица IV.6

**Типология хозяйств-семей сельского населения
Европейской России по районам в 1897 г. (в %)**

Район	Одинокие		Малая*		Расширенная и составная		Большая**	
	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население
Промышленной ориентации	4,3	0,9	52,6	38,0	40,6	56,0	2,5	5,1
Северный	2,8	0,7	50,4	37,2	44,2	56,8	2,6	5,3
Северо-Западный	4,8	0,9	48,9	35,1	42,4	56,1	3,9	7,9
Северо-Восточный	2,8	0,5	51,5	36,5	41,3	54,1	4,4	8,9
Нечерноземный центр	5,2	1,0	52,6	38,5	38,1	52,2	4,1	8,3
Прибалтийский	5,4	1,1	64,1	46,2	29,3	50,3	1,2	2,4
Аграрной ориентации	2,4	0,4	49,7	32,9	43,0	56,8	4,9	9,9
Юго-Восточный	2,4	0,4	50,7	32,4	41,5	56,8	5,4	10,4
Восточный	2,0	0,4	50,1	34,4	43,0	55,3	4,9	9,9
Средне-Волжский	3,9	0,7	51,4	36,4	40,8	55,0	3,9	7,9
Черноземный центр	2,5	0,4	44,6	28,0	44,4	54,4	8,5	17,2
Белорусский	2,3	0,4	47,7	29,1	45,1	60,6	4,9	9,9
Украинский	2,0	0,4	54,1	38,3	41,8	57,1	2,1	4,2
Новороссийский	2,2	0,4	52,9	36,0	41,8	57,3	3,1	6,3
Европейская Россия	2,9	0,5	50,5	34,2	42,0	56,0	4,6	9,3

* Вместе с группой родственников.

** С 11 и более членами.

Распределение семей на определенную дату создает иллюзию, что составная семья всюду сохраняла свои позиции вплоть до начала XX в. В действительности в период империи составная семья была лишь одной из стадий жизненного цикла семьи для преобладающего числа крестьян в определенный период жизни, как правило совпадающий с детством, юно-

стью или старостью. До 1861 г. эта стадия была практически обязательной для всех семей и к тому же самой продолжительной, а стадию большой семьи переживали около 10 % крестьян. В пореформенное время нуклеарная семья еще более потеснила составную, к концу XIX в. многие семьи вообще не перерастали в составные, а в большие семьи перерастали всего около 4,6 % семей. Однако вплоть до начала XX в. составная семья представляла собой обязательную и самую продолжительную стадию жизненного цикла для значительной части крестьян.

Возникает вопрос: почему составные семьи, хотя бы в качестве одной из стадий развития семьи, существовали так долго? Этому способствовал ряд факторов. Составные семьи, особенно в период господства крепостничества, энергично поддерживались общиной, помещиками и администрацией, управлявшей государственной деревней; нередко семейные разделы просто запрещались. При прочих равных условиях составная семья сравнительно с малой обеспечивала большую экономическую эффективность в сельскохозяйственном производстве благодаря семейной кооперации на основе половозрастного разделения труда (табл. IV.7).

Таблица IV.7

**Возрастной состав крестьян, принимавших участие
в важнейших полевых работах или помогавших
в хозяйстве в конце XIX–начале XX в.**

Возраст, лет	Участвуют во всех полевых работах*, в % ко всему населению хозяйства		Участвуют во второстепенных полевых работах, в % к населению данного возраста	
	Мужской пол	Женский пол	Мужской пол	Женский пол
11–13	–	–	21,4	23,5
12–15	3,0	11,0	–	–
14–15	–	–	23,6	35,9
16–17	5,0	13,5	3,1	9,1
18–45	60,0	28,9	0,4	0,5
46–60	22,7	38,5	1,0	5,3
60+	9,3	8,1	5,0	5,2

* Кроме пахоты.

Мужчины и женщины старше 60 лет почти наравне с более молодыми участвовали в полевых работах. Кто не сохранил полную физическую силу, выполнял второстепенные работы; глубокие старики ухаживали за младенцами и помогали в домашней работе. Дети включались в полевые работы с 11 лет, а помогали по дому и в уходе за маленькими детьми с 5 лет. Многосемейность сообщила крестьянскому хозяйству устойчивость и являлась важным фактором крестьянского благосостояния как до, так и после 1861 г. В малой семье болезнь или смерть одного и часто единственного работника приводила хозяйство к разорению, в то время как в

составной семье потеря одного работника не могла подорвать благосостояние хозяйства. В условиях высокой смертности и низкой средней продолжительности жизни составные семьи страховали детей от высокой смертности родителей (сирот, которых насчитывалось до 13 % от общего числа детей в возрасте до 15 лет, воспитывали родственники), родителей — от высокой смертности детей, бесплодных — от отсутствия детей (в большой семье всегда были дети), давали приют немощной старости, страховали от болезней. При ранних браках и, соответственно, ранних материнства и отцовстве в составной семье могла осуществляться преемственность отцов и детей, столь важная для крестьянской культуры, основанной на непосредственной передаче опыта от одного поколения к другому. Наконец, именно в составных семьях воспроизводились патриархальные отношения, утверждались авторитет и власть стариков, так как в них дети в большей степени подчинялись большаку и большухе, т. е. дедам и бабкам, чем родителям. Таким образом, до определенного момента составная семья наилучшим образом обеспечивала воспроизводство населения, социальную защиту старых и детей и социализацию молодого поколения, и именно поэтому она до 1861 г. получала поддержку со стороны помещика в частновладельческой деревне и со стороны администрации в казенных имениях. Факторами стабильности составной семьи являлись также слабое развитие товарно-денежных отношений в деревне и недостаток индивидуализма в крестьянской среде.

Несмотря на преимущества составной семьи, в пореформенное время значительное развитие получила малая нуклеарная, которая во многих случаях стала воспроизводить самую себя, не перерастая в составную. Эти изменения происходили в результате участвовавших семейных разделов, которые имели две причины — экономическую и психологическую. Развитие неземледельческих занятий, в которые было вовлечено около 23 % взрослого населения, сводило к минимуму экономические выгоды семейной кооперации. Отмена барщины, растущее малоземелье и переобременение налогами и выкупными платежами, расширение применения наемного труда действовали в том же направлении. Малая семья оказалась более пластичной, лучше приспосабливалась к развивавшемуся товарному хозяйству, ориентированному на рыночные отношения и связанному с неземледельческими занятиями. В ней было более благоприятное соотношение работников и иждивенцев по сравнению с большими семьями. Вот сведения о величине семьи и доле иждивенцев (лица младше 16 и старше 60 лет) в 19699 хозяйствах Пермской губернии за 1850 г.:

Число членов семьи	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20–25	26–35
Иждивенцы, %	39	40	41	46	47	48	47	48	47	46	50	48	50	51	50	48	52	52	52	52

Процент иждивенцев имел тенденцию увеличиваться по мере роста размера семьи; в составных семьях он достигает минимума при численности

10–11 человек, после чего начинает возрастать и стабилизируется при людности в 18 и больше человек. Именно тогда, когда семья вырастала до 10–11 человек, и происходили чаще всего разделы. Разросшееся хозяйство заходило в экономический тупик: увеличивались издержки производства, уменьшалась производительность труда, возникали серьезные психологические трения внутри семьи, которые не компенсировались экономическими выгодами.

Раздел разросшихся хозяйств был нормальным явлением. Это происходило со всеми, чаще всего после смерти большака, что случалось обыкновенно, когда ему было 65–70 лет, а его сыновьям — 40–45. Отделившаяся брачная пара начинала новый цикл. Новая семья испытывала рост, продолжавшийся 20–25 лет, в течение которых она превращалась в составную. Дальнейший рост заканчивался семейным разделом, который, как правило, приводил к понижению благосостояния выделившихся семей. Но постепенно благополучие возрастало и достигало максимума к моменту следующего раздела. Поскольку рост семьи при нормальных условиях сопровождался повышением ее благосостояния, то между возрастом главы хозяйства и его имущественным статусом наблюдалась связь: старики, средние по возрасту и молодые являлись представителями трех различных социальных страт в деревне: богатых, середняков и бедных.

В 1861–1882 гг. в 46 губерниях Европейской России происходило ежегодно по 108 тыс. разделов, в 1883–1890 гг. — по 150 тыс. В 1886 г. был принят закон, который разрешал семейный раздел при условии обязательного согласия главы семьи и двух третей сельского схода. Однако общее число разделов продолжало увеличиваться. Крестьяне, чтобы уйти от контроля администрации, производили самовольные разделы, но официально их не регистрировали. Стремление к хозяйственной самостоятельности пересиливало экономические выгоды большой семьи там, где они имелись; разделившихся не останавливала даже потеря имущества.

Специальное исследование, предпринятое в 1905 г. в Воронежской губернии, обнаружило, что составные семьи были более инертными по сравнению с малыми в отношении общего образования членов семьи и нововведений и улучшений в хозяйстве. Средняя грамотность всех крестьянок составляла 5,6 %, а среди женщин из составных семей — 1,9 %. В составных семьях главы семей не позволяли молодым заниматься промыслами из-за страха потерять над ними контроль. Малые семьи отличались большим демократизмом, женщины и дети в них не были столь принижены, как в больших семьях. Но благосостояние составных семей было несколько выше благодаря семейной кооперации — основному ее преимуществу перед нуклеарной семьей. Появление личной собственности у членов семьи, падение авторитета стариков, ослабление родительской власти, нарушение обычаев, запрещающих производить раздел имущества при жизни родителей, рост индивидуализма среди молодого поколения, его желание освободиться от опеки старших и жить самостоятельно вели к семейным ссорам, что в конце концов приводило к семейным разделам. Большой простор для инициативы отдельного лица и возможность самостоятельного независимого существования являлись сильным стимулом разделов.

Б. Городское население

Население городов было пестрым по социальному составу — купцы и ремесленники, военные и духовенство, крестьяне и дворяне, чиновники и рабочие люди. Демографические процессы у сословных групп, кроме военных и чиновников, были примерно одинаковыми, но семейный уклад различался. Дворяне после поступления в 16–18 лет на государственную, военную или гражданскую службу рано уезжали и должны были проводить свою жизнь вдали от родительского дома. Даже после закона об освобождении от обязательной службы в 1762 г. большинство продолжало служить ввиду недостатка доходов. Дворянки покидали отчий дом после замужества. Сыновья купцов, мещан и городских крестьян, став взрослыми, не могли оставить родителей — они были по закону приписаны к месту жительства, своему сословию, семье, сословной корпорации и фактически к профессии и поэтому были вынуждены следовать дорогой, проложенной их родителями. До конца XVIII в. семейное имущество торгово-промышленного населения городов по закону являлось общим достоянием семьи, им распоряжался ее глава, а дети находились в полной власти отца и не могли требовать раздела имущества при его жизни. Значит, если среди дворян, как и среди духовенства, могли преобладать малые семьи, то бюргеры и городские крестьяне, которые составляли до трети городского населения, не могли по своей семейной организации в XVIII в. существенно отличаться от крестьян, проживавших в деревне. Этому способствовало еще и то, что в большинстве российских городов главным занятием жителей являлось сельское хозяйство: в 1790-е гг. доля аграрных городов составляла 54 %. Только к середине XIX в. земледелие потеряло свою доминирующую роль в городской экономике, соответственно доля аграрных городов понизилась до 22 %. Анализ имеющихся данных о величине городских семей это предположение подтверждает.

В г. Устюжне Новгородской губернии в 1713 г. средняя величина семьи посадских составляла 6,3 человека, рабочих — 4, дворян — 3,4, духовенства — 3,5 человека. Большинство посадских и приказных жили составными семьями, остальные сословия — малыми. То же наблюдалось в Вологде в конце XVII–начале XVIII в.: средняя людность дворов посадских равнялась 6,2 человека, остальных горожан — 4–5 человек, а крестьянских дворов в уезде — 7 человек. Согласно церковному учету, в 1741 г. в городах Нижегородской епархии средняя населенность двора составляла 6,2 человека, варьируя в различных городах в зависимости от их величины и хозяйственного профиля от 5 до 8 человек. *К 1897 г. средний размер семьи у всех горожан уменьшился с 6 до 4,3 человек, в том числе у городских обывателей (бывших посадских) сравнительно с первой половиной XVIII в. сократился с 6,2–6,3 до 4,2 человека, а у дворян и духовенства, наоборот, увеличился — соответственно с 3,4 до 4,3 и с 3,5 до 4,7 человека. Произошло выравнивание людности семей всех сословий.*

В первой половине XIX в. по мере превращения аграрных городов в торгово-промышленные, а также под влиянием изменения законодательства о наследовании в семейной типологии произошли изменения (табл. IV.8).

**Типология городских семей в Ярославской
и Киевской губерниях в XIX в. (в %)**

Тип семьи	В городах Ярославской губернии				В городах Киевской губернии							
	1850		1897		1845						1897	
	Всего		Всего		Христи- ане		Евреи		Всего		Всего	
	Число семей	Население	Число семей	Население	Число семей	Население	Число семей	Население	Число семей	Население	Число семей	Население
Одинокие	39	12	11	3	–	–	–	–	–	–	7	1
Группа родственников	11	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Малая	31	31	71	63	56	33	43	23	46	26	63	50
Расширенная	6	10	–	–	10	11	11	10	11	10	–	–
Составная	13	41	18	34	34	56	46	67	43	64	30	49
в т. ч. большая *	4	18	1	2	10	24	18	38	16	34	1	2

* С 11 и более членами.

К середине XIX в. малая семья среди горожан стала преобладающей среди христиан даже в аграрных губерниях, если судить по Киевской, где на долю составной семьи приходилось 34 % всех христианских семей, хотя и 56 % населения. В промышленных регионах регресс составной семьи был еще более впечатляющим, если судить по Ярославской губернии, где только 13 % всех семей являлись составными. Типология христианских семей киевских городов являлась типичной для горожан сельскохозяйственных регионов. Различия в соотношении различных типов семей в Киевской и Ярославской губерниях показывают, что по мере индустриализации регионов и городов все более заметное место приобретают малые семьи.

Симптоматично, что структура семей в городе середины XIX в. напоминает типологию семей в деревне конца XIX в. (табл. IV.6). Это говорит о том, что горожане по своей семейной организации испытывали ту же эволюцию, что и крестьянство, только с опережением во времени. Данные по состоянию на конец XIX в. подтверждают это наблюдение (табл. IV.9).

**Типология семей городского населения Европейской России
по районам в 1897 г. (в %)**

Район	Одинокие		Малая*		Расширенная**		Большая***	
	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население	Хозяйства	Население
Промышленной ориентации	9,2	2,4	70,0	60,0	20,2	36,4	0,6	1,2
Северный	8,3	2,1	68,0	57,1	23,1	39,6	0,6	1,2
Северо-Западный	9,5	2,5	70,7	61,6	19,3	34,9	0,5	1,0
Северо-Восточный	8,3	2,2	69,7	59,2	21,5	37,6	0,5	1,0
Нечерноземный центр	8,1	2,0	68,6	56,6	22,4	39,6	0,9	1,8
Прибалтийский	11,2	3,0	72,4	65,5	16,1	30,9	0,3	0,6
Аграрной ориентации	6,3	1,4	64,1	49,0	28,4	47,2	1,2	2,4
Юго-Восточный	6,2	1,5	70,8	58,8	22,2	38,1	0,8	1,6
Восточный	6,2	1,4	66,0	51,6	26,7	44,9	1,1	2,1
Средне-Волжский	8,4	2,1	67,8	56,9	22,9	39,2	0,9	1,8
Черноземный центр	6,9	1,4	64,4	45,2	27,1	50,2	1,6	3,2
Белорусский	5,0	1,1	62,4	48,4	31,5	48,3	1,1	2,2
Украинский	5,4	1,2	61,2	46,8	32,3	49,8	1,1	2,2
Новороссийский	7,0	1,6	63,9	50,7	28,3	46,1	0,8	1,6
Европейская Россия	7,3	1,8	66,1	52,6	25,6	43,6	1,0	2,0

* Вместе с группой родственников.

** Вместе с составной семьей.

*** С 11 и более членами.

В городах начала XX в. нуклеарный тип семьи стал преобладающим для большинства городского населения даже в аграрных губерниях — в таких семьях проживало 52,6 % населения. Причем чем более продвинутым в промышленном отношении был регион, тем большую роль там играла малая семья. И наоборот — чем более аграрным являлся регион, тем большее значение имела составная семья. Что же касается большой семьи, то в крупных городах она по существу вымерла и иногда как пережиток встречалась лишь в немногих малых аграрных городах, а также среди тех слоев городского населения (например среди купечества), которые придерживались обычаев патриархальной старины.

Таким образом, как в деревне, так и в городе семейная типология в период империи изменялась в пользу малой семьи. До середины XIX в. большинство людей в определенный период своей жизни проживали в

составной семье, поскольку семья в процессе своего развития перерастала в составную, а потом вновь распадалась на несколько малых. На рубеже XIX–XX вв. составная семья еще оставалась важной формой семейной организации для значительной части крестьянства, мещанства и купечества в период их детства, молодости и старости. Однако в городах появились такие группы населения, как профессиональная интеллигенция, рабочие, чиновники и другие (их совокупная доля в населении превышала 15 %), которые жили только малыми семьями. В изживании архаических форм семьи город обгонял деревню примерно на 50 лет: типология семей, наблюдавшаяся в городах в середине XIX в., пришла в деревню на рубеже XIX–XX вв.

В. Структурно-функциональный анализ нуклеаризации семьи

Динамику семьи помогает понять структурно-функциональный анализ. В течение всего периода империи семья выполняла одни и те же функции: *репродуктивную* (удовлетворение потребностей в детях), *политическую* (социальный контроль, поддержание общественного порядка), *хозяйственно-бытовую* (получение услуг одними членами семьи от других), *экономическую* (добывание средств к жизни трудом членов семьи), *социальную* (воспитание, социализация), *социально-статусную* (предоставление социального статуса членам семьи), *эмоциональную* (получение психологической защиты, эмоциональной поддержки), *досуговую, сексуальную*. Однако относительное значение функций изменялось во времени и было различным для отдельных сословий. В пореформенное время роль репродуктивной (из-за уменьшения потребностей в детях), экономической (ввиду структурных изменений в экономике), социальной (в силу повышения значения других, кроме семьи, агентов социализации), хозяйственно-бытовой (благодаря развитию сферы услуг), политической (ввиду появления других, кроме семьи и сословных корпораций, агентов социального и политического контроля), социально-статусной (по причине роста социальной мобильности) функций понижалась, а досуговой и эмоциональной функций повышалась. Трансформация экономической, освобождение семьи от политической и повышение значения досуговой и сексуальной функций прогрессировало особенно заметно. Традиционная семья слабо дифференцировала время на рабочее и досуговое, на общее и личное. В семьях дворян и представителей духовенства социальная, социально-статусная, досуговая и эмоциональная функции всегда имели относительно большее значение, чем в семьях крестьян и мещан.

Перемены в относительном значении функций семьи, в первую очередь экономической, сказались на ее структуре — сначала вызвали уменьшение ее людности, а затем и сужение до малой. Главная причина нуклеаризации состояла в том, что потребность в существовании составной семьи постепенно снижалась ввиду уменьшения экономических выгод от семейной кооперации. Помещичьим крестьянам в крепостное время приходилось одновременно работать на барщине и в своем хозяйстве, поэтому они нуждались в наличии по крайней мере двух взрослых работников. Отмена барщины для бывших барщинных крестьян сняла проблему дефицита рабочей силы. Повсеместное сокращение земельных наделов после

реформы по той же причине вело к сокращению потребности в рабочих руках. Дифференциация крестьян способствовала, с одной стороны, появлению бедных хозяйств с лишними рабочими руками, с другой — возникновению хозяйств, которые переходили на наемный труд, — и в том, и в другом случае потребность в большом семействе, обладающем резервом рабочих рук, снижалась. Появление в деревне рынка рабочей силы позволяло любому хозяйству в случае необходимости прибегнуть к наемному труду.

Чрезвычайно способствовало нуклеаризации семей развитие неземледельческих занятий: такое хозяйство имело мало выгод от семейной кооперации и не было заинтересовано в сохранении составной семьи. Согласно данным переписи 1897 г., неземледельческие занятия в качестве основного, а не вспомогательного вида деятельности достаточно глубоко проникли в деревню: в 56 (из 506), или в 11,1 % всех уездов, 30–55 % крестьян получали главные жизненные средства от неземледельческих занятий, в 85 (16,8 %) — 20–29 % крестьян, в 306 (60,5 %) — 10–19 % крестьян и в 59 (11,7 %) 2–9 % крестьян получали главный доход вне сельского хозяйства.

В городе нуклеаризации содействовала пролетаризация мещанства и ремесленников, развитие рынка труда и услуг. Экономическая функция семьи, обладавшей собственными средствами производства, и семьи наемного рабочего принципиально изменялась — в первом случае это добывание средств к жизни трудом членов семьи в собственном хозяйстве, во втором — добывание средств к жизни за пределами своего хозяйства. Семья переставала быть производственным коллективом, нуждавшимся в семейной кооперации. Естественно, в такой семье терялся всякий интерес к семейной кооперации. Процесс нуклеаризации начался в городе, затем распространился на деревни, охваченные отходом и тесно связанные с промышленностью, наконец, пришел в чисто земледельческие поселения. Но к 1917 г. процесс не завершился.

IV.2. Развитие внутрисемейных отношений

Анализ внутрисемейных отношений представляет исключительный интерес, поскольку отношения в семье и социуме находились в тесном взаимодействии и обуславливали друг друга. По семье можно судить об обществе, и наоборот.

А. Крестьянская семья

У крестьян семья была союзом родственным, а не супружеским, поскольку включала три поколения, две и более брачных пары — деда с женатыми и неженатыми детьми, внуков и часто родственников.

Семья была «вмонтирована» в производственный процесс и непосредственно подчинялась его требованиям. Это накладывало отпечаток на семейные отношения: они покоились не только на отношениях эмоциональной привязанности, но и на производственной зависимости, господстве и подчинении. Мысли о работе, забота о производстве хлеба насущного пронизывали всю семейную жизнь.

Основополагающий принцип семьи — иерархизм и разделение тру-

да. Своей организацией она напоминала маленькое абсолютистское государство. Большак — обычно отец или дед домочадцев, самый опытный и старший по возрасту мужчина — осуществлял в семье, до некоторой степени подобно царю XVII в. в государстве, патриархальное управление и традиционное господство, основанное на вере в законность и священность отцовской власти. Он распоряжался трудом членов семьи, распределял и контролировал работу, разбирал внутрисемейные споры, наказывал провинившихся, следил за нравственностью, делал покупки, заключал сделки, платил налоги, являлся ответственным перед церковным приходом за отправление православных обычаев внутри семьи, перед деревней и помещиком (во владельческих имениях) и администрацией за поведение членов семьи. Именно большак всегда и везде представлял интересы семьи. Он мог отдать в работы своих детей или жившего с ним младшего брата против их воли; члены семьи могли вступать в какие-либо сделки только при его участии. Под властью жесткого патриарха положение домочадцев бывало порой очень тяжелым. Однако обычай, по которому жили крестьяне, не признавал за детьми права отделиться от отца и требовать раздела имущества. Лишь тогда, когда большак расточал имущество, пьянствовал, наносил явный ущерб интересам семьи, помимо его воли, но с санкции и под наблюдением общины производился раздел и часть имущества переходила к отделившимся детям или родственникам.

Руководить женской частью дома помогала большуха (обычно, но не всегда жена большака). Это было необходимо — заботы делились на мужские и женские. Мужчины выполняли работы, требовавшие большой физической силы, сопряженные с риском, вдали от дома — пашня, луг, лес, лошади. Женщинам оставались дети, уход за скотом, птицей и огородом, приготавливали пищу, одежды, производили некоторые виды полевых работ. Дети помогали с малых лет. Домочадцы, как музыканты в оркестре, знали каждый свое место, образывали строгую иерархию в зависимости от пола, возраста и своей роли. Распределение членов семьи за обеденным столом эту соподчиненность отражало: большак — во главе стола, все остальные — вокруг него по статусу.

Статус большухи был выше, чем у других женщин, над которыми она имела власть, хотя и она сама беспрекословно повиновалась мужу. В случае его смерти и при отсутствии в доме взрослых мужчин к ней переходила власть большака. Однако новый статус она сохраняла, как правило, лишь до того времени, когда дети становились взрослыми, женились и обзаводились детьми. Впрочем, и большуха, по мнению крестьян, поскольку она женщина, не заслуживала большого уважения. Как известно, правила поведения в традиционном обществе выражались в пословицах и поговорках. Они были своего рода категорическими императивами, в них отражалась мораль, отношение к миру, людям, власти, труду и т. д. Из 84 пословиц, посвященных женщине в сборнике В.И. Даля, нет ни одной, в которой о ней говорилось бы что-нибудь доброе: «Волос долог, да ум короток». «В чем деду стыд, в том бабе смех». «Курица не птица, баба не человек». «Я думал идет двое, ан мужик с бабой». «Баба что мешок: что

положишь, то несет». «Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет». Негативное отношение к женщине — не специфически русское явление. Так было во всех европейских странах в доиндустриальную эпоху.

Дети, по крайней мере до женитьбы, находились в полной зависимости от родителей и должны были быть абсолютно им послушны под страхом наказания. В крепостное время власть отца над детьми была столь велика, что их продавали, отдавали в кабалу и зажив — в услужение в качестве оплаты за долги. До 7 лет дети воспитывались матерями, но с 7 лет мальчики постепенно переходили под наблюдение отца, передававшего им навыки и умение, которые необходимо было знать крестьянину, а девочки оставались под надзором матери, она обучала их всему, что необходимо было знать крестьянке. Дети с раннего возраста участвовали вместе со взрослыми почти во всех домашних и сельскохозяйственных работах. Обучение трудовым навыкам стояло на первом месте; к 15 годам девушки и юноши становились полноценными работниками, способными выполнять все крестьянские работы. Целью воспитания являлось также развитие страха Божьего, покорности родителям, церкви и властям. Вследствие того, что именно в лоне семьи происходила в основном социализация, дети становились как бы двойниками своих родителей.

Отношения между супругами и между ними и детьми не отличались теплотой, заботливостью, сердечностью, взаимным уважением: домочадцы не были равными партнерами, в основе их отношений лежали неравенство, иерархия, субординация. Семья являлась производством, и необходимо было поддерживать порядок принудительными мерами. Народная педагогика признавала принуждение и насилие нормальными и важными формами воздействия на непослушных. Дети, особенно часто маленькие, наказывались физически; но розга не обходила и взрослых детей. Крестьяне считали, что родительская любовь заключается в строгом отношении к детям, что наказание всегда идет ему на пользу, и поэтому не упускали случая наказать, искренне полагая при этом, что «они обходятся с детьми ласково и балуют их». Побои были обычны в семье еще и потому, что власть нуждалась в демонстрации своей силы, что тирания в отношении женщин и детей служила компенсацией мужчинам за их покорность перед властью имущими. Авторитарная жесткость семейных отношений частично объяснялась недостатком самоконтроля, повышенной эмоциональностью и импульсивностью людей того времени. Любви же было мало, потому что любовь (к родителям или другому человеку вообще) — это не покорность и собачья привязанность, а переживание причастности и общности, она основывается на равенстве и независимости, а не на страхе и подчиненности.

С точки зрения межличностных отношений, крестьянская семья относилась к авторитарной. Авторитаризм в то время носил патриархальный характер: во-первых, он основывался на авторитете самого достойного, по мнению домочадцев, мужчины, каковым являлся отец или дед; во-вторых, члены семьи не претендовали на власть и прав и свое подчинение ему считали нормальным, неизбежным и оправданным; в-третьих, домочадцы отождествляли себя с главой семьи и насилие со стороны

большака не казалось им нарушением их прав и интересов. В крепостное время авторитарно-патриархальная семья господствовала в среде православно-крестьянства от севера до юга и от запада до востока. Лишь в Прибалтийском регионе у эстонских, латышских и литовских крестьян внутрисемейные отношения были менее авторитарными и положение женщины было немного лучше.

Характерной чертой семьи являлся коллективизм: общее имущество, совместно труд, стол, отдых и даже постель — спали в одной комнате, на печи, на лавках, на полу. Интимное и личное не отделялись от семейного. Найти место для частной жизни было очень трудно. Личность поглощалась семьей. Общие интересы семьи главенствовали над индивидуальными, что наглядно проявлялось при вступлении в брак по воле родителей

Семья не только добывала средства к жизни, растила и воспитывала молодое поколение, защищала жизнь и достоинство своих членов, она выполняла политическую функцию — поддерживала авторитарный и иерархический порядок в семье, общине и обществе, утверждала власть мужчин над женщинами, родителей над детьми, старших над младшими. Главе семьи закон (а не частное право на землю или семейное имущество) делегировал власть, поэтому он действовал как агент коронной администрации власти в семье.

Крестьянская семья жила под жесткой опекой сельской общины. Ввиду чересполосицы и общинной формы землевладения все хозяйства подчинялись принудительному севообороту — сеяли одно и то же, работали и отдыхали одновременно. Они также несли коллективную ответственность при уплате налогов, выполнении разного рода повинностей, имели много разных общих дел и обязанностей (поддерживали порядок, содержали церковь, ремонтировали дороги и др.). Община могла в любой момент вмешаться в дела семьи, если они принимали оборот, опасный для благополучия, порядка и покоя общины, например, сменить большака, если он начал пьянствовать, проматывая имущество, помешать семейному разделу, если он вел к уклонению от рекрутства, не признавала завещание, если оно несправедливо разделяло имущество между наследниками, и т. д. Отсутствие автономии сужало сферу частной, интимной, личной жизни человека. Сравнивая общину с семьей, обнаруживаем между ними много сходства в принципах организации и функционирования, приоритет общих интересов над индивидуальными, принуждение, господство мужчин над женщинами, детьми и молодежью, регламентацию жизни, обезличивание, коллективизм, основанный на коллективной форме собственности (в общине — на землю, в семье — на все имущество), строгое разделение ролей по возрасту и полу, приоритет роли над личностью. Семья и община органически дополняли друг друга и, естественно, поддерживали друг друга.

Современники отмечали, что чем больше была семья, тем больше власти принадлежало большаку. Здесь-то и обнаруживается главное противоречие большой семьи и основная пружина ее жизни. Чем больше становилась семья, тем строже становился контроль за ее членами, так как каждый из них имел свои особенные интересы, стремился их удовлетво-

речь и искал способ уклониться от опеки большака. Вследствие этого принуждение и контроль усиливались. Но вряд ли этого было достаточно для сохранения семьи. Субъекты крепостнических отношений — община, помещик и государство — поддерживали составную патриархальную семью из политических и экономических соображений. Во-первых, составная семья являлась носителем авторитарных, монархических отношений, основывалась на безоговорочном подчинении человека. Свою власть над крестьянством помещики и государство осуществляли в союзе с патриархами, при их поддержке. В свою очередь патриархи власть над домочадцами осуществляли при поддержке общины, помещиков и государства. Во-вторых, составная семья обеспечивала более высокий уровень благосостояния и платежеспособности крестьянства, в чем нуждались и община, и помещик, и государство.

Крестьянская семья при поддержке общины, помещика и государства воспитывала в крестьянах специфические черты. Крестьяне испытывали потребность в сильной власти и руководстве. Они легко мирились с принуждением и регламентацией. Им были свойственны уравнилельные принципы при разделе как общинного пирога, так и общинных повинностей. Они не любили значительную дифференциацию в чем бы то ни было, ориентировались на устоявшиеся авторитеты, боялись нарушить многочисленные запреты, правила, требования и негативно относились ко всякого рода переменам и нововведениям. Им не чужд был плюрализм мнений, но они стремились к единомыслию. Они часто обнаруживали нежелание сотрудничать. Крестьяне проявляли враждебность и неприязнь к представителям привилегированных сословий, к нарушителям принятых норм (примеры тому — расправы с помещиками во время бунтов, с неверными женами и непослушными детьми). Бунтарский, анархический дух, эмоциональность и стихийность поведения легко проявлялись во время социальных выступлений. Предрассудки и фатализм пронизывали деревенскую жизнь.

В пореформенное время происходило постепенное ослабление власти главы семьи над домочадцами, мужа над женой и родителей над детьми. Оставаясь центральной фигурой, большак мало-помалу утрачивал свои неограниченные полномочия, его власть посредством законов и инструкций постепенно ограничивалась. По мере сжатия большой семьи до малой права женщин и детей возрастали, с их интересами начинали понемногу считаться. При заключении брака за родителями оставалось решающее слово, но к голосу молодых стали прислушиваться. Осуществление наказания за нарушение супружеской верности переходило в руки самой семьи. Женщины без разрешения мужей решались уходить на заработки за пределы деревни, а если мужья или свекры злоупотребляли своей силой, пьянствовали и расточали имущество, то обращались в суд и получали защиту. В случае неспособности супруга руководить хозяйством суд мог передать управление хозяйством в руки его жены, и тогда она представляла семью на сельском сходе. Укреплялись имущественные права женщин: после смерти мужа жена получала вдовью долю, дочери при живых братьях — часть семейного наследства, возрастала их роль в управлении хозяйством.

В семьях появилась личная собственность отдельных ее членов. Все взрослые имели право на обладание благоприобретенным имуществом, заработанным личным трудом в свободное от семейных обязанностей время. Право большака наказывать членов семьи в некоторых местностях стало распространяться только на детей и жену; на прочих членов семьи он был должен обращаться с жалобой в общину или волость.

Яркий показатель изменения положения женщин в семье и деревенском обществе — их участие в отхожих промыслах, которое давало женщине экономическую независимость, расширяло ее кругозор, развивало самостоятельность, чувство собственного достоинства и нарушало сложившийся уклад деревенской жизни. В XVIII в. женщин среди отходников насчитывались единицы, в первой половине XIX в. — десятки, а в начале XX в. — тысячи. По отношению ко всему женскому населению их доля среди отходников колебалась от 0,3 % в Вятской губернии до 8 % в Московской. Многие главы семей и мужья пытались воспрепятствовать уходу женщин в города на заработки, и тогда некоторые женщины пытались получить паспорт, дававший право на отход, через суд, а наиболее упорные обращались на высочайшее имя. В 1895–1902 гг. таких ходатайств поступало около 4 тыс. в год.

Но и длительный неземледельческий отход мужчин в большой индустриальный город (Петербург, Москва, Одесса, Рига и некоторые другие) оказывал серьезное воздействие на семейный уклад. С одной стороны, когда из дома уходил мужчина, его место занимала женщина. На ее плечи ложились все заботы по хозяйству и дому, она представляла отсутствующего хозяина на сходах, заключала сделки и т. д. Длительное выполнение роли большака в какой-то мере перевоспитывало женщину, изменяло ее менталитет. С другой стороны, мужчина в городе усваивал до некоторой степени новые идеи и новые отношения и был более склонен изменить свои традиционные взгляды. Гендерные роли мужчины и женщины обнаружали некоторую дивергенцию.

Таким образом, в пореформенное время под воздействием города, отходничества, коммерциализации хозяйства, более активного вовлечения женщин в хозяйственную деятельность внутрисемейные отношения гуманизировались среди всего российского крестьянства. Смягчение внутрисемейных нравов, повышение роли и статуса женщины, падение авторитета отцовской власти, непослушание детей в большей степени наблюдались в промышленных губерниях. Крестьяне с помощью своих традиционных мер с большим успехом в аграрных и окраинных регионах и с меньшим успехом в промышленных губерниях противодействовали этим изменениям. В результате традиционные патриархально-авторитарные семейные отношения постепенно демократизировались примерно среди 15 % крестьян, проживавших в столичных и центрально-промышленных губерниях, и подвергались слабой эрозии среди остальных 85 % крестьян. Мужчины медленно и с большой неохотой сдавали свои позиции, уступая желаниям и требованиям женщин. Тяжелые хозяйственные и семейные обязанности женщин, частые беременности, роды способствовали сохранению «грубоспартанского воспитания» детей и тормозили перемены в се-

мейном укладе, особенно в аграрных губерниях. Абсолютизм патриарха во внутрисемейных отношениях не отменялся, а лишь мало-помалу смягчался и ставился под контроль суда и закона. Роль общины в регулировании внутрисемейных отношений оставалась значительной.

О том, что в пореформенный период ломка традиционных внутрисемейных отношений в деревне происходила в конфликтах, болезненно, свидетельствует рост «преступлений против союза брачного и родственного» (как они назывались в законодательстве), которые включали прелюбодеяния, жестокое обращение супругов по отношению друг к другу, злоупотребление властью родителей и опекунов над детьми, преступления детей против родителей, отказ детей доставлять пропитание престарелым родителям, кровосмешение. С 1843 по 1863 г. во всей России эта категория преступлений возросла с 893 до 1196, с 1874 по 1892 г. (в 33 губерниях) — с 2048 до 3126, к 1913 г. (на территории всей России) — до 5365, обгоняя рост других видов преступлений, а увеличение населения — в 2 раза.

Еще два вида преступлений — убийство супругов и убийство родителей — также характеризуют напряженность межличностных отношений в семье. В 1835–1846 гг. за убийство супруга ежегодно осуждались и ссылались в Сибирь со всей России 21 мужчина и 35 женщин, за убийство родителей — соответственно 5 и 1. В 1874 г. было осуждено по 33 губерниям за убийство супруга 35 мужчин и 28 женщин, за убийство родителей — соответственно 10 и 0, в 1892 г. по 33 губерниям за убийство супруга — соответственно 86 и 51, за убийство родителей — 22 и 1, в 1913 г. (по всей России) за убийство супруга — 298 и 107, за убийство родителей — 86 мужчин и 4 женщины. Отметим одно обстоятельство в убийстве супругов: до 1860-х гг. среди преступников преобладали женщины, а после — мужчины. По-видимому, до 1860-х гг. страдающей стороной в семейных отношениях чаще всего оказывались женщины, которые не имели защиты со стороны закона, суда и общественного мнения, а развод в деревне не практиковался. В пореформенное время страдающей стороной постепенно становились мужчины: власть от них начала ускользать, женщины стали находить защиту в суде и становились требовательнее и настойчивее. Это психологически травмировало мужчин и провоцировало их на эксцессы. Убийства супругов и родителей совершались почти исключительно крестьянами, и рост этого рода преступлений обгонял рост многих других видов преступлений, включая убийства. Пореформенные семейные драмы нашли яркое отражение в беллетристике. Например, в рассказе Н.Н. Златовратского «Деревенский король Лир» описано немыслимое в крепостное время событие — невестки выгнали свекра из дома после того, как он завещал имущество двум своим сыновьям.

Б. Буржуазная, дворянская и пролетарская семья

До середины XIX в. семьи мещан, ремесленников и купцов во многом были похожи на крестьянские. В России, в отличие от стран Запада, женщинам позволялось помогать мужьям ремесленникам и торговцам, поэтому жены были вовлечены в производство, а домашняя работа традиционно лежала на них. Но были и различия. В городе представители разных сословий жили вперемежку и контроль за ними со стороны со-

словных корпораций был меньше. Мещане и ремесленники сравнительно свободно передвигались в пределах города и за его пределы, работали каждый на своем рабочем месте; их средства производства находились в их собственности, а не принадлежали обществам и цехам. Вследствие этого они сравнительно далеко продвинулись по пути освобождения семейной жизни от опеки общества. После Великих реформ в семьях горожан начали происходить два важных процесса: отделение семейной жизни и хозяйства от труда, приносящего доход, и превращение семейной жизни в личную, частную жизнь. Благодаря этому семейная жизнь превращалась в самостоятельную структуру повседневности, в которой развивались частные, интимные отношения.

Кроме того, до середины XIX в. в брак вступали, как правило, по прямому указанию родителей, с помощью сватовства, через помолвку и свадьбу с учетом семейных интересов. В пореформенное время девушка и парень стали участвовать в выборе супруга, руководствуясь сердечными склонностями и другими личными соображениями. Одновременно цели контактов расширились — это уже был не только поиск супруга, как прежде, развлечение, эмоциональное общение, получение удовольствия и пр. Наконец, идея брака на всю жизнь стала подвергаться эрозии, появилась возможность замены партнера через развод в случае, если он злоупотреблял властью, не хранил верность, надолго уезжал, не исполнял супружеские обязанности.

Семьи испытали в пореформенное время особенно серьезные метаморфозы. Они становились малыми и приобрели автономию от общества. Гильдии и купеческие общества после отмены круговой поруки в 1775 г. слабо влияли на купцов. Богатство и возможность беспрепятственно переезжать из города в город еще более увеличивали их автономию. Фабрика, завод, контора или склад часто находились вне дома, заботы по управлению ими возлагались на приказчиков — семейная жизнь постепенно отделялась от производства. Жены помогали своим мужьям, но все-таки в основном занимались домом и детьми. Дети подключались к делу позже, чем у мещан и крестьян. Домочадцы имели личные помещения, вели индивидуальную жизнь, много времени проводили вне дома. Отношения между ними становились более уважительными и гуманными, семейная жизнь превращалась в закрытую от посторонних сферу, в которой находилось больше места интимности. Добавим, что возраст вступления в брак у мужчин был выше, а у женщин ниже, чем у мещан и крестьян, разница в возрасте супругов часто была большой. Люди, не связанные браком, встречались среди буржуазии достаточно часто.

Дворянская семья уже в крепостное время отличалась от крестьянской семьи разделением деловой и частной жизни, более интимным характером внутрисемейных отношений, поздними браками у мужчин, неучастием жен и детей в производстве. Но в других отношениях была на нее похожа. Дом часто содержал родственников, приживалок, нянь, слуг, гувернеров, которые не отделялись резко от семьи, а иногда прямо включались в нее. Патриархально-авторитарный характер семейных отношений являлся нормой. Сами семейные отношения являлись не только делом

личным, но и общественным. Поэтому и зависимость от мнения дворянского общества была высокой.

В пореформенное время дворянство и интеллигенция стали культивировать идеалы буржуазной семьи. Ее характерные черты — отделение деловой жизни от частной, освобождение жен и детей от обязательного труда, мужчина — кормилец, жена — возлюбленная и мать, закрытость семьи для посторонних, а также для общества, индивидуализация личности, более интимный характер отношений между супругами и детьми, важное место эмоционально-эротической сферы, разделение дома на семью и чужих семье лиц (если таковые в доме проживают), полное освобождение от производственной функции — семья как исключительно потребляющая единица. Дом обрел значение убежища, в котором можно укрыться от суровой конкуренции, от хозяйственных забот, отдохнуть, расслабиться и психологически реабилитироваться. Мой дом — моя крепость.

Под влиянием промышленной революции в последней трети XIX в. возник новый тип семьи — пролетарский. В первое время она отличалась от крестьянской в одном пункте — не являлась местом производства, хотя долго еще выполняла производственную функцию. Большинство рабочих либо имели собственную землю в деревне, либо были связаны с деревенскими родственниками и помогали им в страду. Многие держали скот, имели собственные огороды недалеко от фабрики и почти все изготавливали одежду, заготавливали топливо и продукты питания. Пролетарские семьи были преимущественно малыми. Однако супруги редко жили отдельно и самостоятельно. С ними часто проживали взрослые и женатые дети, престарелые родители или другие родственники. Среди рабочих был распространен обычай сдавать комнаты, «углы» или койки постояльцам ради дополнительного дохода. Открытость, сращивание с посторонними жильцами сблизало пролетарскую семью с крестьянской и отличало от семьи буржуазной, которая высоко ценила закрытость от посторонних. Почему рабочие любили открытость? Жить обособленно было скучно и непривычно, ощущение физической близости с другими людьми давало впечатление теплоты и защищенности; в болезни и старости рабочие должны были опираться на свои силы, ибо социальная помощь со стороны государства отсутствовала. Жены и дети рабочих начиная с подросткового возраста в большинстве случаев работали. На женщинах лежала вся домашняя работа. Ввиду длинного рабочего дня — 10 часов и больше они лишь в незначительной степени могли контролировать своих детей. Нередко дети отправлялись в деревню до достижения подросткового возраста, а в старости рабочие сами уезжали в деревню. Процент семейных среди рабочих был намного ниже, чем среди крестьян. Откладывание брака порождало эмоционально-сексуальную неудовлетворенность, способствовало свободе нравов.

Таким образом, в пореформенное время в семейной жизни всех слоев происходили важные перемены. В наибольшей степени они затронули семьи высшего и среднего классов, а также рабочих, в наименьшей — крестьян и городские низы, т. е. около 90 % населения страны.

IV.3. Российское общество в зеркале семейных отношений

Знание истории семейных отношений важно также и для понимания эволюции российского общества и государства. «Человек начинает воспитываться за сто лет до своего рождения», — высказал интересную мысль известный российский юрист-криминалист М.Н. Гернет (1874–1953). История материализуется в национальных традициях и стереотипах поведения, а их хранительницей является семья. Именно она — носитель социальной наследственности, которая в общественной жизни играет такую же роль, как и биологическая наследственность в жизни отдельного человека.

В современной социальной психологии является общепризнанным, что социализация личности — результат взаимодействия со всей совокупностью социальных явлений, окружающих ее. Однако среди разнообразных агентов социализации семье всегда, в том числе в современных европейских обществах, принадлежит ведущее место, несмотря на важную роль дошкольных и школьных учреждений, высшего образования и средств массовой информации. Хотя личность складывается не только в семье и не только в первые годы жизни и в принципе способна изменяться, однако ни один факт в человеческой жизни не свободен от влияния межличностных отношений в семье в период детства. Наиболее стабильные черты личности обусловлены генетически, а также событиями в младенчестве и детстве. Если применительно к современным европейским странам этот вывод можно подвергать сомнению, то применительно к дореволюционному российскому обществу оспаривать его вряд ли возможно из-за крайне низкого уровня грамотности, а также из-за того, что в русском обществе до 1917 г. все агенты социализации, кроме семьи, были развиты неизмеримо слабее, чем в современных обществах.

В изучаемое время в области грамотности был сделан существенный прогресс, однако вплоть до 1917 г. как городское, так и сельское население России оставалось малограмотным. Число грамотных среди лиц мужского пола старше 9 лет составляло в конце XVIII в. 6 %, в 1850 г. — 19 %, в 1913 г. — 54 %, у лиц женского пола — соответственно 4, 10 и 26 %. К началу XX в. только дворянство и духовенство (2 % всего населения России) достигли почти полной грамотности; остальные сословия по степени грамотности находились на уровне западноевропейских стран XVII в. Функциональная грамотность была намного ниже, поэтому в середине XIX в. читательская аудитория России насчитывала всего от 600 тыс. до 1 млн человек, что составляло лишь 1–1,5 % всего населения, а к концу XIX в. — 3–4 млн, или 3–4 % населения. Низкий уровень грамотности и отсутствие привычки у крестьянства и городских низов черпать нужные знания в печатном слове обуславливали устный по преимуществу характер их культуры, передачу знаний и опыта посредством прямых примеров и подражания, что чрезвычайно повышало роль семьи и, наоборот, снижало значение книги, школы, средств массовой информации в социализации молодого поколения.

Система дошкольных учреждений зародилась в России в конце XIX в. и к 1917 г. насчитывала всего около 200 детских садов. Численность

учащихся общеобразовательных школ составляла на тысячу человек населения в 1840 г. 5 человек, в 1890 г. — 21, в 1914 г. — 59. Для сравнения: в 1840 г. в США — 74, в Великобритании — 78, во Франции — 85, в Германии — 113, а в 1914 г. в США — 213, Великобритании — 152, во Франции — 148 и в Германии — 175. В 1880 г. в России (без Польши и Финляндии) насчитывалось лишь 145 массовых библиотек с 1 млн — по 0,01 книги на одного человека, а в США — в 5 раз больше, в Великобритании — в 10 раз, во Франции — в 20 раз, в Германии — в 9 раз. В России в 1913 г. разовый тираж всех 1055 наименований газет составлял 3,3 млн экземпляров, или по 21 экземпляру на тысячу человек населения, а в США — соответственно 16944 наименований газет и 67,1 млн экземпляров, по 677 экземпляров на тысячу человек населения — в 32 раза больше.

Приведенные данные дают основания полагать, что центр тяжести в воспитании подрастающего поколения в России периода империи лежал на семье. Отсюда следуют важные выводы. Именно межличностные отношения в семье, стереотипы поведения взрослых формировали личность ребенка. Начиная с раннего детства ребенок твердо, хотя и бессознательно, перенимал от родителей язык и веру, нормы поведения, образ мышления, социальные установки, систему ценностей. Когда ребенок становился взрослым, то идеальные, с его точки зрения, отношения в его собственной семье, а также и социальные, экономические и политические отношения моделировались и структурировались в его сознании по образцу межличностных отношений, свойственных главным образом семье его родителей. Например, если отношения между родителями, а также между ними и детьми в семье, в которой рос и воспитывался ребенок, были патриархально-авторитарными, то человек, во-первых, в своей собственной семье воспроизводил патриархально-авторитарную модель внутрисемейных отношений и, во-вторых, комфортнее мог себя чувствовать в крепостническом обществе, без проблем вступал в экономические отношения, свойственные командной экономике, и в политические отношения, свойственные абсолютистскому государству. Разумеется, отношения в семье испытывали в свою очередь влияние всего комплекса отношений в большом обществе, и характер этих отношений накладывал на отношения в семье свой отпечаток, особенно тогда, когда все другие агенты социализации — церковь, государство, институты народного образования — действовали не против семьи, а вместе с ней в одном направлении.

До Великих реформ 1860-х гг. семья оставалась авторитарно-патриархальной. Семейные отношения строились на доминировании мужчин над женщинами и главы семьи над всеми домочадцами, на иерархизме, строгом разделении ролей по половозрастному признаку, приоритете общих семейных интересов над индивидуальными, включенности семей в соответствующие сословные корпорации, которые вмешивались в семейные отношения. Крепостнический характер социальных отношений и политический абсолютизм в государстве в значительной мере обуславливались господством патриархальной семьи, потому что она воспитывала авторитарные личности, которые становились благодатной социальной базой для

политического абсолютизма и крепостничества со всеми вытекающими из этого экономическими и социальными последствиями. Известный немецкий исследователь русской жизни середины XIX в. А. Гакстгаузен утверждал, что отец в семье, староста в общине и неограниченный царь во главе государства находились друг с другом в неразрывной связи, обусловленной историческим развитием и преемственностью. Сами крестьяне полагали, что миром правит Бог, государством — царь, семьей — отец. Глубинная связь между патриархальной организацией семьи и монархизмом свойственна всем доиндустриальным, традиционным обществам. Авторитет отца и авторитет Бога освящали друг друга и узаконивали все другие авторитеты. Короли, помещики, священники — все выступали как отцы и как наместники Бога. Назвать власть отцовской значило указать на ее законность и долг беспрекословного ей повиновения. Не случайно авторитарно-патриархальную семью некоторые исследователи называют также семьей монархического типа.

В пореформенное время наблюдалась гуманизация семейных отношений: уменьшалось насилие над слабыми в семье, устанавливался контроль со стороны общества и суда за соблюдением интересов женщин и детей. Дворянство и интеллигенция были пионерами перехода от патриархальных к демократическим семьям и от авторитарных к демократическим отношениям. Но сильные пережитки крепостничества, стойкая патриархальность семейных отношений, слабое развитие женского движения помешали завершению этого процесса даже среди элиты русского общества. Феминизм в России, зародившись на рубеже 1850–1860-х гг., не получил распространения. Хотя на момент его высшего подъема в 1905 г. по всей стране сформировалась целая сеть женских организаций, добивавшихся равноправия женщин, в движении участвовало лишь около 10 тыс. человек, в то время как в США — более 100 тыс., в Дании — около 80 тыс. Социальная неполноценность не только детей, но и женщин оставалась фактом российской действительности. В конце XIX–начале XX в. возникли профессиональные организации, но в новых структурах женщины оказались внизу иерархизированной системы.

Замедленность демократизации внутрисемейных отношений и закрепощения женщин, молодежи и детей задерживала разрушение в массовом сознании монархической парадигмы, на которой покоилась монархическая государственность, тормозила изменение политической структуры общества: привычку к насилию, поддерживаемую авторитетом старшинства, люди переносили из детства в большую жизнь — на службу в армию и учреждения, на заводы и фабрики. По утверждению генерала Н.А. Епанчина, бывшего долгое время начальником Пажеского корпуса, издевательство старших над младшими под названием «цуканье» было распространено в русской армии, включая Пажеский корпус, со времени Петра III (по мнению Н.А. Епанчина, в подражание прусской армии) и до конца периода империи. Декабрист В.И. Штейнгейль в конце XVIII в. отмечал, что в Морском кадетском корпусе имеет место «господство гардемаринов и особенно старших в камерах над кадетами. Первые употребляли последних в услугу, как сущих своих дворовых людей:

я сам, бывши кадетом, подавал старшему умываться, снимал сапоги, чистил платье, перестилал постель и помыкался на посылках с записочками, иногда в зимнюю ночь босиком по галерее бежишь и не оглядываешься. Боже избави послушаться! — прибьют до полусмерти. <... > Зато какая радость, какое счастье, когда произведут, бывало, в гардемарины: тогда из крепостных становишься уже сам барином, и все повинуется». Дедовщина — проявление патриархально-авторитарной парадигмы человеческих отношений, принесенной в армию из детства.

Господствующий стиль семейных отношений имеет еще один чрезвычайно важный аспект — от него в существенной степени зависит тип личности, преобладающий в обществе. Каждой социальной группе соответствует особая практика воспитания и ответственная за господствующие в данной группе черты личности и культуру. Психологи утверждают, что уровень развития ребенка определяется реально сложившимися отношениями между его родителями, так как недостаток физического и эмоционального контакта с родителями задерживает физическое, психическое и интеллектуальное развитие ребенка, формирует у него невротические и психопатологические комплексы, страхи, сковывает его и затрудняет проявление индивидуальности, творческих импульсов. «Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность», — заметил Н.А. Бердяев. Авторитарная семья воспитывает внутренне безвольных и эмоционально неустойчивых людей, беспомощных, боящихся личной ответственности, конформистов, легко уступающих давлению, склонных либо подчиняться, либо командовать, а не взаимодействовать на основе партнерства и компромисса, предпочитающих не инициативу, творчество и индивидуальность, а пассивность, инертность и стадность. Отсюда следует, что корни многих свойственных русским черт характера, которые называются национальными, в действительности лежат в особенностях внутрисемейных отношений.

Итак, в период империи старая патриархальная семья была одним (конечно, не единственным) из важных источников авторитаризма в России на всех уровнях — от семейного до государственного. По мере гуманизации и демократизации отношений в семье происходили изменения отношений в обществе и государстве, и наоборот — по мере демократизации общества и государства происходила демократизация семейных отношений. Зачатки институтов гражданского общества появились в России в конце XVIII в. и были ограничены средой дворянства и интеллигенции — тех социальных групп, которые, во-первых, являлись лично свободными, во-вторых, не знали большой патриархальной семьи крестьянского типа и воспитывались в буржуазных семьях. Эти ростки к 1917 г. превратились в целую систему, опять же в основном ограниченную средой высшего и среднего классов, где получили распространение эгалитарные семьи. Не случайно именно эти классы формировали основу гражданского общества — многочисленные общественные организации, общественное мнение и парламент.

Основные тезисы

1. Различают пять семейных форм: 1) один человек; 2) группа лиц; 3) малая, или нуклеарная; 4) расширенная; 5) составная.

2. В крепостное время важнейшей формой семьи и в деревне, и в городе была составная, в пореформенный период — малая. По семейной организации город обгонял деревню примерно на два поколения, или на 50 лет.

3. В период империи семья выполняла репродуктивную, политическую, хозяйственно-бытовую, экономическую, социальную, социально-статусную, эмоциональную, досуговую, сексуальную функции. Они имели разное значение для отдельных сословий.

4. Перемены в относительном значении функций семьи привели к изменению ее структуры — сначала к уменьшению людности, а затем к нуклеаризации (сужению до малой). Этот процесс начался в городе, потом распространился на деревни, охваченные отходничеством и тесно связанные с промышленностью, и, наконец, на чисто земледельческие деревни, но так и не завершился к 1917 г.

5. Центр тяжести в социализации и воспитании подрастающего поколения в России периода империи ложился на семью.

6. В пореформенное время происходила гуманизация семейных отношений, усиливался общественный контроль за соблюдением интересов женщин и детей, в семьях высшего и среднего классов происходил переход от авторитарных к демократическим отношениям.

7. Стойкая патриархальность, слабое развитие женского движения, медленная коммерциализация экономики замедляли демократизацию семьи и не позволили завершиться этому процессу даже среди элиты русского общества. Женщинам не удалось победить свою биологическую и социальную судьбу, преодолеть свой гендер.

8. Замедленность демократизации семьи и раскрепощения женщин, молодежи и детей задерживала разрушение монархической парадигмы в массовом сознании, на которой покоилась монархическая государственность.

9. В период империи старая патриархальная семья была одним (конечно, не единственным) из важных источников авторитаризма в России на всех уровнях — от семейного до государственного. По мере гуманизации и демократизации отношений в семье происходила демократизация отношений в обществе и государстве, и наоборот — по мере демократизации общества и государства происходила демократизация семейных отношений.

10. В XVIII–начале XX в. эволюция семьи в России проходила в том же направлении, что и на Западе, но с большим отставанием: патриархальная семья трансформировалась в малую эгалитарную, расширялась автономия семьи от общественных структур, семейная жизнь превращалась в частную жизнь, в самостоятельную структуру повседневности, в которой получили возможность развиваться личные интимные отношения.

Вопросы для размышления и повторения

1. Какие формы семьи существовали в России и в западноевропейских странах, какие формы были преобладающими, как изменялась со временем типология семьи?
2. Почему до отмены крепостного права было много составных и больших семей, а после Великих реформ получила развитие нуклеарная семья как в городе, так и в деревне?
3. Какие факторы влияли на развитие малой семьи?
4. Почему город обгонял деревню в нуклеаризации семьи?
5. Как складывались взаимоотношения супругов, родителей и детей в крепостное время? Чем они различались у разных сословий?
6. Каков был родительский стиль у различных сословий?
7. Чем вызывался авторитаризм в семейных отношениях?
8. Какие семейные отношения наблюдались у других народов России и в западноевропейских странах?
9. Как и почему авторитаризм в семейных отношениях влиял на отношения в обществе и государстве?
10. У каких сословий, когда, в какой степени и почему происходило смягчение семейных нравов? Как это влияло на общество и государство?
11. Как можно объяснить, что домохозяин в семье был господином и деспотом, а в отношениях с общиной и государством — холопом?
12. Когда появилась дедовщина в российской армии? Как аттестует общество и семью существование дедовщины?
13. Насколько изменились семейная структура и внутрисемейные отношения в советское время и повлияло ли это на перестройку и социальные изменения, произошедшие в последние двадцать лет?
14. Что такое семейная революция? Когда она завершилась на Западе и завершилась ли она в советской России?

Глава V Урбанизация

Ключевые понятия: *город, урбанизация, урбанизация рассеянная, (скрытая), функция города, функциональный тип города, функциональная структура городов, города малые, средние и большие, город доиндустриальный, раннеиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный, структура занятости, плотность городской сети, людность поселения.*

Привычно противопоставлять город деревне и думать, что город — это сосредоточение промышленности, торговли, услуг, высокой культуры и богатства, а деревня — место для сельских занятий и убежище от городской суеты. Всегда ли так было? Сравнительный анализ развития города и деревни на протяжении XVII—начала XX в. дает возможность выяснить для отдельных исторических периодов, в чем заключалось своеобразие города и деревни в демографическом, административном, юридическом, социальном, экономическом и культурном отношениях и как они взаимодействовали.

V.1. Городские поселения

Невозможно найти общее определение города для всех времен не только в мировом масштабе, но даже для одной страны. Нет города и деревни вообще — для каждой эпохи и для каждого государства эти понятия имеют своеобразное экономическое, социальное и политическое содержание. Самое старое мнение — городами являются те поселения, которые признавали в качестве городов современники, — не устарело до сих пор. Целесообразно признать, что мы имеем дело с городом всякий раз, когда его жители полагали, что они проживали в городе. Такой подход позволяет исторически подойти к городу и объективно оценить, что представляли собой города в каждый момент своей истории и как они развивались.

Применительно к России впервые понятие «город» возникло во времена Киевской Руси, в X—первой трети XIII в., и оно означало укрепленное поселение, крепость, в которой укрывались и оборонялись от неприятеля. Само слово «город» произошло от «ограда», «забор». Городами назывались как постоянные, так и временные укрепления, а также место, окруженное укреплением, например, городом назывался монастырь. Понятие «город» использовалось и для обозначения проживавшего в крепости населения, которое обычно состояло из князя с войском и слугами и духовенства. В городах находились княжеский двор, церковь, площадь для веча, располагались светские и духовные власти, происходили народные собрания, из города осуществлялось управление землями, подчинявшимися городу. Вследствие этого первоначально город был прежде всего военно-административно-религиозным центром.

В Киевской Руси возникло и понятие «посад» для обозначения части города вне крепости, где располагалось население, занятое торговлей, ремеслом и другими промыслами. Слово «посад» произошло от «посадить»),

«садить». В Московский период все перечисленные значения города — как крепости, военно-административно-религиозного центра и населения, жившего в нем, — сохранились. Новое состояло в том, что посады слились с крепостью в одно целое и это целое стало называться городом, а крепость, раньше именовавшаяся городом, — кремлем. Понятие «посад» тоже расширилось и приобрело значение не только предместья города, но и населенного пункта или торгово-ремесленного центра без крепости, а также и населения, жившего на посаде.

С начала XVIII в. и вплоть до 1917 г. городом назывался населенный пункт, признанный таковым официально государством. Население официального города автоматически приобретало юридические права городских обывателей. Жалованная грамота городам 1785 г. более четко сформулировала юридические права городского населения и определила формальные критерии города. Чтобы считаться городом, поселение должно было иметь собственную жалованную грамоту от императора, которая создавала самоуправляющееся городское общество с правами юридического лица, а также утвержденный императором герб и план города. Официальные города имели разные ранги — столица, губернский, уездный город и безуездный, или заштатный, город, не имевший уезда. До 1860-х гг. к городским, или административно-промышленным, поселениям (но не к городам!) относились другие виды неземледельческих поселений: 1) местечко — торгово-промышленный центр без крепости, заселенный преимущественно евреями, на территории, присоединенной в результате разделов Польши; 2) посад; 3) отдельно стоящее промышленное заведение; 4) духовное, или религиозное, поселение; 5) военное поселение. Городских поселений имелось в несколько раз больше, чем городов. Например, в 1857 г. их было 2876, или в 4,3 раза больше, чем городов. После 1860-х гг. номенклатура городских поселений, кроме городов, ограничивалась посадами и местечками, причем, чтобы считаться городским поселением, в тех и других должны проживать мещане, образующие общество.

В официальных городах складывался специфический уклад общественной жизни, они являлись центрами административной, судебной, военной и религиозной власти. Они имели преимущества в учреждении ярмарок, базаров и особенно пунктов стационарной торговли, которая могла существовать в деревнях только по специальному разрешению. В последней четверти XVIII–первой половине XIX в. понятие «город», главным образом в научной литературе, стало ассоциироваться с поселением, имевшим значительное число жителей, занятых преимущественно в торговле и промышленности, а деревня рассматривалась как противоположность городу. Такого же взгляда придерживалось и правительство. В Своде законов была статья, гласившая, что если в сельском поселении промышленность и торговля усиливались до такой степени, что население получало средства к жизни в большей степени от этих промыслов, чем от земледелия, то правительство должно давать распоряжение о присвоении такому населенному пункту статуса посада или города. Во второй половине XIX – начале XX в. понятие города как крупного поселения преимущественно торгово-промышленной ориентации прочно вошло в массо-

вое сознание. Однако формальные критерии для отнесения поселения к городам оставались прежними: статус города присваивался поселению правительством, в городе должны были существовать специфические общественные учреждения, соответствующие Городовому положению (в 1870–1891 г. — Городовому положению 1870 г., в 1892–1917 гг. — Городовому положению 1892 г.), и т. д. Юридические права жителей по-прежнему в значительной мере зависели от того, считалось ли данное поселение *официально* городом или деревней.

В период империи число и состав городов еще не обрели постоянства. В 1708 г. официальных городов насчитывалось 339, в 1719 г., после административной реформы, — 280, в 1727 г. — 342, в 1738 г. — 269, в 1760-е гг. — 337. В ходе реформы местного управления 1775–1796 гг. 271 сельское поселение были преобразованы в города и общее их число достигло 673. Павел I упразднил 171 город, Александр I частично их восстановил, и к 1811 г. число городов в Европейской России и Сибири составило 567. Изменяющиеся военные и административные потребности государства при подвижной границе, частые административные реформы, в ходе которых одни поселения приобретали статус городов, а другие его утрачивали, являлись главными причинами изменения числа и состава городов в XVIII–начале XIX в. Однако поселения, которые когда-нибудь являлись крупными экономическими центрами, редко теряли городской статус. Большинство их, несмотря на длительную стагнацию, вызванную изменением торговых путей, истощением запасов сырья для городской промышленности, появлением поблизости сильного конкурента в лице другого города, перемещением границы, как это случилось, например, с Новгородом, Псковом, Вологдой, Сольвычегодском, Солигаличем, Ростовом Великим, оставалось губернскими или уездными городами. Древность происхождения помогала им сохранить если не экономическое, то административное и культурное значение. Напротив, города, которые временно выполняли административные, военные и конфессиональные функции, часто не только теряли свое важное значение по мере изменения границ государства или продвижения внутренней колонизации на Юг и Восток, но и утрачивали статус города, а иногда и статус городского поселения. На смену им утверждались новые города.

К середине XIX в. границы государства в европейской части России и Сибири стабилизировались, состав городов стал устойчивым применительно к столицам, губернским, уездным городам и посадам. Что касается безуездных городов, то их состав изменялся ввиду того, что, с одной стороны, правительство иногда жаловало некоторым развитым в торгово-промышленном отношении селам статус безуездного города (чаще статус посада), с другой стороны, некоторые заштатные города естественным путем обращались в сельские поселения. В 1857 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) насчитывалось 482 уездных и губернских города, 112 безуездных и 50 посадов, в 1897 г. — 494 уездных и губернских, 122 безуездных города и 52 посада, в 1914 г. — 494 губернских и уездных, 133 безуездных города и 51 посад; в Сибири в 1857 г. — 37 губернских и уездных и 10 безуездных городов, в 1897–1914 гг. —

47 губернских и уездных и 4 безуездных города (посадов в Сибири не имелось). Однако все приведенные цифры не являются абсолютно точными, в особенности относительные к периоду до середины XIX в.

Итак, в середине XIX в. число городов и посадов в Европейской России и Сибири составляло 691, в 1914 г. — 729. Много это или мало? Учитывая размеры территории страны, *сеть городов следует признать чрезвычайно редкой сравнительно с таковой в других европейских странах*. В 1857 г. среднее расстояние между ближайшими городами и посадами в Европейской России (без Польши и Финляндии) составляло около 87 км, в Сибири — 516 км, в 1914 г. — соответственно 83 и 495 км. В наибольшей близости между собой находились города Прибалтики — около 50 км, дальше всего отстояли друг от друга города Якутской губернии — 887 км, а в Европейской России — города Архангельской губернии — 300 км. Это намного больше средних расстояний между соседними городами других европейских стран. В конце XVIII в. в Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, Испании и Франции среднее расстояние составляло от 12 до 30 км, в середине XIX в. — от 10 до 28, в начале XX в. — от 8 до 15 км. Следует иметь в виду, что сеть российских городов со временем существенно расширилась. Это значит, что в XVIII в. расстояние между городами было намного больше. Сеть городов в странах Западной и Центральной Европы с конца средних веков и до середины XIX в. изменялась мало: уже в XV в. Европейский континент, исключая Восточную Европу, оказался покрытым густой сетью небольших городских поселений, находившихся друг от друга в среднем на расстоянии 20–30 км (в Италии и собственно Англии — на расстоянии около 10 км). При расстоянии 20–30 км любое сельское поселение находилось от ближайшего города не далее 10–15 км, т. е. на расстоянии одного дня пути, что позволяло крестьянину за один день добраться до города и вернуться домой даже пешком, а горожанину — достичь соседнего города. В России же поездка человека на лошади из многих сел в ближайший город требовала нескольких дней, а из города в город — как минимум нескольких дней, по крайней мере до создания в стране достаточно разветвленной сети железных дорог в конце XIX в. Это чрезвычайно затрудняло сношения как между городом и деревней, так и между городами. Редкость поселений имела следствием дурное состояние дорог, дороговизну сообщений и вследствие этого отсталость сельского хозяйства и промыслов вообще. Положение медленно менялось к лучшему во второй половине XIX—начале XX в. не столько благодаря росту числа городов, сколько благодаря развитию системы путей сообщения.

Особого внимания заслуживает анализ распределения городских поселений по числу жителей, так как от этого показателя во многом зависело административное, экономическое и культурное значение города, характер общественного быта его населения. Данные табл. V.1 дают представление о людности городских поселений в период с 1678 по 1910 г.

В середине XIX в. современники разделяли города в зависимости от численности их жителей на три группы: 1) малые — до 5 тыс. человек, 2) средние — от 5 до 25 тыс., 3) большие — свыше 25 тыс. человек. В

начале XX в. наиболее распространенной классификацией стала следующая: 1) города-села — менее 5 тыс. жителей, 2) малые города — от 5 до 20 тыс., 3) средние — от 20 тыс. до 100 тыс., 4) большие города — свыше 100 тыс. жителей.

Таблица V.1

**Распределение городов России по числу жителей
в конце XVII—начале XX в.
(без Кавказа, Польши, Финляндии и Средней Азии)**

Город с населением, тыс. человек	Число городов					
	1678	1722	1782	1856	1897	1910
Менее 1	71	60	70	41	18	15
1–1,9	52	29	112	92	49	45
2–4,9	63	54	209	231	154	151
5–9,9	9	36	111	188	185	173
10–19,9	4	8	33	77	129	148
20–29,9	–	1	4	20	49	60
30–39,9	–	2	–	9	12	27
40–49,9	–	–	–	3	14	15
50–99,9	–	1	1	7	31	43
100–499,9	1	–	2	3	12	19
500–999,9	–	–	–	–	–	2
1000+	–	–	–	–	2	2
Итого	200	191	542	671	655	700

Во всех классификациях городов в качестве порогового значения, как правило, фигурирует цифра 20–25 тыс. Это не случайно — именно в городах, население которых превышает 20–25 тыс., формируются возможности для радикального изменения образа жизни сравнительно с деревней. Исторически вполне оправданно считать большими городами в XVIII—первой половине XIX в. города, в которых проживало более 25 тыс., а в конце XIX — начале XX в. — более 100 тыс. жителей. Однако для сопоставимости данных необходимы единые критерии классификации городов. В качестве таковых примем те, которые использовались в начале XX в. и применяются в настоящее время: большие города — более 100 тыс. жителей, средние — от 20 тыс. до 100 тыс., малые — менее 20 тыс. (табл. V.2).

В 1678 г. в России имелся один большой город — Москва, все остальные города имели число жителей менее 15 тыс. С конца XVII в. размеры малых городов стали увеличиваться и некоторые из них постепенно превращались в средние города. К 1722 г. население 3 городов, кроме

Москвы, превысило численность в 20 тыс.; к 1782 г. — население 5 городов, Петербург стал вторым большим городом России; к 1856 г. 39 городов превратились в средние, Одесса стала третьим большим городом. С конца XVII в. маленькие города с населением до 2 тыс. жителей, а с середины XIX в. с населением менее 5 тыс. либо становились средними городами, либо вымирали, превращаясь в села. В пореформенное время процесс укрупнения городов продолжался с большей интенсивностью, вследствие чего происходило увеличение числа средних и больших городов за счет сокращения числа малых городов, которые доживали свой век. К 1917 г. в России насчитывалось 22 больших города, а число жителей в Петербурге и Москве превысило 1 млн. Численность городского населения возрастала главным образом в результате роста числа жителей в старых городах. Даже в 1775–1860 гг., когда в результате административных реформ количество городов увеличилось на 67 %, городское население выросло лишь на 10 % за счет вновь образовавшихся городов и на 90 % за счет роста числа жителей в старых городах. В основе урбанизации в России лежал процесс интенсивного развития старых городов, что было главным образом обусловлено их удачным географическим положением, способностью быть экономическим центром для округи.

Таблица V.2

**Распределение больших, средних и малых городов
в XVII – начале XX в. в Европейской России
без Польши и Финляндии (в %)**

Население города, тыс. человек	1678		1782		1856		1897		1910	
	Горо- да	Насе- ление	Горо- да	Насе- ление	Горо- да	Насе- ление	Горо- да	Насе- ление	Горо- да	Насе- ление
100+	0,5	19,8	0,4	11,1	0,4	16,7	2,0	35,3	2,5	40,0
20–100	–	–	0,9	6,5	5,9	24,0	15,9	34,8	20,7	37,0
20–	99,5	80,2	98,7	82,4	93,7	59,3	82,1	29,9	76,8	23,0
в том числе										
5–20	6,5	20,7	26,6	46,2	39,5	43,2	48,5	24,8	45,5	19,0
5–	93,0	59,5	72,2	36,2	54,2	16,1	33,6	5,1	31,3	4,0
2–	61,5	21,5	33,6	8,4	19,9	2,8	10,5	0,7	8,5	0,5
1–	35,5	7,1	12,9	1,7	6,1	0,4	2,7	0,1	2,1	0,06
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Вплоть до конца периода империи большинство городов насчитывало менее 20 тыс. и, значит, оставалось малыми: в 1917 г. на их долю приходилось 75 % всех городов. Однако процент горожан, проживавших в малых городах, в течение 1722–1910 гг. сократился с 98 до 23, наоборот, в больших городах возрос с 0 до 40, в средних городах — с 2 до 37. В городских поселениях с населением менее 5 тыс., которые со-

временники в начале XX в. стали называть «город-деревня», к 1910 г. проживало всего 4 % горожан, в то время как в 1678 г. — 60 %, в 1782 г. — 36 %, в 1856 г. — 16 % всего городского населения. Перераспределение населения между средними и малыми городами обнаружилось с конца XVII в., а концентрация жителей в больших городах как непрерывная тенденция — с середины XIX в. Средняя людность городов в Европейской России и Сибири непрерывно возрастала и с 1646 по 1910 г. увеличилась в 9,4 раза, что иллюстрируют данные, приведенные ниже:

Год	1646	1722	1782	1825	1870	1897	1910
Средняя людность города, тыс.	2,7	4,6	4,7	5,6	11,1	21,2	24,9

К концу XIX в. большинство горожан стали проживать в больших и средних городах, что имело важные последствия. Социологи установили, что чем крупнее город и чем выше в нем плотность населения, тем больше имеется оснований для трансформации социальных отношений от общинных к общественным, тем явственнее проявляются черты городского образа жизни: деятельность людей становится профессионально разнообразной благодаря углублению разделения труда и росту специализации, причем они заняты в многочисленных отраслях неземледельческого труда; между жителями увеличивается степень социальной дифференциации, поскольку социальная лестница становится длинной; роль традиций в общественной и личной жизни снижается, они утрачивают роль базиса для социальной солидарности; социальный контроль за поведением личности ослабляется, вследствие чего личность становится автономной и ее поведение индивидуализируется; падает социальное значение семьи, семейные, родственные и соседские связи ослабляются, межличностные отношения становятся более сложными и вместе с тем приобретают стандартизированный, поверхностный, анонимный характер.

V.2. Сельские поселения

Сельские поселения делились на две большие группы: 1) сплошные и крупные; 2) мелкие с числом жителей менее 10 человек и одиночные. В период империи повсеместно, исключая Курляндскую, Лифляндскую и Харьковскую губернии, численно преобладали сплошные и крупные поселения. В период империи число сельских поселений постоянно возрастало, в то время как в Западной Европе оно уменьшалось (в США и Канаде начиная с XIX в.). В 1857 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) насчитывалось около 245 тыс. сплошных и 87 тыс. мелких и одиночных поселений, в 1882–1885 гг. — соответственно 407 и 148, в 1897 г. — 405 и 187. В результате Столыпинской реформы 1907–1915 гг. возникло около 200 тыс. хуторов, в которых поселились вышедшие из сельских общин, вследствие чего к 1917 г. число сельских поселений достигло 800 тыс. В Сибири число поселений росло очень медленно: в 1856 г. их насчитывалось 11 тыс., в 1914 г. — 12,6 тыс. Людность сельских поселений до 1860-х гг. увеличивалась, а в 1860–1897-е гг. в Европейской

России уменьшилась со 162 до 137 человек. Однако после 1861 г. ситуация изменилась — число поселений стало быстро расти, а их людность снижаться. Причем число одиночных и мелких поселений увеличивалось намного быстрее, чем средних и крупных. За период 1857–1897 гг. число поселений с населением менее 10 человек возросло в 2,2 раза, мелких поселений с населением от 11 до 50 человек — в 2,5, а число средних и крупных — всего в 1,3 раза. В результате доля одиночных и мелких поселений возросла с 48 до 61,5 %, а средняя людность селений понизилась со 161 до 138 человек (табл. V.3).

Таблица V.3

**Распределение сельских поселений по числу жителей
в Европейской России без Польши
и Финляндии в 1850-е гг. и 1897**

Поселения с числом жителей, тыс.	1850-е*				1897			
	Поселения		Население		Поселения		Население	
	Тыс.	%	Тыс.	%	Тыс.	%	Тыс.	%
10–	86,7	26	434	0,8	186,9	31,6	1120	1,4
11–50	71,0	21	1420	2,6	176,2	29,8	4250	5,2
51–100	56,9	17	3986	7,4	76,1	12,9	5593	6,9
101–200	50,2	15	7028	13,1	66,5	11,3	9484	11,6
201–300	23,4	7	5688	10,6	27,7	4,7	6771	8,3
301–400	12,7	4	3994	7,4	14,3	2,4	4961	6,1
401–500	6,9	2	2898	5,4	8,9	1,5	3990	4,9
501–1000	16,7	5	9615	17,9	19,2	3,2	13454	16,5
1001–2000	6,7	2	9782	18,2	10,3	1,8	14320	17,6
2001–5000	3,3	1	8904	16,6	4,3	0,7	12256	15,1
5001–10000					0,6	0,1	3847	4,7
10000+					0,1	0,02	1425	1,7
Итого	334,5	100	53749	100	591,1	100	81471	100

Рост числа поселений в пореформенное время происходил главным образом за счет разукрупнения крупных поселений и свидетельствовал о том, что крепостное право сдерживало естественный процесс расселения крестьянства потому, что помещикам и коронной администрации было легче и дешевле управлять крестьянами, проживающими в крупных, чем в мелких поселениях.

В отличие от городов густота сельских поселений в Европейской России была достаточно высокой: среднее расстояние между ближайшими селениями в 1857 г. равнялось 3,8 км, в 1885 г. — 2,9, в 1917 г. — 2,5 км (примерно такое же, как в США и Канаде, но больше, чем в Западной Европе); в Сибири — соответственно 33, 32 и 31 км. В отличие от России в западно-европейских странах среднее расстояние между сельскими поселениями в XVIII–начале XX в. увеличивалось, так как число их уменьшалось.

Обращает на себя внимание наличие в России очень крупных сел с

числом жителей более 2 тыс. человек. Во многих странах (Германия, Франция, Италия, Испания и др.) такое количество жителей являлось основанием для включения населенного пункта в состав города. В середине XIX в. их насчитывалось более 3 тыс. и в них проживало около 1 % сельского населения, в 1897 г. — соответственно 5 тыс. и 0,8 % населения. Наличие среди городов поселений с населением менее 2 тыс. человек, а среди сел — поселений с населением более 2 тыс. человек, а также существование иерархической структуры городов и деревень по числу жителей указывает на то, что резкой грани между городом и деревней не существовало, что вся совокупность поселений образовывала континуум от идеальной деревни к идеальному городу, что городские и сельские поселения находились в тесной генетической связи: деревни при благоприятном стечении обстоятельств превращались в города, а города при неудачном ходе дел — в деревни.

В XVII–XVIII вв. большая часть крестьян проживала в мелких (от 50 и менее жителей) и средних (от 51 до 500) селениях, а к середине XIX в. — в крупных (более 500 жителей). В 1857 г. на мелкие селения приходилось 3,4 %, на средние — 43,9 %, на крупные — 52,7 % сельского населения. Таким образом, в первой половине XIX в. произошло укрупнение деревень. После отмены крепостничества распределение крестьян между селениями различной людности не претерпело радикальных изменений. За 1857–1897 гг. доля крестьян, проживавших в мелких деревнях, увеличилась с 3,4 до 6,6 %, в крупных — с 52,7 до 55,6 %, а в средних уменьшилась с 43,9 до 37,8 %. Происходила дифференциация средних поселений на мелкие и крупные, так как в мелких было удобнее заниматься земледелием, а в крупных — промышленностью и торговлей. Увеличение доли крестьян в мелких поселениях указывало, во-первых, на продолжение внутренней колонизации в пореформенное время, во-вторых, на то, что крепостное право сдерживало естественное расселение крестьянства до 1861 г. — помещики и коронная администрация по административно-полицейским соображениям предпочитала крупные селения, в-третьих, на разукрупнение больших поселений с целью облегчения доступа земледельцев к своей земле, в-четвертых (что особенно важно в социальном смысле!), на стремление крестьян уйти из-под опеки общины, выделиться из нее и жить самостоятельно на собственной ферме.

Итак, к середине XIX в. большая часть крестьянства стала проживать в крупных селениях, а после эмансипации эта тенденция усилилась. Это имело серьезные социально-экономические последствия. В крупных сельских поселениях активно развивались рыночные отношения, кустарная и фабричная промышленность, торговля и неземледельческие промыслы, включая отходничество; в этих селениях находилось много мещан и купцов из города, которые занимались разного рода предпринимательской деятельностью; эти селения находились в тесной связи с городами и испытывали их влияние. Все перечисленные особенности крупных поселений создавали предпосылки для разрушения в них патриархальных общинных отношений и для трансформации их в городские поселения, если не формально, то фактически.

У.3. Административное, социальное и юридическое размежевание города и деревни

До XVIII в. город и деревня не различались строго в административном и юридическом отношениях. Первые шаги по административному отделению города от деревни были сделаны при Петре I. Но лишь в 1775 г. впервые были учреждены должность городничего как единственного представителя короны в городе и уездного воеводы как представителя короны в сельской округе. Только с этого времени город выделился в самостоятельную административную единицу со специфическими коронными органами управления, что способствовало окончательному размежеванию города и округи, горожан и крестьян в административном отношении.

Социальное, профессиональное и юридическое размежевание городского и сельского населения началось со второй половины XV в., когда податное население городов получило специальное наименование — посадские люди. В 1649 г. правительство реформировало города: 1) посадские были прикреплены наподобие крестьян к своим городам и к своей общине; 2) границы города были раздвинуты на две версты (2,2 км) по периметру, чтобы город имел больше земли для занятия сельским хозяйством, и более или менее четко определены, чтобы сельские поселения не смешивались с городами, а крестьяне — с посадскими; 3) приписка к месту жительства — посадской или сельской общине, а также род и величина повинностей стали административными, но не юридическими (правовыми) критериями принадлежности к посадским или крестьянам; 4) торгово-промышленная деятельность *в черте города* закреплялась за посадскими, хотя государственным и дворцовым крестьянам ей заниматься не возбранялось; 5) посадские, покинувшие город, должны были быть принудительно возвращены в посадские общины, и впредь выход из них был запрещен, за исключением случаев, санкционированных властями.

Следующий шаг в размежевании посадских и крестьян, города и деревни был сделан магистратской реформой 1721–1724 гг. Реформа способствовала консолидации бывших посадских, теперь называвшихся гражданами, не только в масштабе города, но — что чрезвычайно важно — и в масштабе всей страны. Учреждение специального органа управления всеми гражданами — Главного магистрата, состоявшего наполовину из членов, назначенных коронной администрацией, — подтверждение привилегий на занятие торгово-промышленной деятельностью и первое определение в законе признаков принадлежности к гражданству (профессиональные занятия, жительство в городе, принадлежность к городской общине и права самоуправления) еще более отделили его от других социальных групп. Все это подготавливало почву для преобразования торгово-промышленного населения городов в сословие.

Жалованная грамота городам 1785 г. завершила размежевание города и деревни, горожан и крестьян, городских и сельских общин в юридическом отношении. Она впервые дала понятие городского общества как совокупности всех жителей данного города, обладающих правами самоуправления. Была введена городская обывательская книга, которая служила основным документом, удостоверяющим принадлежность лица к

горожанам. Статус «городового обывателя» давал право на жительство в городе и на пользование преимуществами городской жизни: лечебными, учебными, благотворительными и другими учреждениями, правом заниматься стационарной городской торговлей, общегородскими земельными угодьями, городским комфортом, о чем стала беспокоиться коронная администрация.

Итак, в 1775–1785 гг. произошло окончательное административное отделение города от деревни и юридическое размежевание крестьянства и податного населения города. Однако это вовсе не означало, что все крестьяне стали проживать в деревне, а все городское сословие — в городе и что город состоял преимущественно из купцов, мещан и ремесленников. Государственные крестьяне, которые населяли город, продолжали заниматься прежним своим делом — земледелием, а также, благодаря существовавшей в России свободе промысла, торговлей и ремеслом. Помещичьи крестьяне с 1719 г. были привязаны не только к сельской общине, но и к своему владельцу. Поэтому их местожительство зависело от воли последнего. Владельцы не только разрешали, но даже содействовали тому, чтобы их крестьяне проживали в городе ради заработка, который уходил на платеж оброка и налогов. Около 4 % помещичьих крестьян были дворовыми и жили вместе со своими владельцами в городе. Вследствие этого всегда имелось значительное число крестьян в городе. С другой стороны, мещане и купцы, хотя и были приписаны к городу, без труда получали от своей общины и коронной администрации разрешение на отлучку в любое место, в том числе и в деревню, где многие занимались торговлей или сельским хозяйством.

Что касается других категорий городского населения — дворянства, духовенства, военных и разночинцев, то они проживали в городе на разных основаниях. До Манифеста о вольности дворянской в 1762 г. дворяне проживали в городах в связи с государственной военной или гражданской службой. После 1762 г. каждый дворянин выбирал место жительства по своему вкусу и в зависимости от личных обстоятельств. Личные дворяне и часть потомственного дворянства проживали в городах в связи с вольной государственной службой, другая часть — ввиду предпочтения городской жизни. Значительное число дворян-землевладельцев зиму, раннюю весну и позднюю осень проживали в городе, а остальное время — в деревне. Проживавшие постоянно или регулярно в городах имели там дома и на этом основании, согласно Жалованной грамоте городам 1785 г., записывались в городовую обывательскую книгу и считались настоящими городскими обывателями.

Приходское духовенство, освобожденное от налогов и рекрутской повинности, проживало в городе или деревне в зависимости от расположения своего прихода. В административном смысле оно не было привязано к приходу, но воспользоваться своей свободой не могло, так как клирикам приходилось жить там, где имелась работа, а это обычно был приход отца. Число приходов контролировалось государством, поэтому соотношение духовенства, проживавшего в городах и деревнях, было более или менее постоянным.

Военные, в особенности рядовой состав, являлись подневольными людьми и распределялись между городом и деревней в зависимости от расположения полков, которое постоянно изменялось в соответствии с международными обстоятельствами, а также по военным и экономическим соображениям. Разночинцы были свободны от налогов и рекрутской повинности и соответственно в выборе места жительства — они жили там, где находили средства к жизни. В результате этого в XVIII в. в городах проживало свыше 50 % лиц, не принадлежавших к городскому сословию, а в деревне — до 10 % лиц, не принадлежавших к крестьянству.

V.4. Экономическое отделение города от деревни

A. Занятия городского населения

Административное размежевание города и деревни и юридическое отделение городского сословия от крестьянства не означали, что все города к 1785 г. превратились в торгово-промышленные центры, а все сельские поселения имели сельскохозяйственную специализацию. Экономическое отделение города от деревни растянулось на более длительный срок. Рассмотрим, какие изменения произошли в функциональной структуре городов.

В табл. V.4 классификация городов проведена по преобладающему виду их деятельности, или по функциям. В экономической географии под *функцией* понимается та *деятельность горожан, которая производит продукцию или услуги на вывоз из данного города, обслуживает потребности жителей других населенных пунктов, т. е. направлена вовне, на связь города с внешним миром. Деятельность, удовлетворяющая исключительно внутренние потребности горожан, не относится к функциональной.* В качестве критерия при оценке значения различных функций города, так же как и деревни, принимается число самодеятельного населения, которое реально их выполняет. В административно-военном городе большая часть самодеятельного населения занята на административной и военной службе; в аграрном городе — в сельском хозяйстве, а также рыболовстве и лесоводстве; в торговом городе — в торговле; в промышленном городе — в промышленности; в городе смешанного типа господствовавшая функция отсутствует, так как население более или менее равномерно распределяется между различными сферами материального производства и непроизводственных отраслей.

В 1760-е гг. (и, несомненно, в более раннее время) преобладающим типом городского поселения являлся аграрный город, производительное население которого исключительно или главным образом занималось земледелием. Но аграрный город отличался от деревни. Во-первых, он выполнял как минимум одну типично городскую функцию — административную, поскольку все города являлись уездными или губернскими административными центрами. Большинство же городов выполняло по две и более типично городских функций: до 77 % аграрных городов — торговую функцию, будучи центрами ярмарочной, базарной или стационарной торговли, и около 29 % городов кроме административной и торговой — промышленную функцию; многие аграрные

города являлись культурными центрами, так как в каждом третьем из них находилось какое-нибудь учебное заведение. Во-вторых, сельскохозяйственная деятельность горожан отличалась от таковой в деревне: она ориентировалась в большей степени на рынок, и в городах больше место занимали огородничество, садоводство, выращивание технических культур. Хотя городская специфика деятельности населения аграрных городов была налицо, в 1760-е гг. они еще находились на пути превращения из типично сельских в типично городские поселения. Примерно 37 % городов являлись по преимуществу торговыми, промышленными или городами смешанного типа. Причем в экономике городов смешанного типа земледелие играло функциональную роль и лишь в торговых и промышленных городах обслуживало собственные потребности их жителей. Около 5 % городов выполняли преимущественно административно-военную функцию.

Таблица V.4

**Функциональная структура городов Европейской России
без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (в %)**

Функциональный тип города	1760-е	1790-е	1850-е	1897
Административно-военный	4,6	3,9	5,0	0,3
Аграрный	58,9	54,4	22,0	8,5
Смешанный	30,6	36,6	20,0	89,2
Торговый	2,3	3,9	10,0	–
Промышленный	3,6	1,2	43,0	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

К началу XIX в. функциональная структура городов не претерпела радикальных изменений, что было обусловлено реформой местного управления 1775 г. В течение 1775–1796 гг. власти преобразовали 271 сельское поселение в города, руководствуясь главным образом административными соображениями, а также желанием усилить городское сословие. Хотя выбирались достойнейшие, большинство преобразованных сел не являлись торгово-промышленными центрами, а их население даже не проявляло желания перейти в городское сословие. В 1790-е гг. среди всех городов аграрными являлось 55 %, а среди новых городов, появившихся благодаря реформе 1775 г. — 63 %.

К середине XIX в. функциональная структура городов радикально изменилась. Ведущее положение заняли промышленные города (43 % всех городов), до 10 % увеличилась доля торговых городов; наоборот, города смешанного типа и особенно аграрные города резко сдали свои позиции — они составляли соответственно 20 и 22 % от общего количества городов. Земледелие потеряло свое прежнее значение в городах всех типов: в 19 % городов Европейской России земледелие вообще перестало фигурировать в качестве функционального вида деятельности, в 44 % оно играло второстепенную роль, в 15 % — важную и лишь в 22 % городов — главную роль; городов, где сельское хозяйство являлось единственным ис-

точником средств существования, не осталось. Деградация аграрной функции города сопровождалась известным прогрессом городского земледелия там, где оно сохранилось — экстенсивное хлебопашество заменялось интенсивным огородничеством и садоводством.

Города разного функционального назначения отличались друг от друга по всем признакам, включая число жителей, их социально-профессиональный состав, структуру производства, количество земли, городской бюджет. Промышленные города превосходили торговые, торговые — города смешанного типа, последние — аграрные города, аграрные — административно-военные города. Например, среднее число жителей (в тыс. человек) в промышленных городах составляло 14,4; в торговых — 10,5; в городах смешанного типа — 5,9; в аграрных — 3,8; в административно-военных — 3. Валовой продукт городской экономики (в тыс. руб.) равнялся в промышленных городах 954, в торговых — 213, в городах смешанного типа — 108, в аграрных — 51, в административно-военных — 40; оборот торговли (в тыс. руб.) — соответственно 3074, 861, 250, 107, 156; доходная часть городского бюджета (в тыс. руб.) — соответственно 39,5; 7,1; 5,5; 2,4; 2,9 и т. д.

Города различной специализации различались также уровнем экономического развития, который оценивался на основании 22 признаков (среди них важнейшими являлись величина промышленного производства и оборот торговли за год). Если классифицировать города 1850-х гг. по этим признакам по трем категориям — слаборазвитые, среднеразвитые и высокоразвитые, то окажется, что 74 % всех городов были слаборазвитыми, 8 % — среднеразвитыми и 18 % — высокоразвитыми. Такое распределение отражает общее экономическое состояние городов России середины XIX в.

Между функциональным типом города и уровнем его экономического развития существовала тесная связь: 95 % аграрных и 92 % административно-военных городов являлись слаборазвитыми, в то время как среди торговых — 63 %, а среди промышленных городов — лишь 19 %. Ни один аграрный город не был высокоразвитым, среди административно-военных их доля составляла всего 8 %, в то время как среди торговых и промышленных — 30 %. Это говорит о том, что специализация города оказывала влияние на общий уровень его развития. Доиндустриальные российские города середины XIX в. по общему уровню развития можно ранжировать следующим образом: административно-военные, аграрные, смешанного типа, торговые, промышленные. Подобная ранжировка отражает историческое развитие русских городов, начинавшихся как крепости, административно-военные пункты или аграрные поселения и со временем превращавшихся в промышленно-торговые. За столетие, 1760–1860 гг., из аграрных и административно-военных городов 14 % остались в своей группе, 29 % стали городами смешанного типа, 14 % — торговыми, 42 % — ремесленно-промышленными; из городов смешанного типа 19 % остались в прежней группе, 10 % стали торговыми и 71 % — ремесленно-промышленными; из торговых городов 50 % превратились в торгово-ремесленные и 50 % — в ремесленно-промышленные; все ремесленно-про-

мышленные города остались в своей группе. *Разные функциональные типы городов середины XIX в. можно рассматривать как различные стадии эволюции городских поселений в России.*

Административная и военная функции поселений служили толчком к образованию и развитию города, а аграрная функция на первых порах давала ему материальные и людские ресурсы, чтобы стать важным экономическим центром. Однако поступательное развитие города было возможно только при условии возникновения и совершенствования промышленной и торговой функций, иначе он либо переживал застой, либо вообще утрачивал статус города. Между 1745 и 1860 гг. статус города потеряли 29 % административно-военных поселений — им не удалось развиваться в торгово-промышленном отношении. Такой была судьба военных городов по всем границам России. Зато те из них, которые сумели развить торговую либо промышленную функцию, превратились в крупные торгово-промышленные и одновременно административные центры. В качестве примера можно привести Воронеж, Орел, Оренбург, Пензу, Самару, Саратов, Симбирск, Сызрань, Тамбов, Уфу. Города, выдержавшие конкуренцию и проверку временем, были готовы к промышленной революции, которая развернулась в России после 1860-х гг.

В пореформенное время в экономической структуре городов произошли новые изменения: уменьшилось число аграрных и административно-военных городов, узкая специализация городов на каком-нибудь одном виде деятельности сменилась многофункциональностью, почти во всех городах возникли культурный сектор и сфера обслуживания. К концу XIX в. чисто административно-военных, аграрных и т. д. городов осталось немного — всего 10,8 % (66 из 612) сравнительно с 80 % в 1850-е гг. Зато число городов смешанного типа возросло — с 20 до 89 %. В 546 городах смешанного типа имела ведущая отрасль занятости населения, которая определяла экономическую физиономию города. Распределение городов смешанного типа по ведущей отрасли в 1897 г. дает следующую картину: промышленность и строительство являлись ведущей отраслью в 37,6 % городов, сельское хозяйство — в 30,0 %, сервис — в 17,4 %, административно-военная сфера — в 9,7 %, торговля, транспорт и финансы — в 0,7 %, прочие отрасли — в 4,6 %.

В экономической географии принято классифицировать города также на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. Доиндустриальный город выполняет главным образом административную, военную и аграрную, индустриальный город — промышленную, торговую и транспортную функции, а в постиндустриальном городе ведущее место принадлежит сервисной функции, куда включается и деятельность в сфере культуры. Основываясь на этих критериях, получаем следующую типологию 612 российских городов по состоянию на 1897 г.: 219 (35,8 %) городов были доиндустриальными, 390 (63,7 %) — индустриальными, 3 (0,5 %) — постиндустриальными (Петербург, Одесса и Киев).

Таким образом, в конце XIX в. одновременно сосуществовали умиряющие доиндустриальные города, бурно развивающиеся индустриальные и зарождающиеся постиндустриальные. Сильные позиции доиндуст-

риальных городов говорят о том, что традиционный уклад городской жизни был весьма живучим. Сельское хозяйство, в частности огородничество, в конце XIX в. еще оставалось важной отраслью городской экономики даже в столицах. В Петербурге огородами было занято в 1830-е гг. 14,3 % всей площади города, к 1860-м гг. эта доля поднялась до 19,4 % ввиду увеличения территории города за счет пригородных сел и деревень. В 1897 г. огородничеством в Петербурге занимались 17,7 тыс. человек, или 2 % самодеятельного населения столицы, в Москве — соответственно 15,4 тыс. человек, или 2 %. Это можно считать вполне естественным — промышленная революция пришла в Россию только после Великих реформ — а то, какие изменения она принесла в экономику городов менее чем за три десятилетия, следует признать большим прогрессом.

Отраслевой состав занятости горожан углубляет наше представление о развитии российских городов в XVIII—начале XX в. (табл. V.5). В крепостное время отраслевая структура занятости горожан радикально изменилась, главным образом во второй четверти XIX в., за счет увеличения занятости в промышленности (на 25 %), в торговле и на транспорте (на 1 %), в администрации (на 0,6 %) и за счет соответствующего уменьшения занятости в сельском хозяйстве и прочих отраслях. Поскольку доля лиц, охваченных сферой материального производства, осталась прежней — около 70 %, изменение структуры занятости горожан произошло за счет их перераспределения между аграрным, промышленным и торговым секторами. Перемены, произошедшие в сфере нематериального производства, были незначительны. Немного увеличилась занятость в администрации и культуре, а также в армии (число военных в середине 1850-х гг. возросло ввиду Крымской войны). Соотношение между занятыми в материальном производстве и непромышленных отраслях на протяжении столетия оставалось 70:30. Это свидетельствует о стабильном и невысоком уровне производительности общественного труда, вследствие чего общество не могло в середине XIX в. выделять на культурные и административные нужды больше средств, чем за сто лет до этого. По структуре занятости населения российские города в середине XIX в. напоминали доиндустриальные города Западной Европы XVII—XVIII вв.

В пореформенное время отраслевая структура занятости городского населения претерпела существенные изменения. К концу XIX в. в материальных отраслях уменьшилась занятость в сельском хозяйстве (на 10 %) и в промышленности (на 10 %). Промышленная революция способствовала вытеснению ремесла фабрикой, с одной стороны, и перемещению промышленного производства из города в деревню — с другой. Это и привело к снижению роли промышленности в городской экономике. Доля лиц, занятых в торговле и на транспорте, осталась прежней. В целом занятость в материальном производстве уменьшилась на 20 %, соответственно в нематериальном производстве увеличилась на 20 %. В важную отрасль городской экономики выдвинулась сфера обслуживания, которая поглощала 17 % рабочей силы. Значительное число лиц было занято в культуре, науке, просвещении, искусстве, литературе, на религиозной службе. В большом количестве появились рантье, пенсионеры и стипендиаты, на долю которых

приходилось свыше 10 % городского самодеятельного населения. Производительность труда существенно возросла, благодаря чему государство и общество стали намного больше, чем в крепостное время, расходовать средства на удовлетворение духовных потребностей людей. По структуре занятости населения российских города на рубеже XIX–XX вв. стали напоминать западные индустриальные города более раннего времени.

Таблица V.5

Отраслевая структура занятости самодеятельного городского населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (в %)

Отрасль занятости	1760-е	1790-е	1850-е	1897
Промышленность*	11,0	13,0	38,0	28,0
Торговля и транспорт	12,0	13,0	14,0	13,9
Сельское хозяйство**	48,0	46,0	18,0	7,9
Администрация, суд, полиция	1,4	1,7	2,0	2,6
Вооруженные силы	9,0	7,0	10,0	8,7
Религиозная служба	1,1	0,9	0,7	1,3
Прочие отрасли	17,5	18,4	17,3	37,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

*Вместе со строительством.

** Без животноводства, рыбной ловли, охоты и лесного хозяйства.

Б. Занятия сельского населения

Российские деревни и села, как и города, отличались друг от друга не только размерами, но и занятиями своих жителей. Хотя в подавляющем числе сельских поселений жители были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, среди них было немало таких, которые активно были вовлечены в кустарную и фабричную промышленность, торговлю. В начале XVII в. появилось значительное число промысловых и торговых сел, которое со временем увеличивалось. Однако систематические данные об этом имеются только на конец XIX–начало XX в.

Под руководством В.П. Семенова-Тян-Шанского была произведена оценка промышленно-торгового потенциала России по состоянию на 1900 г. Были выделены все городские и сельские поселения в 64 губерниях Европейской России, имевшие сколько-нибудь значительную торговлю и промышленность. Таких пунктов оказалось 6769, из них 761 городское и 6008 сельских. Таким образом, в каждом десятом сельском поселении имелись торгово-промышленные заведения и население, активно занимавшееся земледельческими промыслами. Для разделения поселений на городские и сельские с экономической точки зрения В.П. Семенов-Тян-Шанский предложил два критерия — людность и величину торгово-промышленного оборота. Согласно оценке ученого, этим критериям в 1910 г. соответствовали 534, или 70,2 % города и 703, или 0,1 % сельских поселений. Хотя среди 1237 «истинных» городов на долю сельских поселений приходилось 57 %, а на долю городских — 43 %, очевидно, подавляющее число городов

являлись важными торгово-промышленными центрами, в то время как среди сельских поселений таких насчитывалось в относительном смысле ничтожное число. Налицо явное экономическое размежевание города и деревни. Если принять во внимание, что в конце XVIII в. 54 % городов были аграрными, а в прочих, за исключением 50 губернских и десятка крупных городов, промышленность и торговля имели скромные обороты, что в середине XIX в. в 81 % городов аграрная функция имела важное значение, то нам придется признать: к началу XX в. произошло окончательное экономическое отделение города от деревни. С другой стороны, около 10 % сельских поселений успешно развивали промышленную и торговую функции, образуя обширное переходное пространство между городом и деревней. Отраслевые структуры занятости городского и сельского населения существенно различались (табл. V.6).

Таблица V.6

**Структура занятости самодельного населения России
без Польши и Финляндии в 1857–1897 гг. (в %)**

Население	Сельское хозяйство*			Промышленность**			Торговля, транспорт		
	1857	1877	1897	1857	1877	1897	1857	1877	1897
Сельское	90,3	89,3	82,5	1,3	1,8	7,0	0,4	0,8	2,0
Городское	18,0	—	8,0	38,0	—	28,0	14,0	—	14,0
Итого	82,8	81,8	74,9	4,6	6,2	10,6	1,6	3,1	4,4

* Только земледелие.

** Вместе со строительством.

В середине XIX в. и в более раннее время в деревне доминировало сельское хозяйство, в котором было занято около 90 % самодельного населения, в то время как в промышленности и строительстве — всего 1,3, в торговле и на транспорте — 0,4, во всех остальных отраслях — 8 %. В отличие от деревни в городе ни одна отрасль занятости не имела монополии. Наибольшее число горожан было занято в промышленности (38 %), следующая по важности отрасль — сельское хозяйство (18 %), на третьем месте — торговля (14 %), во всех оставшихся отраслях работало 30 %.

На 1897 г. имеются более подробные данные об отраслевой структуре занятости городского и сельского населения (табл. V.7).

В пореформенное время занятия селян стали немногом разнообразнее за счет переключения 7 % крестьян с земледелия на промышленность и торговлю; во всех оставшихся отраслях были заняты те же 7 % населения, как и до эмансипации крестьян. Отраслевая структура городского населения во второй половине XIX в. также стала более разнообразной. В промышленности, торговле и земледелии процент занятых уменьшился на 20 пунктов и составил 50 % самодельного населения. Важную роль приобрела сфера услуг (гостиницы и клубы, бани и парикмахерские, домашняя прислуга и т. п.), дававшая работу почти 17 % населения, армия

поглощала 8,7 %. Остальные работники были заняты в различных отраслях — от финансов до проституции.

Таблица V.7

Отраслевая структура занятости самодельного населения обоего пола Европейской России без Польши и Финляндии в 1897 г.

Отрасль занятости	Сельское население		Городское население		Всего	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Сельское хозяйство*	26056,0	82,6	557,7	8,8	26613,7	70,3
Промышленность	1874,0	5,9	1564,2	24,7	3438,2	9,1
Транспорт, связь, почта	262,1	0,8	300,1	4,7	562,2	1,5
Строительство**	339,9	1,1	206,4	3,3	546,3	1,4
Торговля***	396,8	1,3	581,7	9,2	978,5	2,6
Финансы, страхование	0,7	0,0	13,7	0,2	14,4	0,04
Сфера обслуживания	870,9	2,8	1047,3	16,6	1918,2	5,1
Здравоохранение	34,9	0,1	71,4	1,1	106,3	0,3
Просвещение, наука****	82,0	0,3	107,4	1,7	189,4	0,5
Администрация, суд, полиция	92,7	0,3	167,4	2,6	260,1	0,7
Вооруженные силы	121,1	0,4	550,7	8,7	671,8	1,8
Религиозная служба	167,4	0,5	80,5	1,3	247,9	0,6
Рантье, пенсионеры	512,2	1,6	657,5	10,4	1169,7	3,1
Прочие отрасли	718,7	2,3	426,3	6,7	1145,0	3,0
Итого	31529,4	100,0	6332,3	100,0	37861,7	100,0

* Включая пчеловодство, лесное хозяйство, рыболовство и охоту.

** Включая жилищно-коммунальное хозяйство.

*** Включая общественное питание.

**** Вместе с литературой и искусством.

Однако в отличие от города в деревне занятость в сфере нематериально-го производства осталась на прежнем уровне — около 7 %. Это говорит о том, что изменение структуры занятости крестьянства произошло за счет перераспределения работников в отраслях материального производства и что в духовной сфере было занято крайне мало людей — в процентах столько же, сколько и до эмансипации. Крестьяне продолжали бороться главным образом за выживание, для удовлетворения духовных потребностей у них было мало средств и возможностей. Сравнение процента лиц, занятых в различных отраслях хозяйства (см. табл. V.7), с долей различных отраслей в национальном доходе показывает уровень эффективности труда в каждой отрасли. В сельском хозяйстве производилось 47,8 % национального дохода, вместе с лесоводством и рыболовством — 54 %, в то время как в промышленности — 21,7 %, строительстве — 7,1 %, в торговле — 8,3 %, на транспорте — 8,9 %. Отсюда следует, что наименее производительным был труд в сельском хозяйстве; труд в промышленности был примерно в 3

раза более эффективным, в торговле — в 4 раза, в строительстве — в 6,6 раза, на транспорте — в 7,7 раза, чем в аграрном секторе.

Таким образом, к 1861 г. разделение труда между городом и деревней и, соответственно, хозяйственный отрыв города от деревни достигли своего апогея. Это способствовало усилению рыночных связей между ними, так как и город, и деревня могли нормально развиваться только при условии сотрудничества друг с другом, на что, в частности, указывает тот факт, что около 40 % капиталов, занятых в торговле, находилось в сельской местности даже в наиболее отсталом в экономическом отношении Черноземном центре. В пореформенное время благодаря более интенсивному, чем прежде, развитию промышленности и торговли в сельской местности экономическая противоположность между городом и деревней стала смягчаться.

Таблица V.8

**Структура занятости самодельных мужчин и женщин
в Европейской России без Польши
и Финляндии в 1897 г. (в тыс. человек)**

Отрасль занятости	Сельское население		Городское население		Всего	
	м	ж	м	ж	м	ж
Сельское хозяйство	13028	13028	278,8	278,8	13306,8	13306,8
Промышленность	1483,3	390,7	1205	359,2	2688,3	749,9
Связь	248,6	13,5	294,3	5,8	542,9	19,3
Строительство	339,1	0,8	205,6	0,8	544,7	1,6
Торговля	348,7	48,1	498,9	82,8	847,6	130,9
Финансы	0,7	—	13,1	0,6	13,8	0,6
Сфера обслуживания	379,3	491,6	336	711,3	715,3	1202,9
Здравоохранение	23,7	11,2	41,9	29,5	65,6	40,7
Просвещение, наука	55,7	26,3	67,7	39,7	123,4	66
Администрация, суд, полиция	92,3	0,4	166,4	1	258,7	1,4
Вооруженные силы	121,1	—	550,7	—	671,8	—
Религиозная служба	126,9	40,5	44,3	36,2	171,2	76,7
Рантье, пенсионеры	245,4	266,8	320,6	336,9	566	603,7
Прочие	399,5	319,2	315,1	111,2	714,6	430,4
Итого	16892,3	14637,1	4338,4	1993,8	21230,7	16630,9

Как до, так и после 1861 г. возможностей для приложения труда у женщин вне семейного хозяйства было меньше, чем у мужчин, — жен-

щины почти отсутствовали в строительстве, администрации, финансах и армии. Структура занятости крестьянок была намного беднее, чем горожанок. И все же после эмансипации роль женщин на рынке труда всюду заметно повысилась. Женщины стали преобладать в сфере обслуживания, заняли заметное место в здравоохранении, просвещении, религиозной службе и в промышленности, причем как в городе, так и в деревне. Данные о доле женщин, имевших самостоятельное, независимое от мужчины занятие или дело, показывают, насколько далеко продвинулось освобождение российской женщины к началу XX в. В деревне доля самостоятельных женщин составляла 17,6 % — на 4 % больше доли вдов. Горожанки добились значительно больше прав в сфере труда, чем крестьянки, поскольку в городе доля самостоятельных женщин равнялась 29 % — на 10 % превышая долю вдов и на 11 % — долю самостоятельных женщин в деревне. Сельское хозяйство оставалось оплотом патриархальности всюду, так как число самостоятельных женщин там было весьма незначительным, хотя именно в этой отрасли женщины работали фактически наравне с мужчинами (табл. V.8).

В. Следствия структурной трансформации городов

Таким образом, в период империи дважды произошли радикальные изменения в функциях городов и соответственно в отраслевой занятости горожан. Город XVIII в. был доиндустриальным, в первой половине XIX в. стал прединдустриальным, или протоиндустриальным, а на рубеже XIX–XX вв. — раннеиндустриальным. Столь существенная перестройка городов предполагает столь же радикальные перемены в характере труда, в образе жизни городского населения, в значении городов в жизни страны. Сельский облик большинства русских городов XVIII в. и деревенский образ жизни городского населения следует считать закономерным следствием не сельского окружения, которое сохраняется во все времена, а аграрного по преимуществу характера городской экономики. Господствующий вид труда накладывает неизгладимый отпечаток на занимающихся им людей, на их окружение и быт: он диктует тип жилища, систему застройки поселения и отдельной усадьбы, определяет режим работы и отдыха, формы общественной и семейной жизни, в значительной мере склад ума и психики. Причины данного обстоятельства заключались в том, что в 55–58 % российских городов XVIII в. сельское хозяйство служило главным занятием жителей, а в остальных городах — важным, общественный быт большей части городского населения проходил в рамках поземельной городской общины. Кроме того, около трети городского населения и по своей сословной принадлежности являлись крестьянами.

Преобразование города из преимущественно административно-военного и аграрного в преимущественно промышленно-торговый центр к середине XIX в. и в промышленно-торгово-культурный центр к началу XX в. сопровождалось изменением характера его застройки, которая утрачивала одноэтажность, бессистемность расположения улиц и переулков, приобретала регулярность, становилась более плотной. В первой четверти XIX в. большая часть улиц и площадей оставалась незамощенной, по вечерам

они не освещались, уборка улиц не производилась; водопровод, канализация, телефон и телеграф отсутствовали. Театры, музеи и общественные библиотеки были большой редкостью даже в губернских городах. В 1825 г. в «среднестатистическом» российском городе имелось 5 тыс. жителей, которые по 8–9 человек в каждом проживали в 583 домах; из них 91 % были деревянными и 9 % — каменными. На один город приходилось 5–6 церквей, 1–2 учебных и 2 благотворительных заведения, 3 трактира, 1 общественная баня, 14–15 питейных домов и 51 лавка. В 1910 г. число жителей в «среднестатистическом» городе увеличилось до 25 тыс., которые проживали по 9–10 человек в каждом в 2310 домах; из них 80 % были деревянными и 20 % — каменными. На один город приходилось 12 церквей, 13 учебных и 1 благотворительное заведение, 35–36 трактиров и 18–19 «пивных лавок и винниц». Вечернее освещение улиц имелось в 87 %, водопровод — в 20 % и канализация — в 5 % городов. Практически в каждом городе были больница и аптека. Каждый третий город располагал театром, каждый второй — клубом или народным домом, каждый десятый — музеем. 60 % городов имели типографии, 49 % — библиотеки или читальные залы. В 4,5 % городов действовали трамваи, в 2,6 % — телеграфы и в 26,7 % — телефоны. Таким образом, за 85 лет города сделали заметный прогресс.

Однако проблема состояла в том, что всеми этими достижениями пользовалась незначительная часть горожан, проживавшая в центре городов, в благоустроенных домах. Основная масса городского люда в начале XX в. пользовалась примерно тем же комфортом, что и в 1825 г., потому что водопровод и канализация, чистые и мощные улицы имелись в незначительном числе городов, да и то лишь в центре, где отрыв городского населения от земледелия и приобщение его к торговым и промышленным занятиям способствовали формированию особого городского быта, для которого были характерны меньшие замкнутость, догматичность, традиционность, связь с природой и ее циклами, чем для сельского быта, и особого городского типа личности, отличавшегося большей подвижностью, инициативой, предприимчивостью, кругозором, грамотностью, а также и индивидуализмом сравнительно с крестьянином. Под влиянием перестройки городской экономики и личности горожанина социальные отношения в городских корпорациях купцов, мещан и ремесленников трансформировались из общинных в общественные.

Преобразование большинства городов из аграрных и административных в промышленные, торговые и культурные центры знаменовало решительный шаг в отделении города от деревни в экономическом смысле, который в основных чертах завершился к середине XIX в., а окончательно — на рубеже XIX–XX вв. В основе этого процесса лежало сокращение ресурсов города, необходимых для поддержания его жизнедеятельности, не говоря уже о совершенствовании аграрной функции. За 1742–1796 гг. население одной и той же первоначальной группы из 273 городов возросло на 24 %, за 1797–1856 гг. население одной и той же группы из 538 городов — еще на 48 %, за 1857–1910 гг. население одной и той же группы из 570 городов увеличилось еще на 210 % в границах, которые

практически не расширялись со времени основания города, что ограничивало возможность ведения рационального сельского хозяйства из-за недостатка земли. Переход горожан от хлебопашества к интенсивному садоводству и огородничеству временно задерживал этот процесс, но остановить его не мог, так как для интенсивных форм земледелия требовалась не только земля, но в еще большей степени — удобрения и вода, добыть которые в городской черте в достаточном количестве становилось делом бесперспективным. В условиях беспрерывно растущей земельной тесноты городской аграрий не мог конкурировать с крестьянином и вынужден был переключать свой труд из сельского хозяйства на промышленность, транспорт, торговлю, сферу услуг. Отделение города от деревни происходило в основном естественно, но этому процессу до некоторой степени помогало и правительство. Оно игнорировало ходатайства горожан с просьбой увеличить городской фонд земли, поощряло переселение в города торгово-промышленного населения из сельской местности, стимулировало развитие в городе торговли и промышленности, много сделало для превращения города в культурные центры.

Развитие деревни происходило противоречиво. Там, где имелись либо плодородные и обильные земли, либо хорошие средства сообщения, либо близость крупного городского или заморского рынка, сельские жители занимались главным образом сельским хозяйством. В остальных местах активно подключались к занятиям торговлей, кустарной и фабричной промышленностью, составляя серьезную конкуренцию горожанам. Например, на территории 6 промышленных губерний (Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Нижегородской и Ярославской) в 1897 г. имелось 650 промышленных селений (фабричных и кустарных сел и центров неземледельческого отхода). Промышленность более быстрыми темпами развивалась в деревне, чем в городе, и соотношение постепенно изменялось в пользу деревни. Так, в 1725 г. в городах находилось 78 % крупных промышленных предприятий и 86 % рабочей силы. Значительная часть мелкого производства также концентрировалась в городах. В 1775 г. промышленность выросла, но в городах находилось 60 % предприятий и 57 % рабочей силы. Тенденция более быстрого развития промышленности в уездах продолжала набирать силу, и в 1868 г. в городе сосредоточивалось 41 % предприятий и 39 % рабочих, и это соотношение сохранилось в начале XX в. (табл. V.9).

Ситуация повторилась и в сфере торговли. В Европейской России с 1750-х по 1850-е гг. число городских поселений с ярмарочной, базарной и стационарной торговлей возросло со 191 до 630, или в 3,3 раза, а сельских поселений — с 267 до 1854, или в 6,9 раза. Деревня явно обгоняла город. Только после 1861 г., когда ярмарки, базары и разносчики стали быстро вытесняться магазинами и биржами, город начал выигрывать конкуренцию за преобладание в торговле. И это несмотря на то что крестьяне не только не оставили торговлю, но стали принимать в ней более активное участие — в 1897 г. в торговле было занято 582 тыс. горожан и 397 тыс. крестьян. Успехи деревни в области промышленности и торговли до эмансипации объяснялись активным предпринимательством дворян, которые

не только сами участвовали в промышленности и торговле, но поощряли к этому своих крестьян. Горожане начиная с XVII в. и до 1860-х гг. безуспешно боролись с дворянской и крестьянской конкуренцией и только в пореформенное время отчасти взяли реванш: они нередко сами открывали фабрики в сельской местности — поближе к сырью и дешевой рабочей силе, что сдерживало развитие городской промышленности.

Таблица V.9

Распределение предприятий обрабатывающей промышленности и рабочей силы между городом и деревней Европейской России в XVIII–начале XX в.

Показатель		1725		1775–1778		1813–1814		1868		1902	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число предприятий	в городах	42	78	263	60	2145	57	4455	41	7854	41
	в уездах	12	22	174	40	1586	43	6404	59	11311	59
Число рабочих (тыс.)	в городах	12	86	32	57	92	54	160	39	609	39
	в уездах	2	14	24	43	78	46	249	61	949	61

Однако если учесть, какова была доля сельских и городских поселений, являвшихся торговыми и промышленными центрами, то успехи деревни сильно поблекнут. В 1750-е гг. 84 %, а в 1850-е гг. 98 % городских поселений были торговыми центрами и более половины из них являлись также промышленными, в то время как в сельской местности около 0,5 % сельских поселений в середине XIX в. и около 1 % в начале XX в. являлись торговыми или промышленными пунктами с оборотами торговли и промышленности, как правило, меньшими, чем в городе. Таким образом, со временем города все более приобретали черты промышленного, торгового и культурного центра, а села и деревни, хотя некоторые из них также двигались в этом направлении, все же медленно приобретали черты городского поселения.

V.5. Численность городского и сельского населения

Данные о динамике численности городского и сельского населения почти за двухсотлетний период приведены в табл. V.10. Эти сведения лишь приблизительно отражают общие тенденции в изменении городского и сельского населения. Самое важное состоит в том, что с начала XVIII в. и до середины XIX в. происходило снижение процента городского населения (доля наличного городского населения за 1742–1856 гг. упала с 13 до 9 %), при том, что число городов, их средняя людность и абсолютная численность городского населения увеличивались. Однако из причин этого, на первый взгляд парадоксального, но повсеместно наблюдавшегося явления состояла в том, что городская смертность превышала смертность сельскую. Более высокий уровень смертности в городах объяснялся скудностью населения, способствующей распространению инфекционных

заболеваний; более плохими санитарными и гигиеническими условиями жизни; существованием вредных для здоровья профессий; наличием большого числа военных, особенно отставных, а также нищих, люмпен-пролетариев, среди которых наблюдалась повышенная смертность; более тяжелыми условиями городского труда; большим распространением пауперизма, преступности, алкоголизма и проституции.

Таблица V.10

Численность городского и сельского населения в Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–начале XX в.

Показатель	1742	1783	1825	1856	1869	1897	1910	1914
Городское постоянное население, без пригородов, тыс.*	1914	2677	3511	4320	5190	11914	13651	16346
Городское наличное население, с пригородами, тыс.**	2266	3210	4204	5203	6242	12065	16371	19508
Сельское наличное население, тыс.	15400	24500	42000	52400	59500	81400	102300	108200
Все население, тыс.	17400	27600	46200	57600	65700	93400	118700	127700
Городское постоянное население, без пригородов, %	11,0	9,7	7,6	7,5	7,9	10,7	11,5	12,8
Городское наличное население, с пригородами, %	13,0	11,6	9,1	9,0	9,5	12,9	13,8	15,3

*Постоянное население — постоянно проживающее в городах.

** Наличное — фактическое население городов на момент учета.

Слабая миграция крестьянства в города являлась второй причиной замедления урбанизации. Миграция крестьянства до 1861 г. ограничивалась рядом факторов. В XVIII – первой четверти XIX в. в связи с российской революцией цен в стране держалась благоприятная аграрная конъюнктура, под влиянием которой сельскохозяйственный промысел был выгоднее торгово-промышленных занятий. Более быстрый рост цен на сельскохозяйственную продукцию по сравнению с промышленной и общее отставание зарплаты от роста цен отрицательно сказывались на жизненном уровне городских жителей, занятых в промышленности и ремесле. Вследствие этого приток крестьянства в город замедлился, а в ряде мест наблюдался даже отток части горожан в деревню с целью заняться земледелием. Сдерживала переселение крестьянства в города также и интенсивная колонизация Новороссии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, принявшая громадные размеры с конца XVIII в., с выходом России к Черному морю и укреплением границ на Каспийском побережье. За 1782–1858 гг. в эти регионы мигрировало около 3,6 млн

человек, в основном крестьяне, и главным образом для освоения плодородных целинных земель. Поток колонистов увлекал из центральных районов потенциальных мигрантов в города и замедлял урбанизацию. Отрицательная связь между сельскохозяйственной колонизацией и городообразовательными процессами наблюдалась также в США, где под влиянием сельскохозяйственного освоения территории страны доля городского населения снизилась с 9–10 % в 1709 г. до 4–5 % в 1790 г.

До 1861 г. во владении крестьян находился значительный фонд земли, что препятствовало процессу раскрестьянивания, который обычно предшествует или сопутствует переселениям крестьян в города. Там, где возникал недостаток земли, он компенсировался неземледельческими занятиями крестьянства, в особенности временным уходом крестьян с мест постоянного жительства на заработки в районы развитой промышленности и торговли. Но отходничество, которым в 1860-е гг. занимались 1,3 млн крестьян, не приводило к стабильному росту городского населения. Если бы даже десятая часть отходников постоянно осела в городах, то доля горожан сразу поднялась бы на 2 %. Но само по себе наличие у крестьян значительного фонда земли не могло бы остановить раскрестьянивание и, соответственно, миграцию в города, если бы не сельская передельная община, которая гарантировала каждому новому работнику участок земли.

В России с большим опозданием сравнительно с западноевропейскими странами — только после Великих реформ — началась промышленная революция, а доиндустриальный город не мог предоставить работу значительному числу переселенцев из деревни из-за слабого развития промышленности и торговли, которые к тому же не имели тенденции концентрироваться в городах.

Рост городов до середины XIX в. сдерживался правительственной политикой. Во-первых, закон допускал торгово-промышленную деятельность крестьян не только в сельской местности, но и в городе, причем до 1812 г. она даже не облагалась промысловым налогом. Вследствие этого крестьянам, занимавшимся торговлей и промышленностью, невыгодно было переходить в городское сословие. В 1824 г. промысловый налог был распространен на крестьянство, с 1827 г. он стал равным ему. Именно с этого времени миграция крестьян в города усилилась и падение процента городского населения замедлилось. Важнейшим фактором, сдерживавшим миграцию крестьянства в города, являлось крепостное право.

После эмансипации урбанизация проходила все так же вяло — за 1856–1914 гг., до начала первой мировой войны, доля городского наличного населения увеличилась с 9 до 15,3 % — всего на 6,3 %. Во время войны, к лету 1916 г., под влиянием массовых переселений крестьян, призывавшихся в армию, в города доля городского населения увеличилась еще на 2,1 %. И это при том, что в пореформенной России проходила индустриализация, в деревне росло малоземелье и крестьянство испытывало большие экономические трудности. Чем же можно объяснить медленные темпы урбанизации в пореформенное время?

В значительной мере действовали те же причины, которые вызвали снижение доли городского населения в крепостное время, только в новых усло-

виях они приняли несколько другие формы проявления. Во-первых, после 1861 г. крестьяне сохранили лишь немного уменьшенный значительный фонд земель. Надельная земля постепенно выкупалась; естественно, крестьяне, вкладывавшие в разработку земли большие средства, всеми силами стремились ее сохранить за собой, в чем русским крестьянам сильно помогала передельная сельская община. Процесс раскрестьянивания был в значительной мере парализован. Даже те, кто постоянно жил в городе, воздерживались от разрыва с деревней. Многие из отходников, отправлявшиеся на заработки в город, оставляли свои семьи в деревне. В 1856 г. доля женщин в возрасте 16 лет и старше в городском населении Европейской России составляла 45,3 %, в сельском — 54,0 %, в 1897 г. — соответственно 45,4 и 54,2 %. Как видим, большое число мужчин в городе проживало без жен, а женщин в деревне — без мужей. Неженатые и незамужние временные жители городов не торопились вступать в брак; мигранты не закреплялись в городе, а рассматривали свое пребывание там как временное.

Второй фактор, замедлявший рост численности городского населения, состоял в том, что индустриализация носила «рассеянный» характер — она в равной степени охватывала город и сельскую местность, вследствие чего и урбанизация была «рассеянной». В городах начала XX в. годовое число крестьянских отходников примерно равнялось численности постоянного городского населения, но отходники, как правило, не считались при переписях горожанами. В 1897 г. 49 % всех мещан и купцов проживали в деревне, и многие из них во время переписей также не учитывались как горожане, поэтому доля городского населения составляла 12,9 %, а доля мещан и купцов в населении — 18 %. Многие сельские поселения по степени развития торговли и промышленности превосходили некоторые города. В 1910 г. в Европейской России насчитывалось 600 сел, которые по своему промышленно-торговому значению превосходили многие существовавшие города. В них проживало более 4 млн человек. Если бы население официальных городов увеличить на это значение, то доля городского населения поднялась бы до 17 %, а в 1916 г. — до 20 %.

Наконец, третий фактор, тормозивший пореформенную урбанизацию, состоял в том, что статус города приобретался поселением не автоматически, после достижения определенной людности или определенного уровня промышленного и торгового развития, как это было во многих других европейских странах, а по правительственному указу. Поскольку в России критерий разделения селений на городские и сельские был юридический, то тысячи селений, по демографическим или экономическим показателям соответствовавшие городу, оставались в разряде сельских. Если бы в России сельские поселения по достижении числа жителей 2 тыс., как в некоторых западноевропейских странах, автоматически переходили в число городских, то число городов (за вычетом тех, которые имели население менее 2 тыс.) в 1857 г. достигло 4 тыс., численность городского населения — 14,3 млн, а доля городского населения — 24 %, в 1897 г. число городов составило бы 5,6 тыс., численность наличного городского населения — 30,2 млн и доля городского населения — 32,3 %. И тогда Россия не казалась бы слабо урбанизированной страной.

Не все сельские поселения, насчитывавшие более 2 тыс. жителей, или все 600 сельских промышленно-торговых поселений действительно заслуживали названия города. Они, с точки зрения городской инфраструктуры, устроены были элементарно: представляли собой крупное промышленное заведение, окруженное бараками, или казармами, в которых жили крестьяне из окрестных деревень. Большинство таких поселений обладало только экономическим потенциалом малого или среднего города, но в них отсутствовала сколько-нибудь активная социальная и культурная жизнь, а образ жизни людей и уровень комфорта еще не соответствовали даже скромным стандартам российского города рубежа XIX–XX вв. Там не было ни театров, ни библиотек, ни собственной прессы. Там не было общества. В этих селениях не имелось ничего похожего на городскую думу или посадскую ратушу или даже на мещанскую общину. Жители не объединялись в какие-либо общественные корпорации, так как приписаны были к сельским общинам других сел и деревень, где нередко находились и их семьи. Они составляли только рабочую силу данного предприятия и находились в полной власти его хозяина. Лишь немногие из промышленных селений действительно были похожи на город. И все же фабрично-заводские поселки уже не являлись и деревнями, и получение ими от правительства статуса города, наверное, способствовало бы их полному преобразованию в город.

Правительство проявляло интерес к формированию новых городов главным образом по административным соображениям и во вновь колонизируемых районах превращало в города и такие села, которые по своему экономическому развитию и отдаленно не были похожи на города. Например, между 1825 и 1856 гг. в города были преобразованы 11 сельских поселений Саратовской, Таврической, Херсонской, Ставропольской, Курской губерний и Земли Черноморского войска. Образование новых городов требовало от правительства значительных средств, так как нужно было завести административные учреждения, увеличивать численность чиновников, на что всегда не хватало денег. В некоторых случаях имелось и другое препятствие — многие села до 1861 г. были частновладельческими и не могли быть превращены в города государством без согласия помещиков, а последние либо не соглашались, либо требовали огромный выкуп. Например, во время административной реформы 1775–1785 гг. правительство, не имея возможности выкупить промышленные села у помещиков, превращало в города государственные села, которые уступали по уровню экономического развития помещичьим.

Однако и после 1861 г. преобразования сел в городские поселения происходили так же редко — за 1863–1897 гг. на территории Европейской России появился всего 31 новый город. Чаще всего это делалось по инициативе правительства окраинных районов по административным соображениям, а в районах старого заселения — по почину самого сельского населения. Но инициатива снизу проявлялась редко, а когда проявлялась, наталкивалась на разные препятствия. Например, села Орехово, Зуево и Никольское Владимирской губерний не были преобразованы в города из-за того, что предприниматели, в руках которых находились промышлен-

ные селения, не захотели, чтобы «их» села преобразовывались в города, поскольку в этом случае возрастали налоги и издержки производства. Главная же причина, мешавшая получению поселением статуса города, состояла в том, что значительная часть крестьян, чьи доходы существенно зависели от сельского хозяйства, понесли бы большой ущерб. А для образования нового города необходимо было, чтобы две трети жителей поддерживали.

Итак, официальные данные о городском населении скрывали истинные размеры урбанизации в России, произошедшей после эмансипации, и преуменьшали степень модернизации России к 1917 г. Для получения полной картины необходимо учесть также масштабы *скрытой и рассеянной урбанизации*, которая происходила более быстрыми темпами, чем урбанизация официальная. Истоки рассеянной урбанизации заключались в том, что в течение нескольких столетий крестьянство было вынуждено обеспечивать себя всем необходимым, так как ближайший город находился в десятках, иногда в сотнях верст от места жительства. По этой причине, а также благодаря свободе любого промысла и особенностям климата, вынуждавшего земледельца на несколько месяцев в году забрасывать сельскохозяйственные работы, кустарная промышленность, сельское ремесло, промыслы и торговля стали неотъемлемой частью сельского быта. Интересно отметить, что в Финляндии, где крестьяне жили в сходных с российскими географических условиях, кустарная промышленность, сельское ремесло и торговля не получили широкого распространения в значительной мере потому, что в стране со времен шведского владычества действовали законы, ограничивавшие сбыт продуктов крестьянских промыслов, крестьянскую торговлю и ремесло. Аналогичные законы действовали в средневековой Западной Европе. Однако не только климат, но и государственные законы определяли ход урбанизации.

У.6. Социальная структура городского и сельского населения

В табл. У.11 приведены данные о социальной структуре городского и сельского населения, отдельно для приписного, или прикрепленного к населенному пункту, и наличного. Такой прием позволяет до некоторой степени судить о масштабах географической мобильности населения, связанной с тем, что горожане и селяне искали более выгодные сферы приложения труда и капитала. Абсолютные численности и соответственно доли отдельных сословий в составе городского и сельского населения существенно зависели от того, о каком — приписном (постоянном) или наличном населении идет речь, хотя направления в динамике того и другого, за исключением дворянства, были согласованными.

Как видим, социальная структура городского населения была более изменчива, чем сельского. В составе городского населения постоянно увеличивалась доля дворян, из которых формировалась не только бюрократия, но и интеллигенция, что отражало рост управленческой и культурной функций города и появление профессиональной интеллигенции. Доля духовенства сокращалась как среди городского, так и среди сельского населения. Таким образом проявлялась политика светской и церковной

властей, намеренно сдерживавших рост численности духовенства, с целью улучшить его материальное положение. Доля военных колебалась в зависимости от военной обстановки. Доля разных мелких социальных групп снижалась в результате того, что государство производило постоянные чистки их состава, прикрепляя членов данных групп к основным сословиям общества. Указанные изменения происходили в составе как приписного, так и наличного населения.

Таблица V.11

**Социальная структура городского и сельского населения
Европейской России без Польши и Финляндии
в XVIII–XIX вв. (в %)**

Сословие	Приписное городское население					Приписное сельское население				
	1744	1782	1811	1858	1897	1744	1782	1811	1858	1897
Дворянство	5,0	5,0	4,4	5,4	6,6	1,4	0,4	1,9	1,1	0,7
Духовенство	3,1	2,6	2,1	1,7	1,2	1,8	1,4	1,1	0,9	0,4
Городское сословие	44,0	35,7	44,5	56,2	46,4	2,2	1,3	1,5	2,3	6,0
Крестьянство	17,0	33,0	25,1	20,8	43,5	92,6	94,6	92,8	89,1	91,2
Военные	15,4	11,4	6,7	14,1	—	0,8	1,0	1,2	5,5	—
Прочие	15,5	12,3	17,2	1,8	2,3	1,2	1,3	1,5	1,1	1,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Наличное городское население					Наличное сельское население				
Дворянство	2,6	3,0	4,2	6,0	6,6	0,3	0,2	0,2	0,5	0,7
Духовенство	2,4	2,4	2,0	1,9	1,2	2,0	1,5	1,7	1,1	0,4
Городское	39,8	38,3	39,1	46,8	44,9	4,2	2,0	2,6	3,4	6,3
Крестьянство	32,0	37,6	38,3	30,4	45,0	90,6	92,0	90,5	87,3	91,7
Военные	10,0	11,9	11,8	12,4	—	2,0	3,4	3,5	7,7	—
Прочие	13,2	6,8	4,6	2,5	2,3	0,9	0,9	1,5	—	0,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Наибольший интерес представляют изменения численности крестьян и городского сословия. В составе горожан доля крестьян в XVIII в. увеличивалась, в первой половине XIX в. снижалась, а после эмансипации вновь увеличивалась. Причем среди наличного городского населения крестьян было всегда намного больше, чем среди приписного населения, — свидетельство постоянной миграции крестьян в город, которая то ослабевала, то усиливалась. Процент городского сословия изменялся в обратном направлении сравнительно с процентом крестьян — чем больше в городе было крестьян, тем меньше городского сословия, и наоборот. В конце концов к началу XX в. крестьяне в составе наличного городского населения стали самой многочисленной социальной группой — на их долю приходилось 45 % всех горожан. Но купцы и мещане взяли реванш на дере-

венских просторах. Их доля среди сельского населения постоянно увеличивалась, за исключением второй половины XVIII в., и к 1897 г. достигла 6,0–6,6 %. Причем в наличном сельском населении их было всегда больше, чем в приписном, что как раз и свидетельствует о росте миграции городского сословия в деревню.

Распределение представителей отдельных сословий между городом и деревней представлено в табл. V.12.

Таблица V.12

Распределение населения по сословиям между городом и деревней XIX в. (в %)

Сословие		1802	1857	1897
Дворянство	город	48,0	32,9	57,6
	деревня	52,0	67,1	42,4
Духовенство	город	11,1	11,1	28,5
	деревня	88,9	88,9	71,5
Городское	город	59,0	50,2	51,0
	деревня	41,0	49,8	49,0
Крестьянство	город	3,4	2,5	6,7
	деревня	96,6	97,5	93,3
Военные	город	21,9	20,9	—
	деревня	78,1	79,1	—
Прочие	город	20,6	11,9	28,4
	деревня	79,4	88,1	71,6

Дворянство до освобождения от обязательной службы в 1762 г. большую часть своего времени в зрелом возрасте проводило на службе. После 1762 г. служилые дворяне в основном проживали в городе, а неслужилые — в деревне. На рубеже XVIII–XIX вв. большая часть всего дворянского сословия уже проживала в деревне, а к моменту эмансипации крестьян — более двух третей. В пореформенное время наблюдался отток дворян из деревни в город, что указывало на их переквалификацию из помещиков главным образом в профессиональную интеллигенцию и чиновников. Соотношение духовенства, населяющего город и деревню, в крепостное время оставалось стабильным, после Великих реформ наблюдалось его перемещение в город главным образом в связи с тем, что избыточное духовенство находило работу в городе и что паства быстрее росла в городе, чем в деревне. Значительная доля городского сословия всегда жила в сельской местности, но если в XVIII в. это было около 40 %, то в 1802 г. — 42 %, в 1825 г. — 47 %, в 1857–1897 гг. — почти половина всех купцов и мещан. Как видим, на протяжении всего XIX в. деревня давала работу почти половине мещан и купцов. С другой стороны, значительное число крестьян находило работу в городе. Хотя в процентах относительно всего крестьянства эта цифра невелика, но в абсолютном выражении — весьма значительна: например, в 1858 г. — 1,2 млн, в 1897 г. — 5,4 млн человек. Крестьяне же составляли от 32 до 45 % наличного населения городов.

Чем занимались крестьяне в городе, а мещане и купцы в деревне? Каковы были взаимоотношения между крестьянами и некрестьянами в городе и деревне? В новых городах, образованных в XVIII–XIX вв., многие крестьяне-горожане проживали со дня их основания, так как не захотели перейти из крестьян в мещане. В городах, где таких крестьян насчитывалось несколько десятков, они жили, как правило, в отдельных слободах или предместьях, имели собственную наделенную землю, составляли крестьянскую общину и не входили в городское общество. В тех городах, где их оставалось мало, крестьянская община распадалась и крестьяне-горожане были вынуждены приписываться к ближайшей к городу сельской общине, поэтому они также не входили в городскую общину. Но поскольку крестьяне-горожане жили в черте города чересполосно с другими горожанами и имели собственный дом, то платили в городскую казну налог с недвижимых имуществ и все сборы, налагавшиеся на всех городских обывателей, — за уборку и освещение улиц, за содержание противопожарных команд и других служб городского хозяйства. Крестьяне-горожане чаще всего занимались земледелием, но если земли было мало, они переквалифицировались в торговцев и ремесленников. До 1870 г. крестьяне-горожане участвовали в принятии городским обществом решений, которые непосредственно их касались, а по Городовому положению 1870 г. — в городском самоуправлении на правах городских домовладельцев, если удовлетворяли цензам.

Вторая группа крестьян-горожан проживала в городе также постоянно, вместе с семьями, но по паспорту, выданному им сельским обществом, к которому они были приписаны. Эти крестьяне переезжали в город для занятий торговлей или ремеслом на основании купленных промысловых свидетельств. Они не входили в состав ни городских, ни сельских общин, если последние имелись в городе, и не участвовали в городском самоуправлении, но платили в городскую казну сборы, причитавшиеся с городских обывателей.

Крестьяне-отходники проживали в городе временно, по краткосрочному паспорту, как правило, без семьи. Обычно часть года они находились в деревне, часть — в городе, но иногда по несколько или по многу лет не покидали город. Большинство из них были заняты сезонными работами — строительством, разгрузкой судов и т. д., пополняли ряды лиц наемного труда — рабочих, прислуги, дворников, извозчиков и т. п. Они не имели никакого отношения к городскому обществу и не платили никаких налогов и сборов в городскую казну, не принимали участия в городском самоуправлении.

До эмансипации в городах в значительном числе вместе со своими владельцами проживали крестьяне-дворовые в качестве слуг, домашних ремесленников, поваров, артистов и т. д. По мере развития сферы услуг в городах и роста заинтересованности помещиков в увеличении доходов от оброка и барщины число таких крестьян уменьшалось. В 1730-х гг. на их долю приходилось 12 % всего городского населения, в 1802 г. — 8 %, в 1857 г. — 4 %.

Отношения между крестьянами-горожанами, с одной стороны, и мещанами и купцами — с другой, были мирными, так как строились на основе

закона и уважения прав друг друга. Городское общество постепенно ассимилировало крестьян-горожан благодаря бракам, соседским и деловым связям и отказу крестьян от земледелия. После 1870 г. сословные различия между крестьянами-горожанами и мещанами стали минимальными и ассимиляция происходила еще быстрее. Отношения горожан с крестьянами-отходниками в XVIII–начале XIX в., вплоть до 1824 г., были напряженными, особенно с теми, кто занимался торговлей и ремеслом, поскольку крестьяне, как правило, не платили налогов по городскому сословию. После введения обязательных платежей отношения стали более спокойными, но все же они никогда не были вполне хорошими прежде всего потому, что крестьяне составляли горожанам сильную конкуренцию.

Мещане и купцы в сельской местности большей частью проживали постоянно вместе с семьей в своих домах или у родственников. В 1801 г. они получили законное право покупать землю, а в 1822 г. — и дом в сельской местности. Как до, так и после Великих реформ мещане и купцы занимались торговлей, держали фабрики и заводы, арендовали мельницы, переправы, рыбные тони, содержали кабаки, харчевни и т. п. Некоторые арендовали или покупали землю и вели хозяйство фермерского типа, не входя в состав сельских общин. С 1842 г. по закону занимавшиеся сельским хозяйством должны были платить налоги и по городскому сословию, и по крестьянству. Однако большинство мещан и купцов, пользуясь слабым надзором полиции, проживали в деревнях без паспортов и налогов по крестьянскому состоянию не платили. Отношения между ними и крестьянами были большей частью мирными, крестьяне на них не доносили и не жаловались начальству. Меньшая часть мещан и купцов, занимавшихся преимущественно сезонной торговлей, находилась в сельской местности временно, но также имела тесные контакты с крестьянами как покупателями и продавцами. Тесно взаимодействовали крестьяне и с разночинцами, причем как до эмансипации, так и после нее.

Таким образом, крестьяне и некрестьяне всегда и везде — в городе и деревне — жили бок о бок, некрестьянские сословия никогда не концентрировались в городе. Совместное существование крестьян и некрестьян в каждом городском и сельском поселении приводило к тесным межличностным и культурным контактам, что подтверждается распространенностью межсословных браков. Если судить по данным о браках, заключенных представителями различных сословий, за 1764–1820 гг. в г. Екатеринбурге Пермской губернии, то наиболее открытыми условиями являлись духовенство и дворянство: в их среде совершалось наибольшее число межсословных браков — соответственно 82,7 и 78,4 %; наименее открытыми были городское сословие и крестьянство: доля межсословных браков равнялась соответственно 37,3 и 59,2 %. Доля браков, заключенных дворянами и духовенством между собой, составляла 20,2 %, мещанами, купцами и крестьянами между собой — 56,6 %, а доля браков между представителями привилегированных и непривилегированных сословий — 72,5 %. В результате тесного взаимодействия различных сословий, в особенности купцов, мещан и крестьян, на территории города формировалась единая субкультура городских низов и крестьянства, что почти единодушно отмечали современники.

В.7. От слитности к дифференциации и от дифференциации к интеграции

Город и деревня, горожане и крестьяне в течение XVII–начале XX в. испытывали большие перемены. До середины XVII в. город и деревня представляли собой единое в социальном, экономическом и культурном отношениях пространство. Это не значит, что города ничем не отличались от сел и деревень, однако между городом и деревней не было четкой правовой, культурной, социальной, административной и экономической границы. Благодаря этому различия в экономическом, общественном и домашнем быту городского и сельского населения были несущественными, а культура, сложившаяся к середине XVII в., была в принципе общей для городского и сельского населения. Может быть, только ученая культура клириков обладала некоторой спецификой. Благодаря этому в массовом сознании и менталитете отдельных социальных групп не наблюдалось заметных различий.

С середины XVII в. правительство в законодательстве и на практике стало вводить административные границы между городом и деревней, а также устанавливать социальные различия между городским и сельским населением. Одновременно с этим во второй половине XVII в. в быт высшего класса начала активно проникать западноевропейская материальная культура. Постепенное накопление предметно-обиходных новшеств западноевропейского происхождения готовило предпосылки для более широких культурных преобразований Петра I. «Часы, картины, покойная карета, музыкальный инструмент, сценическое представление — вот чем сначала мало-помалу подготавливались русские люди к преобразованиям», — отмечал С.М. Соловьев.

Под влиянием петровских реформ модернизация российского общества пошла более быстрыми темпами. Она затронула все стороны жизни, но более всего — городскую материальную культуру, а также государственные институты и учреждения. Реформы подтолкнули естественный процесс дифференциации города и деревни, который пошел активнее. Несмотря на полученное ускорение, потребовалось еще столетие, прежде чем в 1775–1785 гг. произошло размежевание города и деревни в административном, а городского и сельского населения в социальном отношении, и еще полстолетия для того, чтобы город четко отделился от деревни в экономическом отношении. Только после 1775–1785 гг. мещане, купцы и городские ремесленники превратились в городское сословие, и лишь к середине XIX в. большинство российских городов трансформировалось из аграрно-административных в ремесленно-промышленные и торговые центры. К 1861 г. дифференциация между городом и деревней достигла своего апогея в экономическом, юридическом и культурном отношениях, хотя и тогда город и деревня не превратились в противоположности. Однако одновременно происходил рост контактов между городом и деревней, потому что ввиду экономической специализации они стали более зависимы друг от друга, а ушедшая вперед городская материальная и отчасти духовная культура стала служить сельскому населению образцом для подражания. После эмансипации экономические и культур-

ные связи между городом и деревней усилились настолько, что создались предпосылки для постепенного объединения их в единое экономическое и культурное пространство, основанное не на полном сходстве, как это было до XVIII в., а на *интеграции экономически специализированных и взаимно нуждающихся городского и сельского сословий*.

Основные тезисы

1. В период империи городом назывался населенный пункт, признанный таковым официально государством. Города были иерархизированы и имели разные ранги. В городах складывался специфический уклад общественной жизни, они являлись центрами административной, судебной, военной и религиозной власти.

2. Число городов постоянно увеличивалось, но сеть российских городов была редкой сравнительно с таковой в европейских странах. Напротив, густота сельских поселений была достаточно высокой и со временем, несмотря на колонизацию, увеличивалась.

3. С начала XVIII в. и до середины XIX в. происходило снижение доли городского населения с 13 до 9 %, несмотря на то что число городов, их средняя людность и абсолютная численность горожан возрастали. Напротив, в пореформенное время доля городского населения увеличилась и к 1917 г. уровень урбанизации достиг 17 %.

4. Официальные данные о городском населении скрывали истинные размеры урбанизации и преуменьшали ее уровень. Для получения полной картины необходимо учитывать масштабы скрытой и рассеянной урбанизации, которая происходила более быстрыми темпами, чем урбанизация официальная.

5. В период империи дважды произошла радикальная трансформация функций городов и соответственно отраслевой занятости горожан: город XVIII в. был доиндустриальным, в первой половине XIX в. — прединдустриальным, на рубеже XIX–XX вв. — раннеиндустриальным. Столь же радикальные перемены произошли в характере труда, образе жизни городского населения, в значении городов в жизни страны.

6. Число сельских поселений увеличивалось, особенно быстро после отмены крепостничества, которое сдерживало естественное расселение крестьянства. После 1861 г. происходило разукрупнение больших населенных пунктов с целью облегчения доступа земледельцев к своей земле, а также вследствие стремления крестьян уйти из-под опеки общины и жить самостоятельно на собственной ферме.

7. Город и деревня развивались от слитности к дифференциации и далее к интеграции. До середины XVII в. город и деревня представляли единое административное, социальное, экономическое и культурное пространство; с середины XVII в. до 1785 г. происходило их постепенное разделение, и к 1860-м гг. город отделился от деревни во всех отношениях, в том числе экономически. В пореформенное время наметился процесс их интеграции, которая не успела завершиться к 1917 г.

Вопросы для размышления и повторения

1. Какие поселения в России считались городскими, какие сельскими; какие критерии для разделения тех и других действовали в западноевропейских странах?
2. Сколько было городских и сельских поселений и какова была их средняя населенность, как она изменялась со временем и от чего это зависело? Много ли было городов в России?
3. Почему темпы урбанизации в России имперского периода были низкими, что этому препятствовало?
4. Кто предпочитал жить в городе, жить в деревне и почему?
5. Чем город отличался от деревни в экономическом, административном, социальном, юридическом отношениях? Всегда ли город являлся противоположностью деревни?
6. Можно ли большие промышленные и торговые села считать городами, а малые административные и аграрные города — нет?
7. Что такое рассеянная урбанизация?
8. Чем занимались горожане и крестьяне, всегда ли город был сосредоточением промышленности и торговли, а деревня — местом занятия сельским хозяйством?
9. Какие сословия жили в городе, какие в деревне, чем отличалась социальная структура города от таковой в деревне и почему?
10. Как изменялась структура занятости городского и сельского населения со временем?
11. Как изменились численность и процент городского населения за последние 300 лет?
12. Чем объяснялось снижение процента городского населения в течение XVIII–первой половины XIX в., почему историки долгое время не замечали этого процесса?
13. Если процент городского населения снижался, можно ли говорить о дезурбанизация? Что это значило для России, можно ли считать это социальным регрессом?
14. Чем отличался образ жизни в городе и деревне? Можно ли, по крайней мере с точки зрения образа жизни, считать город противоположностью деревни?
15. Что такое городская революция, когда она завершилась на Западе и завершилась ли она в России в советское время?

Глава VI

Русская культура в коллективных представлениях

Ключевые понятия: *аутсайдер, воображаемое сообщество, дискурс, диспозиции личности, идеология, инсайдер, интериоризация, ментальность, мировоззрение, миропонимание, моральная экономика, повседнев, установка социальная.*

Школа Анналов ввела в научный оборот понятие «ментальность», которое, даже не будучи строго определенным, получило широкое распространение. Под ментальностями чаще всего имеются в виду стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, ценностные ориентации, а также значимые представления и взгляды, принадлежащие не отдельным личностям, а той или иной социально-культурной общности, тому или иному сословию, классу или социальной группе. Ментальности — парадигмы или модели восприятия, понимания и оценки действительности, выработанные общественным, или массовым, сознанием в рамках данной общности; они разделяются всеми или подавляющим большинством ее членов. Взятые в совокупности ментальности образуют *менталитет* — некую систему, нередко противоречивую, которая тем не менее обеспечивает отдельного человека моделью видения мира, способами постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться, глубинной программой деятельности, правилами или алгоритмами поведения, своего рода инструкциями на все или, по крайней мере, на важные случаи жизни. Русским эквивалентом слова «менталитет» могут служить два почти синонимичных слова — «миропонимание» и «миросозерцание», которые определяются в толковых словарях как совокупность (именно совокупность, а не система!) взглядов на мир, обеспечивающая то или иное понимание мира. Совокупность взглядов, приведенная в логически непротиворечивую систему, означает мироззрение.

В отечественной науке до конца 1980-х гг. более употребительными были близкие менталитету по значению понятия «социальная установка», или «аттитюд», и «диспозиция личности», означавшие предрасположенность человека к определенному восприятию и поведению. Считается, что явление установки было открыто немецким психологом Л. Ланге в 1888 г., разрабатывалось американскими социологами У. Томасом, Ф. Знанецким и др., а также российскими психологами и социологами Д.Н. Узнадзе, В.Н. Мясищевым, А.Н. Леонтьевым и В.А. Ядовым.

В 1980–1990-е гг. на Западе приобрел популярность постмодернизм. Его последователи полагают: язык является классификатором и организатором чувственного опыта; господствующие понятия и концепции определяют представления людей; культура может изучаться как язык, поскольку является формальной системой, которая накладывает на людей, бессознательно для них, свои концептуальные категории. Погруженные от рождения в определенную культуру, люди сначала вынужденно и неосознанно, чтобы понравиться окружающим, говорят правильные для дан-

ной культуры слова. Постепенно слова интериоризируются, т. е. становятся внутренними категориями индивидуального сознания. Так словесная артикуляция, или дискурсивная (речевая) практика, предопределяет мышление и в конечном итоге социальное и политическое поведение человека, его социальную идентификацию. Например, под углом зрения постмодернизма повседневная жизнь, или повседнев, может рассматриваться как совокупность дискурсивных практик, которые регулируют коллективные социокультурные действия. Если выявить дискурсивные практики, удастся реконструировать и сам повседнев, и коллективные представления. Социальная стратификация — также результат дискурсивной практики, так как зависит от того, какие категории используются в дискурсе — касты, сословия или классы. Система бытовых, семейных, религиозных, политических и прочих, явных и неявных коллективных представлений, которые образуют идеологию повседнева, тоже вырастает из дискурсивных практик. Если найти те правильные слова, которые артикулировала культура, то поймем культуру. Правильные слова со временем изменяются; но новые правильные слова также становятся категориями массового сознания и определяют поведение. В отличие от понятия «менталитет», которое игнорировало дискурсивное происхождение коллективных представлений, понятие «дискурсивная практика» подчеркивает активность слова, его творческие возможности конструировать реальность. Однако коллективные представления лежат в основе обоих понятий.

Итак, влияние языка, в рамках которого формируется человек, велико. Конечно, человека нельзя свести к словам: он — действующее существо. Наполеоном не является всякий шизофреник, называющий себя Наполеоном; настоящий Наполеон совершает наполеоновские поступки. Чтобы слово стало реальностью, оно должно адекватно материализоваться в поступках, и это не происходит легко: смысл одних и тех же слов не однозначен для всех, и совершить поступок, вполне адекватный слову, также трудно. Кроме желания и способностей, нужны умение и практика; то и другое приходит в условиях взаимодействия человека с другими людьми под действием социального контроля, применения санкций и поощрений. При слабом контроле, при недостаточном вознаграждении за правильные действия человек будет часто отклоняться от идеологических требований и совершать девиантные поступки. Значит, усвоение правильных слов — это только первый шаг в становлении человека определенной культуры, необходимо также совершать правильные действия. И все же найти слова, которые считались бы в данной культуре правильными, чрезвычайно важно — именно они помогают понять человека данной культуры и саму культуру. Если мы хотим артикулировать коллективные представления, нам нужно выявить, говоря по-марксистски — установки, диспозиции, или ментальные решетки, по-анналовски — ментальности, по-постмодернистски — дискурсивные практики относительно основных категорий культуры. Хотя эти понятия не тождественны, все они употребляются для обозначения коллективных представлений, создаваемых и незнанных, которые формируют и предreshают восприятие действительности и поведение человека.

VI.1. Коллективные представления крестьянства и городских низов в крепостное время

А. Крестьянство

В *устной культуре* коллективные представления хорошо отражаются в фольклоре и особенно в пословицах. Они, по выражению В.И. Даля, — «цвет народного ума, житейская народная правда, своего рода судебник». Пословицы суммировали народную мудрость, обобщали здравый смысл, наблюдения, размышления и опыт многих поколений. В них нашел отражение дискурс народа относительно основных проблем жизни. Конструируя специфическим образом социальную реальность, формулируя идеологию повседневна и устанавливая правила поведения, пословицы формировали весь жизненный уклад народа.

Русские пословицы (около 30 тыс.), собранные В.И. Далем во второй трети XIX в. и опубликованные в 1861–1862 гг., могут служить хорошим материалом для характеристики миропонимания не только крестьянства, но также и городских низов, потому что до 1860-х гг. пословицы были общими для всех непривилегированных слоев города и деревни. При их анализе будем использовать *семантический* подход, так как нас интересует значение, смысл пословицы, а не ее конструкция или употребление. Если пословицы предлагают две–три точки зрения на какую-то проблему, то будет указываться частота пословиц, выражающих различные взгляды (предполагая, что частота соответствует распространенности данной точки зрения).

В системе ценностей крестьянина по порядку важности находились достаток, понимаемый как удовлетворение скромных материальных потребностей, уважение односельчан, праведность жизни, дети. Счастье, или, как сказал бы современный человек, жизненный успех, состояло в том, чтобы прожить жизнь в труде, здоровье и достатке, но обязательно в соответствии с обычаями и традициями, завещанными предками, по правде и по совести, чтобы иметь большую семью и много детей, пользоваться уважением односельчан, не совершить много грехов, не уезжать из своей деревни и умереть на родине в кругу близких и друзей, успев покаяться перед священником в совершенных прегрешениях.

К власти и славе, в современном понимании этих слов, крестьянин относился равнодушно, к богатству — противоречиво. С одной стороны, он понимал, что деньги могут дать власть, силу и материальное благополучие. С другой, считал, что богатство — аморально, так как всегда нажито не по совести и правде, в ущерб другим и за счет других. Оно не приносит душевного спокойствия, наоборот, обладание им сопряжено с большими хлопотами, волнениями и страхом за свое будущее на том свете, в вечной потусторонней жизни. В комплексе пословиц о богатстве есть 12 пословиц, развивающих идею «богатство нажить — в аду быть», и ни одной пословицы, в которой содержались бы идеи о том, что богатство приносит моральное удовлетворение и является наградой за труды, энергию, инициативу. Разрешение этого противоречия крестьянин нашел в том, что материальные и духовные потребности должны быть минимальными: «Хлеба с душой, денег с нуже, платья сношу»; «Кто малым доволен, тот у Бога не забыт».

Взгляд на богатство predetermined потребительское отношение крестьянина к земле, собственности и вообще к труду. Крестьянам было чуждо понятие частной собственности на землю, хотя они признавали право собственности на движимое имущество. Земля представлялась им не объектом собственности, а условием труда, на которое имеет право каждый мужчина по достижении совершеннолетия. Землю крестьяне полагали Божьей, смотрели на нее как на общее достояние тех, кто ее обрабатывает, считали, что только труд, приложенный к земле, обращает ее во владение тех, кто на ней трудился. При крепостном праве крестьяне думали, что им принадлежит та земля, которая находилась в пользовании общины, в пореформенное время этот взгляд трансформировался — крестьяне стали считать, что им должна принадлежать также и помещицья земля.

Землю, принадлежавшую общине, крестьяне рассматривали как свое общее достояние, поэтому доходы и убытки от ее использования должны распределяться по справедливости, по совести, т. е. уравнилельно между всеми. Нарушение равенства воспринималось пострадавшим как ущерб не только материальный, но и моральный. Земля не подлежала ни наследованию, ни завещанию как собственность, но могла передаваться одним членом общины другому как объект временного пользования. Земля принадлежала всей общине в целом, передавалась в пользование не отдельному крестьянину, а *крестьянскому хозяйству, двору, семье*, причем временно, до тех пор, пока члены хозяйства на ней работали.

Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как на источник богатства и власти. По его мнению, собственность должна обеспечивать человека элементарными средствами к жизни. Использование ее для эксплуатации и обогащения греховно. Источником существования каждого человека должен быть личный труд. Накопление собственности не имеет большого смысла, так как не гарантирует общественного признания, уважения, не помогает достижению главных целей жизни, порождает эгоистические чувства и вражду, отвлекает от мыслей о Боге. Крестьянин негативно смотрел на ростовщичество и прибыль. Ему было свойственно понятие *справедливой цены*, которая компенсировала затраты, и чуждо понятие рыночной цены, которую устанавливает рынок, спрос и предложение. В 1850-е гг., после того как на водку установились цены, которые крестьяне считали несправедливыми, среди них распространилось трезвенное движение.

Труд должен быть умеренным («Подать оплачена, хлеб есть, и лежи на печи»), ибо работа сверх меры — своего рода алчность и не может быть богоугодным делом («У Бога дней впереди много — наработаемся»). Работа не имеет конца и края, поэтому важно не терять чувства меры и своевременно остановиться, чтобы оставить время для удовлетворения других, не менее важных духовных человеческих потребностей («На острую косу много сенокосу»; «На ретивую лошадку не кнут, а вожжи»). Одним из способов регулирования продолжительности рабочего времени являлись праздники; работа в эти дни считалась грехом, запрещалась, осуждалась общественным мнением и преследовалась не только по обычаю, но и по закону. Крестьяне полагали, что праздник —

не менее богоугодное дело, чем труд. Он не только позволял отдохнуть от тяжелого труда, но и предназначался для посещения церкви и исполнения религиозных обрядов.

Крестьянин был убежден, что от отдельного человека мало что зависит в жизни. Богатство и бедность — дар или наказание, ниспосланные Богом, а на Бога жаловаться — грех. Бог волен наградить милостью своей или наказать гневом своим. Его пути неисповедимы. Крестьяне были уверены, что не сам человек, не все люди вместе, не естественная эволюция, а *крестная сила* (Бог, ангелы, святые и т. п.), *нечистая сила* (черты, домовые и т. п.) и *неведомая сила* (огонь, вода и другие природные явления) определяли ход вещей в природе и обществе. Поэтому сборник заговоров являлся, по выражению Г.И. Успенского, «лечебником от всех болезней, помощником и указателем во всех житейских бедах, несчастиях и затруднениях, в том числе помощником и от начальства». Отсюда проистекали пассивность, равнодушие к будущему («Хватает каждому дню своих забот»; «Завтрашнему дню не верь!»), вера в чудесное избавление от всех бед и страданий, в доброго царя, словом, *вера в чудо*, которое может все переменить к лучшему. Вместе с тем крестьянин считал, что усилия отдельного человека могут быть предпосылкой для достижения жизненных целей. В комплексе пословиц по проблеме «кто определяет ход вещей и жизнь отдельного человека» в 39 пословицах утверждается мысль, что «все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом», в 21 пословице выражена идея: «чему быть, тому не миновать», в трех — «все во власти Божьей и государевой» и в 7 пословицах — «на Бога надейся, а сам не плошай». И все же общий итог размышлений на эту тему, по всей видимости, подводится в пословице: «Живи не как хочется, а как Бог велит». Другими словами, человек может жить, желать и вести себя по-особенному, «как хочется», но лучше жить по-Божьему, по правде и традиции.

По мнению крестьянина, если все люди равны перед Богом и царем, то и внутри общины должны быть равны: иметь равные права и обязанности, одинаковый достаток и т. д.; отклонения от равенства ведут к греху и потере уважения: «Богатство перед Богом грех, а бедность — перед людьми».

Крестьянин воспринимал время движущимся по кругу, циклическим, и соответственно этому представлял, что все в мире повторяется, а не изменяется. Отклонение от нормального, т. е. повторяющегося, хода вещей казалось ему чем-то исключительным, делом рук нечистой силы, результатом козней колдунов и потому временным и преходящим: «Обомнется, оботрется — все по-старому пойдет». Отсюда проистекали его недоверчивость ко всяким переменам, нововведениям, будь они хорошими или плохими, и традиционализм, который, по крайней мере, гарантировал сохранение того, чем человек обладает в данный момент. Крайние формы проявления традиционализма встречались у старообрядцев, которые, например, считали «предосудительным» всякий новый способ, облегчающий труд земледельца, так как верили, что «при уменьшении трудов в земледелии человек будет недостоин уже того, чтобы Господь одолжил его ниву», т. е. дал урожай.

Вместе с тем в фольклоре настойчиво проводится мысль о том, что прошлое лучше настоящего («Прежде жили не тужили; теперь живем — не плачем, так ревом»). Эта идея используется не для утверждения идеи регрессивного развития, а для осуждения настоящего плохого положения дел, которое стало следствием изменений, следовательно, для осуждения вообще всяких изменений, которые всегда ухудшают положение крестьян. Есть немало пословиц, прямо осуждающих изменения: «Много нового, мало хорошего, что новизна, то и кривизна»; «Все по-новому, а когда же по-правому?» Имеются 9 пословиц, выставляющих старину в качестве идеала и образца для подражания: «Как отцы и деды, так и мы»; «Отцы и деды не знали этого, да жили не хуже нашего». Цель крестьянской общины состояла в том, чтобы обеспечить воссоздание традиционного крестьянского строя жизни во всех отношениях — экономическом, демографическом, культурном и т. д. Поэтому любое деяние, способное нарушить обычай и традиции, как то: накопление денег, агротехническое нововведение, развитие грамотности — с точки зрения крестьян являлось неразумным. Вследствие этого они относились настороженно либо пренебрежительно к новшествам, осуждали личную инициативу, ставили препону развитию образования и т. д.

Крестьянство оценивало свою конкретную деревню, общину, родину как лучшее на Земле место для жизни. Из 53 пословиц, которые содержат оценку родины и чужбины, лишь в одной можно обнаружить предпочтение чужбине («Жить в деревне — не видать веселья»), в трех — идею равноценности родины и чужбины («Где не жить, только бы сыту быть»). Остальные 49 пословиц выражают привязанность и любовь к родной земле, на разные лады варьируя мысль, что «родимая сторона — мать, а чужая — мачеха». В 5 пословицах содержится мысль, что на чужбине можно попытаться найти счастье, но родину не любить — невозможно: «Ищи добра на стороне, а дом любви по старине».

Крестьянин верил, что община являлась источником правды и справедливости, надежной защитой от нарушителей обычая и традиции, от барина и чиновника, что она была самой целесообразной формой человеческого общежития («Крепче мирского лаптя мужику не найти»). Он не мыслил себя вне ее («Где у мира рука, там моя голова»), полагая, что только община в состоянии примирить разные интересы, найти приемлемое для всех решение и что как только погибнет община, так и крестьянство разорится и пропадет («Никакой мирянин от мира не прочь»). Вместе с тем сознаются трудности достижения общего согласия («Артели думой не владати. Сто голов — сто умов») и то, что сход, поддавшись какому-нибудь влиянию или эмоциям, может принять и неправильное решение («Мужик умен, да мир дурак»; «Силен, как вода, а глуп, как дитя» (о крестьянской общине)). Но этими двумя пословицами и ограничивается порицание общины, в остальных 19 пословицах, содержащих оценку общинной формы общежития, она считается наилучшей.

Земледельческий труд представлялся крестьянину наполненным большим смыслом, имеющим важное значение для всего государства («Мужик — Богу свеча, государю — слуга»). Он признавал, что все сословия

выполняли полезные функции: мужик живет и служит для того, чтобы пахать, косить, платить подати и всех кормить; барин — чтобы следить за мужиком, выколачивать недоимки и получать жалованье; священник — чтобы венчать, крестить, хоронить; монахи — чтобы за всех молиться; солдаты — чтобы охранять государство; купцы — чтобы торговать. Однако, по его мнению, именно крестьянин является центром святорусской земли, единственным кормильцем, остальные живут за его счет. Отсюда отношение крестьянина к другим сословиям как к дармоедам, которые сидят на крестьянском горбу, и требование к власти имущим, чтобы они обеспечили крестьянину достойное существование.

Славянофилы правильно указывали, что еще накануне отмены крепостного права крестьянство в своем миропонимании сохранило, если не во всей чистоте и неприкосновенности, то в значительной степени, предания, обычаи и нравы допетровского времени. А западник К.Д. Кавелин артикулировал это мирозерцание либеральным дискурсом следующим образом: «Крестьянин прежде и больше всего — безусловный приверженец обряда, обычая, заведенного порядка, предания. Весь его домашний и хозяйственный обиход предопределен тем, как его завели и устроили отцы и деды. Быт его меняется, но эти перемены являются в его глазах результатом деятельности судьбы и тайных невидимых сил, которые управляют жизнью. Полное отсутствие самостоятельности, безграничное подчинение тому, что приходит извне, — вот основной принцип всего мировоззрения крестьянина. Им определяется вся его жизнь. Его воззрения по принципу исключают творческую деятельность людей как источник материальных и духовных благ, как орудие против зол и напастей».

Таким образом, и с точки зрения инсайдеров-пословиц, и по мнению наблюдателей-аутсайдеров коллективные представления крестьян во многом соответствовали *традиционному христианскому мировоззрению*. Не случайно слово «крестьянин» имело два значения в древнерусском литературном языке и разговорном русском языке XVIII–XIX вв.: 1) крещеный, православный, житель Русской земли и 2) мужик, землепашец, земледелец.

Б. Городские низы

Горожане в социальных и культурных отношениях были намного разнороднее крестьянства, вследствие чего общая характеристика их представлений вряд ли возможна. Но если анализ ограничить теми, кто, по определению образованных современников, относился к простонародью, или к городским низам, т. е. к мещанам, ремесленникам и работным людям, а также крестьянам-горожанам, составлявшим вместе до 90 % всего городского населения в 1860 г., то общие представления можно обнаружить и артикулировать.

Современники постоянно подчеркивали деревенский характер семейного и общественного быта городских низов. И.Г. Георги в описании образа жизни петербургских жителей конца XVIII в., которые более, чем жители других городов, были затронуты европейскими влияниями, отмечал, что нравы и обычаи у простого народа изменились мало и только у

дворянской элиты — радикально. Корреспонденты Русского географического общества в 1840–1850-е гг. привели обширный материал, иллюстрирующий сходство быта и миропонимания крестьянства и городских низов малых и средних городов. Духовный уровень купцов и мещан Казани — крупного торгово-промышленного университетского города, находившегося в первой десятке российских городов середины XIX в., с населением около 60 тыс. был весьма похож на крестьянский даже в начале 1870-х гг. Нередко корреспонденты давали общую характеристику быта и нравов «простолудинов» города и его уезда, настолько мало имелось различий, отмечали, что «простонародье» города и уезда не имело особенностей в языке, что у тех и других был общий фольклор и, в частности, общий словарь пословиц.

В Нижегородской духовной семинарии в 1840-е гг. был составлен сборник религиозных предрассудков и суеверий, в равной мере свойственных городскому и сельскому «простонародью» (чтобы будущие пастыри были готовы бороться с ними). Чем меньше был город и чем больше его жителей занималось сельским хозяйством, тем меньше горожане отличались от крестьян. В малых городах, как и в деревнях, устраивались вечерки и посиделки, практиковались колдовство и магия, коллективные молебны по случаю засухи, архаические обычаи, встречавшиеся в деревне, такие, например, как опахивание города во время эпидемий и эпизоотий (в ночное время женщины запрягались в соху и проводили борозду вокруг города), коллективная проверка девственности невесты и пр. Последний обычай сохранился даже в некоторых крупных городах, например среди мещан г. Астрахани с населением около 50 тыс. жителей. Вот как описывает этот обычай современник в 1851 г. Сорочку новобрачной после первой брачной ночи выносили гостям. В неблагоприятном случае жених давал своей жене две оплеухи и наносил жестокие побои ее родителям, гости уходили, надорванная сорочка вывешивалась на шесте. Если сорочка имела надлежащие приметы, то 15 женщин устраивали скачки по астраханским улицам на шесте, во время которых их предводительница размахивала сорочкой как флагом. Языческие воззрения среди горожан малых провинциальных городов бытовали до начала XX в.

Известный в свое время социолог и экономист Н. Флеровский (1829–1918) в книге, опубликованной в 1869 г., дал правдивую картину быта и нравов «рабочего класса», к которому он относил всех работников физического труда и мелких торговцев — крестьян, мещан, ремесленников, кустарей и рабочих. Все эти группы населения, по его мнению, отличались сходством своего материального положения, домашнего и семейного быта и мировоззрения. «Во всех частях России, — резюмировал Флеровский свои наблюдения, — работник, несмотря на несомненные природные способности, в главных и общих проявлениях своей жизни всего более руководствуется стремлением к минутному удовлетворению своих потребностей без всякой мысли о будущем или предрассудками, которые он никогда не пытался анализировать или разоблачать. Можно сказать, что *рационально* он поступает только в необыкновенных случаях своей жизни, когда у него нет рутинного правила, которое закачивает до

дремоты его ум и его сердце. В промышленных губерниях он как будто пробуждается к жизни. Он впервые покидает это пассивное существование, в котором человек живет как живется, без страстных стремлений, без борьбы с жизнью, богатеет, если богатство легло случайно на его пути, беднеет точно так же. Он впервые выходит из той жалкой сферы, в которой каждый думает о своих потребностях только тогда, когда они явились, и удовлетворяет им первым попавшимся способом».

Таким образом, данные о занятиях, семейном и общественном быте, мировоззрении, брачных, похоронных и других обычаях, об играх и развлечениях, круге чтения показывают, что городские низы в подавляющем большинстве российских городов до середины XIX в., исключая немногие большие города, обладали примерно той же духовной культурой, что и крестьяне, хотя уже с конца XVIII в. начали различаться материальной культурой (одежда, жилище и т. п.). Различия не носили качественного характера. В сущности, горожане в целом, исключая немногочисленное образованное общество, и крестьяне являлись носителями единой народной, во многом сакральной культуры, только городские низы сравнительно с деревенским крестьянством были несколько менее традиционными, немного более грамотными и рациональными, более тесно связанными с рынком и потому более мобильными, больше ценившими деньги и собственность, более восприимчивыми к светской культуре, центрами которой считались большие города, главным образом Петербург и Москва.

Эта *общность культуры простолудинов* на первый взгляд может показаться парадоксальной. Городское сословие сравнительно с крестьянством находилось в привилегированном положении: оно обладало правом на частную собственность, было защищено законом, имело сословный суд, самоуправление, индивидуально вело свое хозяйство, купечество было даже освобождено от круговой ответственности. И несмотря на это, мещане, ремесленники и крестьяне-горожане, говоря по-постмодернистски, разделяли крестьянскую идеологию, т. е. имели общую систему взглядов. Они не были предпринимателями в истинном смысле этого слова. Подобно крестьянам, целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью — не богатство и слава, а спасение души. Накопление богатства среди них осуждалось общественным мнением. Протестантская экономическая этика была им совершенно чужда. Даже среди богатого гильдейского купечества можно было встретить людей, лишь отдаленно напоминавших предпринимателей буржуазного типа. Их профессионализм находился на низком уровне, примером чего служит способ подсчета издержек производства, к которым относились не только производственные, но и личные расходы семьи. Предпринимательской активности у купца хватало лишь до тех пор, пока он не достигал богатства. Идеалом разбогатевшего купца становилось не приумножение капитала и развитие производства, а комфортабельная, шикарная, тщеславная жизнь, наподобие той, какую вели богатые дворяне и которая вскоре приводила к разорению. Отсюда отсутствие длительной ответственности в семейном капитале: первое поколение создавало значитель-

ный капитал, второе поколение его в основном проматывало, а третье поколение, как правило, окончательно разорялось и опускалось до мещанства. Разорение наступало в результате ослабления предприимчивости, огромных непроизводительных расходов, благотворительности и широкого меценатства.

В крепостное время особой субкультурой, секулярной и буржуазной по своему существу, обладало только образованное общество, включавшее в основном дворянство и разночинную интеллигенцию. Эта прослойка четко отделялась от простого народа не только в социальном и культурном отношении, но и своими дискурсивными практиками. До середины XIX в. понятия дворянина, офицера, чиновника, землевладельца и образованного человека почти совпадали, так что присвоенные дворянству сословные права были в сущности принадлежностью всего контингента в известной мере образованных людей России. Это находило четкое отражение в дискурсивной практике — для простого человека все представители образованного общества относились к категории *барина*, а для образованных людей все остальные были *простолюдинами*, или *мужиками*. «Боярин и в рубище не брат. Такой сякой барин, а все не мужик», — говорила пословица.

VI.2. Коллективные представления крестьянства и городских низов в пореформенное время

«В жизни крестьянской общины изо дня в день идет глухая борьба двух противоположных течений: глубокого, органического, почти бессознательного стремления к солидарности, равеннию и общности интересов, с одной стороны, и тяжелого, развращающего произвола и экономического гнета — с другой», т. е. общинных и индивидуалистических начал, вся жизнь крестьян «происходит в атмосфере двоедушия и двуличия», — отмечал основную интригу развития пореформенной деревни народнический писатель Н.Н. Златовратский, проводивший в 1870–1880-х гг. полевые исследования. Мысль, что расчетливость и эгоизм становились главными мотивами поведения крестьян, проходила лейтмотивом в произведениях Г.И. Успенского и других писателей-«деревенщиков». Все современники единодушно зафиксировали, что изменения затронули каждую сторону мировоззрения.

До реформ крестьяне отрицательно относились к капиталистической прибыли в любых ее проявлениях. Еще в середине XIX в. находились крестьяне, которые «почитали за грех продавать хлеб — Божий дар». В 1870-е гг. для массы крестьян еще была чужда идея денежного займа под проценты и прибыли на капитал. Односельчане давали друг другу в долг продукты и деньги без роста. Ростовщичество считалось делом греховным, а на ростовщика смотрели как на человека, посягающего на благо ближнего. Землевладельцы и богатые крестьяне давали в долг деньги под будущую работу, ценность которой обычно превышала величину займа и поэтому фактически включала процент. Но все-таки это не была настоящая кредитная операция. Г.И. Успенский описал показательный случай, свидетелем которого он был. Старик-крестьянин пришел в банк, чтобы

сделать вклад-завещание для внука в размере 42 рублей, но при условии, что никаких процентов начислять не будут: «Росту мне не надо. Этого — сохрани Бог! Что положу, то и отдайте, а этого греха не возьму!» Старика долго убеждали, чтобы ради внука он согласился на начисление процентов. Когда его с большим трудом уговорили, он сказал: «Соглашаюсь! Пушай мой внук получит с ростом. Принимаю грех на себя. Потому Господь видит, времена подходят точно гонимые, лютые».

Однако «теория хищничества» входила «в моду в деревне», взгляды на деньги как на капитал прививались, что проявилось в отношении к кредитным институтам. Еще в 1870–1880-е гг. они считались *благотворительными учреждениями*. Крестьяне полагали, что задача этих учреждений состояла в том, чтобы делить пожертвованные в пользу крестьян деньги между всеми ими поровну. «Царь деньги всем прислал, значит, и делить нужно поровну», — заявляли крестьяне руководителям кредитных кооперативов. Но после революции 1905–1907 гг. произошел перелом: многие крестьяне наконец осознали и приняли идею займа и процента, и число кредитных институтов стало быстро расти. В 1896–1900 гг. они объединяли всего 160 тыс. человек, или около 0,2 % всех крестьян, на 1 января 1915 г. — почти в 60 раз больше — 9,5 млн, или 9 % всех крестьян. В 1915 г. большинство крестьян чуждались кредита и на вопрос: «Состоите ли в кредитном товариществе?» — часто слышался ответ, сопровождаемый вздохом облегчения: «Нет, слава Богу, и так своего хватает». Но масштабы распространения кредитных учреждений свидетельствуют о том, что принципы моральной экономики, которым долгое время крестьянство было привержено, стали колебаться. Представления народа о торговой прибыли и ценах на товары также становились рациональными: прибыль — плата за капитал и усилия купца, цены — результат соотношения спроса и предложения. Это можно считать прогрессом, поскольку в соответствии с народными взглядами, которые отразил известный народный политэконом начала XVIII в. И.Т. Посошков, цены товаров и денег, а также торговая прибыль устанавливались государем.

Комиссия для исследования нынешнего положения сельского хозяйства в России собрала в 1872 г. письменные сведения от 958 представителей местной администрации, священников, торговцев, землевладельцев. Общее мнение сводилось к тому, что после отмены крепостничества у крестьян отмечалось развитие самосознания, независимости, индивидуализма, особенно заметное в селах, имевших тесные связи с городом благодаря отходникам. Это проявилось в падении нравственности, ухудшении поведения, покушениях на помещичью собственность, неуважении к родителям, участвовавших семейных разделах, ослаблении уважения к церкви и религии, в «шегольстве», т. е. в стремлении заменить традиционную крестьянскую одежду городской, следовать городской моде. Социолог пореформенного времени Н. Флеровский дает следующее объяснение стремлению крестьянина к улучшению материальной культуры: «Ему стыдно плохо одеваться, жить в дурной избе, а действительно увеличить свой комфорт средств не хватает. Он приучается жить напоказ. Во всем, что можно скрыть, он подвергает себя величайшим лишениям, все семей-

ство будет у него голодать, дети будут умирать, — а у дочери будет шелковое платье, и избу он украсит резной работой. <...> Из последних сил бьется, самый тяжелый крест несет, чтобы быть не хуже других».

В 1902 г. информаторы Совещения о нуждах сельскохозяйственной промышленности с тревогой констатировали дальнейший рост тенденций во взглядах и поведении крестьянства, наметившихся в 1860-е гг., и считали необходимым корректировать их развитие через систему народного образования. За изменениями в поведении стояло новое мирозерцание, на что прямо указывали современники, например Кавелин, в 1870-х гг.: «Замечаются отступления от традиционного мировоззрения, — и мы здесь и там видим признаки нарождения другого, признающего участие человека в участии собственной судьбы».

Среди городских низов и молодых крестьян, тесно связанных с городом, изменение взглядов проявлялось рельефнее, что хорошо видно из анализа лубочной литературы, ориентированной на ее вкусы. До конца XIX в. свобода и порядок рассматривались народом как альтернативные категории: либо свобода, либо порядок. Этот конфликт персонифицировался в разбойнике, который восстает против власти и путем бунта добивается свободы. Поднимая бунт, разбойник противопоставлял себя царю, церкви и общине, в результате чего конфликт между свободой и порядком перерастал в конфликт между обществом и индивидом. В традиционных трактовках этой проблемы бунт считался незаконным, а свобода — нарушением общественного порядка. Бунт давал свободу, но она становилась тяжелым бременем для разбойника. Если он не раскаивался и не просил прощения, он погибал. Если раскаивался, то должен был попросить прощения у царя и совершить ряд подвигов во имя царя и церкви. Царь, народ, община всегда правы и сильнее разбойника-индивида. В произведениях, опубликованных после 1905–1907 гг., трактовка проблемы изменяется — противопоставление свободы и порядка исчезает. Новый герой — частный детектив — свободен, как разбойник, но он герой общественного порядка и справедливости. Детектив свободен, но не стоит вне общества, как разбойник, и не страдает комплексами одиночества и вины, а живет полнокровной жизнью и пользуется уважением.

На рубеже XIX–XX вв. кроме детектива появился другой новый рациональный активный герой, добивающийся жизненного успеха в жизненной борьбе благодаря личным усилиям. Он заменяет традиционного героя волшебной русской сказки, который полагался на магию и вмешательство потусторонних сил. В новой лубочной литературе для народа успех ассоциировался с богатством и комфортабельной жизнью в городе, а отнюдь не с крестьянским трудом. Контент-анализ показал, что успех имел несколько вариантов: усыновление богатым покровителем (20 % случаев), владение торговым или промышленным предприятием (20 %), получение статуса купца (18 %), удачная женитьба на богатой невесте (15 %), приобретение капитала (11 %), получение дворянства и слава артиста (6 %) и только на последнем месте — честный земледельческий труд (2 %). Достижение успеха обеспечивали образование и чтение (15 % случаев), труд, смелость, воля, энергия, способности, ум, хитрость (35 %), страдание, тер-

пение и честность (более 12 %), судьба (менее 9 %). Следовательно, новая литература превозносила успех личности за счет ее собственных усилий, артикулировала его независимость от судьбы и Божественного провидения.

Достижение успеха сопровождалось конфликтами, соперничеством, ревностью, напряжением в человеческих отношениях. Успех был сопряжен также с отречением от таких традиционных ценностей, как семья, община, сословие. Все это порождало у героя чувство вины и отравляло радость успеха. Традиционное противоречие между душевным спокойствием и успехом/богатством сохранялось. Чтобы сгладить это противоречие, народные писатели делали своих героев сиротами, что избавляло их от необходимости порывать с семьей и общиной, а сам успех рассматривали как возвращение потерянного или награда за долгое терпение и страдание. Однако для полноты счастья этого оказывалось недостаточно, так как народ в принципе подозрительно относился к успеху кого бы то ни было, полагая, что счастье одного достигается за счет благополучия другого. Чтобы помириться с людьми, удачливый герой жертвовал большие средства церкви, а также на благотворительность.

Таким образом, народная литература начала XX в. артикулировала, утверждала и, надо думать, отражала новое мироощущение, выражая новые взгляды если не всего народа, то продвинутой его части. Интересно, что новая лубочная литература публиковалась наряду со старой, которая в количественном отношении даже превалировала: в начале XX в. на долю традиционной религиозной литературы приходилось до 60 %, а на все прочие жанры — около 40 %. Это говорит о том, что новая идеология, хотя и довольно громко заявила о себе, не стала господствующей до конца периода империи.

VI.3. Традиция против модернизма

Формирование новых представлений происходило не только стихийно, под влиянием новых условий жизни; либеральная общественность и правительство принимали многообразные меры — создавали клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки, изобретали даже новые праздники и т. п., чтобы изменить традиционное мировоззрение народа. Но изменения происходили медленно вследствие инерции, свойственной всем сакральным образцам, идеалам и установкам сознания, и благодаря поддержке традиционной идеологии широкими слоями русской интеллигенции, а также церковью. Русская серьезная литература и пресса пореформенного времени пронизаны острой критикой буржуазного мировоззрения, отрицательным отношением к русской буржуазии, которая с середины XIX в., после знаменитых пьес А.Н. Островского и критических статей Н.А. Добролюбова, олицетворяла собой «темное царство», где господствовали произвол, насилие, жестокость, самодурство, невежество, преступление. Русская религиозная философия отрицала буржуазную этику и противопоставляла ей христианскую мораль. Известный философ В.Ф. Эрн в 1905 г. написал работу, доказывающую, что «личной собственности у верующих не должно быть. Кто не

отрешается от личной собственности, тот не христианин, а язычник». Русская церковь также проявляла активность, чтобы сохранить традиционное мировоззрение и удержать паству под своим влиянием. «Главная обязанность Ваша, благочестивые супруги, — наставляли священники вступающих в брак в начале XX в., — для настоящей жизни та же, какая лежит на каждом христианине, а именно: приготовление к жизни вечной через веру и соблюдение заповедей Божьих. Эту обязанность вы должны всегда помнить и носить в своем сердце. Старайтесь блюсти себя столь чистыми и святыми, чтобы ваши супружеские взаимные отношения не только не препятствовали вам в достижении спасения, но, напротив, содействовали и облегчали для вас шествие к небесному отечеству». И далее перечислялись традиционные обязанности мужа и жены, как и тысячу лет до этого. Попытки церкви приспособиться к новым условиям путем изменения доктрины были крайне редки. Активное и весьма популярное в среде интеллигенции общественное движение под названием «народничество» поддерживало тезис о самобытном историческом пути России, который избавит ее от ужасов капитализма. Вера в исключительность России, в возможность избежать язв буржуазного общества, разделяемая последними русскими императорами и консерваторами, была популярной и в правящих сферах до начала XX в.

Не были равнодушны и пассивны крестьяне. Они сопротивлялись проникновению светской, буржуазной культуры в свою среду. В крупных городах, откуда шли новые веяния, крестьяне создали институт землячества, благодаря которому крестьянам-отходникам удавалось до некоторой степени сохранять традиционные взгляды в условиях города. Новичок и на работе, и на досуге постоянно находился в обществе земляков, среди своих, и благодаря этому долго сохранял крестьянские социальные нормы поведения. «Оригинальность Петербурга заключается в том, — писал известный публицист В.О. Михневич в 1886 г., — что огромное большинство его жителей — торговая и промышленная масса — не ассимилируется и, живя иногда целый век здесь, редко отрешается от родного пепелища, свято храня все его обычаи и весь житейский склад. Такая характерная черта может быть объяснена тем, что здесь каждый, в работе или торговле, в товарищах или помощниках, встречает одних почти земляков, нередко родственников и односельчан». В Петербурге существовали общества взаимопомощи уроженцев всех губерний, которые давали наибольшее число отходников в столицу, — Олонецкой, Вологодской, Костромской, Рязанской, Тамбовской, Архангельской, а отходники из Ярославской губернии имели даже три благотворительные организации. Землячества не могли, конечно, парализовать влияние города на мигрантов. Отходники не являлись непроницаемой для внешних влияний кастой и со временем знакомились и усваивали городские стандарты мышления и поведения.

Сельские общины в ответ на развитие отхода усилили свое вмешательство в жизнь крестьянских семей и в особенности крестьян-отходников, предпринимая изоциренные меры для сохранения контроля над ними, что замедляло разрушение традиционной крестьянской культуры. Ярким примером самозащиты крестьянства от разрушающего влияния образо-

вания на молодое поколение является следующий факт. Родители совершенно сознательно разрешали своим детям учиться в школе лишь 1,5–2 года, чтобы не потерять над ними полный контроль и чтобы дети «не испортились». Дети успевали овладеть минимальной грамотностью, которая не позволяла им слишком подняться над родителями в интеллектуальном отношении. В записках И. Столярова, крестьянина по происхождению, родившегося в 1874 г. и проведенного в воронежской деревне детство и юность, который стал впоследствии инженером-агрономом, находим много наблюдений о борьбе традиций с модернизмом, в том числе и на ниве дискурсивной практики. «Русский народ был так сильно привязан к традициям, — свидетельствует И. Столяров, — что недоверчиво относился ко всем новшествам. <...> Крестьянство не спешило идти по стопам города. Оно продолжало еще питаться соками старины. Разрыв между городом и деревней был не только экономический, но и психологический и даже языковой. Культурный городской слой плохо понимал язык деревни и даже отвергал его, а деревня совсем перестала понимать городской культурный язык. Они плохо понимали друг друга и расходились, не договорившись ни до чего. <...> В ответ на наступление города деревня насторожилась, стала пассивно сопротивляться, но иногда сопротивление было активное».

Несмотря на защитные меры, город мало-помалу оказывал «разлагающее» влияние на отходников, а через них — сначала на материальную, а затем и на духовную культуру деревни. Отходничество расширяло кругозор, повышало общий культурный уровень, делало крестьян восприимчивыми к иным системам ценностей и способам поведения, к новшествам. До эмансипации, отмечал Н.Н. Златовратский, идеалами крестьянина были терпение, самопожертвование, солидарность, равенство, справедливость и взаимопомощь, а после реформы на смену им шла «умственность», как говорили крестьяне, т. е. рациональность и расчет. Златовратский считал, что «умственность» шла в деревню из города. «Умственный мужик и душой, и мыслью тяготеет к городу: там ключ к экономическому благосостоянию и гарантия человеческих прав». Именно крестьяне-отходники, а среди них особенно молодежь, являлись «пионерами городской культуры», которая «рушит заветы старины, сложившиеся веками; воспринимая ее, крестьяне, особенно молодежь, начинают презрительно относиться к старым дедовским обычаям, которые дали русскому народу и форму общежития (общину. — *Б. М.*) и веками выработали его мировоззрение. Семейное начало с каждым годом слабеет все более и более, правовые воззрения, выработанные и проверенные веками, забываются, свое родное мировоззрение заменяется чуждым, наносным. Лишь малейшее облегчение сношений глухого уголка с центром — сейчас же замечается падение нравов, падение всякого уважения к старине и стремление, хотя бы внешним образом, походить на носителей так называемой культуры». Влияние города было тем заметнее, чем ближе находилась сельская местность к крупным городским центрам, чем удобнее с ними была связь и чем больше крестьян занималось отходничеством; наоборот, чем глуше село, уезд, деревня, чем дальше от центров культуры, тем лучше сохранялся пасторальный взгляд крестьянина на жизнь.

Однако во взаимодействии города и деревни есть обратная сторона, на которую мало обращается внимания — крестьянство не было пассивной средой, лишь испытывавшей «разлагающее» городское влияние, — оно само весьма активно влияло на горожан. В крепостную эпоху вследствие незначительности миграции это влияние было незначительным. Но в пореформенное время поток мигрантов из деревни усилился. Например, в Петербурге число жителей за 1869–1900 гг. увеличилось с 668 тыс. до 1248 тыс., в том числе на 69 % за счет мигрантов и лишь на 31% за счет естественного прироста уроженцев города. И это повлекло за собой *окрестьянивание* горожан как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни. Мигранты и их потомки не успевали перевариться в городском котле и освободиться от деревенских понятий и потому утверждали в городе деревенские стандарты поведения, что находило многообразные проявления. Грамотность населения в больших городах, куда направлялся основной поток мигрантов, росла медленнее, чем в малых городах или в деревне. Например, грамотность петербургского населения обоего пола в возрасте старше 6 лет за 1869–1900 гг. возросла с 60 до 70 %, или на 10 пунктов, а грамотность всего населения Европейской России в возрасте старше 9 лет за эти же годы — с 19 до 33 %, или на 14 пунктов, в том числе сельского населения — с 16 до 26 %, или на 13 пунктов. Влияние сельских мигрантов сказалось на демографическом поведении горожан, в особенности в крупных городах: увеличилась доля лиц, состоявших в браке, и вариация браков и рождений по месяцам, приближаясь к сельской модели; уменьшились доля холостых и неженатых, доля конфессионально-смешанных браков, средний брачный возраст. Так, средний возраст вступления в брак в деревне и у мужчин и у женщин слегка повысился, а в городе у мужчин понизился, а у женщин слегка повысился; в больших городах, где больше было мигрантов из деревни, наблюдалось снижение возраста и у женихов и у невест, причем более существенное, чем в прочих городах, в чем наглядно проявилось воздействие сельских стандартов на город, а городских — на село (табл. VI.1).

Таблица VI.1

Средний возраст вступления в брак городского и сельского населения Европейской России в 1867 и 1910 гг.

Население	1867		1910	
	м.	ж.	м.	ж.
Сельское	24,3	21,3	24,8	21,6
Городское	29,2	23,6	27,4	23,7
Петербурга	31,3	25,5	28,6	23,9

В городах приживались деревенские стандарты социального и политического поведения. Так, в 1906 г., после Манифеста 17 октября 1905 г., возвестившего начало политической свободы, в Министерство торговли и промышленности начали поступать многочисленные ходатайства об учреждении профессиональных союзов. С подобной просьбой обратились

и сапожники г. Уральска (41 тыс. жителей). К своему заявлению они приложили примерный устав, который главной целью Союза ставил «стремление к улучшению материального положения и содействию умственной и нравственному развитию своих членов». Для достижения этих целей в уставе предусматривалось: а) принимать на свою ответственность заказы от частных лиц и учреждений, б) *распределять заказы между членами равномерно и безобидно для более нуждающихся*, в) наблюдать за своевременностью и добросовестностью исполнения заказов, г) устроить совместную закупку материалов и других предметов, необходимых для ремесла, д) устроить комиссионную продажу своих изделий с выдачей авансов, е) открыть общественную лавку для продажи работ своих членов и материалов, необходимых для ремесла, ж) *открыть общественную мастерскую*, з) оказывать всевозможную помощь нуждающимся своим членам, и) заботиться и предпринять все, что Союз найдет возможным *для умственного и нравственного развития членов и их семей*, к) иметь *товарищеский суд* для улаживания недоразумений между членами и их рабочими, а также между членами их семей, л) *обсуждать неблагоприятные поступки членов*». Исключению из Союза подлежали лица, которые действовали во вред ему, после трехкратного несвоевременного или недобросовестного исполнения заказа, а также «в случае *чрезмерного злоупотребления алкоголем и нехорошего, несправедливого отношения к своим рабочим, ученикам, семье* (курсив мой. — Б. М.)». Соблюдение устава должно было бы превратить Союз в некий симбиоз средневекового цеха и сельской общины, в котором каждый член находился под всесторонней опекой Союза. Если принять во внимание, что в составе жителей Уральска крестьяне и казаки составляли 79 %, а купцы и мещане — 8 %, то удивляться этому не приходится.

Особенно большое влияние крестьяне-мигранты оказывали на рабочий класс, который в пореформенное время примерно на 80 % рекрутировался из крестьян и лишь на 20 % из представителей других сословий, преимущественно мещан и ремесленников. В конце XIX—начале XX в. рабочие по уровню духовного развития были очень похожи на крестьян, в чем, несомненно, сказалось их крестьянское происхождение. Они были религиозны, в принципе лояльны существующему строю и хотели улучшения своей жизни в рамках этого строя. Рабочие понимали самодержавие как произвол администрации, а не как государственное устройство. Представления о социализме в их среде были неопределенны. Сколько-нибудь сильного стремления стать собственниками не наблюдалось, а к чужой собственности отношение было негативным. Воровство изделий и деталей с предприятий было таким же массовым явлением, как кража крестьянами помещичьего леса, сена, фруктов, плодов, и рассматривалось как источник дополнительного заработка. Крестьянские корни рабочих обнаруживаются во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению и т. д. В рабочей среде сложились обычаи, кото-

рые во многих случаях являлись репликой крестьянских обычаев в условиях промышленного предприятия («замочка машин», «засидки», «спрыск», «могарыч», «посиделки» в рабочее время, «пропой», кулачные бои, самосуд, женские сходки). Некоторые оригинальные обычаи: «вывоз на тачке мусора», первомайские демонстрации, «красные похороны» — вряд ли указывают на постепенное превращение рабочих в особую социальную группу.

Нет достаточных оснований считать, что *большинство* рабочих осознало или хотя бы ощущало себя особым сословием или классом. Напротив, большинство прочно сохраняло в своем сознании традиционные общинные ценности, под влиянием которых сложились *де-факто* рабочие коллективы, воспроизводившие в специфических условиях промышленного предприятия самоуправляющиеся сельские общины. В 1905–1907 гг. рабочие пошли дальше — они требовали утверждения за ними права на рабочее самоуправление по образцу крестьянского самоуправления *де-юре*. Общинные традиции отчетливо проявились также в антибуржуазной направленности рабочего движения, которую оно отчетливо продемонстрировало в годы первой российской революции. Патриархально-патерналистские отношения между хозяевами и рабочими господствовали до 1905 г. даже среди самой грамотной прослойки кадровых рабочих полиграфической промышленности, менее всего связанных с крестьянством. Таким образом, мировоззрение рабочих (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых сознательных рабочих) оставалось в целом в рамках традиционных крестьянских представлений. И хотя революция 1905–1907 гг. произвела его корректировку, она не была радикальной.

Легко понять, почему рабочие стали легкой добычей социал-демократов, а крестьяне в деревне — добычей социал-революционеров. Социалистическая программа по своим целям и средствам их достижения полностью соответствовала их представлениям о справедливой жизни и средствах ее достижения. Ее принципиальные пункты в 1917 г. включали насильственную экспроприацию собственности и передачу ее рабочим, введение рабочего контроля и передачу власти советам. Эти требования были рождены отнюдь не пролетарским сознанием рабочих, они отражали парадигмы крестьянского массового сознания, адаптировали к новым городским условиям принципы, на которых строилась жизнь сельской передельной общины, а также частично цеха и мещанской общины до Великих реформ. В требовании насильственной экспроприации, с одной стороны, отражалось убеждение крестьян, что если не собственность, то уж во всяком случае богатство есть кража, с другой — проявлялось крестьянское обычное право, допускавшее самосуд над ворами; в требовании рабочего контроля легко просматривается многовековая практика контроля общины над хозяйственной деятельностью ее членов; в требовании ввести советы слышится желание ввести самоуправление наподобие крестьянского общинного самоуправления, во главе которого много веков стоял крестьянский сход. Не случайно и рабочий контроль как подготовительный этап к экспроприации заводов и фабрик, и советы как форма политической организации рабочих были придуманы самими рабочими.

Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине и все члены пользовались землей на равных основаниях, производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян, всей жизнью крестьян руководил сельский сход. Начиная с 1861 г. сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы — «черный передел», т. е. экспроприация всех частновладельческих земель, и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян, в пользу крестьянской общины.

Таким образом, крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов его достижения была принесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом. Предрасположенность к социал-демократической программе обеспечила успех социалистов в среде рабочих, а большая организационная работа большевиков, но, главное, бедствия двух неудачных войн подряд превратили рабочих крупных городов в движущую силу революции. Сами большевики не обольщались на этот счет. В.И. Ленин писал в 1917 г.: «Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть, очень короткое время застрельщиком революционного пролетариата всего мира».

VI.4. Коллективные представления интеллигенции и буржуазии в пореформенное время

О широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений хорошо известно. Однако какова была степень, глубина и динамика таких настроений, остается открытым вопросом. Для выяснения этого произведен анализ биографического материала, помещенного на страницах самого популярного среди интеллигенции России в 1870–1918 гг. «тонкого» еженедельного журнала «Нива». Его тираж, вначале не превышавший 9 тыс. экземпляров, достиг к 1880 г. 55 тыс., к 1891 г. — 115 тыс., а к 1900 г. — 235 тыс. экземпляров. «Нива» формально являлась беспартийным «иллюстрированным журналом литературы, политики и современной жизни», как значилось на титульном листе каждого номера, либерального направления. Издатели стремились придать ему «значение русского семейного журнала, в котором каждый член семьи мог бы найти чтение по себе, занимательное и полезное, нравственно-успокаивающее и развлекающее». Издатели ставили своей задачей всеми доступными средствами способствовать просвещению страны, поэтому «Нива» много печатала материалов воспитательного характера, дававших молодому поколению жизненные ориентиры, образцы поведения, нравственные идеалы. Особое значение для выполнения этой задачи имели биографии, которые заняли важное место на страницах журнала: за период 1870–1913 гг. было помещено 7946 статей, некрологов и заметок биографического характера.

В нашем контексте особенный интерес представляют биографии предпринимателей, авторы которых должны были прямо высказывать свое отношение к ценностям и стандартам *буржуазного* поведения. В общей массе

биографических материалов заметки о предпринимателях занимали незначительное место — 1,4 % в 1870–1899 гг. и 1,2 % — в 1900–1913 гг. Однако их анализ дает интересные результаты.

Всего за 44 года напечатано 106 материалов о предпринимателях, но частота их появления со временем возрастала: в 1870-е гг. в среднем в год публиковалось 0,4; в 1880-е гг. — 1,2; в 1890-е гг. — 3,4; в 1900–1913 гг. — 4,0 материала. Просматриваются некоторые изменения и в их подаче. Биографии можно разделить на две группы. В первой бизнесмены представлены личностями с подозрительной репутацией, их деятельность оценивалась негативно и порицалась за то, что во главу угла ставила личное обогащение и не отвечала высоким моральным критериям. Подобных материалов имелось всего 16 из 106, и все они были напечатаны в 1870–1880-х гг.

Во второй группе, включающей 90 материалов, бизнесмены выглядят положительными личностями. Но в основе позитивной оценки лежала не их предпринимательская деятельность сама по себе, а то, что она либо имела патриотическую направленность (имела целью развитие отечественной промышленности), либо служила высоким идеалам науки, искусства, просвещения, либо совмещалась с меценатством, благотворительностью и заботой о ближнем. В заметке о столетии торговой фирмы братьев Елисеевых отмечалась благотворительность, но особо подчеркивалась роль фирмы в установлении международных торговых связей России. Книгоиздатель К.Л. Риккер заслужил положительную оценку как «издатель-гуманист» и глава «прекрасного и высокополезного дела». В некрологе, посвященном «хлебному королю» Н.А. Бугрову, отмечена его редкая по масштабам благотворительность: «Нижегородская беднота потеряла в нем родного отца, толпы народа со слезами шли за гробом». Немецкий «пушечный король» А. Крупп «оправдал дело разрушения — делами созидания. Он организовал прекрасные благотворительные учреждения для своих рабочих и много жертвовал во всех направлениях и сферах», — говорилось в заметке по случаю юбилея фирмы. В большинстве случаев авторы биографий даже скрывали от читателей, что их герои — предприниматели. Последние представлялись общественными деятелями, помогающими организации научных экспедиций (А.М. Сибиряков или Ф.П. Рябушинский), выдающимися изобретателями (Э.В. Сименс, Р. Фультон, Дж. Стефенсон, братья Э. Нобель и А.Б. Нобель, Т. Эдисон, Д. Уатт и др.), знаменитыми писателями, журналистами (А.С. Суворин, М.М. Стасюлевич, Ф.А. Иогансон и пр.), основателями музеев (П.И. Щукин, Ф.М. Плюшкин). Книгоиздатели «зажигали свечи в душах людей», коммерсанты и промышленники жертвовали огромные суммы на общественные нужды, банкиры действовали в интересах общества, защищали бедных и т. д. Настойчиво проводилась мысль о том, что предпринимательская деятельность заслуживает общественного одобрения только в том случае, если она честная и если капитал, на котором она основана, имел «чистое» происхождение. Фирма братьев Елисеевых начала с нуля и разбогатела «энергией, умом и любовью к работе», Н.А. Бугров — «крестьянин-самородок», «патриархальный простой человек» начал дело с «маленького

предприятия», «вел дело попросту, на честное слово, и не признавал никаких формальностей». Американский предприниматель П. Морган сам и честно добился богатства «изумительной предприимчивостью, силой воли и трудолюбием».

В биографиях, посвященных представителям науки, искусства, литературы, религии, общественным деятелям, отношение к светским ценностям обнаруживается не менее четко. Все они отвечали самым высоким моральным стандартам, являлись людьми, бескорыстно служащими интересам общества, чуждыми сребролюбия, сострадавшими ближним, для которых общественные интересы имели приоритет над личным благополучием, духовные потребности — над материальными. В 1870–1890-е гг. наибольшей похвалы авторов заслуживали герои, близкие образу христианского аскета-подвижника, которые не стремились к богатству, а в случае, если им располагали, добровольно отказывались от него в пользу страждущих или жертвовали его на удовлетворение общественных потребностей. Положительные герои были чужды индивидуализма, который чаще всего ассоциировался с эгоизмом, неприемлемым этически. Если они действовали в одиночку, то их усилия направлялись на моральное самоусовершенствование и развитие творческих способностей с целью использования их для общественного блага. Помимо альтруизма в качестве необходимых черт истинно положительного героя выдвигались скромность, отвращение к саморекламе, равнодушие к богатству, отсутствие в мотивах поведения каких-либо меркантильных интересов. Стремление к богатству как жизненная цель отвергалось, поскольку богатство связывалось с нечистоплотностью, аморальными поступками и потерей доброго имени. В 1891 г. в некрологе, посвященном историку искусств П.Н. Петрову, предлагалось поставить ему памятник с надписью: «Жил честно, целый век трудился — и умер гол, как и родился», — так как она прекрасно характеризовала его безупречную деятельность.

Однако в начале XX в. на страницах «Нивы» образ героя-аскета исчезает, не встречаем мы и осуждения стремления к богатству. В 1909 г. журнал решился на невозможную прежде рекламу книги «Кратчайший и доступный каждому путь к богатству», написанную, как сказано в рекламе, «человеком, которому удалось достичь успеха». Но бескорыстное служение обществу по-прежнему оценивалось очень высоко. В некрологе, посвященном директору Варшавско-Венской железной дороги Н.Д. Лапчинскому, в заслугу ему поставлено, что «он принадлежал к неудобному разряду людей, которые сами не хотят и другим не дают богатеть».

Таким образом, «Нива» артикулировала, распространяла, но и отражала антибуржуазные взгляды своих читателей, о чем говорит стойкая и возрастающая со временем популярность журнала. Контент-анализ материалов журнала свидетельствует о непопулярности среди широких образованных кругов российского общества буржуазного типа личности и неприятия таких базисных буржуазных ценностей, как богатство, слава, власть, влияние, личный успех, индивидуализм. Мировоззрение читательской аудитории, состоявшей в значительной степени из русской интеллигенции, но, судя по тиражу журнала, включавшей и более широкие слои

среднего класса русского общества, было явно антибуржуазным. Для бизнесменов это не являлось секретом. Известный московский предприниматель и общественный деятель начала XX в. П.А. Бурыйшкин в своих воспоминаниях писал: «Нужно сказать, что в России не было того культа богатых людей, который наблюдается в западных странах. <...> Во всех некупеческих слоях — и в дворянстве, и в чиновничестве, и в кругах интеллигенции, как правой, так и левой, — отношение к “толстосумам” было в общем малодружелюбным, насмешливым и немного “свысока”. Торгово-промышленники отнюдь не пользовались тем значением и не имели того удельного веса, которые они должны были иметь благодаря своему руководящему участию в русской хозяйственной жизни и которыми пользовались их западные, европейские и особенно заокеанские коллеги в своих странах».

Вместе с тем постепенно со страниц журнала исчезло отрицательное отношение к деятельности предпринимателей. Наиболее существенное изменение состояло в том, что стала признаваться положительная роль богатства при наличии у его обладателя высоких идей духовного порядка и желания использовать его на благо человечества, в целях благотворительности, поддержки науки, искусства и просвещения. Несмотря на эти компромиссы, «Нива» и в начале XX в. не содержала апологетики предпринимательства и личного успеха, не рекламировала преуспевающего бизнесмена, миллионера, человека дела, сильной личности, капитана индустрии, который добился жизненного успеха, славы и богатства в качестве основы счастья, как это делала литература и журналистика в США и западноевропейских странах в конце XIX—начале XX в. «Нива» не отказалась и от традиционных идеалов беззаветного и бескорыстного служения обществу. Новые идеалы не вытесняли традиционные, а сосуществовали с ними, более того — традиционные идеалы даже корректировали их.

Таким образом, несмотря на то что образованное общество отличалось значительной материальной дифференциацией, низким уровнем сплоченности и организованности, а его представители придерживались различных политических и идеологических ориентаций, значительная, а возможно, и большая часть образованного общества — юристы, врачи, литераторы, художники и т. п., земская и научно-техническая интеллигенция, служащие негосударственных организаций и другие лица умственного труда — имела не только некоторые общие черты, а скорее всего, общее антибуржуазное по существу народническое мировоззрение. Так продолжалось до 1917 г., хотя 97–98 % интеллигенции были беспартийными. Народничество русской интеллигенции означало, что она разделяла утопические представления русского народа о возможности построения справедливого общества по образцу сельской передельной общины — на основе всеобщего согласия, равенства, взаимной поддержки и коллективной собственности. Мечта о всеобщей свободе и переустройстве человечества являлась важным мотивом общественной деятельности многих революционеров.

Итак, если судить по народной литературе, предназначенной для городских низов и грамотного крестьянства (на рубеже XIX–XX вв. это около

20 % населения), и журналу «Нива», предназначенному для образованного общества, то можно сделать следующий вывод. В пореформенное время и низшие страты, и привилегированная образованная часть общества испытывали влияние буржуазного мировоззрения, но они вносили в это мировоззрение коррективы, пытались приспособить его к российским условиям, примирить с традиционными христианскими ценностями. Так, они могли принять капитализм «с человеческим лицом», который в первую очередь служит людям и обществу, а только потом — личным интересам; они соглашались признать ценность личного успеха, если этот успех служил общему благу.

Интересно, что многие представители буржуазии долгое время поддерживали идею развития в России патерналистского капитализма «с человеческим лицом». П.А. Бурышкин отмечал, что отношение русской буржуазии к своему делу было «несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного долга». О том же писал в своих мемуарах представитель знаменитой старообрядческой династии промышленников В.П. Рябушинский: «Перефразируя французское “noblesse oblige” — знатность обязывает, старший брат нас часто наставлял: “Богатство обязывает” (Richesse oblige). Так и другие роды (фамилии. — Б. М.) понимали. <...> Громадное большинство людей, которые жили по этому обязательству, в формулы свои ощущения не укладывали, но знали и нутром чувствовали, что не о хлебе одним жив будет человек». По мнению Рябушинского, в основе этого девиза лежали твердая христианская вера отцов и дедов и крестьянское происхождение русской буржуазии. Следует добавить, что благотворительность и меценатство не только поддерживались буржуазной моралью и церковью, но и являлись одним из каналов социальной мобильности, так как открывали доступ к почетному гражданству, иногда к дворянству, обеспечивали престиж и авторитет фамилии. О склонности к предпринимательству по традиции, т. е. без рекламы, без холодного и точного расчета, с оглядкой на традиционные моральные принципы, о монархизме, патриархальности и глубокоом православии писали и другие представители буржуазии, пережившие революцию и гражданскую войну.

Российские особенности мировоззрения буржуазии были в значительной мере обусловлены ее молодостью и происхождением многих крупных предпринимателей из среды старообрядцев и интеллигенции. О буржуазии как о социальной группе, обладающей самосознанием, собственными предпринимательскими организациями, прессой и т. д., можно говорить применительно к пореформенному периоду. Лишь в начале XX в. большинство предпринимателей отказались от идей патернализма и стремились к тому, чтобы отношения между ними и рабочими строились на основе договора, спроса на труд и предложения и без вся-

кого вмешательства правительства, хотя они признавали свою моральную ответственность за удовлетворение потребностей рабочих в социальной защите. В начале XX в. в России существовало более 300 предпринимательских организаций. Несмотря на это попытки создания собственной политической партии не увенчались успехом. Только в канун февраля 1917 г. П.П. Рябушинскому удалось создать Всероссийский торгово-промышленный союз с целью координации действий всех предпринимательских организаций. Но было слишком поздно, чтобы буржуазия могла изменить ход событий.

VI.5. Отцы и дети

Какие взгляды разделяло молодое поколение в начале XX в.? Ответить на этот вопрос позволяют данные об идеалах учащихся, которые изучались педагогами в начале XX в. С помощью анкетного опроса они пытались выяснить мнение учащихся по следующим вопросам: на кого вы желаете быть похожими и почему? (другой вариант вопроса — какого человека вы считаете лучшим и почему?) и какая профессия вам нравится и почему? Анкетирование проводилось в разных учебных заведениях, потому что в каждом виде заведений преобладал разный контингент учащихся: в городских гимназиях — дети интеллигенции, в городских училищах — дети городских низов, в деревенских школах — дети крестьян. Проанализируем результаты опроса 5 тыс. учащихся в возрасте 7–16 лет в нескольких городах, включая Москву и Тифлис, и в 52 сельских школах центральных губерний, из которых 3 тыс. обучались в гимназиях, 1 тыс. — в городских училищах и 1 тыс. — в сельских школах.

Идеалы для подражания разделялись на две группы: 1) «литературные идеалы» — персонажи беллетристических произведений, а также общественные, политические, религиозные, военные деятели, ученые, изобретатели, известные учащимся из книг и журналов; 2) «местные идеалы» — родители, родственники и знакомые, лично известные учащимся. Идеалы гимназистов примерно на 70 % состояли из литературных и на 30 % — из местных идеалов, идеалы учащихся городских училищ — соответственно на 48 и 52 %, идеалы сельских школьников — на 19 и 81 %. Среди литературных идеалов первое и второе места занимали писатели и персонажи из созданных ими произведений (их предпочли 34 % гимназистов, 42 % учащихся городских училищ и 11 % сельских школьников); третье место принадлежало историческим гражданским и военным героям, четвертое — современным общественным деятелям, пятое — изобретателям и инженерам, шестое — лицам свободных профессий, а двадцать шестое, последнее, место — «богачам» (среди гимназистов их предпочли 0,1 % опрошенных, среди учащихся коммерческих училищ и сельских школ им никто не симпатизировал). Среди мотивов, определивших выбор идеала, все опрошенные на первое место поставили высокие моральные качества своих героев (22 % гимназистов, 34 % учащихся городских училищ и 38 % сельских школьников), на второе место — способности героев, на третье — их мужество, отвагу и самоотверженность, на четвертое — их славу и почести. Материальный успех своих идеалов гим-

назисты и учащиеся городских училищ поставили на восемнадцатое, последнее, место — соответственно 1–2 и 6 % всех опрошенных, а сельские школьники — на второе место (10 % опрошенных). При аналогичном опросе, проведенном в Германии, для 25 % немецких школьников главным мотивом при выборе идеала служили его высокие моральные качества и для 20 % — его материальный успех.

При выборе занятия 74 % гимназистов и 47 % сельских школьников предпочли свободные интеллигентные профессии, среди которых на первом месте стояла профессия учителя (учащимся городских училищ такой вопрос не задавался). 33 % сельских школьников предпочли профессии, связанные с сельским хозяйством, ремеслом или домоводством, и 20 % — профессии в других сферах жизни. Среди гимназистов всего 26 % опрошенных желали иметь профессии, связанные с материальным производством. Среди мотивов выбора профессии гимназисты на первое место поставили интерес к делу (50 % опрошенных), на второе место — альтруистические соображения (15 %), на третье место — материальный расчет (7 %, в том числе менее 1% стремились стать богатыми), на четвертое — честолюбие (2 %). У сельских школьников среди мотивов на первом месте стоял материальный расчет (12 %, в том числе хотели стать богатыми 6 %), на втором месте — стремление к знаниям (10 %), на третьем месте — легкость работы (8 %), на четвертом — альтруистические мотивы (5 %).

Приведенные данные об идеалах подрастающего поколения показывают, что буржуазное мировоззрение к 1914 г. еще не успело сколько-нибудь глубоко проникнуть в массовое сознание даже детей интеллигенции. Больше, но все же еще весьма незначительно, они охватили низшие слои горожан и, возможно, успешнее всего укоренились среди крестьянской молодежи. Дети из народа более твердо стояли на земле, чем дети интеллигенции. По мнению учителей, учащиеся, оканчивающие гимназии, «не знают тех средств, с помощью которых можно было бы реализовать свои возвышенные идеалы». «Хаос мнений, — резюмировал один московский учитель женской гимназии, анализируя сочинения гимназисток, написанные о своей *будущей* жизни. — Страшно становится за этих девочек, стремящихся “совершать подвиги”, жаждущих “всего великого”, “решивших отдавать свои жизни на благое дело”, мечтающих о ком-то, кто “поведет их смело на борьбу”, живущих более чувством, чем рассудком, рвущихся в жизнь и боящихся ее».

VI.6. Секуляризация сознания

Секуляризация — важный аспект изменения мировоззрения. Когда говорят о секуляризации, то прежде всего имеют в виду освобождение общества и культуры от власти религии, создание светской системы ценностей, десакрализацию власти и природы. Живые свидетельства современников разноречивы и фрагментарны, получить на их основе общую картину невозможно. Одним казалось, что после Великих реформ вера скудела, другим, наоборот, — что укреплялась. Одни жаловались, что посещаемость церкви падала, посты не соблюдались, церковные браки

вытеснялись гражданскими, официальная церковь находилась в кризисе и т. д.; другие свидетельствовали об огромном росте числа сектантов, т. е. о том, что религиозная вера принимала другие формы. Обследование питания рабочих показывает, что после революции 1905 г. мужчины стали есть мясо во время всех постов, кроме Великого, однако женщины продолжали строго их соблюдать. «Как они нерелигиозны — в сущности! — писала известный этнограф О.П. Семенова-Тян-Шанская (1863–1903) о рязанских крестьянах. — Только при приближении старости в мужицкую душу изредка начинает закрадываться суеверный страх загробного возмездия. Да и тогда, разве они православные, как их считают? Нисколько». Между тем Л.Н. Толстой оценивал религиозность крестьян высоко, а Ф.М. Достоевский считал русских народом-богословцем.

Статистическую оценку степени секуляризации произвел по одному, но очень важному и показательному признаку — по соблюдению обряда исповеди и причастия и поста. Эти данные являются особенно важными для понимания религиозности простого народа, который твердо верил, что только человек, соблюдающий все православные обряды, и был настоящим христианином, хотя бы эти обряды и исполнялись чисто внешним образом. Например, пост понимался в первую очередь как воздержание от скоромной пищи и интимных отношений.

Исповедная статистика охватывала все православное население Европейской России в возрасте старше 7 лет — от 17 млн человек в 1780 г. (за более раннее время данных сохранилось очень мало) и до 80 млн в 1913 г. (табл. VI.2).

Таблица VI.2

Число лиц православного исповедания, пропускавших исповеди и причастия во время Великого поста по неуважительным причинам в 1780–1913 гг. (в %)

Сословие	1780	1802	1825	1845	1855	1860	1869	1900	1913
Дворянство	—	2	4	3	4	3	4,4	4,0	4,7
Духовенство	—	—	1	—	—	—	0,2	0,2	0,3
Городское	—	5	7	8	6	5	6,3	5,8	5,8
Крестьянство	—	3	7	8	9	9	11	7,3	6,3
Военные	—	5	5	5	6	7	8,1	7,4	3,8
Всего	2	3	7	8	9	8	9,9	7,2	6,0

Доля лиц, пропускавших исповедь и причастие *по неуважительным причинам*, была мала — от 2 % в 1780 г. до 7 % в 1913 г. Пропуск исповеди *по уважительным причинам*, к которым относились болезнь и временное отсутствие, составлял еще 2–3 %, следовательно, всего пропускали посещения церкви от 4 % в 1780 г. до 10 % в 1913 г. от общего числа прихожан.

Таким образом, активность прихожан была высокой — 90–96 %, причем за 133 года она мало изменилась. Цифры как будто говорят о том, что горожане были прилежнее крестьян — процент лиц, пропустивших исповедь по нерадению, среди крестьян поднимался до 11, а среди горожан — лишь до 8.¹ Дело, однако, состояло не в нерадении, а в отдаленности храмов. В каждом городе были церкви, в то время как в большинстве сельских поселений церковей не было, а ближайшая находилась нередко в десятках километрах от дома. В губерниях, где были распространены мелкие поселения, например северные, даже ревностному христианину не удавалось посетить церковь, особенно в апреле, когда дороги были непролазны. Именно погода и состояние дорог являлись существенным фактором колебаний процента посещаемости церкви для крестьян, поэтому число посещающих исповеди каждый год изменялось без всякой заметной тенденции. В городе подобные препятствия к посещению церкви отсутствовали, отсюда доля исповедовавшихся горожан была более или менее стабильной.

Среди сословий наибольшая активность наблюдалась у духовенства, затем у дворян и чиновников, потом у военных, купцов и мещан. Чаше других пропускали исповедь крестьяне, но это являлось скорее следствием обстоятельств, чем лени или антирелигиозных настроений. Только у дворянства обнаруживается монотонное возрастание доли лиц, пропускавших исповедь, — 2; 3; 4; 4,7, что может говорить о какой-то тенденции, но это увеличение было все же незначительным, чтобы делать выводы о падении веры. У других сословий процент нерадивых то увеличивался, то уменьшался, что свидетельствует об отсутствии какой-либо тенденции и о влиянии каких-то привходящих обстоятельств — погода для крестьян, военные учения — для солдат и т. п.

Приведенные цифры рисуют картину столь высокой религиозной активности паствы, что закрадывается мысль: не фальсифицировали ли священники исповедную статистику? Прежде всего в этом не было заинтересованности, а для любого действия должен быть мотив. Сведения собирались для внутреннего пользования. Правда, Синод полученные сведения обобщал и представлял императору в годовом отчете наряду со многими другими данными, но упоминания о подтасовке, взысканиях за недостоверность статистических данных или поощрениях за хорошие результаты в документах Синода не встречаются. Священникам не ставилось в упрек существование нерадивых, да ведь и доходы причта зависели не от начальства, а от паствы, которая платила ему за совершение обрядов. Пропустившие исповедь не преследовались. Стоит обратить внимание и на то, что среди них находились духовные лица. На первый взгляд, 0,3 % — это не много, однако в 1913 г. — это более 3 тыс. человек. Если священники не скрывали даже нерадивость своих коллег и их жен и детей, зачем же им было скрывать нерадивость простых мирян?! Взятка? Для крестьянина было намного легче придти на исповедь, чем лишиться даже 10 коп. Наконец, в колебаниях процента нерадивых прихожан просматривается закономерность: ранняя весна и плохие от обилия талой воды дороги — больше пропусков, поздняя весна и хорошие по-зимнему до-

роги — меньше пропусков. Исповеди, подозрения в фальсификации не имеют под собой серьезных оснований.

Таблица VI.3

**Данные о рождаемости через 9 месяцев
после Великого поста в 1867–1910 гг. (в %)**

Население	1867– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910
Сельское	37	35	31	27	27
Городское	23	21	22	19	18
в т. ч. больших городов	19	20	18	17	15
в т. ч. малых городов	25	23	26	21	22
Женщины с внебрачными детьми	34	29	26	23	15
Православное	38	35	31	28	28
Католическое	26	32	28	23	20
Протестантское	18	23	21	19	20
Итого	37	34	29	27	26

Посещение исповеди — показатель *внешнего благочестия*, так как оно контролировалось общественным мнением, церковными и светскими властями, регулярные уклонения от исповеди связывали с принадлежностью к расколу. Соблюдение постов менее поддавалось социальному контролю, поэтому данные могут пролить дополнительный свет на степень религиозности населения. Во время постов христианин должен был ограничивать себя в пище и в плотских радостях. Всякое веселье и проявление жизнерадостности осуждалось, светская музыка и пение, а также танцы запрещались. Известно, сколько людей соблюдали запреты на пищу в посты — учета не было. Однако мы можем оценить строго статистически степень соблюдения запрета на интимные отношения следующим образом. На время Великого поста, который продолжался 7 недель в период между февралем и маем (время поста скользящее), в большинстве случаев март целиком являлся временем поста, так как по Юлианскому календарю Пасха приходилась на интервал между 22 марта и 25 апреля. Если бы все православные люди соблюдали запрет, то в год, когда март целиком попадал на время поста, через 9 месяцев — в декабре наблюдалась бы нулевая рождаемость. Чем меньше соблюдалось воздержание в Великий пост, тем больше была бы рождаемость в декабре, и наоборот. Следовательно, колебания рождаемости через 9 месяцев после поста могут служить показателем строгости его соблюдения. Этот тест имеет преимущество — он касается интимной стороны жизни человека, закрытой от других и не поддающейся прямому контролю общественного мнения. Всероссийские данные о рождаемости по месяцам за 1867–1910 гг. показывают, что через 9 месяцев после окончания Великого поста (обычно в декабре) у всех христиан наблюдалась минимальная рождаемость, а через 10 месяцев после поста (обычно в январе) — максимальная. Пик

рождаемости в январе — несомненная компенсация за воздержание во время поста. Следовательно, отношение максимальной рождаемости через 9 месяцев после Великого поста к минимальной рождаемости через 9 месяцев после Великого поста покажет, сколько людей соблюдали воздержание во время Великого поста. Для чистоты эксперимента исключим из анализа 13 лет, когда хотя бы один день марта не попадал на время поста: 1868, 1871, 1874, 1877, 1882, 1885, 1888, 1891, 1893, 1896, 1904, 1907, 1909 гг. (табл. VI.3).

При анализе соблюдения воздержания во время поста следует учитывать одно важное обстоятельство. Существовало *естественное снижение потенции у мужчин и женщин* в холодные, темные и часто не слишком сытые зимние месяцы, а также в марте — месяце, переходном от холода к теплу, когда все продовольственные запасы от предыдущего года у крестьян заканчивались и когда им нередко приходилось ограничивать себя в пище. Вследствие этого разница между минимумом зачатий в марте и максимумом в апреле отчасти объяснялась естественным понижением потенции в марте. Оценим степень этого понижения. У ортодоксальных евреев, у которых вообще нет длительных постов и полового воздержания, в 1867–1910 гг., как раз в тот период, который мы изучаем, в феврале–марте зачатий было также на 13–17 % меньше, чем в апреле. Итак, если бы половое воздержание во время Великого поста вообще не соблюдали, то все равно зачатий в феврале – марте и, следовательно, рождений в ноябре – декабре было бы примерно на 14 % меньше, чем в апреле. Внесем коррективы в исходные данные (табл. VI.4).

Таблица VI.4

Доля населения, практиковавшего половое воздержание во время Великого поста по религиозным соображениям, 1867–1910 гг. (в %)

Население	1867–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910
Сельское	23	21	17	13	13
Городское	9	7	8	5	4
в т. ч. больших городов	5	6	4	3	1
в т. ч. малых городов	11	9	12	7	8
Женщины с внебрачными детьми	20	15	12	9	1
Православное	24	21	17	14	14
Католическое	12	18	14	9	6
Протестантское	4	9	7	5	6
Итого	23	20	15	13	12

Итак, значительная доля православных и католиков воздерживались от половых контактов во время поста (для протестантов воздержания не требовалось). В 1860-е гг. доля лиц, соблюдавших воздержание, достигала у православных 24 %, а у католиков — 12 %. Даже число внебрачных

детей, значит, и внебрачных связей, в Великий пост существенно понижалось — и, совершая грех, человек не забывал думать о грехе! Однако процент лиц, соблюдавших воздержание, со временем снижался, и к периоду 1901–1910 гг. он упал у православных до 14, у католиков и протестантов — до 6. В течение всего пореформенного времени процент лиц, соблюдавших пост, среди крестьян был выше, чем среди горожан, в малых и средних городах — выше, чем в крупных городах, а у лиц, состоявших в законном браке, — выше, чем у лиц, имевших внебрачные связи. В 1860-е гг. около четверти православных соблюдали половое воздержание во время Великого поста, причем тогда в этом отношении существовало значительное различие между крестьянами и горожанами. Начиная с 1870-х гг. вместе с уменьшением процента лиц, соблюдавших воздержание, различие между городом и деревней стало уменьшаться и в 1901–1910 гг. составило 9 % против 14 % в 1867–1870 гг.

Таким образом, в 1860-е гг. среди православных во время Великого поста от плотских удовольствий воздерживались около 24 %, а в 1910 г. — 14 %. Другими словами, это почти каждый четвертый в середине XIX в. и каждый седьмой в 1910 г., т. е. приблизительно 11–12 млн взрослых людей в молодом и зрелом возрасте! Следует иметь в виду, что церковь относилась достаточно снисходительно к нарушениям запрета, особенно на 2–6-й неделях Великого поста, не считая это большим грехом. И несмотря на это, миллионы людей предпочитали воздержание. Снижение рождаемости также наблюдалось через 9 месяцев и после других постов, но зафиксировать уровень воздержания невозможно, так как посты не захватывали полностью какого-либо месяца, а учет рождаемости велся по календарным месяцам.

Имеющиеся сведения говорят о соблюдении постов уже в XII–XIII вв. Статистические данные о рождаемости стали собираться с начала XVIII в., но они плохо сохранились, а самое важное — до второй трети XIX в. не отличались высокой точностью. Обратимся к сведениям о датах рождения 439 зажиточных дворян XVI–XVII вв., которые сделали имущественные или денежные вклады в монастыри на помин души. Оказывается, что в декабре рождаемость падала до минимума, а в январе по сравнению с декабрем увеличивалась на 29 %. Следует ли и в данном случае вносить поправку на снижение потенции в марте ввиду физического ослабления организма? Вклады делали богатые люди, чье питание не зависело, а потенция и фертильность мало зависели от времени года. Следовательно, если и вносить поправку, то не такую существенную, как для 1867–1910 гг. Предполагаем, что в XV–XVII вв. доля лиц, соблюдавших воздержание во время Великого поста, находилась между 15 % (29–14) и 29 %, т. е. в среднем составляла около 22 % — примерно столько же, сколько и в 1860-е гг. Отсюда можно заключить, что благочестие православных россиян в течение четырех столетий находилось на одном, достаточно высоком уровне и обнаружило эрозию только в конце XIX–начале XX в. Однако снижение доли лиц, посещавших церковь, на 2–3 % или доли лиц, соблюдавших половое воздержание во время постов, на 10 % вряд ли можно считать революцией или наступлением эры атеизма. Это

становится особенно наглядным, если сравнить Россию с другими европейскими странами. Например, во Франции уже в середине XIX в. исповедь на Пасху пропускали от 50 до 80 % населения в зависимости от сословия.

Итак, подавляющее большинство православных посещали церковь, соблюдали обряды и миллионы отказывались от скоромной пищи и интимных отношений во время постов. Эти факты говорят о том, что степень религиозности и в начале XX в. была высока и церковь оказывала огромное влияние на поведение людей. О чем же тогда говорит постепенный отказ людей от соблюдения полового воздержания во время постов? Это свидетельствует лишь о том, что в пореформенной России имела место медленная *секуляризация* массового сознания. Но секуляризация — это отнюдь не *атеизация*. Секуляризация — это освобождение различных сфер жизни общества и человека, социальных отношений и институтов от религиозного санкционирования, а атеизация — отрицание религии, воинственное безбожие. В ходе модернизации во всех странах происходит секуляризация сознания, не обязательно сопровождающаяся ростом безбожия, хотя это не исключается. Например, в начале XX в. атеизация затронула значительную часть российской интеллигенции, о чем красноречиво говорит следующий факт. В 1904 г. после одного из заседаний Московского психологического общества, объединявшего более 230 членов, долго и много спорили о бессмертии души. В конце кто-то предложил поставить вопрос на баллотировку: голоса разделились, и, как констатировал один из участников, «бессмертие прошло большинством одного голоса».

О широком распространении атеизма среди дореволюционной интеллигенции говорили многие современники. Но, как тонко заметил финский этнограф П. Кууси: «Даже если мы перестаем ходить в церковь и забываем Бога, церковные колокола продолжают звучать у нас в душе». Так и русская интеллигенция, несмотря на свой атеизм, не смогла освободиться от религиозной концепции мира: народнические воззрения представляли собой закрытую мировоззренческую систему — светскую по форме, но религиозную по существу, ибо любая закрытая метафизическая система — религиозная структура.

VI.7. Культурный раскол российского общества

В духовной сфере различия между городскими низами и сельскими крестьянами не имели принципиального характера, хотя материальная культура горожан отличалась от деревенской. В сущности, горожане, включая немногочисленное образованное общество, и крестьяне были носителями единой народной, во многом сакральной культуры, только городские низы сравнительно с крестьянством были несколько менее традиционными, немного более грамотными и рациональными, более тесно связанными с рынком и потому более мобильными, больше ценившими деньги и собственность, более восприимчивыми к светской культуре. Особой субкультурой, секулярной по своему существу, обладало только образованное общество, включавшее главным образом дворянство и раз-

ночинную интеллигенцию, которые четко отделялись от простого народа и в социальном и в культурном отношениях.

Горожане и селяне находились в постоянном взаимодействии, включая матримониальное. О культурном обмене между городом и деревней можно говорить начиная с XVIII в., когда город размежевался с деревней и приобрел культурное своеобразие, которое было уделом социальной элиты. Через дворянство элементы западноевропейской культуры должны были бы в одинаковой степени переходить и к крестьянам, и к горожанам. Но из-за большей восприимчивости горожан, с одной стороны, и более враждебного отношения крестьянина к дворянину — с другой новая культура усваивалась сначала и лучше горожанами, а затем — крестьянами. Зонами соприкосновения между городским и сельским населением долгое время служили ярмарки, богомолья, монастыри, городские базары, переносчиками новых идей — торговцы, отходники, мигранты, профессиональные нищие, странники, богомольцы. В пореформенное время мощными трансляторами новой культуры стали книги, пресса, выставки, воскресные чтения, школы и другие средства.

Для периода, предшествовавшего последней трети XIX в., можно говорить скорее о влиянии города на деревню, чем деревни на город. Причем это влияние распространялось главным образом на материальную культуру. Духовная культура крестьянства проявляла устойчивость. Но с конца XIX в. она постепенно стала сдавать свои позиции как под влиянием города, так и под влиянием изменившихся условий и правил жизни в деревне. Традиционные стандарты мышления, поведения, человеческих взаимоотношений теряли в глазах крестьян свою безусловность, абсолютность, непререкаемость, напротив, авторитет светских, буржуазных стандартов повышался, и именно последние постепенно становились эталонными, в большей степени в тех местностях, которые находились в зоне интенсивной индустриализации и урбанизации. Постепенно, шаг за шагом, новая светская, буржуазная культура приходила на смену традиционной. Трансформация начиналась с использования отдельных вещей, что влекло за собой значительные изменения в материальной культуре, за этим следовали перемены в домашнем и общественном быту, затем затрагивалось мировоззрение и язык. Все стадии этого цикла (материальная культура — быт — духовная культура — дискурс) в свое время прошло дворянство, потом — все городское образованное общество, затем начали, но не успели пройти городские низы, рабочие и крестьяне.

В пореформенное время, с началом массовой миграции крестьянства в города деревня стала оказывать мощное влияние на культуру горожан, прежде всего рабочего класса. Крестьянская миграция создала в конце XIX—начале XX в. особый тип «города мигрантов», который обладал специфическими экономическими, демографическими и культурными характеристиками. В городе мигрантов происходило столкновение традиционного мировоззрения («традиции»), носителями которого были крестьяне, с новым буржуазным («модернизм»), носителем которого выступала либеральная общественность. Это столкновение порождало много проблем и создавало острую социальную напряженность в городах, чреватую се-

рьезными социальными взрывами. Новые горожане, формировавшиеся из мигрантов, несли на себе печать традиционного крестьянского мировоззрения. Окрестьянивание горожан тормозило формирование буржуазных взглядов в их среде, вело к реанимации стандартов и стереотипов крестьянского сознания, служило одним из важных факторов успеха социал-демократической пропаганды среди рабочих и роста социальной напряженности не только в городах, но и в сельской местности, поскольку мигранты служили переносчиками революционной инфекции в деревню. В тяжелые для страны периоды эта напряженность разрядилась тремя революциями в 1905 и 1917 гг., третья из которых изменила вектор развития российского общества. Нужно отдать должное проницательности большевиков, которые провозгласили и пытались на деле реализовать союз рабочих и крестьян, понимая, что те и другие имели в принципе единую культуру и поэтому были склонны к усвоению социалистических идей.

Приведенные данные не позволяют согласиться с распространенным мнением, что крестьянство в период империи самоизолировалось от города и превратилось в особый мир, со своей культурой, своим правом, своей специфической общественной организацией. Это мнение потом было поддержано марксистским тезисом о противоположности города и деревни при капитализме. Деревня всегда была тесно связана с городом и никогда не являлась его противоположностью, даже если городом считать столицы, а горожанами — образованное общество. Значительная часть русской интеллигенции второй половины XIX—начала XX в. находилась под сильным влиянием народного миропонимания. Можно говорить об общих парадигмах, свойственных сознанию интеллигенции, городских низов и крестьянства, об общности моральных ценностей, в основе которых лежала традиционная христианская этика.

Основные тезисы

1. В крепостное время коллективные представления крестьян и горожан, исключая немногочисленное образованное общество, соответствовали традиционному христианскому мировоззрению; они были носителями единой народной, во многом сакральной культуры.

2. В пореформенное время миропонимание крестьянства и горожан переживало трансформацию в сторону буржуазного, в их поведении наблюдалось присутствие элементов рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма.

3. Особой субкультурой, секулярной и отчасти буржуазной по своему существу, обладало образованное общество, включавшее в основном буржуазию, дворянство и интеллигенцию, которые отделялись от простого народа не только в социальном и культурном отношениях, но и своими дискурсивными практиками.

4. Крестьяне испытывали всестороннее и сильное влияние города, но и сами весьма активно влияли на горожан, особенно в пореформенное время. Массовая миграция крестьян в город повлекла за собой окрестьянивание горожан как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни.

5. Крестьянская концепция справедливого общественного устройства была принесена в город и на фабрику крестьянами и усвоена рабочим классом. По своим целям и средствам их достижения она соответствовала социалистической программе. Поэтому фабрично-заводские рабочие стали легкой добычей социал-демократов, а крестьяне в деревне — добычей социал-революционеров.

6. Широкие образованные круги российской общественности, разделявшие народническое мировоззрение, не принимали базисные буржуазные ценности, такие как богатство, слава, власть, влияние, личный успех, индивидуализм; их мировоззрение было антибуржуазным. Либеральная общественность, разделявшая буржуазное мировоззрение, находилась в меньшинстве.

7. Идеалы подрастающего поколения показывают, что буржуазное мировоззрение к 1914 г. еще не успело сколько-нибудь глубоко проникнуть в массовое сознание даже детей интеллигенции.

8. Многие представители буржуазии долгое время разделяли идею развития в России патерналистского капитализма «с человеческим лицом». В начале XX в. большинство предпринимателей отказались от патернализма, хотя признавали свою моральную ответственность за удовлетворение потребностей рабочих в социальной защите.

9. Подавляющее большинство православных посещали церковь, соблюдали обряды и миллионы отказывались от скоромной пищи и интимных отношений во время постов. Религиозность и в начале XX в. была высока, и церковь оказывала огромное влияние на мировоззрение и поведение людей.

10. Культурный раскол российского общества проходил не по линии город – деревня, крестьяне – горожане или богатые – бедные, а по линии европеизированные верхи и традиционные низы, которые принадлежали к разным субкультурам. Но и здесь граница была достаточно условной: миропониманию интеллигенции, городских низов и крестьян были свойственны общие парадигмы, общие моральные ценности, в основе которых лежала традиционная христианская этика.

Вопросы для размышления и повторения

1. Чем отличаются понятия «мировоззрение», «миропонимание», «миросозерцание», «общественное сознание», «менталитет», «диспозиция», «идеология повседневности», «установка», «ментальная решетка», «коллективные представления»?
2. Что такое дискурсивная практика и как она влияет на миропонимание людей?
3. Почему пословица является хорошим источником для реконструкции коллективных представлений?
4. Чем отличался образ жизни в городе и деревне? Можно ли с точки зрения образа жизни считать город противоположностью деревни?
5. Каковы были взгляды городского и сельского населения в крепостное время на основные проблемы жизни?
6. Какие изменения в коллективных представлениях крестьян и горожан произошли после Великих реформ, чем они вызваны и какие имели последствия?

7. Какое влияние на город оказала интенсивная миграция крестьян, проходившая в пореформенное время?
8. Что такое секуляризация сознания и как она проходила в период империи?
9. Можно ли считать посещение церкви и исповеди надежным показателем силы религиозности?
10. Каким методом можно оценить влияние поста на сексуальное поведение верующих?
11. Чем объяснялась приверженность русской интеллигенции народническому мировоззрению?
12. Чем и почему отличались идеалы молодежи из интеллигентской среды и народа?

Глава VII Социология крепостного права

Ключевые понятия: *крепостное право, формы крепостного права: государственная, частновладельческая, корпоративная, состояние как звание или социальное положение.*

Крепостное право — альфа и омега российской истории. На первый взгляд вопрос предельно ясный: полное единодушие в том, что оно имело огромное отрицательное влияние на все стороны российской жизни. Этим влиянием объясняется практически все — и экономическая отсталость России от западноевропейских стран, и авторитарная государственность, и особенности национальной культуры и русского характера, и специфика социальных организаций и общественных институтов, и коррумпированность и т. д. Подумать, а не только сказать, что крепостное право имело какие-то положительные результаты, кажется большинству людей просто нелепым. Между тем это нонсенс с социологической точки зрения. Ни один институт не может существовать столетиями, если он не выполняет общественно значимой и позитивной функции. Вследствие, с одной стороны, кажущейся ясности проблемы (зло и только), с другой — зашоренности взгляда (искать лишь негатив), существует крайне мало исследований, где она объективно изучалась бы. Мы мало знаем о том, кто и когда был закрепощен и раскрепощен, какие функции выполняло крепостное право, почему и когда его не стало. Точка зрения о закрепощении и раскрепощении всех сословий, имевшая популярность в конце XIX—начале XX в., — в сущности гипотеза. Попытаемся в этих вопросах разобраться.

VII.1. Кто был закрепощен в России?

Крепостное право — совокупность юридических норм, закреплявших личную зависимость человека от его господина. Оно могло принимать мягкие и суровые формы, могло включать все или только некоторые формы внеэкономического принуждения. В *суровых формах* (Центральная и Восточная Европа в XVI—XVIII вв.) — это лишение человека большей части личных прав (в том числе права владеть собственностью и совершать от своего имени гражданские сделки), невозможность быть субъектом гражданского права, что приближало юридический статус крепостного к статусу раба. В *мягких формах* (западноевропейские страны XI—XV вв.) крепостное право сводилось к той или иной форме личной и поземельной зависимости. Существовало и *патриархальное крепостничество*, когда крепостных принимали в семью господина как домочадцев, они жили под одной крышей с хозяином, выполняя более тяжелую работу, чем остальные члены семьи, были принижены и бесправны. Например, ученики проживали в семье мастера фактически как члены семьи, но были в сильнейшей от него зависимости. По российскому Ремесленному положению 1785 г. они в отношении к мастерам должны были быть послушны, прилежны, верны и почтительны, а мастера пользовались правом наказывать своих учеников лично и с помощью полиции.

Таким образом, объем понятия «крепостное право» исторически весьма существенно варьировал от мягкой формы до полной всеобъемлющей формы зависимости человека от его господина. Основные признаки крепостной зависимости применительно к конкретно-историческим российским условиям XVIII–первой половины XIX в. можно сформулировать следующим образом: 1) внеэкономическая, личная зависимость от господина, в качестве которого могли выступать отдельные лица, корпорации и государство; 2) прикрепление к месту жительства; 3) приписывание социального статуса; 4) ограничения в правах на владение собственностью и на совершение гражданских сделок; 5) ограничения в выборе занятия и профессии; 6) социальная незащищенность: возможность лишиться достоинства, чести, имущества и подвергнуться телесным наказаниям без суда, по воле господина.

Крепостничество могло существовать как *государственное, корпоративное* или *частное* в зависимости от того, кто является субъектом крепостнических отношений — государство, корпорация или отдельный человек.

Обратимся теперь к конкретным фактам, характеризующим положение дворянства, духовенства, посадских и крестьянства в начале XVIII в.

А. Дворянство

В начале XVIII в. дворяне являлись крепостными государства. Они были обязаны нести государственную службу, военную или гражданскую, начиная с 15 лет и непременно с самого низшего ранга, в армии — с солдата. Служба была бессрочной — до болезни или смерти. Две трети членов каждой фамилии должны были состоять на военной службе, одна треть — на гражданской. Предпочтительным считалось военное поприще как более престижное и обеспечивавшее быструю карьеру. Каждый дворянин был приписан к полку или государственному учреждению, где он проходил службу. Тяжесть службы порождала массовое укрывательство от явки на службу и смотры, с которым правительство боролось с помощью жестких мер, начиная со штрафов и телесных наказаний и кончая конфискацией имущества и лишением всех прав на состояние. Например, в 1711 г. 53 офицера, не явившиеся после отпуска в полк в Киевскую губернию, были лишены поместий, а их жены с детьми были выслены из имений. По указу 1720 г. дворянам, уклоняющимся от службы, грозили наказание кнутом, вырывание ноздрей и вечная каторга. Таблички с именами таких дворян прибавались к виселице с барабанным боем для всеобщего обозрения. Доносчики на уклоняющихся от службы получали вознаграждение из имущества; укрыватели же строго карались. Военная служба была так тяжела, что некоторые предпочитали записываться в купцы или даже в крестьяне, чтобы от нее избавиться.

Дворяне должны были получить образование; неграмотным запрещалось жениться. Обладание основами знаний — необходимое условие для успешной карьеры. В обязанности дворянина входили также поддержание своей служебной годности, подготовка к военной службе своих детей, которые регулярно проходили смотры-проверки, управление своими крестьянами, которое включало вотчинный суд и полицейский надзор, сбор государственных налогов, социальное призрение и др. Для управ-

ления именными дворяне получали отпуск со службы на известный срок с обязательством явиться обратно по первому требованию. По воле государя любой дворянин был обязан изменить место жительства. Например, при заселении Петербурга десятки дворянских фамилий были вынуждены переселиться из родных мест на отведенные им участки земли с обязательством в указанный срок построить усадьбу.

Дворяне не освобождались от телесного наказания и терпели розги, палки и плети наравне с лицами податных состояний. Вот одна характерная иллюстрация. В 1722 г. во время проведения переписи населения, или ревизии, в Великолукской провинции по подозрению в утайке от переписи людей в полном соответствии с царским указом было подвергнуто пытке и бито кнутом или батогами 11 дворян и 85 крестьян, из них от побоев умер 1 дворянин и 10 крестьян; арестовано 7 дворян и 6 дворянских жен и детей, из них один скончался от ужасных условий содержания. Как видим, дворянство подвергалось столь же жестоким наказаниям, как и крестьянство. Но в отличие от лиц податных состояний, дворяне не платили прямых налогов, были освобождены от всех видов денежных и натуральных повинностей в пользу государства, городских и сельских общин, так как считалось достаточно, что они несут службу.

Дворянство не имело полных прав собственности ни на землю, ни на крепостных. Меньшая часть дворян владела землей и крепостными на правах вотчинной собственности, большая часть — на правах поместной собственности. Между этими видами собственности имелись сходство и различие. И за вотчину, и за поместье дворяне были обязаны нести «государеву службу» в соответствии с размерами землевладения и числом крепостных. Вотчинное право, в отличие от поместного, включало право владеть и распоряжаться землей и крепостными, но государство ограничивало права наследования, распоряжения и пользования вотчинной собственностью: все сделки с вотчиной совершались с санкции государства, ее следовало передавать по наследству в род, а не по желанию вотчинника; если вотчина уходила из рода, то представители рода имели право родового выкупа. К началу XVIII в. произошло бытовое сближение этих двух видов собственности, хотя они и не стали тождественными. Помещики продавали, передавали по наследству, меняли свои поместья, но все сделки совершались с разрешения государства и в строгих рамках: например, продать можно было лишь другим помещикам, которые вместе с землей приобретали все те обязанности, которые лежали на ее прежнем владельце. Реальное расширение прав не было зафиксировано в законе. Говоря строго юридически, помещики продавали, передавали по наследству, меняли и т. п. лишь право пользования своим имуществом. Современники прекрасно сознавали различия между вотчиной и поместьем, что отражалось в ценах: вотчины ценились дороже.

Итак, дворянство в начале XVIII в. находилось почти в такой же крепостной зависимости от государства, как и крестьяне. При Петре I государственное закрепощение дворянства, как и других социальных групп, достигло своего апогея, а в общих чертах произошло во второй половине XVI–первой половине XVII в.

Б. Духовенство

Положение духовенства было еще тяжелее, так как оно находилось под гнетом не только светских, но и духовных властей. Духовенство разделялось на черное, или монашеское, и белое, или приходское. Последнее делилось на священнослужителей (священников и дьяконов) — старших членов церковного причта и церковнослужителей, или причетников (дьячки, пономари, псаломщики) — младших членов причта. В 1711 г. черное духовенство утратило право на свободу передвижения и было прикреплено к тому монастырю, за которым записано по переписи. Численность его, поступление и выход из монашества строго ограничивались. В 1719 г. та же участь постигла приходское духовенство: оно было прикреплено к церквам и приходам и ему запрещалось менять место службы и свое состояние без разрешения духовных и светских властей. Кроме того, не разрешалось заниматься какой бы то ни было предпринимательской деятельностью, даже сдавать в наем свои дома. Не разрешалось участвовать в собраниях, вмешиваться в мирские дела, ходатайствовать и поручаться за кого-либо, а также посещать театры, играть в карты, курить, плясать и смотреть на пляски, стричь бороду и волосы на голове, предписывалось носить одежду скромную, преимущественно темных цветов и особого покроя.

Светские власти постоянно вмешивались в жизнь духовенства и другим способом: с 1722 г. стала строго регулироваться численность духовенства исходя из следующего соотношения: один священник и два причетника на 100–150 приходских дворов. В соответствии с царским указом строго определенное число лиц вместе с прямым потомством было зачислено на действительную службу по духовному ведомству в качестве штатного духовенства, а все лица духовного звания, оставшиеся вне штата, были переведены в податные состояния. В дальнейшем заштатные клирики, если они к моменту очередной ревизии не состояли на духовной или государственной службе, причислялись к податным состояниям со всеми вытекающими последствиями — платежом подушной подати, выполнением рекрутской повинности и т. п. А поскольку число приходов и, соответственно, церковных должностей строго ограничивалось, а естественный прирост у духовенства был велик, то светская администрация регулярно вплоть до 1831 г. проводила чистку, так называемые «разборы». В результате множество лиц духовного звания, которые не были обеспечены церковными должностями, отчислялись в солдаты и податные состояния, главным образом в крестьянство и посадские, а грамотные — в канцеляристы в казенные учреждения. Доступ в приходское духовенство для лиц недуховного происхождения был стеснен, духовенство обязано было обучать своих детей и готовить их к занятию священнических и дьяконовских должностей, которые передавались по наследству. Во второй половине XVIII в. наследственный характер приобрели также и причетниковские должности, причем дьячки и пономари стали проходить специальный ритуал, называемый посвящением в стихарь, т. е. в должность. Все это способствовало превращению клириков в сословие. Церковные места вместе с доходами от них и земель, закрепленной за ними (от 33 до

99 десятин, или 36–108 га, на причт), превратились в *фактическую* собственность семьи и не только переходили по наследству, но и стали предметом гражданских сделок: их продавали, завещали и т. п. Однако юридически приходское духовенство не могло иметь землю в собственности. Церковные должности отцов (и доходы с них) передавались детям с санкции епископа. Сохранение должности было обусловлено надлежащим ее исполнением и волей епископа.

Служебные обязанности белого духовенства при Петре I были многочисленны. На белое духовенство, как и на дворянство, была возложена обязанность учиться, которая воспринималась как повинность. Лица, не прошедшие обучения, не могли занимать церковные должности. Духовенство должно было также выполнять некоторые административно-полицейские функции: вести метрические книги, составлять ежегодные отчеты о вступивших в брак, родившихся и умерших; ежегодно составлять списки раскольников и пропустивших исповедь и причастие и передавать их светским властям, которые штрафовали провинившихся; доносить об уклонившихся от переписи и налогов; бороться с раскольниками; зачитывать почти поголовно неграмотному населению царские указы во время церковной службы; исполнять роль нотариусов; контролировать лояльность пастырей: священники были обязаны доносить администрации о раскольниках, о распространении суеверий, о систематическом непосещении прихожанами церкви, о несоблюдении постов и даже об «открытых им на исповеди преднамеренных злодействах, если исповедующиеся в оных не раскаялись и намерения своего совершить их не отложили». Многочисленные обязанности духовенство выполняло бесплатно, под страхом наказания, не исключая и телесных. Священнослужители исполняли некоторые натуральные (постоянную, пожарную, полицейскую и др.) повинности и платили определенные денежные сборы. Низшая прослойка духовенства — церковнослужители — несла большинство повинностей наряду с податными состояниями — крестьянами и посадскими. Обременительные обязанности духовенства, не имевшие ничего общего с их ролью пастырей, проповедников, служителей церкви, являлись по сути казенной барщиной. Учитывая это, а также прикрепленность к месту жительства и службы, можно сказать, что духовенство, как и дворянство, являлось закрепощенной социальной группой. Субъектом их зависимости выступало государство.

Но зависимость духовенства от епископа была еще сильнее, чем от государства. Епископ являлся полным хозяином в епархии по отношению к духовным лицам, как царь по отношению к дворянину или помещик по отношению к крестьянину. Епископ определял служебную годность духовных лиц в ходе специального экзамена, возводил их в сан, назначал на должность, собирал с причта установленный обычаем ежегодный оброк, «епископское тягло», соответственно числу приходских дворов и богатству прихода. Епископ мог отнять должность и передать другому, перевести клирика в другой приход, лишить сана. Вплоть до 1841 г. управление епархией осуществлялось по инструкции того епархиального архиерея, который в данный момент занимал кафедру епископа, лично

ему были подчинены все епархиальные учреждения (консистория, училища, семинарии и т. д.). Церковный суд также находился в руках епископа. Сказанное позволяет заключить, что приходское духовенство являлось крепостным не только по отношению к государству, но и по отношению к епископу. Зависимость от епископа внешне носила персональный характер. Но поскольку епископ имел власть над духовенством своей епархии будучи представителем церкви как корпорации, зависимость духовенства от него правильнее интерпретировать как корпоративное, а не как частное крепостничество.

В. Посадские, или городские налогоплательщики

Податные жители городов (до 1721 г. они назывались посадскими людьми, затем гражданами, купцами, с 1785 г. купцами, мещанами и ремесленниками) были наследственно приписаны, или прикреплены, к конкретному городу и посадской общине. Только с разрешения коронной и своей общественной администрации они могли перейти в другие социальные группы, изменить профессию, место жительства или просто отлучиться из города по делам. Самовольные переселения и переходы в другие состояния рассматривались как преступление, виновные подлежали наказанию и возвращались в родной посад. Посадские бесплатно, под страхом сурового наказания, выполняли множество обременительных для них натуральных повинностей, называемых «казенными службами», в сущности несли государственную барщину: служили счетоводами, бухгалтерами, сборщиками налогов, экспертами во всех государственных учреждениях не только в своем городе, но и далеко за его пределами; собирали налоги, продавали казенную водку и соль, несли полицейскую обязанность в своем городе, участвовали в проведении переписей, выполняли разные торговые и финансовые поручения правительства. Всюду, где нужны были грамотные исполнители каких-либо государственных функций, связанных с финансами, принудительно и бесплатно привлекались посадские. На обязательной казенной службе находилось более 10 % от номинального (по ближайшей переписи) и 24 % от фактического наличного числа взрослых посадских мужского пола. Отметим, что посадские отвечали за исправность службы и казенные деньги всем своим имуществом, что нередко приводило к разорению. Если своего имущества не хватало на покрытие долга, должников ставили на правеж — привязывали к столбу у административного учреждения и истязали до тех пор, пока родственники или кто-нибудь не выплачивал долг. При исполнении казенных служб личность, имущество и время посадских находились в полном распоряжении коронной администрации. Ввиду трудности задачи никто не пытался оценить тяжесть государственной барщины граждан. Но если на казенной службе было занято более 24 % взрослых мужчин, значит, она поглощала более 24 % рабочего времени.

Кроме прямого налога и государственной барщины посадские платили также и оброк (формально за земельный участок, который они занимали в городе). Во второй четверти XVIII в. он был в 2 раза меньше оброка государственных крестьян, в 3 раза меньше оброка помещичьих крестьян и составлял около 70 % от прямого налога посадских. В сумме повинно-

сти посадских составляли внушительную величину и вряд ли были существенно меньше, чем барщинно-оброчные повинности государственных крестьян. Казенная служба не была государственным натуральным налогом: она носила принудительный характер, назначалась в зависимости от государственных потребностей, мало соотносившаяся с доходами и возможностями посадских. Оброк посадских был весьма далек от арендной платы: его величина не устанавливалась в результате соглашения между посадскими и администрацией, а произвольно и принудительно определялась последней. Ни службы, ни оброка избежать было невозможно, так как посадские были прикреплены к месту жительства и состоянию.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. посадские, подобно дворянству и духовенству, находились в крепостной зависимости от государства.

Г. Крестьянство

В течение XVI в. в деревне под влиянием экономической задолженности стихийно развивалось частное крепостное право. В конце XVI в. серия закрепостительных указов правительства Бориса Годунова, в особенности указы 1592 и 1597 гг., завершила юридическое оформление крепостного права на всей территории государства, прикрепив крестьян к земле, на которой они находились в момент издания указа, и к владельцам этой земли — помещикам, государству, монастырям и т. д. В начале XVII в., в ходе Смутного времени, закрепостительные указы потеряли свою силу, но в полной мере были восстановлены Уложением 1649 г.

Крестьянство всех разрядов было прикреплено к земле и владельцам, будь то помещики, церковь, казна, царь, и не могло без их согласия и разрешения коронной администрации изменить место жительства и состояние. В 1719 г. был введен паспорт (он выдавался администрацией с согласия общины), без которого нельзя было отлучиться от места жительства далее чем на 30 верст (паспорт как документ, удостоверяющий личность, был изобретен в Англии в 1414 г.). Крестьяне несли барщину или оброк либо смешанную повинность в пользу своих владельцев, а также выполняли многочисленные государственные натуральные повинности (рекрутскую, постоянную, подводную, дорожную и т. п.). Побег и недомимки рассматривались как преступления. Пойманные беглые подвергались суровому телесному наказанию (их секли, клеймили, обрезали уши, вырывали ноздри), после чего возвращались владельцам. Помещики имитировали государственные порядки: каждое имение представляло собой систему государственного управления в миниатюре. Однако в помещичьем, как и в государственном, управлении нельзя не видеть положительных моментов. Помещику приходилось, хотя бы ради самосохранения, проявлять заботу о своих крестьянах, которая приобретала разнообразные формы: ссуда, наделение скотом и инвентарем, помощь во время неурожая продовольствием и семенами, защита в суде и от притеснений полиции, уход за старыми и больными.

Многие права относительно крепостных помещики приобрели в силу обычая, некоторые из прав были закреплены отдельными указами правительства. Например, негативное влияние на положение помещичьих

крестьян оказало уничтожение в 1719 г. юридической грани между холопами, чье положение действительно было близко к рабству, и крепостными, чье положение до этого было близко к положению свободных крестьян. Объединение в один разряд податного населения произошло путем распространения обязанности платить государственные налоги на холопов, которые до тех пор от этого были освобождены. В результате этого помещики в отношении крепостных стали пользоваться некоторыми правами, принадлежавшими прежде господам в отношении к холопам, хотя в законе на этот счет не содержалось никаких указаний.

Дворянство постоянно добивалось от правительства ясного определения своих прав над крестьянами. Но государство долго не шло ему навстречу, опасаясь недобовства со стороны крестьян и не желая четко ограничивать свое собственное право вмешиваться в отношения между помещиками и крепостными. Впервые отношения крепостных и помещиков нашли четкое юридическое оформление лишь в первом «Своде законов Российской империи» 1832 г. При этом объем прав помещиков над крепостными оказался близок к действительности и к тому идеалу, который дворяне сформулировали 80 лет тому назад в проекте законодательной комиссии в 1750-е гг.

Положение государственных крестьян также было четко закреплено в Своде законов 1832 г., хотя и прежде оно регулировалось законом, а не усмотрением казенного управления. Существование особенностей в правах помещичьих и казенных крестьян дало некоторым исследователям повод считать последних свободными от крепостного права. Это не кажется убедительным. Во-первых, так называемые государственные крестьяне в строго правовом смысле принадлежали не Российскому государству как политической организации населения, занимавшего определенную территорию и управляемого одной верховной властью, а казне как частноправовому, или юридическому лицу.

Понятие «казенные крестьяне» правильнее отражает юридическое положение данной категории крестьян, точно указывая на субъект и объект власти. Казенные крестьяне имели конкретного владельца, подобно владельческим крестьянам, и их зависимость от казны была также крепостной. Различие в положении казенных и владельческих крестьян, несущественное в начале XVIII в. и весьма существенное впоследствии, проистекало не столько из права, сколько из фактического различия характера их владельцев. Во-вторых, в правовом положении владельческие и казенные крестьяне не только в начале XVIII в., но и в более позднее время различались непринципиально: и те и другие несли оброчные или барщинные повинности, прикреплялись к месту жительства и состоянию, были связаны круговой порукой, находились под неусыпным контролем своих владельцев, ограничивались в правах (им запрещалось заниматься откупам и подрядами, вести портовую торговлю, открывать фабрики и заводы, обязываться векселями). Разница состояла лишь в степени зависимости — у владельческих крестьян, особенно у барщинных, крепостная зависимость была сильнее и грубее, у казенных — мягче. Коронная администрация рассматривала зависимость государственных крестьян от

казны по аналогии с зависимостью владельческих крестьян от помещиков, что хорошо видно из следующего факта. Проводя налоговую реформу в 1724 г., правительство обязало казенных крестьян сверх общей для всех крестьян 74-копеечной подушной подати платить еще по 40 коп. с души, «вместо тех доходов, что платят дворцовые крестьяне во Дворец, Синодского ведения — в Синод, помещиковы — помещикам». Средние размеры денежных оброков владельческих крестьян в 1720-е гг. составляли около 40 коп., т. е. действительно равнялись оброчной подати казенных крестьян.

Таким образом, государственные крестьяне были крепостными казны, так же считало правительство и сами крестьяне.

VII.2. Корпоративное, или общинное, крепостное право

Люди, принадлежавшие к податным состояниям, — крестьяне и посадские — были закрепощены также теми корпорациями, в состав которых они входили. Члены одной корпорации были связаны круговой порукой и несли коллективную ответственность перед государством за своевременность уплаты налогов, выполнение натуральных и денежных повинностей, за преступления, совершенные на территории общины, за уход с места жительства без разрешения. Это дает основание говорить о корпоративном характере крепостничества, так как власть общины над своими членами не только не уступала, а даже превосходила власть над ними со стороны помещика или государства. Сельская община имела особенно большие прерогативы — следствие того, что земля находилась в общинном, чересполосном владении с принудительным севооборотом и регулярно перераспределялась между крестьянами. Община устанавливала систему полеводства, время сельскохозяйственных работ, порядок пользования пастбищами, лесами и другими угодьями, собирала налоги, управляла религиозной жизнью, судила нарушителей закона, могла даже сослать их в Сибирь, разрешала крестьянам отлучаться из деревни и т. д. Не случайно М. Вебер прямо отождествлял власть помещика над крепостными с властью общины над крестьянином.

Податное население города составляло посадскую общину. В течение XVIII в. в городах возникли и другие корпорации: ремесленники объединялись в цехи, мещане — в мещанские общества, купцы — в купеческие общества. Городские корпорации не столь сильно опекали своих членов, как сельские. И тем не менее без их ведома и разрешения нельзя было отлучиться из города, перейти в другой разряд населения, сменить место жительства, выйти из корпорации и т. д. Степень зависимости обуславливалась многими факторами, среди которых важнейшими были характер городской экономики и величина города. В малых, аграрных городах, где жители занимались главным образом земледелием, власть корпораций была более сильной, уклад жизни очень напоминал деревенский; в больших, торгово-промышленных городах люди пользовались большей свободой, социальный контроль был меньше. Поскольку в России XVIII в. преобладали аграрные и малые города с численностью населения менее 5 тыс., а городские земли и имущество яв-

лялись коллективной собственностью, то большинство горожан находилось в сильной корпоративной зависимости.

Необходимо отметить, что корпоративное крепостное право в отличие от частного и государственного не тяготило людей, наоборот, с их точки зрения выполняло полезные для них функции: оно консолидировало и защищало своих членов от административного и помещичьего произвола, от конкуренции других общин, сдерживало социальную и экономическую дифференциацию, способствовало справедливому распределению налогов и повинностей. Поэтому корпоративное крепостничество сформировалось стихийно и было постфактум законодательно оформлено государством одновременно с государственным и частным. В городах оно было утверждено Уложением 1649 г. в ответ на петиции горожан.

VII.3. Всеобщность крепостничества и причины этого явления

Если понимать крепостное право в очерченных выше границах, то оказывается, что в России в начале XVIII в. свободным человеком был только царь, а все остальные были в той или иной степени закрепощены, причем большинство на нескольких уровнях: священник государством и епископом; посадский человек — государством и посадской общиной; помещичий крестьянин — государством, дворянином и сельской общиной; казенный крестьянин — казной и сельской общиной и лишь дворянин был закрепощен только государством. Крепостное право являлось всеобщим и существовало в трех видах — государственное, или казенное, частное и корпоративное.

В чем причины столь широкого и глубокого закрепощения человека? Население считало царя верховным собственником земли, сувереном всех подданных, отцом отечества и хозяином и на этом основании признавало за ним право распоряжаться свободой, здоровьем, жизнью и имуществом подданных. В 1701 г. Петр I учредил по случаю войны Монастырский приказ, который взял под свое управление все церковные имения (патриаршие, архиерейские и монастырские) с принадлежавшими им крестьянами (около 154 тыс. крестьянских дворов), проведя *фактическую секуляризацию* церковного имущества. Из доходов церковных имений государство стало выдавать на нужды церкви определенные суммы денег. В 1714 г. царь ввел ограничения на право собственности на землю: все частные рыбные ловли были отобраны в казну, а пчельники и бортные угодья, а также все частные мельницы объявлены казенными и на этом основании обложены платежом (1704 г.); все фабрики и заводы были также объявлены казенными и обложены платежами, контроль за их деятельностью осуществляла Мануфактур-коллегия; права на недра земли передавались казне (1719 г.); все леса Европейской России были объявлены государственными заповедниками (1723 г.). То же происходило в отношении земель, занимаемых казенными крестьянами, которых Петр десятками тысяч раздавал в собственность дворянства. Известны многочисленные случаи, когда царь распоряжался не только земельной, но и движимой корпоративной или личной собственностью своих подданных, а также их трудом. В 1700 г. ввиду недостатка артиллерии для русской

армии Петр приказал снять с церкви колокола и перелить их в пушки, что и было исполнено. В 1714 г. царь запретил строительство каменных домов на территории всей России, кроме Петербурга, и приказал прислать определенное число плотников и каменщиков в Петербург с целью ускорить развитие новой столицы. В 1724 г. по случаю коронации жены Петра I Екатерины царь приказал конфисковать у русского и иностранного купечества в Петербурге 60 лучших лошадей для роты кавалергардов, участвовавших в коронационных торжествах, что также было исполнено.

Государству постоянно требовались огромные средства для укрепления вооруженных сил и ведения активной внешней политики. В условиях отсталой сравнительно с западноевропейскими странами экономикой только чрезвычайная государственная эксплуатация населения могла обеспечить необходимые средства. Однако повышение налогового гнета наталкивалось на сопротивление населения, прежде всего в форме побегов. Чтобы удержать людей на месте, изъять у них средства и сохранить социальный порядок, правительство было вынуждено всех закрепить. Само население видело в прикреплении людей к городским и сельским общинам средство защитить себя от самовольного ухода товарищей по несчастью, связанных круговой порукой.

Слабое развитие рыночных отношений в стране, отсутствие в казне денежных средств для содержания армии и государственного аппарата заставило верховную власть обратиться к натуральной оплате служилых людей в форме пожалования земли с крестьянами, обязанными платить оброк или выполнять барщину. По сути дела частное крепостничество происходило из делегирования государством значительной части своей власти над личностью крестьянина и его трудом помещику.

Для утверждения крепостничества имелись культурно-психологические предпосылки: неразвитость в личности индивидуализма, недостаток самосознания и самоконтроля, склонности к подчинению только грубой силе. Людям XVI–XVIII вв. казалось естественным существование принудительного труда и насилия. Вот два характерных факта. 14 сентября 1702 г. в Москву привели около 800 шведских пленных — мужчин, женщин и детей и продавали их с молотка. Пленных покупали русские и иностранцы из Европы, руководствуясь при этом разными целями: первые превращали их в холопов, вторые использовали их в качестве слуг во время войны, а по окончании войны возвращали им свободу. В России широкое распространение получило самозакрепощение, которое было законодательно отменено лишь в 1783 г., причем по инициативе императрицы. Но и после 1783 г. это явление не исчезло, находилось немало людей, которые самозакрепошались. Эксперт по крестьянскому вопросу в 1830–1860-е гг. А.П. Заблоцкий-Десятовский констатировал, что «у помещичьих крестьян понятие личности не существует. Часто помещик нарушает права супружеские, не щадит целомудрия (жен и дочерей крестьян. — *Б. М.*), и это нередко сносится крестьянами терпеливо; в особенности должно сказать о женщинах».

Сказанное вовсе не означает, что народу были чужды понятие свободы, любовь и стремление к ней. Однако народные представления о свобо-

де и об идеальном общественном устройстве расходились с тем, как понимали их государь и элита, и потому подталкивали самодержавие к решению социальных и политических проблем с помощью крепостничества. Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц. Народным идеалом служила форма организации казачества, подразумевавшая полное самоуправление, решение всех вопросов на общем сходе, выборные власть и суд, полное равенство, уравнительное распределение земли и прочей собственности между всеми. Эти идеалы ярко проявились во время народных восстаний под руководством народных героев — С. Разина (1667–1671 гг.), К. Булавина (1707–1709 гг.), Е. Пугачева (1773–1775 гг.), а также во время многочисленных локальных крестьянских бунтов. Подобное понимание свободы вступало в непримиримый конфликт с существовавшим общественным порядком, поэтому исполнители народных идеалов становились государственными преступниками и кончали свою жизнь на плахе. Народ это понимал: люди рассматривали свободу и общественный порядок как альтернативные понятия — либо свобода, либо общественный порядок. Свободным может быть только разбойник — любимый народный герой. Путем бунта разбойник добывается свободы, но одновременно нарушает законный порядок и вследствие этого противопоставляет себя государю (государству), церкви и оказывается вне общества; конфликт «свобода–порядок» перерастает в конфликт «общество–человек». Бунт всегда вне закона, свобода всегда нарушает общественный порядок, не раскаявшегося вовремя бунтаря ждет гибель.

Самодержавие и его администрация для поддержания социальной стабильности использовали крайние формы насилия, которое стало привычкой, нормой, законным средством наведения порядка. Как свидетельствовал в своих мемуарах известный агроном и помещик, администратор и писатель XVIII в., просвещенный для своего времени человек А.Т. Болотов, 22 года (1774–1796 гг.) управлявший несколькими тысячами казенных крестьян, без строгих телесных наказаний поддерживать порядок было невозможно; отклонение от этой нормы служило для крестьян признаком слабости власти и являлось причиной или поводом для неповиновения. Подобного образа мысли и действия придерживалась преобладающая масса и управляющих, и управляемых, в чем они откровенно и без малейшего чувства неловкости признавались.

Уровень насилия был постоянно высок, хотя и сильно варьировал в зависимости от статуса и от человека, имевшего власть и право на насилие. Но взгляды на насилие и жестокость в течение XVIII – первой половине XIX в. эволюционировали в сторону гуманности. До 1760-х гг. насилие считалось необходимым инструментом поддержания общественного порядка. Со времени Екатерины II просвещенная часть общества начинает негативно относиться к насилию. В конце XVIII в. раздаются первые голоса (А.Н. Радищев) протеста против насилия и крепостного права в целом.

Важным экономическим фактором всеобщности крепостничества являлось отсутствие найма в буржуазном смысле этого термина. В период

крепостного права господствовал обычай, согласно которому всякий свободный, поступивший в услужение, на работу, на службу к другому, превращался в зависимого человека, а его наниматель — в господина. Во время второй ревизии в 1743 г. правительственным указом все наемные работники были превращены в крепостных своих работодателей. Уход вольнонаемного рабочего с фабрики в XVIII – первой половине XIX в. приравнялся к побегу и рассматривался как уголовное преступление. Среди государственных крестьян Севера вплоть до 1860-х гг. существовало такое явление, как половничество. Разорившиеся государственные крестьяне, продавшие свои земельные участки, в тот период, когда это еще на Севере разрешалось (до 1766 г.), брали в аренду землю у крестьян-землевладельцев на договорных началах. Крестьяне назывались половниками. Согласно договору, землевладельцы платили за них налоги и повинности, снабжали их семенами, давали ссуду при первом обзаведении, а половники отдавали землевладельцам обычно половину урожая (отсюда и наименование «половник») и выполняли для них различные полевые и строительные работы. Половники пользовались правом перехода от одного землевладельца к другому, но только в пределах одного уезда и после уплаты прежнему землевладельцу «пожилых денег». Считаясь государственными крестьянами, фактически половники находились на положении крепостных землевладельца, на чьей земле они работали и жили. Здесь мы имеем типичный пример того, как договорные отношения превратились в крепостнические вследствие того, что в русском обществе земельная собственность и власть были неразсторжимы.

Собственность давала власть: в начале XVIII в. царь господствовал над всеми в государстве, потому что он являлся верховным собственником всей земли; помещик господствовал над крестьянами в силу того, что они жили на его земле; хозяин фабрики господствовал над рабочими, потому что они работали на его фабрике, и т. д. В свою очередь власть давала права собственности: обладание административными, судебными, полицейскими функциями влекло за собой превращение сферы, на которую они распространялись, в объект владения лица, располагавшего этой властью. Царь стал верховным собственником земли не сразу, а спустя много времени, в течение которого он выполнял военные, судебные и другие государственные функции. Помещик стал собственником крестьян после длительного исполнения административных и других функций в поместье. Земля и крестьяне, закрепленные правительством в 1721 г. за купеческими заводами и фабриками на посессионном праве, с течением времени сначала фактически, а потом и юридически превратились в собственность заводовладельцев. В буржуазном обществе арендные и вообще договорные отношения никогда не перерастали в крепостнические.

Считали ли *все* люди начала XVIII в. себя закрепощенными? Не считали даже в тяжелые петровские времена, когда царь напрягал общество до крайней степени и пытался на каждого человека, не исключая и себя лично, возложить экстраординарные обязанности. Все социальные слои, исключая холопов и помещичьих крестьян, по понятиям того времени и по внутреннему убеждению считали себя свободными, хотя в обращениях

на Высочайшее имя долгое время вплоть до царствования Екатерины II самый первый вельможа называл себя рабом. Свобода мыслилась как альтернатива рабству и холопству, потому что несвобода всех социальных групп, кроме холопов, не была равнозначна бесправию, не закрывала возможности искать правды в суде, у администрации, у царя. Каждый имел определенные права, закрепленные если не законом, то обычаем, и сам всесильный монарх и его администрация вынуждены были считаться с этим. Важно отметить следующее принципиальное обстоятельство — государь и коронная администрация преимущественно имели дело не с отдельными индивидами, а с людьми, объединенными в корпорации. И как ни слабы были, сравнительно с Западной Европой, корпорации дворян, духовенства, купцов, ремесленников и крестьян, у них хватало сил, чтобы защитить своих членов от монаршего или административного произвола, если под последним иметь в виду несоблюдение обычаев, традиций и закона.

Считается, что в средневековом обществе Запада было много насилия, но, в отличие от России, господствовало право. В русском обществе начала XVIII в., возможно, было больше насилия, но все же общественные отношения в большей степени регулировались правовыми нормами, чем насилием. Само внеэкономическое принуждение серьезно ограничивалось традицией, обычаем, стариной. Частное крепостничество, как и государственное, основывалось главным образом на официальном праве, отсюда его название «*крепостное право*», корпоративное крепостничество держалось преимущественно на обычае, поэтому его можно назвать *крепостным обычаем*. Все три вида крепостничества опирались на право.

VII.4. Отмена крепостничества

Подобно тому как закрепощение населения происходило постепенно, так и раскрепощение совершилось не сразу и включало освобождение от государственного, частного и корпоративного крепостничества, т. е. получение: 1) свободы от всех форм внеэкономической, личной зависимости; 2) свободы в выборе места жительства; 3) свободы социальных перемещений; 4) полного и неограниченного права на частную собственность любого движимого и недвижимого имущества; 5) свободы в выборе занятия и профессии; 6) социальной защищенности.

А. Освобождение дворянства

Освобождение дворянства происходило в несколько приемов и сопровождалось рецидивами крепостничества. Манифестом от 31 декабря 1736 г. Анна Иоанновна сократила срок обязательной службы с бессрочной до 25 лет, освободила одного из нескольких сыновей или братьев в семье от службы для управления имением, но с обязанностью учиться, чтобы быть годным в случае надобности к гражданской службе, установила возраст поступления на службу 20 лет. Выходящие в отставку и остающиеся в своих поместьях дворяне обязаны были поставить определенное число рекрут соответственно числу своих крепостных. Едва Манифест был обнародован, как чуть ли не половина офицеров подала в отставку, что объяснялось тем, что служба начиналась с 15 лет. Опасение остаться без офицеров и чиновников заставило императрицу на некоторое

время приостановить действие Манифеста, но постепенно он вошел в силу. Почти одновременно с этим в 1737 г. были усилены требования к дворянскому обучению. Отныне представители дворянства до поступления на службу 4 раза проходили освидетельствование (в 7, 12, 16 и 20 лет), а во время трех последних смотров сдавали экзамены по чтению, письму, закону Божьему, арифметике, геометрии, географии, истории и фортификации. В период правления Анны Иоанновны возник обычай записывать недорослей в службу с малых лет, так что они, находясь дома, «проходили» службу в нижних чинах и к 20 годам — моменту поступления на действительную службу — поступали уже офицерами. Эти привилегии были дарованы дворянству в награду за освобождение императрицы от власти аристократии, вынудившей ее при воцарении отказаться от самодержавных прав.

Елизавета Петровна внесла дальнейшие послабления в служебные обязанности дворян и увеличила их вотчинные права. Это объяснялось необходимостью вознаградить гвардейцев-дворян за участие в дворцовом перевороте, приведшем ее на трон, а также под влиянием их настойчивых требований. 18 февраля 1762 г. Петр III отчасти из-за страха перед дворянством, отчасти из-за угрозы дворцового переворота, а также руководствуясь государственными и династическими соображениями, издал Манифест о вольности дворянской, который освободил дворян от обязательной службы государству: все служащие к тому времени могли по собственному усмотрению оставаться на службе или уйти в отставку (исключение делалось лишь для военных на время войны). Неслужащий дворянин получал даже право ехать за границу и служить там. Обязательность обучения оставалась, но и она была выражена в виде повелительного совета: «Чтобы никто не дерзал без обучения науке детей своих воспитывать». Манифест вызвал активный уход дворян в отставку.

Екатерина II после продолжительных колебаний, убедившись, что дворянская вольность не лишает государство кадров и не подрывает общественный порядок, сначала подтвердила Манифест, а затем увеличила личные права дворян в Жалованной грамоте дворянству в 1785 г. Жалованная грамота дворянству сохранила на вечные времена «вольность и свободу»: 1) Отменила обязательную службу и предоставила право поступать на службу союзных европейских держав. Следует иметь в виду, что в 20-й статье содержалась существенная оговорка: «Во всякое таковое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякий благородный дворянин обязан по первому призыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной». 2) Даровала особые привилегии при поступлении на военную или гражданскую службу и при чинопроизводстве. 3) Разрешила выезжать за границу для обучения. 4) Освободила от личных налогов и повинностей. 5) Освободила от телесных наказаний. 6) Гарантировала неприкосновенность дворянского достоинства (только по суду и при императорской конфирмации этого решения возможно было лишить человека дворянства, имущества и жизни). 7) Закрепила за дворянством монопольное право владеть землей и крепостными. Дворяне были вполне удовлетворены, так как полученные права

соответствовали их взглядам на вольность и свободу. Эти взгляды напоминали крестьянское представление о вольности: освобождение от всяких обязанностей перед государством. Кроме вольности, дворянство получило право создавать в каждом уезде и губернии дворянские общества и регулярно проводить дворянские собрания, а также иметь особый суд, состоящий исключительно из дворян. Полноправными членами дворянских корпораций могли быть только потомственные дворяне, бывшие на государственной службе и имевшие офицерский чин.

Император Павел I в 1797 г. сразу по восшествии на престол отменил некоторые принципиальные пункты Жалованной грамоты дворянству, в частности, восстановил обязательную службу. Но при следующем императоре, Александре I, в 1801 г. Жалованная грамота вновь в полной мере обрела силу, теперь уже окончательно.

Освободившись от государственного крепостного права, дворянство еще долгое время продолжало ощущать свою подчиненность, несамостоятельность перед самодержавием. Это происходило, с одной стороны, как бы по инерции, с другой — вследствие того, что фактически дворянство продолжало находиться в сильнейшей зависимости от верховной власти. Для многих дворян государственная служба оказывалась необходимой по причине материальных трудностей, для немногих — в силу честолюбия. Но служащий дворянин не мог ни чувствовать, ни вести себя независимо, как неслужащий английский джентльмен. Однако формальное освобождение дворян от государственного крепостного права, несмотря на длительное сохранение его пережитков, повлекло за собой реальное освобождение. Провозглашенные в Жалованной грамоте права со временем не превращались в фикцию, а наоборот, входили в привычку и становились обычаем. Петр I пытал и казнил заговорщиков тысячами, взяточников — десятками, невзирая на чины, титулы и богатство, часто без суда, по личному усмотрению. Отрицательного отзыва о личности царя или его правлении, фантазии на тему заговора, помыслов или желания на устранение монарха от власти, любовной интриги с царицей было достаточно для казни. С момента вступления на трон Екатерины II это стало невозможно. Восстание декабристов 1825 г. закончилось тем, что после шестимесячного следствия и суда 289 человек из дворян получили различные наказания, из них лишь 5 казнены. Среди солдат за участие в восстании был приговорен к телесному наказанию 201 человек, а 4 тыс. были отправлены в действующую армию на Кавказ. Ужасно! — думали современники. Но вот финал неудачного восстания стрельцов в 1698 г. — казнено 1166 человек, при этом сам Петр I рубил головы заговорщикам, среди которых были и дворяне. При Николае I, подражавшем первому российскому императору, расправиться подобным образом с дворянами и даже недворянами было уже невозможно.

Освобождение дворянства проходило параллельно с развитием частновладельческих прав на земли и крепостных. К началу XVIII в. большая часть дворянства владела ими на правах поместной собственности, обусловленной службой, с большими ограничениями в правах распоряжения. Петр I уравнивал поместья и вотчины в их правах по политическим сообра-

жениям: чтобы ослабить недовольство введением порядка единонаследия и примирить дворян с новым порядком, царь и увеличил их имущественные права. Но при Анне Иоанновне дворянство добилось отмены единонаследия, сохранив вотчинные права на свое имущество. Похожая история произошла с крепостными крестьянами. До первой ревизии в 1719 г. права дворян на крестьян и их труд были ограничены. Но кроме крестьян дворянам принадлежали холопы, составлявшие около 10 % от числа крестьян. Социальный статус всех разрядов холопов был ниже крестьянского, а юридическое положение некоторых категорий холопов было тождественно положению раба. Холопы не платили государственные налоги, что было выгодно их владельцам. Петр I в целях увеличения числа налогоплательщиков заставил холопов, а фактически их владельцев, платить налоги. Но этот удар был смягчен тем, что в юридическом отношении крестьяне уравнивались с холопами. Другими словами, дворяне, как помещики, расширили свои права над крепостными.

В дальнейшем, вплоть до 1785 г., дворянство расширяло свои права на землю, крепостных и прочее движимое и недвижимое имущество. При Екатерине II все ограничения в правах на частную собственность для дворян были упразднены, за одним исключением — за государством было удержано право экспроприации частной собственности для государственных потребностей в исключительных случаях и при условии компенсации. Этим правом государство не злоупотребляло, но иногда пользовалось, например в 1861 г., когда вопреки желанию большинства помещиков принудительно выкупило у них землю для крестьян. В Жалованной грамоте право на частную собственность для дворянства было торжественно подтверждено и в дальнейшем не нарушалось. Таким образом, дворянство получило вольность одновременно с правом на частную собственность и с правом полной собственности на свое имущество.

Почему дворянство получило личную свободу первым? Дворянство долго и упорно боролось за свое освобождение, преодолевая сопротивление верховной власти, которая часто шла на уступки неохотно, нередко в моменты ослабленности, после дворцовых переворотов. Освобождению дворянства чрезвычайно способствовало приобретение им права частной собственности на свои имения. Получив землю и крепостных в собственность, дворяне, естественно, захотели освободиться от обязательной службы и всех ограничений, которые она накладывала, сохранив при этом все права. Дворяне преуспели и в этом в значительной степени потому, что были сильны и их сословные интересы совпадали с интересами самодержавия. Велико было значение западноевропейского влияния для освобождения дворянства. Уже при Петре I приобщение к новой западной культуре стало маркером дворянства, что имело серьезные социальные последствия. Новая культура отрывала его от остального населения, проводя резкую и зримую грань между податными, или «подлыми», и «благородными» людьми. Это послужило важным фактором роста дворянского самосознания, а участие в дворцовых переворотах воспитало в дворянах сословный дух и сознание своей силы. Дворянство более не могло мириться с тем, что «благородные» вместе с «подлыми» одинаково

во должны служить государству — освобождение от обязательной службы стало вопросом чести. То, что дворяне видели в других европейских странах готовую модель «благородного» сословия, ускорило созревание в их массовом сознании идеи о необходимости эмансипации.

Б. Освобождение духовенства

Освобождение духовенства от крепостной зависимости началось почти одновременно с раскрепощением дворянства, но происходило медленнее. В 1720-е гг. сначала штатные священники и дьяконы, а также их дети, а затем и причетники были освобождены от подушной подати и рекрутской повинности, что в то время считалось важнейшими признаками социальной привилегированности. К середине XVIII в. духовенство освобождается от всех натуральных повинностей (пожарной, караульной, постоянной и т. п.). В 1764 г. для клириков был отменен оброк в пользу епископов. В 1767 г. Синод запретил духовному начальству применять телесные наказания по отношению к священникам, в 1771 г. запрещение распространено на дьяконов, в 1811 г. — на монахов. От телесных наказаний по приговорам светских судов священники и дьяконы были избавлены в 1801 г., их жены и вдовы — в 1808 г., их дети — в 1835 г. Дьячки, пономари и другие второстепенные служители культа и их дети были освобождены от телесных наказаний по духовному и светскому суду лишь в 1862 г. В 1797 г. Павел I пожаловал монахам и священникам право получать все ордена, кроме ордена Св. Станислава, что открыло им путь к получению титула потомственного дворянина, следовательно, к приобретению имени с крепостными. Начиная с 1829 г. государство стало выдавать приходскому духовенству финансовые субсидии (в 1855 г. их получало 40 % приходов), чтобы ослабить его материальную зависимость от прихожан. В 1849 г. духовенство было освобождено от обязательного обучения.

Таким образом, к концу XVIII в. белое духовенство избавилось от всех признаков «подлого» состояния, кроме телесного наказания для церковнослужителей, и освободилось от государственного и корпоративного крепостничества. По их правам в начале XIX в. священников и дьяконов можно сравнить с личными дворянами, свидетельством чего может служить тот факт, что их вдовы пользовались правами личного дворянства.

Освобождению духовенства в решающей степени способствовало то, что с начала XVIII в. правительство стало смотреть на духовных лиц как на свою социальную и идеологическую опору, призванную распространять идеи самодержавия и православия. Но для того чтобы служители церкви могли справиться с этой задачей, необходимо было дать им образование, упорядочить службу, поднять социальный престиж, т. е. превратить в привилегированное сословие. Эта идея нравилась духовенству. Правительство и Синод вместе с иерархами в течение XVIII в. совместными усилиями провели это намерение в жизнь и дали белому духовенству личные права, привилегии и образование. О правах было сказано выше. Что касается образования, то в начале XVIII в. среди духовенства вообще не было лиц со специальным духовным образованием из-за отсутствия духовных школ, а в начале XIX в. до трети священников имели

полное семинарское образование, к 1860 г. — 83 %. Однако духовенство оставалось уязвимым в материальном отношении — его благосостояние сильно отставало от потребностей, не соответствовало уровню его образования и привилегированному социальному статусу. Это обстоятельство травмировало представителей духовенства и пренебрежало им в полной мере воспользоваться теми благами, которые теоретически предоставляли личные права.

Освобождение приходского духовенства проходило одновременно с развитием его прав на собственность. Церковные здания вместе с церковным инвентарем и предметами культа всегда принадлежали приходу, а не причту. Дома, в которых проживали клирики, могли принадлежать либо им, либо общине в зависимости от того, на чьи средства они были построены. Земля, на которой дома располагались, к началу XVIII в. в городах принадлежала посадской общине, а в деревнях — помещику, государству или сельской общине в зависимости от того, на чьей земле находилась церковь. В 1700 г. дворовые места были признаны собственностью клириков, проживавших там. Полное и окончательное юридическое признание городских дворовых мест частной собственностью духовенства завершилось в 1785 г.

Судьба дворовых мест в сельской местности была иной: до 1860-х гг. они оставались в собственности тех юридических лиц, на чьей земле находилась церковь. По распоряжению правительства сельское духовенство вместо фиксированного жалованья, которого оно добивалось, получило землю (от 33 до 99 десятин на причт) от собственника той земли, на которой находилась церковь. Но эта земля отдавалась причту во владение и при условии исполнения церковной службы. В силу этого городские клирики могли совершать сделки со своей землей, а сельские — нет. В 1804 г. закон признал за духовенством право приобретать в собственность земли, но без крепостных. Следовательно, только с этого времени и сельское духовенство получило право на земельную собственность. Однако из-за бедности оно не могло сколько-нибудь широко воспользоваться предоставленным правом. Лишь в 1860-е гг. дворовые места сельского духовенства перешли в их частную собственность, хотя причтовая земля за ними не осталась, а перешла в собственность сельской общины. Одновременно с этим клирики получили право приобретать и отчуждать недвижимое и движимое имущество (земля, дома и пр.). В течение 1700–1917 гг. духовенство не имело права заниматься какой-либо предпринимательской деятельностью и владеть фабриками, заводами и другими средствами производства. Длительное ограничение прав на недвижимую собственность, отсутствие сколько-нибудь значительной собственности в любых ее видах служили важным фактором бедности приходского духовенства и порождали его зависимость от государства даже после эмансипации.

Если имущественные права белого духовенства понемногу расширялись, то черное духовенство их постепенно утрачивало. До XVIII в. церкви в лице патриарха, епископов и монастырей принадлежали наиболее полные права собственности на треть всей земли и крепостных в России,

а также на огромное количество другой недвижимой и движимой собственности. Субъектом прав на церковные имущества являлись конкретные епископии, монастыри и отдельные соборные церкви. Права церкви на собственность фактически приближались к правам государства, хотя закон никогда не давал на это санкции. В государственном и общественном сознании постепенно умирала мысль о зависимости прав собственности церкви от государства. Петр I в 1701 г. распорядился управление церковными имениями передать в специально созданное для этого государственное учреждение — Монастырский приказ, который стал выдавать церковным учреждениям определенное содержание. С учреждением Синода в 1721 г. имущества были переданы ему как государственному учреждению. Но церковь интерпретировала это как возвращение ей права управлять имениями, поскольку Синод являлся самостоятельным органом церковного управления. При Петре I это не представляло опасности для государства, но после его смерти Екатерина I в 1726 г. поспешила передать управление церковным имуществом вновь созданной Коллегии экономии. Елизавета Петровна, благоволившая церкви, возвратила Синоду управление имуществом. Но теперь субъектом права на имущества сделалась церковь как институт, как цельное учреждение, что облегчило путь к их последующей полной секуляризации. Петр III издал в 1762 г. указ о секуляризации церковных имений, но провела ее Екатерина II в 1764 г. Потеряв собственность, церковь попала в зависимость от государства и вынуждена была проявлять в отношении к нему больше лояльности, чем ей того хотелось. Иначе сложилось дело в католических странах Европы, где церковь отстаивала свои права, что помогло ей сохранить большую автономию сравнительно с православной русской церковью.

В. Освобождение посадских

Посадские хорошо понимали значение личных прав для успешного занятия торговлей, ремеслом и промышленностью. Они упорно боролись за монопольное право на торговлю и промыслы, за переход городского имущества, включая землю, в собственность посадской общины, за отмену казенных служб и конфискаций частных имуществ в пользу казны, за утверждение сословного суда и права частной собственности. Петр I, понимавший большое значение торгово-промышленного класса для благосостояния государства, пошел навстречу этим требованиям — был утвержден сословный суд, расширены права самоуправления, купечество получило возможность откупаться от рекрутской повинности. После смерти царя эти привилегии, кроме последней, были утрачены, и только Екатерина II возобновила усилия по их восстановлению.

Правительство особенно благоволило к высшей страте торгово-промышленного населения — купечеству, поскольку в его руках находились городское самоуправление, торговля и промышленность страны. В 1775 г. купечество было освобождено от денежных и натуральных казенных повинностей, которые были заменены выплатой определенного процента с объявленного капитала, и от круговой поруки. Эта мера имела серьезные социальные последствия — купечество стало больше платить налогов в казну, но за это фактически освободилось от корпоративного и государ-

ственного крепостничества. Однако свобода выкупалась не навсегда, а на один год. Любой член городских корпораций имел право объявить капитал, наличие которого не проверялось, и записаться купцом той или иной гильдии. Одновременно с этим он получал личные права купечества на год. Если такой человек вовремя вносил платежи, его статус сохранялся на следующий год и т. д. При неуплате он подвергался штрафу и становился мещанином, т. е. возвращался в прежнее состояние государственного и корпоративного крепостного. Таким образом, свободу нужно было каждый год выкупать.

Жалованная грамота городам 1785 г. превратила городское податное население в сословие и обеспечила ему личные права. Документ упразднил все казенные службы и тем самым государственную барщину, ввел сословный суд, чем юридически ослабил зависимость от коронной администрации. Грамота закрепила за городским сословием монопольное право на торговое предпринимательство (так как дворяне и крестьяне могли продавать только произведенные в их хозяйствах продукты) и право иметь в частной собственности дворовые места внутри города, а также дома, лавки, амбары, фабрики и заводы внутри города и в пригороде; именитые граждане получили право владеть загородными дворами, т. е. дачами и садами. Земельные угодья, рыбные промыслы, мельницы, которые принадлежали городской общине, перешли в ее корпоративную собственность. При этом Грамота установила принцип неотъемлемости дарованных сословных прав, их можно было лишиться только по решению суда за тяжкие преступления, и увеличила штраф за бесчестье (обидчик должен платить штраф, равный годовому платежу, вносимому оскорбленным в государственную и городскую казну). Грамота подтвердила привилегии купечества, полученные в 1775 г., и дала дополнительные, в частности, освободила от телесного наказания купцов I и II гильдий (около 3 % от всей численности городского сословия в последней четверти XVIII в. и менее 1 % в первой половине XIX в.), разрешила поступление на государственную службу, сняла ограничения на изменения места жительства.

Жалованная грамота удовлетворила основные требования посадских, получивших наименование купцов и мещан, и обеспечила твердую юридическую базу их нового социального статуса. Они не получили права владеть крепостными. Но и в этом вопросе самодержавие по необходимости пошло на уступки купечеству. В 1721 г. Петр I разрешил купцам, владевшим фабриками и заводами, приобретать к ним деревни, или населенные крепостными крестьянами имения, на посессионном праве — купленные фабрикантом крестьяне приписывались к промышленному предприятию, а не к его владельцу; при продаже фабрики или завода вместе с предприятием к новому владельцу переходили и крестьяне. Эта уступка была продиктована крайней заинтересованностью государства в развитии отечественного производства вооружения и амуниции для армии. К 1762 г. помещики развили вотчинную промышленность, и по требованию дворянства купечество было лишено права покупать новых крестьян к своим предприятиям, но сохранило за собой тех, которых имело до указа. Павел I в 1798 г. вновь разрешил покупку крестьян к предприятиям. Посессионные крестьяне счи-

тались формально государственными крестьянами, но фактически являлись собственностью предпринимателей (хотя государство регулировало отношения между ними и крестьянами). В 1863 г. все посессионные фабрики перешли в частную собственность их владельцев, а приписанные к ним крестьяне освобождены на правах помещичьих крестьян.

Итак, Жалованная грамота лишила купечество всех признаков казенного и корпоративного крепостничества, а мещанство — лишь частично, так как оно по-прежнему прикреплялось к месту жительства и состоянию и было ограничено в выборе занятий. Привилегии, полученные купечеством, послужили основанием для разделения городских обывателей, как они назывались в Жалованной грамоте, на две группы: привилегированное купечество и непривилегированное мещанство. Однако между купечеством и мещанством не было непреодолимого барьера — все купцы происходили из мещан и крестьян и львиная часть купцов со временем становилась мещанами. Закон создавал для городских обывателей реальную возможность навсегда избавиться от всех форм крепостной зависимости через постоянное пребывание в купечестве. Эта задача была не из легких, потому что купцы часто разорялись. Но в 1831 г., с введением звания потомственного почетного гражданства, которое навсегда и с правом передачи потомству закрепляло за человеком, носившим это звание, все права купечества, задача была облегчена. Достаточно было иметь статус купца I гильдии 10 лет или купца II гильдии — 20 лет, чтобы стать потомственным почетным гражданином.

Если говорить о городских обывателях в целом, то окончательно от всех форм крепостничества оно освободилось в результате Великих реформ. Телесные наказания для купцов III гильдии и мещан были отменены в 1863 г., круговая порука и подушная подать с мещанства — в 1866 г., рекрутская повинность в 1874 г. была заменена всеобщей воинской повинностью. С отменой круговой поруки и подушной подати для мещанства оно фактически также освободилось от корпоративного крепостничества. Следовательно, в 1785 г. купцы I и II гильдий юридически освободились от всех признаков крепостного состояния, купцы III гильдии от всех, кроме одного — телесного наказания. Что же касается мещанства — около 90 % всего городского сословия, то его полное освобождение произошло лишь в 1860-е гг.

Что помогло посадским освободиться от крепостничества? Правительство с пониманием относилось к их нуждам, ценило их «службу» и, что очень важно, боялось возникновения недовольства с их стороны в значительной степени, чем со стороны крестьян: беспорядки в городе представляли неизмеримо большую опасность для общественного порядка, их труднее было подавить, они легче распространялись на другие поселения, поскольку города не были так сильно изолированы от внешнего мира, как деревни. Городские движения середины и конца XVII в. со всей очевидностью показали, какую огромную опасность они представляют для социальной стабильности и положения правящей династии. Самодержавие извлекло из этого урок и в течение XVIII в. постепенно удовлетворило основные требования посадских.

Раскрепощению способствовало и осознание самодержавием необходимости предоставить посадским право иметь защищенную законом собственность и экономическую свободу с целью развития в стране торговли и промышленности. В XVII в. и начале XVIII в. правительство практиковало экстраординарное налогообложение посадских и даже конфискации их имущества для государственных нужд. Под влиянием протестов и осознания пагубности подобной политики, которая лишала стимул к предпринимательству и вела к уклонению от налогов, государство начинает уважать собственность. В 1700 г. посадским было дозволено совершать сделки с их городскими дворовыми местами, что означало фактическое признание последних частной собственностью. Грамота 1785 г. юридически утвердила права городских обывателей на их движимое и недвижимое имущество. В 1801 г. купцы и мещане получили право покупать в сельской местности землю без крепостных, а в 1822 г. — дома, что позволило им легально жить и вести предпринимательскую деятельность в деревне, правда, при условии выплаты налогов и несения повинностей по двум состояниям — купеческому или мещанскому и крестьянскому.

Чрезвычайно способствовало освобождению городских обывателей развитие рынка и коммерциализация экономики. Только по мере их развития купечество превращалось в экономически влиятельную группу, с которой самодержавию приходилось считаться и идти навстречу ее требованиям, среди которых самое главное состояло в освобождении от всех форм крепостничества.

Г. Освобождение крестьянства

Помещичьи крестьяне

Если крепостничество дворянства, духовенства и посадских начиная со второй четверти XVIII в. постепенно ослабевало, то у крестьянства, наоборот, оно усиливалось и в царствование Екатерины II достигло своего апогея. Печальнее всего было положение помещичьих крестьян. Закон запретил им жаловаться на своих владельцев и дал последним правосылать их без суда и следствия, по собственному усмотрению, в Сибирь, в ссылку или на каторгу, отдавать в солдаты. Помещики вмешивались в личную жизнь крестьян, им принадлежало право на имущество своих крепостных. Правительство возложило на помещиков обязанность лично собирать с крестьян государственные налоги и вносить их в казну. Это отстранило помещичьих крестьян от непосредственного общения с коронной администрацией: между ними стал помещик. У крестьян осталось право свидетельствовать в суде, крестьяне являлись подсудными, они обязаны были платить государственные налоги, служить в армии, имели право получать небольшую материальную компенсацию за бесчестье, а также помощь от помещиков во время неурожая. При Елизавете Петровне была отменена присяга помещичьих крестьян на верность новому императору и его наследнику. Помещикам еще с середины XVII в. запрещалось разорять, мучить и убивать своих крестьян. В противном случае над их именем могли учредить опеку.

До освобождения дворянства крепостная зависимость крестьян от

помещиков имела некоторое оправдание: помещики служат государству, крестьяне — помещику и тем самым государству. После эмансипации дворянства частновладельческое крепостное право утратило всякое государственное и моральное оправдание. Правда, делегируя свои права помещикам, государство сохранило за собой контролирующую функцию за отношениями между помещиками и крестьянами, в частности, регулировало господство помещика. Однако в XVIII в. для облегчения крепостной зависимости помещичьих крестьян было сделано немного. Указом 1721 г. запрещалось при продаже крестьян разбивать семьи; указ 1771 г. вводил запрет на продажу крестьян без земли на аукционе с молотка. Оба указа исполнялись плохо. Несколькими указами при Екатерине II было сокращено число источников крепостного права: через куплю и продажу иностранцев азиатского происхождения и плен (1776 г.), через брак (1781 г.), не разрешалось самозакрепощение (1783 г.); с 1764 г. дети рекрутов, рожденных после поступления отца на службу, становились свободными. Эти меры в некоторой степени способствовали сокращению численности крепостных людей.

С конца XVIII в. правительство стало делать более решительные попытки ограничить власть помещиков и вернуть крестьянам некоторые утраченные права. Павел I в 1797 г. специальным указом ограничил барщину тремя днями в неделю. В 1803 г. указ о вольных хлебопашцах разрешил помещикам отпускать на волю целые деревни по договору со своими крестьянами. В 1842 г. этот указ был дополнен так называемым законом об обязанных крестьянах, разрешавшим помещикам по согласованию с крестьянами давать им свободу в обмен на уплату четко фиксированных повинностей; при этом земля оставалась в собственности помещиков. Указы 1802, 1804, 1808, 1827, 1833 и 1841 гг. ограничили некоторыми условиями право помещиков продавать и дарить своих крепостных и ссылать в Сибирь. Однако в 1827–1831 гг. помещики сослали в Сибирь 1249 человек, а в 1842–1846 гг. — 2715 человек. Крестьяне получили право выкупаться на волю при согласии помещика, а без согласия — при продаже имения с аукциона. В этом им помогало правительство. Созданное в 1837 г. Министерство государственных имуществ к 1861 г. выкупило у помещиков 178 имений и перевело крестьян в разряд государственных.

Свод законов 1832 г. урегулировал порядок наказания, а Свод законов 1845 г. четко определил компетенцию помещичьего суда и смягчил наказания крестьян. За помещиками сохранилось право на следующие наказания: розги — до 40 ударов, палки — до 15 ударов, заключение в сельской тюрьме до двух месяцев и в смиренном доме до трех месяцев, отдача в арестантские роты на срок до шести месяцев, а также в рекруты и удаление навсегда из имения с представлением в распоряжение коронной администрации. Помещики нередко превышали свои права. Когда это происходило, то согласно указам 1817 и 1826 гг. помещики шли под суд, а над их имениями учреждали опеку. Число помещиков, привлеченных к суду за злоупотребление властью, было достаточно велико: в 1834–1845 гг., за 12 лет, — 2838 человек, из них осуждено 630. В 1836, 1851–

1853 г. в среднем в каждом году в опеке находилось 212 имений. Однако и до 1817 г. верховная власть демонстративно наказывала помещиков за бесчеловечное обращение с крестьянами. Например, по распоряжению Александра I в 1802 г. помещик майор Орлов был заключен на покаяние в монастырь на 10 лет, а имение его перешло в дворянскую опеку; помещик генерал-майор Побединский был отдан под суд, а имение его перешло в дворянскую опеку. Государство соблюдало паритет в преследовании помещиков за злоупотребление властью и крестьян за неповиновение помещикам: в 1834–1845 гг. по всей России было осуждено 0,13 % помещиков и 0,13 % крестьян от общего числа.

Тройное крепостничество помещичьих крестьян — со стороны помещика, государства и общины — без существенных перемен продолжалось до 1861 г., когда было отменена самая тяжелая для крестьян частная крепость. С этого момента они переставали рассматриваться как собственность помещиков — их нельзя было продавать, переселять и т. п., они получили ряд личных прав — свободу вступления в брак, самостоятельное заключение гражданских сделок и ведение судебных дел, беспрепятственное занятие промышленностью и торговлей, право отлучаться с места своего проживания, поступать в любые учебные заведения, переходить в другие состояния. Они официально получили право самоуправления, которым фактически обладали до реформы. Но по закону реализация многих из провозглашенных личных прав ставилась в зависимость от решения общины, а для отдельного крестьянина, который не являлся главой домохозяйства, — и от решения главы семьи. Например, крестьянин мог отлучиться в город, если получал разрешение главы семьи и общины и местная администрация выдала паспорт. Разрешения давали не формально, а при соблюдении определенных условий: отсутствие недоимок, хорошее поведение и т. п. Крестьянин мог перейти в мещанское сословие, если имелись разрешения главы семьи, общины и администрации, если мещанское общество данного города согласилось принять его в свои члены и крестьянин полностью отказывался от своих прав на общинную землю (до 1870 г. крестьянин по закону не имел права отказаться от надела, т. е. фактически был прикреплен к земле).

Устранение помещиков от вмешательства в крестьянские дела затянулось на многие годы. Земля, которой пользовались крестьяне до 1861 г., была признана полной собственностью помещиков. Если крестьяне желали выкупить эту землю по утвержденным государством правилам и расценкам, они должны были заключить с помещиком договор и перейти на выкуп. Государство предоставляло крестьянам выкупную ссуду со сроком ее погашения в течение 49 лет, до 1910 г. До заключения договора о выкупе, а это происходило по инициативе помещика, крестьяне становились «временнообязанными» и в этот период за пользование землей должны были по-прежнему платить оброк или нести барщину. На период временнообязанных отношений помещики сохраняли за собой некоторые права вотчинной полиции: могли требовать смены сельского старосты и других лиц сельской администрации, предъявлять крестьянам различные требования по сохранению общественного порядка

и т. д. К 1870 г. на выкуп перешли и, следовательно, получили статус крестьян-собственников 66,6 % бывших помещичьих крестьян, к 1881 г. — 84,7 %, и только с первого января 1883 г. государство перевело оставшихся крестьян на выкуп и временнообязанные отношения прекратились.

Ввиду необходимости выплачивать выкупные платежи и проценты за ссуду государству зависимость от него бывших помещичьих и удельных крестьян в экономическом отношении даже увеличилась по сравнению с дореформенным временем. И все же несмотря на это, государственное крепостничество начало постепенно ослабевать: в 1874 г. рекрутчину заменили всеобщей воинской повинностью, в течение 1883–1906 гг. подушный налог — государственной оброчной податью (комбинацией поземельного налога и арендной платы); в 1895 г. ввели в действие новые паспортные правила, значительно облегчавшие передвижение крестьянства; в два приема, в 1899 и 1903 гг. ликвидируется круговая порука, в 1907 г. — выкупные платежи. Телесные наказания для крестьян сохраняются до 1904 г., хотя широта их применения была существенно ограничена по закону 17 апреля 1863 г. С этого времени телесные наказания сохранились для крестьян, не имеющих образовательного ценза, не занимающих должностей, не страдающих предусмотренными в законах болезнями и не достигших 60-летнего возраста; женщины были освобождены от телесных наказаний.

Что же касается корпоративного крепостничества крестьян, то оно в полной мере существовало до столыпинской реформы 1906–1915 гг.: в стремлении компенсировать ликвидацию помещичьей власти государство усилило роль сельской общины. 1906 г., когда каждый отдельный крестьянин получил право выделиться из общины, несмотря даже на возражения ее членов, можно считать *вторым раскрепощением крестьянства*. Кстати, именно так либеральные современники называли предоставленную российским парламентом свободу выхода из общины. Таким образом, первую русскую революцию 1905–1907 гг. можно считать тем рубежом, когда бывшие помещичьи крестьяне, как и все другие категории крестьян, юридически освободились от всех форм крепостничества. Этим правом за период 1906–1917 гг. воспользовалось около 29 % крестьянства. Оставшиеся в общине, а их было большинство, продолжали находиться в состоянии корпоративной зависимости.

Казенные крестьяне

Положение казенных крестьян в течение XVIII в. в целом ухудшалось. Однако их права не подверглись таким ограничениям, как права помещичьих крестьян, их администрация не приобрела таких широких прав в отношении суда, наказаний, ссылки и отдачи в рекруты, которые имели помещики. Личность казенного крестьянина была лучше защищена, что нашло отражение в том факте, что он приносил присягу верности при восшествии на престол нового императора. В глазах помещичьих крестьян положение казенных крестьян было предпочтительнее, поэтому они мечтали о том, чтобы перейти под юрисдикцию казенного ведомства.

Освобождение казенных крестьян началось с реформ П. Д. Киселева в

1837–1839 гг., которые существенным образом улучшили их положение в хозяйственном, судебном, административном и культурном отношении, расширили права самоуправления. Крестьяне по закону получили право выбирать место жительства, состояние, род занятий, поступать в любое учебное заведение, подавать прошения даже на высочайшее имя, вступать в гражданские сделки. Однако новые законы о казенных крестьянах вплоть до 1860-х гг. содержали ограничения на получение провозглашенных прав и не были в полной мере реализованы. Крестьяне продолжали сохранять ряд признаков крепостного состояния: прикрепление к сельскому обществу, рекрутскую повинность, круговую поруку, подушную подать и т. п. Эмансипация казенных крестьян от государственного крепостничества в основных чертах произошла в 1866 г., а удельных крестьян — в 1863 г. Освобождение от пережитков государственного крепостного права и общинной зависимости происходило по аналогии с помещичьими крестьянами постепенно и к 1917 г. завершилось.

Большой интерес представляет история развития права частной собственности у казенного крестьянства. В период империи крестьяне были юридически ограничены в имущественных правах: по закону они не имели права покупать и продавать землю, брать подряды и откупы, заниматься торговлей и промышленностью, не могли обвязываться векселями, вступать в поручительства. Эти запрещения старались обойти (крестьяне совершали, например, гражданские сделки на имя подставных лиц), но они все равно серьезно сдерживали развитие прав собственности крестьян. Например, владельческие крестьяне совершали сделки на имя помещиков, но в этом случае все приобретенное имущество числилось за последними. По обычаю владельческие крестьяне распоряжались своим движимым имуществом, а также всем тем имуществом, включая землю и крепостных, которое они приобретали на имя помещиков. Нарушение этого обычая считалось аморальным деянием. И все же, несмотря на это, некоторые помещики, в особенности попадавшие в серьезные материальные затруднения, игнорировали обычай. Закон в таких случаях стоял на их стороне. Что касается имущественных прав государственных крестьян, то сравнительно с помещичьими крестьянами они имели одно серьезное преимущество: сохранили право собственности на движимое имущество.

С конца XVIII в. имущественные права крестьян стали постепенно расширяться. Указы 1798, 1799 и 1812 гг. возвратили крестьянам право заниматься торговой деятельностью, указы 1818 и 1824 гг. — и промышленной деятельностью. В 1827 г. крестьянам разрешили иметь собственные дома в городах, кроме столиц, а в 1848 г. и в столицах. В 1801 г. казенные крестьяне и вольноотпущенники получили право покупать землю. И лишь в 1848 г., 47 лет спустя, помещичьи крестьяне также получили право покупать землю с согласия помещиков и на их имя. Перечисленные прогрессивные явления коснулись главным образом крестьян-предпринимателей, связанных с городом, где процесс приватизации государственной собственности интенсивно происходил начиная с 1700 г. Что касается имущественных, в особенности поземельных, отношений в деревне, то там, напротив, наблюдался отход от тех тенденций в области развития кре-

стьянского права на собственность, которые наметились в некоторых регионах в XVII в.

В течение XVIII в. к передельной форме общины переходят государственные крестьяне Севера, Урала и южной окраины Европейской России, а в конце XIX–начале XX в. — сибирские крестьяне. Следовательно, если в городе с 1700 г. происходило развитие частной собственности, то в деревне вплоть до начала XX в. преобладающее развитие получала коллективная общинная собственность. Это обстоятельство имело принципиальное значение для судьбы города и деревни, городского сословия и крестьянства, поскольку исторически право на обладание собственностью развивалось одновременно с другими правами человека. Отставание деревни в сфере имущественных отношений соответствовало ее отставанию по всем другим аспектам ввиду их взаимообусловленности. Город развивался в направлении расширения индивидуальной свободы и прав человека, по пути рыночной экономики, модернизации и секуляризации массового сознания; город втягивал Россию в мировой рынок, в содружество европейских государств. Деревня же в социальном и экономическом отношениях с начала XVIII в. стала отставать от города, в среде крестьянства до некоторой степени консервировалось все традиционное. Только в пореформенное время наметилось пробуждение крестьянства, тяга к новым формам жизни. Однако процесс этот к 1917 г. не успел завершиться.

VII.5. Причины отмены крепостного права

Ответ на вопрос о причинах отмены крепостного права зависит от того, насколько крепостной труд был эффективным и доходным для помещика. В XVIII–первой половине XIX в. рост цен на крепостных людей и на населенные помещичьи имения обгонял рост цен как на сельскохозяйственную, так и на промышленную продукцию. Поскольку цена крепостных определялась доходностью крепостного труда, это свидетельствует о ее росте. О ценах на крепостных можно судить по ценам на рекрутов. Желющие освободиться от рекрутской повинности вместо службы вносили сумму денег, которая определялась казной с учетом рыночных цен на крепостных. В солдаты принимались мужчины, соответствующие определенному возрастному и физическому цензу, и более чем на 90 % они состояли из крестьян. В силу этого динамика официальных цен на рекрута отражала изменение рыночных цен на крепостного. С 1720-х по 1850-е гг. цена на рекрута увеличилась (с учетом инфляции и изменения денежной системы) в 4,5 раза, среднероссийские цены на хлеб — в 3,5 раза, на промышленные товары — в 3,4 раза. Как видим, цены на рекрута обгоняли рост товарных цен, а это предполагает, что помещики получали прибыль от эксплуатации крепостных.

Прямые данные о росте оброков подтверждают вывод об увеличении доходности помещичьих имений. За период 1701–1800 гг. доходы помещиков от каждого оброчного крестьянина мужского пола (с поправкой на инфляцию и рост цен) возросли примерно на 69 %, за 1801–1860 гг. — еще на 70–90 %. Отсюда следует, что доходы от крепостного труда в об-

рочных имениях росли, поскольку управленческие затраты помещиков были минимальны и стабильны. Этот вывод может быть распространен на барщинные имения, потому что на сельскохозяйственных работах труд барщинных крестьян был существенно (по некоторым оценкам вдвое) более производительным, чем труд оброчных крестьян. Всюду, где земледелие являлось главным занятием, помещики предпочитали барщину: в 1850-е гг. на ней находилось 96,1 % крестьян 9 западных губерний, 81,6 % крестьян 21 черноземной и восточной губерний и только 43,2 % крестьян 15 нечерноземных губерний. Ввиду доходности имений ни один помещик либеральной или радикальной ориентации не отпустил своих крепостных на волю в 1840–1860-е гг., в том числе Самариных, Аксаковых, Киреевских, Кошелевых, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, К.Д. Кавелина, Л.Н. Толстого, а две трети дворянства были против отмены крепостного права. Исключением являлся только Н.П. Огарев.

Какой труд производительнее — свободный или принудительный? Ответ не столь очевиден, как кажется с первого взгляда. Сравнение показателей развития сельскохозяйственного производства у сильно закрепощенных помещичьих крестьян и менее закрепощенных казенных крестьян по 13 губерниям (Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской) в 1842–1853 гг. показывает, что хозяйственная деятельность помещичьих крестьян была более результативной. Казенный крестьянин, располагавший большей хозяйственной свободой, обладавший большим количеством земли, в меньшей степени обремененный налогами и повинностями, чем помещичий крестьянин, имел сравнительно с ним посевов на 42 % меньше, урожайность — на 16 % ниже, держал скота на 7–12 % меньше и производил зерна на 63 % меньше, а в итоге производил сельскохозяйственной продукции примерно в 1,5 раза меньше. Разумеется, львиная доля дополнительных доходов прилавалась помещику.

У казенных крестьян сумма оброка и прямого государственного налога в постоянной валюте возросла в период 1719–1850-е гг. примерно в 2,8 раза, у помещичьих крестьян — в 5 раз. Чтобы выплатить налоги и повинности, помещичьим крестьянам приходилось работать намного больше, чем казенным крестьянам, и именно поэтому они приносили больше дохода своим владельцам. При этом по уровню жизни помещичьи крестьяне по одним сведениям уступали, а по другим сведениям превосходили казенных крестьян. Если судить по качеству обработки полей и урожайности, то известный прогресс наблюдался повсеместно, но в барщинных имениях он был заметнее, чем в оброчных, у помещичьих крестьян — заметнее, чем у казенных. Главным источником роста урожайности являлось улучшение обработки полей за счет роста интенсивности труда, которая с середины XVIII в. до середины XIX в. в барщинных имениях выросла в разных районах России от 20 до 40 %.

Таким образом, помещичьи крестьяне под более строгим надзором своих владельцев работали не только больше, но и качественнее, чем казенные крестьяне. В свете этого становится понятным главный лозунг всех

выступлений помещичьих крестьян в XVIII – первой половине XIX в.: перейти в казенное ведомство, где жизнь была привольнее.

Интересные результаты дает сравнение интенсивности ручного труда русских крепостных и свободных или полусвободных крестьян в других европейских странах и в США во время сельскохозяйственных работ в 1820–1850 гг. В среднем за день работы русский *казенный* крепостной намолачивал 118 кг пшеницы или ржи — на 39–78 % больше, чем бельгийские, датские, австро-венгерские крестьяне, примерно столько же, сколько немецкие крестьяне, но на 39 % меньше, чем английские, и на 85 % меньше, чем американские фермеры. В период жатвы наблюдалась примерно та же картина. Помещичьи крепостные работали эффективнее казенных, поэтому сделанный вывод тем более можно распространить на помещичьих крестьян.

Российские крестьяне интенсивно работали только в периоды посева, покоса и жатвы. В остальное время продолжительность и интенсивность труда были ниже по сравнению со свободными западноевропейскими фермерами и с крепостными крестьянами в странах Восточной Европы. Следовательно, хозяйство, основанное на крепостном труде в России, в чисто экономическом смысле располагало резервами для своего развития, если иметь в виду увеличение продолжительности рабочего времени и повышение эффективности труда крепостных. И действительно, общая продолжительность труда взрослых барщинных крестьян мужского пола по ориентировочным оценкам в первой половине XIX в. составляла около 1350 часов в год (в течение года взрослый крестьянин работал 135 дней продолжительностью 10 часов), из них половина проходила на барщине; дети от барщины освобождались. Продолжительность рабочего времени американских рабов, занятых в сельском хозяйстве, была следующей: мужчины — 3055–3965 часов, женщины — 2584–3507, дети — 1913–2549 часов в год. Крепостной работал примерно в 2,6 раза меньше, чем раб, и в 2,3 раза меньше, чем рабыня. Норма эксплуатации русского барщинного крестьянина составляла около 100 %, а американского раба — 240 %. После отмены рабства число рабочих часов в году у бывших рабов уменьшилось на 28–37 %, но все равно они работали больше, чем крепостные.

Как показал опыт Англии, при ручном труде без всяких технических нововведений возможно было существенно увеличивать производительность труда в сельском хозяйстве главным образом за счет интенсификации труда и лишь в незначительной степени за счет совершенствования агротехники и селекции. Во второй половине XIII–первой половине XIV в. английские фермеры собирали по 614 кг с 1 га. Русские крестьяне через 500 лет, в 1860-е гг., — по 466 кг с 1 га, или на 32 % меньше. К середине XIX в. на основе ручного труда английские фермеры подняли урожайность пшеницы 1773 кг с 1 га, а американские фермеры на Севере США — 1446 кг с 1 га. Россия не достигла английского уровня начала XIX в. даже через два века — в 1986–1990 гг. урожайность зерновых составила 1590 кг с 1 га.

В Прибалтике первой половины XIX в. крепостные помещичьи хозяй-

ства, находившиеся, как правило, в худших природно-климатических условиях, чем хозяйства русских помещиков, превосходили последних по всем показателям примерно на 20 %. Следовательно, крепостное хозяйство в великороссийских губерниях к 1861 г. было еще далеко от своего экономического предела.

Итак, хозяйства, основанные на крепостном труде, приносили их владельцам доход и вплоть до 1861 г. не испытывали экономического кризиса. В условиях крепостничества, казенного или частного, чем больше была сила внеэкономического принуждения, тем, как правило, больше и лучше работали крестьяне. Сказанное, однако, не означает, что русские крестьяне могли хорошо работать только принудительно. Крестьяне работали ровно столько, сколько было необходимо, чтобы удовлетворить свои минимальные потребности и в массе крестьяне еще не были готовы к предпринимательству и к эффективному ведению своего хозяйства в условиях свободы.

Что служило причиной малой результативности крепостной экономики в России? Одна из важнейших — трудовая этика крестьян, ограничивавшая их активность удовлетворением элементарных потребностей. В системе ценностей крестьянства материальное благополучие, личный успех не занимали первого места. Поэтому для достижения значительных экономических результатов требовалось внеэкономическое принуждение. Принуждение, перedelная община и обязательный для всех способ земледелия компенсировали отсутствие у крестьян инициативы, предприимчивости, желания (не способности!) добиваться максимальных экономических результатов. Закрепощение производителя — это оборотная сторона и следствие потребительского менталитета крестьянства. *Россия была экономически отсталой не потому, что крепостнические отношения доминировали в ее экономике; напротив, само крепостное право было порождено ее отсталостью.* Подтверждение этому мы находим в большом числе нерабочих дней и праздников, когда работа запрещалась законом, обычаем и церковью и считалась грехом: работавших в воскресения и праздники штрафовали, а нередко избивали и ломали их инвентарь. В 1850-е гг. общее число нерабочих дней в году доходило до 230, в начале XX в. — до 258, в том числе общее количество воскресных и праздничных дней — соответственно 95 и 123. Поскольку число праздничных дней после эмансипации крестьян увеличилось, можно полагать, что в крепостное время крестьяне работали больше под давлением помещиков или коронной администрации. Об этом говорит и то, что у православных было больше религиозных праздников, чем у крестьян других конфессий. Например, в начале XX в. у православных было около 90 праздничных дней, у католиков — 38–48, протестантов — 13–23, у мусульман в Крыму и на Волге — 13–15. Поскольку крестьяне проживали примерно в одинаковых социально-экономических условиях, в формировании праздничного календаря важную роль играл культурно-религиозный фактор: система ценностей, установок и норм поведения, принятых у разных конфессий и этносов. Приверженность сельскохозяйственной магии, отрицательное отношение к нововведениям, свойственные православным крестьянам,

были порождены в большей степени культурными установками, чем низким уровнем грамотности. Российскому правительству нередко приходилось своей властью вводить какие-либо новшества в крестьянский быт, например запасные хлебные склады на случай неурожая в XVIII в., посадки картофеля у казенного крестьянства в 1840–1842 гг., частную собственность на землю в начале XX в. и т. п. Низкая грамотность также играла свою роль. Не случайно у православных она была ниже, чем у католиков, протестантов, татар и башкир. В целом по Европейской России в середине XVIII в. грамотность сельского населения обоего пола старше 9 лет не превышала 3 %, в 1797 г. лишь 6 % мужского и 5 % женского сельского населения умело читать и иногда писать, в 1857 г. — соответственно 19 и 10 %. Среди собственно крестьян грамотных было еще меньше. Например, в середине XIX в. — всего 2–5 %. В 1880 г. сельская администрация — сливки крестьянского общества, состоявшая из сельских старост и волостных старшин, имела в своем корпусе лишь 19 % грамотных.

Предпринимательство русских помещиков также было низкой пробы. Вольное экономическое общество в 1804–1805 гг. в 29 губерниях выявило всего 169 из 50 тыс. помещиков, которые делали усовершенствования в своем хозяйстве. Накануне реформы 1861 г. число новаторов выросло до 3 % всех помещиков. Русские помещики были посредственными коммерсантами и предпринимателями, им была чужда идея издержек производства, они боялись нововведений и риска, полагались главным образом на административные меры и находились под большим влиянием крестьянской агротехники и практики ведения хозяйства. Помещичье барщинное хозяйство не развивало высокой рентабельности и уступало по доходности плантаторским хозяйствам США и фольваркам в восточноевропейских странах или крупным имениям, организованным на вольнонаемном труде в самой России.

Вместе с тем как ни парадоксально, помещики испытывали огромные психологические нагрузки в процессе управления барщинным имением: доходы помещики буквально выколачивали из крестьян. Приблизительное представление об этом дают книги наказаний в барщинном имении Гагариных (данные за 1819–1858 гг., среднее число крепостных мужского пола в имении — 640) и в оброчном имении Шереметьевых (данные за 1790–1809 гг., среднее число крепостных мужского пола в имении — 4334). В барщинном имении ежегодно получали телесные наказания около 25 % взрослых крестьян мужского пола; в оброчном — 0,3 %. Случалось, что наказание заканчивалось летальным исходом. По далеко не полным сведениям III Отделения, в 1858 г. зафиксировано 46 случаев смертельного наказания и 16 случаев мертворожденных младенцев, вызванных жестоким обращением с женщинами; в 1859 г. — соответственно 55 и 17, в 1860 г. — 65 и 22. Таков диапазон насилия. Высший уровень насилия и обеспечивал высший уровень дохода — в барщинных имениях он был в среднем в 2 раза выше, чем в оброчных. На рабовладельческих плантациях США в 1840-е гг. телесным наказаниям подвергалось от 70 до 100 % рабов ежегодно, поэтому плантации были доходнее российских имений.

Отсюда не следует, что доход рос автоматически вместе с увеличением насилия: здесь действовал закон падающей производительности — каждый новый виток насилия приносил меньшие дивиденды.

Со временем осуществлять наказания крестьян становилось все труднее, во-первых, из-за роста крестьянского самосознания, чувства личности и усиления крестьянского протеста. Когда принуждение превосходило допустимые, по понятиям крестьян, пределы, они жаловались коронной администрации, бунтовали и нередко убивали помещиков. В среднем *каждый помещик хотя бы раз в жизни пережил покушение*. Статистика крестьянского движения ясно показывает, что крестьяне со временем чаще протестовали против злоупотребления властью: В 1796–1800 гг. в среднем в год происходило 39 крестьянских волнений, а в 1851–1856 гг. — 88, т. е. в 2,3 раза больше. Бунтовали главным образом помещицы крестьяне, и их лозунгом было освободиться не вообще от крепостничества, а лишь от помещицкой власти и стать казенными или удельными крестьянами. Усиление нажима на крестьянство имело еще одно негативное следствие — увеличение административного аппарата и издержек производства. Возникал своего рода замкнутый круг, общий для всякой экономики, основанной на принудительном труде: больше насилия — больше сопротивления — больше издержки производства. Во-вторых, по мере общего смягчения нравов в обществе жестокость становилась в глазах наиболее просвещенной части общества безнравственной, а само крепостничество — социальным анахронизмом. Не все дворяне выдерживали противоречие между европейским воспитанием и необходимостью действовать по правилам, диктуемым суровой реальностью крепостничества. Многие помещики уже не могли долее принуждать своих крестьян работать сверх традиции, но в таком случае доходность имения начинала снижаться и крепостное право теряло экономический смысл.

Важной причиной отмены крепостного права служила также некоторая коммерциализация крестьянского хозяйства, которая развивала в крестьянине чувство собственности, самостоятельности, открывала ему ценность денег, прививала любовь к экономической свободе. «За деньги русский мужик готов перехитрить англичанина, — заметил известный помещик-предприниматель А.Н. Жуков, — а на барщине тот же человек делается неповоротливым медведем». Схожий эффект оказывали на крестьян отходничество, город, фабрика.

Таким образом, частное крепостное право было отменено благодаря отрицательному отношению к нему со стороны верховной власти, церкви и образованной части общества, общему смягчению нравов в обществе, повышению образовательного и культурного уровня населения, пробуждению самосознания у крестьянства и его настойчивой борьбе за свое освобождение, а также вследствие коммерциализации экономики.

VII.6. Трудный путь к свободе

В начале XVIII в. все население в России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство — государством и епископами, посадские — государством и посадской общи-

ной, государственные крестьяне — казной и сельской общиной, помещи- чьи крестьяне — казной, сельской общиной и помещиком, дворянство — государством. Разные формы крепостничества или разные субъекты крепостнических отношений конкурировали друг с другом за власть, иногда даже парализуя и ослабляя друг друга: помещики — субъекты частного крепостничества конкурировали с государством — субъектом казенного крепостничества за власть над крестьянами и крепостной труд; общины — субъекты корпоративного крепостничества боролись с помещиками и государством, играя на их противоречиях, благодаря чему общинам удавалось отстаивать интересы крестьян. Кроме того, государственное крепостничество уравновешивалось до некоторой степени институтами сельского, городского и дворянского самоуправления.

Крепостничество возникло спонтанно, развивалось во многом стихийно и являлось средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества. Поэтому оно оказывало всестороннее влияние: способствовало формированию командной системы экономики, политического абсолютизма, авторитарных отношений в обществе и семье; сдерживало развитие городов, буржуазии, частной собственности, личных и политических свобод, оно затрудняло социальные перемещения и переселения, развращало общественную психологию народа всеобщим похолоплением, воспитывало некоторые отрицательные черты в русском национальном характере. Крепостное право было оборотной стороной слабого развития индивидуализма, широты русской природы и народного понимания свободы. Известно, что крестьяне или горожане нуждались в надзоре, что были склонны к спонтанности из-за недостатка самоконтроля и дисциплины, что у них не доставало индивидуализма и рациональности в поведении. Эти свидетельства часто исходили от просвещенных и гуманных людей, таких как В.Н. Татищев, А.Т. Болотов, И.Б. Лопухин, М.А. Дмитриев. В то же самое время, крепостничество было реакцией на экономическую отсталость, *рациональным ответом России на вызов среды и трудных обстоятельств*. Оно использовалось государством как вынужденное средство для решения насущных проблем — укрепление обороноспособности, финансы, удержание населения в местах постоянного жительства, поддержание общественного порядка.

Когда общественно-государственная необходимость в крепостном праве ослабла, сословия стали освобождаться. Наибольшее значение для смягчения и затем отмены крепостного права имели требования свободы со стороны всех сословий, утверждение частной собственности, развитие рыночной экономики, влияние европейских порядков, а также объективные политические, военные, экономические и культурные потребности общества и государства. Когда крепостничество в начале XVIII в. достигло своего апогея, все — от крестьянства до дворянства — начали бороться, но не за всеобщую свободу, а за сословные права и привилегии. Поэтому сильнейшие — дворяне и духовенство, получали свободу раньше, а слабейшие — крестьяне — позже.

Непоправимый удар по крепостничеству был нанесен реформами 1860-х гг. — именно тогда крестьянство освободилось от частного, а

городское сословие — от государственного и корпоративного крепостничества. Время было выбрано не случайно: к середине XIX в. для верховной власти и всех мыслящих людей России стало очевидно, что страна остро нуждается в модернизации экономики и проведении промышленной революции, в повышении уровня грамотности народа, который находился на уровне западноевропейских стран XVII в., в реформировании политической и правовой систем. Стало также ясно, что освобождение крестьян от власти помещика должно предшествовать другим реформам: Россия оставалась единственной великой державой, где сохранялось крепостное право. Не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права и не доводя его до внутреннего разложения, верховная власть провела Великие реформы и создала предпосылки для медленной трансформации страны в правовое государство с рыночной экономикой. В пореформенное время по инициативе правительства произошла ликвидация остатков государственного и с 1906 г. — корпоративного крепостничества.

Основные тезисы

1. В начале XVIII в. все население в России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях — государством, корпорациями и частными лицами.

2. Россия была экономически отсталой не потому, что крепостнические отношения доминировали в ее экономике; напротив, само крепостное право было порождено ее отсталостью.

3. Крепостное право являлось оборотной стороной слабого развития индивидуализма, рациональности в поведении, широты русской натуры, народного понимания свободы, недостатка самоконтроля и дисциплины.

4. Крепостничество было по-своему рациональным ответом России на вызов среды и трудных обстоятельств; оно использовалось государством как вынужденное средство для решения насущных государственно-общественных проблем.

5. Крепостничество способствовало формированию командной экономики, политического абсолютизма, авторитарных отношений в обществе и семье; сдерживало развитие городов, буржуазии, частной собственности, личных и политических свобод; затрудняло социальные перемещения и переселения; развращало общественную психологию народа всеобщим похолоплением; воспитывало определенные отрицательные черты в русском национальном характере.

6. Эмансипация различных социальных групп, начавшаяся с конца XVIII в., проходила такими темпами, которые соответствовали, с одной стороны, потребностям общества и государства, с другой стороны, стремлениям и возможностям самого населения, в некоторых случаях даже обгоняя их.

7. Крепостное право было отменено главным образом благодаря отрицательному отношению к нему со стороны верховной власти, церкви и образованной части общества, общему смягчению нравов в обществе, повышению образовательного и культурного уровня населения, пробуж-

дению самосознания и настойчивой борьбе всех социальных групп за освобождение.

Вопросы для размышления и повторения

1. Что можно считать признаками крепостничества?
2. В каких формах существовало крепостничество и чем они отличались друг от друга?
3. Чем можно объяснить всеобщность крепостничества? Какие факторы породили крепостное право?
4. Почему недостаток самоконтроля и самодисциплины был фактором развития крепостного права?
5. Мог ли холодный климат повлиять на развитие крепостничества в России?
6. Какие факты подтверждают, что труд крепостных приносил доход помещикам?
7. Когда принудительный труд эффективнее свободного труда?
8. Как работали русские и европейские крестьяне, американские фермеры и рабы?
9. Как, в каком порядке и почему происходило раскрепощение населения?
10. Отменяя крепостное право, в чьих интересах действовало самодержавие?
11. Почему развитие института частной собственности способствовало отмене крепостничества?
12. Почему крепостное право было окончательно отменено в 1906 г.?
13. Имело ли крепостное право позитивное значение для развития России?
14. Когда появился паспорт в России и за границей? Можно ли считать паспорт крепостническим пережитком?

Глава VIII Русская община в деревне и городе

Ключевые понятия: дворянское общество, индивидуализация, круговая порука, городская (посадская) община, сельская община, общность и общество, обычай, передел, социальная санкция, солидарность органическая, столыпинская реформа, социальная структура общины, традиции, функция общины, этноцентризм.

VIII.1. Две модели социальной организации: общность и общество

Существует две основные идеальные модели общественной организации — общность (*Gemeinschaft*) и общество (*Gesellschaft*). Наиболее полную характеристику этих моделей дал Ф. Тённис. В общности господствуют социальные связи, основанные на соседстве и родстве, на привязанностях, душевной склонности и уважении. Эти связи отчасти поддерживаются сознательно, но главным образом бессознательно, автоматически, по традиции. В обществе доминируют социальные отношения, основанные на рациональном обмене услугами и вещами, каждый участник этих отношений сознает полезность и ценность, которой обладает, может или будет обладать один человек для другого. Эти отношения поддерживаются сознательно; эмоции при этом подавляются, так как они приводят к нерациональным решениям и затрудняют расчеты. В обществе взаимовыгодные отношения могут существовать между людьми, разделенными огромными расстояниями, религией или системой ценностей, между враждебными друг другу людьми, если эти отношения им выгодны. В общности это невозможно. В обществе господствуют как бы стерильные, свободные от эмоций, рациональные формы социального поведения, направленные исключительно на достижение выгоды, а в общности преобладают формы социального поведения, ориентированные на духовные ценности. Отношения в обществе имеют рациональную подоплеку, а в общности — моральную. В обществе часть предшествует целому и социальное целое является совокупностью частей, а в общности, наоборот, социальное целое доминирует над частями и целое логически предшествует частям. В общности господствует единая воля, связь между членами общности органическая — один за всех и все за одного. Эта коллективная воля может быть разумной, но одновременно нерациональной, поскольку стремится к общему благу, избегая точных расчетов и руководствуясь высокоморальными принципами, такими как честь, совесть, уважение и т. д. Напротив, в обществе царит индивидуальная воля, которая рациональна, так как построена на расчете и выгоде; связь между людьми является механической. Стремления членов общности направлены к достижению общей цели, а члены общества добиваются индивидуальных целей. Общность подразумевает спонтанное межличностное общение вне рамок социального времени и пространства, игнорирование ролей и статусов, создание равных, материально и социально недифференцированных отношений. Общество характеризуется признанием об-

ществленного статуса и роли человека, подчинением отношений между людьми определенным условиям, формальным правилам. Отношения в общности предполагают длительный социальный контакт или кровное родство. Они создаются и поддерживаются желанием участников, взаимным согласием, традицией, выступают как самоцель, а не как способ достижения специфических целей. Отношения в обществе вытекают из специфически рациональных целей, поставленных участниками, неформальность они заменяют официальной, чувство — расчетом, устную договоренность — письменным договором, постоянность объединения субъектов отношений — ограниченным участием. Юридическая основа отношений в общности — обычай и традиция, а в обществе — писаный закон. Экономическая основа отношений в общности — ремесло и натуральное семейное хозяйство в земледелии, в обществе — торговля и промышленность.

Общность и общество — это идеальные, абстрактно сконструированные типы социальных организаций, практически не встречающиеся в чистом виде в жизни; это два полюса, между которыми находится все многообразие реальных организаций. В действительности почти каждая организация сочетает элементы обоих типов в разных пропорциях. Организации типа общности или общества носят общее наименование социальной корпорации, если они обладают внутренней структурой, если лица, выбранные на общественные должности, выполняют определенные функции и, что важно, их действия являются актами данной организации.

Рассмотрим, какую эволюцию с XVII до начала XX в. испытали сельские и городские общины, а также купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские общества — главные социальные организации населения России.

VIII.2. Сельские и городские (посадские) общины до конца XVII в.

С самого начала государственной жизни России самоуправляющиеся общины, объединяющие крестьян одного или нескольких селений, а также жителей города в общественный союз во имя интересов общего блага, на основе общности территории и коллективного владения землей, составляли неотъемлемую и необходимую часть общественного строя страны. Общины складывались стихийно и являлись *неофициальными демократическими организациями* крестьян и горожан. Для этих двух разрядов населения община была основной социальной группой, в которой проходила вся их жизнь от рождения до смерти. Община, будь то городская или сельская, называлась *миром*. Не случайно это же слово использовалось и в других значениях, как «вселенная», «народ», «спокойствие», «согласие»; понятие «община» развилось из понятий «мир», «мирное сообщество». Действительно, община была для людей и вселенной и мирным сообществом, в котором их объединяли общая собственность, совместное производство, коллективная ответственность перед государством за своевременность уплаты налогов и преступления, совершенные на территории общины, социальная борьба, правосудие, религиозная жизнь, потребность в защите, организация досуга, взаимопо-

мощь и другие групповые интересы. Такие социальные группы в социологии называются референтными, поскольку с их требованиями люди сознательно и бессознательно соразмеряют все свои поступки или ссылаются на них, когда хотят объяснить свое поведение.

Чтобы представить многообразную деятельность общины, рассмотрим ее функции.

1. *Политическая функция*: поддержание общественного порядка, внутриобщинной дисциплины и обычно-правовых норм жизни и нравственности; контроль за выходом и приписку к общине, за временными миграциями; пресечение антиобщественного поведения; наказание с санкции схода крестьян за мелкие преступления, проступки, недоимки и т. п.; принятие мер при пожарах, наводнениях и других чрезвычайных происшествиях; задержание бродяг и дезертиров; изгнание из общины воров, лиц, подозреваемых в колдовстве, соблазнительей и т. п.; санкционирование браков, разводов и семейных разделов; контроль за сексуальной моралью, за правильностью раздела и наследования имущества; разрешение внутрисемейных конфликтов по апелляции и т. д. Вся эта деятельность осуществлялась в форме неофициального социального контроля, через сходы и выбранных ими должностных лиц.

2. *Производственная функция* в крестьянских общинах и в посадских общинах аграрных городов, которые численно преобладали: распределение пашни и угодий между хозяйствами, регулирование их использования; организация производства (выбор системы севооборота, определение начала и окончания сельскохозяйственных работ и т. п.); регулирование труда и отдыха. Большая роль общины в организации производства была связана с коллективностью землевладения, чересполосицей и круговой порукой в несении финансовых обязательств перед государством и помещиком, а у русских — еще и существованием переделов. Не отдельное крестьянское хозяйство, а община выступала субъектом землевладения, крестьянам принадлежало только право временного пользования землей. Находявшаяся в пользовании общины земля распределялась общиной между отдельными хозяйствами. В силу того, что *владение землей было чересполосным* — каждое хозяйство имело несколько участков земли в разных местах, — *землепользование непременно должно было регулироваться*: все обязаны были следовать единой системе севооборота, начинать и оканчивать сельскохозяйственные работы в одно время. В торговых и ремесленных городах посадские также имели мирскую землю; они занимались сельским хозяйством примерно так же, как в аграрных городах, только вклад сельскохозяйственной продукции в доходы населения был меньше.

У русских крестьян в отличие от украинских, белорусских и прибалтийских община была *передельной*. В соответствии с нормами обычного права каждый мужчина по достижении 18 лет имел право на получение своей доли из общинной земли, эта доля удваивалась после женитьбы. Наличный земельный фонд общины был достаточно стабильным, в то время как население возрастало и состав семей под влиянием рождаемости и смертности изменялся. Отсюда периодически возникала потребность в

переделе земли между хозяйствами для поддержания равенства в землепользовании. Переделы бывали *коренные* и *частные*. В результате коренного передела хозяйство получало участки в других местах и иных размеров, чем прежде. В результате частного передела за хозяйством оставался кусок старого надела, но к нему добавлялось или, наоборот, от него отнималось некоторое количество земли. Огороды, леса и сенокосы переделались довольно часто, пахотная земля — всегда. Практически не подлежала переделу только усадебная (дворовая) земля. Коренные переделы производились, как правило, после переписей населения. Частные переделы бывали по мере надобности, иногда ежегодно.

3. *Финансово-податная функция*: распределение и взимание общегосударственных и местных налогов и повинностей; организация членов общины на исполнение натуральных повинностей (посадские службы, дорожная и т. п.) по требованию коронной администрации и помещиков. В этой сфере роль общины была очень значительна, ввиду того что обложение прямыми налогами, государственными, владельческими и всякими другими повинностями строилось *на основе круговой ответственности* — один за всех и все за одного. Это означало, что коронная администрация устанавливала величину годового налога не отдельному человеку или хозяйству, а *каждой общине в целом*, исходя из числа дворов, числившихся в ней по последней переписи, что за исправную выплату этой суммы несли ответственность выборные (один за всех) и вся община (все за одного). Если сумма в срок не вносилась, к финансовой и административной ответственности привлекались сначала выборные, затем лица состоятельные, наконец, все остальные. Крестьяне кроме государственных налогов платили оброк или исполняли барщину; в этом случае администрация казенного имения или помещик назначали годовой оброк либо определяли количество барщинных дней в целом на всю общину. Суммарный оклад повинностей затем раскладывался самой общиной между всеми хозяйствами соответственно их платежеспособности. Все хозяйства в отношении платежа не только государственных налогов, но также вообще всех повинностей по закону были связаны круговой порукой. Поэтому распределение и сбор налогов являлись очень важной и деликатной процедурой, в которой, как и при распределении земли, принимали участие все главы хозяйств. Община имела право самообложение, что позволяло собирать необходимые для общественных нужд деньги.

4. *Представительская функция*: представительство и защита интересов общинников и общины в целом перед государственными, церковными, другими общинами и учреждениями, перед помещиком; подача жалоб и прошений о своих нуждах в государственные институты; в случае необходимости организация борьбы за свои интересы; поддержание отношений с местными коронными и церковными властями и учреждениями.

5. *Социальная защита*: помощь бедным и пострадавшим от разного рода несчастий, попечительство сирот, больных и одиноких в соответствии с нормами обычного права.

6. *Религиозно-праздничная функция*: выборы священника; попечение

о состоянии церкви и притча; надзор за посещением церкви; проведение религиозных и светских праздников и календарных земледельческих обрядов; организация коллективных молебнов в случае пожара, засухи, падежа скота и других происшествий; организация отдыха; воспитание подрастающего поколения.

7. *Правотворческая и судебная функции* существовали только в крестьянских общинах: расследование и суд по гражданским делам между крестьянами и уголовным преступлениям (кроме наиболее серьезных, таких как убийство, грабеж, святотатство и др.), совершенным на территории общины по обычаю, нормы которого в значительной мере являлись результатом правотворчества крестьянства; расследование по распоряжению коронной администрации дел, подлежащих коронному суду, в порядке первичного рассмотрения с передачей его результатов в более высокую инстанцию. Суд вершили выборные лица, совет стариков или сход. По закону в случае не обнаружения преступников общинники несли круговую ответственность за правонарушения, совершенные на территории общины. Деятельность в сфере права регулировалась законом и обычным правом, крестьяне стремились расширить прерогативы обычного права и сузить компетенцию закона. В посадских общинах судебная функция выполнялась коронными судами при участии избранных представителей посадской общины — целовальников.

Как видим, община решала, с одной стороны, насущные проблемы жизни своих членов, с другой — государственные задачи под общим руководством и контролем коронной администрации. Один ряд функций общины вытекал из того факта, что община являлась неофициальной самоуправляющейся организацией, стихийно сложившейся в процессе трудовой деятельности и повседневного взаимодействия людей в силу соседства и необходимости поддерживать порядок на своей территории. Другой ряд ее функций обуславливался тем, что община использовалась в качестве низшего звена государственного управления.

Двойственность стоявших перед общиной задач, ее *функциональный дуализм* — одновременное обслуживание потребностей живших на определенной территории людей и государства, интересы которых не всегда совпадали — предопределили и *структурный дуализм* общины — существование неофициальной и официальной структур в общине. Но государство, не имея возможностей, в первую очередь финансовых, создать в общинах свою независимую структуру, нашло оригинальный способ решения проблемы — использовать существовавшую в общине неофициальную структуру (органы самоуправления и его руководителей), возложив на нее исполнение также и государственных функций. Такое решение в принципе удовлетворяло крестьян и посадских, которые прекрасно понимали, что создание по-настоящему новой структуры потребует от них увеличения повинностей. *Официальная структура общины* — это ее формальная организация, иерархия должностных лиц, официально одобряемые нормы поведения, система санкций, утвержденных государством. Официальная структура общины являлась составной частью государственной, а в помещичьих имениях также и вотчинной системы управления,

она обеспечивала выполнение общиной тех функций, которые удовлетворяли потребности коронной администрации в управлении и поддержании общественного порядка. *Неофициальная структура общины* — это неформальная организация, лидеры, нормы поведения и санкции, возникшие стихийно и поддерживаемые обычаем и традицией, — предназначалась для реализации групповых интересов крестьян и посадских.

Таким образом, до конца XVII в. в городах и селениях России существовал во многом похожий общественный порядок, в основе которого лежала самоуправляющаяся община, являвшаяся общностью, так как отношения в общинах были соседскими, неформальными, личностными. Внешние связи посадских и крестьян с государственными учреждениями, другими общинами и вообще с посторонними частными лицами осуществлялись, как правило, непосредственно через общину или ее руководителей по письменной доверенности. Выступая в качестве посредника в отношениях с государством и другими разрядами населения, община являлась той организацией, через которую отдельный человек (не самостоятельно, а как ее член) входил в большое общество. Руководители общины служили проводниками в нее тех установок и норм, на основе которых правительство стремилось утвердить общественный порядок в государстве, информаторами коронной администрации о требованиях и пожеланиях членов общин, которые она принимала во внимание при определении своей политики, и посредниками между населением и властями. Коронная администрация использовала волостные и городские общины в качестве элемента низшей администрации, вступая в непосредственные отношения с волостными и городскими общинами, а не с отдельными лицами. Однако, привлекая общины для выполнения государственных функций, она и не имела сил и средств взять их под свой полный контроль, так как по представлениям русских людей вплоть до XX в. — кто контролирует, тот должен помогать, опекать и покровительствовать. Правительство всегда признавало де-факто за общинами право самоуправления. А со второй четверти XVI в., когда оно по ходатайствам самих посадских и волостных общин начало официально, де-юре, признавать за ними право на самоуправление, упразднять надзиравших за ними великокняжеских представителей (наместников и волостелей), а их функции передавать выборным общин, можно говорить о том, что общины стали *юридическими лицами*, т. е. принудительными корпорациями, по закону обладавшими самоуправлением, правом вступать в обязательства, иметь и распоряжаться доверенной от государства собственностью.

В России до XVIII в. население и коронная администрация рассматривали самоуправление как службу местного общества в первую очередь государственным интересам и целям, во вторую очередь — местным интересам под контролем коронной администрации. В соответствии с таким взглядом городские и сельские общины, а также дворянские корпорации осуществляли функции власти не по собственному усмотрению, а лишь по уполномочию государства. Право самоуправления считалось вместе с тем и обязанностью. Общины являлись субъектами самоуправления лишь настолько, насколько коронная администрация возлагала на них осуще-

ствление функций государственного управления. Делегирование им власти происходило, кроме всего прочего, потому, что только сами общины могли вести управление инициативно, сообразовываясь с условиями места, времени и наличных средств. Избираемые самим населением руководители, связанные с ним множеством общих интересов и зависимые от него в своей жизнедеятельности, неизбежно подчинялись контролю общественного мнения, которое благодаря этому могло пресечь злоупотребления местных властей. Поскольку органы местного самоуправления осуществляли задачи государственного управления, коронная администрация имела не только право, но и обязанность контролировать их деятельность и влиять на их состав. Самоуправление рассматривалось не только как привилегия, но и как известного рода натуральная повинность, возложенная государством на население в интересах обеих сторон.

VIII.3. Крестьянская община в XVIII–первой половине XIX в.

В XVI–XVII вв. были заложены основы общинного строя крестьянской жизни, которые в последующем в одних аспектах изменились, а в других сохранились до начала XX в. Что же изменилось в структуре и функциях сельской общины в течение XVIII–первой половине XIX в.?

Основная тенденция в развитии сельских общин XVIII–первой половины XIX в. состояла в том, что под давлением коронной администрации и помещиков в Центральной России — в зоне старого заселения — происходило усиление формальной структуры общины, расширение ее полицейской и податной функций, а на окраинах страны — в зоне нового заселения — приспособление ее неформальной структуры для выполнения крестьянами обязанностей перед государством и помещиками, другими словами, происходило более активное, чем прежде, включение сельской общины в систему государственного управления. Наделяя общину административно-полицейской и податной функциями, власти оставляли за ней выполнение других функций, направленных на удовлетворение материальных, правовых и духовных потребностей крестьян. Вследствие этого шаг за шагом община из института преимущественно обычного права все более превращалась в институт вотчинного и государственного права.

Перестройку общины начали помещики, движимые стремлением увеличить свои доходы: они стали регулировать общинные отношения с помощью специально составленных инструкций, возложив надзор за их выполнением на органы общественного самоуправления. Их примеру последовала администрация государственных (в 1797 г.) и удельных (в 1798 г.) крестьян. Крестьянство в массе не противилось этому процессу по нескольким причинам. Во-первых, повышение роли общины как официальной организации устраняло опасность появления специальной правительственной службы в казенной деревне и уменьшало роль помещичьих агентов в помещичьей деревне. Во-вторых, усиление административно-полицейских функций помогало миру поддерживать общественный порядок, наказывать нарушителей общинных норм, бороться с побегами, которые тяжелым бременем ложились на оставшихся в общине крестьян, связанных кругомой поруклой. В-третьих, признание общины государством

и помещиками, хотя бы де-факто, легализировало общину и как институт обычного права.

Приобретение общиной статуса официальной организации вело к некоторой бюрократизации общинной жизни. Сначала этот процесс в большей степени затронул помещичьих крестьян, а затем и государственных. Бюрократизация выражалась в том, что увеличивалось число должностных лиц в общине, которые имели специализированные обязанности и наделялись официальной властью, что исполнение общиной полицейской и финансовой функций стало в большей степени, чем прежде, строиться не на обычае, а на четких писаных инструкциях, что возникало и увеличивалось делопроизводство, в котором отражалась деятельность общины, в частности, все решения схода фиксировались в протоколах (приговорах).

Традиционно принято рассматривать бюрократизацию общины как негативный процесс, ущемлявший интересы крестьян, усиливавший эксплуатацию и притеснение. При этом упускается из виду, что бюрократизация имела чрезвычайно важные позитивные последствия и для крестьянства. Во-первых, она ставила общинный порядок на прочное юридическое основание, тем самым трансформируя управление по устной традиции в управление по писаному закону. Во-вторых, сельская община превращалась в *сословную корпорацию крестьянства*, санкционированную государством и помещиками, благодаря чему крестьянство приобретало свою сословную организацию, что являлось мощным оружием в борьбе за групповые или сословные интересы. В-третьих, четкое определение обязанностей общины и крестьян в инструкциях и уставах в то же самое время в значительной степени ограничивало произвол коронной и помещичьей властей этими же инструкциями и уставами. Конечно, инструкции и уставы, даваемые короной и помещиками крестьянам, не являлись жалованными грамотами, наподобие тех, которые Екатерина II дала дворянству и городам в 1785 г. Однако у них была с ними и общая цель — ввести в управление элементы законности, в которой одинаково нуждались как власть имущие, так и крестьяне.

Таким образом, в течение XVIII–первой половине XIX в. усилиями крестьян, государства и помещиков община, сохранившись как институт обычного права, приобрела черты института вотчинного и государственного права, а также сословной корпорации крестьянства. В этом своем качестве она удовлетворяла интересы всех заинтересованных сторон — крестьян, государства и помещиков. Например, административно-полицейская функция — самая официальная из всех функций общины — была равно необходима крестьянам, государству и помещикам, поскольку все три стороны одинаково нуждались в поддержании общественного порядка на территории общины. Однако в рассматриваемое время выборные не превратились в чиновников, власть не была отчуждена от рядовых членов, обычное право играло определяющую роль в жизни крестьян, межличностные отношения крестьян не потеряли своего соседского, товарищеского характера. Обратной стороной процесса легализации сельской общины было усиление ее административно-полицейской функции, что

превратило общину в один из субъектов крепостного права и создало еще один вид крепостнических отношений, который можно назвать *корпоративным крепостным правом*. Отдельный крестьянин попал под столь сильную власть и опеку общины, что не мог предпринять какое-нибудь важное действие без ее санкции. Помещик и государство — два других субъекта крепостнических отношений — часто находились далеко от крестьянина, а община со своими огромными административными правами — всегда рядом.

А. Структуры и управление общиной

В XVIII—первой половине XIX в. община решала те же сложные и многочисленные задачи, как и в предшествующий период. По-прежнему двойственность стоявших перед общиной задач — служение крестьянству и служение правительству — обуславливала наличие в ней официальной (формальной) структуры для реализации государственных задач и неофициальной (неформальной) структуры для реализации групповых и сословных интересов крестьян. Неофициальная структура не санкционировалась государством *де-юре*, но и не отвергалась им, так как взята на себя выполнение ее важных и многочисленных функций государство и помещики не имели возможности. Обе структуры не могли быть четко разграничены, соответственно, и строгого разделения функций между ними не могло быть. Но крестьяне, государство и помещики отчетливо отделяли их друг от друга, основываясь на простом критерии: что существует по закону или распоряжению властей и удовлетворяет их интересы — то казенное и помещичье, что существует по обычаю и традиции и удовлетворяет потребности крестьян — то мирское. Попробуем разделить и проанализировать порознь обе структуры с точки зрения 1) права и морали, которые диктовали нормы жизни и поведения; 2) способов воздействия, с помощью которых поведение крестьян приводилось в соответствие с правом и моралью; 3) органов управления и руководителей, которые осуществляли текущее руководство.

В имперский период официальное право применялось главным образом к некрестьянам. По отношению к крестьянам закон имел силу в трех случаях: 1) когда они вступали в отношения с государством, например при уплате налогов, выполнении рекрутской, дорожной и других повинностей; 2) когда они имели дела с некрестьянами, например заключали с ними сделки, совершали в отношении их преступления и т. д.; 3) когда они сами обращались к коронным властям за помощью, с жалобами. Большое число гражданских и уголовных дел, касающихся крестьян, регулировалось обычным правом. Оно не было кодифицировано, в применении его норм не было четкости и единообразия, дела решались применительно к конкретному случаю. Между законом и обычаем имелись серьезные различия, что являлось главным фактором частых конфликтов между крестьянами, с одной стороны, и помещиками и государством — с другой. В сущности, все бунты крестьян имели правовую основу — расхождение между законом и обычаем, так как многое из того, что казалось справедливым крестьянам и соответствовало обычаю, не считалось правильным администрацией и помещиками и не соответствовало закону,

и наоборот. Несмотря на это, до середины XIX в. государству удавалось удерживать конфликт между законом и обычаем в определенных рамках, а многие нормы обычного права даже использоваться в своих интересах, например общинную форму собственности, переделы земли, круговую ответственность за налоги и нераскрытые преступления. Подчеркнем, что негативная оценка крестьянами закона в пословицах («Где закон, там и обида») вовсе не свидетельствует об их нигилизме правового регулирования общественных отношений, как часто думают и ради доказательства чего цитируют эти пословицы. Негативное отношение к закону указывает лишь на наличие противоречий между ним и обычаем, который крестьяне ставили выше закона — «Обычай старше (сильнее) закона».

Противоречия наблюдались также между моральным кодексом крестьянства и кодексом, действовавшим в среде других сословий. Эти противоречия касались как существа данных норм, так и их применения. Например, с точки зрения крестьянина было аморально не накормить бесплатно незнакомого проезжего человека и не дать ему ночлега, отказать нищему или сироте в помощи, не угостить гостя; безнравственным считалось брать проценты за данные в долг деньги, не прийти на помощь односельчанину, попавшему в беду (пожар, падеж скота и т. д.). С точки зрения крестьянина обмануть соседа или родственника — аморально, а обмануть в интересах крестьян чиновника или барина — нравственный поступок; украсть что-либо у соседа, нарушить его межу, нарубить дров в общинном лесу — аморально, а нарвать фруктов в помещичьем саду, нарубить дров в его лесу или запахать его землю — вовсе не безнравственные поступки. Отсюда проистекала противоречивость в оценках нравственных устоев крестьянства со стороны образованного общества.

На практике поведение отдельных крестьян, разумеется, нередко отклонялось от общепризнанных норм. Однако именно эти нормы являлись стержнем реальных взаимоотношений, на них ориентировалась община, заставляя отклонившегося от нарушившего их человека вернуться на путь истины с помощью хорошо разработанной системы социального контроля и наказаний. Наиболее действенными были неформальные социальные санкции. Нарушителя изводили «шпильками», прозвищами, пренебрежительным отношением, насмешками. Сплетня, или молва, была вездесуща: «Молва в окно взлезет; молву поветрием носит; от молвы не уйдешь». Она угрожала человеку потерей уважения, дурной славой и ухудшением его отношений с односельчанами: «Дурную славу нажать — как пить попросить; в хорошие люди попасть — не стожок склать». Стандарты мироощущения общины ощущались весьма сильно, и считаться с ними приходилось со всей серьезностью, так как между крестьянами не было социальной дистанции, а нарушать ожидания тех, с кем человек привык считаться, с кем себя отождествляет, к кому эмоционально привязан, психологически очень трудно и опасно. Мало кто мог долго вынести состояние враждебности с общиной. Если неформальные санкции против нарушителя оказывались безрезультатными, вступали в силу формальные санкции — штраф, наказания розгами, конфискация и распродажа имущества, арест, исключение из общины, сдача вне очереди в солдаты, от-

правление в ссылку или тюрьму. В редких случаях, когда речь шла о конокрадах, неисправимых злостных ворах, крестьяне применяли самосуд, кончавшийся, как правило, смертью. Несмотря на всю тяжесть формальных санкций, *неформальный контроль играл все же более важную роль*. Общественное мнение оказывало сильное и постоянное давление на крестьян, сводя на нет отклонения от принятых норм поведения. Общественное мнение иногда оформлялось письменными или устными приговорами крестьянских сходов, но чаще всего оно выражалось неформально, в устной форме — в насмешках, замечаниях, восхищении. Общественное мнение не только осуждало и высмеивало неловкость, физическую слабость, неспособность выполнять обычную крестьянскую работу, но и выражало одобрение лицам, добивавшимся успехов в ведении хозяйства, занятиях ремеслом, пении и т. п.

В общине существовала иерархия должностей: староста, сборщик податей, писарь, десятские, сотские и т. п. Коронная администрация в государственной деревне и помещики в своих вотчинах, как правило, не решались назначать на общественные должности своих, не зависимых от общины лиц — это было бы дорого и неэффективно. Они использовали руководителей, выдвигаемых самими крестьянами, контролируя их выбор. Но делегируя выборным власть, правительство и помещики вместе с тем строго строго следили за выполнением ими полицейских и податных обязанностей. Деятельность выборных по организации повседневной жизни деревни мало заботила власти, но зато очень волновала общину, и в этой своей ипостаси выборные находились под ее неусыпным контролем — за нерадение об общинных интересах их ожидало осуждение и санкции со стороны крестьян, за плохое выполнение официальных обязанностей — наказание со стороны коронной администрации и помещика. Все же выборные крайне редко выходили из-под контроля общины и превращались во враждебную и стоящую над крестьянами силу. Они регулярно переизбирались, не имели никаких существенных привилегий (не освобождались даже от платежа налогов и выполнения повинностей), продолжали заниматься крестьянским трудом, находились под контролем общественного мнения, в случае злоупотребления властью им грозил крестьянский самосуд. Выборные не теряли связи с крестьянством, и их интересы в большей мере совпадали с интересами общины, чем с интересами помещика или коронной администрации. Они выступали в роли защитников общины, ее ходоатаев, организаторов, часто возглавляли крестьянские бунты. Естественно, положение выборных, обязанных служить двум господам одновременно, было нелегким, и важные общественные должности рассматривались крестьянами как почетная, но тяжелая обязанность: «В полах сидеть — кашу есть, а в сотских — оплеухи. На старосту не челобитчик, а от миру не прочь».

Если же выборные забывали об интересах крестьян — это иногда случалось в помещичьих имениях, — их переизбирали, а если власти защищали их, крестьяне не останавливались и перед бунтом. Наиболее часто отрывались от крестьян писари, должность которых из-за отсутствия грамотных в деревне нередко превращалась в наследственную. Пользуясь

неграмотностью крестьян, они злоупотребляли своим положением, использовали общественную должность для личного обогащения. Но в конце концов злоупотребления выборных становились известны, и крестьяне добивались их смещения.

Таким образом, выборные являлись одновременно официальными и неофициальными руководителями. Будучи утвержденными властями, они обязаны были проводить в жизнь официальные интересы, но, как избранные на общественные должности по воле крестьян, они должны были выражать и в действительности выражали крестьянские интересы.

Мирские дела находились в руках наиболее солидной части крестьянства, поскольку важные выборные должности занимали «мужики зажиточные, порядочные и добрые», «честного поведения, предпочтительно грамотные, сметливые, рассудительные, во всех отношениях ловкие», обычно в возрасте 40–60 лет. При избрании на самую важную должность старосты сход принимал решение, или выбор, которое включало формулу доверия («мы ему верим; понеже он человек добрый и правдивый, истинное его дело будет») и обязательство крестьян быть ему послушным («а нам, мирским людям, быть ему во всем послушным»). По окончании периода службы выборный получал аттестат, в котором оценивалась его работа. Формулы избрания и аттестации были всюду похожими, потому, вероятно, что обобщали те качества, которые требовались от выборного лица. Как свидетельствуют аттестаты, положительной оценки заслуживала только та деятельность, которая была направлена на удовлетворение крестьянских интересов.

Подлинными неформальными лидерами общины являлись старики — мужчины в возрасте 60 лет и старше, сохранившие трудоспособность, ясный ум и являвшиеся главой хозяйства. Старики, обладавшие большим опытом, служившие в свое время по выборам, пользовавшиеся репутацией честных, справедливых, благомысленных людей, объединялись в неформальную организацию — совет стариков — и составляли наиболее влиятельную группу лиц в общине. Любое важное дело рассматривалось прежде всего ими, и их мнение при обсуждении проблемы на сходе было решающим. Высокий престиж стариков объяснялся тем, что общинная жизнь строилась не по науке, не по книгам, а по устной традиции, переходившей от старшего поколения к молодежи. В такой ситуации самыми компетентными оказывались старики, знавшие обычай и традиции лучше других и являвшиеся в полном смысле живой энциклопедией.

Выборные являлись исполнительной властью в общине. С точки зрения коронной администрации и помещиков, во всех вопросах, касающихся общественного порядка, налогов и повинностей, выборные должны были исполнять их волю, в остальных вопросах крестьянской жизни — волю общины. Но с точки зрения крестьян, выборные должны были всегда и во всем служить общине и выполнять волю схода — общего собрания глав хозяйств. В сущности, сход и олицетворял общину, поэтому когда речь идет об общине, то обычно имеется в виду именно сход. На практике получалось так, что ни выборные, ни отдельные крестьянин ничего не могли предпринять без решения схода. Даже указания администрации и поме-

щика, прежде чем претвориться в жизнь, должны были получить мирское согласие на сходе. Правительство и помещики сознавали силу схода и поэтому стремились любыми средствами добиться от него одобрения своих указаний, особенно непопулярных у крестьян. Таким образом, не только в казенной или удельной деревне, но и в помещичьей вотчине община обладала автономией от коронной и помещичьей власти, пользовалась самоуправлением и имела реальные средства отстаивать свои интересы.

Все ли крестьяне и в какой степени участвовали в самоуправлении? По обычаю решения на сходах принимали только дворохозяева-мужчины (которые также назывались главами хозяйств, большаками или патриархами), хотя присутствие на сходе любого крестьянина не запрещалось. В XVIII–первой половине XIX в. патриархи составляли не более 10 % всего населения общины. Следовательно, всего около 10 % крестьян имело право участвовать в сходах, в крестьянских судах, избираться на различные выборные должности. И фактически это право использовали все дворохозяева.

Во главе общины находилась немногочисленная группа крестьян, включавшая зажиточных патриархов — «лучших стариков». Активное участие в управлении одних патриархов и слабое участие других было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, для крестьянства «справедливое», т. е. уравнильное, распределение материальных благ имело большее значение, чем уравнильное распределение власти. Иногда они под всякими предлогами уклонялись от общественной службы, например, специально совершали маловажные проступки, чтобы их оштрафовали и лишили чести занимать общественную должность. Во-вторых, активное участие в общественных делах требовало много времени — оно поглощало до трети рабочего времени — и очень мало или вовсе не вознаграждалось, а иногда даже приносило убытки. Жалованье и незначительные льготы не компенсировали потери рабочего времени для лиц, занимавших важные выборные должности. Ввиду этого общественными делами могли и действительно активно занимались люди пожилые (их общественные обязанности наносили наименьший урон личному хозяйству), из большой семьи, которая могла обойтись без одного работника, а также люди зажиточные, которые могут нанять работника. Большие семьи были зажиточнее малых, а пожилые люди возглавляли эти семьи в качестве большаков. Поэтому преимущественно большие семьи и поставляли выборных. Вследствие неравномерного распределения общественных обязанностей между различными социальными группами крестьянства *власть ложилась бременем на высшую страту*. За престиж, уважение и власть зажиточные платили своего рода налог, и поэтому более активное их участие в общественных делах устраивало остальных. Неравномерное распределение власти поддерживало экономическое равенство, но приводило к концентрации власти в руках зажиточного крестьянства.

Характер власти и управления хорошо проявляется в процедуре принятия решений. Согласно обычному праву, единодушие патриархов на сходе являлось неременным условием для принятия любого решения. Если хотя бы один человек был не согласен, решение не могло считаться окон-

чательным и быть реализованным. Каким же образом достигалось единогласие? Несогласное меньшинство или убеждалось доводами большинства, или, не будучи убежденным, добровольно уступало, чтобы не вступать в конфликт с миром. То же происходило с не согласным с большинством крестьянином, который не выдерживал давления группы и соглашался. Неспособность индивида противостоять напору большинства — хорошо известный социальным психологам феномен. Таким образом, хотя требование единогласия фактически давало каждому патриарху право вето, реализовать его было практически невозможно. Чаще всего оно использовалось наиболее смелыми крестьянами, чтобы противостоять помещикам или коронной администрации, вынуждая последних либо уступить, либо принять крайние меры в отношении несогласных, на что власти всегда шли неохотно. Но в этом случае крестьяне получали мощную негласную поддержку всей общины и поэтому стояли до конца. В основе правила единогласия лежало убеждение, что только согласие всех сделает решение прочным и справедливым, или божеским. Разумеется, принцип консенсуса в крестьянской общине мог иногда маскировать власть наиболее влиятельных лиц, но, как правило, лишь в тех немногочисленных случаях, когда деревня была в имущественном отношении резко дифференцирована, когда имелся действительно богатый крестьянин, закабаливший большинство односельчан. Значительно чаще консенсус прикрывал власть «верхушки» в посадских общинах в XVIII в., а в сельских общинах — лишь после эмансипации крестьян 1861 г. Общинная этика в дореформенное время негативно оценивала оппозицию, открытое несогласие, настаивание на собственном мнении. Формально действовал принцип «один патриарх — один голос», но поскольку голоса никто не считал, фактически уважаемый крестьянин «весил» больше, а менее влиятельный — меньше, чем один голос.

Итак, на неофициальную структуру общины ложилась основная нагрузка по организации жизни крестьян; значение официальной структуры было менее важным. Правительству удалось включить выборных в систему государственной администрации, а общину — в систему государственного управления. Однако общинное самоуправление не стало простым придатком государственной машины, а община не превратилась в официальную организацию. Коронная администрация признавала автономию общины, потому что это был единственно эффективный способ обеспечить сотрудничество крестьян с властью, которая не имела ни финансовых средств, ни соответствующего бюрократического аппарата, чтобы контролировать доходы крестьян и брать с них налоги, а тем более организовывать их хозяйственную и бытовую жизнь.

Благодаря тому что мирские должности не закреплялись за отдельными лицами или семьями надолго, сход являлся постоянно действующим органом, а все патриархи в той или иной степени принимали участие в управлении и занимались общественными делами, власть в общине не была отчуждена от рядовых ее членов и носила демократический характер. Однако это была не западная либеральная, а иная форма демократии — ее можно назвать *демократией общинного типа* (в силу того что она могла

действовать только в организациях общинного типа), или *патриархальной демократией* (в силу большой роли патриархов), или *традиционной демократией* (в силу того что ее идеалом была традиция). Общинная демократия существовала только для глав хозяйств, предполагая безусловное подчинение им женщин, молодежи и мужчин, которые не были большаками; она сочеталась с преклонением перед стариной, с негативным отношением к инакомыслию, личной свободе, к социальным нововведениям, инициативе и вообще ко всякому отклоняющемуся поведению; она была основана на уважении к коллективу, а не к индивиду, отдавала предпочтение интересам большинства перед интересами меньшинства и отдельных лиц. В отличие от общинной либеральной демократия, принимая за основу мнение большинства, не запрещала и не подавляла меньшинство и инициативу отдельных лиц; она уважала личную свободу и индивидуальные права. Точка зрения славянофилов, согласно которой в общине существовала органическая демократия в том смысле, что община являлась живой, органической организацией, связанной полным единодушием всех ее членов, в которой личность не поглощалась коллективом, не подчинялась его силе, а добровольно присоединялась к его решению, сливалась с ним в любви и братстве, идеализирует общину. До середины XIX в. действительно существовали солидарность и ощущение единства между крестьянами, но вместе с тем община практиковала насилие над непокорными, изгоняла из своей среды девиантных лиц; в общине происходили столкновения групповых интересов и кланов родственников, наблюдались противоречия между выборными и крестьянами, иногда общественными делами управляли доморощенные кулаки. Организация общины до некоторой степени повторяла в миниатюре устройство Московского государства XVI–XVII вв. (староста — царь, совет стариков — Боярская дума, сход — земский собор, главы семей — правящая элита), которое можно назвать патриархальной народной монархией. По-видимому, крестьянство XVIII–первой половины XIX в. хранило политические традиции XVI–XVII вв. и даже еще более далеких периодов русской истории.

Б. Принципы общинной жизни

Суммируем наши наблюдения над жизнью крестьян в русской переделной общине путем реконструкции тех принципов, тех эталонных норм поведения, которые определяли общинный строй жизни.

1. Каждый обязан трудиться и одновременно имеет возможность трудиться, так как община обеспечивает всех взрослых мужчин средствами производства: кто не работает, тот не ест («Хочешь есть калачи, так не сиди на печи»), кто работает, тот ест («Кто не ленив пахать, тот будет богат»), как работаешь, так и живешь («Что потрудишься, то и поедим»).

2. Труд должен быть умеренным («Работа не волк — в лес не убежит»); нельзя работать в воскресенье, церковные и светские праздники.

3. Мир гарантирует (благодаря общинной форме собственности) каждому крестьянину мужского пола получение во временное пользование определенной доли имущества общины, в первую очередь земли, при

условии, если он согласится выплачивать падающие на эту землю платежи («На всякую душу Бог зарождает»; «Родись человек — и краюшка хлеба готова»). Крестьянин имеет право на достойное существование, т. е. на минимальный уровень дохода, который обеспечивает община, помещик и государство (царь, коронные власти), а также Бог («На Руси никто с голоду не умирал. За голодного Бог заплатит»).

4. Община обязана помогать крестьянам в кризисных ситуациях, таких как пожар, потеря скота, инвалидность, болезнь, сиротство и т. п.

5. Интересы мира имеют приоритет перед интересами отдельных семей и крестьян («Кто больше мира будет? С миром не поспоришь»; «На мир и суда нет. Мир один Бог судит»).

6. В общине по всем общественным вопросам должно существовать согласие.

7. Моральный кодекс общины воплощает христианские заповеди, крестьяне обязаны его соблюдать.

8. Крестьяне обязаны поддерживать коллективизм и солидарность («Все за одного и один за всех»).

9. Все патриархи обязаны участвовать в общественных делах, присутствовать на сходах, занимать выборные должности.

10. Между всеми патриархами существует полное равенство в отношении прав и обязанностей, но старики имеют приоритет перед остальными на сходах, в принятии решений, в суде и других общественных делах.

11. Мужчины, не являющиеся патриархами, не участвуют на сходах, не принимают решений, их интересы, как и интересы всех других членов семьи, представляет большак.

12. Женщины не имеют никаких денежных и натуральных обязательств перед общиной и государством, но зато не имеют и никаких прав, в частности, не участвуют в общественном управлении, не имеют доли в общинной собственности и права на земельный надел («Курице не быть пухом, а бабе — мужиком», «Бабе дорога — от печи до порога»).

13. Мир уравнивает крестьян, стремится к тому, чтобы имущественные и другие различия между крестьянами были минимальными, в свою очередь отдельный крестьянин не должен выделяться из общего ряда («Вперед не забегай, а от своих не отставай», «Ни на какое дело не называйся и ни от какого не отказывайся»).

14. Мир имеет право вмешиваться во внутрисемейные и личные дела крестьян, если они вступают в противоречия с обычаем и традициями, нарушают общественный порядок; если хозяйство неисправно платит налоги и вообще неисправно выполняет финансовые обязательства перед общиной, она назначает большаком другого члена того же двора. Человек безусловно подчиняется мирскому решению («Как мир захочет, рассудит, порядит, поставит, позволит, приговорит, положит; мирская воля»).

15. Община в целом и каждый крестьянин в отдельности в своей жизни ориентируются на старину как на образец («Как отцы и деды, так и мы. «Отцы и деды не знали этого, да жили же не хуже нашего»).

16. За отдельным крестьянином признается инициатива («воля») настолько и до тех пор, пока она не нарушает обычая, традиция и интересов

мира («Все можно, нельзя только на небо влезть»; «Своя волюшка доводит до горькой долюшки»; «Безобычному человеку с людьми не жить»).

17. Мир является хранителем традиций, правды и справедливости, его решение — глас Божий («Что мир порядил, то Бог рассудил»).

Сформулированные принципы являлись неписаными законами общинной жизни. Не всем *в каждый данный момент* хотелось в полную меру следовать этим принципам — кому-то они создавали неудобство, служили помехой, были невыгодны. Например, не для каждого хозяйства момент передела был целесообразен, не каждый крестьянин хотел платить за недоимщика и т. п. Сельская община не являлась благотворительным учреждением, а крестьянин при его готовности жертвовать личными интересами во имя общины не был филантропом. Принципы на практике реализовывались в столкновениях, спорах и в борьбе разных групповых интересов. Находились недовольные решениями сходов, случалось, что крестьяне жаловались властям на выборных. Не следует идеализировать общину, а крестьян представлять «аркадскими пастушками». Но все же до 1860-х гг. на сходах спорили люди одного мировоззрения и одной субкультуры о том, как эти принципы конкретно и наилучшим образом воплотить в жизнь.

В целом принципы соответствовали потребностям и интересам большинства крестьян, их пониманию справедливости, а также представлениям о настоящей, доброй христианской жизни, которые утверждала православная церковь в десяти заповедях Закона Божьего. Община согласно первой заповеди требовала от крестьянина полагаться не на себя, а на коллектив и в еще большей степени на бесконечное милосердие Божие. В соответствии со второй заповедью община отрицательно относилась к тому, чтобы крестьянин делал идола из богатства, пищи, власти, гордости или тщеславия. Клятва, данная именем Божиим, имела большое значение во всех делах общины, а нарушение обетов и клятвы рассматривалось в полном согласии с третьей и девятой заповедями как тяжкое преступление и грех. Строгий запрет работать в воскресные и другие праздничные дни и посты находился в гармонии с четвертой заповедью, безусловное требование подчиняться старшим и родителям — с пятой заповедью: почитай отца и мать свою (не забудем, что царь почитался как отец), строго негативное отношение к супружеской измене — с седьмой заповедью, к убийству и воровству — с седьмой и восьмой, наконец, требование быть довольным тем, что имеешь, — с десятой заповедью. Как видим, община стремилась организовать свою жизнь в соответствии с христианскими заповедями.

При полной реализации принципов формировалась бы идеальная общность, при полном их игнорировании — идеальное общество. Но такие крайности в жизни не встречались. Все реальные общины вместе образовывали длинный ряд от общин со слабым мирским духом до общин с сильным мирским духом. Конкретные общины адаптировались к различным изменяющимся условиям существования, применяя различные методы для достижения своих целей, но *в рамках указанных принципов*. Словом, социальная жизнь в отдельных общинах была разнообразна, но

она не отклонялась существенно от эталонной модели общины, а важнейшие действующие лица этой жизни — крестьяне, государство и помещики — были заинтересованы в том, чтобы отклонения были редкими и незначительными. Эти принципы поддерживали общинный строй жизни, обеспечивали экономическую и социальную стабильность, общественный порядок, личностный характер отношений, консолидировали крестьян в корпорации, которые защищали их права и жизненный уровень от наступления государства и помещиков. Уверенность в том, что завтра будет так же, как сегодня, представляла для крестьянства более значимую ценность, чем движение вперед, обещающее с большей или меньшей вероятностью, что завтрашний день будет лучше сегодняшнего. Стабильность они ценили выше, чем эффективность, уверенность — выше, чем прогресс, связанный с риском и неустойчивостью: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе». Для крестьян экспрессивный порядок жизни (забота о репутации, самоуважении и достоинстве) имел большее значение, чем практический (забота о средствах к существованию). Вот почему число нерабочих дней в 2 раза превышало число рабочих дней (напомним, что в племенных обществах это соотношение составляло 1 к 10).

В 1840–1850-е гг. об общине много спорили славянофилы и западники — представители двух главных течений русской общественной мысли. Общинный строй жизни казался славянофилам воплощением высокого христианского идеала отношений между людьми, удержавшегося только в России и притом только в среде русского крестьянства. Западники резко возражали. В их глазах русская сельская община была лишь запоздалым остатком патриархального быта, подавлявшим индивидуальное развитие, энергию и инициативу, без которых никакая правильная общественная жизнь немыслима. Единогласие, круговая порука представлялись западникам путями, под давлением которых принижалась и умалялась личность. Славянофилы были правы в том, что в середине XIX в. в России община была живым, действующим организмом, удовлетворявшим потребности крестьян и соответствовавшим их идеалу общественной организации. Но они заблуждались, утверждая, что община была уникальным русским институтом. Общинный строй являлся типичной формой организации общественной жизни большинства доиндустриальных обществ Европы, он сохранился в России не в силу своеобразия ее исторического пути, а в силу отставания. Славянофилы переоценивали, а западники недооценивали социальное значение и совершенство общины как общественной организации. Славянофилы идеализировали общину, западники переоценивали уровень развития русского крестьянства, для которого община еще отнюдь не была, как полагали славянофилы, «остатком варварских времен».

В. Личность и внутриобщинные отношения

Члены общины составляли «мы-группу». Все отношения между ними имели личностный характер — люди общались друг с другом лицом к лицу, и долгосрочный характер — связи сохранялись всю жизнь. Отношения строились на родственной, товарищеской или соседской основе в большей степени, чем на меркантильных и рациональных расчетах. Пер-

сональный, эмоциональный, интимный характер межличностных отношений нашел отражение в двух примечательных фактах — все крестьяне в отличие от образованных людей были друг с другом на «ты», что являлось признаком равенства и дружбы; все общинники имели прозвища и чаще называли друг друга не по имени, а по прозвищу: Хитра, Рябуха, Тигра, Телятник, Душечка, Волк, Дукач и т. п. В прозвищах отражались отличительные, внутренние или внешние, особенности человека: Хитра — хитрый, Рябуха — рябая, Тигра — недобрый и т. д. Крестьянин был неотделим от своего социального окружения. У него не было сугубо личных дел, которые совершенно не касались бы его соседей, а тем более родственников. Это не значит, конечно, что за человеком не признавалось право на личную жизнь и индивидуальное решение, что он не имел тайн и не совершал поступков, не известных другим. Однако любое сколько-нибудь важное событие в его жизни было известно всей деревне. Жизнь крестьянина проходила на виду, поступки его открыто обсуждались и оценивались. Скрытность осуждалась, советы с родственниками по поводу своих проблем считались необходимыми. Самые интимные моменты своей жизни он не скрывал от улицы: как и сколько он работает, как, что и сколько он ест, как и кого он любит, как воспитывает детей, каковы отношения в его семье — все это известно было миру до мельчайших подробностей; точно так же как известно и то, кого он ненавидит. Тайну, если она не имела криминального характера, и не пытались скрывать. Даже обманутый муж не стеснялся провести изменившую ему жену обнаженной по селу. Крестьянин стремился к публичности, так как нуждался в ней. Почему? Община давала санкцию на все, что делал крестьянин. Без этого одобрения ни свадьба, ни похороны, ни рождение не становились *действительными событиями* в глазах крестьянина. Чем больше людей были свидетелями того или иного события, тем значительно казалось общественное одобрение, тем как бы реальнее становилось данное событие для крестьянина. Открытость личности являлась необходимым условием действительности личности, публичность общественных отношений — условием действительности этих отношений, словом, открытость и публичность были атрибутами действительности. Таким образом, общинные порядки связывали крестьян многочисленными взаимными обязательствами, ставили их в положение взаимной зависимости, а совместный труд и отдых вырабатывали в них чувство сильной привязанности и духовной близости: «Не купи двора, купи соседа». Одиночество рассматривалось как величайшее несчастье: «Один и в каше загнет (утонет)».

Слитность крестьян одного селения в едином коллективе имела много проявлений: братчины, хождение в кусочки, помочи и др. *Братчины* — обычай совместных трапез, посвященных общехристианским или местным религиозным праздникам. Общественные угощения почти всегда были связаны с обрядом и культом. Братчины устраивались для детей, для девушек, для пожилых людей, для всей деревни. На их проведение крестьяне выделяли деньги и приносили продукты, из которых готовили угощение и варили пиво. Коллективные застолья особенно часто устраивала молодежь. У русских были распространены коллективные трапезы

по обету отдельных лиц или целого мира. В этих праздниках и застольях сохранилась память о древних языческих приношениях. Личные обеты давались обычно в случае болезни домашнего животного (обещают в память того или иного святого принести в жертву домашнее животное, когда оно вырастет или после его выздоровления), общие — при эпизоотии или другом несчастье, постигшем всю деревню. Празднество по коллективному обету происходило вблизи деревенской церкви, а по личному обету — во дворе владельца жертвенного животного. Из церкви приносились иконы, и совершалось богослужение, затем все садились за общий стол. После еды пили пиво, устраивали хоровод или с песнями шли по деревне, заходя в каждый дом, чтобы попить пива.

Солидарность проявлялась в обычае коллективной поддержки человека, попавшего в силу непреодолимых обстоятельств в трудное положение. Считалось грехом отказать просящему милостыню, на чем был основан распространенный *обычай «ходить в кусочки»*. Когда в семье кончались деньги и хлеб — основной продукт питания, то большак не торопился продать свое имущество. Он отправлял сначала детей, потом женщин и, наконец, сам шел просить ради Христа хлеба в своей деревне, а если этого не хватало, то и в соседние. Дать просящему хотя бы маленький кусочек хлеба считалось моральным долгом. Таким способом семья могла продержаться до нового урожая, сохранив в целостности скот и инвентарь.

Ярким проявлением солидарности являлся и *обычай помочей* — коллективная работа всей общины в пользу крестьянина, попавшего в тяжелое положение вследствие пожара, утраты скота, болезни и т. п. В течение целого дня односельчане исполняли трудоемкие и спешные работы (убирали урожай, косили, возводили дом и пр.), как правило, за благодарности, иногда за угощение после окончания работы.

Объединению жителей одного селения в сплоченный коллектив чрезвычайно способствовало совместное совершение всем миром календарных обрядов, которые сопровождались молебнами, крестными ходами, театрализованными действиями и играми, некогда носившими языческий ритуальный характер и частично сохранившими его вплоть до начала XX в. Коллективные молебны совершались и вне привычного календаря — по случаю засухи, эпизоотии и т. п. Большое число праздничных дней не казалось крестьянину потерей времени, так как в праздники укреплялась солидарность коллектива, обсуждались его дела, за выпивкой разрешались конфликты и снимались противоречия. Праздники представляли собой важные интегративные церемониалы, способствовавшие духовному единению людей через разделенную радость, совместное любование жизнью, экстаз — они были торжеством единения и товарищества. Алкоголь выполнял ценную социальную функцию — укреплял солидарность, снимал или ослаблял межличностные противоречия. Поэтому среди взрослых мужчин практически не было непьющих. Согласно некоторым обследованиям после эмансипации, данные которых могут быть распространены и на дореформенное время, пили при всяком удобном случае 58 % взрослых крестьян; всегда, когда были деньги, — 11 %;

только по большим праздникам — около 30 %. Частое употребление алкоголя для 1–2 % заканчивалось запоем (в 1990 г. медицинские учреждения СССР признали алкоголиками 4,5 % мужчин, а реальное число алкоголиков было, вероятно, в два раза больше). Но широко распространенное представление о том, что русские потребляли алкоголя значительно больше, чем другие европейцы, не соответствует действительности. До 1913 г. на душу населения в России потреблялось в 1,5–2 раза меньше алкоголя, чем в западноевропейских странах, а печальные российские рекорды были установлены только в 1980-е гг.

Важная особенность сельской общины состояла в том, что социализация подрастающего поколения происходила в самой деревне посредством прямой передачи опыта, устной традиции, живых примеров, так как крестьяне были неграмотными — в середине XIX в. менее 10 % умели читать. Подобный характер социализации привязывал детей к родителям и ставил первых в зависимость от вторых, возвышал авторитет старших, ориентировал молодое поколение на традицию, приводил к тому, что в общине существовала бесконфликтная в культурном отношении преемственность поколений. Конфликт поколений в истинном смысле этого слова возникает не из разницы возраста или характеров, а из различия систем ценностей, которых придерживаются отцы и дети. В дореформенной деревне у подрастающего поколения практически не было проблемы выбора системы ценностей, политических, религиозных и других концепций, почти не было проблемы выбора профессии. Отсутствие альтернатив и серьезных противоречий между поколениями обеспечивало мягкое вхождение молодежи в общий ход жизни общины. Разумеется, между отцами и детьми имелись житейские и психологические противоречия, но они, будучи преходящими, не могли подорвать культурную преемственность поколений.

С детских лет крестьянин привыкал следовать сложившимся в семье и общине стереотипам и образцам поведения, привыкал к строгой внешней регламентации своей жизни, к подчинению своего поведения семейным и общественным интересам, у него вырабатывалась способность к слиянию своего «я» с общинным «мы». Благодаря этому ни отождествление себя с миром, ни вынужденное подчинение воле большинства не воспринимались им как насилие, нарушение его прав личности. Признание за коллективом высшего авторитета становилось частью характера, и за пределами общины крестьянин был покладистым и готовым пойти на все возможные уступки коллективу. Общность интересов большинства, социальная и имущественная однородность, частая конфронтация с помещиками и коронной администрацией поддерживали и развивали внутреннее единство и сплоченность общины. Однако и конфликты являлись неотъемлемой частью деревенской жизни. Социальные санкции, поддерживавшие внутренний порядок, порождали у наказанных фрустрацию и агрессивные тенденции. Они либо проявлялись в виде ссор, драк, побоев домохозяев и т. п., либо принимали форму этноцентризма — враждебности к другим общинам или социальным группам. Например, повышенной враждебностью отличалось отношение крестьян к помещикам, духовенству, чиновникам. Внутригрупповой антагонизм и этноцентризм были не-

избежны, но крестьяне находили много способов, чтобы канализировать их в безопасное русло. К их числу относились спортивные игры (соревнования в верховой езде, игры с мячом, в свайку и бабки и др.) и в особенности кулачные бои (между отдельными селениями, а в больших селах — между отдельными улицами или районами). Они служили предохранительным клапаном, посредством которого агрессия, вызванная внутриобщинными санкциями, нейтрализовалась, трансформируясь в социально регулируемую и безвредную форму.

Современники прозападной ориентации полагали, что всесторонняя и мелочная регламентация, сильное давление традиции и обычая сковывали человека, не оставляли возможностей для проявления инициативы и выражения индивидуальности, приводили к полному поглощению личности общиной. Последняя, бесспорно, очень сильно ограничивала самостоятельность крестьянина, но превратить его в робота она не могла по той причине, что не существовало, да и не может существовать, правил на все случаи жизни. Жесткие нормы поведения были выработаны для некоторых принципиальных и часто повторяющихся случаев жизни. Но в большинстве ординарных, а также неординарных ситуаций, в случаях, когда одни нормы поведения вступали в противоречие с другими и требовался выбор, крестьянин должен был самостоятельно применять общие руководящие принципы поведения, и здесь оставалось достаточно много возможностей для восприятия личной инициативы. Множество вариантов в рамках правил, устанавливаемых общиной, обеспечивало человека относительной свободой и создавало возможность социальных изменений.

Социальная и имущественная однородность крестьянства — главный источник консенсуса в общине — поддерживалась *уравнительным механизмом*. В нем нашли свое выражение, с одной стороны, представления о справедливых с точки зрения крестьян общественных отношениях, а с другой стороны, нормы обычного права, сформировавшиеся под влиянием этих представлений и всей совокупности условий, в которых приходилось жить крестьянству. Этот механизм включал определенную систему мер, применяемых общиной для уменьшения любого рода дифференциации между крестьянами.

1. Систематическое уравнительное перераспределение земли между крестьянами путем переделов в соответствии с рабочими и платежеспособными возможностями каждого хозяйства. Эта мера препятствовала концентрации земли, подавляла стимул к повышению плодородия участков, находившихся во временном пользовании, и нивелировала доходы, так как установленный таким образом земельный надел для каждого хозяйства почти автоматически предопределял численность скота, количество сельскохозяйственного инвентаря и в конечном итоге доход хозяйства.

2. Применение обязательной для всех системы севооборота и чересполосное наделение землей. Эта мера являлась едва ли преодолимым препятствием для отдельных хозяйств, желавших получать более высокие, чем другие хозяйства, урожаи за счет нововведений и лучшей обработки земли.

3. Распределение налогов и повинностей, приходившихся на общину,

соответственно доходам каждого хозяйства. Часто практиковалась прогрессивная раскладка налогов и повинностей, в результате чего налоговое бремя зажиточных хозяйств увеличивалось, а средних и бедных хозяйств уменьшалось.

4. Использование круговой податной ответственности богатых за бедных, когда последние не в состоянии оплатить свою долю налогов и повинностей.

5. Запрещение работать в праздники и воскресенья, на долю которых приходилось до трети дней в году. Эта мера до некоторой степени уравнивала все хозяйства в отношении общего баланса рабочего времени, значит, служила средством нивелирования имущественного неравенства между крестьянами, так как большое число праздников (около 100 в середине XIX в.) лишало возможности трудолюбивых и старательных работников повысить свое благосостояние.

6. Общественное осуждение чрезмерного трудолюбия, стремления к обогащению, к выделению из общего ряда и одобрение умеренности в потребностях и желаниях.

7. Распределение выборных должностей между крестьянами таким образом, чтобы зажиточные крестьяне занимали наиболее важные общественные должности, надолго отрывающие выборных от личного хозяйства, а бедные крестьяне — второстепенные должности, не требующие значительного времени.

8. Использование рекрутской повинности для удаления из общины бедных и опустившихся крестьян, для взятия своего рода выкупа с богатых крестьян, освобождавшихся от обязанности служить за деньги, и для выравнивания рабочей силы отдельных дворов, так как община освобождала от рекрутской повинности хозяйства с одним или двумя работниками.

9. Помощь вдовам, солдаткам, сиротам, крестьянам, не по своей вине попавшим в тяжелое материальное положение.

Уравнительный механизм, если он хорошо действовал, практически исключал возможность концентрации у отдельных крестьян-земледельцев значительного капитала в виде земли, скота или денег. Этому способствовали также такие факторы, как низкий общий агротехнический уровень и низкая продуктивность крестьянского хозяйства (в 1850-е гг. средняя урожайность зерновых на крестьянских землях составляла всего 4,5 центнера с 1 га), высокий естественный прирост населения, обремененность крестьян налогами и повинностями в пользу помещика или казны. Не случайно почти вся сельская буржуазия выросла в промысловой деревне, в сфере торговли и промышленности, куда нивелирующая десница общины едва могла дотянуться. Крестьяне, имевшие купчие земли и крепостных, записанных на помещика, также разбогатели, занимались торговлей. Описанный механизм, разумеется, не мог устранить всякую имущественную дифференциацию, но в значительной степени сглаживал ее. Традиционное разделение крестьян на три страты — богатые, средние и бедные — объяснялось главным образом *циклической природой крестьянского хозяйства*, которое испытывало то рост, то упадок в зависимости от демографической структуры семьи. Различия между стратами были

невелики, носили количественный характер и к тому же являлись переходящими. До эмансипации в 1860-х гг. не во всех общинах имелись богатые крестьяне. Например, из 30 вотчин богатейшего русского помещика Шереметьева в 12, или 40 %, отсутствовали богатые, или «капиталистские», крестьяне.

Социальный статус человека в общине зависел от пола и возраста, от имущественного положения его семьи и от той роли, которую он играл в семейных и общественных делах. Мужчины имели более высокий статус, чем женщины, старшие по возрасту — более высокий статус, чем младшие. Наиболее существенные различия наблюдались в статусах мужчин. Глава семьи имел более высокий статус, чем другие мужчины его семьи. Статусы большаков также различались и зависели от величины семьи, которую он представлял, и успешности ведения своего хозяйства. Большак зажиточного и, как правило, многочисленного хозяйства имел более высокий статус, чем большак среднего хозяйства, а тот в свою очередь — более высокий статус, чем большак бедного хозяйства. При этом уважение вызывало не столько благополучие, сколько честный труд, ценились усилия, способности, трудолюбие, компетенция патриарха и его возраст, поскольку зажиточные люди были, как правило, одновременно и старшими по возрасту. Зажиточное хозяйство несло большую долю мирских повинностей и никогда не являлось обузой для общины, в то время как бедное хозяйство часто было бременем и требовало помощи. Статус большаков был также связан с той ролью, которую они играли в руководстве производственной, общественной, религиозной жизнью коллектива, и с тем влиянием, которое они оказывали на поступки других крестьян.

Женщины по традиции были устранены от руководства общиной. Они могли оказывать влияние только через своих мужей, естественно, скрытно и вопреки принятым нормам. Однако и сами женщины весьма редко стремились к участию в общественных делах. Это можно объяснить тем, что почти все они были замужем и рожали по 10 и более раз, что не оставляло им ни времени, ни сил на участие в общественной жизни деревни. Социальный статус женщины зависел от положения мужа, возраста, количества детей и отчасти способностей. Например, уважением, хотя и смешанным со страхом, пользовались знахарки и колдуньи. В целом в деревне существовали мир женщин и мир мужчин. Работы делились на мужские и женские; изба (фактически комната) строго делилась на мужскую и женскую половины, и заходить без необходимости мужчинам на женскую и женщинам на мужскую запрещалось. Даже поза во сне должна была быть различной для мужчин и женщин: мужику полагалось спать навзничь, бабе — ничком или на левом боку (чтобы можно было перекреститься).

Таким образом, половозрастная дифференциация среди крестьянства имела более важное значение, чем имущественная или образовательная: пол и возраст упорядочивали людей, определяли их образ жизни и поведение (каждому возрасту соответствовали определенная одежда, прическа, именованье, манеры и т. д.), структурировали отношения между ними. Женщина не могла быть старостой, молодой человек не мог быть боль-

шакон, зажиточные патриархи находились в солидном возрасте, молодые не бывали богатыми и т. д. Социальный статус человека в большей степени определялся влиянием, которое он имел на дела общины, и уважением, которым он пользовался у односельчан, чем другими факторами, например материальным достатком. Дифференциация между крестьянами носила *престижно-авторитетный характер* и в существенной мере обуславливалась его возрастом, хотя возраст сам по себе не давал влияния и уважения: он являлся важным и необходимым, но все-таки не достаточным условием. Имущественные различия в общине не сопровождались различиями в поведении лиц, принадлежавших разным имущественным группам; они больше напоминали индивидуальные различия в опыте, мастерстве и благочестии, чем статусные градации в строгом смысле слова. Можно сказать, что община в крепостное время была социально однородной.

VIII.4. Крестьянская община в пореформенный период

Реформы 1860-х гг. внесли много нового в положение крестьян,несли в деревню усиление законности — владельческих крестьян они освободили от помещичьей власти; отношения всех категорий крестьян с властями поставили на твердое юридическое основание. При этом общинный строй жизни не только не был поколеблен, но еще более утвердился, благодаря тому что реформаторы хотели, чтобы община помимо своих традиционных функций выполняла в отношении контроля над крестьянами и обязанности отстраненных от дел владельцев. Последовавшие реформы удельной (1863 г.) и государственной (1866 г.) форм деревни распространили его на другие категории крестьян. С этого времени все крестьянство находилось в равных правовых условиях и их жизнь регулировалась одними законами, исходившими от государства. Власть помещика устранилась, опека государства в бывшей казенной деревне ослабевала, жизнь крестьян в решающей степени ставилась в зависимость от них самих.

Самое существенное изменение, которое принесла реформа, состояло в том, что значение формальной структуры сельской общины еще более повысилось, а неформальной — понизилось. Выборные стали формально считаться *сельским начальством*. Закон четко определил их обязанности, усилил их подчиненность коронной администрации и ответственность перед последней за все, что происходило в общине: за плохое с официальной точки зрения выполнение служебного долга выборные могли подвергаться штрафу, непродолжительному аресту и суду, а за неправильные с точки зрения властей решения схода, которые обязательно записывались в специальную книгу, они несли *уголовную ответственность*. Досрочное отрешение от должности старосты стало прерогативой администрации. Выполнение выборными административно-полицейских обязанностей ставилось исключительно под контроль коронной администрации, и лишь их деятельность по регулированию хозяйственной и бытовой жизни деревни оставалась под контролем общины. Наиболее важные из выборовны — староста и сборщик податей — были обличены официальными административными полномочиями и подчинены выборной во-

лостной и уездной коронной администрации. Срок службы старост был установлен 2 года. Администрация делегировала выборным более значительную власть, чем они имели прежде. Староста получил право без санкции схода наказывать крестьян за некоторые проступки денежным штрафом и двухдневным арестом. Это способствовало росту бюрократизации общины, создавало предпосылку для превращения выборных, особенно главного из них — старосты, из охранителей общинных интересов в низших агентов администрации, так как они, по крайней мере на срок своих полномочий, стали более независимы от крестьян и в большей степени зависимы от коронных властей.

В сельских сходах по-прежнему принимали участие все патриархи, пользовавшиеся долей общинной земли; собирались сходы так же, по мере надобности, но сфера их деятельности была определена законом. Требование единогласия сохранялось — решение считалось правомочным, если в сходе участвовало не менее двух третей дворохозяев и если за него проголосовало по важным делам (передел земли, раскладка податей, исключение из состава общины и некоторые другие) две трети присутствовавших, по второстепенным делам — простое большинство. Общинная полиция выбиралась крестьянами, а контролировалась не только ими, но и коронной полицией. Для всех крестьян был создан выборный сословный волостной суд, который официально считался судом первой инстанции.

Таким образом, реформы 1860-х гг., в основном сохранив традиционное общинное устройство крестьян, внесли в него и много нового, особенно для бывших помещичьих крестьян. Они превратили некогда неформальную самостоятельную организацию из института обычного права в институт государственного права, в административную ячейку государственного управления, дали ей статус крестьянской сословной корпорации с правом юридического лица, регламентировали ее деятельность юридически и поставили под контроль коронной администрации. Переименование общины в сельское общество имело поэтому глубоко символическое значение — оно знаменовало *создание правовых предпосылок для превращения сельской общины из общности в общество*.

Однако сам по себе закон не мог в одночасье радикально трансформировать сельскую общину из общности в общество — именно этот процесс лежал в основе всех изменений в пореформенной деревне. Происходило медленное вытеснение традиционного новым, новое сосуществовало или боролось со старым, в одних общинах прогресс был сильным, в других — заметным, в третьих — едва присутствовал; серьезная пертурбация не означала полного и окончательного разрыва с прошлым.

Изменения в общинной демократии происходили в направлении, намеченном реформой. Обнаружилась тенденция к превращению выборных в чиновников. Некоторые эксперты по крестьянским делам, например Г.И. Успенский, уже в конце 1870-х гг. утверждали, что староста и сборщик податей превратились в лица официальные; выбрать же человека, который соблюдал бы общине интересы так же, как и свои собственные, было невозможно. Действительно, имелись объективные предпосылки для

отрыва выборных от крестьян. Во-первых, выборные подчинялись коронной администрации, а последняя обрушила на них карательные меры за плохое исполнение обязанностей. Например, за 1891—1894 гг. в 48 губерниях за накопление крестьянских недоимок была наказана почти треть старост, в том числе 36 322 человека — арестом, 14 873 — штрафом. Выборные поневоле должны были усиливать давление на крестьян, что создавало в отношениях между ними напряженность. Во-вторых, наметилась тенденция к закреплению выборных должностей за определенными лицами на длительный срок. Если до отмены крепостного права староста обычно переизбирался ежегодно, то после 1861 г. — каждые два года, а фактически служил дольше: в 1880 г. средний срок службы 85,1 тыс. старост составил 2,4 года, из них 67 % служили первый срок, 27 % — второй, а 6 % — третий и более; средний срок службы волостных старшин и писарей был еще больше — 3,2 года, из них 49 % служили 2 и более срока. Однако выборные не стали чиновниками. Общественное мнение, отсутствие у них значительных привилегий, постоянная связь с избирателями и материальная зависимость от них (крестьяне платили выборным жалованье) помешали этому.

Вполне оправдались надежды правительства на изменение порядка принятия решений на сходах. Первые 20–25 лет после реформы крестьяне стремились к единогласию. Но затем под влиянием усилившихся разногласий в общине консенсус стал невозможным и решения принимались простым или квалифицированным большинством голосов. Традиционные взгляды трансформировались до такой степени, что крестьяне перестали считать, что большинство всегда право. Меньшинство стало жаловаться властям на большинство в тех случаях, когда для принятия решения закон требовал квалифицированного большинства в две трети, а оно принималось простым большинством. И власти шли навстречу меньшинству и отменяли незаконные решения, принятые большинством, — так закон вытеснял обычай. Сходы и до отмены крепостного права часто были ареной жарких споров. А в пореформенное время по мере роста внутренних противоречий в общине сходы превращались, по словам Г.И. Успенского, в «настоящие парламенты» с партиями единомышленников, с «настоящей парламентской борьбой, так как парламентские приемы, подвохи, подходы отлично разработаны деревней».

С 1861 по 1917 г. сельская община развивалась противоречиво: одни ее функции совершенствовались, другие — атрофировались, третьи — оставались без изменения; одни крестьяне поддерживали традиционные устои, другие были ими недовольны и хотели их перестройки, третьи проявляли индифферентность. Какие же процессы доминировали, каких крестьян было больше, насколько прочным был общинный уклад крестьянской жизни к 1917 г.? Правильно ответить на поставленный вопрос можно, опираясь на массовые статистические данные о степени разложения общинного строя с 1861 по 1906 г. и о проведении столыпинской аграрной реформы в 1906–1916 гг.

До 1906 г. государство всей силой своей власти поддерживало общину. В 1861–1893 гг. свободный выход из общины разрешался только при

условии полной выплаты выкупа за землю, а при неуплате выкупа требовалось разрешение схода. Внести всю выкупную сумму могли немногие крестьяне, а разрешение на выход при неуплате выкупа получить было невозможно. С 1893 г. государственная поддержка общины стала еще более сильной — выйти из общины при уплате или без уплаты выкупа можно было только с разрешения схода и коронной администрации в лице земского начальника. Поскольку община соглашалась на выход очень неохотно, а земский начальник — еще неохотнее, то закон 1893 г. почти блокировал легальную возможность выхода из общины. В основе поддержки общины лежало убеждение, что с административно-полицейской точки зрения общиной легче управлять. По закону от 9 ноября 1906 г. крестьяне получили право выходить из общины и укреплать землю в личную собственность без согласия схода, причем такие стремления государство всячески поддерживало. Поворот в аграрной политике был вызван тем, что во время революции 1905–1907 гг. община возглавила крестьянские беспорядки. Потеряв веру в ее лояльность, правительство сделало ставку на индивидуальные крепкие хозяйства и ради этого приняло ряд мер, стимулирующих выходы из общины.

В ходе столыпинской реформы, в 1907–1916 гг., официально и добровольно порвали с передельной общиной всего 3,1 млн дворов из 10,7 млн дворов, или 29 %; 747 тыс. дворов, официально заявивших о выходе, в конце концов остались в общине. Причины были самые разные — сомнения, скоропостижная смерть и т. п., но, по-видимому, важнейшая из них состояла в трудности реализации своего решения, так как в 73 % случаев вследствие противодействия общины выход был сопряжен с конфликтом. При полюбовном расставании выделявшийся сам договаривался с общиной, какую землю и где он получит, — таких случаев было всего 27 %. При возникновении конфликта размежевание с общиной производили специальные государственные землеустроительные комиссии, и это, как правило, сопровождалось скандалом и насилием. Жить во враждебных отношениях с общиной было крайне трудно, поэтому, сделав официальное заявление о выходе из общины, многие не могли или боялись его реализовать. Другая, еще большая часть недовольных, но оставшихся в общине крестьян — 2,3 млн дворов к 1917 г. — проживала в общинах, которые не практиковали переделы с 1861 г. Вероятно, она была удовлетворена порядками, установившимися в беспередельной общине, которую можно считать промежуточной формой между традиционной передельной общиной и хутором или отрубом.

Итак, к 1917 г. *полностью порвали* с общинным укладом жизни, укрепив землю в собственность, 3,1 млн дворов; *наполовину порвали* с передельной общиной, перейдя к фактически подворной собственности, — 2,3 млн; *испытывали неудовлетворение* общинными порядками, но остались в общине 0,747 млн дворов. Следовательно, всего в той или иной степени недовольных общинным строем жизни к 1917 г. насчитывалось около 6,1 млн из 10,7 млн дворов, или 57 % всех крестьян, живших до столыпинской реформы в условиях передельной общины. Приведенные данные позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, общинные

порядки не были насильственно сломаны реформой; как до, так и после реформы *проходил естественный процесс разложения общины и социальных отношений общинного типа*, что объясняет существование промежуточных форм разрыва с общинным укладом. Во-вторых, в реформенное время доминировала тенденция, разрушающая общинный уклад жизни, а экономические и юридические препятствия для выхода из общины, существовавшие до 1906 г., тормозили ее распадение.

Столыпинская реформа ускорила те процессы в деревне, которые и без нее проходили довольно интенсивно. Она являлась насилием над крестьянством главным образом в том смысле, что позволила меньшинству выйти из общины вопреки мнению большинства. Но, с другой стороны, она прекратила насилие большинства над меньшинством, которое не хотело продолжать жить в условиях общинного уклада. Реформа была прервана войной. Можно предположить, что если бы не война, распадение общины продолжилось, так как в 1917 г. существовал значительный резерв для продолжения реформы, во-первых, из крестьян, недовольных общинным порядком и изъявивших желание порвать с ним в 1907–1915 гг., но по разным причинам не сделавших это (747 тыс. дворов), во-вторых, из крестьян бесперedelных общин, официально не оформивших переход к подворно-участковому землевладению в течение 1907–1915 гг. (2,3 млн дворов).

Если говорить о всем крестьянстве Европейской России, то к 1917 г. крестьяне-собственники численно преобладали над крестьянами-общинниками. Крестьянство Украины и Белоруссии после реформ 1860-х гг. сразу перешло к подворной бесперedelной общине; после отмены выкупных платежей с 1 января 1907 г. в соответствии с законом о свободном выходе из общины 1906 г. они стали собственниками своей земли. Крестьяне Прибалтики общины вообще не знали. Всего в этих трех районах в 1916 г. насчитывалось примерно 3,8 млн дворов. Таким образом, на 1 января 1917 г. в Европейской России из 15,8 млн дворов на долю крестьян-общинников (продолжавших жить в перedelной общине) приходилось 6,3 млн дворов, или 40 %, на долю крестьян, проживавших в *официально* подворных бесперedelных общинах, — 3,8 млн, или 24 %, на долю крестьян, проживавших в *фактически* бесперedelных общинах, — 2,3 млн, или 15%, на долю крестьян-собственников — 3,1 млн дворов, или 20 % (из них землеустроенных, т. е. размежеванных с общиной, — 1,5 млн и выделенных на хутора и отруба — 1,6 млн дворов). Отсюда видно, что несмотря на ощутимые потери, общинный строй к 1917 г. был еще достаточно силен, в особенности в великороссийских губерниях, где *на традиционном общинном праве продолжали жить две трети русских крестьян*, из них одна половина хранила верность мирскому строю из принципа, а вторая — из-за нерешительности; выход же из общины наиболее недовольных ею скорее всего консолидировал оставшихся.

Возникает вопрос: если перedelно-общинные порядки приходили в упадок и имели много противников, если в их справедливости многие сомневались, почему после Октябрьской революции 1917 г. произошло

оживление передельной общины? (Напомним, что к 1922 г. в Советской России 85 % всей земли находилось в общинной собственности, в 67 % общин произошел общий передел земель.) Каким образом крестьянам, оставшимся в общине, удалось вернуть вышедших и пустить земли, принадлежавшие им и помещикам, в общий передел? К 1917 г. формально из передельных общин вышла только треть крестьян, к тому же их силы были раздроблены, поскольку половина из них жила на хуторах и отрубках, а вторая половина оставалась на старых местах и находилась в сложных отношениях с общинниками. Еще почти четверть крестьян сомневались, но все-таки не выходили из общины. В отличие от них 40 % крестьян, принципиально сохранивших верность общине, были сплочены и решительны. Огромная потенциальная добыча в виде земель помещиков (49 млн га), хуторян и отрубников (19 млн га) превратила сомневающихся в сторонников передельной общины, а объединившись с убежденными общинниками, они вместе стали непобедимой силой. Весьма существенно отметить, что крестьяне не знали другого способа «переварить» около 68 млн га земли, кроме уравнительного передела добычи, — землю нужно было поделить между всеми *по справедливости*. Кроме того, в случае реставрации старого режима возвратить помещикам их земли, которые община разделила между всеми, было просто невозможно, так же как невозможно было наказать виновных. Как говорили русские пословицы: «На мир и суда нет, мир один Бог судит»; «В миру виноватого нет. В миру виноватого не сыщешь». Добавим, что новая государственная власть и советские законы поддерживали политику возрождения общины, что также явилось немаловажным фактором возрождения общинных порядков.

VIII.5. Городская община в XVIII–начале XX в.

В конце XVII в. различия в общественном быте посадского и крестьянского населения были несущественными: посадская община выполняла те же функции, что и крестьянская община; та и другая были отмечены функциональной и структурной раздвоенностью и выступали субъектами корпоративного крепостничества. Магистратская реформа 1721 г., с одной стороны, консолидировала посадскую общину, с другой — разделила ее на гильдии и цехи, что создало предпосылки для фрагментации единой посадской общины. Компетенция и структура посадской общины оставались в основном прежними, но деятельность органов самоуправления стала приобретать бюрократические черты, что постепенно изменяло характер межличностных отношений в общине.

Реформы 1775–1785 гг. имели более серьезные последствия. Они, во-первых, усилили структурный и функциональный дуализм органов самоуправления, деятельность которых была формализована и бюрократизирована в такой же степени, как и функционирование коронных учреждений, а компетенция сужена, во-вторых, освободили купечество от корпоративного крепостничества, в-третьих, разделили прежде единую посадскую общину на купеческое, мещанское и ремесленное общества, слабо связанные между собой. Члены каждой сословно-профессиональной кор-

порации были в достаточной мере солидарны, имели самоуправление, общие потребности, общее имущество, активно взаимодействовали друг с другом, а члены мещанских и ремесленных обществ были также связаны круговой ответственностью. Это создавало предпосылки для сохранения в них отношений общинного типа. Реализации предпосылок в крупных и средних городах препятствовали возрастающая мобильность, а также имущественная и социальная дифференциация между членами обществ. Но в малых городах с мещанским населением, занятым преимущественно в сельском хозяйстве, где центром общественной жизни являлась поземельная община, а не городская дума и магистрат, образование специальных мещанских корпораций способствовало временному укреплению в них общинных отношений.

Реформы 1860-х гг. и Городовое положение 1870 г. освободили мещан и ремесленников от корпоративного крепостничества, но одновременно нанесли окончательный удар по общинным отношениям в среде городского сословия, составлявшего свыше половины всего городского населения. Реформы превратили городские общества из сословных во всесословные, изъяли государственные функции из компетенции органов самоуправления, тем самым ликвидировав их функциональную и структурную двойственность. На всех уровнях непосредственная демократия была заменена представительной, но высокие цензы отдали самоуправление в городских думах и сословно-профессиональных корпорациях в руки немногочисленной элиты, составлявшей 4–5 % всего городского населения. С этого времени можно говорить об отчуждении власти от рядовых граждан, о юридическом разделении горожан на элиту и плебеев. Это окончательно разрушило остатки общинных отношений в традиционных корпорациях городского сословия, которые еще некоторое время теплились лишь в поземельных общинах мещан-земледельцев. Освобожденные в результате Великих реформ 1860-х гг. от многовековой опеки традиционных корпораций каждая отдельная семья, каждый человек должны были самостоятельно заботиться о своем благополучии, контролировать свое поведение, защищать себя и т. д. Хотя некоторая помощь оказывалась государством, городским обществом, сословными корпорациями, разного рода частными организациями, но основная забота падала на семью и самого человека, который стал гражданином, свободным и сам на себя полагающимся. В среде городского сословия в начале XX в. межличностные отношения общинного типа превратились по преимуществу в отношения общественного типа. Интересно отметить, что этот процесс мало затронул другую многочисленную категорию городского населения — рабочих, кадры которых формировались из крестьянства и разорившегося мещанства. Общинные отношения, вероятно, преобладали среди всех категорий городских рабочих вплоть до 1917 г.

VIII.6. Дворянская корпорация в XVII–начале XX в.

В XVI–XVII вв. жизнь и служба дворянина протекала в рамках служилого города, который был прежде всего военной организацией, предназначенной государством для контроля за несением службы, но на прак-

тике являлся также корпорацией уездного дворянства с элементами самоуправления. В его структуре и функциях имелись лишь некоторые элементы общинной организации: уравнительное распределение служебных обязанностей между членами, групповое поручительство, выборы должностных лиц, за которых они ручались перед государством. Во всем остальном служилый город отличался от общины. Члены служилого города жили в одном уезде, но они не были соседями в истинном значении этого понятия — их поместья находились на большом расстоянии друг от друга. По причине плохих коммуникаций они не имели постоянных контактов во время своего пребывания в деревне, а на службе были связаны формальными отношениями. В свободное от службы время каждый дворянин жил обособленно семьей в деревне.

Служилый город по основным своим характеристикам приближался к обществу. В то же время подобно крестьянской и посадской общинам, в его самоуправлении участвовали все члены корпорации, и он обладал структурным и функциональным дуализмом: выполнял государственные задачи, но не забывал и о своих дворянских интересах, обладал самоуправлением, но оно использовалось короной для целей государственного управления, имел выборных, но они являлись не только защитниками интересов избирателей, а и командирами над ними. Дворяне несли индивидуальную ответственность за свою службу, за обязательство и долги; они не знали круговой поруки, коллективной собственности на землю и другое имущество, которым владели индивидуально и распоряжались по своему личному усмотрению даже до 1762 г., когда земля не являлась их безусловной частной собственностью. Дворяне одного служилого города поддерживали тесные связи друг с другом и почти все они знали друг друга лично. Но их контакты, как правило, не переходили границы вежливых, уважительных, формальных отношений, которые устанавливались на иных, чем соседство, родство и товарищество, основаниях.

К началу XVIII в. служилый город перестал отвечать требованиям времени и прекратил свое существование, но дворянская корпорация не умерла вместе с ним. На новых основаниях она возродилась в период 1761–1785 гг. и получила законодательное оформление в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. как *губернское дворянское общество*, которое принципиальным образом отличалось от крестьянской или городской общины. Оно объединяло свободных людей высокого социального статуса, им управляло представительное собрание, состоявшее из лиц, отвечавших определенным цензам, оно не имело принудительного характера и административно-полицейской власти над своими членами, его организация и компетенция были четко определены в законе. Дворянское общество, подобно крестьянским и городским общинам, было отмечено структурной и функциональной раздвоенностью, поскольку обслуживало как местные, сословные, так и государственные интересы, но оно, в отличие от общин, было еще теснее связано с государством. Последнее считало дворянские общества своей социальной опорой в провинции и возлагало на них большие обязанности по местному коронному управлению.

Еще до великих реформ 1860-х гг. каждое дворянское общество пред-

ставляло собой в зародыше *маленькое гражданское общество в губернской масшитабе*, если под последним иметь в виду не зависимое от государства сообщество свободных граждан со своей организацией, через которую они имеют право и возможность влиять на политику правительства. Органы дворянского общества действовали по закону и на основе разделения властей: распорядительная власть принадлежала дворянскому собранию, исполнительная — предводителям, ревизионная — депутатским собраниям, судебная — уездному и верхнему земскому судам. Закон установил компетенцию всех органов дворянского самоуправления, определил отношения между ними и между ними и членами дворянских обществ, разработал четкие процедуры проведения дискуссий, принятия решений и их реализации. Дворянское общество имело свой представительный орган в лице дворянского собрания, в деятельности которого можно видеть зачатки парламентаризма: там действовали заинтересованные группы лиц, иногда с различными политическими взглядами; эти группы по определенным правилам и в рамках закона вели борьбу за достижение своих целей. Не случайно именно в дворянских обществах зарождались идеи введения в России конституционного порядка, ограничения самодержавия, создания всероссийской политической организации. Дворянские общества имели реальную возможность влиять на коронную администрацию.

VIII.7. От общности к обществу

В период империи главными социальными организациями российского населения являлись крестьянская и городская общины, купеческое, мещанское, ремесленное и дворянское общества. Эти организации с точки зрения структуры, функций, управления, межличностных отношений, основополагающих принципов жизни с течением времени становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические основания; в них органическое единство превращалось в механическое, а солидарность, основанная преимущественно на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе заменялась объединением, основанным главным образом на законном порядке и на обмене услугами. Другими словами, главные сословные организации населения эволюционировали в направлении от общности к обществу, благодаря чему *социальные отношения модернизировались* — и в этом состояло одно из принципиальных изменений природы русского общества имперского периода.

Ввиду того что социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства изменялись разными темпами, в начале XX в. главные сословия России оказались на разном уровне социального развития. Крестьянская община, с одной стороны, мещанское, ремесленное и купеческое общества — с другой и дворянское общество — с третьей, представляли собой три стадии развития социальной организации. Далее всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего — крестьянство.

Какие факторы предопределили упадок общности?

Юридическое признание стихийно сложившихся корпораций со стороны государства, приобретение ими официальных функций и формальной структуры играли важную роль в превращении их из общности в общество. Существенное влияние также оказывал рост числа членов корпорации. В крестьянской общине число членов постепенно увеличивалось благодаря естественному приросту населения, в городах — главным образом благодаря миграциям. В XVIII в. сельская община в 200–300 человек считалась крупной, а в 1905 г. средняя населенность крестьянской общины составляла 432 человека. Среднее число посадских/граждан в одном городе равнялось в 1652 г. 1,3 тыс., в 1722 г. — 2,1 тыс., в 1825 г. — 2,5 тыс. человек; средняя людность города в 1856 г. достигла 8,5 тыс., а в 1910 г. — 25 тыс. Поддерживать дружеские или просто соседские отношения с таким большим числом людей становилось затруднительно чисто технически, а также потому, что чем больше становилось людей в корпорации, тем меньше между ними было единодушия, тем больше было несогласия и споров, тем больше возникало групп людей с различными интересами.

Разобщило людей вселение на территорию крестьянских и городских общин представителей других профессиональных и социальных групп, в деревне — мещан и купцов для занятия предпринимательской деятельностью, в городе — крестьян, дворян и т. д. За период 1858–1897 гг. в Европейской России в деревнях (без военного сословия) доля некрестьян увеличилась с 5,7 до 9,7 % всего сельского населения, в том числе мещан и купцов — с 2,5 до 6,1 % (с 1249 до 4906 тыс.), а на территории города доля мещан и купцов уменьшилась с 63,6 до 22,3 %. Разрушала общность также культурная, политическая и экономическая деятельность множества новых организаций в деревне и городе, таких как земства, кредитные учреждения, благотворительные, женские, просветительские общества, политические партии и т. п., которые обогащали членов общин новыми идеями и моделями поведения.

Большая роль в распаде общности принадлежала развитию товарно-денежных отношений и превращению самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных и промышленных рабочих. В этом отношении городское сословие и крестьянство сделали огромный скачок. В среде городского сословия купцы были постоянно связаны с рынком, причем именно они играли главенствующую роль в самоуправлении городской общины. Контакты с рынком у мещан и ремесленников со временем существенно возрастали вследствие того, что они переходили от работы на заказ к работе на рынок; многие из них лишались своего бизнеса и становились наемными рабочими. Среди земледельцев процесс раскрестьянивания едва начался в конце XIX в., но зато товарность их хозяйства сделала значительный прогресс: в начале XIX в. по приблизительным оценкам она составляла 9–12 %, в 1850-е гг. — 17–18 %, в 1909–1913 гг. — около 31 % чистого сбора основных земледельческих продуктов. Товарная продукция в России на душу населения за 1749–1888 гг. возросла, по некоторым расчетам, в 2,2 раза.

Повышение уровня грамотности, секуляризация сознания, изменение

менталитета различных сословий также способствовали трансформации корпораций из общности в общество. Здесь весьма существенным было утверждение в массовом сознании идеи о ценности самостоятельной и независимой личности. В дворянской и разночинской среде это произошло в конце XVIII—начале XIX в., в разных стратах городского сословия — в течение XIX в., в среде крестьянства — после эмансипации. По единодушному мнению современников, врагом общины являлся индивидуализм. Ранее всего его проявления обнаружили у дворянства, затем — у городского сословия, в последнюю очередь — у крестьянства, соответственно от общинных форм жизни первыми отказывались дворяне, затем — купцы, потом — мещане и ремесленники и последними — крестьяне. Народники правильно отмечали способность многих крестьян работать только под чужим руководством.

Сравнение эволюции крестьянской и городской общин, а также дворянского общества позволяет сформулировать предварительные ответы на вопрос: почему социальная организация типа общности просуществовала дольше всего у крестьян, меньше у городского сословия, а у дворян ее практически не было?

Община долго соответствовала представлениям русского народа о правильной и справедливой организации социальной жизни людей, а существовавшие в ней межличностные отношения — религиозному идеалу человеческих отношений, который поддерживала православная церковь. Вот почему крестьяне и вслед за ними беднейшая, но наиболее многочисленная часть городского сословия — мещане на протяжении всего имперского периода проявляли особенно большую склонность к организациям общинного типа. Помимо сельской и посадской общин они выработали другую, родственную им по духу форму организации — артель, которая появилась всюду, где народ занимался какой-нибудь специфической деятельностью вне крестьянской или посадской общины. Артель адаптировала общинные принципы и порядки к особенностям этой деятельности: солдаты создавали артели в армии, чтобы обеспечить себя продовольствием и деньгами для удовлетворения служебных и личных нужд; рабочие, крестьяне-отходники, сельские ремесленники, бурлаки и т. д. объединялись в трудовые артели для защиты, борьбы с конкурентами, повышения доходности своего промысла и т. п.; с той же целью создавали артели нищие. Даже преступники в тюрьмах и ссыльные в Сибири соединялись в артели ради выживания в тяжелейших условиях. Власть и управленческие функции в тюрьме и ссылке принадлежали исключительно арестантской общине, организованной по аналогии с крестьянской — со сходом, старостой и писарем.

Принципиальные отрицательные черты общины, с точки зрения человека постиндустриальной эпохи, такие как традиционализм и замкнутость, сдерживание инициативы и индивидуализма, неспособность обеспечить высокую эффективность труда и непрерывное повышение жизненного уровня, казались людям доиндустриальной эпохи положительными, поскольку создавали возможность для прямых и интенсивных человеческих контактов, не обремененных соображениями пользы и выгоды, гарантировали социальную защиту, сдерживали развитие всех видов

неравенства и обеспечивали минимальными средствами к жизни. Община как форма социальной организации долго отвечала реальным потребностям крестьян и мещан — тех, кого называли народом и кто составлял свыше 90 % населения страны. Совершенно прав был Э. Дюркгейм, когда писал: «Ни один человеческий институт не мог быть построен на ошибке или вымысле. Если бы он не основывался на самой природе вещей, он бы встретил в них сопротивление, которого он не мог бы преодолеть».

Структурный и функциональный дуализм сельской и городской общин, их способность служить государству и интересам своих членов обеспечивали общинам поддержку изнутри — со стороны крестьян и представителей городского сословия, и извне — со стороны государства, которое до начала XX в. укрепляло общинную парадигму в реальной жизни и в народной психологии и само пыталось решать социальные вопросы с помощью общинных организаций. Так, в XVIII—начале XIX в. коронная администрация всячески способствовала утверждению передельной общины среди крестьян, вводило общинные формы организации труда на казенных предприятиях, после эмансипации крестьян и вплоть до 1906 г. повсеместно утверждала общинный порядок в деревне и еще в 1859–1865 гг. имела намерение решать рабочий вопрос также с помощью артелей и рабочих ассоциаций.

Общинная собственность на недвижимое имущество также поддерживала традиционный строй крестьянских и посадских общин. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что одновременно с ее вытеснением частной собственностью происходило разрушение общинной организации. Князья, бояре, монастыри, высшее духовенство владели землей на праве частной собственности до середины XVI в., когда это право было ограничено. Вновь право частной собственности на свои поместья дворянство приобрело фактически в 1714 г., а окончательно — в 1762 г. Право на частную недвижимую собственность, кроме земли, у городского сословия появилось в начале XVIII в.; право иметь землю в частной собственности городское сословие приобрело одновременно с государственными крестьянами в начале XIX в., а владельческие крестьяне — в 1860-е гг. Реальную возможность для всех крестьян превратить наделную землю в частную собственность дала Столыпинская реформа в 1906 г. Соответственно дворянство практически не знало общности, а у городского сословия она разрушилась быстрее и раньше, чем у крестьян.

Ограничение имущественной дифференциации, систематическое исключение из общин так называемых «порочных членов», а также добровольный уход из общин лиц с отклоняющимся поведением долгое время поддерживали экономическую однородность и духовную близость членов общины и консолидировали ее. Уровень социальной мобильности, степень замкнутости и осведомленности ее членов об окружающем мире были намного ниже в крестьянской, чем в городской общине, что обеспечило первой более долгую жизнь.

Длительное время существовавшая монополия сельской общины на формирование личности приводила к тому, что общинные ценности твердо усваивались крестьянами и становились их персональными ориента-

циями в жизни. Отсюда проистекали однородность крестьян, их похожесть друг на друга с точки зрения ментальности, образа жизни и поведения. Городские и дворянские корпорации такой монополией не обладали, поэтому они раньше прекратили свое существование как общности.

Низкая грамотность также поддерживала организации типа общности. Во-первых, любой факт, любое событие в жизни намного эмоциональнее переживаются неграмотным, чем грамотным, так как у первого отсутствует привычка, которую дает регулярное чтение, смотреть на все, в том числе на себя, со стороны, глазами постороннего. По необходимости у неграмотного более узкий кругозор, чем у грамотного, но зато неграмотный всегда чувствует более глубокую сопричастность со всем, с чем сталкивает его жизнь, к людям у него также более персональное и эмоциональное отношение, чем у грамотного. Во-вторых, при низкой грамотности социализация и все воспроизводство культуры данной корпорации происходят путем непосредственной передачи опыта от одного поколения другому. А такой способ передачи культурного наследия обычно ориентировал человека на традицию, а не на ее изменение. В отношении грамотности крестьяне всегда уступали городскому сословию, а последнее — дворянству. В 1797 г. грамотность сельского населения старше 9 лет составляла 4 %, а городского — 10 %, в 1917 г. — соответственно 38 и 71 %. По сословиям грамотность различалась еще резче: в 1847 г. грамотность крестьян равнялась 10 %, городского сословия — 30 %; дворянства — 76 %; в 1917 г. — соответственно 36, 64 и 90 %. Из сказанного вовсе не следует, что массовая грамотность автоматически вела к трансформации общности в общество, однако она являлась необходимым условием для этого.

Если рассматривать Россию в целом, то процесс изживания общинных форм организации социальных отношений в XVIII – начале XX в. существенно продвинулся вперед, хотя к 1917 г. был еще далек от своего завершения. В ходе Столыпинской реформы около трети крестьянства вышло из сельской передельной общины с желанием устроить свою жизнь на других основаниях. Если бы не революция 1917 г., этот процесс продолжился и не через 20 лет, как обещал Столыпин, а через 40–50 лет, как полагали его соратники, завершился бы в основных чертах и для крестьянства, и для страны в целом. Октябрьская революция 1917 г. изменила вектор общественного развития России. Она привела к возрождению общинных отношений как в деревне, так и в городе. Коллективизация и индустриализация закрепили успех. Большевики с полным основанием могли заявить: «Община умерла, да здравствует община!»

Основные тезисы

1. Существует две основные идеальные модели общественной организации — общность (*Gemeinschaft*) и общество (*Gesellschaft*). Характер межличностных отношений в социальной организации служит показателем ее принадлежности к организации общинного или общественного типа.

2. В имперский период главными социальными организациями российского населения являлись крестьянская и городская общины, купе-

ческое, мещанское, ремесленное и дворянское общества. Они эволюционировали в направлении от общности к обществу, благодаря чему социальные отношения модернизировались — в этом состояло одно из принципиальных изменений природы русского общества периода империи.

3. Общность в форме общины долго отвечала реальным потребностям и соответствовала традиционным представлениям русских людей о правильной и справедливой организации социальной жизни, а существовавшие в общине межличностные отношения — идеалу человеческих отношений, который поддерживала православная церковь.

4. Принципиальные минусы общины, с точки зрения человека постиндустриальной эпохи, такие как традиционализм и замкнутость, сдерживание инициативы и индивидуализма, неспособность обеспечить высокую эффективность труда и непрерывное повышение жизненного уровня, казались людям доиндустриальной эпохи плюсами, поскольку создавали возможность для прямых и интенсивных человеческих контактов, не обремененных соображениями пользы и выгоды, гарантировали социальную защиту, сдерживали развитие всех видов неравенства и обеспечивали минимальными средствами к жизни.

5. Структурный и функциональный дуализм сельской общины, ее способность служить государству и интересам своих членов обеспечивали ей поддержку изнутри и извне — со стороны государства, которое до начала XX в. укрепляло общинные формы жизни и само пыталось решать социальные вопросы с помощью общинных организаций.

6. Социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства изменялись разными темпами, в результате чего в начале XX в. главные сословия России оказались на разном уровне социального развития. Крестьянская община, ремесленное, мещанское или купеческое, а также дворянское общество представляли собой три стадии развития социальной организации. Более всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего — крестьянство.

7. Важнейшими факторами трансформации общностей в общества являлись юридическое признание их со стороны государства, приобретение официальных функций и формальной структуры; рост социальной мобильности; прогресс товарно-денежных отношений и превращение самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных и промышленных рабочих; повышение уровня грамотности, секуляризация сознания, изменение менталитета; развитие индивидуализма.

Вопросы для размышления и повторения

1. Чем отличается социальная организации типа общины, или общности, от организации типа общества?
2. Сельская передельная община — специфически русский социальный институт или он встречался и у других народов?
3. Можно ли говорить о социальной динамике общины? Когда возникла община, был ли в ее жизни период расцвета и упадка? В чем выражались изменения в

- устройстве и функционировании общины как социальной организации в период империи?
4. Насколько верно мнение, что крестьянская община разрушалась после Великих реформ? Под действием каких факторов это происходило?
 5. Место личности в общине. Индивид и община. Отношения людей в общине — человек человеку друг или соперник?
 6. Корпоративное крепостничество и общинная демократия. Как могли сочетаться крепостничество и демократизм в общине?
 7. Чем общинная демократия отличалась от либеральной?
 8. Как достигался консенсус при принятии решений? Мог ли отдельный крестьянин реализовать право вето на сходах?
 9. Насколько принципы общинной жизни соответствовали десяти христианским заповедям?
 10. В историографии существует два противоположных мнения о Столыпинской реформе. Оцените аргументы оппонентов.
 11. Правильно ли сравнивать Столыпинскую реформу с огораживанием в Англии и других европейских странах XVI–XVIII вв.?
 12. Чем объяснялось возрождение общины после Октябрьской революции 1917 г.? Возможно ли возрождение общины в наше время?
 13. Чем была похожа и чем отличалась городская община от сельской?
 14. Как развивалась городская община в период империи?
 15. Почему городская община начала разрушаться раньше сельской?
 16. Почему у дворянства и духовенства не было общины? Чем дворянское общество отличалось от общины?
 17. Почему в России общинные отношения просуществовали дольше, чем на Западе? Исчезли ли они при советской власти?
 18. Какое влияние община оказала на историческое развитие России?
 19. Община и государственная опека. Насколько сильно государство вмешивалось в жизнь общины? Можно ли говорить о самоуправлении в общине?
 20. В какой степени модернизация общественных отношений в России затронула разные сословия?
 21. Есть ли связь между распространением общинных отношений в России до начала XX в. и победой большевиков в 1917 г.?
 22. Удалось ли большевикам реставрировать общинные отношения? Когда общинные отношения прекратили свое существование в России? Сохранились ли пережитки общины в настоящее время?

Глава IX

Социология российской преступности

Ключевые понятия: *аномия, девиация, деликт, когнитивный диссонанс, консенсус, консерватизм, конформизм, либерализм, маргинал, норма, обычай, показатель преступности, право, преступление, футурошок.*

Данные о преступности обычно используют, чтобы оценить уровень социальной напряженности в обществе. Такой подход вполне оправдан, но односторонен. Можно сказать, что *преступность — это также и барометр свободы в обществе*, если под свободой в данном случае понимать способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями. Поэтому социологическое осмысление ее истории представляет исключительный интерес для науки — трудно найти другой индикатор, который лучше показывал бы, насколько вольно или, наоборот, скованно чувствовал себя человек в ту или иную эпоху.

Уровень преступности определяется двумя факторами. Во-первых, степенью контроля внутреннего (совесть) и внешнего (контроль со стороны семьи, социальной группы и правоохранительных органов): контроль растет — преступность падает. Это очевидно. Во-вторых, степенью свободы, которая предоставляется обществом человеку по закону и фактически: свобода растет — преступность увеличивается. Это не менее очевидно, потому что адепты свободы всегда подчеркивают только ее позитивный аспект, который несомненно в ней заключен, но забывают о негативном — рост отрицательных девиаций. Между тем свобода открывает возможности для проявления инициативы, а инициатива без девиантного поведения во всех его проявлениях — нонсенс. Девиантные поступки, в том числе и криминальные, — такой же неизбежный результат расширения прав и свобод, как увеличение числа сорняков после удобрения почвы: чем лучше удобрена земля, тем больше дают урожай как специально посаженные в землю культурные семена, так и случайно в ней оказавшиеся семена сорняков.

Социологический подход к истории преступности продуктивен еще и потому, что показывает, как со временем изменялся взгляд на преступность и на девиацию вообще, так как криминальное поведение — типичная девиация. Историкам права хорошо известно, что понятия, относящиеся к преступности (преступление, возраст ответственности, состояние невменяемости и др.), а также номенклатура преступлений, фиксируемых в уголовных кодексах, со временем изменяются, одновременно и под влиянием представлений людей о криминальном поведении. Некоторые действия, посягающие на человеческое достоинство, — клевета, оскорбления, обман, распространение порочащих слухов и др. не всегда наказывались в уголовном порядке. То, что понятия уголовного права конструируются современниками и являются продуктом их артикуляции и дискурса, хорошо иллюстрирует следующий факт. Убийство Александра II считалось огромным большинством населения России в 1881 г.

преступлением, в 1920 г. — героическим подвигом, в 2009 г. — опять преступлением. Ряд деяний, относимых Уголовным кодексом России 1960 г. к преступным, в современном уголовном кодексе таковыми не считаются, и наоборот, например спекуляция, гомосексуализм и др. Корректно ли сравнивать уровни преступности в отдельные периоды истории страны, если действовали различные уголовные кодексы, а номенклатура преступлений была различной. О чем говорит динамика преступности — об изменении числа преступлений или об изменении представлений людей о преступлениях? Во все времена то, что регистрировалось официальными органами власти как преступления, считалось современниками преступлениями. Сравнивая уровни преступности в отдельные периоды, мы сравниваем то, что считалось современниками преступлениями; соответственно динамика зарегистрированных преступлений будет отражать динамику тех деяний, которые считались преступными, т. е. динамику преступности. Следовательно, при изучении динамики преступности нужно сравнивать число преступлений, совершенных в разные годы, так как нет другого способа определения динамики преступности кроме как сравнение числа деяний, считавшихся современниками преступными в различные периоды времени.

Однако исследование преступности можно проводить и под углом зрения изменения представлений о преступности: каковы были общественные взгляды на преступность в разные периоды, кто и как артикулировал понятия преступления, какова была роль государства и общественности в этом дискурсе, как взгляды современников на преступление материализовались в уголовном кодексе, чью озабоченность (предпринимателей, бюрократов, социальных работников, редакторов газет и т. п.) и в какой степени отражал дискурс, какие деяния переставали считаться преступными, какие, наоборот, стали таковыми считаться и почему? Для ответа на эти важные вопросы следует изучать общественное мнение, дискуссионные практики, уголовные кодексы, проекты судебных реформ. Представляет также научный интерес знание того, сколько деяний определенного рода, например побоев, оскорблений, убийств, изнасилований, совершалось в разные времена независимо от того, считались они современниками нормальными, девиантными, делинквентными или криминальными, поскольку распространенность разного рода преступлений отражает уровень насилия, агрессивности, социальной напряженности в обществе, независимо от того, как оценивали их современники. Наконец, заслуживает внимания оценка динамики за длительный период времени только тех деяний, которые считаются преступлениями в данный момент, например в начале XXI в., или того, что всегда считалось преступлениями, например убийств и грабежей.

Рассмотрим перечисленные проблемы: сначала проанализируем основные понятия уголовного права, что позволит выяснить взгляды людей на преступления в историческом развитии, затем наказания, которые предусматривались за криминальное поведение, и только после этого оценим динамику преступности, т. е. динамику числа людей, нарушавших действовавшие уголовные кодексы.

В России в имперский период действовали законодательное и обычное право. Сферой приложения первого был преимущественно город, сферой приложения второго — деревня, точнее — крестьянство. Для того чтобы получить представление, как функционировало уголовное право, необходимо познакомиться с тем и другим и сравнить их.

IX.1. Уголовное законодательство и его основные понятия

До 1835 г. в России формально и фактически действовало Соборное уложение 1649 г. В течение почти столетнего периода Соборное уложение постоянно дополнялось новыми указами, регламентами и уставами, которые нередко входили в противоречие с прежде изданными. Например, в петровское царствование важное значение имели «Воинские артикулы» 1715 г., которые применялись и в отношении гражданских лиц, в особенности за совершение государственных и служебных преступлений. В царствование Екатерины II важное значение имели «Наказ» Екатерины членам Комиссии для составления нового Уложения 1767 г., Учреждение для управления губерний 1775 г., Устав благочиния 1782 г., Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам 1785 г. В 1835 г. был введен в действие Свод законов Российской империи, 15-й том которого заключал уголовное законодательство. В 1845 г. вступило в силу Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В 1864 г. Уложение о наказаниях 1845 г. было дополнено Уставом о наказаниях 1864 г. и значительно изменено при переиздании его в 1885 г. В 1903 г. было утверждено новое Уголовное уложение, которое стало постепенно, по отдельным частям, входить в силу с 1904 г. Вследствие этого 15-й том Свода законов, который включал уголовное право, тоже действовал в тех своих частях, которые еще не упразднились новым Уголовным уложением. После принятия Основных законов и учреждения Государственной думы в 1906 г. нормы Уголовного уложения 1903 г. и Уложения о наказаниях 1845 г. подверглись ревизии в соответствии с Основными законами и дополнились новыми положениями. Это продолжалось до 1916 г., когда был в последний раз издан 15-й том Свода законов Российской империи, включавший Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (с дополнениями и исправлениями) и Уголовное уложение (с новыми и дополнительными статьями), введенными в действие.

Понятия уголовного права со временем претерпевали важные изменения. Их изучение интересно потому, что в них отразились перемены в социальных отношениях, а также в общественных взглядах на личность и криминальное поведение.

А. Понятие преступления

Современное понятие преступления включает в себе два атрибута, или признака, — внешний и внутренний. Внешний атрибут — это совершение деяния, запрещенного законом, либо преступное упущение или бездействие, наказание за которое также предусмотрено законом; внутренний атрибут — наличие у совершившего правонарушение преступного намерения, или воли. Только при наличии обоих признаков противоправное деяние считается преступным и подлежит наказанию. Понятие, связываю-

щее противозаконный поступок и преступную волю человека в единую систему, устанавливалось долго и постепенно.

Уголовное право XI–XIII вв. преступление понимало в первую очередь как действие, направленное против личности, как материальный, физический или моральный ущерб, нанесенный отдельному человеку, во вторую очередь — как нарушение общественного мира и спокойствия, а в некоторых случаях и как оскорбление всего коллектива, к которому пострадавший принадлежал. Это следует из того, что кроме возмещения убытка потерпевшему нарушитель платил штраф в пользу общественной власти. Однако в праве не проводилось различия между уголовным и гражданским нарушениями, или деликтом, — всякое правонарушение рассматривалось как посягательство на материальные интересы потерпевшего, а потому возможность преследования нарушителя и выбора для него наказания принадлежали пострадавшей стороне, и уголовное дело иногда оканчивалось примирением сторон. Поэтому в законодательных памятниках, например в Русской правде, преступное действие называлось «обидой», хотя в русском языке того времени существовало и пришедшее из греческого языка слово «преступление». «Обида» означала несправедливое притеснение, насилие, нарушение прав, оскорбление, а также материальное притеснение и ущерб, в то время как под «преступлением» имелось в виду нарушение закона, присяги (крестное целование), устава, заповеди, обета и т. п., а также проступок, грех, прегрешение. Термин «обида» соответствовал тому, что считалось в то время преступлением, — этим и объясняется предпочтение, которое отдал законодатель слову «обида». Таким образом, хотя в законодательстве преступление рассматривалось как частно-общественное деяние, акцент делался на нарушении частных, а не общественных интересов.

В XV–XVII вв. происходили изменения в понимании преступления, которые кристаллизировались в Соборном уложении 1649 г., где преступление стало трактоваться как нарушение царской воли и установленного государством правопорядка, как посягательство на огражденные законом права частных лиц, как антиобщественное деяние. В соответствии с новым пониманием преступления право преследовать преступника и наказывать постепенно переходило от потерпевшего и общины, к которой он принадлежал, к государству; относительно дел, хоть в какой-либо степени затрагивавших интересы последнего, Соборное уложение утвердило абсолютный приоритет государства в расследовании. Важно отметить, что государственные органы не только не прекращали дела, если потерпевшая сторона мирилась с преступником, но наказывали ее за это. Государство приняло на себя функцию общественного мстителя. Для обозначения преступного деяния вместо «обиды» стало использоваться словосочетание «лихое дело», которое означало плохой, дурной, злой поступок, действие. Именно этот термин, а не слово «преступление», соответствовал пониманию преступного действия в законодательстве, которое не проводило четкого разграничения между уголовным деянием и гражданско-правовым нарушением. Таким образом, хотя понятие преступления как нарушение закона в XVI–XVII вв.

не утвердилось, *публично-правовое* воззрение на преступление вытеснило частноправовой взгляд.

В первой четверти XVIII в. преступное деяние впервые определилось как нарушение закона и получило, наконец, название преступления, что являлось значительным шагом вперед, поскольку нарушение закона ставилось в центр понятия преступления. Но в понятие преступления входило также нарушение повелений самодержавной власти, посягательство на государственные интересы, понимаемые очень широко. Это обстоятельство не позволяло отделить преступное деяние от гражданского деликта, так как, во-первых, и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и порубка заповедного леса являлись одинаково важными деяниями, заслуживавшими смертной казни, ибо все они нарушали повеления самодержавной власти, и, во-вторых, в законе не было четко определено, какие именно поступки воспрещались под угрозой уголовного наказания. В силу этого на практике наказания нередко подвергались лица за те деяния, которые не запрещались законом, но противоречили государственным интересам, которые, учитывая противоречивость законов, каждый судья мог понимать по-своему.

Екатерина II в «Наказе» расширила понятие о преступлении. Она определила преступление как деяние, запрещенное законом, вследствие того что оно противоречит общему и частному благу. Из чего следовало, что преступное деяние имело два признака: 1) нарушение закона и 2) нанесенный им общественный и частный вред. Введение в понятие преступления второго признака позволяло более четко отделять преступление от гражданского нарушения, не влекущего уголовного наказания. Екатерина II впервые сформулировала в том же «Наказе» принцип, согласно которому все, что не запрещено законом, дозволено. Новое понимание преступления нашло отражение в законодательстве. Например, в «Уставе Благочиния» 1782 г. проведено разграничение между полицейским нарушением, или проступком, не влекущим за собой уголовное наказание, и преступлением в собственном смысле этого слова.

Понимание преступления как противозаконного действия было зафиксировано в 15-м томе Свода законов 1832 г. В Уложении о наказаниях 1845 г. данное понятие получило развитие и приблизилось к современному пониманию. Преступное деяние определялось как наказуемое противозаконное действие, а также неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано. Из этого следовало, что противоправность и определенная в законе наказуемость являлись важнейшими признаками преступления, что наказание за преступление должно находиться в точном соответствии с законом. Одновременно в общую часть Уложения о наказаниях 1845 г. было внесено требование о необходимости отличать уголовное преступление от деликта. Данное определение преступления разделяли российские юристы конца XIX–начала XX в., и оно вошло в Уголовное уложение 1903 г.

Второй аспект объективного нарушения закона состоит в *преступном упущении или бездействии*, к которому относится недонесение о готовящемся или совершенном правонарушении. Впервые это понятие под на-

званием *извета* (что соответствует современным терминам «донесение», «сообщение») было введено Соборным уложением 1649 г., которое предусматривало наказание в виде смертной казни за умолчание (недонесение) о заговоре или каком-либо другом злом умысле против царя. Но обязанность донесения не распространялась на другие преступления. В 1715 г. к преступному бездействию было отнесено недонесение о всех политических преступлениях и деяниях, нарушавших государственные материальные и иные интересы, умолчание о беглых, ворах и разбойниках, а также преступное бездействие чиновников, начиная от сенаторов и кончая канцеляристами, при нахождении на службе. Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях 1845 г. преступное бездействие трактовали еще шире — как недонесение о любом замышленном или содеянном уголовном преступлении, и одновременно увеличили состав лиц, обязанных доносить, включив в их число, кроме чиновников, также лиц, находившихся на общественной службе, и вообще любого взрослого человека. Наконец, в Уголовном уложении 1903 г. преступное бездействие понималось как бездействие граждан в охране не только политических и государственных интересов, но и интересов частных лиц и общества в самых разнообразных формах — уклонение от участия в суде в качестве свидетеля, эксперта или присяжного, недонесение о преступлении против частного лица, умолчание о появившейся эпизоотии и других опасных для жизни человека явлениях и т. п. Благодаря этому акцент в понимании законом преступного бездействия изменился — требование помогать государству было дополнено требованием помогать ближнему, что несомненно свидетельствовало о социальном прогрессе, вносимом уголовным правом в правосознание и жизнь общества.

Таким образом, понятие преступления *с объективной стороны* прошло длительную эволюцию. Оно развивалось, во-первых, от понимания преступного деяния как личной обиды к пониманию его как антиобщественного действия, от частноправового к публично-правовому взгляду на преступление; во-вторых, от смешения уголовных деяний и деликтов к их разделению; в-третьих, от понимания преступления как поступка, нарушающего царскую волю и государственный интерес, к его пониманию как деяния, нарушающего закон; наконец, в-четвертых, от понимания преступления как деяния, заслуживающего мести или материальной компенсации, к пониманию его как деяния, влекущего за собой уголовную репессию в форме, четко определенной в законе. Понимание преступления как преступного действия было дополнено со временем понятием преступного бездействия. Четкое определение преступления оставляло меньше места для субъективизма судей.

Одновременно с развитием понятия о преступлении как об объективном нарушении закона развивалось и понимание преступления как *субъективного нарушения закона*. В древнейшее время господствовал принцип *объективного вменения*: есть правонарушение — есть и преступление. При таком представлении о преступлении субъектом последнего наряду с человеком признавались животные и неодушевленные предметы. Так, в 1593 г. был наказан кнутом и сослан из Углича в Сибирь колокол за то,

что после смерти царевича Дмитрия он был использован для сбора толпы, устроившей беспорядки; в первой трети XVII в. в Москве была казнена обезьяна за то, что забежала в церковь и произвела там беспорядок.

В Соборном уложении 1649 г. разделение на умышленные и неумышленные преступления было впервые четко и последовательно проведено, однако вид преступления влиял на тяжесть наказания лишь в отношении убийства. Тогда же возникли понятия неосторожного деяния, необходимой обороны и крайней необходимости, но они еще определялись нечетко, а поэтому слабо дифференцировались и применялись непоследовательно в том смысле, что для одних преступлений эти обстоятельства учитывались, для других — нет. Вместе с тем объективный подход к преступлению еще преобладал. Во второй половине XVIII в. виновность, или преступная воля, стала чаще приниматься во внимание, разумеется, настолько, насколько это понятие было развито в законодательстве; и постепенно, ко времени создания Свода законов 1832 г. виновность стала обязательным признаком преступления. Как правило, преступление стало рассматриваться в единстве преступного деяния и умысла. Это явилось важным достижением уголовного права, так как делало суд более объективным и справедливым.

Б. Субъект и объект преступления

В XI–XIII вв. *субъектом преступления* выступал свободный человек. В XV–XVII вв. субъектами преступления стали считаться все люди, включая несвободных холопов, и признавалось равенство ответственности перед уголовным законом. В утверждении законом всеобщей ответственности за уголовные преступления отразился важный сдвиг в общественном сознании — признавалось наличие у каждого человека независимо от его социального статуса свободной воли, а также равенство всех людей с психологической и нравственной точек зрения. В этом сказалось влияние христианства, которое признавало всех людей равно ответственными перед Богом за совершенные ими прегрешения, поскольку понятия преступления и греха во многом совпадали.

В качестве субъекта преступления в уголовном праве весьма часто выступали семья, сельская или городская община, воинское подразделение. Групповая ответственность перед государством покоилась на концепции круговой поруки, предполагаемой виновности и на презумпции, что в семье или общине не могли не знать о преступлении, что плодами преступления пользовались все члены семьи или общины. Лишь в 1782 г. закон отменил ответственность родителей и детей друг за друга. Принцип исключительно личной ответственности за все уголовные преступления в уголовном праве окончательно утвердился в 1803 г. Ответственность за преступное деяние стали нести только непосредственные исполнители; семья, община, а также любое юридическое лицо не могли быть виновниками преступного деяния. За оскорбительное письмо, написанное от имени общины, нес ответственность староста или лица, подписавшие его. За неисполнение полицейских обязанностей общиной ответственность ложилась на старосту. За подлог, совершенный выборными должностными лицами, ответственность несли сами эти лица. Однако «уголовная безответствен-

ность» не освобождала юридических лиц от ответственности гражданской, в частности — от обязанности вознаграждения за вред и убытки.

Понятие *коллективного преступления* в XI–XIII вв. отсутствовало, а в XV–XVIII вв. в том числе в Соборном уложении 1649 г. все участники преступления несли равную ответственность независимо от их роли в преступлении, хотя формы соучастия были известны — подстрекатели, инициаторы и непосредственные исполнители. Законодательство XVIII в. придерживалось той же точки зрения. Дело заключалось в том, что *круговая ответственность* являлась важнейшим принципом общественных отношений. А поскольку в данном случае имелся *коллектив преступников*, то и поступать с ним следовало на основе равной круговой ответственности. Формально только в Своде законов 1832 г. была установлена индивидуальная ответственность за соучастие в коллективном преступлении. Однако на практике это произошло раньше. Например, участники восстания декабристов в 1825 г. и лица, принадлежавшие к обществам декабристов, были дифференцированы по степени вины и получили различные наказания. Законодательство 1832 г. просто следовало за практикой. При этом закон различал зачинщиков, подстрекателей, пособников, участников, главных виновников и назначал им различные наказания. В Уложении о наказаниях 1845 г. эти понятия были определены еще более четко. Учет ролевой структуры коллективного преступления говорит о том, что уже в первой трети XIX в. точка зрения на коллектив преступников как на недифференцированную группу людей стала анахронизмом. Введение в уголовное право понятий *формы вины* и *индивидуальной ответственности* и изменение взгляда на коллективное преступление явились следствием того, что круговая порука постепенно отменялась, процесс индивидуализации личности прогрессировал, общинные отношения превращались в общественные связи.

Существенно изменилась со временем интерпретация еще одного ключевого понятия в уголовном праве — *объект преступления*, под которым имеются в виду люди, предметы или идеи, на которые направлено деяние и которые защищены законом. Не всегда объектами преступления были все физические и юридические лица. В XII–XIII вв. закон защищал права свободных и дееспособных людей, поэтому объектом преступления могли быть права лиц, имевших полную дееспособность. Раб и малолетние не являлись объектом уголовного преступления, поэтому родители не наказывались ни за побор детей, ни за их убийство и имели право продать их в рабство. В XV–XVII вв. объектом преступления, помимо прав физических лиц, стал сам *общественный строй*, установленный государством и церковью, законы и повеления верховной власти, а также господствовавшие *верования и мировоззрение*. В XVIII – начале XIX в. отвлеченные идеи и верования постепенно переставали быть объектом преследования, если они не нарушали права людей. Но рецидивы случались. Например, при Екатерине II преследовались масоны, при Николае I — философы и т. д. Закон начал защищать детей только с 1649 г. Объектом преступления не мог быть человек, посягавший на собственные блага, если это не нарушало прав других лиц, за исключением *самоубийц*. До

XVIII в. к лицам, покушавшимся на самоубийство, но не завершившим его, применялись лишь церковные наказания: самоубийц хоронили за пределами кладбища, не совершали церковного обряда погребения, а стремившийся лишить себя жизни временно отлучался от церкви. «Воинские артикулы» 1715 г. умышленное самоубийство, совершенное человеком без признаков психического расстройства, приравнивали к убийству и предписали совершать позорящий ритуал: палач должен был протащить тело самоубийцы по улицам или по территории лагеря и закопать в бесчестном месте. Стремление совершить самоубийство каралось как убийство — смертной казнью, а если человек пытался совершить его под влиянием угрызений совести или в беспамятухе, наказание смягчалось. Свод законов 1832 г. предусматривал за покушение на самоубийство каторжные работы, самоубийца лишался церковного погребения. Уложение о наказаниях 1845 г. смягчило наказание — за покушение полагалось только церковное покаяние, самоубийца лишался церковного погребения, а его духовное завещание признавалось недействительным. В Уголовное уложение 1903 г. вопрос о самоубийстве вообще не рассматривался и потому становился делом семьи самоубийцы, хотя взгляд церкви на самоубийство не изменился.

С 1832 г. и вплоть до 1917 г. *единственным объектом преступления стал закон*. И это являлось огромным достижением русского уголовного права, потому что с этого времени все физические и юридические лица стали объектами преступления и только нарушение того, что запрещал или предписывал закон, стало считаться преступлением. Последовательное проведение этого принципа в жизнь постепенно превращало русское государство в правовое. Однако на обозначенном пути стояло серьезное препятствие, заключавшееся в том, что закон защищал от посягательств не все личные и политические права человека, а только некоторые — те, которые верховная власть даровала населению и считала законными. Попытки использовать права, не дозволенные законом, рассматривались как уголовные преступления и преследовались *по закону*. Например, поддерживая провозглашенный еще в XVIII в. принцип свободы вероисповедания, Уложение о наказаниях 1845 г. разделило религиозные верования на четыре класса: православие, другие христианские религии, ереси и расколы, нехристианские религии. Переход из одной веры в другую запрещался, за исключением перехода в православие, и влек за собой различные меры наказания от ссылки в Сибирь до каторги на 12–15 лет. Письменная и устная пропаганда любой религии, кроме православной, преследовалась. В Своде законов 1832 г. и еще более четко в Уложении о наказаниях 1845 г. были сформулированы составы государственных преступлений, номенклатура которых была очень широка. Уголовному преследованию подвергались любые действия (или бездействия), направленные против императора и государства и ставившие своей целью ниспровержение, подрыв или *мирное* изменение существовавшего политического строя. Закон преследовал не только реальные попытки изменить общественное устройство, но и письменную или устную пропаганду, тайные общества, распространение слухов, демонстрации и бунты, оскорбления и проявление неуважения к государственным учреждениям

и чиновникам при отправлении ими должности, любое неповиновение властям. В 1867 г. было запрещено создание обществ, имевших не только политический, но и нигилистический или атеистический характер. Хотя нигилизм или атеизм в пореформенную эпоху почти всегда ассоциировался с революционной активностью и с личностью, оппозиционно настроенной к существовавшему общественно-политическому строю, нельзя не признать, что в преследовании законом отвлеченных идей и верований безусловно сказался уголовный и политический атавизм.

До реформ 1860 – начала 1870-х гг. *по закону* личные права и свободы не были всеобщими. Права на выбор места жительства, профессии, на получение образования, на социальные перемещения, индивидуальная ответственность перед государством и обществом, на частную собственность, защищенность жизни, имущества и чести судом, на неприкосновенность жилища, тайну переписки, свободу совести, на защиту от обвинений и освобождение от телесных наказаний зависели от сословной принадлежности. Всю совокупность личных прав *по закону* дворянство, духовенство и купечество приобрели в основном к концу XVIII в. (в 1832 г. все они на время лишились права на самовольное оставление отечества), мещанство — в 1860-е гг., а крестьянство — лишь в 1905–1906 гг. Следует отметить, что личные права даже после Великих реформ подвергались некоторым ограничениям. Например, персональная свобода человека не была безусловной — она ограничивалась возможностью негласного полицейского надзора или нарушением тайны переписки. Свобода вероисповедания не была в полном смысле свободой совести, так как закон установил только равенство вероисповеданий, или веротерпимость. Неравенство в личных правах более не зависело от вероисповедания, исключая евреев-раввинистов, но каждый человек по-прежнему должен был принадлежать к какому-либо вероисповеданию и не имел права изменять веру, исключая перехода в православие. От этих и других ограничений страдали в основном *нелояльные к существовавшему режиму граждане*, прежде всего из среды интеллигенции. Из политических свобод уголовное право защищало до некоторой степени только свободу печати, право участвовать в выборах в органы местного самоуправления и суда, с 1864 г. — в земства и суд присяжных. Что же касается политических прав (свобода слова, печати, собраний, уличных шествий и митингов, демонстраций, право самоуправления и объединения в общественные организации и союзы, право иметь парламент с законодательной властью, всеобщее равное избирательное право), то они были получены, точнее завоеваны, всеми сословиями одновременно в ходе революции 1905–1907 гг.

Таким образом, до 1905–1906 гг. население по закону вообще не имело политических прав. Однако, провозгласив в Своде законов 1832 г., что единственным объектом преступления является закон, государство не лукавило, так как оно по закону лишило все сословия политических прав, а ряд сословий — личных прав. Вследствие этого формально объектом преступления являлся действительно только закон, защищавший права императора, государства и частных граждан. Поэтому о Российском государстве между 1830 гг. и 1906 г. можно говорить лишь как о *правомерном*, а с

1905–1906 гг. — как о правовом де-юре, но де-факто только приближавшемся к правовому.

В. Состояние невменяемости

В современном уголовном праве наказанию подлежат только *виновные посягательства на правопорядок*. Лицо несет ответственность за преступления только тогда, когда у него присутствует сознание неправоты действия и когда оно обладает необходимыми признаками, чтобы нести ответственность за содеянное, — как говорят юристы, лицо должно быть *способным ко вменению*. При отсутствии таких признаков лицо признается *невменяемым* и не несет уголовной ответственности за содеянное им преступление. В таких случаях возложению ответственности на правонарушителя препятствуют невменяемые состояния — детство, сумасшествие, болезнь, престарелость и другие, понимание которых со временем изменялось. Поскольку вменяемость есть признак, от которого зависит признание деяния уголовно наказуемым, интерпретация вменяемости составляет принципиальный вопрос уголовного права. Как решался этот вопрос в русском уголовном праве в историческом прошлом?

До XVIII в. уголовная ответственность, по крайней мере за тяжкие преступления, наступала с 7 лет и наказание назначалось в соответствии с принципом *ad hoc* — смотря по обстоятельствам. Дети старше 7-летнего возраста освобождались лишь от смертной казни, остальные наказания они несли наравне со взрослыми или в смягченном виде. В 1845 г. были установлены новые возрастные пределы уголовной ответственности: до 10 лет — безусловная невменяемость, 10–14 — условная вменяемость, с 14 лет — полная вменяемость. Уголовное уложение 1903 г. повысило возраст полной вменяемости до 21 года, а интервал смягченной вменяемости — до 14–21 года. Долгое время не было ясности и по вопросу о старческом возрасте, который давал право на смягчение наказания. Только в 1798 г. закон установил верхний возрастной предел — лица от 70 лет и старше освобождались от телесного наказания и клеймения и подвергались только ссылке. Уголовное уложение 1903 г. сохранило эти послабления.

Трактовка *невменяемости* на почве психического заболевания также изменялась. В XII–XIII вв. закон признавал *«раздражение»* (говоря современным языком — состояние аффекта) и *опьянение* обстоятельствами, смягчающими наказание. В XV–XVII вв. церковное право, с которым считались светские власти, предусматривало освобождение от ответственности душевнобольных. При Петре I по закону опьянение стало обстоятельством, отягощающим вину. В 1782 г. при умышленном совершении преступления опьянение не принималось в расчет, при неумышленном — смягчало вину. В Своде законов 1832 г. и в Уложении о наказаниях 1845 г. преступление, совершенное в пьяном виде, приравнивалось к неумышленному деянию. В Уголовном уложении 1903 г. состояние опьянения дифференцировалось на степени, и лишь полное опьянение, приводившее человека в бессознательное состояние и полностью лишавшее его контроля за своим поведением, смягчало вину. Невменяемые состояния, которые освобождали от уголовной ответственности, были достаточно четко оп-

ределены лишь в Своде законов 1832 г. и в Уложении о наказаниях 1845 г. Одновременно с этим в практику вводилось психиатрическое медицинское освидетельствование по определенной процедуре. В Уголовном уложении 1903 г. в соответствии с научными представлениями того времени были установлены строгие критерии невменяемости, а шесть невменяемых состояний были сведены к трем — 1) умственная неразвитость; 2) болезненное расстройство душевной деятельности и 3) бессознательные состояния — которые охватывали различные конкретные случаи невменяемости.

Г. Номенклатура составов преступлений

Принципиальное значение в каждом уголовном законодательстве имеет число составов преступлений, определенных в законе. В XII–XIII вв. номенклатура преступлений была незначительной, закон не предусматривал государственные, религиозные и многие другие преступления. Небольшая номенклатура преступлений, закрепленных в законе, свидетельствовала о том, что большинство уголовных деяний рассматривалось и решалось по обычному праву, минуя официальные суды. В XV–XVII вв. номенклатура преступлений значительно увеличивалась, и в Соборном уложении 1649 г. они были классифицированы следующим образом: 1) против веры и церкви; 2) против государства и особы государя; 3) должностные и против порядка управления; 4) против прав и жизни частных лиц. При Петре I преступления против веры чрезвычайно расширились, а наказания за них отличались большой жестокостью. Например, принятие нехристианской религии каралось сожжением, а принятие другого христианского вероисповедания — вечным заключением в монастырь, переход в раскольники светских лиц — каторгою, а священников — смертной казнью. С особой тщательностью разработана номенклатура государственных преступлений, в число которых были включены оскорбление государя и осуждение его действий и намерений, должностные преступления, а также преступления против порядка управления, включавшие буйство, драки, игру в карты на деньги, другие азартные игры, произнесение бранных слов в публичном месте, излишняя роскошь одежды и экипажа, пьянство и др. Тогда же впервые в закон были включены меры наказания преступлений против нравственности, включавшие гомосексуализм, скотоложство, самоубийства и дуэли — все они жестоко наказывались. Тенденция к росту числа составов преступлений сохранилась вплоть до 1860-х гг. и указывала на то, что закон стал весьма активно регулировать общественную жизнь. После реформ 1860-х гг. начался обратный процесс — многие составы преступлений стали отменяться, о чем свидетельствует уменьшение числа статей в кодексах: Уложение о наказаниях 1857 г. издания содержало 2304 статьи, 1866 г. издания — 1711 статей, в Уголовном уложении 1903 г. имелось всего 687 статей — в 3,4 раза меньше, чем в 1857 г. Уменьшение числа статей — важное свидетельство того, что тотальное и мелочное регулирование общественной жизни с помощью закона постепенно заменялось более либеральным и принципиальным руководством.

В пореформенное время изменилось соотношение составов преступ-

лений, касавшихся государственно-общественных и частных интересов. В Уложении о наказаниях 1845 г. составы конкретных преступлений были сгруппированы в 150 видов и им было посвящено 2035 статей, в том числе 32 статьи — преступлениям против веры, 19 статей — государственным преступлениям, 74 статьи — преступлениям против порядка управления, 175 статей — должностным преступлениям, 1415 — преступлениям, связанным с интересами казны и государства, и лишь 320 — преступлениям против жизни, здоровья, свободы, собственности, чести и семейственных прав частных лиц. Таким образом, на долю статей, защищавших государственный и общественный порядок, приходилось 84,3 % всех статей Уложения, а на долю статей, защищавших частных лиц, — 15,7 %. Аналогичный анализ статей в Уголовном уложении 1903 г. дает иной результат: 25 статей относились к преступлениям против веры, 52 статьи — к государственным преступлениям и против порядка управления, 51 статья — к должностным преступлениям; 329 статей касались преступлений, так или иначе связанных с интересами казны и государства, и 201 статья относилась к преступлениям против жизни, здоровья, свободы, собственности, чести и семейственных прав частных лиц. Всего интересы государственного и общественного порядка защищали 67,3 % статей, а интересы частных лиц — 32,7 %. По сравнению с Уложением о наказаниях 1845 г. доля статей, защищавших права частных лиц, возросла вдвое. Но Уголовное уложение 1903 г. не было полностью введено в жизнь к 1917 г. После 1905–1906 гг. оно, как и Свод законов, включило ряд статей, защищавших политические права граждан и отменявшие старые законы. Приведенные данные свидетельствуют о том, что хотя защита государственных интересов еще доминировала в уголовном праве, на защиту частных интересов законодательство стало обращать больше внимания, чем прежде. Эта знаковая перемена говорит о росте значения личности в обществе и о том, что частные интересы со временем все чаще становились объектом покушения и нуждались в защите.

IX.2. Наказания

Принципиальное значение в уголовном праве имеет вопрос о *наказаниях*. Уже в Киевской Руси существовал довольно широкий набор средств и способов наказаний: денежный штраф, возмещение ущерба, лишение личных и имущественных прав, изгнание, заключение в тюрьму, обращение в рабство, физические наказания. Смертная казнь применялась редко, допускалась кровная месть и убийство вора на месте преступления, если он оказывал сопротивление при задержании. В случае невозможности совершения мести накладывали денежный штраф, в случае несостоятельности преступника — уголовное наказание. Цель наказания состояла в мести, возмещении материального ущерба пострадавшему и извлечении материальных выгод государством. В XV–XVII вв. среди разных видов наказаний наиболее широко распространенными являлись телесные наказания и смертная казнь. Неисправимые преступники приговаривались к смерти, исправимые — к телесным наказаниям и заключению

в тюрьму. В случае незначительных служебных преступлений применялось отрешение от должности. Большая часть смертных приговоров не приводилась в исполнение в силу древнего обычая «*печалования*» — права православного духовенства ходатайствовать о помиловании. Освобожденного от смерти отправляли пожизненно в монастырь. Наказания отчасти сохранили прежние функции, но главной их целью стало устрашение с целью предотвращения преступлений, поэтому они приняли весьма жестокий характер.

Петровское законодательство еще более ужесточило наказания и на первое место поставило смертную казнь. В «Воинских артикулах» 1715 г. она предусматривалась в 200 случаях против 60 в Соборном уложении 1649 г., на втором месте стояли телесные наказания, набор которых увеличился. Были добавлены каторжные работы и лишение прав; получили распространение децимации, когда наказывался каждый десятый, и наказания лиц, не причастных к преступлению, но находившихся в родственных отношениях с правонарушителем, чаще всего жены и дети. Наказания за имущественные преступления были поставлены в зависимость от величины ущерба — за крупную кражу полагалась смертная казнь. Осужденных начали приговаривать к принудительному труду на заводах, фабриках, рудниках, использовать их на строительных работах, в качестве гребцов на галерах в невиданных прежде размерах. В истории русского права петровское царствование составляло высшую ступень карательной строгости. Вплоть до 1917 г. репрессивный аппарат государства не развивал такой активности против законопослушных граждан только за то, что вводимые социальные новации им в принципе не нравились. Вот характерный пример. Чиновник Докукин вписал в текст присяги новому порядку престолонаследия, установленному Петром I в 1724 г., следующее: «За неповинное отлучение и изгнание со всероссийского престола цесаревича Алексея Петровича не клянусь и не подписуюсь, хотя за то царский гнев на меня произлется; по воле Господа моего Иисуса Христа за истину Илларион Докукин страдать готов». Докукин действительно был колесован. Цели наказаний оставались прежними — устрашение, возмездие, изоляция преступника и извлечение материальных выгод.

Как и в XVII в., *угроза смерти чаще всего была мнимой*, исполнение ее не предполагалось и самим законодателем в момент издания закона. Она сделалась одной из гиперболических формул, которые стали характерной чертой юридического языка того времени. Жаловавшиеся на побори обязательно писали, что их «били смертным боем до смерти многожды», просившие каких-либо налоговых льгот непременно указывали, что без их получения они все умрут с голоду, и т. п. Подобным образом и законодатель грозил всякому ослушнику смертной казнью, не предполагая, что эта угроза будет исполнена. Всеобщая угроза смертной казнью отражала, с одной стороны, господство в петровское царствование неопределенной санкции, с другой — имела целью устрашить несогласных с проводимыми реформами.

Смягчение наказаний наступило во время правления Елизаветы Петровны, которая в день дворцового переворота дала обет, что в случае

успеха отменит смертную казнь. И она сдержала свое слово. Смена власти не сопровождалась казнями, как это бывало прежде. Свергнутых правителей даже не пытали, а только отправляли в ссылку. Хотя действовавшие до Елизаветы законы не отменялись, смертную казнь фактически не использовали — преступники приговаривались к смертной казни, а затем приходило помилование и казнь заменяли другим наказанием. В 1753–1754 гг. специальными указами натуральная смертная казнь была заменена политической казнью — лишением всех прав состояния, телесным наказанием и ссылкой на каторжные работы, что дало толчок развитию ссылки в Сибирь.

Смягчение наказаний продолжалось при Екатерине II, когда смертная казнь применялась только по отношению к государственным преступникам. Несмотря на сохранение в законе прежних суровых наказаний, массовое запугивание населения прекратилось; многие деяния, считавшиеся прежде преступлениями против нравственности, религии, порядка управления или государства, стали рассматриваться как просто полицейские деликты, а некоторые (вроде ношения бороды или старорусской одежды) вообще не принимались во внимание; приговоры стали мягче, чем прежде, и более соответствовали тяжести вины. Все это происходило постепенно благодаря либеральному стилю управления императрицы, четко выраженному в ее «Наказе». Во время правления Екатерины II наметилась другая важная тенденция — наказания, направленные против жизни, здоровья и имущества правонарушителей, постепенно уступали место наказаниям, ограничивавшим свободу преступников, — тюремному заключению, ссылке и каторге. Новые тенденции получили развитие в XIX в.

Особенность наказаний вплоть до принятия Свода законов 1832 г. состояла в том, что они не образовывали систему. В Своде законов 1832 г. была сделана первая попытка систематизации наказаний — их классифицировали в зависимости от тяжести на 10 родов — от церковного наказания до смертной казни. В Уложении о наказаниях 1845 г. была создана лестница наказаний, включавшая 11 родов наказаний — 4 уголовных и 7 исправительных. В основе деления на уголовные и исправительные лежала идея, что первые влекут поражение прав политических, гражданских, семейных и имущественных навсегда, а вторые — временно, на срок действия приговора, т. е. до возвращения осужденного в общество. Каждый отдельный род уголовного и исправительного наказания делился на степени, которых в совокупности насчитывалось 38. Например, ссылка на каторжные работы подразделялась на семь степеней по продолжительности срока и тяжести работы, ссылка в Сибирь — на пять степеней в зависимости от места ссылки и ее продолжительности; выговоры в присутствии суда делились на строгие, более строгие и строжайшие. Наказания зависели от сословия: дворяне, священники, купцы I и II гильдий были освобождены от телесного наказания, а заключение в тюрьме для них заменялось ссылкой.

По Своду законов 1832 г. смертную казнь могли назначать за государственные, воинские и так называемые «карантинные преступления» (мародерство и некоторые другие преступления во время эпидемии чумы, холе-

ры и т. п.). По Уложению о наказаниях 1845 г. отменялась смертная казнь за воинские преступления. Но с другой стороны, закон позволял передавать дела некоторых из ряда вон выходящих преступлений — жестокие убийства, поджоги, повлекшие огромные жертвы и ущерб, — на рассмотрение военного суда, который, применяя законы военного времени, мог приговорить к смертной казни. Несмотря на это, использование смертной казни по-прежнему носило ограниченный характер. В 1878 и 1879 гг., после покушений террористов на императора, и в особенности с 1881 г., когда после убийства Александра II был принят закон о чрезвычайной и усиленной охране, передача тяжких уголовных дел на рассмотрение военных судов и соответственно смертная казнь стали широко практиковаться до конца императорского режима.

В Уголовном уложении 1903 г. лестница наказаний была упрощена. Наказания делились на 8 видов: 1) смертная казнь; 2) каторга на срок от четырех лет до бессрочной; 3) ссылка на поселение без срока в предназначенные для этого местности, но ссылка в Сибирь и отдаленные губернии уже не предусматривалась; 4) заключение в исправительном доме; 5) заключение в крепости; 6) заключение в тюрьме; 7) кратковременный арест; 8) денежный штраф от 50 коп. до 100 руб. Присуждение к смертной казни, каторге и ссылке на поселение в Сибирь, а также к заключению в тюрьме или смирительном доме сопровождалось лишением прав состояния дворян, духовенства, купцов и почетных граждан, другими словами, наказание для привилегированных лиц оказывалось более суровым, чем для непривилегированных. Смертная казнь назначалась только за воинские и государственные преступления. С отменой телесных наказаний в 1863 г. как вида наказания вообще, а в 1903 г. — и для отбывающих наказание преступников из непривилегированных классов, *сословный характер наказуемости был устранен*. Максимальный срок каторги уменьшился с 20 до 4 лет, пребывание в исправительном доме — с 10 до 8 лет, продолжительность тюремного заключения не изменилась (2 года). Но максимальный срок заключения в крепости, к чему приговаривались преимущественно политические преступники, был увеличен — с 6 до 8 лет, так же как и срок кратковременного ареста за мелкие правонарушения — с 3 месяцев до 1 года. Многие виды наказаний были вообще отменены — ссылка на жительство (не на вечное поселение!) в Сибирь и отдаленные губернии, отдача в рабочие и закрытые смирительные дома, выговоры и замечания, церковное покаяние, испрошение у обиженного прощения, полная конфискация имущества при политических преступлениях, политическая смерть, принудительная отдача в заработки за долги, отдача в солдаты.

IX.3. Обычное уголовное право о преступлении и наказании

Во многом по-иному интерпретировало преступление и наказание народное, или обычное, уголовное право, которому следовало большинство населения страны. В чем заключались эти отличия и чем они были вызваны?

С древнейших времен и до 1917 г. представители всех классов общества, совершившие тяжкое уголовное преступление, судились в одном

суде и по единому закону. Что касается мелких уголовных и гражданских дел в деревне, то они были прерогативой сельских судов, разбиравших их по обычному праву. До конца XVII в. закон и обычное право различались не слишком существенно. Однако с XVIII в., когда Россия во всех отношениях стала испытывать сильное влияние Запада, закон начал все более расходиться с обычным правом: город стал зоной действия закона, деревня — действия обычая. Внутридеревенские отношения регулировались почти исключительно обычным правом и только связи крестьян с другими сословиями — официальным правом. В результате этого после 1861 г., когда русские этнографы и юристы серьезно занялись изучением крестьянского быта, они обнаружили, что народная юстиция, существенно расходившаяся с законом, решала 80 % всех дел у 80 % всего населения империи.

В конце XIX—начале XX в. основные понятия в уголовном обычном праве трактовались как в законах XV—XVII вв., а в некоторых случаях — как в законах XI—XIII вв. В обычном праве преступление понималось как *грех* (в религиозном смысле), нарушение *правды* и законов *совести* и ассоциировалось с *несчастьем*. Дмитриев отмечал: «Народ понимает очень хорошо преступление против лица, например убийство, воровство; но преступление против государства, против казны он ставит решительно ни во что: идеи государства он не понимает, а казну он почитает неистощимую. Т. е. он понимает преступление только тогда, когда оно грех». Все известные пословицы середины XIX в. отзывались о законе негативно, что отражало не негативное отношение к праву вообще, а народное правосознание, согласно которому — *правда, отраженная в обычае, справедливее закона*. Сословный *волостной суд*, утвержденный в 1861 г., отражая подобное правосознание, должен был «судить по совести», что подтверждалось «Временными правилами о волостном суде» 1889 г.

В народном правосознании преступник рассматривался по общему правилу как несчастный человек, наказанный Богом за свои прежние грехи, может быть, совершенные в детстве, и сам акт преступления считался уже началом кары и несчастья, обрушившегося на человека. Но если преступление — несчастье, то и преступник — несчастный человек, заслуживающий сочувствия. Не было еще изжито в обычном праве и понимание преступления как личной обиды, как нанесение бесчестья, откуда вытекало убеждение, что судить за проступки против личности и его имущества следует самому потерпевшему и только за преступления, направленные против общественного порядка, судить и наказывать должен суд. Как пережиток прошлого в глухой провинции бытовало мнение, что обиду можно нанести животному, другими словами, объектом преступления может быть и животное. Известен случай, когда крестьянин отрезал у коровы полхвоста за потраву. Хозяин коровы обратился в мировой суд с просьбой наказать крестьянина «за бесчестье телушки». С пониманием преступления как личной обиды связано и то, что обычай допускал мировые сделки (за водку, деньги и др.) при мошенничестве, кражах, нанесении побоев, оскорблениях и т. д. Сельские суды нередко присуждали виновного в уголовном преступлении к возмещению ущер-

ба в двойном или большем размере, но освобождали его от уголовного наказания.

Своеобразное понимание преступления приводило к тому, что крестьяне смешивали уголовные преступления и гражданские деликты, как это было еще в Московской Руси. Кража, драка, словесное оскорбление, непослушание сына отцу, прелюбодеяние, обман, мошенничество, аморальный поступок, невозвращение долга, нечестная сделка и даже нетактичное поведение — все было проступком, грехом и заслуживало одинакового наказания. Например, девушке нравились два парня, она с обоими встречалась и обоим обещала выйти замуж. Когда они узнали об этом, между ними возникли напряженные отношения. И тогда на крестьянском сходе решили высечь девушку, что и было сделано. Таким образом, крестьяне понимали преступление, во-первых, не как нарушение юридической нормы, а как нарушение моральной нормы, во-вторых, как личную обиду, в-третьих, как несчастье и наказание. Обычное право смотрело на преступление прежде всего с объективной стороны — с точки зрения ущерба, которое оно нанесло, не вникая в побуждения и мотивы правонарушителя. Вследствие этого обычное право не признавало никаких особых обстоятельств, смягчающих вину, кроме опьянения до потери сознания и притеснений со стороны старших членов семьи, и само понятие невменяемости в нем отсутствовало. Эти взгляды, изжитые в законе уже в XVIII в., в обычном праве сохранились до начала XX в.

Отличное от закона понимание преступления в обычном праве приводило к тому, что закон и обычай различались *по номенклатуре преступлений*. Во многих случаях виды преступлений по закону и обычаю совпадали, но часто грех не признавался законом в качестве уголовного поступка, а преступление по закону не считалось крестьянами грехом и, следовательно, преступлением. Например, прошение милости, несоблюдение правил строительного устава, оскорбление чести сельской полиции, появление пьяным в публичном месте, нарушение тишины и порядка в суде, покушения на государственную собственность вроде порубки казенного леса, кровосмесительство (если супруги не находятся в прямых отношениях родства) и т. д. не считались крестьянами грехом и, следовательно, преступлением, хотя они знали, что закон придерживается другого мнения. С другой стороны, не все греховные и, значит, преступные, по мнению крестьян, деяния признавались законом как преступления, например работа в праздники, отказ подать милостыню, неучастие в общественной помощи, нарушение поста. По обычному праву такие деяния, как пьянство, мотовство, расстраивающее хозяйство, нарушение условий договора, в частности договора сельскохозяйственного найма, карались наравне с кражей, в то время как согласно общему законодательству эти деяния влекли только гражданскую ответственность.

Весьма снисходительным было отношение обычного права к такому весьма распространенному преступлению в крестьянском быту, как кража. Во многих областях мелкое воровство, в особенности воровство леса или урожая с полей, не считалось преступлением. Похититель должен был возместить ущерб. Уголовного наказания не было. Продукты земли,

воды и леса, к которым не был приложен труд человека, крестьянин вообще считал принадлежавшими Богу и, значит, всем. Поэтому лесные порубки, похищение лесных и полевых плодов, сена, фруктов в небольшом количестве, только для себя, не считались преступлением. В конце XIX в. девушками и парнями еще практиковалось ритуальное воровство ради получения средств на оплату расходов на посиделки. Будучи снисходительными к мелкому, а иногда и крупному воровству второстепенных, с точки зрения крестьян, предметов, они были суровы с ворами, похищавшими вещи, без которых хозяйство существовать не могло, — лошадь, орудия обработки почвы и т. п. Таким образом, в начале XX в. обычное право и крестьяне относились к воровству так же, как относились к этому преступлению закон несколькими столетиями раньше.

Наказание понималось как возмездие или даже как месть за преступление. Хотя кровной мести не существовало, но «отплатить» за проступок старались все и в особенности молодежь. Высшим возмездием считалось привлечение обидчика к суду. Безнаказанный проступок помнили долго и старались за него отомстить. *При определении вида наказания господствовал субъективизм* — наказания назначались «по человеку», «по обстоятельствам» и т. д. В результате люди за одно и то же преступление получали разное наказание, и вообще наблюдалась слабая связь между строгостью наказания и тяжестью правонарушения. При совершении коллективного преступления все наказывались одинаково. В некоторых местностях сохранился и такой архаический обычай, как ответственность целой общины за совершенное на ее территории преступление, если преступник не был найден, или за укрывательство преступника. Последнее случалось довольно часто, так как крестьяне боялись выдавать преступника из-за страха мести с его стороны. Господство принципа *ad hoc* (смотря по обстоятельствам) и игнорирование ролевого участия в коллективном преступлении являлись естественным следствием того, что в общине невозможно было механическое, безразличное применение тех или иных юридических норм, члены были тесно переплетены, а отношения их эмоционально окрашены. Самым разумным в этих условиях было применять решения «глядя на человека», «по здравому смыслу» и руководствуясь другими подобными критериями.

Волостные суды в качестве наказания применяли арест до 30 дней, денежное взыскание до 30 рублей, выговор, а также розги до 20 ударов. Телесное наказание для крестьян применялось еще сорок один год после того, как оно было отменено законом в 1863 г. для других сословий. Оно применялось даже к тем, кто совершал проступки, не признаваемые законом преступлением, например к «блудникам и развратникам». Кроме применения традиционных розог, нетрадиционное наказание за клевету состояло в том, что суды предоставляли обиженному право бить обидчика по щекам в присутствии публики.

Наиболее существенные различия при назначении наказания по обычному праву и по закону состояли в следующем. По закону каждый должен получить то, что ему следует строго по закону, по обычаю — «чтобы никому не было обидно»; в законе все основано на логике, в обычном

праве — на чувстве; в законе все объективно и формально, в обычном праве — субъективно и индивидуально. Крестьянин по обычному праву после уголовного наказания не подвергался никаким санкциям и ограничениям в правах. Если же крестьянина судил коронный суд и закон накладывал на преступника ограничения в правах после отбытия наказания, эти ограничения в общине не действовали, хотя к таким лицам в деревне относились с насмешкой, и они имели прозвище, соответствующее наказанию. Отсидевших в тюрьме называли «*тюремными*», наказанных телесно — «*сеченными*», оштрафованного — «*штрафованным*». В экстраординарных ситуациях обычное право допускало *самосуд*, вплоть до убийства на месте преступления. Например, убить могли поджигателя и конокрада, а иногда вора, застигнутого на месте преступления. Крестьяне часто проявляли склонность к самосуду и предпочитали его официальному суду, так как не были уверены, что преступник получит должное возмездие. Хотя самосуд широко бытовал в деревне, некоторые современники отмечали, что в ряде местностей самосуды с конца XIX в. начали отмирать.

Как видим, между официальным и обычным правом существовали значительные расхождения. В пореформенное время, когда процессы сельской и городской миграции быстро усиливались, это стало источником когнитивных диссонансов и мотивационных противоречий в правосознании крестьян, попавших в город, и горожан, приехавших в деревню, и способствовало росту девиантных поступков в криминальной форме.

IX.4. Преступность в России в XIX–XX вв.

При анализе криминальной статистики будем придерживаться следующего толкования ключевых понятий. *Преступлением* будет называться известное правоохранительным органам правонарушение, *уголовным делом* — дело, рассмотренное в суде, *подсудимым* — лицо, подозреваемое в совершении преступления, а *осужденным* — лицо, признанное судом виновным.

А. Источники данных о преступности и их достоверность

Данные о преступности в масштабе всей России стали собираться с 1803 г., после образования Министерства юстиции в 1802 г. Поступавшие из губерний сведения систематизировались в министерстве и прилагались к ежегодному «Всеподданнейшему отчету министра юстиции». В 1834–1868 гг. отчеты министра юстиции публиковались вместе с криминальной статистикой. За 1803–1833 и 1869–1870 гг. отчеты хранятся в Российском государственном историческом архиве, а отчеты за 1809–1824 гг. не содержат данных о преступности (возможно, в 1809–1818 гг. эти сведения вообще не обобщались в министерстве). По завершении судебной реформы 1864 г. сведения о криминогенной обстановке ежегодно публиковались с 1872 по 1913 г. отдельно от отчета министра в «Сводах статистических сведений по делам уголовным», а за 1884–1913 гг. также и в ежегоднике «Сборник статистических сведений Министерства юстиции». В 1803–1870 гг. криминальный учет охватывал Россию без Польши и Финляндии, в 1872–1883 гг. — около 75 % населения Европейской России, затем учет постепенно распространился на остальную территорию, и

к 1907 г. в Министерство юстиции стали поступать данные со всей империи, исключая Финляндию. 75-процентная выборка должна давать репрезентативные сведения для всей страны. Для получения сопоставимых данных число преступлений, уголовных дел, подсудимых и осужденных за каждый год необходимо соотносить с численностью населения, охваченного в этот год криминальным учетом.

Как до, так и после судебной реформы 1864 г. Министерство юстиции контролировало деятельность только общих судов, но ему были не подотчетны местные сельские суды и полиция, рассматривавшие мелкие уголовные дела (мелкие кражи, пьянство, легкие побои и др.). Между тем сельские суды и полиция рассматривали в 3–4 раза больше дел, чем общие суды. Если принять во внимание эти, не учитываемые Министерством юстиции мелкие правонарушения, то общее число зарегистрированных преступлений следует увеличить по меньшей мере в 3–4 раза.

Однако и точность учитываемой преступности была далека от идеала. Во всех странах и во все времена большая часть преступлений не была известна полиции и потому не фиксировалась. Современные криминалисты на основании опросов предполагают, что фактическая преступность в несколько раз превышает зарегистрированную. Например, в США в 1966 г. Центр исследования общественного мнения при Чикагском университете обследовал 10 тыс. семей, чтобы выяснить, случилось ли им быть жертвами преступлений. Оказалось, что изнасилований произошло в 3,5 раза, ограблений — в 2 раза, в целом всех преступлений — в 2 раза больше, чем было зафиксировано полицией, а в криминогенных районах — в 4 раза больше. Но эксперты и эти данные оценили как заниженные. При обследовании в 1946 г. жителей Нью-Йорка 99 % респондентов признались в совершении одного или более правонарушений (например, занимались воровством в магазинах), из которых меньшая часть попала в поле зрения полиции и судов. Согласно опросу жителей Санкт-Петербурга в 2000 г., 73 % жертв преступлений не обратились в милицию, следовательно, зарегистрированная преступность оказалась ниже реальной в 2,7 раза. Примерно такой же уровень латентной преступности наблюдался в Вологде и Боровичах.

Причина недоучета преступности — нежелание пострадавших обращаться в полицию. В 2001 г., по данным ООН, примерно 97 % жителей богатых стран готовы были сообщить правоохранительным органам о преступлении, свидетелем которого они стали. Но лишь 38–40 % жителей со средним или низким уровнем дохода были склонны сделать то же самое. Основанием недоверия к полиции признается некомпетентность ее сотрудников, их коррумпированность и связь с криминальными структурами. В США полиции доверяют около 60 % населения, немногим более во Франции, Северной Ирландии, Швеции, Испании. В странах бывшего СССР наибольшим доверием пользуется белорусская милиция — но и на нее полагается лишь 20 % жителей страны.

Таким образом, криминальную статистику следует считать весьма ориентировочной, лишь более или менее правильно отражающей *основные тенденции* в развитии преступности.

Б. Динамика и структура преступности

Данные о динамике общей преступности за период 1803–1913 гг. приведены в табл. IX.1.

Таблица IX.1

Динамика преступности в России в 1803–1913 гг.

Показатель	1803–1808	1825–1830	1831–1840	1841–1850	1851–1860	1861–1870	1883–1889	1899–1900	1901–1910	1911–1913
Преступлений, тыс.	243	326	315	321	320	599	824	1477	1891	2888
Уголовных дел, тыс.	97	130	126	128	128	239	–	–	1243	1911
Подсудимых, тыс.	132	173	172	193	221	334	560	1701	1939	2894
Осужденных, тыс.	71	111	97	73	76	102	397	863	985	1484
Население, млн	41	50	53	57	62	69	59	121	142	168
Преступлений на 100 тыс. населения	593	652	594	563	516	868	1397	1221	1332	1719
Уголовных дел на 100 тыс. населения	237	260	238	225	206	346	–	–	875	1138
Подсудимых на 100 тыс. населения	322	346	325	339	356	484	949	1406	1365	1723
Осужденных на 100 тыс. населения	173	222	183	128	123	148	673	713	694	883
Индекс роста преступлений*	100	110	100	95	87	146	236	206	225	290
Индекс роста уголовных дел*	100	110	100	95	87	146	–	–	369	480
Индекс роста подсудимых*	100	107	101	105	111	150	295	437	424	535
Индекс роста осужденных*	100	128	106	74	71	86	389	412	401	511

* На 100 тыс. населения, 1803–1808 гг.=100.

Различные показатели преступности находились в тесной связи, о чем говорит высокий коэффициент корреляции между числом зарегистриро-

ванных преступлений, уголовных дел, подсудимых и осужденных, равный 0,9. Абсолютное число зафиксированных преступлений с 1803–1808 по 1911–1913 гг. возросло почти в 12 раз, но с учетом роста населения — в 2–9 раз. В течение изучаемого времени уровень преступности изменялся: до отмены крепостного права он имел тенденцию к снижению, а после эмансипации — к повышению. Индекс преступности в 1851–1860 гг. составлял 95 % от уровня преступности начала XIX в., а в 1911–1913 гг. — 305 % от уровня 1851–1860 гг. В пореформенный период преступность непрерывно возрастала, за исключением периода 1890-х гг. Но ни до, ни после эмансипации уровень преступности не изменялся линейно. Число преступлений возрастало в либеральное царствование Александра I, уменьшалось при консервативном правлении Николая I, затем вновь, но на этот раз весьма значительно — в 2,7 раза, возросло в реформаторскую эпоху Александра II, уменьшилось при консервативном царствовании Александра III и вновь выросло на 55 % при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II. Минимальный уровень зарегистрированной преступности в России наблюдался в конце царствования Николая I — на 13 % ниже, чем в начале XIX в., а максимальный уровень — накануне первой мировой войны в 1913 г. Во время войны, в 1914–1916 гг., преступность в целом по стране снизилась по сравнению с 1911–1913 гг. примерно на 28–29 %, но с 1916 г. вновь обнаружилась тенденция к ее повышению.

Таким образом, динамика преступности имела явно циклический характер. Как показывают различные показатели преступности, чем жестче был император, чем консервативнее было царствование, чем тверже проводилась соответствующая внутренняя политика, тем ниже была преступность, и наоборот. Что лежит в основе зависимости преступности от курса внутренней политики? Консервативная политика, как правило, сопровождалась не только усилением репрессий против нарушителей закона, но и повышением контроля за поведением подданных со стороны государства и корпораций (сельской общины, мещанского и купеческого обществ, цеха и т. п.), в состав которых входили люди, что оставляло меньше возможности для бесконтрольных и безнаказанных проступков и вследствие этого сдерживало проявления всех видов отклоняющегося поведения, в том числе и криминального. Напротив, ослабление контроля и соответственно увеличение вероятности остаться безнаказанным при совершении правонарушения провоцировало сдерживаемые импульсы к нарушению законного, т. е. общепринятого и традиционного общественного порядка. Поскольку либеральные и консервативные правительственные курсы, как правило, чередовались, то это, вероятно, и порождало цикличность в динамике преступности, отмечаемую для периода XIX–начала XX в. Николай II сам по себе не был либеральным императором, но волею событий ему приходилось проводить демократические реформы. Не менее существенно и то, что правительственный курс Николая II отмечен огромными провалами и поражениями, которые подрывали веру в легитимность существующей власти, расшатывали общественный порядок, что всегда ведет к росту числа криминальных проявлений.

В течение 1861–1913 гг. число уголовных дел, рассмотренных в су-

дах, в абсолютных цифрах возросло в 8 раз, а на 100 тыс. населения — в 3,3 раза, в то время как число зарегистрированных преступлений в существенно меньшей степени — соответственно в 4,8 и 2 раза. Это свидетельствует о том, что доля раскрытых преступлений повысилась с 40 % в 1860-е гг. до 66 % в 1913 г. Увеличению раскрываемости преступлений в пореформенный период способствовало применение дактилоскопии, фотографии, появление средств информации, рост профессионализма детективов и усовершенствование системы сыска.

Число подсудимых до конца XIX в. по отдельным царствованиям и в целом изменялось синхронно с количеством уголовных дел. Но с начала XX в. число подсудимых стало увеличиваться быстрее, чем число уголовных дел, в результате чего к 1911–1913 гг. сравнительно с 1803–1808 гг. индекс подсудимых составил 535, а индекс уголовных дел — 479. Причина этого заключалась в том, что в начале XX в. становилось больше преступных, с точки зрения действовавшего закона, деяний, в которые вовлекалось значительное число лиц, таких, например, как запрещаемые до 1905 г. антиправительственные манифестации, забастовки, а также религиозные преступления. Занимая в общей криминальной статистике относительно скромное место, но будучи массовыми, они и обусловили увеличение числа подсудимых. Это говорит о том, что политизация общественной жизни при отсутствии или ущемлении гражданских прав служила важнейшим фактором возрастания случаев массового противоправного поведения. Вместе с тем в целом для пореформенного периода характерно уменьшение доли коллективных преступлений с 49 % в 1874 г. до 36 % в 1913 г., что, возможно, свидетельствует о развитии индивидуализма среди профессиональных преступников, которые долгое время строили свои отношения на общинных основаниях не только в тюрьме, но и на воле.

Число осужденных изменялось также в основном в соответствии с другими показателями преступности. Минимальный уровень количества осужденных на 100 тыс. населения наблюдался в 1840–начале 1850-х гг., а максимальный — в 1911–1913 гг. Отметим, что число осужденных было постоянно меньше числа преступлений и подсудимых. Это указывает на то, что процент оправданных имел тенденцию увеличиваться. Если для периода после судебной реформы 1864 г. большой процент оправданных можно объяснить либеральными настроениями, господствовавшими в обществе и соответственно в суде присяжных, то как объяснить еще более низкий процент осужденных и, значит, более высокий процент оправданных до 1861 г.? В 1803–1860 гг. было оправдано примерно 52 % подсудимых. Два фактора помогают объяснить этот интересный феномен. Во-первых, полиция до 1860-х гг. имела склонность и широкие права арестовывать мало-мальски подозреваемых в совершении преступления лиц, действуя по принципу: лучше задержать невиновного, чем упустить виновного. Правило освобождения задержанного через короткое время, если ему не предъявлялось обвинение, не действовало. Отсюда происходило неадекватное числу преступлений число задержанных, а значит, и подсудимых. Во-вторых, институт профессиональных следователей возник в России только в 1860 г. и сделал заметный прогресс в последней

трети XIX—начале XX в., что несомненно сказывалось на раскрываемости преступлений, на возможности собрать достаточно улик, чтобы доказать виновность подозреваемого. Вместе с тем низкий процент осужденных доказывает, что судьи стремились объективно подойти к делу — при отсутствии достаточного количества улики они оправдывали подозреваемого. Это говорит о том, что закон и правосудие, хотя и не в таком цивилизованном виде, как на Западе, не соблюдались в дореформенной и в пореформенной России.

В криминальной статистике принято считать, что данные о тяжких преступлениях точнее отражают общую динамику преступности, чем данные о мелких преступлениях, по трем причинам. Во-первых, номенклатура крупных преступлений изменяется значительно медленнее сравнительно с номенклатурой мелких преступлений. Во-вторых, тяжкие преступления практически всегда противоречили общественному правосознанию и вызывали репрессивную общественную реакцию во всех слоях общества, в то время как мелкие правонарушения в определенной социальной среде могли не рассматриваться как преступления, что находилось в противоречии с законом, но в полном согласии с обычаями. Например, в крестьянской и мещанской среде такие деяния, как мелкие кражи, оскорбления, побои и др., согласно обычному праву, долгое время не считались преступными, не сопровождалась иском в суд и потому не привлекали внимание правоохранительных органов. В-третьих, со временем к преступным деяниям уголовный кодекс стал относить действия, которые прежде таковыми не считались, например нарушение рабочего законодательства, санитарных законов, пьянство, хулиганство и т. п. Изменение в соответствии с законом номенклатуры преступлений, а также развитие общественного правосознания, которое все большее число деяний, прежде не считавшихся преступными, относило к числу преступных и заслуживающих репрессии, приводит к росту главным образом уровня мелкой преступности. В результате данные о крупных преступлениях показывают динамику преступности по традиционной номенклатуре преступлений, а данные о мелкой преступности — динамику преступности по всей номенклатуре преступлений, как традиционных, так и «новых», которые лишь с некоторых пор стали считаться законом, обычным правом и общественным правовым сознанием как преступления. Обратимся теперь к данным табл. IX.2, IX.3.

Уровни крупной и мелкой преступности изменялись соответственно друг другу и достаточно согласованно с общим уровнем преступности. Минимальный уровень обоих видов преступности наблюдался в середине XIX в., максимальный — в 1913 г. Доля раскрытия мелких правонарушений, как правило совершаемых дилетантами, была выше, чем крупных, по крайней мере в конце XIX—начале XX в. — 75 % против 51 % в 1911–1913 гг. Однако все показатели мелкой преступности росли в 1803–1860 гг. медленнее, а 1861–1913 гг. существенно быстрее, чем показатели крупной преступности. В результате в 1911–1913 гг. индекс мелких преступлений составил 297, крупных — 278, или в 1,07 раза выше, индекс уголовных дел — соответственно 553 и 341, или в 1,62 раза выше,

индекс подсудимых — 645 и 273, или в 2,36 раза выше, индекс осужденных — 589 и 258, или в 2,28 раза выше. Следовательно, в дореформенный период репрессия против мелких правонарушителей росла медленнее, чем репрессия против крупных преступников, а в пореформенный период — быстрее. К 1913 г. вероятность привлечения к суду за мелкое правонарушение в 2,36 раза превосходила вероятность привлечения к суду за крупное преступление. Кроме того, в пореформенное время ощутимо возросла вероятность привлечения к судебной ответственности за мелкое правонарушение: в 1850-е гг. только 74 % мелких правонарушителей получали приговор, в то время как в 1911–1913 гг. — 95 %, и вероятность предстать перед судом в начале XX в. возросла в 1,27 раза.

Таблица IX.2

Динамика крупной преступности в России в 1803–1913 гг.

Показатель	1803–1808	1825–1830	1831–1840	1841–1850	1851–1860	1861–1870	1872–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1913
Преступлений, тыс.	85	113	110	120	128	188	147	148	268	577	968
Уголовных дел, тыс.	34	45	44	48	51	75	71	75	115	254	476
Подсудимых, тыс.	39	102	101	106	116	102	79	96	134	226	435
Осужденных, тыс.	17	55	48	35	31	41	41	67	94	135	178
Население, млн	41	50	53	57	62	69	52	59	94	142	168
Преступлений на 100 тыс. населения	207	226	208	211	206	272	283	251	285	406	576
Уголовных дел на 100 тыс. населения	83	90	83	84	82	109	137	127	122	179	283
Подсудимых на 100 тыс. населения	95	204	191	186	187	148	152	163	143	159	259
Осужденных на 100 тыс. населения	41	110	91	61	50	59	79	114	100	95	106
Индекс роста преступлений*	100	109	100	102	100	132	137	121	138	196	278
Индекс роста уголовных дел*	100	108	100	101	99	131	165	153	147	216	341
Индекс роста подсудимых*	100	215	201	196	197	156	160	172	151	168	273
Индекс роста осужденных*	100	268	221	150	122	145	192	277	244	232	258

* На 100 тыс. населения, 1803–1808 гг. = 100.

Динамика мелкой преступности в России в 1803–1913 гг.

Показатель	1803–1808	1825–1830	1831–1840	1841–1850	1851–1860	1861–1870	1883–1889	1899–1900	1901–1910	1911–1913
Преступлений, тыс.	158	213	205	200	193	411	676	1242	1314	1920
Уголовных дел, тыс.	63	85	82	80	77	164	–	–	989	1435
Подсудимых, тыс.	93	71	71	87	105	232	464	1619	1713	2459
Осужденных, тыс.	54	56	49	38	45	61	330	807	850	1306
Население, млн	41	50	53	57	62	69	59	94	142	168
Преступлений на 100 тыс. населения	385	426	387	351	311	596	1146	1321	925	1143
Уголовных дел на 100 тыс. населения	154	170	155	140	124	238	–	–	696	854
Подсудимых на 100 тыс. населения	227	142	134	153	169	336	786	1722	1206	1464
Осужденных на 100 тыс. населения	132	112	92	67	73	88	559	859	599	777
Индекс роста преступлений*	100	111	101	91	81	155	298	343	240	297
Индекс роста уголовных дел*	100	110	101	91	81	155	–	–	452	555
Индекс роста подсудимых*	100	63	59	67	74	148	346	759	531	645
Индекс роста осужденных*	100	85	70	51	55	67	423	651	454	589

* На 100 тыс. населения, 1803–1808 гг. = 100.

Приведенные в табл. IX.2, IX.3 данные позволяют сделать два важных вывода. Первый заключается в следующем. Рост зафиксированной преступности в пореформенной России произошел главным образом (примерно на 93 %) за счет традиционных видов правонарушений и лишь на 7 % за счет деяний, которые закон или граждане стали считать преступными после эмансипации, поскольку различие в росте крупной и мелкой преступности с 1803–1808 по 1911–1913 гг. составило всего 7 %. Из этого следует, что увеличение всех показателей преступности, зафиксированной Министерством юстиции в пореформенной России, не явилось результатом более тщательной регистрации мелких правонарушений, а отразило действительный рост криминального поведения. Второй вывод состоит в том, что правовое сознание рядовых граждан после реформ 1860-х гг. претерпело более важные метаморфозы, чем уголовный кодекс, поскольку репрессия за мелкие и отчасти «новые» преступления обгоняла рост их числа, а репрессия за крупные, традиционные преступления отставала от роста их числа.

Большую ценность представляют данные о структуре преступности, которые позволяют получить картину об объекте противоправных деяний и косвенно — об целях последних (табл. IX.4).

Таблица IX.4

**Число наиболее важных зафиксированных полицией преступлений
в 1846–1913 гг. (в среднем в год, тыс.)**

Вид преступлений	1846– 1857*	1874– 1883**	1884– 1893**	1899– 1905**	1906– 1908**	1909– 1913**
Против общественного и государственного порядка	75,6	13,2	16,6	23,3	56,2	55,4
Религиозные	6,8	1,0	1,6	1,4	1,5	5,2
Государственные	0,01	–	–	2,0	2,9	2,3
Служебные	7,4	2,0	4,0	6,2	9,2	14,1
Против порядка управления	14,4	3,3	3,8	9,9	13,1	22,1
Против государственной собственности и прочие	47,0	6,9	7,2	3,8	29,5	11,7
Против личности	10,5	22,4	32,3	153,8	134,3	149,2
Убийства	4,2	3,8	5,2	19,8	35,0	32,6
Сексуальные преступления	0,6	1,8	3,1	9,7	10,8	14,4
Телесные повреждения	1,7	7,5	12,9	68,2	50,0	44,9
Прочие	4,0	9,3	11,1	56,1	38,5	57,3
Против собственности частных лиц	23,5	57,5	40,8	136,0	208,7	245,5
Грабеж, разбой	1,6	12,3	14,1	44,8	84,4	73,1
Кража	18,6	41,9	23,1	82,4	112,4	151,2
Мошенничество и другие	3,3	3,3	3,6	8,8	11,9	21,2
Всего против частных лиц	34,0	79,9	73,1	289,8	343,0	394,7
Итого	109,6	93,1	89,7	313,1	399,2	450,1

* Число подсудимых в палатах уголовного суда и совестном суде.

** В окружных судах и судебных палатах.

Самое важное изменение в структуре преступности состояло в том, что до реформ преобладающее число преступлений (69 %) было направлено против государственной собственности, против законов, ограничивающих личную инициативу, вследствие чего такие нарушения носили как бы антигосударственный характер и официально назывались преступлениями против порядка управления. За редчайшими исключениями правонарушители не имели в виду свержение государственного строя и изменение общественного порядка; по-видимому, они просто тяготились многочисленными ограничениями частной инициативы. После эмансипации доля такого рода преступлений резко упала и в 1874–1883 гг. составила всего 14 % всех преступлений, в 1909–1913 гг. — 12 %. Характер преступности указывал властям направление реформы — освободить народ от мелочной опеки.

Среди «антигосударственных» и «антиобщественных» преступлений преобладали покушения на государственную собственность, главным образом на леса, служебные преступления и нарушения многочисленных уставов. На долю преступлений, направленных против частных лиц, приходилось до реформ всего 31 % всех преступлений, а после — от 81 до 92 %. Особенно быстро росло число преступлений против собственности частных лиц: в 1909–1913 гг. на их долю приходилось 55 % всех преступлений.

Таким образом, после реформ 1860-х гг. объект преступлений изменился — место общественного и государственного порядка заняли частные лица, прежде всего их собственность. Это свидетельствует о том, что центр интересов сотен тысяч правонарушителей и, вероятно, населения в целом переместился с государства на личность и ее собственность.

Данные о структуре наказаний за 1834–1913 гг. дают представление об изменении суровости судебных приговоров (табл. IX.5).

Таблица IX.5

**Распределение различных видов наказаний
в России в 1834–1913 гг.* (в %)**

Вид наказания	1834– 1845	1846– 1860	1861– 1867	1874– 1883	1884– 1894	1898– 1904	1905– 1907	1908– 1913
Уголовные	9,0	8,0	9,3	12,7	10,2	6,4	6,6	8,6
Каторга	3,6	3,0	3,4	5,0	4,6	4,5	6,2	8,0
Ссылка	5,4	5,0	5,9	7,7	5,6	1,9	0,4	0,6
Исправительные	91,0	92,0	90,7	87,3	89,8	93,6	93,4	91,3
До тюремного заклучения включительно	47,0	42,0	68,5	59,7	49,8	61,4	62,1	59,4
Арест и др.	44,0	50,0	22,2	27,6	40,0	32,2	31,3	31,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* За 1834–1867 гг. по приговорам уголовных палат и совестных судов, в остальные годы — по приговорам окружных судов и судебных палат.

Доля уголовных наказаний в 1834–1860 гг. уменьшилась лишь на 1%, соответственно доля исправительных наказаний увеличилась на 1%. Более существенные изменения произошли в структуре исправительных наказаний — доля более суровых наказаний (до тюремного наказания включительно) уменьшилась на 5 %, а доля мягких наказаний (арест и др.) возросла на 6 %. В 1860–1883-х гг. происходил обратный процесс — доля уголовных наказаний возросла на 4,7 %, а доля исправительных наказаний на столько же уменьшилась. В структуре исправительных наказаний также произошли изменения в пользу более суровых наказаний — их доля повысилась на 17,7 %, в то время как доля мягких наказаний уменьшилась на 22,4 %. Поскольку это важное изменение началось до судебной реформы, можно предположить, что сама по себе реформа не

была причиной этих перемен, а только их ускорила. В следующее двадцатилетие, 1884–1904 гг., вновь наблюдалось смягчение репрессии: доля уголовных наказаний уменьшилась на 6,3 %, а доля исправительных наказаний на столько же увеличилась. В структуре исправительных наказаний также произошли изменения в пользу более мягких приговоров. Во время революции 1905–1907 гг. суровость приговоров несколько возросла, после революции эта тенденция продолжалась — доля уголовных наказаний поднялась к 1908–1913 гг. на 2,2 %, а доля исправительных наказаний на столько же уменьшилась без существенных изменений в их структуре. Таким образом, частота применения самых тяжелых наказаний, каторги и ссылки, в целом за весь изучаемый период мало изменилась и в 1908–1913 гг. находилась на уровне 1830–1850-х гг. Рост доли лиц, приговоренных к каторге после 1904 г., находился в связи с отменой ссылки в Сибирь. В то же время применение менее суровых, но достаточно тяжелых наказаний, например длительное лишение свободы, имело тенденцию к росту — в 1834–1860 гг. на их долю приходилось около 45 %, а в 1908–1913 гг. — 61 % всех наказаний, доля же самых мягких наказаний уменьшилась с 47 до 31 %.

В. Факторы преступности

Приведенные данные позволяют заключить, что в первые тридцать лет XIX в. преступность увеличилась, а в следующем тридцатилетии упала ниже уровня 1803–1808 гг. Рост преступности в царствование Александра I скорее всего был связан, во-первых, с многочисленными и кровопролитными войнами, которые велись Россией, в том числе и на ее территории, и которые имели следствием ослабление государственного и общественного порядка, разорение больших территорий, вооружение населения, повышение налогов и снижение жизненного уровня. Второй фактор роста преступности состоял в том, что происходившие важные реформы государственного управления (введение министерств, переход от коллегиального к бюрократической системе управления, изменение функций Сената, учреждение Государственного совета и др.), как всякие реформы, приводили к временному расстройству системы управления, к дисфункциям в государственной машине, ослаблявшим ее силу и эффективность.

Снижение преступности в период правления Николая I можно объяснить ростом законности, порядка и дисциплины в органах государственного управления, в полиции и суде. Для всего царствования характерна интенсивная законодательная деятельность императора и его правительства, направленная на то, чтобы поставить самодержавную власть, бюрократию и жизнь всего общества в рамки закона. Именно при Николае I, после 133 лет безуспешных попыток, в 1830–1832 гг. был создан кодекс законов, имевший целью *поставить все государственное управление на твердое правовое основание*.

Рост преступности после реформ 1860-х гг. происходил под непосредственным влиянием последних. Получение населением гражданских прав, утверждение идей законности и уважения к личности, с одной стороны, и облегчение возможности получения судебной защиты благодаря

повсеместно учрежденным мировым судам — с другой, способствовали. В мировые суды, введенные в практику в 1866 г. для рассмотрения мелких уголовных исков, в массовом порядке стали обращаться простые люди с такими обидами, на которые прежде и не помышляли жаловаться в суд, причем не столько из-за трудности найти там защиту или из-за страха перед официальным судом, сколько потому, что часто не считали правонарушениями такие деяния, как несправедливые наказания работодателем, мелкие обиды, оскорбления, побои и др. С учреждением доступного, дешевого, быстрого на решение мирового суда все, кто прежде чувствовал себя бесправным и молча сносил обиду и угнетение, пошли туда искать защиты, утверждать свое достоинство и право на уважение: жены жаловались на жестокое обращение мужей, просили развода или выдачу вида на жительство отдельно от мужа, рабочие выносили на суд трудовые споры, жаловались на несправедливое отношение к ним предпринимателей и требовали их наказания и т. д. В мировых судах по всей стране в 1884–1888 гг. в среднем рассматривалось 1036 тыс. дел в год, в 1909–1913 гг. — 1567 тыс., что составляло около 57 % всех уголовных дел и около 90 % всех мелких уголовных дел. Как это ни парадоксально, пробуждение самосознания и стремление отстоять свое достоинство по всей местности являлись фактором роста числа мелких правонарушений.

Рост преступности среди молодежи и женщин также находился в связи с их борьбой за свое достоинство, с их стремлением освободиться от контроля глав семей и мужчин. С 1834 по 1913 г. доля несовершеннолетних среди правонарушителей возросла с 7 до 21 %, женщин — с 11 до 15 %. Если принять во внимание, что в населении доля женщин составляла 51 %, а несовершеннолетних в возрасте 10–20 лет, ответственных за правонарушение, — 23 %, то можно сказать, что преступность среди молодежи была немного ниже, чем среди взрослых, а среди женщин — существенно ниже, чем среди мужчин и среди молодежи. Молодые люди чаще, чем женщины, игнорировали общепринятые нормы и активнее освобождались от контроля старших, чем женщины от контроля мужчин. Молодежь была более законопослушной и конформистской, чем взрослые, но к 1913 г. в этом отношении она почти сравнялась со взрослыми, поскольку разрыв между взрослой и детско-молодежной преступностью стал минимальным.

Второй фактор роста преступности в пореформенный период, по-видимому, состоял в том, что в результате Великих реформ произошло освобождение огромного количества людей от крепостничества и ослабление государственного и корпоративного контроля над отдельным человеком. Реформы открывали более широкий простор частной инициативе и предприимчивости, расширяли рамки дозволенного и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе в его криминальной форме. Старания двух последних императоров усилить государственный и корпоративный контроль за людьми имели лишь частичный и временный успех в царствование Александра III, так как социальные и политические изменения, введенные Великими реформами, оказались необратимыми: народ, почувствовавший вкус свободы, не

желал возвращаться в прошлое, и усилия вернуть его к старым порядкам вызывали протест и новую волну сопротивления, что являлось противозаконным и вело к росту преступности.

Третьим важным фактором следует признать изменение ценностных ориентаций и стандартов поведения у значительной части населения, произошедшее под влиянием реформ 1860-х гг., так как конфликт в системе ценностей всегда способствует росту числа случаев отклоняющегося поведения.

Четвертым, возможно решающим, фактором роста преступности являлось разрушение крестьянской общины и городских корпораций (мещанских и купеческих обществ, ремесленных цехов), что вело к распаду общинных связей не только в деревне, но и в городе, и к ослаблению общественного контроля за поведением человека. В пользу этого предположения говорят данные о превосходстве городской преступности над сельской, столичной над городской, а также более высокий уровень преступности среди лиц наемного труда сравнительно с крестьянами-общинниками. На долю Петербурга и Москвы в 1874 г. приходилось 6,2 % всех осужденных, а проживало там 1,6 % всего населения Европейской России, на долю прочих городов — 24,7 % осужденных и 8,4 % населения, на долю деревни — 65,4 % осужденных и около 90 % населения (о месте совершения 3,8 % преступлений нет сведений). Следовательно, криминогенность столиц (отношение доли зафиксированных там преступлений к доле проживающего там населения) составляла 3,9, прочих городов — 2,9, деревни — 0,7. К 1913 г. криминогенность Петербурга и Москвы под влиянием усиления полицейских мер значительно уменьшилась (2,5), прочих городов изменилась незначительно (2,7), а деревни осталась на прежнем уровне (0,7), следовательно, превышала городскую в 3,6–3,9 раза.

Пониманию причин роста преступности помогают данные о профессионально-социальном профиле правонарушителей. В 1897 г., с точки зрения криминогенности представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении), на первом месте были рабочие (11,2), на втором — лица свободных профессий и чиновники (2,3), на третьем — торговцы (1,9), на четвертом — предприниматели и ремесленники (0,9), на пятом — крестьяне-землепашцы (0,6). На долю 3,2 млн рабочих приходилось около 30 % всех осужденных. Рабочие, подавляющее число которых по сословной принадлежности являлись крестьянами, в 19 раз были более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в общине. Освобожденные от контроля общины, не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям. Высокая преступность рабочих объяснялась также их маргинальным статусом — оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в деревне, им трудно было адаптироваться к фабричной и городской жизни, из чего проистекали антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния.

То что лица свободных профессий, торговцы и предприниматели превосходили по криминогенности крестьян, свидетельствует о том, что сама

по себе бедность не оказывала решающего влияния на рост преступности после эмансипации. В этом отношении весьма красноречивы также данные о преступности по сословиям. С точки зрения криминогенности сословий (отношение доли представителей данного сословия в общем числе осужденных к доле лиц данного сословия в населении), в 1858–1897 гг. первое место принадлежало купцам (2,0), второе — мещанам и ремесленникам (1,7), третье — дворянам и чиновникам (1,5), четвертое — крестьянам (0,9), пятое — духовенству (0,3–0,4). И здесь самое бедное сословие крестьян уступало по криминогенности всем сословиям, кроме духовенства. Однако нельзя сбрасывать со счетов бедность в качестве криминогенного фактора. Например, было замечено, что во время неурожаев существенно увеличивалось число преступлений, совершенных крестьянами против собственности. Но бедность, будучи постоянно действующим фактором криминогенности, не может объяснить тенденции в изменении преступности. В первой половине XIX в. было много бедных, а уровень преступности снижался. После эмансипации влияние материального фактора на преступность увеличилось в другом смысле. Не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность посредством богатства сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему чрезвычайно этому способствовали и вводили многих людей среднего достатка в искушение. Начальник Петербургской сыскной полиции в 1866–1889 гг. И.Д. Путилин заметил: «Сколько по тюрьмам и острогам сидит людей, сделавшихся преступниками *случайно*, и сколько ходит на свободе с гордо поднятой головой «честных» людей, честных только потому, что им не представился ни разу случай искушения! Из ста этих честных поставьте в возможность взять взятку, ограбить кассу, совершить растрату, и — ручаюсь — 98 из них постараются не упустить этой возможности. Скажу более, многие из 100 не воздержатся при благоприятных условиях даже ... от убийства».

Выводы о главных факторах роста преступности подтверждает анализ динамики правонарушений, совершенных в советский период.

Г. Преступность в советский период

Если свести в одну краткую таблицу данные о преступности за двадцать лет, то можно обнаружить прямые параллели между XIX и XX вв. (табл. IX.6).

Таблица IX.6

Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения в России в XIX–XX вв.

1803– 1808	1825– 1830	1851– 1860	1883– 1889	1899– 1900	1911– 1913	1925– 1928	1961– 1970	1971– 1980	1981– 1990	1991– 2000
593	652	516	1397	1221	1719	1009	415	583	1099	1802

Во время войн XIX в. преступность также повышалась, но масштабы военных действий были иными, соответственно, рост преступности был меньшим. В период победоносного шествия Октябрьской революции по стране в криминальный оборот были втянуты почти все граждане, и по крайней мере треть их прямо или косвенно от революции пострадала. В 1920-е гг. по мере укрепления нового политического режима преступность стала снижаться. Всеобщая коллективизация и национализация, внедрение общинных принципов жизни, насаждение принудительного коллективизма, усиление контроля со стороны государственных и общественных организаций за поведением человека на работе и в быту в 1930–1950-е гг. привели к существенному снижению числа уголовных преступлений — в 1950-е гг. преступность упала ниже уровня начала XIX в. Однако во время войны, 1941–1945 гг., когда ослаб государственный и общественный контроль, преступность резко возросла; если ее оценивать по числу подсудимых — в 2,5–3 раза. Кроме того, во время войны наблюдалось обнищание населения, что, как правило, провоцирует на совершение противозаконных действий.

В 1960–1985 гг., по мере либерализации советского режима, преступность понемногу повышалась, но когда либерализм стал государственным и общественным кредо, преступность подскочила на небывалую прежде высоту. 1985–2000 гг. отмечены переходом к новым экономическим отношениям, возникновением безработицы и пауперизацией населения и, что очень важно, изменением системы ценностей и общественных идеалов у большинства населения. О том, какой хаос воцарился в головах людей, особенно молодых, красноречиво говорят результаты проведенного в 1998 г. опроса людей в возрасте 18–29 лет. На вопрос «Как Вы относитесь к участию в криминальных группировках?» 14,5 % мужчин и 9,2 % женщин ответили, что это нормальный способ зарабатывать деньги, 28,3 % мужчин и 12,7 % женщин признались, что если жизнь прижмет, можно временно этим заняться; 5,8 % юношей и 1,9 % девушек в качестве самой престижной профессии назвали работу бандита. Феноменальные изменения в обществе, как и в эпоху Великих реформ 1860–1870-х гг., происходили на фоне противостояния различных ветвей власти, этнических конфликтов, противоборства политических партий и движений. Заметим, что аналогичные политические, социальные и экономические процессы охватили все бывшие социалистические страны и везде сопровождались огромным ростом преступности — в некоторых восточноевропейских странах (например в Польше) рост был немного меньшим, чем в России, в большинстве стран, включая бывшие республики СССР, — большим. Так, например, в бывшей ГДР накануне объединения преступность была в три раза ниже, чем в ФРГ, а через 10 лет практически догнала преступность в старых федеральных землях; преступность в странах Балтии в 1985–2000 гг. возросла в 2–2,5 раза.

В последние 200 лет преступность в России была всегда ниже, чем в западноевропейских странах. В середине XIX в. — в 4 раза меньше, чем во Франции, и в 7,6 раза меньше, чем в Англии. К 1913 г. вследствие более быстрого роста преступности в России различия в уровне преступ-

ности уменьшились, однако преступность на Западе по-прежнему была выше, чем в России: в Англии примерно в 1,2 раза, во Франции — в 1,9 раза, в Германии — в 2,4 раза. После 1917 г. преступность повсеместно в Европе повышалась, до 1985 г. быстрее, чем в России. В таких благополучных странах, как Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция, за последние 40 лет примерно в 4 раза, в России — в 5 раз, но на Западе преступность повышалась постепенно, а в России рывком, главным образом в последние 15 лет. В настоящее время по общему уровню преступности Россия от других европейских стран заметно отстает — по официальным данным примерно в 4 раза, на самом деле меньше. Российская статистика недоучитывает значительно большее число преступлений, чем западная, так как российские граждане менее охотно сообщают о преступлениях в милицию, чем западные граждане — в полицию. Только в Японии преступность примерно равна российской, и в течение XX в. она росла там медленнее, чем на Западе.

В развивающихся странах, часто далеких от демократии, преступность несколько ниже, чем в России, но существенно ниже, чем в развитых странах, например в 1990-е гг. — соответственно в 1,4 и в 5,7 раза; причем в последние 25 лет в развивающихся странах преступность росла медленнее, чем в развитых.

IX.5. Социальная патология или прыжок в будущее?

Если брать большие периоды времени, в России в XIX–XX вв., как и всюду в мире, наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности: достигнув определенного рубежа, уровень преступности стабилизировался, но не снижался. Были два исключения — царствование Николая I и сталинская эпоха; в обоих случаях преступность возвратилась к уровню конца XVIII в. — времени расцвета крепостничества, когда свобода предоставлялась человеку в минимальной степени, а контроль со стороны общества и государства достигал «геркулесовых столпов». Повышение преступности происходило скачками — в годы войны, либеральных реформ и революций она резко повышалась, а в спокойные, консервативные годы стабилизировалась или медленно росла.

Почему именно время либеральных реформ отличается резким ростом числа преступлений? Из многих факторов выделим три важнейших. Во-первых, ослабляется государственный и общественный контроль за человеком, ему предоставляется булыжная свобода, инициатива и самостоятельность. Свобода открывает «шлюзы» в одинаковой степени как для всего хорошего, так и для всего плохого. Одни пользуются этим с пользой для себя и общества, другие — только для себя, третьи тяготятся и страдают от полученной свободы. Сразу после отмены крепостного права в 1861 г. немало бывших помещичьих крестьян, испытывавших футуришок, сожалели о его отмене, потому что они не могли приспособиться к жизни в условиях личной свободы. Аналогичная ситуация имела место в 1990-е гг. В советское время государство вмешивалось в дела граждан, опекало и контролировало их, но, с другой стороны, гарантировало работу, отдых, минимальный жизненный уровень, снимало много обремени-

тельных забот и решало ряд проблем. Реформы 1990-х гг. все эти заботы и проблемы переложили на самого человека, что потребовало от него огромных усилий, и не все смогли с этим справиться — для значительной части людей, воспитанных в коммунистическом духе, перестройка жизни и поведения в соответствии с новыми правилами стала непосильной задачей. Как показывают социологические исследования, более двух третей трудоспособного населения не выдержали испытания рынком; миллионы людей утратили прежний более престижный социальный статус, а вместе с ним спокойствие и уверенность в будущем. Это означало, что психические и эмоциональные нагрузки на человека и, соответственно, число стрессовых ситуаций возросли многократно. А стресс, как известно, часто снимается в криминальной форме. До 90 % насильственных преступлений совершается импульсивно и ситуативно на почве конфликтных отношений между людьми, чаще всего родственниками и коллегами, давая выход накопленным негативным эмоциям, обидам, агрессии, оскорбленному самолюбию. Например, четверть всех убийств в стране приходится на супружеские убийства, которые в половине случаев происходят на почве ревности, в половине — на почве борьбы за власть и самоутверждение в семье.

Во-вторых, в период реформ в соответствии с новыми требованиями жизни правила поведения у многих людей изменяются быстро, а законы, устанавливающие рамки дозволенного, — с опозданием. Например, до введения в 1996 г. нового уголовного кодекса некоторые экономические деяния, которые прежний уголовный кодекс считал преступлениями, потеряли криминальный статус. С другой стороны, некоторые деяния, которые прежний уголовный закон не преследовал, стали считаться криминальными.

Наконец, реформы почти всегда сопровождаются падением жизненного уровня и снижением эффективности работы правоохранительных органов.

Таким образом, свобода имеет не только позитивный, но и негативный аспект. Точно так же и у порожденной свободой преступности имеется две стороны. Вспомним о позитивной, так как негативная очевидна. Во-первых, для определенной категории лиц, не нашедших себя в созидательных занятиях, преступность служит шлюзом для проявления своих трансгрессивных наклонностей. Во-вторых, криминальные субъекты испытывают нормативно-ценностную структуру общества на прочность, ищут в ней слабые места, трещины, противоречия, создают угрозу общественному порядку, и чем выше их активность, тем угроза больше. Когда угроза становится серьезной, законопослушные люди мобилизуются: граждане и эксперты активно ищут причины роста преступности и средства борьбы с ней, общественное мнение формулирует новый моральный кодекс, устаревшие законы и правила поведения отменяются. Преступность, заставляя общество быть постоянно в напряжении, в рабочем состоянии, развиваться и совершенствоваться, выполняет *мобилизационную функцию*, препятствует социальному окостенению. Именно это и происходит в настоящее время в России. Борьба с преступностью становится идеей, объединяющей россиян, средством упрочения российской государственности.

ти и гражданского общества. В-третьих, преступность указывает и возможные пути выхода из кризиса, в который она загоняет общество. Как сказал Э. Дюркгейм, «преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит». Действительно, рост так называемой экономической преступности в 1980–1990-е гг. указывал на то, что рыночная экономика стала категорическим императивом для России, огромный рост краж и грабежей — на необходимость изменения социальной политики государства, немедленного и существенного повышения жизненного уровня, рост коррупции — на необходимость административной и судебной реформ и т. д.

Дюркгейм также полагал, что успешное развитие цивилизации невозможно без свободы, которая неизбежно сопряжена с девиантным поведением, в том числе и преступного характера. В этом смысле само существование преступности свидетельствует о наличии известного пространства свободы в обществе. «Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией». Действительно, самый низкий уровень преступности в России за последние двести лет наблюдался в последние годы сталинского режима — не в самый светлый период отечественной истории. Чтобы общество развивалось, чтобы существовала возможность для самовыражения и самореализации, в нем в равной степени должна существовать возможность как для конструктивного, так и для деструктивного, в том числе девиантного поведения. Не случайно, наверное, рост преступности (учащение случаев деструктивного поведения) в пореформенной России сопровождался экономическим подъемом, ростом изобретательства и творческой активности (учащение случаев конструктивного поведения). В 1861–1900 гг. сравнительно с 1825–1855 гг. преступность (если о ней судить по числу осужденных — наиболее точному показателю) возросла в 2,7 раза, но и число запатентованных изобретений — в 13,2 раза (с 17 до 224 в год).

Сравнительный анализ российской криминальной статистики за двести лет свидетельствует о том, что уровень преступности является важным показателем состояния общества. В стабильном, традиционном обществе, когда население приписано к месту жительства и своим общинам, мало развита городская жизнь, существует строгий социальный контроль, социальная структура жестко иерархизирована, вертикальная социальная мобильность низка, общинные связи сильно развиты и общественные цели преобладают над личными, наблюдалась низкая преступность — Россия в первой половине XIX в. Наоборот, для индустриальных и урбанизированных западных обществ, когда население социально и географически подвижно, доминируют общественные связи, сильно развит индивидуализм, личный успех является важнейшим в системе ценностей, население располагает большой свободой и инициативой, характерна высокая преступность. Быстрый рост преступности наблюдается в обществе, когда ощущается недостаток солидарности и веры в общепризнанные ценности и цели, где нормативные и нравственные ориентиры утратили свою эффективность,

где происходят серьезные изменения в социальных и политических ценностях, правовой культуре и где появляется значительное число маргиналов, испытывающих футушок, — Россия в 1861–1917 и 1985–1990-е гг. В условиях аномии неизмеримо увеличиваются возможности для девиантного поведения и возрастает число людей, которые для достижения своих целей используют противоправные средства. Таким образом, история преступности в России дает обширный материал, подкрепляющий точку зрения Э. Дюркгейма и Р. Мертон о росте преступности в условиях аномии и дисфункциональности общественной системы вследствие роста эгоистических настроений, снижения морали, падения нравов, стирания граней между правдой и ложью, справедливостью и беззаконием.

Основные тезисы

1. Понятия уголовного права постоянно изменялись и совершенствовались, все глубже постигая и учитывая природу человека и отклоняющегося поведения.

2. Уголовное обычное право в своем развитии отставало от официального, вследствие чего в начале XX в. в нем сохранились нормы права, действовавшие в XVI–XVII вв., а в некоторых аспектах — и в более раннее время.

3. Расхождения между официальным и обычным правом в пореформенное время, когда процессы сельской и городской миграции резко активизировались, стали источником когнитивных диссонансов и мотивационных противоречий в правосознании крестьян, попавших в город, и горожан, приехавших в деревню, что способствовало росту преступности.

4. В XIX–XX вв. в России, как и всюду в мире, наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности, который шел в соответствии с предоставленной человеку свободой гражданской и политической и с ослаблением контроля со стороны социальных групп, в которые он входил.

5. Повышение преступности происходило скачками — в годы войны, либеральных реформ и революций она резко повышалась вследствие увеличения свободы и ослабления социального контроля, а в консервативные годы стабилизировалась или медленно росла вследствие усиления социального контроля.

6. Обретение большинством населения с 1860-х гг. гражданской, а с 1906 г. и политической свободы привело к четырехкратному росту преступности. Издержки полученной свободы были велики, но, как показывает опыт всех стран, неизбежны.

7. История преступности в России подтверждает точку зрения Э. Дюркгейма и Р. Мертон о росте преступности в условиях аномии и дисфункциональности общественной системы.

8. Преступность, заставляя общество развиваться и совершенствоваться, выполняла важную мобилизационную функцию, препятствовала социальному окостенению и указывала на возможные пути выхода из кризиса, в который она загоняла общество.

Вопросы для размышления и повторения

1. Как со временем изменялось понимание преступного деяния в законе?
2. Почему изменялся взгляд на преступление?
3. В чем выражалось прогрессивное развитие уголовного права?
4. Какие изменения произошли в системе наказаний?
5. Почему существовало множество пословиц, говорящих о несправедливости судов («Закон что дышло, куда повернул — туда и вышло»)?
6. Что такое обычное, или народное, уголовное право и чем оно отличалось от официального права? Можно ли считать, что обычай — это закон ушедшего времени, далекого прошлого?
7. Чем можно объяснить различия между законом и обычаем?
8. Как повлияло народное право на развитие советского права? Есть ли преемственность между советским и дореволюционным правом?
9. Почему существовал самосуд и как он в деревне осуществлялся?
10. Почему государство мирилось с существованием обычая?
11. Как измеряется уровень преступности в обществе?
12. Уровень преступности в прошлом и настоящем? В России и за границей?
13. Преступность в городе и деревне, среди различных сословий?
14. Каковы закономерности в динамике преступности в XIX–XX вв.?
15. Чем объясняется четырехкратный рост преступности в России после Великих реформ?
16. Выполняет ли преступность какую-нибудь позитивную функцию для общества?
17. В чем сходство и различия в росте преступности в пореформенной и постсоветской России?
18. Прокомментируйте историю российской преступности в XIX–XX вв. в терминах теории аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона.

Глава X

Происхождение правового государства

Ключевые понятия: бюрократия, господство традиционное, харизматическое, легальное, государственность и государство, местничество, патернализм, патрон-клиентелистские отношения, политика, правомерное и правовое государство.

Уже много лет живет крылатая фраза: «В России правят не законы, а люди». Эта эффектно сформулированная мифологема о перманентной незаконности российского государственного строя возникла в русской либеральной дореволюционной историографии и имела благородную политическую задачу — способствовать разрушению самодержавия и установлению в России демократии. Свою политическую функцию мифологема выполнила превосходно — в нее до сих пор верят как в России, так и за ее пределами. Однако истина, как это бывает, когда политика вмешивается в науку, пострадала. В данной и следующей главе мы проверим состоятельность этой мифологемы: проанализируем в исторической перспективе роль коронной администрации, общества, закона, различных общественных институтов и структур в государственном управлении.

По причине затруднительности общего определения терминов «государство» и «общество» и наличия множественности частных определений подойдем к интерпретации понятий прагматически. Понятие «государственность» будем использовать в смысле государственный строй, политическая организация общества, понятие «государство» — как система органов и учреждений, образующих в совокупности механизм государственного управления, посредством которого реализуется публичная, или государственная, власть. Государственную власть будем рассматривать в качестве объекта пользования и распоряжения, а тех частных или юридических лиц, которые участвуют в осуществлении власти, т. е. властвуют, управляют, принимают решения или влияют на принятие решений — в качестве субъектов государственного управления. Общество будет означать все население, принадлежащее к данному государству, а народ — непривилегированные разряды населения: крестьяне, мещане, ремесленники, рабочие. Термин «монархия» будет использоваться для определения специфической формы организации государства, в котором государь в любой форме участвовал в государственном управлении, термин «самодержавие» — как синоним государя, которому принадлежит вся полнота законодательной и исполнительной власти, вместе с государственным аппаратом и армией.

Термины «бюрократия» и «чиновничество» будут означать совокупность лиц, занятых в сфере гражданского государственного, или коронного, управления, имевших определенный пост, ранг и получавших за свою работу жалованье. Слово «чиновник» для определения лица, находящегося на гражданской государственной службе, в русском языке вошло в употребление в начале XIX в. В древнерусском языке оно означало сановника, правите-

ля, в XVIII в. — «человека честью, чином, достоинством почтенного». Человек, занятый в управлении, в XVII—начале XVIII в. назывался «служилый человек» или «приказной человек», в XVIII в. — чиновный человек. Слово «чиновник» имеет корень «чин», означавший дело и порядок. Поэтому буквальный смысл слова — деятель, упорядчик или блюститель порядка. В XIX в. важные в бюрократической иерархии лица назывались сановниками, остальные — чиновниками.

При анализе истории русской государственности будем исходить из двух аксиом политологии. Во-первых, в государстве действительной властью является то лицо или учреждение, кого или которое народ в массе своей или хотя бы наиболее социально значимая его часть считает представителем и носителем государственной власти. Во-вторых, любое государство, если оно существует в течение достаточно длительного времени, осуществляет легитимную власть в том смысле, что общество признает за ним право господствовать и управлять, а за собой — обязанность повиноваться, так как считает, что государство осуществляет морально обоснованное, необходимое, законное и лучшее из возможных господство и управление. Можно навязать власть силой, но легитимность власти не может быть навязана. Это не означает, что существующая власть всегда принимается осознанно и единодушно. Легитимность власти может оспариваться. Но в конечном счете, если носители власти не могут добиться своей легитимизации, оправдать морально и идеологически свое существование перед обществом, они терпят фиаско. Важно различать, что оспаривает общество — легитимность конкретной личности, учреждения, института или легитимность политической системы. Например, значительная часть русского народа оспаривала легитимность Петра I как царя на том основании, что истинный царь якобы был подменен в колыбели, Екатерины II как императрицы на том основании, что она якобы незаконно устранила с престола Петра III, но не оспаривала легитимности монархии.

В России подобно другим европейским государствам на всех этапах ее развития осуществлялось легитимное господство. Гражданская война начала XVII в., раскол церкви и народа после церковных реформ патриарха Никона в 1650-х гг., бунт С. Разина в 1670–1671 гг. после полного закрепощения в 1649 г., бунт Е. Пугачева в 1773–1775 гг. после усиления крепостничества в 1740–1760-е гг., революции в 1905–1907 гг. и феврале 1917 г. (не считая многочисленных бунтов местного масштаба) ясно указывают на то, что народ молчал лишь тогда, когда был удовлетворен, разумеется, более или менее, существующей властью и признавал ее легитимность. Активный участник трех российских революций П.Н. Милуков, осмысливая в эмиграции опыт, признал: «Революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи. Должно быть сильно исправлено и ходячее представление о пассивной роли инертной массы. Масса русского населения, казалось, действительно только терпела. Но терпение масс не было вполне пассивным. Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного

сопротивления, как только начинали подозревать, что события клонятся не в сторону их интересов. В этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, сказалась коллективная народная мудрость».

Верхние страты общества также поднимали голос, если были недовольны верховной властью. Например, в XVIII в., когда дворянство было недовольно правящим государем или когда выступало несколько претендентов на престол после смерти государя, дворяне устраивали дворцовые перевороты, чтобы возвести на престол именно того, кого хотели.

Легитимность власти может по-разному обосновываться и санкционироваться. *Традиционное* господство опирается на веру в священность, неизменность издревле существующих порядков и в богоустановленность власти, если отсутствует формальное право в организации управления и требование действовать «невзирая на лица»; *харизматическое* господство — на харизму правителя, т. е. на веру народа в его мудрость, святость, героизм, гениальность и на личную приверженность ему в силу веры в его исключительные качества; *легальное* господство — на формально-правовое основание; *смешанное* господство — на ту или иную комбинацию перечисленных оснований.

Легальное господство предполагает существование *правового* государства, в котором для проявления власти установлены правовые формы и правовые пределы: 1) правотворчество осуществляется только или преимущественно через закон, который сосредоточивается в руках государственной власти; 2) устанавливается верховенство закона над остальными формами положительного права — над религиозным правом, юридическим обычаем, договором; 3) закон является нормой организации и функционирования власти на всех уровнях. Существует два типа правового государства. В государстве первого типа управление совершается строго по закону, но силами бюрократии, а личные и политические права населения сильно урезаются. Хотя при таком политическом устройстве действия государственных органов находятся в рамках закона, оно обеспечивает не реализацию личных и политических прав, а лишь известную защиту их личных и общественных интересов, а в некоторых случаях — лишь ограниченное законом бесправие, или подзаконное бесправие. В правовом государстве второго типа управление осуществляется по закону, но при активном участии граждан, которые имеют политические права и могут их реализовать в законной форме через народное представительство и местное самоуправление. Первый тип правового государства назовем *правомерным*, второй — *правовым*. И тот и другой тип допускает государство монархическое, аристократическое и демократическое. Исторически правомерное государство перерастает в правовое.

Начнем анализ с XVII в., чтобы можно было ясно представлять, что завещало Московское царство Петербургской империи и от какого наследства она отказалась.

Х.1. Народная монархия XVII в.

А. Основания легитимности власти

Со времени возникновения при Иване Грозном в 1547 г. института царства и до начала XVIII в. в основе официальной концепции власти лежали четыре идеи: 1) богоустановленность власти, 2) отцовский, или патерналистский, характер власти, 3) царь — непосредственный наместник Бога на Земле (в отличие от западноевропейских королей, которые считались лишь Божьими помазанниками) и 4) православное царство — гармоничный мир, управляемый Богом и царем. Русское царство считалось «Новым Израилем», а русский народ — новым богоизбранным народом по аналогии с библейским Израилем и древнееврейским народом. Конечным итогом русской истории должно стать введение царем своего народа в Царство Божие. Легитимность всякой власти обосновывалась Божественным происхождением царской власти от отцовской власти. Первым образцом власти на Земле считался отец как глава семейства. По мере умножения семейств возникли племена, по мере умножения племен — государства, которые со временем стали слишком велики для отеческого управления. Тогда Бог дал первоначальной отцовской власти облик царя, наделив его высшей и самодержавной силой. Легитимность царской власти в Русском государстве обосновывалась родством Рюриковичей с императорами древнего Рима и Византии (считалось, что Рюриковичи вели свое происхождение от Пруса — брата римского императора Августа и были в родстве с византийским императором Константином) и тем, что права Рюриковичей на власть были санкционированы византийскими императорами и восточной православной церковью (считалось, что император Константин передал своему внуку, киевскому князю XI в. Владимиру Мономаху, царский венец, так называемую шапку Мономаха, и прочие царские регалии, а греческий митрополит Неофит венчал его на царство). Именно два последних обоснования приводились иностранными дипломатам в качестве доказательств прав русских государей на царский титул.

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. монархия из наследственной *фактически* превратилась в избирательную и в такой форме существовала до XVIII в. Все семь царей либо избирались, либо утверждались на престоле земскими соборами, включая Петра I, избранного на царство 27 апреля 1682 г. Избрание каждый раз санкционировалось актом избрания за подписью избирателей, что считалось необходимым условием легитимности нового царя. Обязанность населения ему повиноваться подтверждалась присягой, которую приносили все мужчины независимо от социального положения. Именем Божьим боярство и служилые люди клялись нести службу, бояре — также не отъезжать в другие государства, а посадские и крестьяне — выполнять гражданские обязанности. Легитимность нового царя в XVII в. по-прежнему обуславливалась его кровным родством с умершим и сакральным ритуалом коронования — «венчанием на царство», освещаемым церковью и участием народа в коронационных торжествах. Коронование называлось «священным» и считалось обещанием таковым, поскольку сопровождалось особым таинством — *миропомазанием*, во время которого царь получал от Бога силу и муд-

рость для осуществления власти в государстве и церкви. Обряд коронации имел магический и религиозный характер. Подобно тому как брак без венчания в церкви не имел законной силы, так и «брак» царя с царством не имел силы без обряда венчания на царство. Обряд соединял государя с народом в священный нерасторжимый союз и возлагал обязанности *на обе стороны*. Государь брал обязательство защищать православную веру и подданных от внешних врагов, править «по правде и справедливости», в соответствии с христианской моралью, а народ обязывался повиноваться. Присяга и участие народа в коронации считались необходимыми, но они рассматривались не как акт делегирования обществом власти царю, а как готовность повиноваться и как народное одобрение нового монарха. Легитимность власти давала государю известную свободу рук, или свободу воли. Но это не считалось опасным, поскольку власть государя была легитимна и все, что он делал, диктовалось Богом и шло на пользу всех.

Политические представления людей XVII в., принадлежавших к разным социальным слоям, имели принципиальное сходство; существовало также согласие по поводу легитимности власти, механизма принятия политических решений, по поводу путей разрешения важнейших проблем, стоявших перед обществом. Можно сказать, что в допетровское время существовала *консенсусная политическая культура*, несмотря даже на появление старообрядцев после раскола церкви. В основе политических воззрений лежали три идеи: а) законность и священность издревле существующих порядков и властей вследствие своей древности и божественного происхождения; б) всеобщая обязанность служить государю; в) воля государя есть воля Божия. Светская служба являлась всеобщей, служили все, включая и царя, и по сути своей имела религиозный характер, следовательно, вела к спасению. Отрекаясь от своей воли в пользу монарха, народ тем самым предавался во власть воли высшей, божественной. Но и царь отрекался от своей личной воли и осуществлял служение как послушание. Власть государя рассматривалась как *обязанность, возлагаемая Богом*, от которой он не может уклониться. Государь свои отношения с подданными строил «по-отечески»: наказывал согрешивших, поощрял верных и прилежных, прислушивался к мудрым советникам. Отсюда проистекало общее наименование подданных — «сирота», т. е. беспомощный, бесприютный, одинокий, бедняк, а находившихся на службе — «холоп», т. е. слуга, покорный, безответный. Вследствие этого *власть государя носила не только божественный, но и патерналистский характер*. Призывая богоустановленность царской власти, люди усматривали изволение Божье также и в избрании царя на Земском соборе, и в государственном строительстве, осуществляемом посредством земских соборов. Так понимал характер светской службы, свои обязанности как монарха, характер государственного управления царь Алексей Михайлович (1629–1676 гг.) — отец Петра I, учитель его детей Симеон Полоцкий (1629–1680 гг.), другие русские «книжники» и народ.

Б. Роль Боярской думы, Земского собора и Освященного собора

В XVII в. в государственном управлении с государем соучаствовали Боярская дума, Земский собор, Освященный собор во главе с патриар-

хом и общество, не исключая народа. Какую роль выполнял каждый из субъектов управления?

Дума являлась прежде всего законодательным органом наряду с царем и под его эгидой. Источником многих законов являлись приговоры царя, вынесенные вместе с Боярской думой. По всем важным правотворческим вопросам также имелись приговоры Думы, в то время как по менее важным вопросам издавались указы царя без ее приговоров. Дума была высшей после царя судебной и апелляционной инстанцией, ряд судебных дел находился в полной ее компетенции. В этих своих функциях *Боярская дума выступала как небюрократический орган, ограничивавший власть царя.*

Численность думы на протяжении XVII в. росла: в 1613 г. — 29 человек, в 1675 г. — 66, в 1682 г. — 131. Среди ее членов были бояре (соответственно 19, 23 и 66 человек), думные дворяне и думные дьяки. Главная роль принадлежала боярам, многие из которых являлись потомками удельных князей, чьи земли были присоединены к Московскому княжеству. Бояре смотрели на себя как на владельцев Русской земли. Только их предки правили Русской землей по частям и в одиночку, а теперь потомки их, собравшись в Москве в Боярской думе, стали править всем государством и все вместе. В руках бояр находилось центральное и местное управление, самая титулованная часть составляла Боярскую думу. Все существенные дела в XVII в. решались «по боярскому приговору и указу Государя», т. е. царь *приказывал* рассмотреть или решить тот или иной вопрос, а бояре *вырабатывали и принимали конкретное решение*. Для утверждения решения думы требовалось единогласие. Отношения царя и думы определялись не законом, а обычаем и традицией; важное значение имели фактическое соотношение сил между царем и думой, состояние страны, личность государя. Поскольку значимость этих факторов изменялась, то и значение Боярской думы то поднималось, то уменьшалось. В XVI–XVII вв. государь без Думы и Дума без государя, с точки зрения людей того времени, были одинаково ненормальными явлениями. Бояре не только делили с царем государственные заботы, но и участвовали вместе с ним во всех обыденных актах его жизни — ходили в церковь, обедали и т. д.

Власть государя ограничивалась и другим институтом — *местничеством*. Этот институт гарантировал боярам, а также в значительной мере другим «чинам» — служилым людям по отчеству (дворянам) и гостям (богатым купцам) — право занимать место в служебной иерархии соответственно их происхождению, благородности, знатности и чину их предков, что вместе входило в понятие «честь». Предложение занять место в служебной иерархии, не соответствующее «чести», рассматривалось как величайшее оскорбление. До отмены в 1682 г. местничество ограничивало государя в служебных назначениях и защищало элиту от его произвола.

В наиболее важных моментах жизни государства деятельность Боярской думы дополнялась земскими соборами, которые имели столь же важное значение, как и Дума, только *временно*, на момент работы соборов. Земский собор включал в свой состав царя, Освященный собор (собрание

высших церковных иерархов), а также «выборных». Последние представляли служебные разряды населения, так как сословия в то время еще не существовали, и местности. Присутствие государственных крестьян зафиксировано только на двух из 57 земских соборов. Но выборные от посадских (городских налогоплательщиков) представляли отчасти и интересы крестьян, поскольку посадские по своим занятиям мало отличались от крестьян (те и другие занимались главным образом земледелием), а по своим личным правам — от государственных крестьян. На соборах редко были представлены все разряды населения и все местности. Но согласно представлениям людей того времени, *собор был законным тогда, когда в достаточной мере представлял мысль и волю земли*. Выборные либо избирались самим населением, либо, когда население проявляло равнодушие и абсентеизм, назначались воеводами из числа наиболее состоятельных и влиятельных лиц. В первом случае составлялись письменный акт избрания и инструкция — «наказ» избирателей.

Права земских соборов определялись обычаем и традицией. Соборы созывались по инициативе царя или самими «чинами» в междуцарствие. Регулярности в их созыве не было, всего за вторую половину XVI–XVII в. зафиксировано 57 соборов, в том числе 46 — в XVII в. Компетенция земских соборов была широка: избрание или утверждение государей на царство, санкционирование проведения крупных судебных, административных, финансовых и военных реформ, вопросы внешней политики и налоги. Петиции земских соборов имели для государя значение непрекращаемого голоса народа и непременно вели к изданию соответствующих узаконений. Несмотря на существенные отличия Земского собора от сословно-представительных учреждений западноевропейских стран, он являлся представительным органом, ограничивавшим власть государя.

На Земских соборах выборные исполняли роль информаторов, консультантов, советников государя, выражали общественное мнение населения, исполняли *наблюдательно-контрольную* функцию. Русские люди того времени считали: чтобы решение верховной власти было законным и имело силу для всей страны, оно должно было быть *публичным*. Присутствие представителей народа служило гарантом того, что все — избрание на престол, коронация, составление судебника, объявление войны и т. д. — делается в соответствии с традицией и при соблюдении положенного ритуала.

Для XVI–XVII вв. вообще было характерно активное участие общества в жизни государева двора. Крестины детей, свадьба, избрание на царство, коронация, именины, похороны происходили в окружении Освященного собора, Боярской думы, выборных от всех чинов из каждого города, а также «черни». Их присутствие являлось требованием ритуала, рассматривалось в качестве необходимого условия законности и действительности происходившего события. Если среди влиятельных лиц в окружении царя существовали серьезные противоречия, то соперничающие партии стремились заручиться поддержкой простого люда столицы и использовали ее в качестве весомого аргумента в политической борьбе. Важная роль земских соборов и выборных в государственном управлении позволяет нам считать, что, по крайней мере, служилые люди и го-

родское население являлись субъектами государственного управления в XVI–XVII вв. Сам факт, что *народное одобрение считалось обязательным условием легитимности важнейших государственных событий*, показывает, что общество (и народ) считалось субъектом государственного управления. Об этом же свидетельствует и обязательность принесения присяги на верность воцарившемуся царю каждым мужчиной государства.

Субъектами государственного управления являлись также Московский патриарх и Освященный собор — неперенный участник всех важных событий в жизни царской семьи, государева двора и страны. Духовенство окружало царя ежедневно и ежечасно, без участия духовенства, отнюдь не формального, царь не начинал ни одного предприятия, не совершал ни одного действия, ни одного важного поступка. Исключительно важную роль выполнял патриарх, о чем говорит сама официальная форма обращения к нему царя, который называл его *отцом*, что, по понятиям того времени, означало высший авторитет и признание известной зависимости и подчиненности. Патриаршество как система представляло большую силу: оно опиралось на моральный авторитет христианства, стояло во главе могущественной организации — Русской православной церкви, управляло белым духовенством и монастырями, игравшими в социальной и экономической жизни страны важную роль, имело значительные материальные ресурсы (огромный земельный фонд и 12,5 % крестьян), свой двор и служилых людей. Патриарх не являлся слугой или подданным царя, судить его могли только другие патриархи. Другими словами, патриаршество было государством в государстве. Это придавало патриарху как главе церкви громадный общественный и государственный вес. Если патриархом становилась крупная личность, он приобретал значение и вес в государстве, почти не уступающие значению и весу царя, как это случилось с патриархами Филаретом в 1619–1658 гг. и Никоном в 1651–1658 гг. Оба эти патриарха даже именовались *Великими государями*, т. е. имели тот же титул, что и сам царь. Хотя царь участвовал в выборе патриарха, решающее слово оставалось за церковными иерархами.

В. Значение обычая, традиции и закона в государственном управлении

В жизни русского общества XVI–XVII вв. обычное и писаное право играли большую роль. Но *значение обычая было больше, чем значение закона*. Идея правотворчества еще не признавалась, нерушимость старины была руководящей идеей для всех. Воля государей, какой бы обширной и сильной она ни была, находилась под защитой обычая. *Сами государи свой авторитет ставили ниже старины и признавали, что по своему усмотрению они не могут творить право*. При последовательном проведении точки зрения, что обычай, старина, традиция не может никто отменить, не возникло бы само Московское государство, не произошло бы никаких социальных изменений. Выход из противоречия был найден в том, что государи не издавали никаких общих уставов для определения государственного быта на новых началах, а переделывали старый быт постепенно, длинным путем отдельных мер, правительственной прак-

тикой. Посредством этой практики постепенно складывались новые обычаи, с течением времени закрепляемые в законодательстве. При этом новые явления жизни подводились под старые формулы, а в оправдание нововведений в государственному быту ссылались не на действительную, а на вымышленную, фиктивную старину. Людям казалось, что ничего не меняется; между тем жизнь и регулировавшее ее право изменялись.

Вследствие того что воля московских государей была ограничена традицией и учреждениями, им не удалось осуществить идеальный вариант самодержавия, хотя их реальная власть казалась иностранным наблюдателям выше власти всех монархов Европы. Но могущество власти русских царей сказывалось в отношении к лицам, а не к существующему порядку. Порядок, учреждения стояли под защитой старины, старых обычаев и считались неприкосновенными ни для чьей воли. Местничество, например, во многих отношениях было вредно для интересов государственной службы и ставило пределы власти государей даже над отдельными людьми. Тем не менее московские государи в течение двух веков подчинялись правилам местнических счетов вплоть до официальной отмены Земским собором института местничества в 1682 г.

Таким образом, в России XVII в. существовала специфическая форма государственности. Субъектами государственного управления выступали государь, Боярская дума, патриарх с Освященным собором, Земский собор и, что важно, общество, которое чаще всего представляли духовенство, служилые люди и посадские, а провинцию — Москва. Отношения между субъектами власти не имели договорной юридической основы, а строились на обычае, традиции — в зависимости от обстоятельств и носили фактический характер, вытекавший из реального соотношения общественных сил. Для легитимности важнейших государственных решений требовалось их одобрение Боярской думой, Освященным собором, земскими соборами, народом, хотя и не всегда всех вместе. Государство имело *теократический* характер, потому что, во-первых, государь считался представителем Бога, а его власть проистекала из воли Божьей и имела божественный характер, во-вторых, церковь как институт была одним из субъектов публичной власти, в-третьих, русское государство считало своей важнейшей задачей содействовать церкви в руководстве подданных к вечному спасению. Тип русской государственности, существовавший в XVI—XVII вв., можно назвать *народной*, или *патриархальной*, *монархией*. Государь осуществлял *традиционно-харизматическое господство*: традиционным, потому что основывалось на вере в законность и священность издревле существующих порядков, харизматическим, потому что покоилось на вере в мудрость, святость и могущество самого государя.

Среди четырех важнейших политических функций: извлечение налогов, распределение благ и услуг, регулирование поведения и символические процедуры — больше всего усилий и внимания государство уделяло извлечению средств в форме прямых и косвенных налогов, натуральных повинностей, разного рода сборов, монетной, соляной и прочих регалий, затем — «символической политике»: пиры, празднества, церемонии, религиозные обряды, хождение царя и царицы по монасты-

рям, церквам, богадельням, тюрьмам, прощение преступников и раздача милостыни, денег, подарков, которые сопровождали все важные события в общественной жизни и на которые уходили огромные средства из государственной казны. На третьем месте стояло распределение благ (земли, денег), на четвертом — регулирование поведения посредством политического контроля за поведением отдельных членов и групп обществ через санкции, материальные или финансовые стимулы, используя методы убеждения, принуждения, а также путем воздействия на систему жизненных ценностей. Главной целью политического процесса являлось поддержание социального порядка, стабильности, общественной безопасности, справедливости. Этим ценностям в жертву приносились свобода, экономическое благосостояние, качество жизни, личная безопасность.

В Московской Руси верховная власть при проведении государственной политики принимала во внимание, кроме мнения бюрократии и армии, мнение тех, кто имел право участвовать в земских соборах: боярства, духовенства, дворянства, посадских людей; в 1678 г. на их долю приходилось около 8 % всего населения. Это были реальные или потенциальные участники политического процесса в мирное время. Остальная часть населения либо пассивно подчинялась коронной администрации, обычаям и законам, не вовлекаясь в политическую жизнь, либо вообще имела весьма смутное представление о правительстве и политике. Однако в периоды кризисов участниками политического процесса становилось большинство взрослого мужского населения.

Х.2. Дворянская патерналистская монархия XVIII в.

А. Новое обоснование легитимности власти

Обоснование легитимности власти государя и, следовательно, государственной власти, которая персонифицировалась в царе, в XVIII в. существенно изменилось. Новый официальный взгляд был ясно выражен в «Правде воли монаршей» (1722) в соответствии с теорией договорного происхождения власти, популярной в то время в Западной Европе: власть возникла по договору и для пользы подданных, народ передал власть в руки монарха добровольно, навсегда и безусловно. Вот почему норманская теория в XVIII–XIX вв. являлась официальной версией происхождения русского государства. Это рациональное основание власти было непонятно народу и предназначалось для социальных верхов. Основанием, понятным массам, признавалось церковное учение о богоустановленности власти, но в соответствии с духом времени известные слова из Библии получали современную интерпретацию: «*Всякий государь, наследием или избранием скипетр получивший, от Бога оный приемлет*» (выделено мною. — Б. М.). Чтобы примирить договорную теорию и учение о богоустановленности власти, был провозглашен принцип: «Глас народа — глас Божий». Всякая власть от Бога, потому что народная воля управляется Божьей волей. Третье обоснование власти состояло в том, что она имеет целью общее благо всех подданных — их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. Эта цель, однако, может быть достигнута в том случае, если государство распоря-

жается и телом, и душой подданных, устанавливает для них различие добра и зла, употребляет и направляет силы и способности каждого к цели, намеченной властью. Новое обоснование власти *сняло с государя ограничение традицией и обычаям*. Традиция переставала быть священной, а древность государственных институтов — критерием их совершенства, что позволило верховной власти вносить в государственный строй и общественный быт большие изменения, руководствуясь вполне рациональным соображением — стремлением к общему благу. Изменение характера русской государственности при Петре I отразилось в самом названии России: Святая Русь стала называться Российской империей — священное государство стало светским.

Из обоснования легитимности вывелись три правила поведения общества: 1) выполнять все повеления власти без ропота и сопротивления, 2) никогда не судить своего государя, 3) не указывать монарху, что делать. Сравнительно с XVI–XVII вв. правила в значительной мере изменились. Теперь главной обязанностью царя стало руководить всей жизнью подданных ради их же блага, а главной обязанностью подданных — безропотно подчиняться тоже ради своей пользы, ибо один царь, даже вопреки желанию общества, может обеспечить общее благо. Другими словами, царь остался субъектом, но общество превратилось в объект руководства и управления. Изменились также цели власти и правила поведения государя. Ему вменялось в обязанность заботиться о всенародной пользе и благе Отечества, понимаемыми теперь не как заботу о спасении душ своих поданных, а как заботу о материальном благополучии подданных, экономическом и политическом процветании государства. Сам Петр I разделял и активно претворял этот взгляд в жизнь. Например, в 1711 г. была введена новая форма присяги не только на имя государя, как было прежде, но и на имя *государства*.

При Петре I власть монарха приобрела *самодержавный характер* де-факто и формально-юридически. Законодательное определение самодержавия дано в ряде указов и, в частности, в 1716 г. в Воинском уставе: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчет дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомыслию управлять». В Регламенте Духовной коллегии в 1721 г. власть монарха прямо названа «самодержавной». Таким образом, Петр I, отказавшись от одной половины старой формулы легитимности власти, накладывавшей на государя обязанность ограничивать свою власть моралью, религией и традицией, в полной мере воспользовался второй половиной формулы, дававшей легитимному государю полную свободу рук и воли.

В манифесте Анны Иоанновны о вступлении на престол в 1730 г. подтверждается «самодержавство» императорской власти. Екатерина II, следуя духу просвещенного абсолютизма, в своем «Наказе» рационально обосновывала необходимость самодержавия для России двумя обстоятельствами: огромным пространством российского государства, чтобы быстрота решений монарха могла компенсировать дальность расстояний (аргумент Монтескье), и выгодой для подданных повиноваться одному

господину, а не многим (в этом заключается намек на аристократический и демократический образ правления). Просвещенный самодержавный монарх может и должен соединить знания и власть, насадить всей полнотой своей власти естественное право и рациональные истины, недоступные темным массам, направить действия людей «к получению самого большого для них добра», не отнимая при этом их «естественной свободы». Екатерина II более настойчиво и последовательно, чем Петр I, стремилась к утверждению в России «законной монархии», способной реализовать общественные потребности в благополучие каждого подданного.

В царствование Павла I в 1797 г. самодержавная власть государя еще раз получила законодательную формулировку. Самодержавный государь для получения прав на престол более не нуждался в чьем-либо одобрении. Участие народа в коронационных торжествах сохранилось, но перестало служить средством придания церемонии легитимности, способом получения народного одобрения нового монарха и выполняло роль символической процедуры. Вступление на престол сопровождалось изданием манифеста и одинаковой для всех присягой подданных. Но в 1741 г. Елизавета Петровна запретила приводить к присяге помещичьих крестьян (48 % всего населения страны), как объяснялось в указе, ввиду принесения за них присяги со стороны помещиков. В начале XVIII в. изменился также формуляр царских указов: старинная формула «государь указал и бояре приговорили» исчезла. Вместо ссылок на ходатайства подданных, совещания с Боярской думой и решения земских соборов мы встречаем только указание на монаршую волю, подкрепляемое ссылкой на государственный интерес: «Мы, Петр первый, царь и самодержец всероссийский, и проч., и проч., и проч., объявляем сей указ всем подданным нашего государства»; «Мы, Петр III, по данной нам от всевышнего власти, из высочайшей нашей императорской милости... жалуем всему российскому благородному дворянству волю и свободу».

Петр I — первый царь, нарушивший традицию оправдывать свои действия ссылками на старину и открыто действовавший в соответствии с рациональными соображениями, — при первой возможности навсегда избавился от патриарха, Боярской думы, Освященного собора и перестал созывать земские соборы (последний был создан в 1683 г.). Другими словами, даже Петр I боялся иметь рядом с собой эти учреждения, следовательно, они действительно ограничивали действия царя.

Упразднив Боярскую думу как учреждение в 1700 г., Петр I нашел применение боярам в новых учреждениях, прежде всего в Сенате (1711). Царь превратил боярство в новую элиту, которая продолжала доминировать в высшем эшелоне власти, но на условиях, продиктованных Петром: полное подчинение монарху; обязательность государственной службы, которая должна начинаться с низших чинов и проходить с учетом не столько происхождения, сколько компетенции, образования и служебной пригодности; лишение аристократии собственной организации; открытость для представителей из других социальных групп. Аристократия приняла эти условия, но через пять лет после смерти Петра I, в 1730 г., при избрании на престол Анны Иоанновны, сделала попытку восстановить свое пре-

жнее значение и ограничить самодержавие. Однако среди дворянства взяли верх сторонники самодержавия. Аналогичным образом Петр поступил и с иерархами православной церкви. Освященный собор фактически прекратил свое существование в 1700 г. со смертью последнего патриарха. В 1721 г. вместо него был учрежден Правительственный Синод, который был признан патриархами восточных православных церквей в качестве высшего соборного правительства русской церкви, равнозначного патриархам. Церковь перешла под контроль государства, а ее догматическое и нравственное учение было приспособлено к светским потребностям последнего. Знаковыми для нового положения церкви явились два события. В 1730 г. Анна Иоанновна во время коронации в соборе вошла в алтарь, что в православии делать женщинам воспрещается, и причастилась по священническому чину (с 1676 г. так причащались государи мужского пола). Начиная с Елизаветы Петровны возложение на себя короны и порфиры стало производиться не высшим церковным иерархом, как прежде, а самим государем.

С 1721 г. царь принял титул императора. Смысл этого состоял в том, чтобы указать на стремление России следовать западноевропейским традициям, в то время как царский титул говорил о преемственности русских государей с византийскими. С 1724 г. короновался не только государь, но и государыня, а обряд коронации начиная с Екатерины I стал происходить по европейскому образцу. Сложная система придворных ритуалов, церемоний, празднеств, приемов и символов утверждала образ монарха как героя, просвещенного лидера, одобренного Богом и обществом. Все эти новые моменты служили двойной цели — поставить российских монархов вровень с западноевропейскими и максимально высоко над подданными.

В XVIII в. у всех слоев русского общества изменились политические воззрения, но у высших классов в большей мере, чем у низших. В начале XVIII в. идея всеобщей службы государю с целью достижения божественной благодати и спасения сменилась идеей всеобщей службы государству ради общего блага. Считалось, что именно гражданская служба царя и подданных ради «общей народной пользы», «общего блага» есть основной путь к спасению. В дворянском обществе возникла и постепенно усваивалась идея о необходимости формального ограничения самодержавия фундаментальными, основными законами, обязательными не только для подданных, но и для монарха. В 1730 г. члены Верховного тайного совета попытались обусловить вступление на престол Анны Иоанновны принятием «кондиций», ограничивающих власть монарха некими, неизвестными историкам, принципами. В 1754 г. фаворит Елизаветы Петровны И.И. Шувалов разработал проект введения «фундаментальных и непременных законов». В следующее царствование с подобными проектами выступил воспитатель цесаревича Павла Н.И. Панин, А.А. Безбородко, А.Р. Воронцов, а сама императрица публично высказывала идеи о том, что законы, установленные монархом, должны составлять фундамент общественной жизни, в своем «Наказе, данным Комиссии для сочинения Нового уложения». В 1780-е гг. Екатерина II перешла от слов и рекомен-

даций к делу, разработав проект Свода государственных установлений, которые, по ее мысли, должны были лечь в основание «законной монархии» России. Императрица не окончила свой проект и не опубликовала завершённые части, но все свое царствование пыталась реализовать идеи, в нем заложенные.

Православное духовенство поддерживало традиционную концепцию власти: царская власть сравнивается с отцовской; священное венчание на царство сообщает царской власти святость, а союзу между царем и народом — любовь; деятельность царя неразрывно связана с осуществлением воли божьей; подчинение царской власти Богу создает союз церкви и государства, которые дружно и в одинаковом направлении ведут народ ко благу. Этот взгляд на самодержавие был по-прежнему понятен и близок народному воззрению на государя как на сакрального монарха.

Патерналистская парадигма верховной власти официально поддерживалась в течение всего периода империи и часто фигурировала в правительственных указах XVIII–XIX вв. Титул «Отца Отечества», который принял Петр I в 1721 г., адекватно отражал взгляды государя, окружения и подданных на характер его власти. Все монархи воспитывались в соответствующем духе, им с детства внушалось, что русские цари — защитники и носители национального духа страны, они являются для народа оплотом *отеческой* доброты и бесконечной справедливости. Патерналистские идеи господствовали в среде крестьянства до конца империи, а в русской армии — до 1860-х гг.: офицеры смотрели на солдат как на детей, а солдаты на офицеров — как на отцов-командиров.

Политические представления, которые утверждали такие идеи, как патернализм, народность, демократизм, могущество и священность монарха, тождественность интересов царя и народа в XVIII – первой половине XIX в. под влиянием государственной и церковной пропаганды глубоко проникли в народную, прежде всего крестьянскую, политическую культуру и приняли форму так называемого наивного монархизма, который отнюдь не был наивным, поскольку народ активно использовал свой монархизм в борьбе за собственные интересы. Народным идеалом политического устройства в XVIII–первой половине XIX в. являлась самодержавная монархия, в силу этого существовавший государственный строй признавался легитимным. Новый момент в народном политическом сознании XVIII в. состоял в том, что государь стал отделяться от государства как от аппарата принуждения, как от совокупности чиновников, стоящих между народом и государем. Но это только усиливало патерналистскую парадигму.

Б. Роль дворянства в государственном управлении

Петр I устранил из государственного управления своих конкурентов Боярскую думу, Освященный собор с патриархом и Земский собор, опираясь на дворянство. Добившись удовлетворения своих экономических интересов (получив в собственность поместья и крепостных), дворянство потеряло интерес к земским соборам как к общенациональному представительному собранию, а к Боярской думе и Освященному собору оно не питало симпатий и давно мечтало о захвате церковных земель и крес-

тыя. Свои социальные и политические интересы дворянство стремилось удовлетворить посредством получения новых сословных привилегий от верховной власти в обмен на свою лояльность. Дворянство было преобразовано на принципах лояльности и службы, как и аристократия, и заняло господствующее положение в обществе. Союзом верховной власти и дворянства были созданы предпосылки для превращения народной монархии в дворянскую, которые были реализованы преемниками Петра I.

В первой половине XVIII в. при поддержке верховной власти дворянство консолидировалось в сословие, в 1762 г. освободилось от обязательной службы, в 1775–1785 гг. получило законную возможность иметь сословную организацию на губернском уровне и активно участвовать в управлении страной. Дворянство в полной мере воспользовалось этим правом. Вплоть до отмены крепостного права дворянство держало в своих руках все отрасли центрального управления, суд (кроме низшей инстанции), местное коронное управление и полицию, поскольку из дворянства формировался костяк администрации и весь офицерский корпус. Только муниципальное городское и низшее сельское самоуправление было лишено дворянского элемента.

Сформировавшись в привилегированное сословие с развитым сословным самосознанием, дворянство до середины XIX в. оставалось реальным и значимым субъектом политического процесса, так как имело формальное право и реальную возможность артикулировать свои взгляды, агрегировать свои интересы в программы, влиять на принятие самодержавием решений, определять и осуществлять политический курс через губернские дворянские собрания, посредством реального участия в управлении и суде в качестве чиновников и судей, а также с помощью патрон-клиентелистских отношений. Мощные узлы патронажных связей объединяли столичное дворянство с провинциальным в своеобразные лоббистские группы, связанные взаимными интересами, с которыми императоры вынуждены были считаться. *Дворянство превратилось в де-факто правящее сословие* в том смысле, что решало вопрос о престолонаследии, оказывало сильное и нередко доминирующее влияние на определение и осуществление политического курса внутренней и внешней политики, сделалось единственным соучастником государственного управления и одновременно тем приводным ремнем, который связывал верховную власть с обществом.

Решение императоров сделать ставку на дворянство являлось прагматическим, особенно для тех из них, которые вступили на престол в результате дворцового переворота, организованного дворянской гвардией. В их глазах дворянство являлось не только надежной опорой самодержавия, но и представителем всего населения для верховной власти, поскольку именно дворянство всегда оставалось сословием, тесно связанным с остальными группами населения, особенно с крестьянством, с жизнью провинции, с местным и общественным управлением.

Однако императоры ни в XVIII в., ни в XIX в. не стали простым рупором дворянских интересов, тем более что по многим вопросам среди дворян не было согласия. Самодержавие могло лавировать и проявлять

достаточную самостоятельность в своей политике, которая чаще всего определялась государственными потребностями и интересами той части дворянства, которая стояла на этактистских позициях. Конечно, дворянские интересы нельзя было игнорировать — забывших об этом, например Петра III и Павла I, настигла расплата. Однако Екатерина II очень искусно ослабила зависимость верховной власти от дворянства с помощью административной и сословной реформ 1775–1785 гг. Реформа управления явилась компромиссом между самодержавием и дворянством: дворянство приобрело значительные полномочия в местном коронном управлении благодаря праву избирать около половины уездных и до трети губернских должностных лиц, а императрица укрепила свою личную власть вследствие ослабления роли коллегий в государственном управлении. Реформа позволила также верховной власти отчасти решить большой вопрос, связанный с недостатком чиновников на местах, путем привлечения дворянства к местному управлению. За увеличение привилегий дворянство платило лояльностью и преданностью Екатерине. С другой стороны, было форсировано формирование городского сословия, которое до некоторой степени могло служить противовесом дворянству. Имея широкую социальную базу, включавшую, кроме дворянства, крестьянство, городское сословие и духовенство, самодержавие осталось самостоятельной политической силой и в полной мере сохраняло статус лидера нации.

В. Роль закона в государственном управлении

Единственным источником права в период, охватывающий эпоху Петра I и до 1917 г., признавался *закон*. Обычай, который играл выдающуюся роль в Московской Руси, оставил область государственного управления и в значительной мере сферу общественных отношений в границах города, но сохранил свою силу среди крестьянства. Цели законодательства периода империи существенно изменились. В Московском царстве законодательство отличалось *традиционным, охранительным характером* в том смысле, что стремилось главным образом кодифицировать существующие законы или обычаи, защитить имеющееся положение вещей, а не проложить дорогу новому в общественных отношениях. В императорский период законодательство имело преимущественно *реформаторский характер*, поэтому находилось в противоречии с прежним правом. Самодержавие стремилось установить в народе новые правовые понятия с помощью новых законов, полагая, что закон является выражением не обычаев народа, а только воли законодателя.

Существенное изменение, которое принес XVIII в. в область законодательства, состояло в том, что самодержавный государь стал единственным субъектом законодательной власти вплоть до образования Государственной думы в 1906 г. Лишь при Петре I, во время его отсутствия в столице, и при Елизавете Петровне (из-за ее нелюбви к государственным делам) законодательная власть сосредоточивалась в руках Сената. Установилось понятие о законе как о воле государя, правильно объявленной. Инициатива принятия закона могла исходить от государя, центральных учреждений (Сената, Синода, коллегий, министерств и т. п.), от местных

губернских учреждений (с 1775 г.), от дворянских губернских собраний (с 1785 г.) и от различных разрядов населения в порядке частной инициативы (например, указы депутатам в Комиссию по составлению нового уложения в 1767 г.). Общественная инициатива в законодательстве в имперский период имела несравненно меньшее значение, чем в XVI–XVII вв., когда множество принципиальных законов было принято по ходатайствам различных разрядов населения. Кроме того, инициативность в значительной степени снизилась. Например, правительству в первой половине XVIII в. не удавалось собрать в столицу депутатов от населения для составления нового уложения вследствие упорного нежелания общества принять участие в законодательной работе. В 1728 г. местное начальство было вынуждено прибегать к репрессивным мерам (арест жен депутатов, конфискация их имущества), чтобы заставить депутатов ехать в столицу.

Наконец, еще одно существенное изменение касалось применения законов. Законы не имели обратной силы, распространялись на всех лиц, должны были исполняться всеми точно и буквально; подчиненный не должен был выполнять под страхом наказания противозаконные предписания начальника, а обязан был доносить о них в вышестоящие инстанции. Последнее правило имело большое значения для развития русского общества по пути правовой монархии, так как оно создавало правовую основу для чиновника действовать строго по закону, невзирая на лица.

Однако, установив закон в качестве единственного источника права, самодержавие ввело в действие новый после 1649 г. свод законов только в 1835 г., после многих неудачных попыток. Потребность в своде законов в некоторой степени удовлетворялась наличием изданных юридических справочников и сборников законов.

Существенные перемены произошли и в отношении законодательного определения прав и обязанностей отдельных разрядов населения. В XVIII в. в России сформировались настоящие сословия, чьи права и обязанности были четко определены законом. В наибольшей степени это коснулось дворянства, духовенства и городского сословия. Манифест о вольности дворянства 1762 г., Жалованные грамоты дворянству и городам в 1785 г. поставили права дворян и горожан на прочный юридический базис, защищали их от произвола коронной администрации. Города и дворянство получили также по закону права самоуправления. Признание хотя бы за тремя сословиями личных прав служило важным фактором эволюции самодержавия в направлении правового государства.

В XVIII в. закон стал постоянно определять работу механизма государственного управления. В 1718–1720 гг. взамен Приказа — центрального учреждения, действовавшего на основе личных поручений государя, возник правильный тип государственного учреждения — Коллегия как постоянный орган, функционирующий на твердых юридических основаниях и под контролем прокуратуры, которая была учреждена в 1711 г. С 1722 г. прокурорский надзор осуществлялся за Сенатом и коллегиями и лишь частично за губернским аппаратом, который контролировался ревизорами и специальными следственными комиссиями, учреждаемыми в ответ на доносы и жалобы населения. В ходе реформы органов местного

управления 1775–1785 гг. суд отделился от администрации и полиции и стал де-юре полностью, а практически более или менее от них независимым; утвердился инстанционный порядок для решения судебных дел с завершением его в Сенате; дворянство, горожане и крестьянство получили свои суды низшей инстанции. Тогда же деятельность прокуратуры распространилась на систему местного коронного управления. В ее задачи входили надзор за законностью действий учреждений уездного и губернского уровней, разъяснение чиновникам новых законов. Финансовое управление отделилось от общей администрации и стало подчиняться особым учреждениям как на местах, так и в центре. В результате этого произошло частичное отделение друг от друга разных ветвей власти.

Таким образом, можно констатировать, что в XVIII в. были заложены начала законности в русском государственном порядке, самодержавие все в большей степени соединялось с законностью и весь государственный строй эволюционировал в сторону *правомерной* монархии, а *власть из традиционно-харизматической превращалась в легальную*. Это проявлялось в трех отношениях: а) в повышении значения закона в жизни русского общества; б) в том, что повседневная работа по управлению страной осуществлялась силами профессиональных чиновников, которые под влиянием четких инструкций и контроля обнаружили тенденцию управлять, невзирая на лица и следуя законам; в) в формировании сословного строя, в результате чего различные группы населения приобрели черты настоящих сословий, чьи личные права стали защищаться законом.

Итак, самодержавие сложилось только в первой четверти XVIII в. при Петре I. Утверждая в России сословия, правомерный порядок в управлении, ограничивая деятельность коронных учреждений рамками закона и инструкции, выдвигая на первый план идею служения Отечеству, а не царю, Петр способствовал развитию просвещенной правомерной монархии и утверждению легального господства. Промежуточный пункт в этой эволюции — сложившаяся к концу XVIII в. *сословная патерналистская монархия*, в которой неограниченная юридически верховная власть осуществляла господство, во-первых, признавая закон единственным источником права, во-вторых, через организованные законом и действующие на основе закона учреждения, в-третьих, де-юре признавая, что подданные обладают защищенными законом сословными правами, в-четвертых, привлекая дворянство к управлению. В новой системе закон, сословные права, дворянство и закономерная бюрократия являлись сдержкой, предохранявшей верховную власть от извращения в произвол.

Х.3. Становление правомерной монархии в первой половине XIX в.

В царствование Александра I часть образованного общества и сам император попали под влияние либеральной доктрины государственного управления, которая в XVIII в. начала свое победное шествие по Европе, а в Англии стала фактом внутренней политики. Новая доктрина требовала индивидуальной свободы, ослабления государственной опеки и невмешательства в экономическую и духовную жизнь, ее лозунгом стало —

предоставить дело его собственному течению, роль государства должна ограничиваться обеспечением личной свободы и безопасности граждан. Либеральная доктрина поставила на место регулярного, или полицейского, государства, которое принимает на себя всестороннюю заботу о подданных и регламентирует и исправляет их жизнь с помощью закона, правовое государство, которое обеспечивает свободу и индивидуальные права граждан. До середины XIX в. подразумевалось, что правовое государство защищает человека от угнетения со стороны других людей (например от рабства или крепостничества) путем предоставления всем гражданских прав, а не со стороны государства путем дарования гражданам политических прав и привлечения к участию во власти. Само государство, наоборот, рассматривалось в качестве субъекта, способного освободить человека и гарантировать его личную свободу. Александр I, разделявший либеральные взгляды и сочувствовавший идее отмены крепостного права, стремился сделать государственное управление закономерным (а в начале своего царствования даже учредить законосовещательную Государственную думу с подотчетным ей правительством) не ради того, чтобы поставить под контроль общества монарха и государственную власть, а ради того, чтобы обеспечить контроль за государственными учреждениями со стороны верховной власти и общества. Попытки же ограничить власть императора им пресекались. Внук твердо и последовательно придерживался точки зрения своей бабки Екатерины II — просвещенный и не ограниченный в правах государь мог сделать для блага государства больше, чем государь, ограниченный в правах. С такими ограничениями либеральная доктрина власти разделялась кроме Александра I также и Николаем I.

Иначе была воспринята либеральная доктрина той частью образованного общества, которая начиная с последней трети XVIII в. критиковала существовавший политический строй как справа, так и слева. Консерваторы заложили основы консервативно-национального направления в общественной мысли, либералы — либерального-конституционного, радикалы — революционного направления. Но эти ревизионистские воззрения имели немногочисленных сторонников. Широкие слои населения не понимали и не принимали этих взглядов, по крайней мере до первой российской революции. В массовом сознании монархическая парадигма была очень сильна, преобладающая часть русского общества ее разделяла до конца XIX в., а крестьянство — до 1917 г.

В государственном строительстве первой половины XIX в. набирали силу тенденции в развитии русской государственности, наметившиеся в XVIII в. В 1810 г. был создан законосовещательный Государственный совет, как было сказано в манифесте, для удовлетворения осознанной потребности «учреждать постепенно образ правления на твердых и непременимых основаниях закона». Члены совета, число которых к 1890 г. увеличилось с 35 до 60 человек, назначались императором из влиятельных чиновников, нередко вышедших в отставку, а министры входили в его состав по должности. С момента образования Совета *воля императора могла быть реализована при одном важном условии — если воля*

превратилась в писанный закон, который предварительно обсужден в Государственном совете и опубликован Сенатом (в XVIII в. было достаточно, если воля императора была правильно объявлена). Благодаря образованию Государственного совета механизм утверждения законов постепенно превратился в четкую и обязательную процедуру, которая предусматривала этап предварительного обсуждения проекта закона не только в министерствах, но также в специальных комитетах, куда приглашались эксперты от общества, либо в сословных организациях дворянства или купечества; практиковался также сбор мнений от частных лиц и сословных организаций по готовящейся реформе.

В 1801–1803 гг. Сенат получил статус института административной юстиции, прокуратуры и суда со следующими функциями: административно-судебные дела; надзор за правительственным аппаратом через губернских и уездных прокуроров, самостоятельно — с помощью самих сенаторов и посредством жалоб; высшая инстанция суда; охрана и удостоверение особенных прав разных классов. Постепенно высший суд и надзор за деятельностью коронных учреждений стали главными функциями Сената. В XIX–начале XX в. Сенат принимал жалобы на все коронные учреждения за несколькими исключениями. Осуществляемый Сенатом прокурорский надзор существенно сдерживал возможности безнаказанного злоупотребления властью со стороны коронной администрации и защищал интересы населения и казны. Ни одно постановление губернских присутственных мест не могло вступить в законную силу без утверждения прокурора, подчиненного Министерству юстиции и Сенату. Прокурор, не утвердив и не опротестовав постановления администрации или судебные решения, принятые под давлением губернатора, мог и в действительности ставить предел самоуправству местной коронной администрации. В 1810 г. при Государственном совете была учреждена особая Комиссия прошений для приема приносимых на высочайшее имя проектов и жалоб на высшие правительственные учреждения, не подчиненные Сенату в порядке надзора, и на Сенат. В 1835 г. Комиссия была поставлена в непосредственное ведение императора, в 1884 г. преобразована в Канцелярию прошений. Благодаря таким мерам все коронные учреждения попадали под надзор либо Сената, либо Комиссии прошений.

Важный новый момент в политической жизни состоял в ослаблении зависимости государя от дворянства. Эмансипация началась в период правления Александра I после победы в Отечественной войне 1812 г. и продолжилась при Николае I. Этому способствовала попытка гвардии произвести в 1825 г. государственный переворот: ввести конституцию и парламент, даровать политические права узкому кругу граждан, соответствовавших высоким избирательным цензам, что привело бы к превращению дворянства в правящий класс де-юре. Попытка не удалась, но глубоко уязвила императора и способствовала тому, что он утратил к дворянству доверие и в своей политике старался опираться преимущественно на бюрократию. Вследствие этого *дворянство из правящего превратилось в преобладающее сословие*: дворянские интересы не имели приоритета перед государственными; с мнением дворян самодержавие

считалось, но государственное управление находилось в руках бюрократии, зависимой от верховной власти. Ослаблению роли дворянства в управлении способствовало также изменение системы комплектования бюрократии. Со времени отмены обязательной службы дворян в 1762 г. преимущественно сословная система пополнения кадров сменилась преимущественно чиновной системой, в результате среди чиновников процент выходцев из дворян уменьшился с 50 до 44 в 1840–1855 гг. Государственная служба проходила главным образом на основе выслуги, образования и профессионализма, вследствие чего дворянин на службе являлся прежде всего чиновником, а уже потом дворянином.

При Николае I после 133 лет безуспешных попыток были подготовлены 45-томное «Полное собрание законов Российской империи» и 15-томный систематический «Свод законов Российской империи», включавший действующее законодательство. Так был создан кодекс законов, который *поставил все государственное управление на твердое правовое основание*. С 1835 г. и вплоть до 1917 г. «Полное собрание законов» регулярно пополнялось новыми законами, а «Свод законов» обновлялся. Николай I был самым большим блюстителем закона в империи, о чем, конечно, была осведомлена бюрократия. Сразу по окончании работы над составлением «Свода законов» он строжайше запретил входить к нему с просьбами об изъятии из законов. Впервые было дано полное юридическое определение государственного устройства Российской империи в двух статьях Основных законов. Статья 1 определяла характер власти императора как «верховой, самодержавной и неограниченной». Но 47-я статья указывает, что осуществление самодержавной власти императора подчиняется принципу *законности*: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих». Тем самым закон *провозглашал правомерный характер русской государственности* в отличие от форм деспотических, где вместо закона действует ничем не сдерживаемый личный произвол правителя. Так интерпретировали статью русские юристы, так понимало ее образованное общество. Статьи 1 и 47 без изменений входили в последующие издания Основных законов вплоть до начала XX в. Симптоматично, что в 1831 г. к числу российских орденов был причислен польский орден Белого Орла, который имел девиз «За веру, царя и закон».

Таким образом, в первой половине XIX в. государственный строй продолжал эволюционировать в сторону правомерной монархии благодаря тому, что *самодержавие самоограничивалось законом*, который оно само творило, и делало все возможное для *развития правомерного бюрократического управления*, действующего на основании закона, в соответствии с административным правом и под контролем административной юстиции и прокуратуры. Правительственный курс Николая I был последовательной попыткой осуществить идеи просвещенного абсолютизма. Именно во время его правления сложилась *правомерная бюрократическая монархия*, хотя русский чиновник еще не вполне соответствовал типу чиновника, который подчиняется только законам и действует, невзирая на лица.

В XVII–XVIII вв. провозглашение официальной доктрины власти опережало государственную практику и служила ей руководством. В первой половине XIX в., наоборот, доктрина обобщила практику эволюции российского государства в сторону правовой монархии и учла произошедшие изменения в государственности. В 1832–1834 гг. министр народного просвещения С.С. Уваров сформулировал *теорию официальной народности*. Суть доктрины сводилась к триединой формуле «Самодержавие — православие — народность»: самодержавие как высшая форма государственной власти, православие как единственно истинная вера, народность как «неприкосновенное святилище наших народных понятий». Царь осуществляет свою власть в интересах народа и согласно нравственным и юридическим законам. Как артикулировал С.С. Уваров, «Россия крепка единоподушим беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им, как отец, *руководствуясь законами*, а народ не умеет отделять отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу (выделено мною. — *Б.М.*)». Правомерный характер монархии — вот тот элемент, который отличал новую доктрину от прежней, в которой воля монарха была выше закона. В 1840–1850-х гг. идеология законного самодержавия была более тщательно разработана в трудах славянофилов, а во второй половине XIX–начале XX в. — в работах русских консерваторов Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Л.А. Тихомирова, К.Н. Леонтьева, И.А. Ильина и др. Ее разделяли все императоры, включая Николая II.

Отметим некоторые важные особенности государственности для всего периода от начала XVIII в. до середины XIX в. сравнительно с XVII в. Самодержавие стало осуществлять *традиционно-легально-харизматическое* господство. Господство было *традиционным*, потому что: а) основывалось на вере в богоустановленность власти; б) реализовывалось в значительной степени через органы сословного самоуправления (купеческие и мещанские общества, цехи, сельские общины, дворянские корпорации) и через коронные учреждения с участием представителей сословий (полиция и суды), подотчетные коронной власти; в) в крестьянской среде управление в существенной мере опиралось на обычаи. Господство было *легальным*, поскольку: а) основывалось на законодательстве: правотворчество осуществляется только через закон, сосредоточенный в руках государства; закон верховенствовал над религиозным правом, юридическим обычаем, договором и являлся нормой организации и функционирования власти на всех уровнях; б) реализовывалось через бюрократию, подчиненную закону. Однако действия государственных органов, хотя и находись в рамках закона, обеспечивали защиту личных прав и социальных интересов лишь для 10 % населения — дворянства, духовенства и городского сословия, а для крестьянства (около 90 % населения) гарантировали только ограниченное законом бесправие. Кроме того, верховенство закона носило до некоторой степени декларативный характер, так как принцип не мог еще полностью реализоваться в жизни, а формальное право в организации управления действовало, часто взирая на лица. Наконец, господство было *харизматическим*, потому что власть над крестьянством, как и в XVII в., поддерживалась в значительной степени на

харизме государя — верой крестьян в его мудрость, святость и могущество. В России сложилась оригинальная ситуация, когда самодержавие, социальная элита и официальная наука полагали, что власть осуществляет традиционно-незаконное господство, а народ (крестьянство и городские низы) — традиционно-харизматическое. Это было симптомом того, что консенсусная политическая культура начала трансформироваться в конфликтную.

Соотношение важнейших политических функций государства сравнительно с таковым в XVII в. изменилось: на первом месте осталось извлечение средств, на второе вышло регулирование поведения подданных, распределение благ осталось на третьем, а «символическая политика» опустилась на четвертое место. Как и в XVII в., главной целью политического процесса оставалось поддержание социального порядка, стабильности и общественной безопасности.

Х.4. Всесловная правомерная монархия в пореформенный период

При Александре II, в 1860–1870-е гг., в политическом строе появились новые элементы правового государства. Были созданы всесловные органы местного самоуправления, обладавшие публичной властью, — земства (1864 г.) и городские думы (1870 г.), которым государство передало значительную часть своих полномочий. Подобно тому как почти сто лет назад Екатерина II делегировала часть власти провинциальному дворянству, чтобы отвлечь его от дворцовых переворотов и претензий на участие в высшем управлении, так и Александр II стремился отвлечь общественность от большой политики. Оба случая иллюстрируют общую закономерность: в минуту слабости верховная власть делала заметные уступки в пользу общества, а когда усиливалась, пыталась эти уступки минимизировать. Вследствие отмены крепостного права и дворянских привилегий все население приобрело основные личные (не политические) права. Новый либеральный цензурный устав (1865 г.) при его соблюдении позволял обществу через прессу и гласность осуществлять контроль за администрацией. Университеты получили академическую автономию (1863 г.).

Благодаря введению новых судебных уставов в 1864 г. усилилась роль закона в управлении, произошло окончательное отделение суда от администрации. В добавление к Сенату были созданы в губерниях и уездах органы местной административной юстиции, в состав которых входили представители администрации, суда, прокуратуры, органов местного самоуправления и предводители дворянства. Губернское по земским и городским делам присутствие являлось среди них важнейшим, остальные специализировались на отдельных сферах управления, например присутствие по воинским делам, податные, фабричные и т. п.

Взятые в совокупности новые законы, институты и учреждения способствовали формированию *правовой монархии*, в которой законодательная власть государя ограничивалась объективным правом — законом, а исполнительная власть государя и центральных коронных учреждений — административным правом, административной юстицией и общественным

мнением, власть местных коронных учреждений — административным правом, административной юстицией, органами общественного самоуправления и общественным мнением. В России все более утверждалась *легальная форма власти*.

Изменениям в государственном строе предшествовали изменения в политических представлениях образованных слоев общества. В 1840–1860-е гг. значительная его часть приняла либеральную доктрину, сложившуюся в это время на Западе. Согласно ей, общество имеет право и должно участвовать в государственных делах, потому что государь и правительство не справляются и в принципе не могут самостоятельно справиться с функциями управления, а также потому, что общество таким способом может защитить себя от злоупотреблений власти. Общественность все настойчивее начинает высказывать пожелание участвовать в политическом процессе, что и послужило одним из факторов в проведении земской и городской реформ. Однако дальнейших уступок со стороны верховной власти нужно было добиваться. Диалог проходил медленно и болезненно в значительной мере потому, что русское общество было крайне фрагментарным как в социальном, так и в культурном отношении. Свыше 95 % населения — крестьяне, мещане, рабочие, которые не являлись цензовыми гражданами, проявляли полный политический индифферентизм. Те немногие (5–6 %) граждане, которые получили избирательные права в соответствии с городской и земской реформами, проявляли абсентеизм. Например, в 1870–1880-е гг. в выборах в городские думы принимало участие 12–14 % от числа горожан, получивших избирательные права, в выборах в земства участвовало землевладельцев 19 %, горожан — 21 %, крестьян — 48 % от общего числа лиц данного сословия, получивших избирательные права. Сравнительно высокая активность крестьянства объясняется тем, что выборы от крестьянской курии были многоступенчатыми, и на последнем этапе коронная администрация приняла меры, чтобы обеспечить явку выборщиков на голосование. Русская буржуазия вплоть до первой российской революции вела себя лояльно по отношению к верховной власти, поскольку выросла при ее поддержке. А мизерная по численности либеральная общественность разделялась на десятки политических групп, которые боролись не только с самодержавием, но и друг с другом. При политическом безмолвствовании монархического по убеждениям народа верховная власть, естественно, очень медленно уступала требованиям оппозиционного меньшинства.

Деятельность земств и городских дум способствовала дальнейшему распространению и развитию либеральных взглядов и настроений среди общественности, значительная часть которой считала необходимым создание конституции и парламента, чтобы завершить строительство нового государственного здания, начатое реформами 1860-х гг. Дворянские собрания и земства в 1860-е гг. несколько раз обращались к императору с соответствующими петициями, но не нашли у него поддержки. Только в 1881 г. Александр II решил на введение законосовещательного представительного учреждения, одобрив и назначив окончательное рассмотрение в Совете министров 4 марта 1881 г. проект, предложенный мини-

стром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым. Однако 1 марта император был убит. В 1882 г. новый министр внутренних дел Н.П. Игнатьев предпринял последнюю конституционную попытку, но его проект был отвергнут новым императором.

Убийство Александра II задержало формирование представительного учреждения главным образом потому, что революционный терроризм был воспринят Александром III и консервативными правительственными кругами как следствие Великих реформ и как указание на то, что либеральные общественные круги намерены лишить императора всей полноты власти. До тех пор, пока речь шла о частичных уступках: о привлечении общественности к делам управления на местном уровне, об утверждении верховенства закона, об усилении надзора за администрацией со стороны органов административной юстиции, а также общественного мнения и некоторых других — верховная власть шла на уступки общественности, потому что сама была заинтересована в утверждении правомерного характера государственности. Но как только общественность стала требовать создания парламента и конституции, т. е. изменения государственного строя России, отношение к общественности и ее требованиям принципиально изменилось, поскольку парламент и конституция, по мнению трех последних императоров, неминуемо привели бы к распаду империи, которую скрепляло главным образом именно самодержавие. Став императором, Александр III, задолго до убийства своего отца прислушивавшийся к сторонникам самобытного развития России, всерьез задумался над тем, как остановить трансформацию самодержавия в конституционную монархию. Он разделял теорию «народного самодержавия», которая считала допетровскую монархию самой подходящей формой государственности для России. «Народное самодержавие», по мнению ее сторонников, в число которых входили Александр III и Николай II, способно было обеспечить единение царя с народом без посредства представительного учреждения, бюрократии и интеллигенции. Александр III неоднократно заявлял: «Я царь крестьян... Обязан доставлять средства к жизни низшим классам... Я нахожу, что это лучший способ двигать жизненную машину». По-видимому, эти слова отражали внутреннее убеждение императора. Через два года после вступления на престол он полностью отказался от мысли учредить законосовещательный Земский собор.

В 1881 г. было принято «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», которое правительство при необходимости могло вводить в действие. В этом случае органы управления какой-либо местности попадали в полную зависимость от коронной администрации и военных властей. Вслед за этим были проведены так называемые контрреформы. Не упразднив учреждений, созданных Великими реформами, контрреформы внесли в их деятельность некоторые изменения, усиливавшие в управлении обществом роль коронной администрации за счет ослабления роли общественного самоуправления. Однако земства и городские думы по-прежнему пользовались достаточной свободой в своей деятельности, так как административный контроль не имел ожидаемого эффекта, а взаимное недоверие органов самоуправления и коронной администрации постоянно сменялось сотру-

ничеством. Либеральная пресса и либеральное общественное мнение также продолжали существовать и действовать. Консервативный политический курс не изменил ни характер русской государственности, ни главной тенденции ее развития — государство эволюционировало, хотя и медленнее, чем в предшествующее царствование, в сторону конституционной монархии, а общество — в сторону гражданского общества. Правомерный характер коронного управления в принципе поддерживался самодержавием, поскольку оно было в нем заинтересовано.

Х.5. Дуалистическая правовая монархия 1906–1917 гг.

Порядки, введенные при Александре III, просуществовали до 1905 г., когда Николай II под давлением революции и поражения в войне с Японией был вынужден согласиться на установление в России конституционной монархии. Манифест от 6 августа 1905 г. объявил о создании в России законосовещательной Думы, а затем Манифест от 17 октября 1905 г. возвестил введение конституционного строя. 23 апреля 1906 г. были изданы Основные законы, а через 4 дня собралась первая Государственная дума и обновленный Государственный совет, половина членов которого стала выборной, а половина назначалась царем. Так народ России получил конституцию, политические свободы и парламент.

Новые Основные законы Российской империи по юридической силе и по содержанию были аналогичны тому, что на Западе называется конституцией, так как они 1) дали конституционное понятие закона: текст закона устанавливался Государственной думой вместе с Государственным советом и утверждался императором, благодаря чему закон и акт в порядке верховного управления стали различаться с точки зрения их формы и юридической силы; акты верховного управления считались актами подзаконными; 2) были четко разделены основные и обыкновенные законы и первые были наделены наибольшей силой обязательного действия и поставлены выше всех остальных, или обыкновенных, в том смысле, что обыкновенные законы (так же как и чрезвычайные указы в порядке верховного управления, наделяемые временной силой законов) не могли нарушать основные законы и были действительны при условии непротиворечия их основным законам; 3) установили пределы власти императора; 4) определили устройство Государственной думы и Государственного совета, в компетенцию которых входила законодательная деятельность, их место в системе государственных учреждений; 5) назначили порядок издания основных законов и установили правило, согласно которому законы входят в силу только после обнародования; этот момент имел большое значение: до 1906 г. допускалось действие необнародованных законов, «тайне подлежащих» — так называемого секретного законодательства; 6) гарантировали политические права граждан, которые обеспечивали участие народа в осуществлении власти и ставили пределы вмешательству государственной власти в личную и общественную жизнь человека. Именно эти черты Основных законов 1906 г., являясь типичными и существенными для всех вообще конституций, делали русские Основные законы фактически конституцией, хотя они так не назывались.

С точки зрения отношений между правительством и парламентом, европейские монархии начала XX в. делились на два типа (допускавших несколько переходных ступеней): монархии конституционные, или дуалистические, и монархии парламентарные. В дуалистической системе исполнительная власть сохранялась за монархом и назначаемым им правительством, которое могло оставаться у власти, не пользуясь поддержкой большинства парламента, а законодательная власть принадлежала монарху и избираемому народом парламенту. Примером подобного государственного устройства являлась Пруссия. В парламентарных монархиях состав правительства зависел от доверия, оказываемого ему народным представительством. Эта форма государственности получила название парламентаризма и существовала как в монархиях, так и в республиках. Ввиду этого термин «парламент» имел два значения: 1) представительное учреждение с законодательной функцией, избираемое народом и выражающее его волю; в монархиях оно ограничивало власть монарха; 2) форма государственности, в которой правительство назначается парламентом и подотчетно ему. В начале XX в. в России парламент существовал только в первом смысле этого термина, а в Англии, Франции, Италии и других государствах — в обоих смыслах. Когда министр финансов В.Н. Коковцов сказал в 1908 г. в Думе, что «у нас, слава Богу, нет еще парламента», то он как раз имел в виду отсутствие в стране парламента во втором значении термина, а не отсутствие представительного учреждения с законодательной функцией. Российский парламент, хотя и не участвовал в образовании правительства, тем не менее контролировал его работу путем запросов, когда не менее 30 членов парламента обращались к министру с вопросами по поводу незаконных действий его министерства. Разумеется, парламентская форма правления является более демократической, чем дуалистическая. Однако почти во всех европейских странах сначала возникла дуалистическая монархия, которая постепенно, по мере того как народное представительство набирало силу благодаря поддержке общества, превращалась в парламентскую монархию или республику. Таким образом, ту форму государства, которая возникла в России в 1906 г., следует назвать *дуалистической правовой монархией*, поскольку законодательная власть принадлежала парламенту и государю, а исполнительная власть в центре — императору и бюрократии, на местах — бюрократии и органам общественного самоуправления.

Днем перехода России от самодержавия к конституционному режиму можно считать 27 апреля 1906 г., когда собралась первая Государственная дума в соответствии с новыми Основными законами. В этот день Россия сделала решающий шаг в сторону правового государства, осуществляющего преимущественно легальное господство. До 1906 г. русское законодательство признавало только личные права, причем как сословные права, которые не были равными для всех граждан. О политических правах в старых Основных законах вообще ничего не говорилось. Кроме того, закон установил систему не прямых и не всеобщих выборов и обусловил избирательные права большим для России имущественным цензом: в 1906 г. один выборщик приходился на 2000 землевладельцев, на

7 тыс. городского населения, на 30 тыс. крестьян и на 90 тыс. рабочих. Непосредственно выбирали депутатов в Думу 3,3 % от всего населения или 16 % от числа мужчин в возрасте 25 лет и старше (тех, которые получили избирательные права), большая часть взрослого мужского населения имела право избирать в несколько приемов выборщиков в Думу. Следует помнить, что правительство не назначалось парламентом, что император обладал еще огромной властью, реализация политических прав встречала значительные трудности и другие недостатки нового политического строя России. Российская государственность отличалась от идеального типа правового государства в значительно большей степени, чем, например, США, Англия, Франция или даже Пруссия. Но *после 1906 г. Россия вошла в круг правовых государств*, так как конституция и парламент, разделение властей и независимый суд стали неотъемлемыми институтами русской политической жизни, а правомерность управления — характерным качеством исполнительной власти.

К началу первой мировой войны парламент стал неотъемлемой и позитивной частью государственной жизни, при этом в чисто организационном отношении, по мнению современников, Государственный совет работал намного эффективнее Думы. Несмотря на существенные недостатки в деятельности российского парламента, была достигнута большая гласность в деятельности правительства, с помощью парламента осуществлялся общественный контроль за работой ведомств и все финансовое хозяйство страны приведено в ясность, вся коронная администрация стала работать более четко и слаженно. Конституция стала воспитывать и власть и общество: совместное участие в управлении государством оказалось незаменимой школой. Министры правительства также стали принимать Думу как необходимый и полезный элемент политической жизни.

К 1914 г. Российское государство начало осуществлять *легально-традиционное* господство. Господство было *легальным*, потому что основывалось на законодательстве, утвержденном парламентом, и реализовывалось через бюрократию, подчиненную закону. Действия государственных органов обеспечивали защиту социальных интересов, политических и гражданских прав всего населения. Верховенство закона все глубже входило в жизнь, а формальное право — в систему управления. Но господство оставалось еще *традиционным*, потому что значительная часть населения, особенно среди крестьянства, верила в богоустановленность власти и управлялась сельскими общинами, опираясь на обычай.

Война обнаружила неспособность коронной администрации самостоятельно руководить страной. Императору следовало бы обратиться за помощью к обществу. Вместо этого до последнего момента Николай II и бюрократия пытались обойтись без помощи существующих общественных организаций, всячески сопротивлялись участию их в делах управления, а когда, наконец, вынуждены были принять их помощь, было уже поздно — в стране наступил кризис. Народу надоели война и лишения, по призыву и под руководством оппозиции в феврале 1917 г. рабочие и крестьяне совершили революцию и свергли царя.

После Февральской революции развитие государственности протека-

ло противоречиво вследствие продолжающейся войны, экономического кризиса в стране и так называемого двоевластия: с одной стороны, Временное правительство, санкционированное Временным думским комитетом (часть членов Государственной думы) и поддержанное руководством Петроградского Совета, избранного рабочими и солдатами Петроградского гарнизона, с другой — советы, образованные по всей стране народными массами, которые мало сочувствовали идее истинного парламентаризма. Постепенно Временное правительство присвоило себе до созыва Учредительного собрания всю полноту законодательной и исполнительной власти. Оно провозгласило Россию республикой, объявило полную политическую амнистию, демократические свободы, заменило полицию народной милицией, демократизировало местное управление, установило равноправие солдат и офицеров. Решение принципиальных вопросов — государственное устройство, аграрный вопрос, заключение мира — было отложено до созыва Учредительного собрания. Но широкие народные массы немедленно хотели мира, конфискации помещичьих земель, установления 8-часового рабочего дня и введения рабочего контроля на производстве. Вследствие невыполнения Временным правительством этих требований оно утрачивало легитимность, так как крестьяне, рабочие и солдаты отказывали ему в поддержке. Баланс власти склонялся в пользу советов, в которых крайне левые партии — большевики и эсеры — пользовались наибольшей поддержкой народных масс. 25 октября 1917 г. Временное правительство было свергнуто и в стране установилась так называемая пролетарская диктатура, а точнее — диктатура партии большевиков.

Таким образом, с февраля по октябрь 1917 г. в стране существовал государственный строй, который трудно подвести под существующие в науке дефиниции. Россия была демократической республикой, но фактически без парламента. Старый государственный порядок был разрушен, а новый еще не установлен, в результате чего уровень законности в управлении страной сравнительно с дореволюционным временем постепенно понижался, пока не дошел до нуля, сделав возможным свержение правительства. Лишь в перспективе, после созыва Учредительного собрания, если судить по избранным в него членам от различных политических партий, среди которых большевиков насчитывалось около 25 %, Россия имела реальные шансы превратиться в *правовую парламентскую республику*. Если бы Временное правительство согласилось, не дожидаясь Учредительного собрания, на аграрную и некоторые другие социально-экономические реформы, оно вряд ли пало через восемь месяцев после своего образования.

Х.6. Российский чиновник

Становление просвещенной бюрократии является необходимым условием для утверждения легального господства в обществе и для превращения государства в правовое. В этой связи представляет большой интерес выяснить, насколько русские чиновники приблизились к тому идеальному типу чиновника, который, согласно М. Веберу, отвечал следующим требованиям: 1) лично свободен и подчиняется только служеб-

ному долгу; 2) входит необходимым звеном в единую и устойчивую служебную иерархию; 3) имеет определенную служебную компетенцию; 4) работает по контракту, на основе свободного выбора; 5) работает в соответствии со специальной квалификацией; 6) вознаграждается постоянным денежным окладом; 7) рассматривает свою службу как единственную профессию; 8) продвигается по службе согласно твердым критериям, в том числе соответственно способностям и независимо от мнения начальника; 9) не смотрит на служебное место как на принадлежащее ему, как на свою собственность; 10) подлжит строгой единой служебной дисциплине; 11) осуществляет свои функции по строго определенным процедурам; 12) поддерживает «безличностный», или формально-рациональный, характер межличностных отношений во всем, что касается службы.

Чиновник, или приказной, XVII в. во многом отличался от веберовского идеала: 1) был подневольным, привязанным к месту службы человеком, работал по обязанности или по прямому принуждению; 2) не входил в единую служебную иерархию людей, находившихся на государственной службе, а являлся частью особой иерархии приказных людей; 3) не имел ни специализации, ни особой квалификации, действовал в соответствии с потребностями управления и приказами начальства, поочередно исполняя массу военных и гражданских обязанностей — надзор за строительством крепостей, кораблей, сыск беглых, описание и межевание земель и т. д., обслуживая все стороны государственного управления; 4) получал натурально-денежное жалованье, часть его дохода имела источником узаконенные поборы с истцов и просителей и не была фиксирована инструкцией; 5) не рассматривал свою гражданскую службу как единственную профессию; 6) продвигался по службе в соответствии с тремя критериями — стаж, происхождение и усмотрение начальства; 7) смотрел на свое служебное место как на пожалованную должность для извлечения дохода; 8) не подлжал единой дисциплине, так как строгость ее соблюдения варьировалась в зависимости от статуса и должности чиновника; 9) осуществлял некоторые функции по определенной процедуре, которая не закреплялась законодательными нормами, а действовала как обычай; 10) поддерживал личностный характер межличностных отношений с коллегами, просителями, истцами, с управляемым населением.

Приказной занимал в общей иерархии людей, находившихся на государственной службе, более низкое сравнительно с другими категориями сужающих положение и в своей карьере никогда не мог достичь высоких чинов. В понимании людей XVII в. приказные не обладали «родовитостью»; считалось, что участие в приказной службе наносило ущерб («поруху») «дворянской чести», так как дворяне, поступавшие в приказные, нередко теряли свой статус. В конце XVII в. приказные представляли собой замкнутую социальную группу, которая сама себя воспроизводила, социализировала, обучала и имела большой вес в государстве.

В период империи условия службы и сама бюрократия заметно изменились: к концу XVIII в. типичный российский чиновник стал отличаться от идеального чиновника по пяти пунктам: а) не имел специального обра-

зования; б) был специалистом широкого профиля; в) не перешел полностью к формальному характеру межличностных отношений; г) не мог всегда действовать, невзирая на лица; д) брал подношения и подарки от просителей и истцов за свои услуги.

В XIX–начале XX в. позитивные изменения в среде бюрократии продолжались. Уровень образования и профессионализма повышался, личностный характер отношений изживался, что проявлялось во взаимоотношениях государя с сановниками. Фаворитизм XVIII в. как система уступил в XIX в. место преимущественно формальным, официальным отношениям. Николай II вообще в близкие отношения с сановниками не вступал, а был со всеми формально любезен и вежлив. Однако большинство российских чиновников так и не смогли вполне овладеть искусством действовать, невзирая на лица. Начальники, как это ни кажется парадоксальным, испытывали трудности при необходимости уволить как политически лояльных, но недобросовестных чиновников из-за отсутствия надлежащей правовой базы, так и старых чиновников — из-за маленькой пенсии. Патронажные связи между чиновниками существенно ослабли, однако не были полностью изжиты, что препятствовало торжеству принципа — действовать, невзирая на лица.

Взятка сохранилась в форме «почести» и «приношения»; не брали взятки только те, кому они не были нужны. Правительство смотрело на взяточничество сквозь пальцы, чтобы иметь в руках жесткую и своеобразную систему контроля за работой бюрократического аппарата: давая чиновникам содержание, не достаточное для существования, оно вынуждало к взяточничеству, что делало их заложниками в руках начальства, которое могло в любой момент почти любого из них привлечь к уголовной ответственности. Во многих учреждениях существовала круговая порука между чиновниками: они имели общую кассу, куда складывали все взятки, а потом делили между всеми согласно чину и должности. Сама обыденность взятки превращала ее из способа нарушить закон в способ дать ход законному делу, а дача взятки служила некоторой гарантией того, что дело не затеряется. Львиная часть подношений имела целью ускорить решение дела по возможности с благоприятным исходом, и сравнительно редко подарки приводили к нарушению закона. Напрашивается парадоксальный вывод — взятка выполняла полезные социальные функции: служила маркером политической лояльности чиновника, двигателем прогресса, когда поддерживала экономические нововведения, помогала бедным чиновникам справиться с материальными трудностями и заставляла их хорошо работать, чтобы угодить начальству и обществу?!

В пореформенное время, с приходом гласности и утверждением закономерного управления, положение со взятками изменилось, но взяточничество не исчезло. Вероятность подкупа увеличивалась в геометрической прогрессии к понижению положения чиновника на иерархической лестнице: чем ниже был статус чиновника, чем в меньшей степени он находился под служебным и общественным контролем, чем ближе он находился к народу, тем больше была вероятность того, что ему будут давать, а он будет брать взятки. В среде крестьянства даже в начале XX в. взятки

означали в первую очередь приношения, дары, гостинцы, плату или подарок должностному лицу; обыденное сознание не считало взятку преступлением, более того, в некоторых случаях рассматривало ее в качестве полезного средства достижения целей, из чего проистекали распространность мздоимства и малоуспешность борьбы с ним.

Положительные изменения затронули всех, но в значительно большей степени тех, кто принадлежал к высшей бюрократии: министров, товарищей министров, директоров департаментов, сенаторов, губернаторов, вице-губернаторов, послов и посланников, которых в 1853 г. насчитывалось 372, а в январе 1917 г. — 761. С 1853 по 1917 г. доля военных среди них снизилась более чем в 2 раза — с 35,5 до 16,4 %, доля лиц с высшим образованием повысилась с 1825 по 1917 г. с 4 до 83 % — в 20 раз. Характерно, что доля лиц, имеющих недвижимое имущество, за 1853–1917 гг. упала более чем в 2 раза — с 80,9 до 38,4 %. Это означало, что к 1917 г. служба, по крайней мере для 61–6 % от общего числа высших чинов, стала главным источником жизненных средств, что являлось хорошим стимулом для повышения профессионального уровня. Коллективный портрет губернаторов, написанный Р. Роббинсом и Л.М. Лысенко, также разрушает привычный образ невежественного, коррумпированного царского сатрапа, готового на любое преступление по царскому приказу, хотя встречались и такие, и свидетельствует о большом прогрессе сравнительно с дореформенным временем. Наконец, коллективный портрет 1112 представителей высшей столичной и провинциальной бюрократии на 23 февраля 1917 г., воссозданный С.В. Куликовым, показывает, что процесс социальной эволюции высшей бюрократии завершился ее перерождением в «служилую» интеллигенцию и переориентацией ее лояльности с особы монарха на народное представительство — Государственную думу.

Показателем качества работы бюрократического аппарата может служить число случаев нарушения закона и инструкций со стороны чиновников. Естественно, истинное число должностных нарушений не может быть известно, но представление об этом дают данные о количестве чиновников, а также лиц, находившихся на общественной службе по выборам и имевших статус лиц, находившихся на государственной службе, которые привлекались к уголовной ответственности за должностные преступления разными судебными учреждениями. В 1834–1840 гг. к уголовной ответственности в среднем в год привлекалось по всей России более 6 тыс. лиц, находившихся на государственной и общественной службе, или около 4 % от их общего числа, в 1840-е гг. — 4,8 тыс., или 3,4 %, в 1850-е гг. — около 5 тыс., или 2,2 %, в 1899–1903 гг. — 6,1 тыс., или 2 %. Таким образом, число лиц, привлекавшихся к ответственности за должностные преступления, было достаточно велико, но относительно числа лиц, находившихся на государственной и общественной службе, оно постепенно снижалось. Это дает основание полагать, что нарушение закона со стороны бюрократии имело тенденцию снижаться.

Вторым показателем качества работы бюрократии служат жалобы на чиновников. На первый взгляд наблюдался парадокс: число жалоб после

Великих реформ увеличилось. Однако состав жалоб указывал не на рост бюрократического произвола, а на то, что общество стало давать отпор притязаниям чиновников, отстаивать обретенные личные права. На первом месте находились жалобы на неуместное вмешательство чиновников в сферы, не входящие в их компетенцию. Жаловались не только обыватели, но и сами чиновники на коллег из других ведомств или даже из своего ведомства, когда сановники пытались распространить свою власть на предмет, выходящий из законного круга их деятельности. Согласно новым «Судебным уставам», подобные действия подводились под понятие «превышение власти». Второе место занимали жалобы на формализм и волокиту, третье — на грубое обращение и нечестные поборы. Когда одни чиновники жаловались на других, то чаще всего в качестве повода фигурировали протекция и использование служебного положения. Жалобы на нарушение законов или обход закона встречались редко.

Итак, благодаря совершенствованию системы государственных учреждений, улучшениям в организации их работы, повышению требований к служебной годности чиновников возрастала эффективность государственного управления, и российские чиновники постепенно приближались к типу идеального чиновника. Если судить по эволюции российской бюрократии, движение общества к правовому государству представляется несомненным.

Х.7. От народной монархии к правовому государству

В XVII–начале XX в. российская государственность находилась в состоянии непрерывного развития. В XVII в. существовала *народная монархия, или патриархальная монархия*, в первой четверти XVIII в. — *абсолютизм*; во второй половине XVIII в. сложилась *сословная патерналистская монархия*, которая во второй четверти XIX в. переросла в *бюрократическую правомерную монархию*, а в 1906–феврале 1917 г. — в *дуалистическую правовую монархию*; в марте 1917 г. образовалась *демократическая республика*. К началу Великих реформ 1860-х гг. русская государственность стала *де-юре правомерной*, так как, во-первых, Основные законы 1832 г. (ст. 47) официально провозгласили, что «империя управляется на твердых основаниях законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих», во-вторых, государственные учреждения в целом функционировали в рамках закона. В последнее десятилетие существования империи государственность являлась *де-юре правовой*. Таким образом, за 200 с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, осуществлявшей *традиционно-харизматическое господство*, до правового государства, осуществлявшего в основном *легальное господство*. В главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами — верховенством закона, административной юстицией и разделением властей — и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей по законам административного права, согласно формальным и рациональным правилам, что в политической социологии считается признаком легального господства.

Однако переход от правового государства де-юре к правовому государ-

ству де-факто, требующий длительного времени, не успел завершиться к 1917 г. Этим объясняется сохранение коррупции, несоблюдение или изъятия из закона и другие отклонения от правового порядка управления. Определение русского государства от середины XIX в. до начала XX в. правомерным де-юре, а после введения конституции — правовым де-юре может показаться натянутым и неадекватным для тех, кто подходит к русскому государству того времени с мерками современного правового государства и забывает о том, что идеальный тип всегда в большей или меньшей степени далек от реальности и что *переход от правомерного или правого государства де-юре к правомерному или правовому государству де-факто требует длительного времени* и совершается в две стадии. На первой официально провозглашается и в Основных законах утверждается правомерный или правовой характер государственности и лишь на второй стадии в течение длительного переходного периода складывается правомерная или правовая государственность.

Каждая стадия в развитии российской государственности была необходима и полезна для общества в свое время и соответствовала политическим представлениям своей эпохи. Однако любой государственный режим обычно действует по инерции и при поддержке заинтересованных общественных сил дольше, чем этого требует целесообразности, а с течением времени становится вредным для общественного развития и тягостным для народа. Начинается критика и борьба за новую государственность, в пылу которой забываются те благодеяния, которые некогда принесла устаревшая форма государственности. Так было с народной монархией, которая осуждалась в начале XVIII в., так было с регулярным государством, которое осуждается до сих пор, так было с правомерной монархией, которая либерально мыслящей интеллигенции в пореформенное время казалась издевательством над людьми, так случилось с конституционной монархией, которая была разрушена революцией 1917 г.

Развитие правового государства в России происходило по четырем направлениям: 1) подчинение верховной власти закону в силу самоограничения, при сохранении всей полноты власти в руках монарха; 2) ограничение власти бюрократических учреждений административным правом и административной юстицией, а также взаимной конкуренцией за влияние; 3) разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную; 4) предоставление верховной властью различным социальным группам сначала сословных прав, учреждений — прав сословного и общественного самоуправления, а затем всему населению — гражданских прав. По первому, второму и третьему путям монархия двигалась главным образом в силу своих внутренних потребностей, а по четвертому — под давлением общества.

Главным фактором эволюции российской государственности были объективные требования жизни. Во-первых, законность постепенно проникала в систему государственного управления, так как была совершенно необходимой для правильного функционирования государственного аппарата: с расширением задач государственного управления личный контроль со стороны государя становился невозможным. Во-вторых, госу-

дарственная власть могла окрепнуть и утвердиться при условии ее подчинения закону: только в этом случае в гражданах могло развиваться чувство законности (если власть соблюдает закон, то же самое делают граждане, и наоборот).

Приоритетной политической функцией государства к 1914 г. осталось извлечение средств; распределение благ переместилось на второе место, регулирование поведения граждан — на третье, «символическая политика» осталось на четвертом. Цели политического процесса диверсифицировались — кроме поддержания социального порядка, стабильности и общественной безопасности, много внимания власти стали уделять экономическому благосостоянию, личной безопасности, политическим благам и ценностям: справедливости, свободе, активному участию в политическом процессе.

Интересно отметить, что изменения русской государственности в течение XVII—начале XX в. четко отразились в русском языке. Термин «государь» в XVI—XVII вв. означал: а) владельца, собственника кого-либо или чего-либо, хозяина, землевладельца; б) верховного владетеля. Термин «государство» означал: а) правление, царствование; б) власть государя. В XIX в. термин «государь» стал означать монарха, короля и т. д., «государство» — страну, население которой состоит под одним правлением. Научное значение понятия «государство» в XVIII в. — «общество, основанное на признании единого для всех закона и верховной власти», в конце XIX в.: «общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства». История дефиниции свидетельствует о происхождении государства в современном смысле этого термина из вотчины, а государственной власти — из вотчинной власти.

Таким образом, российская государственность в период империи, несмотря на зигзаги и периоды стагнации, неуклонно развивалась в направлении правового государства. Используя западный опыт, она прошла путь от народной до конституционной монархии за сравнительно короткий срок — двести с небольшим лет.

Основные тезисы

1. Российское государство XVI—XVII вв. можно назвать *народной*, или *патриархальной, монархией*, внешне ограниченной аристократией, представительным учреждением и церковью как институтом, а внутренне — обычаем, традицией, законом, православной догматикой.

2. К 1917 г. в главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами — верховенство закона, административная юстиция и разделение властей — и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей в рамках административного права.

3. За 200 с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, которая осуществляла *традиционно-харизматическое* господство, до правового государства, которое реализовывало в основном *легальное* господство.

4. В период империи властные структуры осуществляли смешанное господство, потому что с точки зрения самих этих структур, социальной элиты и официальной науки преобладал один вид господства, а с точки зрения крестьянства и городских низов — другой вид господства.

6. Развитие правового государства происходило несколькими путями: а) подчинение верховной власти закону; б) ограничение власти коронных учреждений и чиновников взаимной конкуренцией за влияние, административным правом и административной юстицией; в) разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную; г) предоставление населению сначала сословных прав, учреждениям — прав сословного и общественного самоуправления, а затем всем — гражданских прав.

7. Эволюция русской бюрократии от малограмотной, крепостной, некомпетентной, предназначенной только для выполнения приказаний начальства, к бюрократии профессиональной, образованной, вольнонаемной, действующей в пределах полномочий, определенных законом и ведомственными инструкциями, ради государственных интересов, имела огромное значение для развития русской государственности.

8. Соотношение важнейших политических функций государства (влечение ресурсов, распределение благ, регулирование поведения и «символическая политика») постоянно изменялось. По мере развития правового государства существенно упало значение символических процедур.

9. Цели государства диверсифицировались: кроме поддержания социального порядка, стабильности и общественной безопасности много внимания власти со временем стали уделять экономическому благосостоянию, личной безопасности, политическим благам и ценностям — справедливости, свободе, активному участию в политическом процессе.

Вопросы для размышления и повторения

1. Когда и почему возник тезис о неправовом характере российской государственности?
2. Что такое легитимность государственной власти?
3. Всегда ли власть в России была легитимна, а если не всегда, то почему?
4. Как изменялись основания легитимности в XVII–XX вв.?
5. Какие существуют виды господства?
6. Какие виды господства осуществляло Российское государство в XVII–XX вв.?
7. Какая разница между правомерным и правовым государством?
8. В чем различие между народной и абсолютной монархией, между народной и сословной монархией?
9. Что такое патернализм?
10. Что такое патрон-клиентелистские отношения?
11. Как эволюционировала российская государственность в XVII–XX вв.?
12. Была ли в России в 1906–1917 гг. настоящая конституция и настоящий парламент?
13. Чем объяснялось прогрессивное развитие российской государственности? Кто и почему был в этом заинтересован? Какими путями развивалась государственность?
14. Был ли монарх заинтересован в ограничении своей власти?

15. Чьи интересы защищало государство?
16. Как развивалась российская бюрократия?
17. Как сильно российский чиновник отличался от идеального чиновника?
18. Кто правил в России — законы или люди?
19. Можно ли считать политическое развитие советской России регрессом сравнительно с дореволюционным временем? Была ли преемственность между дореволюционной и советской государственностью?
20. Что такое политическая революция? Когда она завершилась на Западе и завершилась ли она в России?
21. Как изменялись массовые представления людей о государстве и власти?
22. Чем отличались официальные от народных политических воззрений и почему?
23. Всегда ли народ заслуживает такую государственность, какую он имеет?

Глава XI Становление гражданского общества

Ключевые понятия: *агрегация и артикуляция групповых интересов, гражданское общество, группа интересов и групповые интересы, коммуникация, консенсусная/конфликтная политическая культура, конфликт культурный, культура, массовое сознание, общественное мнение, общественность, политическая культура, политическая социализация, политическое рекрутирование, субъект и объект государственного управления.*

«Как темперамент не зависит от сознания, так и образ правления не зависит от общественного мнения», — утверждал В.О. Ключевский. Применительно к России эта мысль принимается за аксиому, не требующую доказательств. Мы срослись с нею и поверили в нее настолько, что даже сомнения в ее правильности не приходят в голову. Но так ли это верно, как мы привыкли думать? Действительно ли в России государство — всегда господин, а общество — его холоп, а «господин, что плотник: что захочет, то и вырубит»?

Приведем несколько определений многозначных понятий, которыми в дальнейшем будем пользоваться. *Общественностью* будем называть те социальные группы населения, те общественные и сословные организации и институты, которые оказывали влияние на официальную власть, мнение которых она учитывала при проведении политики. Регулярная армия и бюрократия, с которыми верховная власть также считалась, не входили в ее состав, поскольку являлись частью государственной машины, хотя они могли и часто выражали общественное мнение. *Образованное общество* — часть общества (писатели, журналисты, люди интеллигентного труда, общественные деятели), которая интересовалась общественной жизнью, имела свое мнение и тем или иным способом его выражала. Хотя нередко случалось, что либерально мыслящие чиновники охотно принимались образованным обществом в свою среду, государственная служба проводила некоторую границу между обществом и государством, особенно до середины XIX в. *Интеллигенция* — та часть образованного общества, которая находилась в той или иной степени в оппозиции к режиму.

Гражданское общество — общество, основанное на политических свободах и праве, с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним. Гражданское общество имеет три важнейших признака: 1) *плюрализм* — сосуществование различных идеологий, многочисленных и разнообразных общественных организаций, выражающих различные групповые интересы; 2) *консенсус* базовых ценностей между идеологиями и организациями, несмотря на конкуренцию и конфликт интересов; 3) *наличие механизма для мирного разрешения социальных конфликтов*, обеспечивающего передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам и контроль за их исполнением, благодаря чему общественные про-

тиворечия и конфликты между обществом и государством разрешаются не силовым путем, а посредством обсуждения. Если гражданское общество в основных чертах сформировано, ни личность, ни общество не противостоят государству, так как государство является частью общества и находится под его контролем. Когда же гражданское общество зарождается и формируется, то общество в лице его наиболее образованной и социально развитой части находится в оппозиции к государству, предлагает реформы и толкает его к ним. В силу этого *элементы гражданского общества* — те социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, которые образовывали обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную официальной власти, но одновременно и легитимную, т. е. признаваемую государством и всем обществом, и которые оказывали влияние на официальную власть разными способами, но главным образом посредством общественного мнения. Под *общественным мнением* будем иметь в виду артикулированное и агрегированное отношение общества к актуальным проблемам жизни своего народа и государства. Понятие возникло в Англии в конце XVII в., в XVIII в. оно стало общепринятым в странах Запада. В России общественное мнение зародилось в последней трети XVIII в., но сам термин начал употребляться позже, например в 1830–1840-х гг. в донесениях тайной полиции, в 1850-е гг. в прессе. Гражданское общество является общественным идеалом, который, как всякий идеал, никогда не может быть достигнут, к нему лишь в большей или меньшей степени можно приблизиться.

XI.1. Опоры государства: бюрократия и армия

В период империи система государственных учреждений постоянно совершенствовалась. Принципиальные реформы проводились каждые сто лет — в начале XVIII, XIX и XX вв. Во время царствования Петра I деятельность учреждений была поставлена в рамки закона, а сами они были специализированы по функциям. При Александре I вследствие создания Государственного совета — государственного органа, который специально занимался вопросами государственного права, в России был реализован принцип разделения властей, так как с этого времени в стране действовала достаточно стройная система государственных учреждений, обособленных по функциям: Государственному совету принадлежала законодательная, точнее, законосовещательная власть, министерствам — исполнительная, точнее — контролирующая, судам — судебная; верховная власть объединяла и координировала все ветви власти. Наконец, благодаря судебной реформе 1864 г. и учреждению парламента в 1906 г. законодательная, исполнительная и судебная власти были окончательно разделены, а деятельность государственных учреждений ставилась в рамки законов, творимых представительным учреждением.

Одновременно с реорганизацией государственного аппарата происходило изменение численности чиновников — совокупности профессионалов, находившихся на государственной службе и занятых непосредственно государственным управлением (табл. XI.1).

**Численность и социальный состав чиновничества России без Польши
и Финляндии в XVII – начале XX в.**

Показатель	1690-е	1755	1796	1857	1880	1897	1913
Всего чиновников, тыс.	4,66	12,0	21,3	119,3	129,0	144,5	252,9
Население, млн	12,0	21,1	37,4	59,3	92,1	116,2	155,4
Число чиновников на 1 тыс. человек населения	0,39	0,57	0,57	2,01	1,40	1,24	1,63

Общая численность чиновников в России с конца XVII в. до 1913 г. увеличилась с 4,7 тыс. до 252,9 тыс., или почти в 54 раза. Рост получается скромнее при учете изменения численности населения страны. В первой половине XVIII в. бюрократия росла быстрее, чем население, в 1,5 раза, в первой половине XIX в. — в 3,5 раза, и только в царствование Екатерины II число чиновников увеличилось пропорционально росту населения. Во второй половине XIX в., наоборот, население в 1,1–1,4 раза увеличивалось быстрее, чем бюрократия. В начале XX в. число чиновников снова росло в 1,3 быстрее, чем численность населения.

Таким образом, *относительная* численность чиновников увеличивалась в первой половине XVIII в., в первой половине XIX в. и в начале XX в. и уменьшалась во второй половине XVIII в. и второй половине XIX в. Очевидно, что возрастание числа чиновников относительно населения служило признаком усиления государственного аппарата и его роли в управлении, а сокращение бюрократии — признаком ослабления участия в управлении страной. В XVIII–первой половине XIX в. вследствие общей бюрократизации системы управления, усиления крепостного режима и роста напряженности в отношениях между помещиками и крестьянами верховная власть нуждалась в сильном аппарате принуждения и контроля, что, помимо европеизации, служило дополнительным стимулом к усилению государственного аппарата. В результате отмены крепостного права и развития системы самоуправления в городе и деревне потребность государства в контроле над населением ослабла. Соответственно сфера сугубо бюрократических методов управления в губерниях и уездах сузилась, а сфера общественного самоуправления увеличилась. Параллельно снижению относительной численности коронной бюрократии увеличивалась численность работников выборной администрации в органах общественного самоуправления. Земская реформа 1864 г. ввела орган общественного самоуправления, не имевший аналогов в дореформенное время. К 1880 г. в земствах 34 губерний и городских думах 50 губерний Европейской России было занято около 140 тыс. человек, т. е. на 11 тыс. больше, чем в коронной администрации всей империи. Кроме того, в самоуправлении крестьян на волостном и общинном уровнях было занято около 180 тыс. Отсюда следует, что в начале 1880-х гг. управление повседневной жизнью являлось в большей степени прерогативой самого общества, чем государства.

Более заметное увеличение численности чиновников в 1880–1897 гг.

находилось в связи с попытками самодержавия укрепить роль государства в системе управления. Контрреформы, борьба с общественностью и революционным движением, расширение казенного хозяйства требовали усиления бюрократического аппарата и особенно полиции, численность которой обгоняла даже численность чиновников. Эти попытки были тщетны, потому что численность служащих во всех органах общественного управления возрастала еще быстрее. В 1912 г. на общественной земской службе находилось около 85 тыс., на городской — 110 тыс. человек, в мирском самоуправлении крестьян — до 300 тыс., в коронном управлении — менее 253 тыс.

Таким образом, только до реформ 1860-х гг. сфера деятельности бюрократии расширялась и соответственно роль государства в управлении обществом систематически увеличивалась. После завершения реформ, наоборот, сфера деятельности общественности и ее роль в управлении обществом стала непрерывно расти. Традиционное представление о всевластии российской бюрократии и вообще о сверхуправлении или переуправлении страной не соответствует реальности. Сравнение данных о численности чиновников в России и западноевропейских странах это подтверждает. На тысячу человек населения в середине XIX в. в России приходилось 2 чиновника, в Британии — 4,1, во Франции — 4,8, в 1910 г. на тысячу человек населения на государственной и общественной службе было занято чиновников: в России — 6,2, в Англии — 7,3, во Франции 17,6, в Германии — 12,6, в США — 11,3. Россия уступала западноевропейским странам по числу как чиновников, так и общественных служащих.

В течение имперского периода происходили важные изменения в составе, образовании, квалификации и других характеристиках чиновников, что постепенно трансформировало физиономию русской бюрократии. Во-первых, иерархическая организация чиновничества, строгая регламентация и полная зависимость от государства превратили бюрократию в могущественное и в то же время послушное орудие верховной власти, предназначенное для достижения целей последней. Во-вторых, коронное управление все более ставилось в рамки закона и четкой инструкции, подчинялось бюрократической дисциплине. В-третьих, в царствование Екатерины II бюрократия попала под воздействие общественного мнения, которое выражалось различными способами, в том числе и через прессу. В результате Великих реформ деятельность коронной администрации находилась также под контролем со стороны местного общества и органов общественного самоуправления; с 1906 г. — под контролем Государственной думы.

Армия являлась второй важнейшей опорой государства. До XVIII в. главная ее сила заключалась в дворянском ополчении. Петр I создал *регулярную, замкнутую, профессиональную* армию. В XVIII—начале XX в. абсолютная и относительная численность военнослужащих изменялась примерно так же, как численность чиновников: в абсолютном выражении росла и относительно населения до середины XIX в. имела тенденцию к росту, а затем к снижению (табл. XI.2).

Численность регулярной армии в 1680–1913 гг.

	1680	1725	1764	1801	1850	1897	1913
Численность армии, тыс.	164	210	226	379	1118	1133	1320
Численность населения, млн.	10.2	16.0	23.7	38.8	57.1	125.7	159.0
Число военных, %	1.61	1.31	0.95	0.98	1.96	0.90	0.83

Солдатами в армии были крестьяне и мещане, офицерами — дворяне. Регулярная, профессиональная армия являлась послушным орудием в руках государства и делала его самостоятельным и независимым от всех социальных групп населения. В 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, служба стала краткосрочной, офицерство пополнилось разночинцами, что имело далеко идущие последствия: *армия намного теснее, чем прежде, стала связана с обществом и меньше с императором, вследствие этого она освободилась от его безусловной власти* и могла успешно выполнять только задачи, которые были понятны офицерам и солдатам. Итак, с точки зрения комплектования и численности значение армии как силы, поддерживавшей верховную власть, в крепостную эпоху повышалось, а в пореформенное время — снижалось.

XI.2. Общественность и государство

С какими группами населения, кроме бюрократии и армии, верховная власть считалась при проведении политики; другими словами, кто входил в состав общественности? В Московской Руси это были те, кто имел право участвовать в земских соборах: боярство, духовенство, дворянство, посадские люди; в 1678 г. их насчитывалось 770 тыс., что составляло около 8 % всего населения. В XVIII–первой половине XIX в. общественность включала дворян, интеллигенцию, гильдейское купечество и духовенство. В 1719 г. их численность достигала 630 тыс., в 1858 г. — 1480 тыс. человек, что составляло от всего населения страны соответственно около 4,0 и 2,5 %; с учетом армии и бюрократии — соответственно 5,0 и 3,5 %. В 1870–1913 гг. к общественности относили также цензовых граждан — тех, кто получил право участвовать в выборах в земства и городские думы, а с 1906 г. — в выборах в Государственную думу. В 1870 г. доля цензовых граждан в населении страны составляла около 2 %, в 1892 г., вследствие изменения избирательных законов, — около 1,5 %, в 1907–1910 гг. — 3,3 %. Поскольку избирательные права получили только мужчины в возрасте 25 лет и старше, то предполагаем, что доля общественности в населении страны в 1870–1892 гг. составит около 10 %, в 1893–1905 гг. — 7 % и в 1906–1913 гг. — 16 %.

При всей приблизительности приведенных данных они показывают, что относительная численность общественности с наступлением имперского периода уменьшилась сравнительно с московским периодом почти в 2 раза и затем продолжала снижаться, достигнув минимального уровня в 2,5 % в канун эмансипации. После нее относительная численность обществен-

ности увеличилась до 10 % в 1880-е гг. и в последующем, за исключением короткого периода 1892–1905 гг., возрастала, достигнув максимума в 16 % после учреждения Государственной думы. Социальный состав лиц, входивших в общественность, был достаточно стабилен — дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения. Общественность всегда была малочисленной сравнительно со всем населением страны, так как большая доля населения страны приходилась на крестьян, которые в состав общественности до Великих реформ не входили, а по завершении реформирования — в ограниченном количестве.

Каждая крупная социальная группа, входившая в состав общества, имела собственное мнение о важнейших событиях в государстве, об актуальных проблемах действительности, и это мнение оказывало влияние на государственную политику, что помогало верховной власти находить компромиссную линию. Представление об отрыве политики верховной власти от интересов общества и общества от политики в имперский период, широко распространенное в исторической литературе, нуждается в корректировке. Непредвзятый анализ взаимоотношений между обществом и государством в период империи, если отвлечься от придворной суеты и интриг, второстепенных дел и назначений и принимать во внимание принципиальные политические решения, позволяет сделать другой вывод: *верховная власть сравнительно редко отклонялась от того, что желало большинство из числа дворянства, верхов буржуазии и образованных слоев, которые в глазах власти олицетворяли общество и общественное мнение.* Екатерина II на вопрос, почему ее воля исполняется, ответила: «Это не так легко. Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению; ты сам знаешь, с какою осмотрительностью, с какою осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, *уведываю мысли просвещенной части народа* и по тому заключаю, какое действие указ мой произвестъ должен. *И когда уж наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление* и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляя о следствиях». Тактические ошибки были нередки, но если верховная власть не учитывала желания большинства и это не оказывалось в конце концов благом для общества (как было в случае с Петром I), то она была вынуждена отказываться от своих планов и в конце концов идти на уступки (Екатерина II, Александр I, Александр II, Николай II). Если же она этого не делала, то государи или фактические правители теряли власть, престол и часто жизнь (Э.И. Бирон, А.Д. Меншиков, Петр III, Павел I). Нельзя отрицать, что верховная власть, как правило, была настолько благоразумной, что, осознав неизбежность уступок общественности, она их делала. В 1917 г. и Николай II нашел в себе силы отречься, практически без сопротивления, от власти вообще.

Российское самодержавие долгое время являлось лидером модерни-

защи, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране. Существенные, может быть, наибольшие успехи за всю историю России были достигнуты в два последних царствования, при активном участии верховной власти и ее правительства. Прогрессивное значение самодержавия осознавали некоторые либеральные историки и общественные деятели. Б.Н. Чичерин считал, что «правительство гораздо выше общества и его стремлений». С.М. Соловьев при всех своих симпатиях к конституционной монархии в реальной политической жизни пореформенной России отдавал предпочтение неограниченной монархии за ее «самодержавную инициативу», и чем тверже она действовала, тем на большие результаты можно было рассчитывать. К.Н. Кавелин, имея в виду дореформенное время, утверждал, что «общество в массе чрезвычайно невежественно», поэтому правительству приходилось «думать и действовать за него». Кадет В.А. Маклаков утверждал: «Со времени Петра власть была много выше общества и народа и вела их к их же благу насильем». Сложная система придворных ритуалов, церемоний, празднеств, приемов и символов, окружавших императора, утверждала в массовом сознании образ монарха как просвещенного лидера.

Не только в социально-экономической, но и в политической сфере верховная власть и ее администрация сделали немало позитивного, если учесть, что *политические требования общественности бесспорно обгоняли готовность народа к демократическим преобразованиям*, что даже Великие реформы (за исключением аграрной и военной) и столыпинская реформа оказались не понятыми в полной мере крестьянством. Торможение реформаторского процесса, наступавшее в 1825–1855 гг. или в 1880–1890-е гг., было вызвано *объективной* опасностью потерять контроль со стороны верховной власти над ситуацией в стране. Это особенно наглядно проявилось в так называемых контрреформах 1880–1890-х гг. Кроме желания усилить роль государства, в них имелся и второй аспект — более органичное и рациональное по своей сути приспособление новых учреждений и институтов, созданных реформами, к традиционным институтам, к потребностям всего общества, а не только его малочисленной образованной части. Городская и земская контрреформы были вызваны желанием верховной власти смягчить противоречия, существовавшие, во-первых, между коронной администрацией и общественным самоуправлением, во-вторых, между различными группировками внутри самих органов самоуправления, в-третьих, между органами общественного самоуправления и населением. Эти противоречия мешали правильному функционированию всех органов власти. Судебная контрреформа стремилась сузить деятельность суда присяжных из-за того, что в составе присяжных оказалось много крестьян и представителей национальных меньшинства, которые не могли надлежащим образом выполнять свои обязанности вследствие малограмотности, сильной зависимости от мнения аудитории, адвокатов и приверженности нормам обычного права, имевшего противоречия с правом официальным.

Если бы схема реформы–контрреформы, которую правильнее назвать концепцией маятника, была состоятельна, то Россия «бежала» бы на мес-

те. Между тем российское общество непрерывно развивалось. В консервативные царствования, следовавшие после радикальных реформ, произошедшие изменения как бы переваривались, усваивались, происходила скрытая подготовка к следующему циклу социальных изменений. Это была необходимая пауза перед новым движением. Кроме того, консервативный курс правительства дважды был обусловлен насилием — покушением на верховную власть со стороны декабристов и народолюбцев, а насилие революций 1905 и 1917 гг. порождало реакцию и новое насилие со стороны власти. Таким образом, смена либерального курса консервативным имела свои серьезные основания.

Требует переосмысления и негативная оценка сохранения сильной исполнительной власти в руках императора по Основным законам 1906 г. Это было *объективно целесообразным*: обеспечивалась в политическом и психологическом смыслах плавность перехода к полному конституционализму и правительству, ответственному перед парламентом, а следовательно, перед народом, который был не готов к парламентской демократии: либеральные идеи для России являлись в том момент утопическими. Новый избирательный закон, так называемый третьеиюньский переворот 1907 г., изменивший представительство от отдельных групп населения, также содержал позитивный элемент: создавалась возможность *для эффективной работы Думы в рамках действующих законов*.

Отношения верховной власти и общественности до конца XVIII в. складывались более или менее благополучно, но с возникновением интеллигенции они стали портиться, причем процесс ухудшения не был линейным: отношения знали приливы и отливы взаимного понимания и непонимания. Особой сложностью эти взаимоотношения отличались в пореформенное время. При Александре II, когда верховная власть взяла на себя инициативу реформ и, проломив сопротивление господствующего класса, провела их, отношения были в целом конструктивными. В 1880 — первой половине 1890-х гг. наступило охлаждение: общественность была недовольна остановкой реформ, но ее негативизм сдерживался пониманием, что в неподготовленной, некультурной стране демократия была бы самообманом. Разрыв общества с верховной властью произошел в 1895 г., после того как новый император на приеме в Зимнем дворце назвал надежды на участие представителей земств в делах государственного управления «бессмысленными мечтаниями». С этого времени преобладающим настроением среди общественности, даже среди умеренной ее части стало *стремление уничтожить самодержавие любыми средствами*. Взаимная вражда между обществом и государством мешала творческой работе, так как совершенствовать устройство огромнейшего государства при враждебном отношении значительной части образованных слоев являлось задачей исключительной трудности.

В чем причины противостояния общественности и государства? Ответить на этот вопрос можно так. Благодаря развитию общественного самоуправления к 1880-м гг. роль коронной администрации в государственном управлении серьезно уменьшилась; одновременно усиливался контроль над ее деятельностью со стороны общественности. Изменение

соотношения сил в пользу общественности вызвало опасение в правительственных кругах потерять свое доминирующее положение в управлении государством и желание общественности, чтобы император и правительство поделились с нею властью пропорционально фактическому соотношению сил. На фоне взаимных подозрений развернулась идеологическая и психологическая война, увеличивалось взаимное недоверие, росло число конфликтов. Общественная жизнь во всех ее проявлениях была настолько политизирована, что многие своевременные и полезные инициативы, например созыв профессиональных съездов, создание легальных профсоюзов или каких-либо всероссийских организаций, сдерживались коронной администрацией из-за совершенно реальных опасений, что на съездах будут ставиться политические вопросы, неудобные для правительства, и проводиться политическая агитация, а организации станут местом сплочения неблагонадежных элементов и крышей для нелегальной антиправительственной деятельности. Например, разрешенные властями в 1885 г. съезды членов Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова постоянно сопровождались антиправительственными политическими дискуссиями; земства и городские думы стали центрами оппозиции; «Собрание фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», созданное с разрешения властей в 1904 г., за несколько месяцев превратилось в политическую организацию, которая выдвинула политические требования, направленные на изменение существовавшего строя, и т. п.

В русском обществе уже со времени подготовки Великих реформ обнаружилось *завышенные ожидания и требования*. Многие думали, что с отменой крепостного права, которое общественность считала главным злом и тормозом прогресса, положение во всех сферах жизни сразу изменится к лучшему. Между тем проведение реформ требовало времени и больших усилий, результаты не могли появиться немедленно, улучшение в деревне задерживалось и обнаружилось только в 1880-е гг. Естественно, что уровень политических ожиданий общественности и социально-экономических ожиданий крестьянства и рабочих постепенно нарастал, но, не находя удовлетворения, порождал состояние фрустрации. Желание достичь всего и в короткий срок стало навязчивой идеей. «Постепенность, медленность и упорное развитие в известном направлении всегда, от давнишних до последних времен, были не в натуре русского человека», — констатировал известный политический деятель начала XX в. С.И. Шидловский.

Непримиримость общественности в отношении государства отчасти объяснялась индивидуалистической этикой образованных людей: всякая власть — гнет и насилие, а права человека имеют абсолютный приоритет. Верховная власть придерживалась другой концепции: абсолютный приоритет имеют общее благо и общественный порядок, ради которого следует пожертвовать и правами человека, и самой личностью. Крестьянство разделяло государственную точку зрения и требовало от верховной власти не политических прав, демократии, представительного учреждения, а конфискации помещичьих земель, т. е. нарушения прав немногих землевладельцев во имя миллионов крестьян, эффективного и честного управления безотносительно к тому, кто и как будет его осуществлять.

Достижению согласия между общественностью и государством мешала и вера в существование абсолютной истины, которой обладал только один из участников конфликта; и каждая сторона думала, что это именно она. Согласие же предполагало компромисс, принятие в качестве руководящей идеи плюрализм: каждый участник может быть по-своему прав, и на этом основании его интересы должны приниматься во внимание, не поступаясь при этом ни принципами, ни истиной. На вере в абсолютные истины и сверхидеи сформировалась специфическая поведенческая парадигма: лучшим средством решить проблему отношений между двумя противоборствующими сторонами является устранение из игры одной из них согласно известному правилу: есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы.

XI.3. Государство и народ

A. Отношение народа к власти

В XVIII – начале XX в. народ забыл традиции активного участия в государственной жизни через земские соборы, но по традиции верил, что царь — заботливый отец бедного люда; он неотделим от Бога и является проводником в политическую жизнь воли Божьей; поэтому все, что делал государь, шло на пользу народа. Широко бытовало представление о царе как о своем *персональном государе* (т. е. человек понимал царя как своего господина), как о верховном собственнике всей земли, всего государства, как о патриархе всех русских людей, который *все может сделать на Земле*. Эти наивные парадигмы были столь же стойкими, как и крестьянская вера в Бога без твердого знания символа веры и догм. Наивная религиозность и наивный монархизм суть две стороны одной медали — традиционного, патриархального, религиозного сознания крестьянства. Вот почему крестьянское движение в России, направленное против крепостного права, проходило под знаком самозванчества или «под именем царя»; не нашло отклика у народа ни одно общественно-политическое движение интеллигенции, включая декабристов 1820-х гг. и хождение в народ 1870–1880-х гг. Крестьяне считали, что управление уездом, губернией, а тем более государством — это дело царя, его наместников и слуг. Они не претендовали на участие в принятии государственных решений, на политическую власть, да и их понятия о государственном строе России были весьма смутными. Кругозора и знаний крестьян было недостаточно, чтобы понять, как организована и функционирует система власти, какое место в обществе отводится народу.

Однако приверженность к самодержавию не означала позитивного отношения народа к коронной бюрократии. Отношение к ней было дифференцированным и зависело от уровня власти. Местные чиновники казались крестьянам коррумпированными и ненужными. Крестьяне считали, что они существуют для самих себя, не выполняют возложенных на них императором функций и, как правило, действуют против его воли. Чем выше был эшелон власти, тем более позитивным становилось отношение к чиновникам. А центральная администрация, близкая к царю, даже заслуживала доверия. Не поголовно, но в большинстве слу-

чаев крестьянство не включало в «мы» и духовенство и относилось к нему негативно.

Социальные низы города в отношении к монарху и государству мало отличались от крестьянства. Даже среди рабочих, исключая «сознательных рабочих», монархизм, политический индифферентизм и патриархальные представления о власти были широко распространены, особенно до революции 1905–1907 гг. К концу 1907 г. черносотенные организации, насчитывавшие до 400 тыс. человек, главным образом из «простонародья», действовали в 2208 населенных пунктах 66 губерний. Во время выборов в Государственную думу в 1907 г. в 51 губернии Европейской России к правым партиям принадлежало 42 % крестьянских выборщиков. Эта была самое массовое движение в России в тот период. Революции 1905–1907 гг. оказали сильное воздействие на крестьян, но их преобладающее большинство не стало республиканцами.

В 1907–1914 гг. широкие народные массы в значительной степени под влиянием пропаганды начали испытывать разочарование в Николае II, но не в монархии, хотя степень этого разочарования, по-видимому, часто преувеличивается. Участие крестьян и мещан в черносотенных организациях между 1907 и 1917 гг. и подъем монархических и националистических настроений в 1914 г. в связи со вступлением России в первую мировую войну говорят о том, что идея монархизма не исчерпала себя. Но во время войны народ определенно разочаровался в Николае II. То, что император в предвоенные годы не передавал крестьянам помещичьи земли, еще можно было объяснить вредным влиянием чиновников, но то, что Россия во время его царствования терпела поражение во второй войне подряд, не могло быть списано на привходящие факторы. Проигранные русской армией сражения наносили огромный удар по авторитету монарха, миф о его персональной божественной силе и вселили с каждым поражением развешивался, особенно после того как Николай II лично стал во главе армии. Парадигма всемогущества государя пришла в противоречие с действительностью.

Б. Политическая коммуникация в народной среде

В XVII–начале XX в. крестьяне, мещане, ремесленники, мелкие торговцы, рабочие, все другие непривилегированные разряды населения несмотря на низкий уровень грамотности были осведомлены о важнейших событиях, происходивших в государстве, об изменениях в законодательстве, обсуждали их в своем кругу. У народа формировалось собственное мнение по актуальным вопросам, находили отклик все крупные политические события общегосударственного масштаба, причем, наряду с оценкой текущих событий, народ хранил память также и о важнейших исторических событиях. Политическая полиция, исследовавшая вопрос об источниках слухов, пришла к выводу, что общественное мнение среди народа в дореформенное время, а среди крестьянства и в пореформенное, формировалось не посредством печатного слова, как мнение образованных слоев общества, а *в процессе прямого межличностного общения*. Среди сектантов информация распространялась организованно специальными людьми, принадлежавшими к их конфессии; среди крес-

стьян, мещан, работных людей мнения распространялись стихийно через солдат, духовенство, отходников, странников, богомольцев, нищих, а также через людей, чья профессия требовала частых передвижений: скупщиков, офеней, коробейников, косарей, пастухов, бурлаков. Современники называли их «ходячими газетами». Писатель С.В. Максимов писал в 1875 г.: «Вот они *живые ходячие газеты с внутренними известиями*; толковые из них даже с курсами и биржевыми ценами (выделено мною. — Б. М.)». Сведения распространялись среди народа довольно быстро и на огромные расстояния. В 1773 г. быстро и во многих провинциях пошли слухи о том, что крестьяне, принявшие участие в русско-турецкой войне, получают свободу. Слухи вызвали массовое бегство крестьян, что вынудило правительство принять через приходских священников меры по пресечению этих слухов. В 1825 г. на территории 20 губерний в короткое время разнесся слух о получении воли переселившимися на Урал и в Сибирь и спровоцировал массовые побеги крепостных. В 1839 г. в 12 губерниях, охваченных пожарами в связи с засушливым летом, разнесся слух, что поджоги произведены помещиками для разорения своих крестьян, которых император повелел отдать в приданое великой княжне Марии Николаевне. В 1847 г. ложными слухами о даровании свободы всем переселившимся на Кавказскую оборонительную линию было увлечено до 20 тыс. помещичьих крестьян из центральных губерний России. Чиновники-ревизоры в первой половине XIX в. изумлялись скорости, с которой крестьяне узнавали об их прибытии и о маршрутах их следования. С появлением железных дорог устная информация стала циркулировать быстрее, но механизм формирования и распространения мнений остался прежним. В 1877–1879 гг. все российское крестьянство находилось под воздействием слухов о предстоящем понижении повинностей и дополнительной нарезке земли. В 1881 г. им на смену пришел слух о скором переделе всей помещичьей земли между крестьянами и т. д.

Роль информационных центров играли монастыри, куда в церковные праздники стекались тысячи людей из многих губерний, а также ярмарки и базары, которые являлись важными формами торговли. Разносчиками новостей были свыше тысячи офеней (например в 1860 г. — более 11 тыс.), развозивших и скупавших товар по всей России. Ярмарки служили особенно важным местом формирования общественного мнения как среди крестьян, так и среди городских низов. Именно на ярмарках город встречался с деревней, а крестьяне разных губерний — друг с другом: в конце XVIII в. действовало свыше 3 тыс., в 1860-е гг. — более 6 тыс., в 1911 г. — 16 тыс., в которых принимали участие миллионы человек. Около 30 ярмарок имели общероссийское значение, там собирались десятки тысяч человек со всей страны: это Макарьевская, Ирбитская, Коренная, Свенская, Киевская, Рижская, Архангельская, Оренбургская, Иркутская и др. Расположенные в разных частях России, они вместе с Москвой и Петербургом не только управляли всей торговой жизнью огромного государства, но служили центрами, где формировалось общественное мнение народа. Уже в последней трети XVIII в. *ярмарки связали всю страну не только в экономическом, но также в информативном и культурном смысле*.

Функцию средства массовой информации для простолюдинов в городе и деревне, куда доступ женщинам был фактически закрыт, выполнял кабак. Особенно велико было его значение для деревни; здесь он играл роль настоящего сельского клуба. Мужчины собирались там постоянно: зимой часто, летом ввиду напряженного ритма работ — редко; кабаки были многолюдны в праздники, но и в будни вечерами там собиралось немало народа. Посетители узнавали новости, текущие цены, здесь заключались сделки и по русскому обычаю «обмывались».

Идеи, зарождавшиеся в головах отдельных людей, обсуждались на сельских сходах. Сходы, выработав нечто систематическое, передавали результаты своей интеллектуальной работы через своих членов другим общинам, в другие регионы. Все совершалось *стихийно*, под давлением обстоятельств и нередко в зависимости от простой случайности. Но из единичных случаев тем не менее складывалось нечто *постоянное* и в общем своем течении *регулярное*. Благодаря информационным потокам крестьяне, разделенные большими пространствами, в социальном и духовном смысле жили общей жизнью, представляли из себя огромную социальную группу со своей субкультурой и своим общественным мнением. То же следует сказать и о городском простонародье. Причем крестьянство и городские низы жили в едином информационном пространстве. Этому способствовало то, что общественный и семейный быт крестьянства, с одной стороны, и городских низов, с другой, в мелких и средних городах с числом жителей до 25 тыс. был весьма сходен благодаря интенсивным экономическим, культурным и матримониальным связям между городскими и сельскими жителями, жившими в округе города, и огромным миграционным потокам между городом и деревней, носившим маятниковый характер.

Сектанты создали всероссийские организации уже в конце XVIII в. В 1770-е гг. беспоповцы и поповцы — два главных направления в старообрядчестве — имели свои общероссийские центры в Москве при Преображенском и Рогожском кладбищах, которые координировали их деятельность во всероссийском масштабе исключительно путем личного устного общения. В 1840-е гг. под влиянием Преображенского кладбища находились старообрядческие общины в 26 губерниях России и за границей. В среде старообрядцев формировалось единое общественное мнение, опираясь на которое их лидеры предпринимали различные акции в масштабе всей страны. Например, в 1803–1822 гг. старообрядческие общины, связанные с Рогожским кладбищем, засыпали правительство просьбами о разрешении совершать культ и благодаря хорошо организованной кампании добились цели.

Во многих случаях, когда дело касалось войны, смены монарха и некоторых других событий, близко затрагивавших интересы самодержавия, *правительство пыталось формировать общественное мнение народа сознательно*, используя все доступные средства массового воздействия: проповедь священников, внушение местной коронной администрации, авторитет царского имени, распространение слухов и легенд, печатное слово. Иногда это имело успех. Например, правительству удалось со-

здать благоприятное мнение народа относительно русско-турецких войн при Екатерине II, политики по польскому вопросу в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., на Балканах в 1870–1880-е гг. и т. д.

Пресса и печатная литература стали понемногу входить в народную жизнь начиная с последней трети XIX в., но их влияние на городские низы было более значительным, чем влияние на крестьян, менее образованных и более недоверчиво относившихся к прессе. В 1883 г. сельское население развитой Московской губернии, где проживало 1,3 млн крестьян, выписывало лишь 350 экземпляров различных периодических изданий, половина из которых приходилась на трактиры. До начала XX в. общественное мнение крестьянства было в большей степени результатом интеллектуального творчества самого народа, чем результатом городских и иных влияний. Однако внешние воздействия на крестьянство со временем усиливались. Передача знаний и мнений из привилегированной среды в среду крестьянства существовала всегда, но начиная с последней трети XIX в. приняла небывалые размеры благодаря росту грамотности, деятельности земств, всеобщей воинской повинности, функционированию суда присяжных, развитию отхода, политической активности радикалов. В народной, лубочной литературе в конце XIX в. и еще более в начале XX в., которую читали по разным оценкам от 5 млн до 15 млн человек, получили распространение новые идеи, плохо совместимые с традиционными ценностями русского крестьянства, которые пришли со стороны и оказывали на него влияние.

Стихийно или сознательно сформированное общественное мнение городских низов и крестьян отличалось однородностью, всеобщностью и не дифференцировалось, как у образованного общества, на множество оттенков, течений, вариантов, так как индивидуализм не успел пустить глубокие корни в их среде. Общественное мнение народа имело позитивную или негативную направленность, когда дело касалось самого народа, православной веры или царя, но, как правило, было индифферентным, когда вопросы выходили за круг их практических интересов, за исключением военных событий. В XVIII–XIX вв. народ, и в особенности крестьяне, был аполитичным, чего нельзя сказать об интеллигенции.

По своей природе общественное мнение достаточно динамично, подвижно. Однако в традиционном обществе, каким оставалось в большей степени русское общество, исключая привилегированные слои, общественное мнение часто в течение жизни многих поколений сохраняло устойчивость и стабильность и *закреплялось в обычаях, нормах, традициях*. Отрицательная оценка крепостного права, рекрутчины, деятельности помещиков, местных чиновников, иностранцев, позитивная оценка царя, православия, общины, обычного права стали традицией и плохо поддавались влиянию времени, пропаганде и агитации. Общественное мнение в среде народа формулировалось словесно, часто в виде пословиц и поговорок, но могло существовать в форме некоего сплава отрицательных или положительных чувств, эмоций. Спонтанность и эмоциональность — характерные черты общественного мнения народа.

Итак, городские низы и крестьяне имели свое собственное мнение по

принципиальным вопросам жизни. Это мнение было поистине *общественным*, поскольку отражало мнение больших социальных групп. Однако государство считалось с их мнением меньше, чем с мнением образованных слоев общества. Социальная и политическая значимость мнения той или иной социальной группы зависела не столько от ее численности, сколько от сплоченности, способности ее лидеров мобилизовать своих членов на борьбу за собственные интересы, ясно и твердо выразить свое мнение. Крестьяне и городские низы до начала XX в. в общем недостаточно активно боролись за утверждение своих интересов или распространение своего мнения, были скорее наблюдателями за борьбой самодержавия с интеллигенцией, чаще оставаясь на стороне верховной власти, как это случилось, например, во время мятежа декабристов или хождения народников в народ. Мнение народа было менее влиятельным, потому что оно редко трансформировалось в политические действия, а когда это случилось — во время бунтов, забастовок и т. п., эти действия носили стихийный и локальный характер. Но было бы заблуждением полагать, что мнение народа вообще не оказывало влияния на правительственную политику. Например, народное движение масштаба пугачевского мятежа в XVIII–XIX вв. случилось лишь однажды, но о нем никогда не забывали ни власти, ни помещики, ни сам народ. В ходе революции 1905–1907 гг., когда крестьяне и рабочие нашли своих лидеров, точнее, когда просоциалистические партии пошли в народ за поддержкой и получили ее, значение народного мнения невероятно поднялось, хотя верховная власть по инерции видела главных своих противников среди образованных слоев общества и представителей либеральных политических партий.

XI.4. Каналы связи между обществом и государством

Невозможность публично обсуждать социальные и политические проблемы являлась серьезным препятствием и для диалога, и для контроля за обществом со стороны коронной администрации. В связи с этим возникают вопросы: как при отсутствии гласности и при строгой цензуре верховной власти удавалось находить компромиссную, удовлетворяющую большую часть общественности линию в политике, каким образом власть узнавала об общественном мнении и учитывала его?

Чиновники, происходившие из всех социальных слоев, сами были частью общества, и поэтому, следуя своему широко понимаемому интересу, могли до некоторой степени удовлетворять запросы общества. Высшие чиновники информировали императора и подготавливали его к принятию того или иного решения. Как известно, костяк и наиболее влиятельную часть бюрократии составляло поместное дворянство. Поэтому в значительной мере через него верховная власть опосредованно контактировала со страной. Поместное дворянство представляло прежде всего свои сословные интересы, однако после эмансипации в 1762 г. оно действительно близко стояло к жизни и крестьянству: в 1858 г. в Европейской России свыше 67 % дворян проживали в деревне, в 1897 г. — 43 %. Они активно занимались земледелием и промышленностью, были тесно связаны с рынком, а значит, были знакомы с настроениями купечества и

мещанства. Это обстоятельство, возможно, являлось важным фактором политического консерватизма дворянства по двум причинам. Во-первых, в силу своих материальных и социальных интересов дворяне стремились сохранить существующий порядок, который обеспечивал им самый привилегированный статус в обществе. Во-вторых, близко соприкасаясь с крестьянством, купечеством и мещанством, поместное дворянство знало о политических идеалах народа и находилось под их влиянием. Требования свободы и гражданских прав со стороны либеральной интеллигенции казались большинству дворян чуждыми русскому народу, искусственно занесенными в Россию с Запада. Возможно, что связь с обществом через лояльное к нему поместное дворянство служила важным фактором политического консерватизма самой верховной власти.

Во все времена и во всех самодержавных государствах главным каналом, связывавшим верховную власть с обществом и народом, являлась политическая полиция. Она возникла в форме «Слово и дело государево» в XVII в., чрезвычайно усилилась при Петре I, была реорганизована в правильный административный институт в 1826 г. как III Отделение в составе собственной канцелярии императора, вновь преобразована и вошла в состав Министерства внутренних дел как Департамент полиции в 1880 г. Главная цель политической полиции оставалась неизменной — *сбор сведений об общественном мнении, настроениях и потребностях населения*. «Общественное мнение для власти, — писал в ежегодном отчете за 1827 г. шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, — то же, что карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения так же трудно, как и сделать точную топографическую карту». Через свою не слишком широкую агентурную сеть (в 1880–1917 гг. профессиональная агентура насчитывала около тысячи человек, вместе с осведомителями — 10 тыс.) полиция достаточно квалифицированно изучала общественное мнение во всех сословиях. Например, в царствование Николая I объектами ее внимания были придворное общество, высшее общество, средний класс (помещики, купцы I гильдии, «образованные люди» и литераторы), который она называла «душой империи», а также «молодежь», чиновничество, армия, духовенство и крепостное крестьянство. В конце XIX в. в центре внимания полиции оказались тайные общества, революционеры, интеллигенция, политические организации, рабочие. Полиция стремилась собирать данные «*о мнении большинства во всех классах общества*, т. е. о мнениях, пользующихся в своем кругу наибольшим влиянием», что указывает на правильное понимание своей задачи. Для решения поставленных перед ней проблем полиция использовала все доступные средства: перлюстрацию, слежку, подслушивание, провокаторов, подкуп и т. д. Некоторые общественные деятели, зная, что их письма тайно вскрывают, намеренно писали в них откровенно о злободневных политических вопросах в надежде, что их мнение дойдет до правительства. Кроме этого, практически во всех отчетах императору рекомендовались меры, продиктованные общественным мнением, улучшением состояния страны. Некоторые отчеты представляли собой собрание проектов реформ в аграрной, финансовой, юридической

и других сферах. Оставаясь прежде всего органом политического сыска, политическая полиция до некоторой степени заполняла отсутствие представительных учреждений и служила органом надзора не только за лояльностью, но за соблюдением порядка и законности в работе аппарата исполнительной власти начиная с министерств.

Политическая полиция далеко не всегда давала объективную оценку состояния общественного мнения. Временами степень оппозиционности общества преувеличивалась, преобладала тенденция к приукрашиванию действительности, поскольку государям больше нравились красивые, успокаивающие «картинки». Все донесения полиции о крестьянских и рабочих бунтах за период XIX – начало XX в. уменьшают масштабы таких выступлений. В конце 1916 г. Департамент полиции в своих отчетах создавал излишне оптимистическую картину положения в стране, что влияло на оценку политической ситуации императором и его ближайшим окружением. Очевидно, что шефы политической полиции не только считались с настроениями императоров и придворных кругов, но решали свои персональные проблемы и пытались воздействовать на политику в соответствии со своими представлениями.

С 1810 г., когда была создана Комиссия по принятию прошений на высочайшее имя, все население получило формальное право писать индивидуальные петиции (дворянство и его сословные организации имели такое право с 1775 г.). Однако петиция как средство донести свое мнение до верховной власти активно использовалась всегда. В течение 1810–1884 гг. в Комиссию поступили 75 тыс. жалоб и 600 тыс. прошений, из которых 26 % были удовлетворены, остальные переданы в соответствующие учреждения для рассмотрения; 6–3 % наиболее важных прошений докладывались лично государю. Число прошений со временем возрастало: в 1893 г. — 21382, в 1899 г. — 32336, в 1908 г. — 65357 прошений. В 1908 г. число прошений, лично рассмотренных императором, возросло до 12 % от их общего числа, и все они были удовлетворены. 26 % прошений были отклонены и 48 % переданы в другие учреждения. Письменные просьбы были очень разнообразны по содержанию, но преобладали жалобы на решения суда, высших административных учреждений и просьбы о помиловании. Например, в 1908 г. поступило жалоб на решения Сената 331, министров — 27, других должностных лиц — 96. Благодаря своей обширной деятельности Канцелярия по принятию прошений на высочайшее имя не только вносила вклад в надзор за отправлением суда и соблюдением законов, но и служила важным каналом связи общества с самодержавной властью.

Подданные имели возможность личной апелляции к государю при появлении его на публике, в том числе на прогулке, во время путешествий, посещения церкви и т. п. Например, Николай I и Александр II гуляли по Дворцовой набережной в Петербурге ежедневно в определенные и всем известные часы, и желающие подавали прошения.

В течение всего изучаемого периода общественное мнение доходило до власти через экспертов, которые привлекались в различные комиссии по изучению насущных проблем, и эти мнения часто использовались

при подготовке правительственных мер или законов. Эта традиция существовала уже в XVII в., когда для получения сведений о мнении населения царь собирал земские соборы. В XVIII в. правительство проводило опрос сведущих лиц с помощью местной администрации или посредством анкеты всякий раз, когда возникала какая-нибудь экономическая или социальная проблема. Например, в 1767 и 1787 гг. была опрошена местная администрация о причинах повышения хлебных цен. В дореформенное время правительство неоднократно просило высказаться купеческую общественность о предполагаемой реформе городского самоуправления и суда. В составлении проектов всех Великих реформ участвовали представители общественности на правах экспертов. В пореформенное время при подготовке многих важных реформ экспертов либо вызывали в столицу, либо опрашивали через местную администрацию или с помощью специальных анкет.

Каналом связи государства с обществом являлись ходатайства и адреса сословных организаций — купеческих обществ, дворянских собраний, после Великих реформ — земств и городских дум и др., многие из которых удовлетворялись или принимались к сведению. В последней трети XVIII в. известное значение приобрела пресса, роль которой непрерывно росла. Нередко использовались и нелегальные способы «контактов» с властями — банкеты, демонстрации, митинги и т. д. Характерным примером давления общества на самодержавие с целью реформирования государственного строя может служить мощная кампания, развернутая общественностью весной — осенью 1905 г. Под ее влиянием Николай II сначала в Манифесте от 6 августа 1905 г. согласился на введение законосовещательной Государственной думы, а 17 октября того же года под влиянием начавшейся революции, организованной общественностью с целью давления на верховную власть, и на введение законодательного парламента.

Многочисленные придворные торжества и церемонии, поездки государя по стране, встречи с подданными являлись неотъемлемой чертой государственного быта. Одна из их главных целей состояла в том, чтобы создать возможность для неформального, неслужебного общения с подданными в лице представителей высших слоев военного и гражданского чиновничества, а также всех лиц, с которыми встречался император. В XIX в. стало правилом, что наследники-цесаревичи путешествуют по России для ознакомления с организацией системы управления, с бытом и нравами населения. Например, будучи наследником, много путешествовал Александр II. Во время поездок он заходил в крестьянские избы, беседовал с простым народом о его нуждах и заботах, посещал фабрики и мастерские, присутствовал на уроках в сельских школах. У него сложилось убеждение, что он увидел страну как она есть и научился ее любить и уважать. Надо полагать, что визиты тщательно подготавливали и число встреч ограничивали. Однако незапланированные встречи предусмотреть невозможно, поэтому путешествия давали наследникам и неожиданные впечатления. Например, Александр III во время плавания на пароходе по Волге часто без предупреждения сходил на берег, пешком посещал села, знакомился с жизнью народа. Будучи наследником, много

путешествовал Николай II. После вступления на престол путешествия регулярно повторялись. Обычно император во время поездок лично знакомился с местными нуждами, принимал прошения и многочисленные депутации от городов, крестьянских обществ, казаков и нерусских народов данной местности.

Со времен Алексея Михайловича государи были усердными читателями сначала зарубежной, а со времени Екатерины II и отечественной прессы. Допущенная в середине XIX в. гласность, несмотря на цензуру, обеспечивала бюрократию и общественность информацией о состоянии дел в стране.

Все каналы связи общества и государства действовали одновременно, но в разное время преобладали те или иные, что в немалой степени зависело от личных склонностей государей. В XVII в. главными средствами связи служили челобитные и земские соборы. В первой половине XVIII в. связь верховной власти и общества осуществлялась главным образом через дворян, которые находились на государственной службе, оставаясь в то же время помещиками, земскими людьми. При Екатерине II на общественную сцену выступила пресса. Императрица лично участвовала в полемике по злободневным вопросам жизни, которая развернулась в прессе, и даже пыталась возглавить общественное мнение через издававшийся ею журнал. Для получения представления о нуждах и желаниях населения она весьма искусно использовала указы депутатам в законодательную комиссию 1767 г. По распоряжению Екатерины II все указы были самым тщательным образом обработаны и содержащиеся в них мнения систематизированы с таким совершенством, которого в настоящее время не всегда достигают социологи, специализирующиеся на изучении общественного мнения. Пожелания, содержащиеся в указах, помогли императрице составить программу социальных реформ, которую она в дальнейшем и реализовала.

Очень чутко к общественному мнению был Александр I. После долгих колебаний он принял программу правительственной деятельности, составленную в салоне его сестры Екатерины Павловны, вокруг которой объединилось влиятельное московское дворянство (программа была написана Н.М. Карамзиным). Неожиданный способ познакомиться с общественным мнением и прислушаться к нему нашел Николай I. Он начал свое правление с того, что внимательнейшим образом изучил показания декабристов, которые были по его поручению систематизированы в следственной комиссии. Выводы, к которым он пришел, послужили основой его политического курса. Очень большое значение он придавал информации тайной полиции, которая во время его правления была поставлена на уровень последних европейских достижений в этой области.

С середины XIX в. на первое место среди способов выражения общественного мнения выдвинулась пресса. Александр II ежедневно читал не только все главные газеты, но и запрещенный в России «Колокол» А.И. Герцена. Именно в это время понятие «общественное мнение» стало популярным и обиходным, и главным каналом его проявления правительство и общество считали прессу. Не случайно понятия «печатать» и

«общественное мнение» употреблялись в качестве синонимов. Под давлением общественности при публикации материалов допускалась регулируемая гласность, но при этом подтверждался старый принцип отсутствия ответственности верховной власти перед обществом. Однако император и его правительство мало-помалу попали в сильную зависимость от прессы, поскольку нуждались, во-первых, в информации о состоянии дел, мнении общества, в новых идеях, во-вторых, в общественном доверии и поддержке общества. Первая задача решалась путем поощрения правительством обсуждений в прессе всех проблем, кроме политических и тех, которые касались государственного управления. В результате все реформы, проведенные при Александре II, были продиктованы верховной властью либеральным общественным мнением через печать. Вторая задача решалась путем изучения всех опубликованных материалов прессы, касавшихся общественных проблем и работы администрации. В 1860-е гг. Министерство внутренних дел ввело в постоянную практику учет критических замечаний, высказанных в прессе в адрес правительства. Эти замечания фиксировались в Главном управлении по делам печати в форме так называемых министерских обзоров. Все сообщения в прессе о неблагоприятных действиях коронной администрации брались на заметку и проверялись. Если сообщения подтверждались, виновные несли наказание, а если нет, публиковалось опровержение в официальной печати. Другие министерства поступали аналогичным образом. Популярный правый журналист М.Н. Катков был столь могуществен, что в 1868 г. довел до отставки министра внутренних дел П.А. Валуева.

Александр II проявлял большое внимание не только к внутреннему, но и к европейскому общественному мнению. Общественное мнение стало влиять на внешнюю политику. Например, в 1877 г. общественное мнение, можно сказать, вынудило самодержавие вступить в войну с Турцией ради «защиты славянских братьев на Балканах». Ф.М. Достоевский в своей записной книжке в 1880 г. заметил: «Общественное мнение у нас дрянное, кто в лес — кто по дрова, но его кое-где боятся, стало быть, оно своего рода сила, а стало быть, и годиться может».

В период царствования Александра II правительство больше считалось с либеральной общественностью и ее прессой, а при Александре III — с консервативной общественностью и ее прессой. Автором программы контрреформ был крайне правый дворянский общественный деятель А.Д. Пазухин, а ее идейными вдохновителями и «трубадурами» стали М.Н. Катков, а затем В.П. Мещерский — редактор правой газеты «Гражданин». Однако и либеральная общественность не утратила своего влияния. Пресса весьма активно использовалась для лоббирования групповых интересов и оказывала серьезное влияние на правительство. В царствование Николая II общественное мнение приобрело еще большее влияние на политическую жизнь. Усилилась печать, большую, чем прежде, роль в формировании и выражении общественного мнения стали играть земства и городские думы. С 1906 г. большое значение получила Государственная дума, которая стала рупором политических партий всех направлений — от крайне правых до крайне левых. Общество приобрело легальную воз-

возможность воздействовать на законодательную работу парламента. Правительство не только внимательно следило за колебаниями общественного мнения, но и само стало использовать прессу для воздействия на него, в том числе само организовывало газеты, а премьер С.Ю. Витте использовал прессу для воздействия на Николая II.

В 1785 г. с учреждением дворянских обществ в губерниях общественное мнение, с которым местные власти вынуждены были считаться, стало фактором политики в провинции. В Москве и, вероятно, в других больших городах в начале XIX в. из-за недостатка отечественных газет дворяне узнавали политические новости через особых информаторов — «нувеллистов», которые как живая газета переходили из дома в дом, принося с собой новости, естественно, с собственными комментариями. Повсеместно возникшие в первой половине XIX в. литературно-музыкальные кружки и салоны стали теми центрами дворянской общечественности, где зарождалась, воспитывалась и развивалась русская мысль и формировалось общественное мнение не только для членов дворянского общества, но и для местной бюрократии.

А.И. Герцен, имея в виду первую половину XIX в., писал: «Власть губернатора растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири». А.И. Герцен приводит примеры, как местное дворянское общество сопротивлялось произволу местной коронной администрации и добивалось устранения неугодных администраторов, включая губернаторов. Современник и знаток административных порядков первой половины XIX в. А.В. Лохвицкий делил российские губернии с точки зрения административных злоупотреблений на дворянские и чиновничьи, т. е. такие, где имелись или отсутствовали дворянские общества: «Во-вторых, произвол чиновничий не встречает себе препоны: нет общественного мнения, нет важных должностей, занятых по выбору дворянства, нет общества. Наша жизнь еще не выработала сильного и образованного класса вне дворянства. Дворянство сделалось некоторым образом легальным представителем губернии в противоположность губернатору как представителю государства».

Однако и купеческая общественность не была безгласна даже в дореформенное время. Если коронная администрация поступала противоправно, она встречала отпор. Вот несколько примеров. Городская дума Калуги в 1789–1802 гг. вела борьбу с губернской коронной администрацией за прекращение полицейских поборов и освобождение от незаконного постоя. Длительная тяжба, в которой администрация применила весь набор доступных ей средств, включая шельмование городского головы, закончилась победой Думы. Помогло вмешательство высшей администрации. Великолукская городская дума 14 лет, с 1804 г. по 1818 г., боролась с городничими за возвращение отданных раньше в их распоряжение городских земель и старой крепости и добилась своего, используя разные средства: жалобы губернатору, остракизм, угрозы. В конце концов был назначен лояльный к нуждам горожан городничий, который удовлетворил их законные требования. В 1851 г. харьковская губернская админис-

трация распорядилась перевести оптовую торговлю в Харькове с одного места на другое, что было неудобно местным купцам. Руководимые городской головой, они составили прошение об отмене распоряжения, а городской голова собрал подписи под прошением среди граждан, приглашая их по вечерам к себе домой. Генерал-губернатор «уволил» городского голову, но последний пожаловался в Сенат, где нашел поддержку. В результате городской голова был реабилитирован, а торговля возвратилась на старое место. Эти частные примеры показывают, что и дворянские, и городские общества имели права и реальные возможности бороться с коронной администрацией и в случае необходимости их использовали.

Общественность находила самые разнообразные способы воздействия на власти. Популярная в России на рубеже XX–XXI вв. телепередача «Кукулы» имела предшественников еще в царствование Николая I, о чем поведал Н.С. Лесков в «Мелочах архиерейской жизни». В губернском городе Орел во второй половине 1840-х гг. враждовали губернатор кн. П.И. Трубецкой и преосвященный Смарагд. Старшина дворянского клуба отставной майор А.Х. Шульц — душа местного общества, олицетворявший «в своей особе местную гласность и сатиру, которая благодаря его неутомимому и острому языку была у него беспощадна и обуздывала много пошлостей дикого самодурства тогдашнего “добраго времени”», устроил на окне своего дома два чучела: красного петуха в игрушечной каске, с золочеными шпорами и бакенбардами козла с бородой, покрытого черным клобуком. Козел и петух стояли друг против друга в боевой позиции, которая от времени до времени изменялась. В этом и заключалась вся штука. Смотря по тому, как стояли дела князя с архиереем, т. е. кто кого из них одолевал, так и устраивалась группа. То петух клевал и бил взмахами крыла козла, который, понуря голову, придерживал лапою сдвигающийся на затылок клобук; то козел давил копытами шпоры петуха, поддевая его рогами под челюсти, отчего у того голова задиралась вверх, каска сваливалась на затылок, хвост опускался, а жалостно разинутый клюв как бы вопиял о защите. Все знали, что это значит, и судили о ходе борьбы по тому, «как у Шульца на окне архиерей с князем дерутся». Это был первый проблеск гласности в Орле, и притом гласности бесцензурной. <...> Не наблюдать за *фигурами* было невозможно, потому что бывали случаи, когда козел предстал очам прохожих с аспидною дощечкою, на которой было крупно начертано: «П-р-и-х-о-д», а внизу, под сим заголовком, писалось «такого-то числа: взял сто рублей и две головы сахару» или что-нибудь в этом роде... Предпринять против этого ничего нельзя было, так как против устроеного органа гласности не действовала ни предварительная цензура, ни система предостережений». И «шутовские органы гласности» сильно действовали, — отмечает Лесков. «По крайней мере то несомненно, что крутой из крутых и смелый до дерзости архиерей их серьезно боялся».

В пореформенной Москве «каждый год на вербном базаре появлялись новые игрушки, которым придумывали названия лиц, чем-нибудь за последнее время выделившихся в общественной жизни в положительном, а большей частью — в отрицательном смысле: проворовавшегося обще-

ственного деятеля, купца, устроившего крупный скандал, адвоката, проигравшего на суде громкое дело, на которое было обращено внимание москвичей».

С учреждением новых городских дум и земств губернаторы стали вынуждены еще более прислушиваться к общественному мнению. Чтобы успешно справляться со своими обязанностями, необходимо было проявлять большое дипломатическое искусство, ибо губернатор не только должен был считаться со столицей, представителями других министерств в губернии, но и «обхаживать» и «обрабатывать» лидеров земств, городских дум, дворянских собраний и прессы. О зависимости бюрократии от общественного мнения красноречиво свидетельствует заинтересованность руководителей местной и центральной коронной администрации в получении звания почетного гражданина города по представлению органов местного самоуправления. Звание «Почетный гражданин города» стихийно возникло в 1863 г. Его жаловал император на основании ходатайства городских дум. Звание не давало никаких дополнительных прав и привилегий. Несмотря на это, многие чиновники заискивали перед гражданами с целью получения почетного гражданства, а когда городские общества обращались к ним за согласием на присвоение этого почетного звания, то отказов не было. С 1863 по 1915 г. более двух тысяч человек были удостоены почетного звания.

Народ доводил до властей свое мнение главным образом через жалобы, доносы и бунты. Жалобы на администрацию подавались в порядке подчиненности инстанции: на низшую администрацию — в высшую, на высшую — в Сенат. Во все инстанции их поступало многие тысячи ежегодно. Жалобы брали на заметку, проверяли и в случае подтверждения виновных наказывали. Разновидностью жалоб являлся донос, который означал не личную жалобу как таковую, а сообщение представителям власти о неблагоприятных поступках официального лица; донос мог быть как анонимным, так и с подписью. В принципе публика осуждала только анонимные доносы. До некоторой степени доносы компенсировали недостаток контроля за работой коронных чиновников со стороны прокуратуры и суда и давали простому обывателю возможность в какой-то степени осуществлять контроль над деятельностью органов власти. К доносам люди обращались обычно тогда, когда не имели другого средства воздействия. Власти рассматривали доносы как важный источник информации об общественных настроениях и как эффективное средство обнаружения недостатков. От начала XVIII в. и до реформы местного управления 1775 г. специальные следственные комиссии как «экстренные орудия» центральной власти, наделенные очень широкими полномочиями, учреждались Сенатом в ответ на доносы и проводили расследования на местах. Местная коронная администрация ожесточенно противилась назначению комиссий. Власти относились к доносам очень серьезно: фиксировали, проверяли и принимали по ним меры. Разумеется, доносы использовались для сведения личных счетов, в целях интриги, по корыстным соображениям. Но очевидно, что донос как форма административной жалобы выполнял и полезную функцию для общества и государства: как в любом недемократическом

тическом, институт административных жалоб являлся важным механизмом обратной связи и саморегуляции общественных отношений, без чего социум существовать не может. Не случайно с появлением в России после Великих реформ гласности, справедливого и быстрого суда, административной юстиции количество анонимных доносов резко пошло на убыль, и само слово стало нарицательным, хотя число жалоб увеличилось. Народ перестал бояться и стал жаловаться на то, что прежде считал нормальным, и апеллировать в инстанции, вплоть до императора, куда прежде не решался обращаться.

Лишь в 1906 г. граждане России получили легальную возможность выражать свое мнение с помощью забастовок, митингов, демонстраций. Но этими средствами они нелегально пользовались всегда. Бунты в городе и деревне служили народу важнейшим каналом для выражения своего негативного отношения к официальной политике, которую народ ассоциировал не с государем, а с административным аппаратом. Верховная власть в большинстве случаев адекватно реагировала на бунты и вносила поправки в свою политику. Например, после пугачевского мятежа в 1773–1775 гг. правительство почти на 25 лет прекратило повышение налогов, несмотря на инфляцию, а помещики не повышали ренту. Под влиянием крестьянского движения 1905–1906 гг. земельная аренда понизилась, а зарплата сельскохозяйственных рабочих повысилась, что принесло крестьянам доход в 100 млн руб., но уменьшило доходы помещиков на 20 %. После массовых беспорядков 1905–1907 гг. правительство отменило выкупные платежи, разрешило рабочим организовать профсоюзы и т. п. *Народные бунты были моментами истины для верховной власти*, способствовали не расшатыванию, а укреплению существовавшего режима. Во-первых, бунты служили своего рода спасательными клапанами, через которые недовольство выходило наружу и реализовывалось в разрушениях, убийствах чиновников, помещиков и других лиц, в чем-то провинившихся перед народом и виноватых в его тяжелом положении. Это временно гасило в людях негативные чувства в отношении к существующему порядку, бюрократии и дворянству, создавало предпосылки для наступления новой фазы терпения и ожидания. Во-вторых, администрация устраняла самых активных из недовольных (ссылка, тюрьма, казнь), что устрашало и лишало народ лидеров. Наконец, верховная власть вносила поправки в порядок управления, в социальные отношения, укрепляло систему. После бунтов 1648 г. — новый свод законов и реформы, после Пугачева — реформа местного управления, после восстания декабристов — реформа государственной деревни, подготовка отмены крепостного права, изменение экономической политики и т. д., после революции 1905–1907 гг. — столыпинская реформа, политические реформы. Фабричное законодательство 1880–1900-х гг. было ответом на растущее рабочее движение.

XI.5. Добровольные ассоциации

До реформ 1860–1870-х гг. податное городское население и крестьяне *принудительно* объединялись в социальные корпорации — приходы, сельские, слободские и посадские общины, цехи, мещанские и купеческие

общества, купеческие гильдии и др., а в добровольных объединениях, или ассоциациях, практически не участвовали. Напротив, неподатное население (дворянство, духовенство, разночинцы) не знало принудительных социальных корпораций, а начиная с последней трети XVIII в. стало объединяться в разного рода добровольные ассоциации — общества, клубы, салоны, ложи. Добровольной ассоциации свойственны три основные черты: 1) образована для защиты общих интересов членов; 2) не связана с местными или центральными государственными органами власти; 3) членство является добровольным. В царствование Екатерины появились первые ассоциации различных типов: просветительские и образовательные общества, призванные пропагандировать общепользные знания (Вольное экономическое общество), ассоциации для совместного времяпрепровождения (Английский клуб в Петербурге и Москве), а также тайные общества (масонские ложи). Именно в екатерининское царствование в России можно говорить о генезисе гражданского общества.

До Великих реформ ассоциации развивались медленно, поскольку организовать их было трудно (требовалось разрешение императора), но главным образом из-за слабого проявления общественной инициативы. В 1860-е гг. обязанность утверждать устав общества перешла к министрам, с середины 1890-х гг. — к губернаторам. В 1906 г. Временные правила об обществах и союзах ввели явочный порядок открытия обществ и административный порядок их регистрации, запрещения и закрытия. Специально учрежденные в губерниях по делам об обществах присутствия, составленные из представителей коронной администрации, земского и городского самоуправления, регистрировали, контролировали, приостанавливали и закрывали общества, если их деятельность отклонялась от их устава. В апреле 1917 г. был установлен судебный порядок регистрации и закрытия.

Облегчение учреждения обществ и рост общественной инициативы способствовали увеличению их числа: в первой трети XIX в., по примерной оценке В.М. Боковой, действовало около 150 добровольных обществ (кружки, салоны, клубы, благотворительные, религиозные и другие организации), а в 1910 г., по примерной оценке А.Д. Степанского, — более 5 тыс. В пореформенное время значение принудительных корпораций падало, а добровольных объединений возрастало. И это тоже не случайность — ассоциации стали заполнять возникающий организационный вакуум, вызванный упадком принудительных корпораций.

А. Виды добровольных ассоциаций

Для удобства характеристики разделим ассоциации на семь групп.

1) *Ассоциации, связанные с церковью*, занимались миссионерством, распространяли православные взгляды и религиозную литературу, развивали чувство патриотизма, изучали историю церкви и религиозной жизни, помогали паломникам, направлявшимся в святые места, устраивали церковные праздники и т. д.: религиозные братства, церковные исторические (историко-археологические) общества, Православное палестинское общество с отделами почти в каждой губернии, общества хоругвеносцев, любителей церковного пения, православных русских женщин и

др. Церковный приход можно рассматривать как общественную всесословную организацию верующих. При крепостном праве для податного населения это была принудительная организация, к которой приписывался конкретный человек, обязанный там креститься, исповедоваться, причащаться, венчаться, там же его и отпевали. После Великих реформ приход эволюционировал в добровольную ассоциацию вследствие большой мобильности населения и освобождения от круговой ответственности в 1866 г. городских обывателей и в 1903 г. крестьян. При церквях действовали церковно-приходские советы, которые устраивали собрания прихожан для обсуждения вопросов о попечительстве бедных, нравственном, умственном и религиозном воспитании людей, занимались вопросами ремонта церквей и др. В городах было по несколько приходов; в них имелись советы, которые координировали свою деятельность, проводя общие собрания членов всех церковно-приходских советов данного города.

2) *Общества взаимопомощи и экономические ассоциации* имели целью помогать своим членам хранить сбережения, выгодно их вкладывать, ссужать необходимые для торговых и промышленных операций капиталы, защищать интересы отдельных социальных и профессиональных групп, страховать и охранять имущество и т. д.: ссудосберегательные кассы, общества взаимного кредита, общества взаимного вспомоществования, общества потребителей и общества взаимного от огня страхования. С точки зрения членства, это были наиболее демократические ассоциации — в состав некоторых из них входили в небольшом числе мещане, ремесленники и крестьяне.

3) *Благотворительные и попечительские общества* содержали богадельни, воспитательные дома, больницы, оказывали бедным медицинскую и другую помощь — обеспечивали жильем, лекарствами, пособиями, учащимся — стипендиями и т. п.: попечительские о тюрьмах, о бедных, о детях и тому подобные общества, дамские благотворительные общества, общества вспомоществования пенсионеров, неизлечимо больных, детей и пр., общества защиты несчастных женщин, общества покровительства животных, общества трезвости, общества попечения о больных и раненых, Красный крест. Все они устраивали спектакли, концерты, танцевальные вечера, лотереи со сбором пожертвований.

4) *Общества в сфере искусства и культуры* объединяли любителей сценического искусства, музыки, изящных искусств, хорового пения, литературы и искусства, камерного музицирования и т. п.; устраивали выставки, концерты, спектакли, музыкальные, литературные и художественные вечера, помогали артистам, художникам и музыкантам, пропагандировали искусство, издавали книги и журналы. Члены этих обществ усваивали и внедряли западноевропейскую высокую культуру, которая была почти исключительной привилегией дворянства. Благодаря этому искусство становилось доступным широкой публике, превращаясь из элитного в искусство среднего класса.

5) *Научные, культурно-просветительские, краеведческие ассоциации и ассоциации профессионального совершенствования*: общества естествоиспытателей, врачей, любителей словесности, археологии, истории и

этнографии, а также физико-математические, юридические, педагогические, экономические, технические, фотографические, сельского хозяйства (некоторые из перечисленных возникли в дореформенное время). Все они осуществляли разнообразную деятельность: способствовали распространению общих и специальных знаний посредством организации публичных курсов, лекций для взрослых, создавая библиотеки, открывая народные университеты, музеи, зоологические сады; слушали и обсуждали научные доклады, присуждали премии, медали и другие награды за достижения в области науки, сельского хозяйства, фотографии и т. д., печатали научные труды, предоставляли специалистам возможность обмениваться идеями, поддерживали контакты с зарубежными коллегами; изучали прошлое и настоящее края в естественном, медицинском, историческом и культурном отношениях; оказывали материальную и моральную поддержку нуждающимся коллегам, занимались улучшением условий быта, помогали в поисках работы, учреждали стипендии и выдавали пособия учащимся; снаряжали экспедиции (для исследования флоры и фауны, для проведения археологических раскопок, для изучения опыта передовых хозяйств) и устраивали экскурсии; открывали лечебницы и амбулатории, станции и дежурства врачей, устраивали выставки и аукционы.

б) *Клубы и общества по проведению семейного досуга* объединяли преимущественно богатых и привилегированных лиц — дворян, купцов, офицеров и лиц интеллигентных профессий для приятного времяпрепровождения: дворянские собрания, купеческие клубы (собрания), военные собрания, шахматные клубы, общества охотников, рыболов, садоводов и т. п., спортивные общества (яхт-клубы, общества любителей гимнастики, велосипедистов, конного спорта). Это были закрытые элитарные клубы, ориентированные на дорогие увеселительные мероприятия вроде охоты, спортивных соревнований, танцев, карточной игры, посещения буфета. Крестьяне, мещане и ремесленники, а также учащиеся, кадеты, солдаты — примерно 95 % населения не имели права являться членом такого клуба. Кроме социальной интеграции элиты клубы выполняли также функцию свадебной биржи. Элитарные клубы являлись новыми, внесословно устроенными центрами местного общества, где формировалось общественное мнение; они способствовали трансформации сословной структуры общества в классовую.

7) *Тайные политические и религиозные ассоциации* объединяли граждан, не лояльных к существовавшему политическому режиму и официальной православной церкви. Такого рода организации существуют главным образом в государствах, где отсутствуют либо ограничены политические и религиозные свободы, к которым относилась Россия до 1905 г. Цели деятельности политических ассоциаций варьировали от пропаганды либеральных, радикальных и других оппозиционных идей до изменения политического строя. Религиозные ассоциации консолидировали и защищали единомышленников и создавали возможности для отправления культа. Старообрядческие общины, возникшие во второй половине XVII в., масонские ложи, появившиеся в России в 1730-е гг., и декабристские общества являлись типичными для России тайными религиозными и по-

литическими ассоциациями. Особенно популярны были религиозные организации, объединявшие миллионы россиян. По переписи 1897 г. только старообрядцев насчитывалось 2,2 млн человек.

Б. Значение добровольных ассоциаций

Основное число добровольных ассоциаций за небольшими исключениями концентрировалось в городах и ограничивало свою деятельность их рамками. Большинство ассоциаций возникало по инициативе снизу, без непосредственного вмешательства местной власти, и лишь некоторые при поддержке последней. Свидетельством спонтанного происхождения добровольных ассоциаций служит их высокая мобильность — большинство ассоциаций, просуществовав несколько лет, прекращали свою деятельность, уступая место новым, иногда возрождались и снова исчезали. Источниками их финансирования были добровольные членские взносы, благотворительные акции, частные пожертвования. Казенные дотации случались редко и предназначались на конкретные дорогостоящие проекты, имеющие государственную значимость.

Коронная администрация следила, часто формально и поверхностно, за деятельностью добровольных ассоциаций. Губернское по делам об обществах присутствие рассматривало и утверждало их уставы, контролировало их текущую работу, преследовало инакомыслие членов, требовало поддержки настроения казенного патриотизма, распространяло те формы организаций, которые казались ему полезными, — это касалось в первую очередь религиозных, благотворительных, военных организаций, обществ трезвости и потребителей. Кроме того, в ассоциациях на руководящих постах находились чиновники, включая профессоров, учителей, судей, а также и высокопоставленных государственных сановников, которые старались привнести в деятельность обществ государственные идеи и задачи. Несмотря на административную опеку, в крупных городах, где имелись многочисленная общественность и материальные средства, самодетельная общественная жизнь в ассоциациях развивалась быстро и успешно. В большинстве же малых городов функции часто имели внешний, формальный, показательный характер.

Число членов отдельных объединений колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен человек. В городах Казанской губернии пореформенного времени было зафиксировано около 100 ассоциаций, включивших в свои ряды от 60 до 1157 человек. В губернском городе Тамбове в конце XIX – начале XX в. действовало 69 ассоциаций с количеством от нескольких десятков до тысячи членов. Во всей России только за 1906–1909 гг. было основано примерно 4800 ассоциаций. Средняя численность двадцати казанских обществ в начале XX в. составляла 190 человек; все 100 обществ за 1861–1914 гг. вовлекли в свой состав менее 24 тыс. членов; при этом многие, в особенности почетные члены и учредители, участвовали одновременно в нескольких обществах. Даже в больших городах, например в Казани с населением 190 тыс., в начале XX в. в списках всех элитных клубов и обществ числилось лишь около 2 тыс. человек, т. е. менее 5 % совершеннолетнего мужского населения города. Это примерно соответствовало доле цензовых граждан, имевших изби-

рательные права по выборам в земства, городские думы и Государственную думу. В Австро-Венгрии в 1856 г. насчитывалось 2234, а в 1910 г. — 85 тыс. ассоциаций. В США, которые считаются страной добровольных ассоциаций, в настоящее время более 75 % взрослых американцев обо-его пола входят по крайней мере в одну из них. Но в США первые добровольные ассоциации появились в начале XVII в. вместе с белыми колонистами. Уже в 1835 г. Алексис де Токвиль свидетельствовал, что ни в одной стране мира принцип ассоциации не применяется так успешно и не охватывает столько людей, как в Америке.

Нельзя не отметить слабую активность членов, большинство которых либо были «мертвыми душами», либо предпочитали пассивно пользоваться услугами, предоставлявшимися ассоциациями, но игнорировали организационные мероприятия — обсуждение устава, отчетные собрания и т. п. Часто общие собрания за неимением кворума, требовавшего присутствия лишь трети членов, отменялись. Низкая активность подорвала бы нормальную деятельность ассоциаций, если бы в уставах не было пункта, что заседания, не состоявшиеся из-за отсутствия кворума, назначаются вновь и независимо от числа собравшихся принимают обязательные решения. Вместе с тем значение добровольных ассоциаций в общественной жизни было намного больше, чем можно предположить. Проводимые ими публичные лекции, спектакли, вечера, состязания и т. д. повышали культурный, профессиональный и образовательный уровень участников, заполняли досуг большого числа горожан интересными и сравнительно недорогими мероприятиями. Например, в праздниках, устраиваемых в 1909–1914 гг. казанским «Новым клубом», — самой многочисленной ассоциацией города, принимало участие по 30–45 тыс. человек.

Деятельность большинства ассоциаций, будь то профессиональные, любительские, спортивные, медицинские или просветительские, была более разнообразной, чем следовало из их названия, а часто и из устава. Ассоциации взяли на себя некоторые общественные функции, которые до Великих реформ находились в ведении государства, — образовательную, просветительскую, социальную, благотворительную и др.; постепенно осваивали и политическую функцию. Политизация объяснялась тем, что по городскому законодательству юридические лица имели избирательное право, если они являлись собственниками недвижимости или располагали торговыми патентами (а все ассоциации являлись). С образованием Государственной думы правительство стало привлекать их для решения политических задач, правда, не прямо, а опосредованно, с помощью членов ассоциаций, лояльного в отношении существующего политического режима образа мыслей. К категории политизированной ассоциации принадлежал Русский национальный клуб, который появился в 1911 г. сначала в Петербурге, а затем и в провинции. Его основатели стремились консолидировать все лояльные правительству силы для победы в предстоящих выборах в Государственную думу IV созыва. Поле деятельности ассоциаций постоянно увеличивалось, и в первое десятилетие XX в. их активность вышла за рамки городской политики; они стали непосредственно формировать общественную жизнь городов.

В ассоциациях происходила надсословная, надэтническая и надрелигиозная социализация, которая не зависела от сословных дворянских, купеческих или мещанских взглядов и практик, что превращало общество в рассадники модернистской, прозападной культуры. Дворяне, чиновники, предприниматели и лица свободных профессий, интегрированные в объединения, формировали средний класс — элемент новой классовой социальной структуры, который не ориентировался больше на сословное определение социального статуса. Другими словами, ассоциации выполняли функцию тигля, где формировался средний класс — ядро гражданского общества.

В ассоциациях осуществлялась общественная деятельность (к которой, безусловно, следует отнести и досуг), не обусловленная ни принудительной принадлежностью к корпорации, ни государственными или корпоративными обязанностями, ни круговой ответственностью. Ассоциации играли важную роль образовательных учреждений; это были школы свободной, добровольной, индивидуальной деятельности в обществе. Поскольку все ассоциации в пореформенное время придерживались общих для всех принципов свободного членства, демократизма и гласности, то их члены имели постоянную возможность использовать принципиальные демократические процедуры, такие как участие в собраниях, баллотировка, публичные выступления, выборы, утверждение устава или бюджета, обязательная отчетность, контроль, отстаивание групповых интересов, поиски компромиссов и т. д. Конечно, некоторые демократические процедуры использовались и в принудительных корпорациях, однако не столь четко, ясно, правильно и формально. Знание демократических практик применялось членами ассоциаций, когда они начинали заниматься общественной деятельностью. Например, в Казани из 426 избранных в Городскую думу гласных в период между 1870 и 1913 гг. более 60 % являлись членами ассоциаций, где они получили навыки общественной деятельности.

Но была и негативная для формирования гражданского общества сторона в деятельности ассоциаций — членство в объединениях было средством сегрегации. Ассоциации выделяли, теперь не по сословному, но по экономическому признаку, из огромной массы населения привилегированный слой, обособляли его и прививали ему прозападную культуру. Членами ассоциаций являлись главным образом образованные и состоятельные люди, а также учащаяся молодежь, происходившая в значительной степени из привилегированных слоев. Даже в составе самых демократических обществ взаимопомощи и хозяйственно-экономических ассоциаций крайне редко можно было встретить мещан, ремесленников, рабочих или крестьян по социальному происхождению — участие в обществах требовало средств хотя бы для уплаты членских взносов, грамотности, приличной одежды. Но если простолыдину удавалось проникнуть в элитную ассоциацию, путь в элиту был открыт. Однако пережитки сословности, низкий уровень образования и бедность тормозили вовлечение широких слоев населения в самостоятельные ассоциации и вынуждали их по-прежнему удовлетворяться принудительными корпорациями, в которых преобладала традиционная народная культура.

Закрытость и партикуляризм добровольных ассоциаций провоцировали конфликт культур, поскольку принудительные корпорации были бастионами народной культуры, а добровольные ассоциации — западной культуры, создавали новую сегрегацию в обществе, тормозили создание условий для возникновения массовой культуры, которая игнорирует особенности классовых, региональных или религиозных субкультур. Принудительные корпорации в пореформенное время деградировали и слабели, поэтому конфликтов между ними и добровольными ассоциациями не произошло.

XI.6. Динамика политического процесса

Политический процесс в Московском государстве XVI–XVII вв. отличался архаичностью. В *политическую социализацию* были задействованы семья, община, приходская церковь, различные референтные группы, монастыри. Школы и средства массовой информации отсутствовали; книги в социализации практически не участвовали, так как доля грамотного мужского населения старше 9 лет в городах не превышала 13 %, в сельской местности — 2–4 %, а доля грамотного женского населения была примерно в 2 раза ниже, чем мужчин. *Политическое рекрутирование* осуществлялось снизу вверх — сельские и посадские общины, служилый город, выдвигая выборных для осуществления управления, контактов с бюрократией и участия в земских соборах; рекрутированием занимались приказы, земские соборы, Освященный собор, Боярская дума и царь. *Политическая коммуникация* происходила как *стихийно* — через нищих, странников, общение на ярмарках, базарах, церковных праздниках, так и *организованно* — через выборных, приходское духовенство, оглашавших правительственные указы на сходах и в церквях, бюрократию, а также и посредством общественных институтов (семья, школа, церковь).

В XVI–XVII вв. в России не было *добровольных ассоциаций*, но действовали *неупорядоченные* (стихийные) группы (например во время частых беспорядков), *неассоциативные* группы (сельские и посадские, старообрядческие общины, служилый город) и наиболее влиятельные *институциональные* группы людей (дворянское ополчение, стрельцы, бюрократия, церковь, Боярская дума, Освященный собор, Земский собор). *Артикуляция групповых интересов* совершалась посредством таких механизмов, как индивидуальные и коллективные прошения, жалобы, петиции, сходы, избрание выборных, акции протеста, контакты с местной и центральной администрацией (воеводами и приказами). *Агрегация групповых интересов* происходила на сельских и посадских сходах, например при составлении коллективных наказов для выборных, отправляющихся в Москву, или петиций, предназначенных для коронной администрации либо государю. *Политический курс* определялся царем, Боярской думой, Освященным собором, земскими соборами, осуществлялся царем, Боярской думой, приказами и воеводами, а также выборными от корпораций уездного дворянства (служилого города), городских (посадских) и сельских общин. *Судебные решения* выносили коронная администрация и ее представители (Боярская дума, приказы, воеводы и

т. д.), так как суд не был отделен от властных структур, особые приказы, специализировавшиеся на выполнении судебных функций (Разбойный, Земский, Тайный, Судный), вотчинный суд, губные старосты и общинный суд.

В Московской Руси реальными или потенциальными участниками политического процесса в спокойное время являлись около 8 % населения — те, кто участвовал в земских соборах: боярство, духовенство, дворянство, горожане (посадские люди). Остальные либо пассивно подчинялись коронной администрации, обычаям и законам, не вовлекаясь в политическую жизнь, либо вообще имели весьма смутное представление о правительстве и политике. Однако в периоды кризисов участниками политического процесса становилось большинство взрослого мужского населения.

В XVIII–первой половине XIX в. в политическом процессе произошли некоторые изменения. В *политическую социализацию* были задействованы новые агенты — школы всех уровней и университеты, добровольные ассоциации, религиозные объединения (старообрядческие общины, разные секты), средства массовой информации и книги, так как число грамотных мужчин к середине XIX в. достигло 19 %, женщин — 10 %. В 1755 г. ежегодно публиковалось 50 названий книг и журналов, в 1775 г. — 200, в середине 1780–х гг. — 400. За период 1776–1800 гг. было опубликовано 8 тыс. названий книг — в 3 раза больше, чем в предшествующие два столетия. Одновременно увеличивалась читающая публика: *уже в 1780-е гг. в России существовала аудитория почти для каждой книги, издаваемой в России и на Западе.*

Механизм политического рекрутирования остался прежним — через сельские общины, купеческие и мещанские общества, ремесленные цехи и дворянские корпорации, которые выдвигали выборных для управления и контактов с бюрократией; в процессе рекрутирования участвовали все уровни бюрократии. Новое в *политической коммуникации* состояло в том, что появились новые агенты и специальные публичные места для дискурса и выражения общественного мнения: театр, пресса, добровольные ассоциации и др., вследствие чего роль организованной коммуникации возросла.

В системе групп интересов новое сравнительно с XVII в. состояло в том, что в 1760-е гг. появились первые *добровольные ассоциации* (благотворительные, религиозные и студенческие организации, клубы и др.), число которых постепенно увеличивалось и к середине XIX в. достигло нескольких десятков. По-прежнему наиболее влиятельными являлись *институциональные* группы интересов — армия, бюрократия и церковь, но значимость церкви упала, а значимость бюрократии выросла; большое значение стали приобретать университеты. *Артикуляция и агрегация групповых интересов* совершались посредством тех же механизмов, что и в XVII в., — прошения, жалобы, петиции, акции протеста, контакты населения с бюрократией, сельские сходы, собрания городских (купеческих, мещанских обществ, ремесленных цехов) и дворянских корпораций. Появились разного рода комиссии, включавшие в свой состав представителей сословий и конфессий: Комиссии для составления нового Уложения в XVIII в., Раввинские комиссии при Министерстве внутренних дел в

1842–1861 гг., Мануфактурный совет (1828–1872 гг.) и Коммерческий совет при Министерстве финансов (1829–1872 гг.), губернские дворянские комитеты по крестьянскому делу и Редакционные комиссии (1858–1861 гг.) и др., где обсуждались актуальные социально-экономические проблемы. Кроме того, Академия наук и университеты также стали участвовать в политическом дискурсе и начали играть некоторую роль в артикуляции групповых интересов.

Политический курс определялся императором, Государственным советом (с 1810 г.), придворным обществом и высшей бюрократией, проводился бюрократией и органами сословного самоуправления. *Судебные решения* выносились коронными и сословными судами.

Число реальных или потенциальных участников политического процесса в XVIII–первой половине XIX в. уменьшилось до 2–4 % от всего населения вследствие того, что городских налогоплательщиков стало представлять купечество. Значение духовенства как политического игрока резко упало; но появилась интеллигенция, которая потеснила традиционных акторов, — бюрократию, армию и дворянство. Бульшую роль стало играть придворное общество. Львиная доля населения, как и в XVII в., не вовлекалась в политическую жизнь.

Политический процесс к 1914 г. претерпел кардинальные изменения. В *политической социализации* кроме традиционных общественных институтов важное место стало принадлежать средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, которых насчитывалось тысячи по всей стране, политическим партиям и печатному слову, так как доля грамотных взрослых мужчин к 1914 г. достигла 54 %, женщин — 26 %. Кроме бюрократии всех уровней в *политическом рекрутировании* большую роль стали играть добровольные ассоциации, политические партии. *Коммуникация* стала происходить главным образом *организованно* — через добровольные ассоциации, политические партии и средства массовой информации.

Изменилась система и деятельность групп интересов. Ведущее место стали занимать: среди многочисленных *добровольных ассоциаций* — профсоюзы, ассоциации промышленников, этнические и религиозные объединения, студенческие организации; среди политических *институциональных* групп — парламент, политические партии; среди неполитических — земства, городские думы, бизнес-корпорации (всероссийские и региональные объединения промышленников), университеты. Существенно повысилось значение *неупорядоченных* групп интересов, так как стихийные протесты стали обыденным явлением, и *неассоциативных* групп интересов (этнических, региональных, профессиональных — студентов, землевладельцев и т. п.), которые организовывали забастовки, демонстрации, готовили петиции с различными социальными и политическими требованиями. Значение политических *институциональных* групп и добровольных ассоциаций стало решающим как в *артикуляции и агрегации групповых интересов*, так и в определении и проведении *политического курса* (особенно возросла роль парламента, политических партий, земств, городских дум и бизнес-корпораций). *Судебные решения* стали выноситься судами, полностью не зависимыми от администрации.

Реальными или потенциальными участниками политического процесса стало все население страны, но в существенно разной степени. Ведущее место принадлежало цензовым гражданам, получившим политические права, — около 16 % всех жителей, которые теперь действовали через политические партии и добровольные ассоциации.

XI.7. Ритмы и результаты политической модернизации

С точки зрения прав, прерогатив и обязанностей государства, изучаемое время можно разделить на два периода: начало XVIII в.—1860-е гг., когда происходило их увеличение за счет расширения функций государства и передачи им части функций органов местного самоуправления, и 1860-е гг. — 1917 г., когда имело место их уменьшение за счет передачи части функций и властных полномочий местному общественному самоуправлению, а с 1906 г. — и парламенту. Соотношение сил между государством и общественностью изменялось в соответствии с изменением силы органов государственной власти и общественного самоуправления: до 1861 г. сила коронной администрации росла, после Великих реформ — снижалась, что находило отражение в изменении относительной численности бюрократии и армии. Соответственно наблюдалось равновесие сил в XVII в., существенный перевес сил в пользу государства в 1700—середине XIX в., хрупкое динамическое равновесие до 1905 г. и нарастающий перевес сил в пользу общественности после установления режима конституционной монархии.

Отношение официальных властей к обществу и общественности со временем серьезно изменялось. До конца XVII в. верховная власть видела в общественности помощника, советника и слугу; с начала XVIII в. и до конца 1850-х гг. общество являлось объектом управления и попечительства, а общественность служила связующим звеном между государством и обществом. В 1860-е — 1905 г. верховная власть рассматривала общественность как младшего партнера, в 1895—1905 гг. — как соперника и конкурента за власть, а с 1906 г. — как своего могильщика. До 1880-х гг. общественность чаще всего соглашалась с ролью, которая ей отводилась верховной властью, хотя около 1825 г. между ними возникло отчуждение, перешедшее около 1848 г. во вражду. Примерно с середины 1890-х гг. общественность начала претендовать на равное партнерство с самодержавием и, не добившись этого, стала рассматривать его как своего злейшего врага. После 1906 г., разделив власть с императором, общественность взяла курс на установление своего полного господства над государством и в феврале 1917 г. добилась этого.

Сотрудничеству между верховной властью и общественностью мешало нетерпение интеллигенции, в особенности ее радикальной части, не умевшей и не желавшей ждать, наивно верившей в то, что только самодержавие сдерживало прогресс в России. Вина за отсутствие взаимопонимания лежала также и на правительстве, часто без достаточных оснований не доверявшем общественности. Однако террор, развязанный в России революционерами в 1860-е гг. и продолжавшийся до 1917 г., от которого только за 1901—1911 гг. пострадало около 17 тыс. человек, среди них

около половины государственных служащих, моральное одобрение и материальная поддержка, которую он получал со стороны либеральной общест­венности (террористов прятали, финансировали, защищали на политичес­ких процессах и т. п., либералы отказались осудить терроризм с трибуны Государственной думы), также не способствовали взаимопони­манию. Несмотря на все трения и противоречия, либералы, даже из пра­вительственных кругов, и революционеры рассматривали друг друга в качестве союзников для давления на верховную власть. Общественность преклонялась перед террористами, которые в силу этого гордились своей деятельностью, чувствовали себя героями, смотрели на террор как на подвиг, религиозную жертву. Лишь с 1907 г. наметился некоторый пере­лом в настроении интеллигенции по отношению к террору. Насилие со стороны государства и революционеров было взаимным, однако госу­дарство защищало законный порядок, а революционные террористы его методично разрушали во имя светлого будущего.

Вплоть до 1917 г. при каждом столкновении с общественностью вер­ховная власть уступала ей ровно столько, сколько было необходимо, что­бы реформой укрепить социальную стабильность и приспособить суще­ствующий строй к новым требованиям. В конечном счете борьбу за власть общественность у царизма выиграла, но это была пиррова победа: за гибелью монархии последовала гибель либеральной части общества и заво­еванной ею демократии, что свидетельствует о том, что для народа соци­ально-экономические реформы имели приоритет перед политическими.

В XVII в. элементов гражданского общества еще не существовало. Имелись отдельные самостоятельные личности, конфессиональные груп­пы вроде старообрядцев со своим особым мнением, но они были марги­нальными и не признавались обществом за выразителей его интересов, а государством — в качестве законной оппозиции. Имелись социальные группы, представители которых приглашались на земские соборы, высту­пали с корпоративными требованиями, и верховная власть принимала их во внимание: духовенство, служилые люди, посадские. Однако они занимали подчиненное и зависимое положение по отношению к верхов­ной власти, не контролировали коронную администрацию и даже не мог­ли четко отделить себя от последней, так как частично входили в органы государственного управления или формировали их: например, дворян­ство составляло армию (дворянское ополчение), посадские выступали в качестве чиновников казенного финансового управления и т. д. По тем же причинам не существовало элементов гражданского общества во време­на Петра I и его преемников. Только при Екатерине II зародилось граж­данское общество, так как именно в последней трети XVIII в. возникла прослойка интеллигенции и появились специальные публичные места для дискуссий и выражения общественного мнения: театр, литературные и экономические общества, салоны, тайные организации, масонские ложи и иные добровольные ассоциации, отечественная и зарубежная пресса, дворянские собрания и др. Именно с этого времени начинается непрерыв­ная история интеллигентного общественного мнения в России.

Образованная часть общества не была однородной: она включала кон-

серваторов, либералов и радикалов. Каждое направление имело своих идеологов, которые агрегировали эти желания в политические доктрины. С конца XVIII в. инициатива генерации идей по реформированию русского общества переходит к интеллигенции, составившей ядро зарождавшегося гражданского общества, которая, несмотря на свою ничтожную численность, становится силой, подталкивающей верховную власть к проведению реформ. Свое влияние она приобрела в значительной мере благодаря поддержке со стороны западного общественного мнения, на которое верховная власть, начиная с Екатерины II, постоянно оглядывалась.

Зарождение гражданского общества не привело автоматически к расширению рядов общественности: в XVIII–первой половине XIX в. они сузились до представителей дворянства, духовенства и купечества, и лишь в пореформенное время — до представителей практически всех социальных групп населения, кроме лиц наемного труда, которые не получили избирательных прав для выборов в органы местного самоуправления. С возникновением парламента в 1906 г. общественность стала формально включать все разряды населения, в том числе крестьян и рабочих, поскольку все сословия обладали избирательными правами.

В начале XX в. в России сформировались основные элементы гражданского общества: масса добровольных общественных организаций, критически мыслящая общественность, свободная пресса, общественное мнение, с которым считались власти, политические партии и парламент. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам и контроль за их исполнением в виде законодательных учреждений и прессы. Однако общество не успело этот механизм отладить, чтобы исключить силовое решение конфликтов между ним и государством.

Общественность всегда пребывала в состоянии диалога с верховной властью и с большим или меньшим успехом влияла на политику. Благодаря этому в целом правительство проводило сбалансированный политический курс. В XVIII в. Россия не превратилась наподобие Польши в страну дворянской анархии, в первой половине XIX в. не стала страной, управляемой помещиками-крепостниками, а в пореформенное время не была принесена в жертву интересам дворян и крупной буржуазии. *Именно соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, обеспечило социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс, определенные успехи во внешней политике и долгую жизнь самодержавию.* Инстинкт самосохранения заставлял самодержавие взаимодействовать с обществом и следовать этому курсу, так как отклонения от него наказывались и пресекались обществом. Верховной власти принадлежала решающая роль во всех сферах жизни, и долгое время все социальные группы относились к монарху, олицетворявшему в их глазах государство, как к высшему арбитру, как к реальному, законному и единственному источнику льгот и привилегий, прав и обязанностей. И это было не так наивно: в абсолютной монархии государь является единственным пря-

мым и непроемким органом государства, и только с учреждением народного представительства монарх отделяется от государства.

Реакция верховной власти на требования обществу определяла отношение к ней общества. До 1825 г. доминировало взаимопонимание и соответственно позитивное отношение общества к самодержавию, затем при Николае I наступило охлаждение. Со вступлением на престол Александра II отношения между общественностью и верховной властью то улучшались (1860-е гг. — во время Великих реформ), то становились хуже (конец 1870—начало 1880-х гг.), то доходили до враждебности (середина 1890-х—1907 г.). Негативные отношения складывались чаще, и мало-помалу размежевание общества и верховной власти перешло в раскол и достигло полного разрыва. Но слабость обществу в силу ее фрагментарности (в начале XX в., когда политическая деятельность была легально разрешена, в России существовало около 100 политических партий) не позволяла ей собственными силами добиваться своих целей. В этих условиях чрезвычайно усилилась революционная интеллигенция благодаря тому, что ей удалось возглавить протест социальных низов. Война на два фронта — с общественностью, в особенности с радикальной ее частью, и с Германией — истощила силы государства и привела к параличу власти в начале 1917 г. Радикалы воспользовались этим и захватили власть, опираясь на солдат, рабочих и крестьян.

Российское государство с начала XVIII в. до октября 1917 г. прошло путь от абсолютизма до демократической парламентской республики, а общество — от объекта до субъекта государственного управления. Это означало, что народ возвратился из общественного небытия к политической жизни. Однако Россия в своем политическом развитии к 1917 г. не успела достичь такой стадии, когда государство попадает под контроль обществу и адекватно реагирует на ее требования, когда общество и государство приобретают способность самопроизвольно развиваться благодаря умению разрешать любые проблемы мирным путем, с помощью компромисса находить консенсус и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. В этом смысле общество отставало от экономики, которая к 1914 г. достигла состояния самопроизвольного экономического роста. Одна из причин дисгармонии кроется в том, что Российское государство начиная с середины XVI в. имело претензии сначала быть третьим Римом, потом великой державой, которые не всегда соответствовали наличной материальной силе, что вынуждало его уделять большее внимание развитию экономики, чем развитию общественных отношений.

Почему в 1917 г. политическая модернизация оборвалась? Главная причина заключалась в том, что в России в период империи сложился конфликтный, раздираемый антагонистическими противоречиями двухкультурный социум, который не выдержал испытаний первой мировой войны. Примерно до второй половины XVII в. общество и государство развивались довольно гармонично, возникавшие противоречия носили временный характер и достаточно успешно разрешались; по своей культуре и политическому менталитету элита и народ были более или менее однородными. В

конец XVII в. верховная власть осознала экономическую и культурную отсталость России сравнительно с Западной Европой и стала принимать меры для ее преодоления путем европеизации страны. Общество, и народ в особенности, мало сочувствовали замыслам верховной власти, поэтому она стала реформировать страну в соответствии со своими представлениями о благе России. При Петре I Россия достигла крупных военных успехов, которые общественность связала с петровскими преобразованиями и правильной, дальновидной политикой самодержавия. Общественность рассматривала победы как результат реформ, как достижение верховной власти, а не общества. Вследствие этого она как бы признала превосходство самодержавия и согласилась на подчиненную роль по отношению к нему; самодержавное государство стало легитимным лидером, а общественностью и народ — ведомыми. Такое положение устраивало все три стороны, исключая немногочисленный слой интеллигенции, и позволяло коронному правительству управлять страной без особых проблем до тех пор, пока оно проводило сбалансированную социальную политику. Общественность в большинстве своем поддерживала верховную власть, пока интеллигенция была малочисленной и действовала изолированно от народа.

В ходе вестернизации дворянство усвоило западную культуру, а остальные сословия в основном сохранили верность традиционной русской культуре. В результате в рамках одного социума сложились: 1) прозападная высокая письменная культура, включавшая изящное искусство, классическую музыку, литературу и философию, принадлежавшая дворянской элите; 2) традиционная, по преимуществу устная народная культура простолюдинов, включавшая фольклор, сказки, песни и мифы. Две культуры различались не только эстетикой, но также системой ценностей и верований, представлениями о мире и правилами поведения. Отношения между ними нельзя описать в терминах культура — субкультура, когда субкультура не отвергает культуру большинства, но лишь в той или иной мере от нее отклоняется. *Народная культура была контркультурой*: она находилась в конфликте с культурой господствующего класса и утверждала нормы и ценности, ей противоречащие. Например, она скептически относилась к частной собственности, рынку как регулятору социальных отношений, личному успеху, активному и упорному труду, эффективному и рациональному поведению, прогрессу, богатству и науке. В результате этого в обществе возник культурный конфликт, и оно раскололось по культурному признаку на вестернизированное меньшинство и народ, который продолжал придерживаться традиционных ценностей. Одновременно с этим сложилась конфликтная политическая культура.

Культурный раскол общества привел в середине XIX в. к расколу самой общественности на либералов, радикалов, консерваторов и охранителей, которые предлагали различные решения социальных, экономических и политических проблем, стоявших перед Россией. В результате и без того значительная фрагментация общества увеличилась, о чем свидетельствует существование семи десятков сословных групп, противоречия, конфликты, недостаток взаимопонимания между различными разрядами населения, отсутствие попыток консолидироваться с целью добиться граж-

данских и политических прав сразу для всех. Отдельные социальные группы предпочитали действовать сепаратно, часто в ущерб другим. Фрагментация общества усиливала его зависимость от верховной власти, обеспечивала последней большую самостоятельность и позволяла проводить сбалансированную, или надсословную, политику: власть опиралась на охранителей и консерваторов, уступала либералам и подавляла радикалов. Это была достаточно эффективная политика до тех пор, пока народ безмолвствовал, оставаясь по своему политическому мировоззрению стойким монархистом.

После отмены крепостного права экологическое и демографическое давление породило сильное скрытое аграрное перенаселение. Крестьянство заволновалось, стало искать выход из положения и нашло его в том, чтобы экспроприировать помещичьи земли. Если бы требования крестьянства были выполнены, хотя бы в мягкой форме выкупа помещичьих земель, жизнь монархии была бы продлена на достаточно долгий срок. Но ни Александр III, ни Николай II не хотели предать своего традиционного союзника — 107 тыс. дворян-землевладельцев — и в то же время не хотели уступать либералам в политических вопросах. Эта несговорчивость в аграрном вопросе породила крестьянское движение, в значительной мере революцию 1905 г. и обусловила последовавшие за ней политические уступки. После созыва первой Думы вопрос о ликвидации помещичьего землевладения все равно стал главным камнем преткновения между правительством и Думой, вследствие чего ее дважды распускали. Вместо конфискации помещичьих земель верховная власть провела столыпинскую реформу, которая, несмотря на свою стратегическую целесообразность, нашла отклик лишь у трети крестьянства. В результате крестьяне нашли себе лидера среди социалистов, которые предлагали решить аграрный вопрос путем революции и конфискации помещичьей земли.

Рабочие, будучи в массе своей крестьянского происхождения, были тесно связаны с деревней и имели в основном менталитет сельского жителя. В силу этого, а также ввиду серьезных просчетов в рабочей политике правительству и предпринимателям не удалось ввести рабочее движение в рамки правильного тред-юнионизма, и рабочие стали легкой добычей социалистов. Они также были склонны к решению своих проблем путем революции.

Так исподволь готовились предпосылки для революции. Война несомненно ускорила этот процесс: тяготы войны перевесили способность народа терпеть и сохранять благоразумие, предопределив падение монархии.

Февральская революция была встречена с энтузиазмом — ненавистная монархия, от которой, как уверяла либеральная и революционная пропаганда, происходило все зло, рухнула. Революция воспринималась как Пасха: все славил новый режим и ждали чуда — быстрого всеобщего очищения, воскрешения и немедленного улучшения ситуации. Однако чуда не происходило. Народ не готов был жить в условиях либеральной демократии. Эйфория сменилась фрустрацией. На этом фоне стали широко пропагандироваться социалистические идеи. Они быстро захватили массовое сознание. Крестьяне требовали земли, рабочие — фабрики и заво-

ды, те и другие — конца войны, и все это немедленно, не дожидаясь Учредительного собрания. Одновременно с этим стремительно нарастали антибуржуазные настроения. Массовое сознание нашло объяснение ухудшающегося положения страны в грандиозном «заговоре буржуазии» и настояло поверило в это, что только новая, социалистическая революция могла разрушить навязчивую идею. Как заметил Н.А. Бердяев, «Большевизм оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилем». Вследствие чего русскому человеку, и в особенности крестьянину и рабочему, социалистическая идея в интерпретации и исполнении большевиков импонировала. Последующие события развивались по тому же сценарию: идентификация новых врагов, их поиск и уничтожение. А когда большевикам удалось захватить власть и выполнить требования народа, они обеспечили себе поддержку со стороны народных масс и смогли расправиться со всеми своими политическими противниками: с консерваторами и либералами, с анархистами и монархистами, с Николаем II и его семьей.

Все три российские революции убедительно показали, что народ по-настоящему желал только аграрной и социальной реформ, а к политической реформе его толкали политические партии, стремившиеся к власти. Не имея силы добиться ее самостоятельно, они использовали народ как таран, чтобы разрушить существовавшую государственность и захватить власть; при этом некоторые из партий использовали в борьбе все средства, включая инсинуации, терроризм, национальные противоречия, гражданскую войну, иностранные деньги, приносили в жертву своим амбициям государственные интересы, социальный мир и общественный порядок.

Основные тезисы

1. Соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, долгое время обеспечивало в стране социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс, определенные успехи во внешней политике, а также долгу жизнь самодержавию.

2. Соотношение сил между государством и общественностью изменялось одновременно с изменением силы органов государственной власти и общественного самоуправления: до 1861 г. сила коронной администрации росла, после Великих реформ — снижалась.

3. Главная причина противостояния общественности и государства в пореформенное время состояла в борьбе за власть. Изменение соотношения сил в пользу общественности вызвало опасение коронной бюрократии потерять свое доминирующее положение в управлении государством и желание общественности, чтобы император и правительство поделались с ней властью пропорционально фактическому соотношению сил.

4. В допетровский период все население было носителем одной поли-

тической культуры, но с XVIII в. вследствие вестернизации политическая культура социальных верхов и низов стала различаться, консенсусная политическая культура трансформировалась в конфликтную.

5. Фрагментация общества — характерная черта российского социума. Она усиливала его зависимость от верховной власти, обеспечивала последней самостоятельность и позволяла проводить сбалансированную надсословную политику, опираясь на охранителей и консерваторов, уступая либералам и подавляя радикалов.

6. Генезис гражданского общества относится к последней трети XVIII в., а к 1917 г. сформировались его основные элементы: масса добровольных общественных ассоциаций, критически мыслящая общественность, свободная пресса, независимое общественное мнение, политические партии, парламент.

7. Российское общество с начала XVIII в. до октября 1917 г. прошло путь от объекта до субъекта государственного управления. Одновременно общественность расширила свои социальные границы от привилегированных социальных групп до всего народа.

8. Политический процесс в XVII–XX вв. претерпел кардинальные изменения вследствие того, что исполнение его важнейших функций (социализация, рекрутирование, коммуникация, артикуляция и агрегация интересов, определение и осуществление политического курса, вынесение судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе.

9. Политическая модернизация России в период империи не завершилась: общество и государство не приобрели способность разрешать любые проблемы мирным путем, с помощью компромисса находить консенсус и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни.

10. В 1917 г. политическая модернизация оборвалась вследствие того, что в России в период империи сложился раздираемый антагонистическими противоречиями двухкультурный социум, который не выдержал испытаний первой мировой войны.

Вопросы для размышления и повторения

1. Сколько было чиновников в России сравнительно с другими странами? Как изменились численность и качественный состав бюрократии?
2. Насколько справедливо широко распространенное мнение, что Россия переуправлялась, что ее система управления была сверхбюрократизирована?
3. В каких отношениях и в каком количественном соотношении находились государственное управление и общественное самоуправление? Как разделялись функции между ними? Какая форма важнее?
4. Как повлияло на отношения государства и армии введение всеобщей воинской повинности в 1874 г.?
5. Кто входил в общественность и какова была ее численность?
6. Когда в России появились зачатки гражданского общества и насколько далеко продвинулось его развитие к 1917 г.?

7. Каким образом общественность доносила до верховной власти и коронной администрации свои нужды и стремления и какова была роль общественного мнения в формировании государственной политики, как оно влияло на местную администрацию?
8. Возможен ли был политический юмор и популярная передача «Куклы» в царствование Николая I?
9. Николай I был деспотом или правомерным государем?
10. Когда между верховной властью и общественностью существовало взаимопонимание и когда и почему оно исчезло?
11. Как относились либералы к терроризму?
12. Считалась ли верховная власть с народом? Как народ доносил до нее свои стремления и желания?
13. Чьи интересы выражало самодержавие?
14. Политические проекты декабристов — социальные утопии или требование времени? Каковы могли быть последствия их реализации?
15. Кто имел избирательные права на выборы в городские думы, земства и Государственную думу? Можно ли считать, что цензовые граждане отражали интересы всего общества?
16. Если монархия была лидером модернизации в России, то почему ее свергли?
17. Как понимать вывод: от общества как объекта управления к обществу как субъекту управления?
18. Когда гражданское общество сложилось на Западе и можно ли считать, что оно сформировалось в России?

Глава XII

Россия и Запад: социологические образы и историческая реальность

Ключевые понятия: *вестернизация, глобализация, европеизация, европоцентризм, идеальный тип, индустриализация, конвергенция, культурная революция, миф, мода, модернизация, солидарность механическая и органическая, рационализация, санкция репрессивная и реститутивная, современное (индустриальное) и традиционное (доиндустриальное) общество, урбанизация.*

Господствующие социологические образы России имеют исключительное важное значение для ее идентификации как за рубежом, так и внутри страны. Определение России европейской, восточной или уникальной евразийской страной напрямую зависит от того, какие образы России и с какой интенсивностью артикулируют социальные исследователи. Идентификация тесно связана с имиджем страны. Образы России как азиатской деспотии и колониальной империи или как земли странников, ищущих Божью правду, создают различные имиджи государства. Большое влияние конструирование социологических образов оказывает и на уровень социальной интеграции российского общества, который, как известно, в настоящий момент очень низкий, что в значительной степени объясняется отсутствием консенсуса между социальными исследователями. Они создали несколько принципиально различных образов России. В главе сделана попытка верифицировать три социологических образа России в сравнительной перспективе (в парадигме Э. Дюркгейма — от механической к органической солидарности, в цивилизационной парадигме культурно-исторических типов и в модернизационной парадигме), найти между ними общее и различное и наметить пути их интеграции.

XII.1. Итоги социального развития России в XVIII–начале XX в.

Проведенный в предыдущих главах анализ позволяет заключить, что российское общество в период империи быстро менялось. Социальная структура населения дважды подверглась глубокой трансформации. До середины XVII в. общество было этакратическим. Во второй половине XVII–XVIII в. происходило формирование сословий, которые в основных чертах сложились к концу XVIII в.: сословные права были закреплены в законе, являлись наследственными и безусловными; сословия имели свои организации и суды, пользовались правом самоуправления; обладали групповым самосознанием. В пореформенное время сословия трансформировались в классы и к 1917 г. юридически утратили важнейшие привилегии. Однако коллективные представления о социальной структуре общества и социальных отношениях, а также и социальное поведение находились еще в рамках сословной парадигмы. В крепостное время внутрисословная мобильность была высокой; межсословная мобильность у дворянства, духовенства, купцов, мещанства и разночинцев была средней, а у крестьянства — низкой. Все виды межсословных перемещений охватыва-

ли примерно 10 % каждого поколения, географических перемещений — 2–3 %. Низкая социальная мобильность до 1860-х гг. не обеспечивала представителям различных сословий равных возможностей для продвижения, но служила важнейшим фактором высокой социальной стабильности дореформенного российского общества. Двукратный рост социальной мобильности в последней трети XIX—начале XX в. увеличил шансы у лиц из непривилегированных слоев повысить социальный статус, но дестабилизировал общество и послужил фактором развития революционного движения.

Наблюдались важные изменения в демографическом поведении: население отказывалось от нерегулируемой рождаемости в пользу регулируемой, от высокой смертности — в пользу низкой и от всеобщих и обязательных браков — в пользу добровольных (к 1917 г. около 15 % лиц бракоспособного возраста не вступали в брак). Благодаря этому в конце XIX в. Россия вступила в период демографического перехода от традиционной к современной модели воспроизводства населения, более эффективной с точки зрения материальных, психологических и физических затрат со стороны родителей и общества. Сумма затрат на воспроизводство населения за период с 1851–1863 по 1904–1913 гг. уменьшилась приблизительно на 23 %. Это означало, что женщины стали меньше рожать, но, несмотря на это, каждое новое поколение становилось более многочисленным, причем замена одного поколения другим стала проходить на 23 % более эффективно, т. е. с меньшими физическими затратами со стороны женщины и меньшими материальными затратами со стороны родителей. Симптоматично, что демографический переход происходил не по воле властей, а добровольно и стихийно, на уровне отдельного человека и отдельной семьи, что можно считать признаком зарождения новой активной индивидуалистской личности.

Семья изменялась в направлении от составной или расширенной к малой, при этом число членов семьи уменьшалось. В соответствии с условиями своей жизни духовенство и дворянство предпочитали малую семью. Семья крестьян и городских низов в течение жизни одного поколения изменялась от составной к малой и обратно. Но если на рубеже XVII–XVIII вв. большая часть их жизни проходила в рамках составной семьи, то в начале XX в. — в рамках малой семьи. Малая семья как главная форма семейной организации пришла в город примерно на 50 лет раньше, чем в деревню, — уже к концу XIX в. Позитивные изменения наблюдались и в семейном укладе, особенно после Великих реформ: уменьшилось насилие над слабыми, был установлен контроль со стороны общества и закона за соблюдением интересов женщин и детей, абсолютизм патриарха ставился в рамки закона; расширилась автономия семьи от общественных структур, семейная жизнь эмоционально насыщалась, превращалась в частную жизнь, в самостоятельную структуру повседневности, в которой получили возможность развиваться личные интимные отношения. Другими словами, авторитарно-патриархальная семья трансформировалась в малую эгалитарную. В среде образованных слоев общества гуманизация внутрисемейных отношений зашла достаточно далеко, а в среде крестьян

янства и городских низов прогресс был умеренным, особенно в аграрных губерниях.

Главные социальные организации населения — сельская и городская общины, купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские корпорации — с точки зрения структуры, функций, системы управления, межличностных отношений, норм жизни с течением времени становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические принципы; в них механическая солидарность, основанная преимущественно на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе, заменялась органической солидарностью, базирующейся главным образом на разделении труда, обмене услугами, на законном порядке и других рациональных отношениях, в которых значение родственных связей уходило на задний план. Другими словами, социальные организации эволюционировали в направлении от общности к обществу, благодаря чему социальные отношения модернизировались — в этом состояло одно из принципиальных изменений природы русского общества периода империи. Важнейшими факторами такой трансформации являлись юридическое признание их со стороны государства, приобретение официальных функций и формальной структуры; рост социальной мобильности; прогресс товарно-денежных отношений и превращение самостоятельных хозяйств в сельскохозяйственных и промышленных рабочих; повышение уровня грамотности, секуляризация сознания, развитие индивидуализма.

Крепостничество, пронизывавшее в начале XVIII в. все общество, постепенно уступало место отношениям, основанным на личной свободе, договоре и признанных законом сначала сословных правах, а после Великих реформ — и на общегражданских правах. Первым в 1762–1785 гг. было освобождено дворянство, затем к концу XVIII в. — духовенство и высшая страта городского сословия — купечество, в 1860–1870-е гг. — мещанство, последним освободилось крестьянство, причем в три приема: в 1861 г. — от частновладельческого, в 1861–1905 гг. — от государственного, в 1906 г. — от корпоративного крепостничества. Крепостнические отношения, несмотря на всю свою жесткость, строились на законе и обычае, а не на произволе. Крепостное право было оборотной стороной слабого развития индивидуализма, рациональности в поведении, широты русской натуры, народного понимания свободы, недостатка самоконтроля и дисциплины и использовалось государством как вынужденное средство для решения насыщенных государственно-общественных проблем. Крепостное право являлось мощным фактором, поддерживавшим механическую солидарность общества, компенсируя недостаток органической солидарности, материальной и моральной сплоченности в сельских и посадских общинах, сословных корпорациях, социальных группах и в обществе в целом.

Серьезную эволюцию в течение имперского периода испытали город и деревня. Прежде всего произошла радикальная трансформация в функциях городов и соответственно в отраслевой занятости горожан. Столь же значительные перемены произошли в характере труда, в образе жизни

городского населения, в значении городов в жизни страны. Несмотря на это, Россия до конца существования империи оставалась сельской страной — в 1914 г. в городах проживало всего 15,3 % ее населения. Однако официальные данные о городском населении преуменьшали истинные размеры урбанизации. Для получения полной картины необходимо учитывать масштабы скрытой и рассеянной (отходничество, промышленные села) урбанизации, которая происходила более быстрыми темпами, чем урбанизация формальная. Например, в городах начала XX в. годовое число крестьянских отходников приблизительно равнялось численности постоянного городского населения, но отходники, как правило, не считались при переписях горожанами. В 1897 г. 49 % всех мещан и купцов проживало в деревне, и многие из них во время переписей также не учитывались как горожане, поэтому доля городского населения составляла 12,9 %, а доля мещан и купцов в населении — 18 %. До середины XVII в. между городом и деревней не было четкой правовой, культурной, социальной, административной и экономической границ. В 1775–1785 гг. произошло окончательное размежевание города и деревни в административном, а городского и сельского населения — в социальном отношении. Еще полстолетия потребовалось для того, чтобы город четко отделился от деревни и экономики. Однако даже на момент достижения наивысшей степени дифференциации, в середине XIX в., город и деревня не превратились в противоположности благодаря тому, что одновременно происходил рост контактов между ними. После Великих реформ экономические и культурные связи между городом и деревней усилились настолько, что создались предпосылки для постепенного объединения их в общее экономическое, культурное и правовое пространство, основанное на этот раз не на полном сходстве, как это было до XVIII в., а на интеграции экономически специализированного и нуждающегося друг в друге городского и сельского населения. Таким образом, город и деревня развивались в направлении от механической солидарности к органической.

В XVIII–начале XX в. все отрасли права в России развивались параллельно: понятия уголовного права совершенствовались; развитие гражданского права увеличивало полномочия отдельного лица в сфере гражданско-правовых сделок до максимально возможной степени; на смену обвинительному процессу пришел розыскной, а он в свою очередь был заменен смешанным процессом. Шаг за шагом изменения приводили к установлению как власти закона над человеческим произволом, так и превосходства закона над обычаем, к отделению судебной власти от административной, к признанию за каждым человеком (независимо от пола, возраста и социального положения) равного права на судебную защиту, к росту гражданских прав населения. Суд достиг значительного уровня справедливости уже в 1830-е гг., а после судебной реформы 1864 г. жалобы на коррупцию, волокиту и на несправедливость в судах прекратились. Во всех сферах жизни утверждался закон, который в ходе Великих реформ 1860–1870-х гг. одержал победу в городе и медленно, но верно вытеснял обычное право в деревне. Характерной чертой развития права периода империи являлось то, что правовые нормы изменялись, опережая жизнь и

потребности населения: правительство почти всегда понимало нужды страны раньше общества и подталкивало последнее к переменам с помощью изменения правовых норм, заимствуя их на Западе. Отсюда возникло много проблем: будучи взятыми из более зрелых в социальном и политическом отношении государств, новые правовые нормы часто не соответствовали требованиям жизни; старые нормы отменялись в то время, когда они еще были жизнеспособны; новые нормы часто нарушались по причине долгого сосуществования со старыми и вследствие юридического плюрализма — в деревне действовал обычай, в городе — закон; утверждаемое де-юре расходилось с существовавшим де-факто. Однако это не умаляло значения достигнутого и утвержденного де-юре: именно право конструирует социальную реальность и дисциплинирует человека в соответствии со своими нормами. Таким образом, российское право сначала сконструировало идеал правового государства и гражданского общества, который потом постепенно утверждался в действительности. В советское время существовали декоративные, т. е. только де-юре, демократия и федерализм. Но это, как оказалось, имело большое значение: люди привыкли к самим *идеям* гражданских прав и федерализма и в конце концов настолько глубоко впитали и сжились с ними, что при благоприятных обстоятельствах захотели реализовать эти идеи и довольно быстро добились успеха.

Значительный прогресс сделала российская государственность — из народной монархии XVII в. она превратилась в де-юре конституционную монархию в 1906–феврале 1917 г. и даже несколько месяцев — в марте – октябре 1917 г. существовала как демократическая парламентская республика. За 200 с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, которая осуществляла традиционно-харизматическое господство, до правового государства, которое осуществляло в основном легальное господство. Бюрократия от малограмотной, крепостной, некомпетентной, предназначенной только для выполнения приказаний начальства, эволюционировала к бюрократии профессиональной, образованной, вольнонаемной, действующей в пределах полномочий, определенных законом и ведомственными инструкциями, ради национальных интересов. При оценке прогресса российской государственности следует учитывать два момента: каждая стадия в ее развитии была необходима и целесообразна для общества в свое время и соответствовала политическим представлениям своей эпохи; после того, как принцип законности и правомерности управления провозглашен официально, проведение его в жизнь растягивается на долгие годы. В течение всего имперского периода, как, впрочем, и в более раннее время, характерной особенностью государственного управления являлось разделение, или расщепление, властных и управленческих функций между верховной властью и ее администрацией, с одной стороны, и сословным самоуправлением в лице городских и сельских общин, городских и дворянских корпораций — с другой. В руках сословного самоуправления находилось местное управление на первичном уровне, благодаря чему сословия всегда участвовали в руководстве обществом. Разделенную форму власти следует рассматривать как разум-

ный компромисс между обществом и государством, обеспечивавший социальный порядок и соблюдение сословных прав.

До XVIII в. общество и государство были слабо дифференцированы. Однако в этом симбиозе общественность играла роль слуги, а не господина, как в гражданском обществе. В период империи российское общество из слуги государства и объекта управления превращалось де-юре и де-факто в субъект государственного управления; одновременно общественность стала включать представителей не только привилегированных, но и всех других социальных групп. Генезис гражданского общества относится к последней трети XVIII в. К 1917 г. сформировались его основные элементы: многочисленные добровольные общественные ассоциации, критически мыслящая общественность, свободная пресса, независимое общественное мнение, политические партии, парламент. Политический процесс в XVII—XX вв. претерпел кардинальные изменения: исполнение его важнейших функций (социализация, рекрутирование, коммуникация, артикуляция и агрегация интересов, определение и осуществление политического курса, вынесение судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного самоуправления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе.

Вопрос о развитии индивидуализма в России затрагивался практически во всех главах. Индивидуалистская личность зародилась в среде дворянства в XVII в., а в среде интеллигенции — в XVIII в. и набирала силу очень медленно, так как ни государство, ни общество не поощряли развитие индивидуализма. Русская классическая литература негативно оценивала индивидуализм и положительно — всякие формы коллективизма и соборности, а главным действующим лицом русских писателей чаще всего выступал маленький человек, а не гений и герой. Но остановившее развитие индивидуализма было невозможно. В пореформенное время процесс индивидуализации захватил все слои населения и имел разнообразные проявления, в том числе и негативные, например в форме хулиганства среди деревенской и городской молодежи. Становление личности в низших слоях общества ярко обнаруживалось во время конфликтов рабочих с работодателями. Рабочие стали жаловаться не только на низкие заработки и длинный рабочий день, как было до Великих реформ, но также на грубое обращение мастеров и других представителей фабричной администрации: применение физической силы и употребление мага, сексуальные посягательства по отношению к работницам, обращение к ним на «ты», отношение к ним «как к детям», «рабам», «крепостным» или «вещам». Другими словами, *рабочие протестовали против обращения с ними в формах, характерных для дореформенных отношений между господином и слугой, помещиком и крепостным*. Рабочие не ограничивались коллективными протестами, они часто обращались с личными исками в мировые суды с теми же жалобами. И в том, и в другом случае явно проявлялось стремление добиться уважения к себе как к личности. В жалобах женщин на жестокое обращение свекров и мужей и на запрещение

последними заниматься отхожими промыслами также проявлялось стремление крестьянок — самой забитой части населения — отстоять личное достоинство.

О развитии индивидуализма в среде крестьянства свидетельствует приход в деревню городского понятия моды. Как известно, мода предполагает индивидуализацию: погоня за модой сопряжена с желанием выделить себя из других. В традиционных обществах, отмеченных максимальной однородностью, где порицается и потому отсутствует стремление выделиться из общей массы, нет и моды, хотя вкусы со временем могут изменяться. По наблюдениям этнографов, до отмены крепостного права крестьяне не знали моды; она пришла в деревню около 1863 г., и с тех пор материя и фасоны одежды в деревне стали регулярно, как и в городе, изменяться — в 1867, 1872, 1876, 1880, 1883, 1885 гг. и т. д. Одновременно с этим домотканая одежда вытеснялась покупной, одноцветная — набивной, дешевая — более дорогой. Важно отметить, что эти перемены пришли не только в села, охваченные отходничеством, но и в чисто земледельческие селения. Мощной манифестацией индивидуализма явился выход 28 % крестьян из общины в 1907–1916 гг., во время Столыпинской реформы: в 73 % случаев выход произошел, несмотря на противодействие большинства членов общины, из которой выделялся крестьянин.

Хотя проявление индивидуализма в последней трети XIX—начале XX в. являлось массовым и повсеместным, было бы преувеличением сказать, что к 1917 г. российский человек стал индивидуалистом. Право на личную тайну, на независимую частную жизнь, на имидж, начиная с внешнего вида и кончая привычками и образом жизни, право каждой личности быть тем, кто она есть или хочет быть, даже в начале XX в. существовало только в среде среднего и высшего классов.

В целом в России в период империи происходила социальная модернизация: 1) люди получали личные и гражданские права, человек становился автономным от коллектива — будь то семья, община или другая корпорация — и самодостаточным, иными словами, приобретал ценность сам по себе, независимо от корпоративной принадлежности и родственных связей; 2) семья становилась малой и автономной от корпорации и высвобождалась из паутины родственных и соседских связей; 3) городские и сельские общины изживали свою замкнутость и самодостаточность, все больше включались в общество и систему государственного управления, в систему разделения труда и рыночные отношения; 4) корпорации консолидировались в сословия, сословия трансформировались в профессиональные группы и классы; из них формировалось гражданское общество, которое освобождалось от опеки государства и верховной власти и становилось субъектом власти и управления; 5) по мере постепенного признания публичных прав граждан возникали конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления — государство становилось правовым. Другими словами, *суть социальной модернизации в императорской России, как и всюду, состояла в том, что происходил генезис личности, малой демократической семьи, гражданского общества и правового государства.* В ходе ее городские и сельские

кие обыватели в юридическом, социальном и политическом отношениях превращались в граждан.

Подчеркнем взаимосвязанность и параллелизм изменений в разных сферах жизни. В XVII—начале XVIII в. отношения в семье, обществе и государстве строились на традиционном, патриархальном господстве и патернализме; власть главы семьи, хозяина, помещика и государя уподоблялась отцовской власти и сакрализовалась. Несвободный человек (ограниченный в правах большой семьей и своей корпорацией, а в своих желаниях и стремлениях — традицией, обычаем, религиозной моралью и корпоративным этосом), патриархальная семья, общинная форма социальной организации, преобладание общинной или государственной собственности, натуральное в основе хозяйство, абсолютная правомерная монархия и империя как форма существования народов в рамках единого государства оптимально сочетались. В XVIII—начале XX в. и в семье, и в корпорациях, и в большом обществе, и в государстве властные отношения стали шаг за шагом строиться на рациональных соображениях, на договоре и законе: традиционное господство постепенно заменялось легальным, а власть десакрализовалась, или секуляризировалась, и ставилась в рамки писаного закона, т. е. становилась закономерной. На этой основе с различной скоростью в разных сословиях формировалась новая система социальных организаций, государственных институтов, правовых норм, соответствующих потребностям секулярного человека, наделенного сословными правами, ограниченного в своих желаниях и стремлениях только законом. Свободный гражданин с политическими правами, светский менталитет, малая семья, общество как форма социальной организации, частная собственность, рыночное хозяйство, гражданское общество, правовое государство и федерация как форма сосуществования народов в рамках одного государства образовывали иное оптимальное сочетание, пригодное для другой эпохи, и именно в этих направлениях развивалась Россия в период империи.

Таким образом, человек, семья, собственность, экономика, общество и государство развивались симметрично и синхронно, во взаимной обусловленности от патриархальности к модерну благодаря секуляризации индивидуального и массового сознания, рационализации и легализации социальных и политических отношений, коммерциализации экономики, централизации и интеграции всех сфер общественной жизни — политической, социальной, экономической, культурной, юридической и т. п. Человек, семья, социальные организации, собственность, хозяйство, общество, государственность — все эволюционировало параллельно и во взаимодействии (хотя изменения затрагивали различные группы населения в разной степени), отставание в развитии одной структуры тормозило изменения в других, и наоборот. Асинхронность в развитии различных структур вела к асимметрии, которая создавала социальные напряжения в обществе. Реформы восстанавливали симметрию и укрепляли социальную стабильность. Например, медленное изживание общинности тормозило трансформацию политического строя и развитие гражданского общества. Преобладание общины в качестве главной социальной органи-

зации крестьянства вплоть до 1917 г. имело следствием *партикуляризм*: каждая община стремилась к возможно большей независимости от внешнего мира, к неприкосновенности местных обычаев и традиций. Отсюда в значительной мере проистекал принудительный централизм, бюрократическое вмешательство из столицы, опека. Гражданское общество — это совокупность свободных рациональных и активных личностей и представляющих их интересы добровольных ассоциаций. Чтобы гражданское общество могло утвердиться, необходимо, чтобы принудительные общины преобразовались в добровольные организации — в фермы, кооперативы, предприятия и т. п., чтобы человек преодолел патриархальные соседско-родственные связи и осознал необходимость своего участия в добровольных ассоциациях для отстаивания собственных интересов в представительном органе и перед правительством.

ХII.2. Россия в парадигме Э. Дюркгейма: от механической к органической солидарности

Социальное развитие России в имперский период, в XVIII – начале XX в., хорошо укладывается в схему Э. Дюркгейма трансформации механической солидарности в органическую по мере индустриализации и урбанизации общества (табл. ХII.1).

Россия в XVI–XVII вв. подходила под тип общества с механической солидарностью: индивиды и исполняемые ими функции отличались сходством, личность поглощалась коллективом, индивидуализм был не развит. Социальная интеграция носила в значительной степени принудительный характер, поскольку все социальные организации являлись не добровольными, а принудительными. Материальная и моральная сплоченность была также вынужденной, так как поддерживалась круговой ответственностью. В обществе преобладало уголовное право, которое было писанным, над гражданским правом, которое было преимущественно обычным. Уголовное и гражданское право, так же как и уголовное преступление и деликт, не дифференцировались. Еще при Петре I и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и порубка заповедного леса считались уголовными преступлениями. Соблюдение правил поведения поддерживалось строгими репрессивными санкциями: например, имущественная несостоятельность должника, нанесение имущественного вреда карались уголовными наказаниями; дисциплина в семье поддерживалась патриархом телесными наказаниями. Среди санкций наиболее часто применяемыми были разные виды телесных наказаний и смертная казнь: в Соборном уложении 1649 г. смертная казнь предусматривалась для 60 нарушений, в петровском законодательстве — для 200. В крестьянских и посадских общинах коллективное сознание регламентировало весь уклад жизни человека; общины закрепили человека; авторитет группы являлся абсолютным. Коллективное сознание было полностью религиозным, и оно примерно равнялось по объему совокупности индивидуальных сознаний. Общественные интересы доминировали над индивидуальными. Сложившиеся нормы принимались как должное и их правомерность обсуждению не подлежала. Город и деревня административ-

но, социально и экономически не были разделены. Большинство горожан занималось сельским хозяйством, как и крестьяне; город внешне и по стилю жизни напоминал деревню. Низкая плотность и населения, и поселений. В Европейской России среднее расстояние между городами в 1678 г. составляло около 300 км, плотность населения — 0,7 человека на 1 кв. км. Разделение труда в обществе находилось на очень низком уровне; доминировало натуральное хозяйство.

Таблица XII.1

Механическая и органическая солидарность как идеальные типы

Признак	Механическая солидарность: основывается на сходстве деятельности (преобладает в традиционных обществах)	Органическая солидарность: основывается на разделении труда (преобладает в индустриальных обществах)
Морфологическая (структурная) основа	Сегментарный тип (вначале на клановой, затем на территориальной основе). Слабая взаимозависимость, слабые социальные связи. Низкая плотность населения. Низкая материальная и моральная сплоченность	Организованный тип (слияние рынков и рост городов). Большая взаимозависимость, сильные социальные связи. Высокая плотность населения. Высокая материальная и моральная сплоченность
Правовые нормы	Правила с репрессивными санкциями. Преобладание уголовного права	Правила с реститутивными санкциями. Преобладание гражданского, процессуального, административного и конституционного права
Формальные основы коллективного сознания	Большой объем. Высокая интенсивность. Высокая предопределенность. Абсолютная власть коллектива	Малый объем. Низкая интенсивность. Низкая предопределенность. Индивидуальная инициатива
Содержание коллективного сознания	Религиозность. Ориентированность на высшие духовные ценности, не подлежащих обсуждению. Придание высшей ценности обществу и интересам общества как целого. Конкретность и детальный характер	Светскость. Связь с интересами человека и открытость для обсуждения. Придание высшей ценности интересам и достоинству индивида. Абстрактность и общий характер

Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1990. С. 553.

В период империи постепенно складывалось общество с органической

кой солидарностью. Город отделился от деревни, между ними усиливался экономической и культурный обмен. Экономика коммерциализировалась: в начале XIX в. товарность сельского хозяйства составляла 9–12 %, в 1850-е гг. — 17–18 %, в 1909–1913 гг. достигла 31 % чистого сбора основных сельскохозяйственных культур. Все формы социальных, экономических и культурных связей в обществе резко интенсифицировались. Люди освободились от всех видов крепостной зависимости, приобрели сначала гражданские, а в 1906 г. и политические права. Наблюдался рост индивидуализма и ценности отдельной личности. Коллективное сознание уменьшилось в объеме и стало лишь незначительной частью совокупности индивидуальных сознаний; его интенсивность и степень определенности также уменьшились. Социальный контроль над человеком ослаб; девиантное поведение во всех формах многократно увеличилось. Центр тяжести социального контроля над поведением человека переместился с социального уровня (со стороны государства, общества, церкви, общины, корпорации и семьи) на индивидуальный уровень. Одновременно с повышением роли самоконтроля существенно расширилась свобода индивидуального выбора. По содержанию коллективное сознание превращалось в светское, рационалистическое, ориентированное на индивида; его секуляризация прогрессировала: согласно данным опроса в 1909 г. студентов Политехнического института, 23,4 % твердо верили в Бога, 22,8 % сомневались, 48,3 % не верили и 5,5 % уклонились от ответа. Зародился национализм, усилился патриотизм, что свидетельствовало о росте социальной интеграции. Роль гражданского права резко возросла, и оно четко отделилось от уголовного, так же как уголовное преступление от деликта. Уголовные наказания смягчились. В 1742 г. была де-факто отменена смертная казнь, правда, впоследствии была восстановлена, но никогда не достигала прежних масштабов. Среди уголовных наказаний в начале XX в. стало преобладать тюремное заключение, и даже телесные наказания заключенных были отменены в 1904 г. В отличие от прошлого наказания крайне редко вели к лишению человека гражданских прав навсегда. Санкция утратила искупительный характер и главной целью имела восстановить порядок вещей, другими словами, *реститутивная санкция заменила репрессивную*.

Дюркгейм полагал, что коллективное сознание при механической солидарности отличалось конкретностью, специфичностью, детальностью, а при органической солидарности — абстрактным и общим характером. Это наблюдение в полной мере относится к России. Языковеды, изучавшие развитие русского языка, в котором русское коллективное сознание выражалось, обнаружили, что язык со временем становился более абстрактным, логическим, отвлеченным и по лексике, и по грамматике. «В новейшем книжном языке, — констатировал в 1858 г. известный русский языковед Ф.И. Буслаев, — русское отвлеченное логическое сочетание понятий берет верх над этимологическим. В народном же языке, не подчинившемся искусственному единству условных правил и менее книжного подвергшемся изменению и нововведениям, так же как в древнем, этимологическая форма и наглядное представление господствуют над ло-

гическими формами». В современном русском языке (около 200 тыс. слов) имеется примерно 20 тыс. слов иностранного происхождения (многие из них — абстрактные, общие понятия), которые пришли в русский язык в последние 300 лет.

Всем перечисленным изменениям в характере социальной солидарности в период империи сопутствовали рост разделения труда и плотности населения. Показателем растущего разделения труда служит диверсификация экономики. Только за 1857–1897 гг. доля самодеятельного мужского населения, занятого в сельском хозяйстве, уменьшилась с 75,9 до 62,8 %. В Европейской России средняя людность сельской общины увеличилась примерно в 3 раза (432 человека в 1905 г.), средняя людность города — в 19 раз (25 тыс. в 1910 г.), плотность населения за 1680–1913 гг. — в 35 раз (24,4 человека на 1 кв. км в 1913 г.), наоборот, среднее расстояние между городами уменьшилось в 3,5 раза (83 км в 1914 г.).

Трансформация механической солидарности в органическую в начале XX в. не завершилась в России, как она не завершилась, по мнению Дюркгейма, и в западноевропейских странах. Однако, несомненно, западные общества продвинулись по этому пути значительно дальше, чем российское.

ХП.3. Россия в ракурсе цивилизационной парадигмы

В основе классической цивилизационной парадигмы лежит идея социального плюрализма: отдельные цивилизации (их число определяется исследователями по-разному) — уникальны; они существуют в значительной степени изолированно друг от друга, в соответствии с имманентно присущими им ритмами. Фундаментальные структуры и ценности, выступавшие в качестве ядра цивилизаций, обнаруживают вневременную устойчивость. Динамика цивилизаций имеет циклический характер: зарождение, рост и расцвет, затем надлом и распад — трансформация культурного пространства в пространство географическое. Другими словами, цивилизации развиваются как живые организмы — рождаются и умирают. Цивилизационная парадигма по существу поддерживает тезис исторического круговорота: общества, двигаясь по замкнутому кругу, регулярно возвращаются к исходному состоянию. Большинство сторонников данного подхода верят в решающее воздействие географических и экологических условий на специфику цивилизаций.

В современной науке и публицистике классическая цивилизационная парадигма часто имплицитно сочетается с марксистской или модернизационной теориями: цивилизации уникальны, но имеют общие законы развития. Как возможна такая комбинация, не объясняется. В этом варианте парадигмы термин «цивилизация» принимает значение национального своеобразия, т. е. теряет первоначальный смысл, и сама концепция утрачивает своеобразие — ведь и другие парадигмы не отрицают национальные особенности в развитии любой страны.

Среди сторонников цивилизационной парадигмы нет единства по вопросу идентификации России; предлагается несколько вариантов: 1) дочерняя цивилизация по отношению к западной цивилизации; 2) восточная

цивилизация; 3) своеобразный симбиоз цивилизаций и этнокультурных анклавов; 4) уникальная евразийская цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока.

Действительно, сравнение России с Западом, в какой бы момент оно ни производилось, обнаруживает различия, которые бросаются в глаза и иностранцам и россиянам. Спектр отличий зависит от времени сравнения и наблюдателя. Суммируем наиболее характерные черты образа России и Запада на конец XIX–начало XX в., которые в последние 133 года артикулируются в российском дискурсе сторонниками цивилизационной парадигмы, от Н.Я. Данилевского до современных евразийцев (табл. XII.2).

Таблица XII.2

Образ России и Запада на конец XIX – начало XX в.

№ п/п	Россия	Западная Европа
1	2	3
1	Православие	Католицизм или протестантизм
	Суровые для жизни человека географо-климатические условия	Благоприятные для жизни человека географо-климатических условия
3	Многонациональная	Мононациональная
4	Колонизация, внешняя экспансия, подвижная граница	Жизнь в строгих границах
5	Ограничение экономической, политической и мировоззренческой свободы индивида	Экономическая, политическая и мировоззренческая свобода индивида
6	Государственность как нормативно-ценностное основание и доминантная форма социальной интеграции	Религия как нормативно-ценностное основание и доминантная форма социальной интеграции
7	Подчинение общества государству, этатизм, патернализм, иерархия	Гражданское общество, опора человека на собственные силы, равенство
8	Господство государственной и коллективной собственности и командная экономика	Господство частной собственности и рыночная экономика
9	Общество и государство регулируют общественные отношения и контролируют поведение человека	Рынок регулирует общественные отношения, каждый человек контролирует себя
10	Общинность, соборность, централизация, монополизм	Индивидуализм, эгоизм, децентрализация, плюрализм
11	Самодержавие, авторитаризм	Либеральная демократия
12	Социоцентристское общество: примат общества над личностью, человек — винтик, частица целого, общественный порядок, коллективные ответственность и выбор, расчет на помощь общества, вера в общую судьбу	Антропоцентричное общество: примат личности над обществом, человек — неповторимая индивидуальность, гражданские права, личные ответственность и выбор, расчет на собственные силы, вера в личную судьбу

1	2	3
13	Обоюдная безнаказанность подданных и государства при нарушении закона	Господство закона
14	Деревенская, крестьянская, аграрная	Городская, буржуазная, торгово-промышленная
15	Мобилизационный путь развития, опора на традицию и опыт, медленный и рваный ритм технологического прогресса	Инновационный путь развития, опора на науку и технику, быстрый и постоянный технологический прогресс
16	Трудовая этика — потребительская, минималистская, труд как неизбежная повинность, умеренность в работе, минимизация значения земных ценностей	Трудовая этика — буржуазная, максималистская, свободный труд как самоценность, интенсивная работа, личный успех и богатство как ценности
17	Иоанновский, мессианский тип человека: ценностно-рациональный стиль мышления, стремление к абсолютному Добру, создание гармонии из хаоса, стремление к покою и порядку, конформизм, интроверсия	Прометеевский, героический тип человека: целерациональный стиль мышления, ориентация на конкретный результат и эффективность, создание порядка из хаоса, жажда деятельности и власти, стремление к независимости, экстраверсия
18	Воля как свобода от всего и для себя	Свобода как взаимные права и обязанности
19	Покой, терпение, консерватизм и гармония как ценности	Деятельность, активность, новаторство и изменение как ценности
20	Религиозность, сакральность мира	Секуляризация, светскость мира

Россия и Запад — это умственные конструкции, которые одновременно являются и эмпирическими обобщениями, и априорными конструкциями. Они не выведены индуктивно, путем анализа реальности, а логически сконструированы путем усиления, выделения, заострения тех черт, которые существуют реально и представляются исследователям наиболее важными и характерными. При этом имеющееся сходство полностью игнорируется, все внимание сосредоточено на различиях. Разве в начале XX в. на Западе не было государственной или коммунальной собственности, а в России — частной? Разве на Западе имелось подлинное гражданское общество, а в России не было даже его элементов? Разве на Западе функционировала идеальная либеральная демократия, а в России — чистое самодержавие? И это относится к каждому из двадцати пунктов «принципиальных» различий между Россией и Западом. Сконструированные объекты — это то, что в социологии (с легкой руки М. Вебера) называется идеальным, или чистым, историческим типом: «Это — мыслительный образ, не являющийся ни исторической, ни тем более "подлинной" реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую

явление действительности может быть введено в качестве частного случая. По своему значению это — чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается для того, чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции, в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность научно дисциплинированная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные. Идеальный тип в данной его функции — прежде всего попытка охватить «исторические индивидуумы» или их отдельные компоненты генетическими понятиями». Идеальные типы «Россия» и «Запад» — аналитические категории, подобно совершенному вакууму в физике или совершенной конкуренции в экономике. Они играют роль культурных конструкций, чтобы иметь масштаб для сравнений. Реальные Россия и Запад весьма отдаленно похожи на их идеальные типы — как совершенная экономическая конкуренция похожа на действительную конкуренцию в современной России или на Западе.

Итак, все существующие в литературе образы России и Запада — это идеальные типы. Их назначение — устанавливать своеобразие индивидуально-исторических явлений: насколько реальные Россия и Запад в тот или иной момент отличались от идеальных России и Запада. Благодаря этому мы отчетливее понимаем, что такое Россия и что такое Запад и чем реальные Россия и Запад отличаются от их идеальных образов. Но это не подлинные Россия и Запад! Историки и культурологи забывают об этом и отождествляют умственные конструкции с самой историко-культурной реальностью, вследствие чего они преувеличивают истинные различия между Россией и Западом.

Но и при поправке на преувеличения различия между Россией и Западом все-таки существуют, причем на любой момент в течение последних 1200 лет. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом: синхронные — на определенные моменты сравнения России и Запада говорят в пользу их различия, диахронные или сравнения векторов развития — в пользу их похожести. Как это возможно? В каждый данный момент Россия находится на другой, более ранней стадии перехода от традиции к модерну, и поэтому синхронные сравнения, естественно, всегда обнаружат и покажут различия. Тем более что в последние полтора столетия западные европейские страны существуют как современные общества, бесповоротно порвавшие с традиционностью и механической солидарностью, в то время как Россия только еще трансформируется в современное общество и процесс этот до сих пор не завершен. Чтобы дать правильный ответ на вопрос, что такое Россия, следует учитывать также динамику, вектор развития и степень различия на каждый момент, что в сравнениях, как правило, отсутствует. Между тем, как мы видели, в период империи по всем параметрам произошло сближение России и Запада: человек получил гражданские и политические права, общество и люди, если и не вырвались полностью из цепких лап государства, то достигли известной автономии, частная собственность существенно потеснила государственную и общинную, социе-

тальный контроль (со стороны государства, общества, церкви, общины, корпорации и семьи) за человеком ослаб и роль самоконтроля увеличилась, самодержавие уступило демократической республике и т. д.

С 1917 по 1991 г. сближение России и Запада продолжалось, причем с двух сторон. Россия стала урбанистическим, индустриальным, светским, образованным обществом. Запад, хотя и развивался в направлении либеральной демократии и рыночной экономики, тем не менее усвоил идеи регулируемой экономики, социального государства, или государства всеобщего благоденствия, практику идеологической обработки населения и тотального контроля и многие другие советские ноу-хау. После 1991 г., в постсоветское время, Россия, вновь вступив на путь демократии и рыночной экономики, совершила мощный рывок в направлении Запада. Несмотря на это, качественное сравнение России и Запада в 2006 г. найдет много различий между ними, однако количественный анализ покажет, что степень различий уменьшилась. Конвергенция — главная тенденция развития Европы XVIII—XX вв., в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба, и игнорировать ее было бы легкомыслием. Серьезный исследователь должен регулярно переконструировать идеальные типы в соответствии с произошедшими изменениями. Иначе идеальные типы «Россия» и «Запад» превратятся в совокупность ложных стереотипов сознания, иными словами, — в ложные мифы. Как сказал М. Вебер: «Есть науки, которым дарована вечная молодость, и к ним относятся все исторические дисциплины, перед ними в вечном движении культуры все время возникают новые проблемы. Для них главную задачу составляют преходящий характер всех идеально-типических конструкций и вместе с тем постоянная неизбежность создания новых».

ХП.4. Россия и Запад в ракурсе модернизационной парадигмы

А. Общее и особенное

Теория модернизации, созданная на основе эволюционизма и структурного функционализма, предложила эволюционистско-прогрессистскую парадигму для исследования перехода от традиционного общества к современному. Сторонники модернизационной парадигмы полагают, что переход к модерну сопровождается радикальными трансформациями моделей человеческой деятельности, подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется под действием факторов преимущественно эндогенного происхождения, с помощью механизмов, общих для всех социумов. Главное в рамках указанного подхода — определить стадию, на которой находится данный социум в универсальном процессе развития, так как закономерности функционирования обществ в значительной степени являются производными от той стадии, на которой они находятся в данный момент. Теория модернизации в последние годы стала довольно популярной среди российских исследователей и активно применяется в изучении России XIX—XX вв.

Российское общество в период империи трансформировалось от традиции к модерну и в принципе изменялось в тех же направлениях, что и западноевропейские социумы: из традиционного, аграрного, сельского,

патриархального, холистского оно превращалось в современное, индустриальное, городское, демократическое, индивидуалистское. Вместе с тем имелись и существенные различия. Первое заключалось в том, что социальные изменения происходили в России с опозданием, например становление сословий и городских корпораций, переход от общности к обществу, демографический переход, промышленная революция, возникновение гражданского общества и представительных учреждений.

Второе отличие состояло в том, что глубина охвата России и других европейских стран различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами была различна. Например, закрепощение населения в России, как нигде, было всеобъемлющим и полным; урбанизация, индустриализация, распространение грамотности, секуляризация массового сознания к 1917 г. не успели широко развиться; некоторые явления вообще обошли Россию стороной, а если затрагивали, то поверхностно, например Ренессанс, Реформация, контрреформация и научно-технические революции XVII–XVIII вв. Только в XVIII в. Россия по-настоящему присоединилась к Европе и стала составлять с ней единое культурное, экономическое и информационное пространство, претерпевать те же процессы и явления, которые происходили там, правда, с некоторым опозданием и иной интенсивностью.

Россия от Запада отличалась еще и тем, что в XVII–XIX вв. западно-европейские страны развивались в направлении нивелирования местных, сословных или классовых особенностей общественного и частного быта, интеграции и централизации политического, правового и культурного пространства, ранее фрагментированного и децентрализованного по регионам, сословиям и классам, в единое национальное пространство. Другими словами, происходила консолидация населения в единую нацию, что в общих чертах завершилось в 1870-е гг. В русском обществе, наоборот, в течение XVIII–XIX вв. наблюдался рост социальной и культурной фрагментации вследствие колонизации и асимметричной вестернизации. До середины XVII в. отдельные социальные группы отличались общностью культуры, веры, менталитета, организации, и в этом смысле русское общество было более или менее однородным. Однако с начала XVIII в. под влиянием модернизации русское общество постепенно фрагментировалось и к концу XIX в. стало значительно более асимметричным, чем было до петровских реформ начала XVIII в. Дворянство, городское сословие и крестьянство из-за различных темпов социальной динамики в конце XIX в. находились на разных стадиях социального развития и социальной организации, жили в значительной мере в разных социальных, правовых и культурных условиях, несмотря на то что постоянно взаимодействовали и влияли друг на друга. К 1917 г. две трети русского крестьянства (80 % населения в 1913 г.) продолжали жить в общине, руководствуясь в большей степени обычным, а не писаным правом, передачу культурного наследия осуществляли преимущественно устным путем и т. д., т. е. существовали в условиях общности традиционного типа. Городское сословие (18 %) в значительной мере изжило общинные отношения, но отдельные его группы — купцы, мещане и ремесленники — в

разной степени. Дворянство и разночинная интеллигенция (2 %) практически не знали общинной организации частной и общественной жизни и в начале XX в. уже жили в условиях равенства возможностей, приоритета заслуг перед рождением, открытости и социальной мобильности, главенства закона; психологически они были готовы к социальным переменам, к жизни в условиях демократии и разделяли концепцию прогресса.

Вместе с тем город и деревня не превратились в два отличных друг от друга мира. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, деревня всегда была тесно связана с городом и не являлась его антагонистом. В течение всего имперского периода от трети до половины городского населения состояло из крестьян, и в пореформенное время доля последних постепенно увеличивалась. Часть образованных слоев общества, оппозиционно настроенная к существовавшему режиму, разделяла некоторые парадигмы массового сознания крестьян и городских низов, хотя было бы неверно думать, что интеллигенция имела общий менталитет с крестьянством или рабочими. Во-вторых, в пределах городского и деревенского пространства также существовала порожденная модернизацией социальная фрагментация, достаточно сильная и отчетливая. В городе и деревне возникли новые классы — буржуазия и рабочие, из сельской общины к 1917 г. вышло до 30 % крестьян. Буржуазия и значительная часть крестьян, порвавших с общиной, связывали свои надежды с урбанизацией, индустриализацией и развитием рыночных отношений. Напротив, рабочие, в массе своей имевшие тесные отношения с деревней, не успевшие «перевариться» в фабричном или городском котле, во многом несли на себе печать крестьянского менталитета. Индустриализация ассоциировалась в их сознании с тяжелой работой на фабрике, с отрывом от родины и семьи, с разрушением традиционного уклада их жизни. В силу этого они мечтали о том, чтобы переустроить весь мир, в том числе промышленность и город, по модели сельской передельной общины. Поэтому внутри города и деревни проходила более существенная социальная и культурная граница между формирующимися классами, что также не позволяет рассматривать город и деревню как противоположности.

Российское культурное и социальное пространство, если несколько огрубить действительность, было расколото на две неравные части, но не столько в соответствии с местом жительства, сколько в соответствии с социальной принадлежностью — крестьяне и городские низы, с одной стороны, дворянство, буржуазия и интеллигенция — с другой. Это обнаружилось уже в конце XVIII в. Вот наглядный пример. В сентябре 1792 г. известный русский агроном, дворянин и помещик А.Т. Болотов, застигнутый ненастной погодой в дороге, вместе со своей семьей вынужден был остановиться в крестьянском доме. Он, по его словам, впервые (!) оказался на деревенском «годовом празднике» и смотрел на него как иностранец. «На что смотрели и сами мы, как на не виданное еще никогда зрелище, с особливым любопытством, и не могли странности обычаев их, принужденности в обрядах и глупым их этикетам и угощениям довольно надивиться. <...> И глупые обряды их при том ажно нам приску-

чили и надоели. Однако, как ни не мешали они нам тем в нашем чтении (французских книг, надо полагать. — *Б. М.*), но мы, скрепя сердце, сидели уже молча и давали им волю дурачиться». Как видим, дворянин, постоянно общавшийся с крестьянами по делам своего поместья и по службе: к 1794 г. он прослужил коронным управляющим казенных крестьян 20 лет! — плохо знал их быт и нравы и жил в бытовой и культурной изоляции от них. И это было отнюдь не исключением, а нормой. Для культурного помещика первой половины XIX в. М.А. Дмитриева (1796–1866) мир народной культуры был столь же глубоко чужд, враждебен и абсолютно непонятен, как и для А.Т. Болотова. Немецкий антрополог А. Гакстаузен, много лет изучавший Россию не только по книгам, но и в ходе путешествий, имел все основания написать в 1847 г.: «С XVI столетия Россия значительно сблизилась с Западной Европой. В последние 140 лет в России сильно распространилась европейская цивилизация. Высшие классы получают западноевропейское воспитание и образование; все государственные учреждения заимствованы с Запада. Законодательство приняло не только характер, но и форму европейских законодательств; но все это отразилось только на высших классах. Западная цивилизация не проникла в нижние слои русского народа, в его нравы и обычаи; его семейная и общинная жизнь, его земледелие и способ поземельного владения сохранились вне всякого влияния иноземной культуры, законодательства и почти вне правительственного вмешательства. Но благодаря различию в образовании верхних и нижних слоев русского народа образованное сословие утратило всякое понимание сельских народных учреждений. <...> Русская литература, рисовавшая народ по Вальтеру Скотту и Ирвингу, только теперь начинает знакомиться с жизнью народа, его семейными отношениями и традициями; это, только в еще высшей степени, должно быть сказано об иностранцах, писавших о России. Всякий, едущий в Россию с целью основательного изучения русского народного быта, должен прежде всего постараться забыть все, что он читал о нем в Европе». Интересно, что народ и интеллигенция в пореформенное время говорили буквально на разных языках: народный язык был близок к языку XVII в., а язык образованных людей европеизировался.

Четыре фактора играли ключевую роль в этом социально-культурном расколе: 1) замедленность урбанизации (процент городского населения за 1742–1914 гг. увеличился с 13 до 15,3, или всего на 2,3 пункта); 2) рассеянность индустриализации (в городе в 1860–1914 гг. было сосредоточено около 40 % всех рабочих, в деревне — 60 %); 3) слабая социальная мобильность; 4) преимущественно устный характер народной культуры.

Медленная урбанизация приводила к тому, что город «переваривал» на новый модернистский лад лишь незначительную часть крестьянства. А медленная и рассеянная индустриализация позволяла крестьянам сочетать сельскохозяйственные занятия с промышленными, традиционные модели поведения с новыми.

Межсословная и географическая мобильность была, с одной стороны, недостаточно интенсивной из-за низких темпов урбанизации и индустриализации, с другой стороны, односторонней — преимущественно из крестьян

янства в городское сословие и из деревни в город. Это замедляло проникновение новых идей, социальных и культурных стандартов в деревню.

Положение усугублялось малограмотностью и отсутствием привычки у крестьян и городских низов черпать нужные знания и опыта в печатном слове. Это предопределило передачу знаний и опыта посредством прямых примеров и подражания, сужало значение книги, школы, средств массовой информации в социализации молодого поколения. К началу XX в. только дворянство и духовенство (2 % всего населения России) достигли почти полной грамотности; остальные сословия по степени грамотности находились на уровне западноевропейских стран XVII в.: грамотность среди мужчин старше 9 лет составляла в конце XVIII в. 6 %, в 1850 г. — 19 %, в 1913 г. — 54 %, у женщин — соответственно 4, 10 и 26 %. Уровень функциональной грамотности была намного ниже, так как не все грамотные люди имели возможность читать литературу и не все считали, что посредством литературы следует обучаться. Крестьянство и городское сословие в XVIII–первой половине XIX в. к чтению относились неодобрительно, полагая, что этим пристойно заниматься только представителям дворянства и духовенства. В пореформенное время народный читатель в массе своей ценил религиозные книжки, а светские не одобрял, считая, что они вредны, сбивают с истинного пути. Вследствие этого в середине XIX в. читательская аудитория России насчитывала всего от 600 тыс. до 1 млн человек, что составляло лишь 1–1,5 % всего населения; к концу XIX в. аудитория возросла до 3–4 млн, или 3–4 % населения. Положение стало серьезно изменяться только в конце XIX в., но главным образом после того как в 1908 г. Государственная дума приняла Закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования, и верховная власть поддержала эту инициативу. Уровень грамотности стал быстро повышаться, обгоняя даже текущие потребности народа, развивалась склонность к серьезному, прагматическому чтению, намечился переход крестьянства от устной культуры к письменной. Это имело принципиальное значение, поскольку механизм передачи и преобразования накопленного и нового знания в существенной, если не решающей, степени обуславливает своеобразие культуры, возможность и темпы ее трансформации. Устная передача опыта нацеливала крестьян на преемственное воспроизведение людьми определенных навыков, умений, ориентаций и в лучшем случае обеспечивала очень медленную эволюцию устоявшихся знаний и представлений. Книга и периодическая печать делали крестьянский мир открытым влиянию города, высокой культуры, всему, что происходило в мире, и готовили крестьян по большому счету к переходу от традиционности к модернизму.

В отличие от простонародья дворянство и интеллигенция уже в конце XVIII – начале XIX в. рассматривали книгу как руководство к действию и в своем поведении подражали литературным героям. Однако на их долю приходилось всего 2 % населения, что было достаточно, чтобы развить мощную, имеющую мировое значение русскую культуру, но недостаточно, чтобы подготовить народ к восприятию и ассимиляции достижений европейской цивилизации. В результате четыре мощных двигателя модер-

низации — индустриализация, урбанизация, социальная мобильность и печатное слово — в социальном и культурном отношении имели ограниченное значение в России. Социальные и политические реформы, начавшиеся в начале XX в., создавали благоприятные возможности, чтобы сгладить социальные противоречия на основе консенсуса, но две неудачные войны (русско-японская и мировая) и три революции, случившиеся в продолжение всего 10 лет, помешали начавшемуся процессу.

При оценке раскола образованного общества и народа необходимо учитывать, что это не специфически российское явление, а неизбежная стадия при переходе от традиции к современности во всех странах и что раскол не означал, что народная и элитарная культуры не взаимодействовали. Общественный и семейный быт, нравы, поэтическое творчество крестьян и низших слоев города испытывали постоянное влияние элитарной культуры, и наоборот. Проблема состояла в том, что элитарная культура изменялась быстрее, чем народная. Это и создавало впечатление, что народ дремлет, а элита европеизируется. В Западной Европе народной культуре сокрушительный удар нанесли церковь и государство еще в XVI–XVII вв. После этого о народной культуре можно говорить только как об осколках дезинтегрированного целого или как о псевдонародной культуре. В России к 1917 г. народная культура была живой и мощной, хотя и начала разрушаться.

Важное отличие России заключалось в том, что социальные изменения, происходившие в России и других европейских странах в XVIII – начале XX вв., отчасти были синхронными, но по большей части не совпадающими во времени. Одни процессы начались в России в тот момент, когда они завершились или завершались на Западе, например становление сословий и городских корпораций, переход от общности к обществу; другие захватили Россию с большим опозданием, например демографический переход, промышленная революция, возникновение гражданского общества и представительных учреждений. В европейских странах важнейшие социальные и культурные процессы также не были вполне синхронными, но там временной разрыв между ними был намного меньше.

Глубина охвата России и других европейских стран различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами была существенно различна. Например, закрепощение населения в России, как нигде, было всеобъемлющим и глубоким; урбанизация, индустриализация, распространение грамотности, секуляризация массового общественного сознания к 1917 г. не успели глубоко захватить российское общество. Некоторые процессы вообще обошли Россию стороной, а если затрагивали, то поверхностно. Например, русское общество так и не прошло через горнило Ренессанса, Реформации, контрреформации и научно-технической революции XVII–XVIII вв., которые имели место в западноевропейских странах, ни одновременно, ни позже.

Только в XVIII в. Россия по-настоящему присоединилась к Европе и стала составлять с ней единое культурное, экономическое и информационное пространство, испытывать те же процессы и явления, которые происходили там, правда, с некоторым опозданием и иной интенсивностью.

Движение цен в России и на Западе может служить хорошим индикатором контактов между ними. До начала XVIII в. в динамике западноевропейских и русских цен не наблюдалось никакой согласованности. Революция цен, которая постепенно охватывала Европу в XVI–XVII вв. с запада на восток, включая Прибалтику, Польшу, Скандинавские страны и Австрию, остановилась у российской границы. В результате асинхронного изменения цен в течение нескольких столетий на рубеже XVII–XVIII вв. уровень цен, выраженных в граммах золота, в России оказался в 9–10 раз (!) ниже, чем в западноевропейских странах. Экономические связи, которые имела Россия с Западом, являлись совершенно недостаточными для включения страны в мировой рынок, а ведь они были намного интенсивнее, чем культурные контакты. Отсюда очевидно, как мало общалась Россия с остальной Европой до XVIII в. в экономическом, да и в других отношениях. Зато в следующем столетии в России наблюдался компенсационный рост: цены повысились в 5 раз в золоте и в 11 раз номинально — больше, чем на Западе за несколько предыдущих столетий, благодаря чему разрыв в уровне цен сократился до двукратного. В следующем столетии цены в России и остальной Европе изменялись совершенно согласованно, разрыв в их уровне на рубеже XIX–XX вв. сократился до возможного минимума и составлял всего 20–30 % — твердое доказательство того, что Россия вполне интегрировалась в мировую экономику. Динамику российских и западноевропейских цен можно считать тестом на интенсивность контактов между Россией и Западом: их ничтожность до XVIII в., бурный, компенсационный рост в XVIII в., их нормальность в XIX — начале XX в., соответственно периферийность России по отношению к Западу до XVIII в., ее интеграция в Европу начиная с XVIII в. и включенность в XIX — начале XX в.

Культурная асимметрия в еще большей степени, чем социальная дифференциация, создала огромное напряжение в обществе и способствовала созреванию предпосылок для трех революций начала XX в. Последняя революция не ограничилась уничтожением остатков старого режима, как это было во время революций в Европе в 1789–1848 гг., она разрушила также и возводившееся здание нового современного общества и модернистской культуры.

Антимодернистский характер Октябрьской революции ярко проявился в том, что в 1917–1918 гг. народ намеренно сжигал сотни музеев и тысячи помещичьих усадеб, книги, ноты, музыкальные инструменты, произведения искусства, постельное белье, гобелены, фарфор — все, что символизировало неравенство и напоминало об угнетении, заодно убивая или изгоняя помещиков и чиновников из их домов. И в селах, и в городах подобные действия носили символический характер: искоренение остатков «проклятого прошлого», освобождение пространства от «чуждых элементов». Для описания процесса уничтожения высеченных и вылепленных образов царей и генералов, имперских регалий и эмблем, зданий и названий был изобретен даже специальный термин — «деромановизация». Разрушение культурных ценностей во время революции напоминает разрушение машин, а иногда и целых фабрик луддитами во время про-

мышленной революции в Англии в 1760–1820 гг.: английские рабочие, как и русские крестьяне и рабочие, таким образом протестовали против наступления индустриальной эры и хотели вернуть прошлое. Аналогичную цель — вернуться к более древнему общественному строю — преследовали крестьянские движения во Франции в XVII в.

Три фактора способствовали тому, что Октябрьская революция в некоторых отношениях стала антимодернистской: 1) мировая война; 2) сохранение в среде большей части русского крестьян и рабочих социальных институтов, права и менталитета традиционного типа; 3) многонациональность Российской империи. Неудачная для России война расшатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны удерживались в определенных границах, а также дала возможность социалистическим партиям спекулировать на трудностях войны и агитировать в пользу революции. Октябрьская революция свершилась под 4 лозунгами: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам, власть — трудящимся. Важнейшим среди них был призыв к всеобщей экспроприации собственности и перераспределению ее между работниками города и деревни, объединенными в общины, артели и другие подобные ассоциации. Прекращение войны и свержение существующей власти играли вспомогательную роль — надо было убрать два препятствия, которые мешали экспроприации собственности. Главные социальные лозунги революции есть не что иное, как призыв к «черному (всеобщему. — *Б. М.*) переделу». В них нашел свое выражение традиционный крестьянский принцип — «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает», видоизмененный в новых условиях в «собственность принадлежит трудящимся». Если мы вспомним лозунги Великой французской революции: отечество, свобода, равенство и братство, то становится очевидной антибуржуазность Октябрьской революции, участники которой были равнодушны к фундаментальным принципам буржуазного общественного порядка. И это не случайно — большинство народа участвовало в революции во имя восстановления попорченных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни. «Русская революция враждебна культуре, она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благоденствие», — констатировал Н.А. Бердяев.

Многонациональность империи также «сказала свое веское слово» в пользу революции. Централизация, унификация управления, суда и законов, а также экономическая интеграция в России, как и в других странах, приходили в столкновение с ростом национализма. Модернизация империи натолкнулась на национализм и сама по себе способствовала его росту. Разумеется, Октябрьская революция не была фатальной, она была порождена кризисной ситуацией, стала возможной вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств. Однако социальный и культурный раскол российского общества создал для нее существенные предпосылки.

Стремление догнать западноевропейские страны в экономическом отношении вынуждало российское правительство проводить реформы, кото-

рые подстегивали одни процессы и принудительно останавливали другие. Так, в течение XVIII в. правительства Петра I и Екатерины II, движимые благими намерениями, усиленно насаждали сословный строй и регулярное государство, полагая, что это последнее слово европейской цивилизации. Правительство Александра II из лучших побуждений провело серию крупных реформ, которые опережали общественные потребности России в тот момент, если под ними иметь в виду не требования образованной части русского общества, а требования крестьянства и городского сословия. Парламент и конституция пришли в Россию задолго до того, как широкие народные массы получили об этих институтах хоть малейшее представление. В данном случае речь идет не о том, нужны или не нужны были российскому обществу эти и другие реформы, а о том, что с начала XVIII в., с того момента, когда российское правительство стало оплодотворять Россию самыми передовыми европейскими идеями, институтами и процессами, естественность и органичность социального развития России были нарушены: не успевали естественным путем завершиться одни процессы, как уже стимулировалось появление других. Подобные реформы, отвечавшие представлениям и потребностям правительства и образованных слоев общества, а не широких масс населения, естественно, оказывали воздействие на социальные верхи в значительно большей степени, чем на низы, на город больше, чем на деревню.

Переход от традиции к современности в западно- и центрально-европейских странах проходил сравнительно с Россией в значительно большей степени естественно и органично и, несмотря на это, был длительным, болезненным и трудным процессом, сопровождался ростом социальных напряжений, конфликтами и революциями. В России, где *темпы перехода к модернизму под воздействием реформ сверху опережали возможности и готовность широких народных масс к переменам, болезненность модернизации увеличивалась*. Форсирование социальных изменений привело в конечном счете к социальной напряженности такой степени, что общественный порядок, не выдержав, рухнул и погреб на известный срок под своими руинами многие достижения модернизации.

Б. Россия и Запад — разные часовые пояса

Россия была и остается европейской страной. Основы российской государственности, общественного быта и культуры имеют европейское происхождение, они были заложены в Киевский период и связаны с византийским наследством, принятием христианства и приходом письменности. Неблагоприятные внешние и внутренние обстоятельства в течение нескольких столетий задерживали их развитие, но не разрушили и не заменили их другими. Противопоставление России и Запада или России и Европы основано на том, что в каждый данный момент, ввиду асинхронности социальных процессов и изменений, Россия сильно отличалась от Европы. Но в исторической перспективе *Россия переживала почти все те же процессы, развивалась по тем же направлениям, что и Запад, только с опозданием*. Другими словами, дореволюционная Россия в каждый

момент своей истории отличалась от западноевропейских стран, но двигалась по той же орбите, что и они, и поэтому *в каждый момент была похожа на то, чем они были прежде*. Мы легко обнаружим сходство между императорской Россией и другими европейскими, особенно центрально- (Австрия и Германия) и восточноевропейскими странами, если заглянем в их средневековую историю и в первые столетия новой истории.

Переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, в результате которого рост численности населения стал регулироваться людьми и перестал угрожать прогрессивному развитию общества, начался во Франции во второй половине XVIII в., охватил большинство европейских стран в XIX в. и закончился в основных чертах лишь в начале XX в.

Патриархальная семья с деспотическим главой и приниженными домочадцами преобладала во всех европейских странах в средние века и новое время; всюду община вмешивалась в семейную жизнь, контролировала супружескую верность, вследствие чего интимность личной жизни нарушалась. Репрессивная педагогика господствовала во всех государствах вплоть до XVIII в., а строгое и систематическое дисциплинирование в раннем детстве являлось общей европейской моделью воспитания ребенка до XX в. Ряд историков полагают, что в странах Западной Европы, как и в России, расширенные и «многоячейные» семьи предшествовали или, по крайней мере, существовали наряду с простыми, или нуклеарными, семьями.

Сословный строй в более развитых европейских странах установился в средние века и являлся основой общественного порядка до конца XVIII в. При этом ни в одном государстве даже в период расцвета сословного строя не существовало четких консолидированных сословий — дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Например, во Франции XVII в. исследователи насчитывают 22 социальные группы, подразделявшиеся в свою очередь на 569 подгрупп. Русское дворянство после его превращения в сословие в 1762–1785 гг. ничем существенно не отличалось от европейского. Крестьянство нигде, за исключением некоторых северных стран, не было сословием в полном смысле этого слова.

В европейском средневековье мы находим много общего с социальной жизнью русского города XVII–первой половины XVIII в. и русской деревни XIX–начала XX в. Даже такие институты, как общинная собственность и переделы, были известны во многих европейских странах в средние века, а в некоторых регионах Австрии, Германии бытовали еще в XVIII–начале XIX в. В Англии до начала нового времени, а в других европейских странах до XVIII–XIX вв. каждое сельское поселение представляло собой особый род общности.

В европейских странах, как и в России, долгое время городские и сельские поселения, за исключением немногочисленных крупных торговых городов, не только экономически, но и в социальном отношении мало различались. Различия принципиального порядка между городом и деревней появились с полным переходом городов к рыночному хозяйству, что в Англии завершилось к началу XVI в., в других европейских стра-

нах — к XVII–XVIII вв. Сельскохозяйственные занятия среди горожан были распространены даже в крупных городах XVIII в., не говоря уже о малых городах. Даже американские города XVII в. отличались патриархальным коммунизмом.

Крепостное право, хотя и в более мягких формах сравнительно с Россией, существовало в большинстве западноевропейских стран в средние века, его пережитки исчезли там лишь в течение XVI–XVIII вв., в странах Центральной Европы крепостничество было отменено только в конце XVIII–начале XIX в., а его пережитки ощущались там в XIX в.

Российская государственность имперского периода проходила те же стадии в своем развитии, что и другие европейские страны, только с большим опозданием и с некоторыми особенностями. В эпоху абсолютизма в европейских странах понятие государства также заключало в себе идею собственности. Монарху «принадлежало» государство, а многие государственные институты считались «собственностью» частных лиц, которые осуществляли военные и гражданские функции таким способом, что стиралось различие между частным и публичным, между государством и обществом. Еще более трудно было отделить власть городских корпораций (гильдий, городских советов) над своими членами или землевладельцев над своими крестьянами от государственной власти, так как они обладали такой юридической и административной властью, которая в современных государствах принадлежит всецело государственным институтам. К западноевропейским государствам эпохи абсолютизма понятия «публичный» и «частный» трудно приложимы, поскольку отсутствовало понятие общегражданских прав и обязанностей, права рассматривались как частные привилегии, купленные, унаследованные, выслуженные отдельными лицами и семьями, или как иммунитет от налогов и воинской повинности. Понятие «гражданство» в современном смысле также не было известно, а свобода понималась как автономия от центральной власти. При возникновении демократии электорат в европейских странах был так же мал, как и в России после образования Государственной думы. Даже в самой демократической для своего времени Англии электорат, если иметь в виду число граждан, которые непосредственно выбирали депутатов в парламент, в 1831 г. составлял всего 3,3 % от всей численности населения — *ровно столько, сколько было в Европейской России в 1907–1910 гг.*

Юридический плюрализм, когда в пределах одного государства одновременно действует две или более систем права, характерный для России XVIII–начала XX в., был всеобщим явлением в европейских странах в средние века и в начале нового времени, лишь в XIX в. в большинстве случаев законодательство вытеснило обычное право. В Англии юридический дуализм сохранялся и в XX в.

Сходство между Россией имперского периода и другими европейскими странами в более раннее время обнаруживается также в духовной культуре и менталитете. Приведем характерный пример. Гадалки, колдуны и прорицатели пользовались большим почетом в российской деревне и в начале XX в., в крупных городах они стали исчезать в конце XIX в. В

западноевропейских странах их популярность достигла своего пика в средние века, с началом нового времени она пошла на убыль, но в сельской местности сохранилась до XVIII в. По наблюдениям иностранных путешественников XVIII–XIX вв., религиозность русских и западных людей существенно различалась. Для религиозности всех русских в начале XVIII в., а для простого народа вплоть до начала XX в., были характерны следующие особенности: плохое знание основ христианского вероучения, подмена веры строгим соблюдением ее уставов и обрядов, распространенность суеверий и предрассудков (почитание икон, хождение на поклон к святым местам, посты и т. п.), отсутствие должного благоговения в церкви во время службы и совершения таинств, «прагматический» характер благочестия (от соблюдения обрядов ожидали практических результатов — хорошего урожая, здоровья, успеха в делах и т. п.). Но примерно такие же черты были присущи религиозности в западноевропейских странах до Реформации, а для многих сельских жителей — до XVII–XVIII вв. Охота на ведьм — свидетельство бытования языческих пережитков в массовом сознании — настолько широко практиковалась в западноевропейских странах в XVII–XVIII вв., что в этом отношении, если судить по числу зафиксированных случаев суда над ведьмами, они даже превосходили Россию. В XVI–XVIII вв. языческие пережитки существовали повсеместно в Европе, их живучесть и распространенность возрастали в направлении с запада на восток; в восточноевропейских странах они наблюдались еще в XX в. Сельскохозяйственная магия — другой важный показатель сохранения шаманизма в верованиях людей — просуществовала до середины XX в. во многих западных странах. Например, в США в 1950-е гг. она широко применялась при поднятии целины, кастрации скота, посадках садов и в других случаях, когда имели место риск и неопределенность результата. В 1956 г. 40 % фермеров из штата Огайо перед севом приглашали профессиональных колдунов, гарантирующих достаточное количество осадков. Вследствие спроса на их услуги во всей стране насчитывалось до 25 тыс. колдунов, вызывающих дождь. Русские путешественники первой половины XIX в. с некоторым удивлением отмечали бытование языческих праздников в Европе.

Многие современники сознавали, что простой народ — преобладающая часть населения России — живет в более раннем времени сравнительно с привилегированными слоями или со своими западными соседями. Ирландской знакомой Е.Р. Дашковой, Кэтрин Вильмот, современнице Екатерины II, хорошо знавшей Россию и Западную Европу, русское общество конца XVIII–начала XIX в. напоминало западноевропейское общество XIV–XV вв. Известный либеральный историк и хороший помещик К.Д. Кавелин считал темные и грубые стороны русского сельского быта 1860–1870-х гг. «недостатками молодости». По мнению известного экономиста начала XX в. П.П. Маслова, крестьянина по происхождению, «прилагая западноевропейские мерки к идейным течениям среди крестьян, мы можем сказать, что крестьянство (во второй половине XIX–начале XX в. — *Б. М.*) идейно жило в XV–XVI столетии, между тем как городская интеллигенция жила в XIX столетии».

В 1881 г. Э. О'Фаррель перевел и издал «Три русские сказки М.Е. Щедрина» («Как один мужик трех генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик») и в августе 1881 г., во время пребывания писателя в Париже подарил ему экземпляр книги. Это подношение растревожило автора. «Помилуйте, — говорил Салтыков-Щедрин, — какой интерес могу я представлять для французской публики? Я — *писатель семнадцатого века*, на их аршин. То, против чего я всю жизнь ратую, для них не имеет даже значения курьеза. Надо это понять!» Бывший свидетелем этого писатель П.Д. Боборыкин заметил в своих воспоминаниях: «Спорить с ним было трудновато, и он никак не хотел сойти с того тезиса, что он писатель “семнадцатого века”. А между тем разве он по-своему не был прав? Разве после представления “Грозы” Островского самые авторитетные французские критики не сказали без всякойironии, что нравы эти напоминают им XIV век во Франции; вы видите: даже “четырнадцатый”, а не «семнадцатый». Быть может, у одного Салтыкова достало мужества так резко определить *содержание своей сатиры* для французов».

Можно считать закономерным, что по своей психологии русский взрослый крестьянин XIX в., как он изображается в русской классической литературе и как это было в жизни, напоминает современного юношу. Н.А. Бердяев пронизательно заметил: «Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединялись бы столь разные возрасты, который так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни».

Таким образом, то, что в имперский период считалось национальной спецификой русских, несколькими поколениями ранее встречалось в других европейских странах. Разумеется, не буквально, а принципиально, ибо в рамках европейской цивилизации Россия, как и каждая страна, имела национальные особенности, обусловленные различиями в религии, географической среде, в политических и культурных условиях существования.

Эти особенности были усилены расположением России на восточной окраине Европы, многонациональностью населения, влиянием восточных соседей, тем, что Российская империя позже других стран вступила в круг новой европейской цивилизации и ее история разворачивалась на «диком», необъятном и непрерывно увеличивавшемся пространстве, между тем как большинство народов Западной Европы после падения Римской империи развивалось на уже освоенной и небольшой сравнительно с Россией территории, где находились центры римской культуры. Своеобразие условий существования не помешало России приобрести принципиальное сходство с Европой в социальном, экономическом, политическом и культурном отношениях. То, что называется «европеизацией России», как верно отметил П.Н. Миллюков, «не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, задержанный условиями среды». Глобальные факторы социальной эволюции общества, по крайней мере после принятия христианства, — религия, географическая среда и антропологические предки — были об-

щими или близкими у русских и других народов Европы, что обеспечивало культурные, религиозные и материальные предпосылки для их развития по существовавшим сценариям, а в XVIII–XX вв. в значительной мере предопределило сходство социального развития России и Запада.

Однако более позднее включение в круг европейской цивилизации имело серьезные последствия. Во-первых, Россия развивалась асинхронно сравнительно с другими европейскими странами, поэтому то, что исследователи, лишенные всякого понятия историзма, называют пороками российской политической и социальной систем, национального характера или, наоборот, достоинствами, — не более и не менее как болезни роста и стадии развития: при сравнении с более зрелыми обществами многие особенности кажутся недостатками, а при сравнении с более молодыми — достоинствами. Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны «родилась». Уже Киевская Русь не являлась феодальным обществом в европейском смысле этого понятия; феодальные черты появились несколькими столетиями позже — в XIII–XVI вв. — и поэтому не были столь «чистыми». Проводить *синхронные сравнения* уровня социального и политического развития между Россией и западноевропейскими странами так же некорректно, как сравнивать мальчика со взрослым человеком. Например, Россия привержена авторитаризму и коллективизму несколько не более, чем Англия или Германия в свое время; русские люди отличаются неуважением к частной собственности или закону настолько же, насколько французы или итальянцы отличались в свое время. По отношению к России завышенные требования уместны, но оценка достигнутого должна соотноситься с ее возможностями и возрастом. Подобно тому, как в порядке воспитания от юноши следует требовать, чтобы он вел себя как взрослый, но при оценке его поступков необходимо учитывать возраст. Во-вторых, социальная модернизация проходила тогда, когда традиционные структуры были здоровыми и полными сил: она ломала и перестраивала крепкий еще старый порядок по западноевропейским образцам. Вследствие этого соотношение между преемственностью и изменением нередко оказывалось в пользу первой, модернизация не доходила до устоев, захватывала внешнюю сторону, другими словами, мертвые хватали живых. Но иного выхода не было — это судьба страны, вступившей в процесс модернизации позже других государств и стремящейся их догнать.

Итак, Россия несомненно развивалась как европейская страна, особенно в период империи, причем европейский вектор ее движения был наполовину спонтанным, наполовину результатом сознательных усилий государства и общественности. Возникает неизбежный вопрос: когда и почему Россия отстала от ведущих западноевропейских стран? Согласно широко распространенной точке зрения, отставание явилось следствием более медленного развития России — она потеряла темп и поэтому стала отсталой. У психологов есть понятие «социально запущенный ребенок». Ребенок родился совершенно нормальным, но в неблагополучной семье. В результате пьянства и бедность родителей привели к тому, что за ним плохо ухаживали, с ним не занимались, поэтому его развитие замедли-

лось. В школе обнаруживается, что ребенок не справляется с программой, и его отправляют в специальную школу, где другая программа, другие подходы. Ровесники этого ребенка из нормальных семей прошли вовремя все стадии умственного развития, а он — нет и стал социально запущенным. При очень благоприятных обстоятельствах ребенок может догнать сверстников, конечно, не самых лучших. Говорить, что Россия «отсталая» страна — это то же, что назвать ее социально запущенным ребенком. И аргументация та же самая. На заре истории, в киевское время, государство было вполне европейским, но в середине XIII в. на 250 лет попало в тяжелые условия татаро-монгольского ига — тяжелое детство. Далее еще на 250 лет — тяжелое отрочество. Татаро-монгольское иго и крепостное право нас затормозили, заморозили, сделали отсталыми или, как говорят современные теоретики модернизации, — недоразвитыми, и до сих пор мы не можем быть наравне с ровесниками из западноевропейских стран.

Есть более корректное объяснение этого феномена: *различие между Россией и Западом — это не отставание, а лаг*. Россия с опозданием переживает все те же процессы и проходит те же стадии развития, что и западноевропейские страны, не потому, что россияне — умственно отсталые или социально запущенные дети, а потому, что Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась — *Россия живет в другом часовом поясе*. Каждый день солнце приходит в Британию позже, чем в Японию, что, однако, не означает, что Британия отсталая страна сравнительно с Японией. Идентификация России как европейской страны другого часового пояса лучше передает суть ее «отставания» от западноевропейских стран, где солнце христианской цивилизации взошло на несколько столетий раньше, чем в России. У нас христианство стало государственной религией только в 988 г., в то время как в Римской империи — в 313 г., во Франции — в 496 г., в Великобритании — в 597–686 гг., в Германии — в 700–750 гг., в Норвегии и Швеции — в IX–X вв.

С IX–X вв., с того самого периода, для которого мы имеем первые надежные сведения о наших предках, наблюдается этот лаг. Трудami прежде всего таких известных историков, как Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков, И.Я. Фроянов, убедительно доказано, что домонгольская Русь (IX–начало XIII в.) не являлась феодальным обществом в европейском смысле этого слова. Основные институты феодального строя: вассалитет, иммунитет, патронат — не получили в них своего полного развития; определяющую роль в социальных отношениях играли архаические архетипы и структуры; княжеские, боярские и монастырские вотчины с зависимым населением еще в начале XIII в. выглядели островами в море общинного землевладения. Феодализм как политический и экономический строй на Руси сформировался 3–4 столетиями позже сравнительно с западноевропейскими странами — в XII–XV вв.

С эпохи Возрождения в XV–XVI вв. в западноевропейских странах началась модернизация, а вместе с ней генезис капитализма; в XVII в. произошли первые буржуазные революции. В России XVI–первой половины XVII в. только устанавливалось крепостничество. В XVIII–первой

половине XIX в. в передовых западных странах модернизация вступила в решающую фазу: прошла промышленная революция, были проведены политические реформы, началось строительство индустриального общества и демократического государства, в России модернизация только началась. Во второй половине XIX—начале XX в. на Западе было создано индустриальное общество, а Россия только приступила к промышленной революции. Так продолжается вплоть до настоящего времени: Европа делает рывок, Россия догоняет.

Вероятно, в последнюю тысячу лет, когда возникла государственность и пришло христианство, и определено в последние 300 лет, Россия развивалась несколько быстрее, чем ее западные соседи, благодаря чему разрыв между Западом и Россией имел тенденцию сокращаться. Как указывалось выше, на заре российской государственности лаг составлял около 300–400 лет, через тысячу лет, в начале XX в. — около 100 лет (4 поколения) сравнительно с самыми развитыми странами — Великобританией, США, Францией и Германией и примерно 50 (два поколения) сравнительно с другими западноевропейскими странами — Италией, Испанией и пр. Этот вывод основан на анализе 11 важнейших показателей, на основании которых всегда проводят сравнение различных государств, в ходе которого определено, когда 4 самые передовые великие державы Великобритания, США, Германия и Франция достигли уровня России 1913 г. Разумеется, обнаруженный лаг следует рассматривать как ориентировочный, с примерной ошибкой 5–10 лет, а иногда, возможно, и больше (табл. XII.3).

К 1914 г. по 11 показателям средний лаг между Россией и 4 великими державами составил 100 лет. Если учесть только 3 признака, которые в настоящее время используются ООН в качестве индекса человеческого развития (ВВП на душу населения, средняя продолжительность предстоящей жизни и образование, включающее процент грамотных и долю учащихся среди детей школьного возраста), то разрыв был большим — 132 года. По 5 признакам, которые получили интенсивное развитие только во второй половине XIX – начале XX в. (массовая школа, пресса, железные дороги, общественная медицина и почта), разрыв был меньшим — 71 год. Это говорит о том, что Россия становилась восприимчивой к нововведениям. Наибольший лаг между Россией и ее соперниками наблюдался по грамотности — 213 лет, по 5 показателям (ВНП, урбанизация, продолжительность жизни, число учащихся и длина грунтовых дорог) — 113 лет, по оставшимся 5 показателям — 51–76 лет. Отсюда хорошо видно, что прогресс в России в наибольшей степени сдерживал недостаток образования, городов и дорог. Плотность населения сама по себе не имела принципиального значения — США отставали и до сих пор отстают по этому показателю от Европейской России.

Сравнение между странами показывает, что по 11 показателям впереди России с максимальным разрывом шла Великобритания — 118 лет, а между США, Германией и Францией, с одной стороны, и Россией — с другой разрыв составлял примерно 91–95 лет.

Таблица XII.3

**Лаг в уровне развития между Россией и великими державами
по 13 признакам к 1913 г.**

Показатель	Европей- ская Рос- сия в 1913 г.	Год, когда был достигнут уровень России 1913 г.*					Средний лаг, лет**
		Велико- британия	США	Герма- ния	Фран- ция		
1. Валовой национальный продукт на д. н. ***	61	1750	1800	1850-	1800	113	
2. Продолжительность жизни, лет	33.5	1800-	1800-	1800-	1800	113	
3. Образование, лаг в годах****		1724	1724	1749	1774	170	
4. Число врачей на 10 тыс. чел.	1.8	1850-	1850-	1850-	1850-	63	
5. Число учащихся на 1 тыс. чел. населения	59	1800-	1800-	1800-	1800-	113	
6. Число экземпляров газет на 1 тыс. чел. населения	21	1840	1840	1840	1840	73	
7. Длина железных дорог на 1 тыс. кв. км территории	12.0	1841	1881	1853	1857	55	
8. Число почтовых отправлений на д. н.	15.2	1860	1870	1860	1860	51	
9. Городское население, %	15.3	1750-	1850	1800-	1800-	113	
10. Грамотность, %*****	29	1650	1700	1700	1750	213	
11. Урожайность зерновых, центнеров с га	7.4	1800-	1850-	1850-	1850-	76	
12. Длина грунтовых и шоссежных дорог на 1 тыс. кв. км территории	19	1800-	1800-	1800-	1800-	113	
13. Плотность населения, чел. на 1 кв. км	24.4	1500	1980	1750-	1500	231	
		Лаг, лет					
Показатели 1-3		155	138	113	122	132	
Показатели 4-8		75	65	72	72	71	
Показатели 1-2, 4-12		118	91	95	94	100	

* Знак «-» после года означает, что уровень России 1913 г. достигнут ранее этого года, а знак «+» — позже.

** Средний лаг между Россией и четырьмя странами.

*** В долларах США 1913 г.

**** Образование включает грамотность и число учащихся на 1000 чел. населения.

***** В возрасте 9-15 лет и старше.

В приведенных данных вследствие недостатка сведений отсутствовал такой важный показатель, как степень развития гражданского общества — уровень демократии в стране связан именно с этим. Число добровольных ассоциаций и их активистов до некоторой степени отражает уровень развития гражданского общества. Первые добровольные ассоциации появились в форме масонских лож в России в 1760-е гг., а в Англии и США — в начале XVII в. До 1905 г. российские добровольные общества развивались, но очень медленно, а с 1906 г. — достаточно быстро. Всего в России за 1906–1909 гг. было основано примерно 4800 ассоциаций. В Казанской губернии, по который мы имеем некоторое представление о деятельности 100 ассоциаций в 1861–1914 гг., средняя их численность в начале XX в. составляла 190 человек. Следовательно, за более чем 50 лет они вовлекли в свой состав менее 24 тыс. членов. Даже в больших городах, например в Казани со 190 тыс. населения, в начале XX в. в списках всех элитных клубов и обществ числилось лишь около 2 тыс. человек, т. е. менее 5 % совершеннолетнего мужского населения города. Интересно, что это примерно соответствовало доле цензовых граждан, имевших избирательные права по выборам в земства, городские думы и Государственную думу. В Австро-Венгрии в 1856 г. насчитывалось 2234, а в 1910 г. — 85 тыс. ассоциаций. В современных США, которые считаются страной добровольных ассоциаций, более 75 % взрослых американцев обоого пола входят по крайней мере в одну из них. Но ни в одной стране мира принцип ассоциации не применяется так успешно и не охватывает столько людей, как в Америке. Можно предположить, что по степени развития добровольных ассоциаций лаг между Россией и ведущими странами Запада был примерно таким же, как и по уровню образования.

В советский период разрыв между Россией и великими державами еще более сократился: по 11 признакам со 100 до 42 лет (на 58 лет), по трем признакам, входящим в индекс человеческого развития, — со 132 до 24 лет (на 108 лет). По 5 признакам, которые получили развитие во второй половине XIX – начале XX в. (учащиеся, пресса, железные дороги, врачи и почта), разрыв уменьшился с 71 года до 35 лет (на 36 лет), а по трем признакам, которые получили развитие только в XX в. (количество телевизоров, число студентов и выработка электроэнергии), разрыв составил всего 13 лет. По уровню образования и числу врачей лаг вообще исчез (табл. XII.4).

В советское время был достигнут громадный прогресс, благодаря чему Россия приблизилась к передовым западноевропейским странам в материально-организационном отношении и с точки зрения человеческого и культурного капитала. Однако частная собственность и полноценный рынок как регулятор экономических и общественных отношений не появились, демократический механизм функционирования и обновления власти и гражданское общество также не сформировались. Но люди в массе настолько изменились, что не потребовалось гражданской войны, чтобы политический строй радикальным образом изменился.

**Лаг в уровне развития между СССР и великими державами
по 16 признакам в 1989 г.**

Показатель	Европей- ская Россия в 1989 г.	Год, когда был достигнут уровень России 1989 г.*					Средний лаг, лет**
		Велико- британия	США	Герма- ния	Фран- ция		
1. Валовой национальный продукт на д. н. ***	9226	1970	1940	1950	1950	37	
2. Продолжительность жизни, лет	69	1950	1950	1960	1950	37	
3. Образование****	99,8	Лага нет					
4. Число врачей на 10 тыс. чел.	44	Лага нет					
5. Дети школьного возраста, обучающиеся в школе, %	99,9	Лага нет					
6. Число экземпляров газет на 1 тыс. чел. населения	705	1960	1920	1989-	1987	26	
7. Длина железных дорог на 1 тыс. кв. км	26	1847	1891	1866	1866	122	
8. Число почтовых отправлений на д. н.	220	1960	1929	1987	1975	26	
9. Городское население, %	66	1885	1950	1930	1965	57	
10. Грамотность, %*****	98*****	1913	1959	1913	1959	23	
11. Урожайность зерновых, центнеров с га	17,5	1913	1950	1925	1939	57	
12. Длина дорог с твердым покрытием на 1 тыс. кв. км	148	1910	1930	1910-	1910-	74	
13. Плотность населения, чел. на кв. км	37,9	1700	2020	1800-	1700	184	
14. Число телевизоров на 1000 чел.	311	1970	1960	1970	1980	19	
15. Число студентов на 10 тыс. чел.	178	1989+	1960	1985	1987	9	
16. Выработка электроэнергии на д. н., киловатт-часов	5911	1989+	1960	1975	1985	12	
		Лаг, лет					
Показатели 1-3	—	19	29	23	26	24	
Показатели 4-8	—	40	45	25	28	35	
Показатели 1-2, 4-12	—	51	41	40	34	42	
Показатели 1-2, 4-16	—	42	39	34	28	35	
Показатели 4-16	—	6	29	12	5	13	

* Знак «-» после года означает, что уровень России 1913 г. достигнут ранее этого года, а знак «+» — позже.

** Средний лаг между Россией и четырьмя странами.

*** В долларах США 1989 г.

**** Образование включает грамотность и число учащихся на 1000 чел. населения.

***** В возрасте 9-15 лет и старше.

**** В 1959 г.

Следует заметить, что с 1917 г. по начало 1990-х гг. сближение России и Запада происходило с двух сторон. Россия стала урбанистическим, индустриальным, светским, образованным обществом. Запад, хотя и развивался в направлении либеральной демократии и рыночной экономики, тем не менее усвоил идеи регулируемой экономики, социального государства, или государства всеобщего благоденствия, практику идеологической обработки населения и тотального контроля и многие другие советские ноу-хау.

В постсоветское время в некоторых сферах российской действительности наблюдался регресс: с 1990 по 2005 г. по индексу человеческого развития среди 177 стран мира Россия с 33-го места опустилась на 62-е вследствие уменьшения валового внутреннего продукта и снижения средней продолжительности жизни. Однако в качественном отношении сближение России и Запада за последние 20 лет было беспрецедентным за всю историю. И это закономерно: конвергенция — главная тенденция развития Европы XVIII–XX вв., в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба. И несмотря на это, сравнение России и Запада в 2006 г. все равно обнаружит много различий между ними. Серьезный исследователь должен сознавать преходящий характер всех идеально-типических конструкций и регулярно их переконструировать в соответствии с произошедшими изменениями. Иначе идеальные типы «Россия» и «Запад» превращаются в совокупность ложных стереотипов сознания, иными словами, — в ложные мифы.

Какой можно сделать прогноз будущего России на основании тысячелетней траектории развития? Самый простой и надежный прогноз обычно делается на основе экстраполяции той тенденции, которая наблюдалась накануне прогноза. Эта тенденция состояла в движении России по западной модели и в ее конвергенции с Западом, значит, именно эти процессы и продолжатся. Иное маловероятно. Каждая страна имеет свою колею, или траекторию, исторического развития и, как правило, ее не покидает. Считается, что в последние двести лет только Японии удалось изменить эту траекторию. Итак, с очень высокой вероятностью можно сказать: ближайшее будущее России будет определяться европейской траекторией развития, с которой мы надежно и, вероятно, навсегда связаны неразрывными узами.

ХII.5. Россия в ракурсе трех парадигм

Мы рассмотрели три социологических образа имперской России в сравнительной перспективе: в парадигме Э. Дюркгейма от механической к органической солидарности, в цивилизационной парадигме культурно-исторических типов и в модернизационной парадигме. Парадигма солидарности акцентирует внимание на характере социальной интеграции, цивилизационная парадигма — на национальных особенностях, модернизационная — на главных тенденциях развития в период становления буржуазного общества.

Марксистская и миросистемная парадигмы, которые представляют свои оригинальные социологические образы России, остались за пределами нашего анализа. Марксистская концепция хорошо известна. Что касается

миросистемной парадигмы, то, за некоторыми исключениями, она применяется в основном к современной России. В данной парадигме особенности развития социумов в значительной степени объясняются их внешним окружением и местом в иерархически организованном мире.

Каждая парадигма имеет право на существование, потому что презентует Россию с особенной точки зрения, при этом, однако, вследствие своей односторонности дает одномерный и потому искаженный образ страны. Различные ракурсы, или проекции, — фактически комплементарны и взаимодополняемы. И подобно тому, как три геометрические проекции одного предмета можно объединить и получить полное представление о предмете — его наглядный зрительный образ, так комплексный мультипарадигматический, или мультипарадигмальный, подход, объединяющий особенности всех парадигм, позволяет получить многомерный, собирательный и потому более адекватный образ России сравнительно с теми одномерными картинками, которые дают отдельные парадигмы. Таким образом, сочетание различных точек зрения обеспечивает более широкую перспективу и дает более адекватный образ России. Чем больше разных голосов включается в дискурс об идентичности России, тем больше шансов мы имеем приблизиться к тому, что в классической философии называлось объективностью и истиной.

Если перекинуть мост от дихотомии механическая — органическая солидарность к дихотомии традиционное — современное общество, принятой в теории модернизации, то механическая солидарность наблюдается в традиционных обществах, а органическая — в современных. Соответственно трансформация от механической к органической солидарности происходит при переходе от традиционного к современному обществу. Здесь мы наблюдаем полное согласие между двумя подходами: трансформация механической солидарности в органическую, так же как и становление современного общества, не завершилась в России в начале XX в. Если попытаться совместить модернизационную, цивилизационную и миросистемную парадигмы, то консенсус между ними можно найти в том, чтобы признать, что социальные институты России имели своеобразие и что развитие России имело существенные особенности сравнительно с другими европейскими странами, и эти особенности обусловлены условиями среды — оторванностью от греко-романской цивилизации в античную эпоху, восточным окружением во все времена, поздним приобщением к христианской цивилизации, географией и т. д. — и периферийным местоположением страны в христианском мире.

Если попытаться создать собирательный образ России на основе синтеза разных парадигм, то можно сказать, что Россия — страна европейской культуры, но имеющая важные особенности в своих социальных структурах и институтах; как европейская периферия она живет в другом часовом поясе, с опозданием переживая те же процессы и проходя те же стадии, что и западноевропейские страны, находящиеся в центре. Россия — своеобразна, однако ее своеобразие находится в европейских рамках — нет ничего такого в ее институтах и культуре, чтобы не встречалось в какой-нибудь стране европейского ареала. Даже такие институты, как общинная собствен-

ность и переделы, которые многими считаются исключительно русскими социальными изобретениями, были известны в других европейских странах: общинная собственность встречалась во многих европейских странах в средние века, а в некоторых регионах Австрии, Германии бытовала еще в XVIII–начале XIX в.; в Норвегии общинная собственность дожила до наших дней. Переделы земли, лугов или лесов отмечены в Дании, Германии, Англии, Венгрии, Галиции, Польше, Молдавии, Румынии и, возможно, встречались в других европейских и неевропейских странах.

Чтобы ни говорили об оторванности социальной науки от политической жизни, на самом деле социальные исследователи оказывают, хотя и опосредствованно, серьезное влияние на развитие реального мира, так как их выводы в конечном итоге становятся идеями влиятельных политиков, целых политических партий, непосредственно участвующих в политическом процессе, и всего народа. Те противоречивые образы России (Россия — Европа, Россия — Азия, Россия — Евразия и т. д.), которые существуют в головах современных политиков и в массовом сознании, созданы социальными учеными и только тиражированы средствами массовой информации. Именно отсутствие консенсуса в социологических представлениях породило фрагментацию массового сознания. А это имеет далеко идущие последствия: существующие социологические образы России постулируют принципиально различные сценарии развития страны: например, цивилизационная парадигма ориентирует на особое развитие, модернизационная парадигма — на включение в Европу. Следовательно, каждая парадигма не только идентифицирует Россию по-другому, но и конструирует ее будущее по-иному, а кроме того, — что очень важно! — и Европу конструирует по-разному: с Россией или без нее. Конструирование Европы продолжается, и от современных социальных исследователей, прежде всего российских, во многом зависит, войдет ли Россия в Европу, другими словами, будет ли общественное мнение Европы считать Россию частью Европы или нет. Ведь невозможно признать Россию европейской страной, если в самой России в дискурсе о ее идентификации ее таковой не признают. А самоидентификация России в качестве европейской страны, как и признание этого факта со стороны всего мира, — принципиально важно для россиян.

Таким образом, конструирование образа России на основе разных теоретических проекций будет способствовать созданию адекватного образа страны, а также изменению ее идентификации и имиджа. В то же время конструирование одного многомерного, собирательного, хотя и более сложного образа России поможет преодолеть социальную фрагментацию. Тем самым социальные исследователи могут внести свой вклад в социальную интеграцию современного общества.

Основные тезисы

1. В России в период империи происходила социальная модернизация, суть которой заключалась в генезисе личности, малой демократической семьи, частной собственности, гражданского общества и правового государства.

2. Человек, семья, социальные организации, собственность, хозяйство, общество, государственность — все эволюционировало одновременно и во взаимодействии, хотя изменения затрагивали различные группы населения в разной степени.

3. Российское общество в XVIII—начале XX в. развивалось от традиции к современности, но к 1917 г. по причине незавершенности модернизации не соответствовало в полной мере ни одному из критериев современного общества.

4. В период империи характер социальной интеграции российского общества изменялся: механическая солидарность трансформировалась в организационную, но к 1917 г. процесс этот не успел завершиться

5. В начале XX в. российское культурное и социальное пространство были расколоты на две неравные части: крестьяне и городские низы, с одной стороны, дворянство, буржуазия и интеллигенция — с другой.

6. Октябрьской революция имела антибуржуазный и антимодернистский характер; большинство народа было равнодушно к принципам буржуазного общественного порядка и участвовало в революции во имя восстановления погрязших ускоренной модернизацией традиционных устоев жизни.

7. Основы российской государственности, общественного быта и культуры имеют европейское происхождение: они были заложены в Киевский период и связаны с византийским наследством, принятием христианства, приходом письменности. И в исторической перспективе Россия переживала почти все те же процессы, развивалась по тем же направлениям, что и Запад, только с опозданием.

8. Россия — страна другого часового пояса; такая интерпретация ее истории адекватнее и политически корректнее передает суть ее «отставания» от западноевропейских стран, где солнце христианской цивилизации взойшло на несколько столетий раньше, чем в России.

9. Существующие в литературе образы России и Запада — это идеальные типы, а не подлинные Россия и Запад. Их нельзя отождествлять с самой исторической реальностью: реальные Россия и Запад весьма отдаленно похожи на их идеальные типы — как совершенная экономическая конкуренция похожа на действительную конкуренцию.

10. Конвергенция — главная тенденция развития Европы в XVIII—XX вв., в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба, в которую вовлечена и Россия.

Вопросы для размышления и повторения

1. Каковы итоги социального развития России в период империи?
2. В чем суть социальной модернизации России в период империи?
3. Почему социальные изменения в разных сферах жизни происходили синхронно?
4. В чем суть концепции, что Россия — страна другого часового пояса?
5. Если прогресс был главной отличительной чертой социальной истории России периода империи, то почему империя рухнула в 1917 г.?
6. Как понимать понятие «завершенная» и «незавершенная» модернизация? Когда модернизация завершилась?
7. Что такое индивидуализм и как далеко продвинулось развитие индивидуалистской личности в России?

8. Что такое механическая и органическая солидарность? Какой тип солидарности наблюдался в российском обществе в период империи?
9. В чем состояли различия в развитии России и европейских стран в XVIII–начале XX в.?
10. Что такое культурный раскол российского общества и почему он произошел?
11. Почему Октябрьская революция имела антибуржуазный и антимодернистский характер и в чем он заключался?
12. Можно ли считать, что советская модернизация была продолжением модернизации дореволюционной? Если да, в каких аспектах и насколько?
13. Можно ли считать Россию отсталой страной?
14. Почему в России темпы перехода к современности опережали возможности и готовность широких народных масс к переменам?
15. Как понимать, что Россия живет в другом часовом поясе сравнительно с западноевропейскими странами?
16. Почему Россия и Запад непохожи при синхронных сравнениях и похожи при сравнении их социальной динамики?
17. Что такое идеальный исторический тип (на примере России и Запада)?
18. В чем сходство между Россией и Западом и чем оно обусловлено?
19. В чем различия между Россией и Западом и чем они обусловлены?
20. Что такое конвергенция? Почему конвергенция была главной тенденцией развития Европы в последние 300 лет?
21. Что такое глобализация? Участвует ли в этом процессе Россия?

Программа курса «Историческая социология России»

Цель и задачи курса

Цель преподавания данного специального курса — осмыслить историю России с социологической точки зрения, представить ее не как последовательность отдельных дат, фактов и событий, а как процесс медленного развития личности, семьи, собственности, общества и государства.

Задачи дисциплины

Обобщить исторические знания и сформулировать более широкие и общие идеи, помогающие понять значение произошедшего, смысл, логику, тенденции развития, объяснить причины.

Показать несостоятельность мифов о России как о типичной колониальной империи, которая не знала самоуправления и институтов гражданского общества, где законы не уважались, где государство и бюрократия не заботились о народе, где все или почти все реформы были несостоятельны.

Привить студентам-социологам чувство историзма, показать плодотворность исторического метода при анализе социальных структур и феноменов.

Принципы отбора содержания и организации учебного процесса

Данный специальный курс наиболее тесно связан с общей социологией, соответственно содержание программы базируется на фундаментальных положениях общей социологии.

В ходе изучения дисциплины студенты учатся применять знания общей социологии к анализу исторических фактов, что дает новое, объемное и системное представление о прошлом нашего Отечества и помогает ориентироваться в современности.

Аттестация качества усвоения знаний

Тематический план курса

№ п/п	Тема	Всего часов	Лекции
1	Социология, история и историческая социология	2	2
2	Социология российской колонизации	2	2
3	Социальная стратификация и социальная мобильность	4	4
4	Социальная демография	2	2
5	Социология российской семьи	2	2
6	Урбанизация	2	2
7	Русская культура в коллективных представлениях	2	2
8	Социология крепостного права	2	2
9	Русская община в деревне и городе	4	4
10	Социология российской преступности	2	2
11	Происхождение правового государства	4	4
12	Становление гражданского общества	4	4
13	Россия и Запад: социологические образы и историческая реальность	2	2
	Итого	34	34

Основное содержание

Тема 1. Социология российской колонизации

Расширение территории за счет экспансии и колонизации и проблемы, которые оно ставило перед обществом и государством. Влияние географического и демографического факторов на социальное и экономическое развитие страны. Своеобразие России как колониальной империи. Индекс человеческого развития для русских и нерусских народов. Национальные движения. Русификация и модернизация. Победившие и проигравшие в Российской империи.

Тема 2. Социальная стратификация и социальная мобильность

Изменение социальной структуры российского общества с конца XVII до начала XX в. и роль в этом социальной мобильности. Каста, сословие, класс. Формирование сословий в XVIII в. Трансформация сословной структуры в классовую в конце XIX—начале XX в. Средние слои и средний класс. Измерение неравенства с помощью коэффициента Джини. Внутрисословная и межсословная социальная мобильность. Старообрядчество и российская буржуазия.

Тема 3. Социальная демография

Две модели воспроизводства населения — традиционная и современная, и демографический переход. Особенности российской традиционной модели: почему она сложилась и во что она обходилась обществу. Когда и почему начался переход от традиционной к современной модели, кто был пионером в регулировании рождаемости среди сословий и кто среди регионов. Брачность, рождаемость, смертность, разводы, продолжительность жизни у различных сословий, этносов, регионов, в городе и деревне.

Тема 4. Социология российской семьи

Исторические формы семейной организации населения — большая, составная, расширенная, малая семья. Эволюция семейной организации — от большой семьи к малой, и ее факторы. Типы внутрисемейных отношений — патриархально-авторитарный, эгалитарный, смешанный. Межличностные отношения в семье между супругами, между родителями и детьми. Стратификация по полу и возрасту. Авторитаризм в семье, общине, обществе и его постепенное смягчение. Дедовщина в старой российской армии как отражение патриархально-авторитарных отношений в семье. Социализация молодого поколения и ее агенты. Сексуальная культура. Семейные революции в России и на Западе.

Тема 5. Урбанизация

Городские и сельские поселения. Много ли было городов в России? Типология городов — административные, аграрные, промышленные, торговые, смешанные. Преобладание аграрных городов в XVI—XVIII вв. и их трансформация в торгово-промышленные в XIX—начале XX в. Сравнительный анализ развития города и деревни на протяжении XVII—начала XX в. Своеобразие города и деревни в демографическом, административном, юридическом, социальном, экономическом и культурном отно-

нениях. От слитности города и деревни к их дифференциации и последующей интеграции. Социальная структура и отраслевая структура занятости городского и сельского населения. Особенности российской урбанизации. Городская революция в России и на Западе.

Тема 6. Русская культура в коллективных представлениях

Понятия «мировоззрение», «общественное сознание», «социальная психология», «менталитет», «диспозиция», «идеология повседневна», «установка», «ментальная решетка», «коллективные представления». Дискурсивная практика и ее влияние на мировоззрение людей. Пословица как источник для реконструкции коллективных представлений народа. Образ жизни в городе и деревне. Взгляды городского и сельского населения в крепостное время на основные проблемы жизни. Изменения в коллективных представлениях крестьян и горожан после Великих реформ, их причины и последствия. Влияние миграции крестьян на город в пореформенное время. Секуляризация сознания и ее ход в XVII—начале XX в. Посещение церкви и исповеди, сексуальное поведение верующих во время поста как показатели религиозности населения. Приверженность русской интеллигенции народническому мировоззрению. Идеалы молодежи из интеллигентской среды и народа накануне революции 1917 г.

Тема 7. Социология крепостного права

Три формы крепостничества — частновладельческая, государственная, корпоративная. Закрепощение и раскрепощение сословий. Всеобщность крепостничества и ее причины. Функции крепостничества как института. Производительность крепостного и свободного труда. Почему пало крепостничество. Столыпинская аграрная реформа и конец крепостничества. Колхозы и попытки реставрации крепостничества.

Тема 8. Русская община в деревне и городе

Две модели социальной организации — общность и общество. Сельские и городские общины, купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские общества — их структуры и функции, эволюция от общинного к общественному типу межличностных отношений. Общинная и либеральная демократия. Корпоративное крепостничество и демократия. Личность в общине. Принципы общинной жизни и христианские заповеди. Трудовая мораль в общине. Итоги социальной динамики к 1917 г. Община при советской власти.

Тема 9. Социология российской преступности

Закон и обычай. Развитие уголовного права, системы наказаний, модели судебного процесса разбирательства по закону и по обычаю. Изменения в гражданском праве. Коррупция и волокита в суде, справедливость судебных приговоров — мифология и реальность. Преступность и ее динамика. Цена свободы — рост преступности во время реформ. Суд присяжных — достоинства и недостатки. Судебные контрреформы — причины и следствия.

Тема 10. Происхождение правового государства

Возникновение тезиса о неправовом характере и застойности российской государственности. Виды господства и формы государственной власти в социологии и жизни. Правовое государство де-юре и де-факто. Динамика оснований легитимности государственной власти в России. Развитие российской государственности — от народной монархии в XVII в. к правомерной монархии первой половины XIX в. и от нее к правовой монархии. Факторы развития государственности. Политический менталитет и его изменение. Каждый народ засуживает такое государство, какое он имеет. Эволюция бюрократии. Как сильно российский чиновник отличался от идеального чиновника. Политическая реакция после 1917 г. О преемственности между дореволюционной и советской государственностью. Политическая революция в России и на Западе.

Тема 11. Становление гражданского общества

К вопросу о том, что Россия переуправлялась и была сверхбюрократизирована. Малочисленность бюрократии и необходимость привлечения к управлению общественного самоуправления. Отношения между государственным управлением и общественным самоуправлением, разделение функций между ними. Социальный состав общественности и ее численность. Каналы связи между общественностью, народом, с одной стороны, и верховной властью и коронной администрацией — с другой. Роль общественного мнения в формировании государственной политики и его влияние на местную администрацию. Взаимопонимание между верховной властью и общественностью в XVII–начале XIX в. и его постепенная утрата. Борьба общественности с самодержавием за власть. Терроризм в России. Зарождение гражданского общества в конце XVIII в. и успехи его развития к 1917 г. Кто был лидером модернизации в России? От общества как объекта управления к обществу как субъекту управления. Гражданское общество в России и на Западе.

Тема 12. Россия и Запад: социологические образы и историческая реальность

Россия в ракурсе трех парадигм: от механической к органической солидарности, цивилизационной и модернизационной.

Основная траектория социального развития России — генезис индивидуалистской личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Социальное развитие России и Запада и парадигма модернизации. Незавершенность модернизации в России к 1917 г. Секуляризация сознания, трудовая этика, антибуржуазная интеллигенция. Россия — не отсталая страна, а молодая ветвь европейской цивилизации. Россия догоняет Запад.

Программные вопросы по курсу

1. Расширение территории России, его факторы и последствия.
2. Влияние географического и демографического факторов на социальное и экономическое развитие страны.
3. Своеобразие России как колониальной империи.
4. Победившие и проигравшие в Российской империи. Индекс человеческого развития для русских и нерусских народов.
5. Национальные движения. Русификация и модернизация.
6. Изменение социальной структуры российского общества с конца XVII до начала XX в. и роль в этом социальной мобильности.
7. Каста, сословие, класс. Формирование сословий в XVIII в.
8. Трансформация сословной структуры в классовую в конце XIX—начале XX в.
9. Социальная структура советского общества.
10. Средние слои и средний класс.
11. Измерение социального неравенства с помощью коэффициента Джини.
12. Внутрисословная и межсословная социальная мобильность.
13. Старообрядчество российской буржуазии.
14. Две модели воспроизводства населения — традиционная и современная, и демографический переход.
15. Особенности российской традиционной модели воспроизводства населения.
16. Демографический переход в России.
17. Брачность, рождаемость, смертность, разводы, продолжительность жизни у различных сословий, этносов, в городе, деревне, регионах.
18. Исторические формы семейной организации населения.
19. Эволюция семейной организации и ее факторы.
20. Типы внутрисемейных отношений и межличностных отношений в семье.
21. Социализация молодого поколения и ее агенты.
22. Семейные революции в России и на Западе.
23. Городские и сельские поселения, их структура, развитие и особенности в демографическом, административном, юридическом, социальном, экономическом и культурном отношениях.
24. Типология городов и их трансформация в XIX—XX вв.
25. Особенности российской урбанизации. Городская революция в России и на Западе.
26. Три формы крепостничества — частновладельческое, государственное, корпоративное.
27. Закрепощение и раскрепощение сословий.
28. Функции крепостничества как института.
29. Производительность крепостного и свободного труда. Причины отмены крепостничества.
30. Столыпинская аграрная реформа и конец командной экономики.

31. Колхозы и попытки реставрации крепостничества.
32. Две модели социальной организации — общность и общество.
33. Сельские и городские общины, купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские общества — их структуры и функции, эволюция.
34. Общинная и либеральная демократия.
35. Итоги социальной динамики к 1917 г.
36. Община при советской власти.
37. Развитие уголовного права и системы наказаний.
38. Изменения в гражданском праве.
39. Суд и модели судебного процесса и разбирательства. Суд присяжных, его достоинства и недостатки.
40. Преступность в XIX–XX вв.
41. Динамика преступности в России с точки зрения теорий девиантного поведения.
42. Виды господства и формы государственной власти в социологии и жизни. Правовое государство де-юре и де-факто.
43. Изменение оснований легитимности государственной власти в России.
44. Развитие российской государственности в XVII–XX вв. и его факторы.
45. Политический менталитет и его изменение.
46. Эволюция российской бюрократии. Как сильно российский чиновник отличался от идеального чиновника М. Вебера.
47. О преемственности между дореволюционной и советской государственностью.
48. Роль самоуправления в России. Отношения между государственным управлением и общественным самоуправлением, разделение функций между ними.
49. Каналы связи между общественностью, народом, верховной властью и коронной администрацией.
50. Роль общественного мнения в формировании государственной политики и его влияние на администрацию.
51. Борьба общественности с самодержавием за власть.
52. Терроризм в России.
53. Зарождение гражданского общества в конце XVIII в. и успехи его развития к 1917 г.
54. Гражданское общество в России и на Западе.
55. Основная траектория социального развития России.
56. Социальное развитие России и Запада и парадигма модернизации.
57. Незавершенность модернизации в России к 1917 г. и советская модернизация.

Библиография

Введение. От истории и социологии к исторической социологии

Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 2 т. Новосибирск, 1997; 1998.

Беляева Л.А. Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: Учебное пособие. М., 2004.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ // *Время мира: Альманах.* Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 1998. С. 124–127.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. Социальные причины падения античной культуры // *Избранное: Образ общества.* М., 1994.

Голосенко И.А. Нищенство в России: Из истории дореволюционной социологии бедности // *Социологические исследования.* 1996. № 8. С. 18–25.

Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 1999. Т. 2. № 3. С. 105–119.

Голосенко И.А. Социальная идентификация рядового чиновничества в России в начале XX века: Историко-социологический очерк // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2000. Т. 3. № 3. С. 129–141.

Голосенко И.А. Питирим Сорокин о внутренних нарушениях социального порядка // *Социологические исследования* 2000. № 4. С. 108–116.

Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избр. соч. в 2 кн. СПб., 2002.

Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства: В 2 т. М., 2000; 2001.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальное развитие рабочего класса в СССР: рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе: Историко-социологические очерки. М., 1977.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989.

Громыко М.М. О некоторых задачах исторической социологии // *Изв. Сибирского отд. АН СССР. Серия общ. наук.* 1967. № 11. Вып. 3. С. 115–120.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1982.

Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность // *Куда идет Россия?...*: Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.

Доплер К. Нищета историцизма. М., 1993.

Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод и назначение. М., 1995.

Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003.

Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: В 3 т. СПб., 1883.

Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1899.

Карнейро Р. Культурный процесс // Антология исследований культуры. СПб., 1997.

Козловский В.В., Осипов И.Д. Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4. С. 86–98.

Коллинз Р. «Золотой век» макроисторической социологии // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 72–89.

Коллинз Р. Геополитика и долговременное историческое изменение // Там же. С. 285–288.

Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: Случай Советского коллапса // Там же. С. 234–278.

Коллинз Р. Социология: Наука или антинаука? // THESIS. 1994. № 4. С. 71–96.

Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек!: Критика социальных наук. М., 2005.

Кребер А. Стиль и цивилизация // Антология исследований культуры. СПб., 1997.

Кром М.М. Историческая антропология. 2-е изд., испр., доп. СПб., 2004.

Круглый стол «Историческая социология: опыт и перспективы» // Социологические исследования. 2005. № 1.

Литтл Д. Функциональное и структурное объяснение // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 176–203.

Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. СПб., 1997.

Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

Мелехин В.А. Эволюция и перспективы развития исторической социологии в России: теоретико-методологические аспекты: Автореф. канд. дис. Барнаул, 2005.

Мионов Б.Н. Историк и социология. Л., 1984.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003.

Мионов Б.Н. Пришел ли постмодернизм в Россию?: Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146.

Опыт историко-социологического изучения села Молдино / Под ред. В.Г. Карцова. М., 1968.

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Разработка и апробация метода теоретической истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001. С. 233–386.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 11–51; Социальная история: Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 7–38.

Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992.

Розов Н.С. Возможность теоретической истории: Ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12.

Розов Н.С. Структура социальной онтологии: На пути к синтезу макроисторических парадигм // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 3–22.

Розов Д.С. Номологический синтез теоретических знаний об истории и культуре (Проект интеллектуальной стратегии) // В диапазоне гуманитарного знания. СПб., 2001. С. 75–98.

Розов Н.С. Начала рациональной философии истории. Новосибирск, 1997–2001. Вып. 1–6.

Разработка и апробация метода теоретической истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001. С. 233–386.

Романовский Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социологические исследования. 1998. № 5.

Романовский Н.В. Историческая социология в России: Ретроспектива и горизонты // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 57–75.

Советская социология. Т. 2. Динамика социальных процессов в СССР / Отв. ред. Т.В. Рябушкин, Г.В. Осипов. М., 1982.

Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история: Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 39–76.

Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сорокин П.А. Система социологии: В 2 т. М., 1993.

Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001.

Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: Объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества. М., 1999.

Тернквист Р. Историко-эмпирическая социология // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. М., 1992. С. 260–306.

Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.

Тоценко Ж.Т. Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. № 5.

Фирсов Б.М. История и социология: стены и мосты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 3 (23). С. 55–68.

Фирсов Н.Н. Исторические характеристики и эскизы: В 3 т. Казань, 1921–1930.

Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997.

Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 87–88.

Abrams Ph. Historical Sociology: Near Shepton Mallet, Somerset, England: Open Books, 1982.

Anderson P. Lineages of the Absolutist State. L., 1974.

Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. L., 1974.

Anderson P. The Origins of Postmodernity. L.; N. Y., 1998.

Aron R. The Opium of the Intellectuals. L., 1957.

Aron R. Eighteen Lectures on the Industrial Society. L., 1967.

Aron R. An Essay on Freedom. N. Y., 1970.

- Aron R.* Les grandes doctrines de sociologie historique. Paris, 1961.
- Aron R.* Progress and Dissolution: The Dialectics of Modern Society. N. Y., 1970.
- Aron R.* Politics and History: Selected Essays. N. Y., 1978.
- Bahrdt H.P.* Himmlische Planungsfehler: Essays zu Kultur und Gesellschaft. München, 1996.
- Barger G.W.* Historical Sociology: Its Nature and Methods: PhD Dissertation. Columbia, 1965.
- Barnes H.E.* Historical Sociology: Its Origins and Development: Theories of Social Evolution from Cave Life to Atomic Bombing. N. Y., 1948.
- Bellah R.N.* Durkheim and History // American Sociology Review. 1959. No 24.
- Bendix R.* Work and Authority in Industry: Ideologies of Management in the Course of Industrialization. N. Y., 1956.
- Bendix R.* National-building and Citizenship: Studies of our Changing Social Order. N. Y., 1964.
- Bendix R.* Kings or People: Power and the Mandate to Rule. Berkley, 1978.
- Bendix R.* Force, Fate and Freedom: On Historical Sociology. Berkley, 1984.
- Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture / Ed. by V.E. Bonnell, L. Hunt. Berkeley, 1999.
- Blasi A.J.* Early Christianity as a Social Movement. N. Y., 1988.
- Blaut J.* The Colonizer's Model of the World: Geographical Duffusionism and Eurocentric History. N.Y.; L., 1993.
- Bonnell V.E.* The Uses of Theory, Concepts and Comparison in Historical Sociology // Comparative Studies in Society and History. 1980. No 22.
- Brelsford W.V.* Historical Sociology: An Intoduction to Societal Evolution and Culture. L., 1944.
- Busino G.* Idées et faits: pour une critique de la pratique sociologique et des thñories sociales: pour une sociologie historique. 2e йd. Genève, 1988.
- Cahnman W.J.* Weber and Toennies // Comparative Sociology in Historical Perspective / Ed. by J.B. Maier, J. Marcus, Z. Tarr. New Brunswick, USA, 1995.
- Carneiro R.L.* The Muse of History and the Science of Culture. N. Y., 2000.
- Carneiro R.L.* Evolutionism in cultural anthropology. Boulder, Colo., 2003.
- Chase-Dann C., Hall T.* Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, Colo., 1997.
- Class, Gender and Region: Essays in Canadian Historical Sociology / Ed. by G.S. Kealey. St. John's, Nfld., 1988.
- Collins R.* Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // American Journal of Sociology. 1995. May. P. 1552–1593.
- Collins R.* Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, CA, 1999.
- Collins R.* Sociology of Marriage and the Family: Gender, Love and Property. 4th ed. Chicago, 1995.
- Collins R.* The Credential Society: an Historical Sociology of Education and Stratification. N. Y., 1979.
- Dean M.* Critical and Effective Histories: Foucault's Methods and Historical Sociology. L.; N. Y., 1994.
- Eisenstadt S.N.* The Political Systems of Empires: The Rise and Fall of Historical Bureaucratic Societies. N. Y., 1963.

- Elias N.* The Civilizing Process. Vol. 1–2. N. Y., 1978–1982.
- Elias N.* Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Oxford, UK; N. Y., 1986.
- Elias N.* The Society of Individuals. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA, 1991.
- Elias N.* Time: An Essay. Oxford, UK; Cambridge, USA, 1992.
- Elias N.* The Germans: Power Struggles and the Development of Habitus in the Nineteenth and Twentieth Centuries. N. Y., 1996.
- Elias N.* Norbert Elias on Civilization, Power and Knowledge: Selected Writings. Chicago, 1998.
- Elias N.* Established and the Outsiders. Amsterdam, 2002.
- Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000. 6 vols / Ed. by P.N. Stearns. Detroit etc., 2001.
- Fischer C.S.* Historical Sociology and Sociological History: Theory and Practice. Florence, 1995.
- Flora P.* Quantitative Historical Sociology: A Trend Report and Bibliography. The Hague, 1977.
- Gager J.G.* Kingdom and Community: The Social World of Early Christianity. Englewood Cliffs, 1975.
- Green H.A.* Ritual in Valentinian Gnosticism: A Sociological Interpretation // Journal of Religious History. 1982. No 12.
- Hall J.R.* Cultures of Inquiry: From Epistemology to Discourse in Sociohistorical Research. Cambridge, U.K.; N. Y., 1999.
- Historische Soziologie der Rechtswissenschaft / Her. E.V. Heyen. Frankfurt am Main, 1986.
- Hobden St.* International Relations and Historical Sociology: Breaking down Boundaries. L.; N. Y., 1998.
- Kent S.A.* Historical Sociology // Encyclopedia of Sociology: In 5 vols. Vol. 2 / Ed. by E. Borgatta. N. Y., 2000.
- Kent S.A.* A Sectarian Interpretation of the Rise of Mahayana // Religion. 1982. No 12.
- Kent S.A.* The Quaker Ethic and the Fixed Price Policy: Max Weber and Beyond // Time, Place and Circumstance: Neo-Weberian Studies in Comparative Religious History /Ed. by W.H. Swatos. Westport, 1990.
- Lexikon zur Soziologie. Opladen, 1994.
- MacKinnon M.H.* Weber's Exploration of Calvinism // British Journal of Sociology. 1988. No 39.
- Mann M.* States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology. Oxford [England]; N. Y., 1988.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. 1–2. Cambridge; N. Y., 1986; 1993.
- Moore B.Jr.* Soviet Politics — The Dilemma of Power: The Role of Ideas in Social Change. Cambridge, Mass., 1950.
- Moore B.Jr.* Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge, Mass., 1954.
- Moore B.Jr.* Political Power and Social Theory. Cambridge, Mass., 1958.
- Moore B., Jr.* Soviet Politics: The Dilemma of Power; the Role of Ideas in Social Change. White Plains, N. Y., 1965.

Moore B.Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

Moore B.Jr. Reflections on the Cause of Human Misery and upon Certain Proposals to Eliminate Them. Boston, 1972.

Moore B.Jr. Injustice: The Social Bases of Obedience and Revolt. White Plains. N. Y., 1978.

Moore B.Jr. Privacy: Studies in Social and Cultural History. Armonk, N.Y., 1984.

Moore B.Jr. Privacy // Society. 1985. Vol. 22. № 4. P. 17–27.

Moore B.Jr. Authority and Inequality under Capitalism and Socialism. Oxford; N. Y., 1987.

Moore B.Jr. Liberal Prospects under Soviet Socialism: A Comparative Historical Perspective. N. Y., 1989.

Moore B.Jr. Moral Aspects of Economic Growth and Other Essays. Ithaca, 1998.

Moore B.Jr. Moral Purity and Persecution in History. Princeton, NJ, 2000.

On the Case: Explorations in Social History / Ed. by F. Iacovetta, W. Mitchinson. Toronto, 1998.

Ragin Ch. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley, 1987.

Sanderson S. Social Transformations: A General Theory of Historical Development. N. Y., 1995.

Schulze W. Soziologie und Geschichtswissenschaft: Einführung in die Probleme der Kooperation beider Wissenschaften. München, 1974.

Schwartz M.A. Historical Sociology in the History of American Sociology // Social Science History. 1987. No 11.

Shorter E. Strikes in France, 1830–1968. L.; N. Y., 1974.

Skocpol Th. Social Revolutions in France, Russia and China. 1975.

Skocpol Th. States and Social Revolutions. N. Y., 1979.

Skocpol Th. Social History and Historical Sociology: Contrasts and Complementarities // Social Science History. 1987. No 11.

Skocpol Th. Social Revolutions in the Modern World. N. Y., 1994.

Skocpol Th. Emerging Agendas and Recurrent Strategies in Historical Sociology / Ed. by T. Skocpol. Vision and Method in Historical Sociology. Cambridge, 1984.

Skocpol Th., Somers M. The Uses of Comparative History in Macrosocial Inquiry // Skocpol Tfi. Social Revolutions in the Modern World. N. Y., 1994. P. 72–95.

Smelser N.J. Social Change in the Industrial Revolution: An Application to the British Cotton Industry. Chicago, 1959.

Smith D. The Rise of Historical Sociology. Philadelphia, 1991.

Social Time and Social Change: Perspectives on Sociology and History / Ed. by F. Engelstad, R. Kalleberg. Oslo; Boston, 1999.

Sociology and History: Methods / Ed. by M.S. Upset, R. Hofsladter. N. Y., 1968.

Spier F. The Structure of Big History: From the Big Bang until Today. Amsterdam, 1996.

Stavrianos L.S. Lifelines from Our Past: A New World History. N. Y., 1989.

Stearns P.N. Sociology of Emotions // Journal of Social History. 1989. Vol. 22. No 3.

- Stern B.J.* Historical Sociology: The Selected Papers. N. Y., 1959.
- Stinchcombe A.* Constructing Social Theories. Chicago, 1968.
- Stinchcombe A.* Theoretical methods in social history. N. Y., 1978.
- Swanslin G.* Religion and Regime: A Sociological Account of the Reformation. Ann Arbor, 1967.
- Szakolczai P.* Reflexive Historical Sociology. L.; N. Y., 2000.
- Szakolczai P.* The Genesis of Modernity. L.; N. Y., 2003.
- Sztompka P.* The Renaissance of Historical Orientation in Sociology // International Sociology. 1986. No 1.
- Theodoram G.* A Modern Dictionary of Sociology. N. Y., 1979.
- Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. L., 1963.
- Tilly Ch.* The Vendee. Cambridge, Mass., 1964.
- Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution: Reading. Cambridge, Mass., 1978.
- Tilly Ch.* As Sociology Meets History: Studies in Social Discontinuity. N. Y., Orlando, FL, 1981.
- Tilly Ch.* Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N. Y., 1984.
- Tilly Ch.* The Contentious French. Cambridge, Mass., 1986.
- Tilly Ch.* Violent events in France, 1830–1860 and 1930–1960. Ann Arbor, Mich., 1986.
- Tilly Ch.* Strikes and Labor Activity in France, 1830–1960. Ann Arbor, Mich., 1988.
- Tilly Ch.* Coercion, Capital and European States, AD 990–1992. Cambridge, Mass., 1992.
- Tilly Ch.* European Revolutions, 1492–1992. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA, 1993.
- Tilly Ch.* Popular Contention in Great Britain, 1758–1834. Cambridge, Mass., 1995.
- Tilly Ch.* Contentious Politics and Social Change. Stockholm, 1996.
- Tilly Ch.* Durable Inequality. Berkeley, 1998.
- Tilly Ch.* Mechanisms of Inequality. Stockholm, 1996.
- Tilly Ch.* Roads from Past to Future. Lanham, Md., 1997.
- Tilly Ch.* Stories, Identities and Political Change. Lanham, Md., 2002.
- Tilly Ch.* (comp). An Urban World. Boston, 1974.
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R.* The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, 1975.
- Tilly Ch.* Work under capitalism. Boulder, Colo., 1998.
- Time, Place and Circumstance: Neo-Weberian Studies in Comparative Religious History / Ed. by W.H.Jr. Swatos. Westport, Conn., 1990.
- Turner B.S.* Weber and Islam: A Critical Study. L., 1974.
- Upset S.M.* History and Sociology: Some Methodological Considerations // Sociology and History: Methods / Ed. by M.S. Upset, R. Hofsladter. N. Y., 1968.
- Vision and Method in Historical Sociology / Ed. by Th. Skocpol. Cambridge; N. Y., 1984.
- Wallerstein I.* The Modern World-System. Vol. 1–3. N. Y., 1974–1980.
- Wallerstein I.* The Politics of the World-Economy: Cambridge; N. Y., 1984.
- Wallerstein I.* World-System Analysis // Social Theory Today. Cambridge, England, 1988. P. 308–313.

- Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture: Cambridge, England; N. Y.; Paris, 1991.
- Wallerstein I.* Historical Capitalism. L.; N. Y., 1995.
- Wallerstein I.* The End of the World as We Know It. Minneapolis, Minn., 1999.
- Wllerslein I., Kasaba R.* Incorporation into the World-Economy: Change in the Structure of the Ottoman Empire, 1750–1839. Fernand Braudel Center, 1980.
- Zeitlin I.* Ancient Judaism: Biblical Criticism from Max Weber to the Present. N. Y., 1984.
- Zito J.* Sociologist's Training Manual for Historians. Lanham, Md., 1994.

Глава I. Социология российской колонизации

- Алексеева И.В., Зеленев Е.И., Якунин В.И.* Геополитика в России: Между Востоком и Западом: Конец XVIII – начало XX в. СПб., 2001.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Андерсон Б.* и др. Нации и национализм. М., 2002.
- Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
- Беленький И.Л.* Роль географического фактора в отечественной историографии. М., 2000.
- Борисов А.А.* Социальная история якутов в XVII–50-х гг. XIX в.: общество, право, личность в условиях российской колонизации. Якутск, 2004.
- Вальдштейн М.* Новый Маркиз де Кюстин, или польский травелог о России в постколониальном прочтении // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 125–144.
- Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль. М., 1998. С. 302–354.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- Геллнер Э.* Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Андерсон Б. и др. Нации и национализм. М., 2002. С. 146–200.
- Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990: Пер с нем. СПб., 2003.
- Дудаков С.Ю.* Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. М., 2000.
- Дулов А.В.* Географическая среда и история России: Конец XV – середина XIX в. М., 1983.
- Ельмеев В.Я.* Индекс человеческого развития как методологический инструмент сравнительного социального анализа // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2001. С. 40–57.
- Заринов И.Ю.* Социум — этнос — этничность — нация — национализм // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 3–29.
- Капелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1996.
- Капелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов. А.И. Миллер. М., 2005. С. 395–435.
- Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
- Мельникова О.Б.* Образ империи: церемониальные процессии в России в

XVII–XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образ власти в политической культуре России. М., 2000. С. 95–115.

Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР: Общий обзор. Европейская часть СССР. Кавказ. 5-е изд. М., 1986.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 19–75.

Миронов Б.Н. 122 года врозь: О книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе. 1795–1995. Часть 1» // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 565–588.

Национальная политика России: История и современность / Под ред. С.В. Кулешова. М., 1997.

О национальном богатстве России // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 1. С. 41–55.

Основы изучения человеческого развития / Под ред. Н.Б. Баркалова, С.Ф. Иванова. М., 1998.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. 2-е изд. М., 2003.

Паршев А.П. Америка против России: Почему Америка наступает. М., 2002.

Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003.

Пирсон Р. Привилегии, права и русификация // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 35–56.

Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2005.

Ратцель Ф. Народоведение: В 2 т. СПб., 1894.

Рибер А. Изучая империи // *Исторические записки*. 2003. № 6 (124). С. 86–131.

Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.

Сандерлэнд У. Империя без империализма?: Неоднозначность процесса колонизации в царской России // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 101–114.

Сикевич З.В. Этносоциология: Национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб., 1994.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1789 года. СПб., 1998.

Хоскинг Дж. Россия: Народ и империя. Смоленск, 2000.

Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Б. Андерсон и др. Нации и национализм. М., 2002. С. 121–145.

Цирель С. О мнимой дефектности русской природы // *Новый мир*. 2003. № 7. С. 182–186.

Imperial Rule / Ed. by A. Miller, A.J. Rieber. Budapest, 2003.

LeDonne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford, 2004.

Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples 1700–1917 / Ed. by D.R. Brower, E. Lazzarini. Bloomington, 1997.

Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca; L., 2004.

Глава II. Социальная стратификация и социальная мобильность

Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.

Бурдые П. Начала. М., 1994.

Вебер М. Избранное: Образ общества. М., 1994.

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–157.

Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи. М., 2002.

Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / Пер. с англ. Е. Герасимовой, С. Чуйкиной. СПб., 2004.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Долбилов М.Д. Дворянские «олигархи» в России 1850–1860-х гг.: Поиск социальной идентификации сословия // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 32–53.

Евреинов Г.А. Прошлое и настоящее русского дворянства. СПб., 1898.

Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX–начале XX века. М., 2004.

Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2003.

Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России // Карнович Е.П. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 465–467.

Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. Т. 6. М., 1959. С. 276–466.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Леонтьева Т. Вера разуверившихся: Чего хотели от жизни революционеры в России? // Русский журнал. 2000. № 7(2). (www.russs.ru).

Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998.

Мердок Дж.П. Социальная структура. М., 2003.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 76–157.

Мионов Б.Н. Опора, буфер и гарант // Родина. 2001. № 4. С. 45–51.

Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация общества. М., 1996.

Рибер А. Социальная идентификация и политическая воля: русское дворянство от Петра I до 1861 г. // П.А. Зайончковский. 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем / Под ред. Ю.С. Кукушкина и др. М., 1998. С. 273–314.

Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974.

Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1989. С. 47–73.

Шацило М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004.

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII–начало XX в. СПб., 1999.

Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. by E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, NJ., 1991.

Freeze G.L. Between Estate and Profession: The Clergy in Imperial Russia / Ed. by M.L. Bush. Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification. L., 1992.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ., 1983. P. 144–188.

Jackson E.F., Crockett H.J. Occupational Mobility in the USA: A Point estimate and Trend Comparison // American Sociological Review. 1964. Vol. 29. No 1. P. 5–15.

Lowe H.-D. Differentiation in Russian Peasant Society: Causes and Trends, 1880–1905 // Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / Ed. by R. Bartlett. N. Y., 1990. P. 165–195.

Russia's Missing Middle Class: The Profession in Russian History / Ed. by H.D. Balzer. Armonk; N. Y., 1996.

Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century / Ed. by W.M., Pintner, D.K. Rowney. Chapel Hill, 1980.

Глава III. Социальная демография

Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневого, И.С. Кона. М., 1979.

Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977.

Вишевский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.

Вишевский А.Г. Серп и рубль. М., 1998. С. 112–157.

Вишевский А.Г. Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М., 2005.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII–начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973.

Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова. М., 1983.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1989.

Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII–первой половине XIX в. М., 1963.

Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 158–218.

Население России в XX веке: Исторические очерки / Отв. ред. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. С. 7–31, 393–411.

Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.

Новосельский С.А. Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958.

Новосельский С.А. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978.

Новосельский С.А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью // Вестник статистики. 1925. № 4–5.

Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. СПб., 1916.

Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.

Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004.

Советская демография за 70 лет: Из истории науки / Под ред. Т.В. Рябушкина. М., 1987.

Тройницкий А.Г. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861.

Anderson B.A. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton, NJ., 1980.

Coale A.J., Anderson B., Harm E. Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. Princeton, NJ., 1979.

Where the Twain Meet Again: New Results of the Dutch-Russian Project on Regional Development 1780–1917 / Ed. by P. Kooij, R. Paping. Groningen; Wageningen, 2004.

Глава IV. Социология российской семьи

«А се грехи злые, смертные»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России: X–первая половина XIX в.: Тексты, исследования / Под ред. Н.Л. Пушкарева. М., 1999.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

Варга А.Я. Идентификация с родителями и формирование психического пола: семья и формирование личности / Под ред. А.А. Бодалева. М., 1981.

Вишневский А.Г. Страсть и супружество // Социологические исследования. 1986. № 2. С. 108–121.

Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 134–157.

Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в средние века: Пер. с англ. М., 2002.

Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2003.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII–XX в.). М., 1997.

Золотухина М.В. Мир американской семьи. М., 1999.

Карпов Ю.Ю. Кавказская женщина: мировоззренческие предпосылки общественного статуса // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 22–31.

Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997.

Леценко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004.

Любарт М.К. Семья во французском обществе: XVIII–начало XX века. М., 2005.

Магд-Соэн К. Де. Эмансипация женщин в России: Литература и жизнь. Екатеринбург, 1999.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 219–281.

Миронов Б.Н. Семья семье рознь: российское общество в зеркале семейных отношений // Родина. 2001. № 8. С. 60–66.

Муравьева М.Г. История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // Семья в ракурсе социального знания / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2001. С. 5–24.

Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних руссов и москвитов (X–XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А.Л. Топорков. М., 1996. С. 44–91.

Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–начало XIX в.). М., 1997.

Рансел Д.Л. Посиделки, приданое, свадьба: организация замужества в сельской семье XX века // Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 1 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. С. 219–247.

Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь: Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.

Русская свадьба: В 2 т. / Под ред. А.С. Каргина. М., 2000.

Русский эрос, или философия любви в России / Сост. и вступ. ст. В.П. Шестакова. М., 1991.

Семейные узы: Модели для сборки / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. Библиогр. по проблемам семьи. Кн. 2. С. 450–510.

Семья, дом и узы родства в истории: Пер. с англ. и нем. / Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмба. СПб., 2004.

Стйтс Р. Женское освободительное движение: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930: Пер с англ. М., 2004.

- Туманова Л.А. Семейное право России второй половины XIX века. М., 2003.
- Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Вып. 1. СПб., 1997. С. 94–124.
- Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998.
- Херлихи Д. Биология и история: к постановке проблемы // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993. С. 34–44.
- Шульц Т. Ценность детей // Thesis. 1993. Вып. 6.
- Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII–начале XX в. Тамбов, 2004.
- Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: Материалы к библиографии. СПб., 2003.
- Engel B.A. Women in Russia, 1700–2000. Cambridge, Eng., 2004.
- Engel B.A. Peasant Morality and Premarital Relations in Late 19th Century Russia // Journal of Social History. 1990. Vol. 23. No 4. P. 694–714.
- Family Life on the Northwestern Margins of Imperian Russia / Ed. by T. Ндмynen, Ju. Partanen, Yu. Shikalov. Joensuu, 2004.
- Frank S.P. “Simple Folk, Savage Customs?”: Youth, Sociability and the Dynamic of Culture in Rural Russia, 1856–1914 // Journal of Social History. 1992. Vol. 25. No 4. P. 711–736.
- Gender in Russian History and Culture / Ed. by L. Edmonson. N. Y., 2001.
- Grassby R. Kinship and Capitalism: Marriage, Family and Business in English-Speaking World, 1580–1740. Cambridge, MA., 2001.
- Wagner W.G. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.
- Weeks J. Sex, Politics and Society: The Regulation of Sexuality since 1800. L., 1981.
- Where the Twain Meet Again: New Results of the Dutch-Russian Project on Regional Development 1780–1917 / Ed. by P. Kooij, R. Paping. Groningen; Wageningen, 2004.
- Women and Gender in 18th Century Russia / Ed. W. Rosslyn. Burlington, Vt., 2003.
- Worobec Ch.D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period. Princeton, NJ., 1991.
- Worobec, Christine. Possessed: Women, Witches and Demons in Imperial Russia. DeKalb, 2001.

Глава V. Урбанизация

- Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 78–111.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / Под ред. Т. Нефедова, П. Поляна, А. Трейвиш. М., 2001.
- Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 2001.
- Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой культуры городов российской провинции второй половины XVI–начала XX в. Казань, 2001.
- Зорин А.Н. и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII–60-х гг. XIX в.: Опыт историко-демографического исследования. Барнаул, 2000.

История городов в Европе: Достижения и перспективы (сводный реферат) // Реферативный журн. Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 2001. № 2. С. 125–139.

Мионов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 282–326, 345–359.

Михневич В.О. Язвы Петербурга: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб., 2003.

Ольховский Е. Петербургские истории: Город и интеллигенция в минувшем столетии (1810-е–1910-е годы). СПб., 1998.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX веков / Под ред. В.В. Алексеева. М., 2000. С. 214–243.

Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда / Рук. проекта Л.В. Кошман. М., 1998. С. 12–202.

Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.

Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910.

Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общая часть и приложения / Под ред. В. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1904.

Brower D.R. The Russian City between Tradition and Modernity: 1850–1900. Berkeley, CA. et., 1990.

Lempert D.H. Daily Life in a Crumbling Empire: The Absorption of Russia into the World Economy. N. Y., 1996.

Глава VI. Русская культура в коллективных представлениях

Бурыйшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991.

Даль В.И. О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа. М., 1994.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Думный В.В. Люди будущего или люди без будущего?: Социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2003.

Забьлин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990.

Ким Ен Хван. В борьбе за массового читателя: Журнал «Нива» (1869–1918) // Свободная мысль-XXI. 2004. № 1. С. 140–150.

Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861–февраль 1917 г. / Под ред. С.И. Потолов. СПб., 1997.

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: XIX век. М., 1978.

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977.

Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М., 1995.

Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995.

Лаушкин А.В. Супружеское воздержание Великим постом в XII–XIII веках и точные летописные даты // Русское Средневековье. 1999 год. Духовный мир. М., 1999. С. 70–76.

Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России: Пер. с англ. М., 2004.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. СПб., 2002.

Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233–254.

Максимов С.В. Неведомая, нечистая и крестная сила. СПб., 1994.

Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. / Под ред. Л.Н. Пушкарева. М., 1996.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1. С. 327–344; Т. 2. С. 317–334.

Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история: Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 243–286.

Миронов Б.Н. Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков? // Круг идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики: Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимировой. М.; Барнаул, 2005. С. 528–543.

Миронов Б.Н. Нет, не увидеть всю Россию из Малых Пупков! // Там же. С. 578–592.

Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 99–108.

Поликарпов В.С. История нравов в России: Восток или Запад. М., 1995.

Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

Ретина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. М., 1990. С. 167–181.

Русское колдовство, ведовство и знахарство. СПб., 1994.

Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

Терещенко А.В. Быт русского народа. М., 1999. Ч. 1–7.

Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938.

Шангина И.И. Русский народ: Будни и праздники: Энциклопедия. СПб., 2003.

Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб., 2003.

Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры /Под ред. К.В. Чистова. М., 1987.

Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. by E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, NJ, 1991.

Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985.

Brower D.R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley, 1990.

Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, 2004.

Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. by St. Frank, M.D. Steinberg. Princeton, 1994.

Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1800–1921 / Ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixer. Princeton, NJ, 1991.

Глава VII. Социология крепостного права

Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 1–6 / Под ред. А.К. Дживелегова и др. М., 1911.

Великие реформы в России: 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.

Герье В.И. Второе раскрепощение: Общие прения по Указу 9 ноября 1906 г. в Государственной думе и в Государственном совете. М., 1911.

Джанишиев Г.А. Эпоха Великих реформ. 8-е изд. М., 1900.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1, 2. М., 1946; 1958.

Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России: 1856–1861. М., 1984.

История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 2, 3 / Под ред. В.И. Буганова и др. М., 1990; 1993.

Кащенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 года на Северо-Западе России: Количественный анализ массовых источников. М., 1995.

Ключевский В.О. Подушная подать и отмена холопства в России // Сочинения: В 8 т. Т. 7. М., 1959. С. 318–402.

Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 2004.

Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861–1895 гг. М., 1972.

Мионов Б.Н. Бремя величия: Военные победы и уровень жизни россиян в XVIII столетии // Родина. 2001. № 9. С. 32–36.

Мионов Б.Н. Цены и зарплата в Петербурге за три века // Санкт-Петербург в зеркале социологии / Под ред. В.В.Козловского. СПб., 2003. С. 261–283.

Отмена крепостного права в России: Указатель литературы (1856–1989 гг.) / Сост. Л.Г. Захарова. Томск, 1993.

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1901; Т. 2. СПб., 1903.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 1, 2. СПб., 1888.

Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913.

Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.; СПб., 2005.

Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974.

Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2.

Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.

Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ, 1961.

Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge, MA, 1976.

Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility. 1762–1785. Princeton, NJ, 1973.

Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, MA, 1987.

Serfdom and Slavery / Ed. by M. Bush. L.; N. Y., 1996. P. 323–347.

Глава VIII. Русская община в деревне и городе

Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России: XVIII – начало XIX в. М., 1984.

Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.

Баранов Д.А. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Давыдов М.А. О статистике землеустройства в России (1907–1913 гг.) // Экономическая история: Ежегодник, 2001. М., 2002. С. 443–487.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Даль В.И. Русский мужик // Даль В.И. Сочинения: В 8 т. СПб.; М., 1883.

Кабанов В.В. А был ли крах Столыпинской аграрной реформы // Россия сельская: XIX – начало XX века / Отв. ред. А.П. Корелин. М., 2004. С. 309–330.

Каплуновский А.П. Мещанская община как социальный феномен // Зорини А.Н. др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 294–415.

Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

Кизеветтер А.А. Посадская община России XVIII столетия. М., 1903.

Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.

Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения): Автореф. ... докт. ист. наук. СПб., 1999.

Кучумова Л.И. История русской общины в освещении современной не-марксистской историографии // История СССР в современной западной не-марксистской историографии: Критический анализ / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1990. С. 158–192.

Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005.

Мердок Дж.П. Социальная структура. М., 2003. С. 106–118.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 423–527.

Миронов Б.Н. Благополучие российского крестьянства после Великих реформ 1860–1870-х гг. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. 2005. Вып. 4. С. 149–159.

Мэйси Д.А. Дж. Аграрные реформы Столыпина как процесс: Центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская: XIX – начало XX века / Отв. ред. А.П. Корелин. М., 2004. С. 251–283.

Мэйси Д.Л. Дж. Были ли крестьяне против Столыпинской реформы? // Современная русистика: смена парадигм / Сост. и ред. Б.Н. Миронов. СПб., 2006.

Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003.

Русские: семейный и общественный быт / Под ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М., 1989.

Собственность на землю в России: История и современность / Под ред. Д.Ф. Аяцкова. М., 2002.

Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / Сост., предисл. и коммент. А.В. Гутерца. М., 2003.

Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. М., 2002.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

Энгельгард А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1937.

Этнография восточных славян: Очерк традиционной культуры / Под ред. К.В. Чистова. М., 1987.

Atkinson D. The End of the Russian Land Commune, 1905–1930. Stanford, 1983.

Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961. P. 504–535.

Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861–1914) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1988. Bd 36. No 1. S. 57–79.

Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / Ed. by R. Bartlett. N. Y., 1990.

Macey D.A.J. Government and Peasant in Russia 1861–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb, Ill., 1987. P. 219–236.

Pallot J., Shaw D.J. B. Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613–1917. Oxford, 1990. P. 136–164.

Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1800–1921 / Ed. by E. Kingstom-Mann, T. Mixer. Princeton, 1991.

Worobec Ch.D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period. Princeton, NJ, 1991.

Глава IX. Социология российской преступности

Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002.

Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб., 2000.

Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39–44.

Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884.

Исаев И.А. История государства и права России. М., 1994.

Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сысковой полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи. М., 1992.

Криминология: XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000.

Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2003. С. 9–108.

Путилин И.Д. Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сысковой полиции И.Д. Путилиным. М., 1990.

Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. Пг., 1915.

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994.

Тенишев В.В. Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянина // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 7. Сентябрь. С. 119–158.

Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.

Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000.

Шур Э. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., 1977.

Frank St.P. Popular Justice, Community and Culture among the Russian Peasantry: 1870–1900 // Russian Review. 1987. Vol. 46. No 3. P. 239–265.

Frierson C. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // Slavic Review. 1987. Vol. 46. No 1. P. 55–69.

Lewin M. Customary Law and Russian Rural Society in the Post-Reform Era // The Russian Review. 1985. Vol. 44. P. 1–19.

Глава X. Происхождение правового государства

Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.

Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861–февраль 1917). Екатеринбург, 2004.

Богатырева О.Н. Институт земских начальников и крестьянское самоуправление в северо-восточных губерниях // Современная русистика: смена парадигм / Сост. и ред. Б.Н. Миронов. СПб., 2006.

Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов. А.И. Миллер. М., 2005. С. 83–114.

Власть и интеллект в императорской России: Дискуссия и обсуждения // Отечественная история. 2005. № 4. С. 3–93.

Высочков Л.В. Николай I. М., 2003.

Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3. С. 105–119.

Голосенко И.А. Социальная идентификация рядового чиновничества в России в начале XX века: Историко-социологический очерк // Там же. 2000. Т. 3. № 3. С. 129–141.

Голосенко И.А. «Административный вопрос»: из истории отечественной социологии чиновничества // Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2004. С. 261–293.

Голосов Г.В. Сравнительная политология. 2-е изд. Новосибирск, 1995.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки: Пер. с англ. М., 2003.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1994. С. 47–71.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Земское самоуправление в России. 1864–1918: В 2 кн. / Отв. ред. Н.Г. Королева. М., 2005.

Ильин В.В. Политология. М., 2001.

Ильин В.В. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.

Ильин И.А. О монархии и республике. Нью-Йорк, 1979.

Казанский П.Е. Власть всероссийского императора: Очерки действующего русского права. М., 1999.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991.

Коллман Н.Ш. Соединенные чеством: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.

Коллман Н.Ш. Боярские роды и отношения при дворе: Образование политической системы Московского государства // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска. Самара, 2001. С. 172–202.

Крадин Н.Н. Власть в традиционном обществе // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 46–59.

Кром М.М. Политическая антропология: Новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. Вып. 4 (122). М., 2001. С. 370–397.

Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: Дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории: Время и пространство праздника. 2005. М., 2005. С. 283–303.

Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. 1995. Вып. 5. С. 29–46.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1, 2. СПб., 1910.

Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи: XVIII и XIX столетия. СПб., 1909.

Ледонн Дж.П. Правящий класс России: характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 175–194.

Лобачева Г.В. Самодержец в России: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX–начало XX в.). Саратов, 1999.

Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

Мальшева О.Г. Думская монархия: Рождение, становление, крах: В 2 ч. М., 2003.

Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование. М., 1994.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2003. С. 109–195.

Орлова Г.А. Российский донос и его метаморфозы: Заметки о поэтике политической коммуникации // Полис. 2004. № 2 (79). С. 133–145.

Панарин А.С. Политология. М., 1998.

Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–48.

Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. М., 1999.

Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л.К. Слиски. М., 2004.

Рогов В.А. История государства и права России IX–начала XX веков. М., 1995.

Российская историческая политология: Курс лекций / Отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д, 1998.

Серета Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: Источниковедческое исследование. М., 2004.

Соколов А.Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград, 2002.

- Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. Берлин, 1923.
- Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974.
- Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России: Пер. с англ. М., 2004.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I; Т. 2. От Александра до отречения Николая. М., 2004.
- Флайер М.* Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресения в Московском государстве // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска. Самара, 2001. С. 203–239.
- Хархордин О.* Что такое «государство»? : Русский термин в европейском контексте // Понятие государства на четырех языках / Отв. ред. О. Хархордин. СПб.; М., 2002. С. 152–217.
- Хеншелл Н.* Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени: Пер. с англ. СПб., 2003.
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
- Briber and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990-s / Ed. by S. Lovell, A. Ledeneva, A. Rogachevskii.* N. Y., 2000.
- Dukes P.* The Making of Russian Absolutism: 1613–1801. L.; N. Y., 1990.
- Imperial Russia. 1700–1917: State, Society, Opposition / Ed. by E. Mendelsohn, M.S. Shatz.* DeKalb, Ill., 1988.
- Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, CA, 1996.
- LeDonne J.P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order: 1700–1825. Oxford, 1991.
- Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven, 1989.
- Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century / Ed. by W.M. Pintner, D.K. Rowney.* Chapel Hill, 1980.
- Raeff M.* Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder, 1994.
- Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia: 1600–1800. L.; New Haven, 1983.
- Raeff M.* Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. N. Y., 1984.
- Ransel D.L.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientlesystem im Europa der Fruhen Neuzeit. Munchen, 1988. P. 211–231.
- Robbins R.G., Jr.* The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, NY, 1987.
- Velychenko St.* Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // Russian Review. 1995. Vol. 54. No 2. P. 188–208.
- Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in Domestic Administration of Imperial Russia: 1711–1905. Urbana, 1973.

Глава XI. Становление гражданского общества

Абрамов В.Ф., Мацузато К., Ярцев А.А. Земский феномен: Политологический подход. Саппоро, 2001.

Айзенштадт М. Публичная сфера: общественные организации Англии второй половины XVIII–начала XIX века // Европейский Альманах: История. Традиции. Культура. 2003. М., 2004. С. 127–133.

Анупов А.Я., Шитлов А.И. Конфликтология. М., 2002.

Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентелистских отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 2000.

Балзер Х. Интеллигентные профессии и интеллигенты-профессионалы // Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2003. С. 201–231.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Богучарский В. Из прошлого русского общества: Общественное движение в России в первую половину XIX века. СПб., 1905.

Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003.

Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996.

Вехи: Из глубины. М., 1991.

Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995.

Гавра Д. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб., 1995.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998.

Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.

Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1996.

Земское самоуправление в России. 1864–1918: В 2 кн. / Отв. ред. Н.Г. Королева. М., 2005.

Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / Рук. проекта А.Н. Зорин. Ульяновск, 2000. С. 416–467.

История политических партий России / Отв. ред. А.И. Зевелев. М., 1994.

Карпачев М.Д. Истоки российской революции: Легенды и реальность. М., 1991.

Кимбелл А. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ: 1859–1863 // Великие реформы в России: 1856–1874 / Отв. ред. Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл. М., 1992. С. 260–282.

Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества. СПб., 2003.

Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.

Коновченко С.В. Власть, общество и печать в России. Ростов на/Д, 2003.

Конфликтология / Отв. ред. А.С. Кармин. СПб., 2001. С. 211–282.

Куликов С.В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Современная русистика: смена парадигм / Сост. и ред. Б.Н. Миронов. СПб., 2006.

Линденмайер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России: 1856–1874 / Отв. ред. Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл. М., 1992.

Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864.

Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.

Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. С. 196–283.

Модели общественного переустройства России: XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004.

Мухина Е.Н. «Человек толпы»: Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. 2000. № 4. С. 44–61.

Олейников Д.И. Поколения в истории России XIX века // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.

Основы теории коммуникации / Отв. ред. М.А. Василик. М., 2003.

Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.

Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991.

Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004.

Рубл Б.А. Стратегия большого города: Прагматический плюрализм в Чикаго позолоченного века, Москве серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи. М., 2004.

Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005.

Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1977.

Степанский А.Д. Материалы легальных общественных учреждений Царской России (середина XVIII в. – февраль 1917 г.) // Археографический ежегодник. 1978. М., 1979. С. 69–80.

Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982.

Стогов Э.И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003.

Стор Б., Хома К. Политическая и экономическая этика: Пер. с нем. М., 2001.

Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999.

Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

Тутолмин С. Н. Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях // Нестор. 2003. № 2. С. 380–401.

Тутолмин С.Н. Политическая культура российских крестьян в 1914–начале 1917 г. (по жалобам и прошениям в органы государственной власти): Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

Тутолмин С.Н. Представления российских крестьян о коронной администрации в 1914–начале 1917 г.: смена парадигмы или сохранение традиций? // Современная русистика: смена парадигм / Сост. и ред. Б.Н. Миронов. СПб., 2006.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи: XIX–начало XX века. М., 2005.

Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (на материалах Казани: 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / Рук. проекта А.Н. Зорин. Ульяновск, 2000. С. 468–526.

Цалер Дж. Природа и сущность общественного мнения. М., 2003.

Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003.

Яковлев И.П. Основы теории коммуникаций. СПб., 2001.

Bradley J. Russia's Parliament of Public Opinion: Association, Assembly and the Autocracy, 1906–1917 // Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? / Ed. by Th. Taranovski, P. McInerney. Cambridge, 1995. P. 212–236.

Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society and Autocracy in Tsarist Russia // The American Historical Review. 2002. Vol. 104. No 4. October. P. 1094–1123.

Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, NJ, 1985.

Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. by St.P. Frank, M.D. Steinberg. Princeton, NJ, 1994.

Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia: 1894–1917. Princeton, NJ, 1997.

Lindenmeyr A. Voluntary Associations and Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990.

Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985.

Pearson Th.S. Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government: 1861–1900. Cambridge, 1989.

Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, 1999.

The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by E. Lohr, M. Poe. Leiden, 2002. (History of Warfare. Vol. 14.)

The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / Ed. by T. Emons, W.S. Vucinich. Cambridge, MA, 1982.

Глава XII. Россия и Запад: социологические образы и историческая реальность

- Батунский М.А.* Россия и ислам: В 3 ч. М., 2003.
- Безансон А.* Россия – европейская страна? // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 246–265.
- В раздумьях о России: XIX век / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1996.
- Вальдштейн М.* Новый Маркиз де Кюстин, или польский травелог о России в постколониальном прочтении // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 125–144.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С 345–414.
- Вишневский А.Г.* Русский или прусский?: Размышления переходного времени. М., 2005.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М., 2002.
- Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870.
- Гудзенко А.И.* Русский менталитет. М., 2003.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
- Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество / Отв. ред. О.В. Гладкова. М., 2002.
- Елистратов В.С.* Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом) // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1991.
- Здравомыслов А.Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарии. М., 2003.
- Ильин В.В.* Политология. М., 2001. С. 334–341.
- Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004.
- Кайзерлинг Г. фон.* Америка: Заря нового мира. СПб., 2002.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.
- Лосский Н.О.* Характер русского народа. М., 1990.
- Лотман Ю.М.* К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 676–682.
- Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебн. пособие для вузов. М., 2004.
- Мак-Нил У.* Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев, 2004.
- Малия М.* Non possumus // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 266–271.
- Мартин А.* Изобретение «русскости» в конце XVIII–начале XIX в. // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 119–134.
- Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб., 2000.
- Мыльников А.С.* Мифологемы «Кесарь Август» и «Москва – третий Рим», или Московская страница в истории европейского измерения славянского мира // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 184–210.

Опыт российских модернизаций: XVIII–XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000.

Побережников И.В. Россия в мировом историческом процессе: три теоретические проекции // Современная русистика: смена парадигм / Сост. и ред. Б.Н. Миронов. СПб., 2006.

Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности: Пер. с англ. М., 2003.

Россия и Европа в XIX–XX века: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 1996.

Россия и Запад в процессе глобализации. М., 2002.

Россия и Запад: Диалог или столкновение культур. М., 2000.

Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1992.

Русский характер в представлении иностранцев // Российская провинция. 1995. № 6.

Сабиров В.Ш. Русская идея спасения. СПб., 1995.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996.

Смирнов П.И. Слово о России: Беседы о российской цивилизации. СПб., 2004.

Смолкина Н.С. Россия и Запад в отечественной публицистике XIX века: Хрестоматия: В 2 т. М., 1995.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 кн. М.; СПб., 2004.

Треvelьян Дж.М. Социальная история Англии: Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959.

Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.

Филошкин А. Как Россия стала для Европы Азией // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 191–228.

Хаунт Х.-Г. Европейская история как сравнительная история // Там же. С. 111–126.

Хачатурян Н.А., Хачатурян В.М. Средневековая культура России и Западной Европы: Идентичность и расхождение // *Цивилизация*. 1995. № 3. С. 62–79.

Хоскинг Дж. Россия и русские: Взгляд Запада на Россию. Кн. 1, 2. М., 2003.

Цивилизации / Ин-т всеобщей истории. М., 1992. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента / Отв. ред. А.О. Чубарьян. 2004.

Шановалов В.Ф. Россиеведение. М., 2001. С. 332–362.

Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

Cambridge Social History of Modern Britain 1750–1950: In 3 vol. / Ed. by F.M.L. Thompson. Cambridge, 1990.

Doyle W. The Old European Order: 1660–1800. Oxford et al., 1990.

Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000: In 6 vol. / Ed. by P.N. Stearns. Detroit, 2001.

Figes O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. L., 2003.

Gies F., Gies J. Life in a Medieval Village. N. Y., 1990.

Gillis J.R. The Development of European Society: 1770–1870. Washington, 1983.

Hartley J.M. A Social History of the Russian Empire. 1650–1825. L., 1998.

Huppert G. After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. Bloomington, Indianapolis, 1986.

Miller P. Transformations of Patriarchy in the West: 1500–1900. Bloomington, 1998.

Pilkington H. et al. Looking West Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. University Park, 2003.

Stearns P.N. European Society in Upheaval: Social History Since 1800. N. Y.; L., 1967.

The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics from the Middle Ages to the Early Twentieth Century / Ed. by D. Chirot. Berkeley, CA, 1989.

The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861 / Ed. by C.E. Black. Cambridge, MA, 1960.

Глоссарий*

Агрегация групповых интересов — деятельность, в ходе которой политические требования индивидов и групп объединяются в некий свод или систему.

Аномия — состояние общества, характеризующееся социальной дезинтеграцией, распадом системы социальных ценностей, слабым консенсусом, недостатком веры в ценности и цели, утратой эффективности нормативных и нравственных рамок, регулирующих жизнь и гарантирующих общественный порядок.

Артикуляция групповых интересов — выражение социальными группами своих нужд и требований к коронной администрации.

Архетип — образы, в которых символически представлен опыт исторического развития человечества; образуют коллективное бессознательное.

Аутсайдер — наблюдатель социального процесса.

Брутто-коэффициент воспроизводства населения — среднее число девочек, которое родит одна женщина, прожившая до конца репродуктивного периода.

Бюрократизация — становление иерархической структуры для управления организациями на принципах рациональности, квалификации, эффективности и обезличенности.

Бюрократия — совокупность лиц, занятых в сфере гражданского государственного, или коронного, управления, имевших определенный пост, ранг и получавших за свою работу жалованье.

Вестернизация — распространение западных ценностей, представлений, образа жизни под влиянием роста политических, экономических, культурных связей, информационного обмена.

Вопрос национальный — вопрос о причинах возникновения недоверия, вражды и конфликтов между народами в многонациональном государстве и о формах, методах и условиях его решения в интересах мирного сожительства и добрососедства на основе толерантности, равноправия и демократизма.

Гендер (в социологии) — различие между мужчинами и женщинами на основе социально-психологических, культурных и социальных признаков.

Геополитика — понятие теории международных отношений, характеризующее место и конкретно-исторические формы воздействия территориально-пространственных особенностей положения государства на локальные, региональные, континентальные и глобальные международные процессы.

* При составлении глоссария использовались следующие работы: Большой толковый психологический словарь: The Penguin: В 2 т. / Сост. А. Ребер. М., 2001; Большой толковый социологический словарь: Collins: В 2 т. / Сост. Д. Джери, Дж. Джери. М., 1999; Волков Ю.Г. Социология: Элементарный курс. М., 2001; Культурология: Краткий словарь / Отв. ред. И.Ф. Кефели. СПб., 1995; Культурология XX в.: Словарь / Отв. ред. А.Я. Левит. СПб., 1997; Политология: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.И. Аверьянов и др. М., 1993.

Глобализация — процесс превращения сообщества стран в единую мировую систему.

Город — поселение, которое признавали городом современники. Применительно к России периода империи город — населенный пункт, признанный городом официально государством.

Город доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный — первый выполняет главным образом административную, военную и аграрную функции, второй — промышленную, торговую и транспортную, третий — сервисные.

Города малые, средние, большие — города с населением менее 20–30 тыс., 31–99 тыс., 100 и более тысяч.

Господство легальное — тип господства, опирающегося на формально-правовое основание.

Господство традиционное — тип господства, основанный на вере в священность, неизменность издревле существующих порядков и в богоустановленность власти.

Господство харизматическое — тип господства, основанного на вере в мудрость, святость, героизм, гениальность правителя или на личной приверженности ему в силу веры в его исключительные качества.

Государственность — государственный строй, политическая организация общества.

Государство — система органов и учреждений, образующих в совокупности механизм государственного управления, через который реализуется публичная власть.

Государство национальное — современная форма государства, в котором политический суверенитет распространяется на территорию, где проживает население, принадлежащее к одной национальной культуре, в котором политическая независимость соединяется с национальной культурой и народ обладает национальным суверенитетом.

Гражданское общество — тип общества, основанного на праве и политических свободах, гарантом которых выступает государство; характеризуется высокой степенью самоопределения индивидов и наличием самоуправления в форме различных добровольных организаций и ассоциаций.

Группа интересов — социальные и политические группы, артикулирующие, агрегирующие и представляющие интересы своих членов; бывают неупорядоченные, или стихийные, неассоциативные, институциональные и ассоциативные группы.

Дворянское общество — губернская дворянская корпорация, созданная в 1785 г. Жалованной грамотой дворянству и просуществовавшая до 1917 г. Включала: 1) губернское и уездные дворянские собрания; 2) дворянское депутатское собрание; 3) губернского и уездных предводителей дворянства; 4) уездные дворянские опеки.

Девияция — социальное поведение, отклоняющееся от общепринятых норм и рассматриваемое большинством членов данной социальной группы как предосудительное.

Деликт — гражданское правонарушение, влекущее за собой в современном обществе обязанность возмещения причиненного ущерба.

Детерминизм географический — точка зрения, согласно которой культура, социальные организации и социально-политические институты, а также само историческое развитие конкретной страны в решающей степени определялись географическими факторами: климатом, природными ресурсами, территорией и т. п.

Детерминизм демографический — точка зрения, состоящая в том, что рост плотности населения является решающим фактором развития общества.

Дискурс, или *дискурсивная (речевая) практика*, — практика употребления того или иного слова, явный и скрытый смысл, вкладываемый в него, содержащиеся в нем намеки и призывы, а также ассоциации, вызываемые словом у слушающего и произносящего; постигается в результате дискурс-анализа; дискурс является специфическим способом конструирования социального.

Дискурс-анализ — лингвистический анализ сложившегося в литературе и языке способа речи и письма.

Диспозиции личности — комплекс предрасположенностей к определенному восприятию условий деятельности и к определенному поведению в этих условиях.

Европеизация — распространение в неевропейских обществах европейских ценностей, представлений, образа жизни.

Европоцентризм — 1) подход к изучению культуры, основанный на идее превосходства европейской культуры над другими культурами; 2) подход к изучению истории, рассматривающий западноевропейскую модель общественного развития как оптимальную, желательную и неизбежную для всех народов мира.

Закрытое общество — тип общества, характеризующийся низкой социальной мобильностью, авторитаризмом, догматической идеологией, отсутствием политических прав у граждан.

Западничество — направление в русской общественной мысли, настаивающее на том, что западноевропейский путь развития — оптимальный для России.

«Золотого миллиарда теория» — концепция, согласно которой благосостояние на Земле может быть обеспечено только избранному миллиарду людей из наиболее развитых стран западной демократии, в то время как остальные страны обречены на роль сырьевого придатка и поставщика дешевой рабочей силы для удовлетворения интересов транснациональных корпораций.

Идеальный тип — аналитическая категория, подобно совершенному вакууму в физике или совершенной конкуренции в экономике; мыслительный образ, не являющийся «подлинной» реальностью, но который похож на нее, как совершенная экономическая конкуренция похожа на действительную конкуренцию.

Идеология — любая система взглядов (бытовых, семейных, религиозных, политических и прочих, явных и неявных), регулирующих сферу повседневности.

Империя — политическая система, объединяющая под началом централизованной власти разнородные этнонациональные образования и ад-

министративно-территориальные единицы на основе отношений метрополия — колония или центр — провинция.

Индекс человеческого развития, или *индекс развития человеческого потенциала*, (*Human Development Index*) — показатель для сравнительной оценки уровня жизни населения различных стран. Он включает три частных индекса: индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекс образования и индекс производства (валовой внутренний продукт на душу населения или какой-нибудь его аналог). Каждый показатель принимает значения от 0 до 1, индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому.

Индивидуализация — процесс выделения индивида как относительно самостоятельного агента социальных отношений из любого социального контекста.

Индустриализация — процесс замены ручного труда технологиями, основанными на неживых источниках энергии.

Инсайдер — участник социального процесса.

Интеллигенция — 1) слой людей, профессионально занимающихся умственным, творческим трудом, развитием и распространением культуры; 2) в России XIX–начала XX в. та часть образованного общества, которая находилась в той или иной степени в оппозиции к существующему политическому режиму.

Интериоризация — усвоение и принятие человеком групповых стандартов поведения и убеждений.

Каста — закрытая самоуправляющаяся социальная группа, обладающая специфической профессиональной ориентацией, закреплённой законом, обычаем и религией, членом которой человек является по рождению и пожизненно.

Класс — открытая социальная группа, принадлежность к которой определяется доходом, образованием, властью, престижем, стилем жизни. В классовом обществе все граждане имеют одинаковые закреплённые законом правами и обязанностями, поэтому в нем социальными маркерами служат самоидентификация — представление человека о месте своем и себе подобных в обществе и перекрестная идентификация — понятия людей друг о друге и одних социальных групп о других.

Когнитивный диссонанс — состояние индивидуального сознания, когда в нем сталкиваются два противоположных представления об одном объекте или факте, не согласующиеся между собой, но представляющиеся человеку равно убедительными.

Коллективное бессознательное — структурная сфера психики человека, состоящая из образов (архетипов), в которых символически представлен опыт исторического развития человечества.

Коллективные представления — бессознательные коллективные понятия в обществе, не сводимые к сумме индивидуальных представлений и оказывающие влияние на последние.

Колониализм — политическое и экономическое угнетение и эксплуатация, а также культурное порабощение одних, менее развитых стран другими, более развитыми в социально-экономическом отношении странами.

Колонизация — освоение пустующих и никому не принадлежащих, по крайней мере формально, земель.

Коммуникация — движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих политическую систему.

Конвергенция — процесс, в ходе которого индустриальные общества становятся все более похожими друг на друга благодаря стандартизации форм социальной организации, политической жизни, культурных образцов, норм и правил повседневной жизни, подчиняясь присущей технологии имманентной логике развития.

Консенсус — фундаментальное согласие по базисным ценностям в обществе или социальной группе.

Консерватизм — доктрина, защищающая учреждения и ценности существующего общественного строя.

Конфликт культурный — столкновение культур, или нарушение единства культуры данного социума, когда в его рамках существуют различные культуры, носителями которых являются разные социальные группы.

Конформизм — принятие и следование общепринятым мнениям, стандартам, авторитетам и принципам.

Коэффициент брачности — число браков на 1 тыс. человек населения.

Коэффициент Джини — измеряет уровень неравенства в группе или обществе; принимает значения от 0 при полном равенстве до 1 при максимальном неравенстве членов данной совокупности.

Коэффициент разводимости — число разводов на 1 тыс. человек населения.

Коэффициент рождаемости — число рождений на 1 тыс. человек населения.

Коэффициент смертности — число смертей на 1 тыс. человек населения.

Крепостное право — механизм, посредством которого несвободные крестьяне владеют землей на условиях выплаты ренты в виде отработок, натурального продукта или наличных денег. Существовало в трех формах: как государственное, корпоративное или частное в зависимости от того, кто являлся субъектом крепостнических отношений — государство, корпорация или отдельный человек.

Культура — 1) совокупность достижений в экономической, общественной и духовной сферах жизни; 2) просвещенность, начитанность, образованность, учтивость, гуманизм; 3) система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в материальных и символических носителях и передаваемых последующим поколениям.

Культура политическая — исторически сложившиеся политические установки, идеалы, ценности, регулирующие политические отношения в обществе.

Культура политическая консенсусная и конфликтная — консенсус или противоречия в политических установках, идеалах и ценностях граждан, принадлежащих одному социуму, следствием чего является наличие

или отсутствие согласия между гражданами по поводу важнейших проблем, стоящих перед обществом, и путей их разрешения.

Культурная революция — перестройка в системе создания, распространения и использования культурных ценностей; изменение функций, содержания и форм культуры в процессе трансформации общества.

Либерализм — доктрина, отрицающая авторитарные формы правления, осуждающая давление государства или коллектива на личность, защищающая политические права, рыночную экономику и частную собственность.

Личность авторитарная — личность, характеризующаяся крайним конформизмом, сильной зависимостью от групповых ценностей и принятием социальной иерархии как гарантии личной безопасности и общественного порядка.

Людность поселения (города или деревни) — среднее число жителей в поселении (городе или деревне).

Маргинал — индивид, находящийся в пограничном, переходном, социально- или культурно-неопределенном состоянии — на границе двух культур (субкультур), классов, социальных групп; число маргиналов растет в обществах, находящихся в состоянии аномии.

Ментальности — коллективные стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, парадигмы и модели восприятия, понимания и оценки действительности; совокупность ментальностей образует менталитет.

Местничество — институт, гарантировавший право занимать место в гражданской или военной иерархии соответственно знатности и чину предков.

Механическая солидарность — форма социальной интеграции в традиционных (доиндустриальных) обществах, основанная на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе.

Мировоззрение — система представлений о мире и о месте в нем человека, об отношении человека к окружающей действительности и к самому себе, а также обусловленные этими представлениями основные жизненные позиции и установки людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации.

Миф — 1) символическое повествование о деяниях богов и легендарных героев, о происхождении мира и жизни на Земле, наделенное объяснительной и мировоззренческой функциями, лежащее в основе архаических культур; 2) вымысел, фантазия, ошибочное представление, ложное сознание; 3) совокупность стереотипов сознания, основанных по преимуществу на вере и не подверженных осознанной рефлексии при нормальном течении жизни.

Мнение общественное — артикулированное и агрегированное отношение общества или отдельных социальных групп к актуальным проблемам жизни своего народа и государства.

Мода — популярность в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся во внешних формах быта, в искусстве, культуре, политике, науке, идеологии.

Модель брачности — общепризнанные нормы поведения в отноше-

нии к браку; нормы западноевропейской модели — поздняя брачность, воздержание от вступления в брак; нормы восточноевропейской модели — ранняя и почти всеобщая брачность.

Модернизация — общественный процесс, в ходе которого аграрные, традиционные общества становятся современными или развитыми.

Мультикультурализм — признание культурного плюрализма и возможности мирного сосуществования, в том числе и в рамках одной политической системы, обществ с различными культурами.

Народность (народ) — этническая общность стратифицированного общества (кастового, сословного или классового), возникшая на основе общности территории, культуры, языка.

Национализм — идеология, состоящая в том, что народ, объединенный общей исторической, культурной, языковой и религиозной связью, должен идентифицироваться с определенной территорией и составлять национальное государство; в крайних формах — идеология национальной исключительности и превосходства.

Нация — высшая форма этнической общности, исторически сложившаяся в новое время на основе общности не только территории, культуры, языка, исторической судьбы, но и экономической жизни.

Нетто-коэффициент воспроизводства населения — среднее число девочек, рожденных одной женщиной в течение репродуктивного периода, которые доживут до того возраста, когда сами смогут рожать.

Норма — стандарт или правило, регулирующее поведение, указывающее на то, что следует и чего не следует делать в определенных ситуациях.

Нуклеаризация — сужение семьи до малой (нуклеарной).

Общественность — социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, которые оказывали влияние на официальную власть, с мнением которых она считалась и учитывала при проведении политики.

Община городская (посадская) — форма социальной организации городского податного населения, основанная на общем владении землей, круговой ответственности перед государством, самоуправлении, на родственных, семейных или соседских связях.

Община сельская — форма социальной организации крестьянства, основанная на общем владении средствами производства и совместном труде, круговой ответственности перед государством, самоуправлении, на родственных, семейных или соседских связях.

Общность и общество — идеально-типические понятия немецкого социолога Ф. Тенниса, противопоставляющие типы социальных отношений. Для общности в доиндустриальную эпоху характерны непосредственные, личностные, органические, эмоциональные связи, для общества в индустриальную эпоху — индивидуалистские, безличные, конкурентные, меркантильные, договорные, рациональные связи.

Обычай — существующие в устной традиции неписанные нормы и образцы поведения, регулирующие деятельность и отношения людей в социальной группе.

Органическая солидарность — форма социальной интеграции в совре-

менных (индустриальных) обществах, основанная на разделении труда, обмене услугами, на законном порядке и других рациональных отношениях, в которых значение родственных связей находится на заднем плане.

Открытое общество — тип общества, характеризующийся высокой социальной мобильностью, демократией, либерализмом, наличием политических прав у граждан.

Парадигма — 1) совокупность теоретических и методологических предпосылок, создающих модель постановки проблем и их решения; 2) система принципов, принятых социальной группой или обществом, предопределяющих рассмотрение явлений и предметов в свете этих принципов.

Патернализм — доктрина и деятельность с позиции отеческой заботы по отношению к слоям и группам, приниженным в социальном и экономическом отношении; опека со стороны государства по отношению к гражданам и ожидание последними от государства помощи и покровительства.

Патрон-клиентелистские отношения — структура, в рамках которой ведущее должностное лицо, влиятельная фигура или группа обеспечивает своих сторонников некими благами в обмен на их лояльность.

Передел — регулярное разделение наличного земельного фонда общины между хозяйствами для поддержания между ними равенства в землепользовании; в результате коренного передела хозяйство получало участки в других местах и иных размеров, чем прежде; в результате частного передела за хозяйством оставалось ядро старого надела, но к нему добавлялось или, наоборот, от него отнималось некоторое количество земли.

Плотность городской сети — среднее расстояние между ближайшими городами.

Поведение демографическое — поведение людей в отношении к браку, детям, семье в соответствии с принятыми в данной социальной группе нормами

Повседнев — культурное бессознательное в самом широком диапазоне социокультурных практик или как бессознательные коллективные социокультурные практики.

Показатель преступности — число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения.

Политика — сфера социальной жизни, определяемая отношениями власти.

Порука круговая, или ответственность коллективная, — взаимная ответственность по принципу «один за всех и все за одного» всех членов общины перед государством при исполнении повинностей, внесении налогов, при совершении преступлений на территории общины.

Право — система обязательных для всех членов общества социальных норм, неисполнение которых влечет наказание со стороны специальных государственных учреждений.

Преемственность — связь прошлого, настоящего и будущего в развитии общества; до некоторой степени предопределяет ход исторического процесса.

Преступление — деяние, воспрещенное законом, либо преступное упущение или бездействие, предусмотренное законом, совершенное в со-

стояний вменяемости, при наличии виновности и преступного намерения и повлекшее за собой ущерб для человека или общества.

Прирост населения естественный — разница между числом рождений и смертей.

Рационализация — множество взаимосвязанных процессов, в ходе которых каждый аспект человеческого действия становится предметом расчета, измерения и контроля.

Революция семейная — переход от авторитарной к эгалитарной семье.

Рекрутирование политическое — выдвижение людей для политической деятельности и государственных постов.

Репрессивная санкция — наказание, имеющее целью возмездие и кару и ведущее к поражению человека в правах.

Реститутивная санкция — наказание, преследующее цель восстановить прежний порядок вещей.

Ресурсы природные — компонент окружающей естественной среды, который используется в данный момент или может использоваться человеком в будущем для удовлетворения материальных и духовных потребностей: энергия солнца, земли и воды, земельные, минеральные, водные, растительные, ресурсы животного мира и т. д.

Санкция социальная — мера воздействия социальной группы на поведение индивида, отклоняющегося от принятых норм.

Секуляризация — процесс освобождения общественного и индивидуального сознания от влияния религии; ослабление роли церкви и религии в жизни общества и индивида.

Семья — 1) основанная на кровном родстве, браке или усыновлении группа людей, объединенных эмоциональной привязанностью, общностью быта, моральной ответственностью, взаимопомощью, духовным общением и несущих ответственность за воспитание детей; 2) специфический социальный институт со своей системой норм, санкций, прав, обязанностей, функция которого — регуляция отношений между супругами, детьми и государством.

Славянофильство — направление в русской общественной мысли, настаивающее на том, что исторический путь России отличается самобытностью, которая включает православие, соборность, органическую солидарность, коллективизм, сильное государство, антибуржуазность.

Соборность — гармонический сплав индивидуальной свободы и человеческого братства как характерная черта русской цивилизации, с точки зрения славянофилов, евразийцев и их последователей.

Современное (индустриальное) общество — имеет следующие характеристики: 1) развитое индустриальное производство, основанное на неживых источниках энергии; 2) рациональные формы власти: высокая степень централизации управления, специализации и взаимозависимости организаций; 3) рационализм, универсализм, разделение труда, функциональная специализация, органическая солидарность как ведущие социокультурные нормы; 4) высокая степень развития денежного обмена и рынка, высокий уровень взаимозависимости сельских и городских поселений, социальных групп и корпораций; 5) развитое гражданское

общество; б) автономия индивидуума, отделение личного от общественного и государственного.

Сознание массовое — тип общественного сознания, характерный для типичного представителя данной социальной группы, включающий широкий круг идей, представлений, чувств и иллюзий относительно общественной жизни.

Солидарность механическая и органическая — формы социальной интеграции, характерные для традиционных и современных обществ; во-первых, интеграция общества в целостную систему происходит в условиях схождения индивидов, абсолютной власти коллектива и религиозного коллективного сознания; во-вторых, в условиях разделения труда, индивидуальной инициативы и светского по преимуществу коллективного сознания.

Сообщество воображаемое — концепция, согласно которой такие категории, как «сословие», «класс», «нация», «этнос» и им подобные существуют в сознании и определяют мышление и поведение людей.

Сословие — полукрытая социальная группа, обладающая особым набором определенных законом и передаваемых по наследству прав и привилегий (включая право на самоуправление), специфическими менталитетом и этосом, корпоративной организацией и групповым сознанием, внешними признаками сословной принадлежности.

Социализация политическая — выработка, закрепление и передача политически значимых установок.

Социализация — процесс социального взаимодействия, в ходе которого культура общества (взгляды, мнения, система ценностей, образцы поведения) передается детям.

Социальная мобильность — перемещение индивидуумов и групп в обществе в статусной иерархии; движение вверх — восходящая, движение вниз — нисходящая, движение по горизонтали (в пространстве или без изменения статуса) — горизонтальная мобильность; перемещения, диктуемые фундаментальными изменениями в экономике, и занятости или вызванные социальной политикой — структурная, или вынужденная, мобильность, а перемещения, не связанные со структурными сдвигами в обществе — добровольная мобильность.

Социум — общество как целостная система, отличающееся единством условий жизнедеятельности и общностью культуры.

Среда географическая — часть природного окружения человека, которая образует среду его обитания и с которой он непосредственно связан в своей жизни и деятельности.

Статус социальный — положение человека в обществе как представителя большой социальной группы, к которой он принадлежит; личный — позиция индивида в группе или обществе, связанная с определенными ожиданиями, правами и обязанностями.

Статус этнический — 1) положительная или отрицательная репутация, престиж, авторитет индивида определенной этнической принадлежности или этнической группы в рамках данного общества или государства; 2) положение человека в обществе, которое он занимает как представитель данной этнической группы.

Стереотип социальный — устойчивый упрощенный образ социального объекта, тенденция к наделянию сходными характеристиками всех членов, принадлежащих к одной расовой, этнической, социальной группе; ведет к восприятию и отношению к индивидам в соответствии с предвзятыми мнениями; обусловлен воспитанием, культурными традициями, ценностными ориентациями.

Столыпинская реформа — реформа крестьянского наделного землевладения, начатая в 1906 г., давшая право домохозяину, владеющему землей на общинном праве, требовать укрепления его в личную собственность; поощрялись переходы на хутора и отруба, землеустроительные работы и переселения крестьян в слабозаселенные регионы,

Страта социальная — социальный слой в рамках иерархической системы социальной стратификации.

Стратификационный профиль, или *тип*, — тип социального расслоения, требующий соответствующего критерия и шкалы стратификации; различаются кастовая, сословная, классовая, этакратическая (от французского и греческого — «государственная власть») дифференциации между группами по их положению в государственной номенклатуре чинов и разрядов) и некоторые другие.

Стратификация социальная — социальные группы, организованные иерархически, в соответствии со статусом; структуры социального неравенства, существующие в обществе; иерархическое ранжирование социальных различий между людьми и группами.

Структура городов функциональная — соотношение городов различных функциональных типов.

Структура занятости — распределение населения между различными отраслями материального и нематериального производства.

Структура социальной общины — включает 1) право и мораль, диктовавшие нормы жизни и поведения; 2) способы воздействия, приводившие поведение в соответствие с правом и моралью; 3) органы управления и руководителей, осуществлявших текущее руководство.

Структура социальная — строение общества, совокупность социальных статусов, модель социальных классификаций в обществе.

Субъект государственного управления — частные или юридические лица, которые властвуют, управляют, принимают решения или влияют на принятие решений.

Тип воспроизводства населения современный — сочетание факультативной брачности, регулируемой рождаемости и контролируемой смертности.

Тип воспроизводства населения традиционный — сочетание высокой и обязательной брачности, стихийной рождаемости и неконтролируемой смертности.

Тип города функциональный — доминирующая функция города: в административно-военном — более 50 % самодеятельного населения занято в администрации и армии; в аграрном — в земледелии, рыболовстве и лесоводстве; в торговом — в торговле; в промышленном — в промышленности; в городе смешанного типа население достаточно равномерно

распределяется между различными сферами материального и нематериального производства.

Типы властных структур в семье — авторитарно-патриархальный (власть и авторитет принадлежат главе семьи — мужчине), эгалитарный, или демократический (власть и авторитет равномерно распределяются между супругами) и переходный, или смешанный; соответственно авторитарные, эгалитарные и переходные семьи.

Традиции — элементы социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение и сохраняющие свое значение для жизнедеятельности социальной группы (общности, общества).

Традиционное (доиндустриальное) общество — имеет следующие характеристики: 1) ручное домашнее производство, основанное на живых источниках энергии; 2) нерациональные формы власти: низкая степень централизации управления, специализации и независимости организаций; 3) традиционализм, партикуляризм, функциональная диффузность как определяющие, механическая солидарность как социокультурные нормы; 4) неразвитость денежного обмена и рынка, изолированность жизни, высокий уровень самообеспеченности, самодостаточности сельских и городских поселений, социальных групп и корпораций; 5) поглощенность общества государством; 6) поглощенность индивида группой, смещение личного с общественным и государственным (интересов, имущества), превалирование семейных связей, норм; nepoтизм (кумовство, семейственность, протекция родственникам) как ценность.

Урбанизация — процесс перемещения сельского населения в города и сопутствующая этому концентрация экономической активности, административных и политических институтов, коммуникационных сетей на урбанизированных территориях.

Урбанизация — процесс увеличения доли населения, проживающего в поселениях, городской статус которых определен в соответствии с политическими, культурными или административными критериями.

Урбанизация рассеянная, или скрытая, — процесс развития промышленности, торговли и городского образа жизни в сельских поселениях, не имеющих статуса города.

Установка социальная, или аттитюд, — предрасположенность человека к определенному восприятию и поведению, состояние готовности к определенной активности в определенной ситуации действовать определенным образом; обусловлена воспитанием, культурными традициями, ценностными ориентациями, значимыми представлениями и взглядами.

Феминизм — теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за свои права.

Формы семьи (семейной организации): 1) один человека; 2) группа родственников или неродственников, ведущих общее хозяйство; 3) простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар.

Функция города — деятельность горожан, которая производит продукцию или услуги на вывоз из данного города, обслуживает потребности жителей других населенных пунктов. Критерием при оценке значения различных функций города принимается число самодеятельного населения, которое реально их выполняет.

Функция общины — деятельность, необходимая для поддержания жизнедеятельности членов общины, жизнеспособности и сохранения самой общины, обеспечивающая ее способность к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений, противоречий.

Функция семьи — способ проявления активности, жизнедеятельности семьи и ее членов.

Футурошок — затрудненная адаптация, дезориентация и неспособность адекватно реагировать и действовать в условиях быстрых социальных перемен в обществе.

Цена простого воспроизводства населения — отношение брутто-коэффициента к нетто-коэффициенту; показывает, сколько девочек надо родить женщине, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения.

Цивилизация — 1) синоним современной мировой культуры; 2) уровень социального и культурного развития; 3) устарелое название третьего периода в развитии общества, следующего за дикостью и варварством; 4) отдельное общество или группа обществ, обладающих специфическими чертами в области религии, морали, системы ценностей, образа жизни, организации управления и социальной жизни (китайская, западная, индийская цивилизации).

Цикл семьи жизненный — последовательность фаз развития семьи от ее возникновения до смерти супругов.

Экспансия территориальная — захват чужих территорий.

Этнопатернализм — авторитарная модель обращения с подданными, в соответствии с которой отношения центра с национальными регионами или монарха со своими инославными подданными строятся как в патриархальной семье, как отношения властного, строгого, но доброжелательного отца со своими детьми.

Этнос — группа людей, связанных единством своего происхождения и общностью культуры, включая язык.

Этноцентризм — отношения предубеждения или недоверия к посторонним, которые могут существовать как внутри социальной группы, так и между различными социальными группами. В последнем случае собственная группа рассматривается как более важная или высшая в культурном отношении.

Этос — 1) обобщенная характеристика культуры социальной группы, выражающаяся в системе господствующих ценностей и норм поведения; 2) совокупность моральных императивов в профессиональном сообществе.

Предметный указатель

- Аборт 118
- Абсолютизм см. Самодержавие
- Авторитаризм в семейных и общественных отношениях 156–160
- Аграрный вопрос 429
- Аграрное перенаселение 37
- Административная юстиция 373, 376
- Азиатский способ производства
- Алкоголизм 295–296
- Аномия 352, 507
- Антибуржуазность интеллигенции 225–226
- Антисемитизм 49
- Армия: численность регулярной армии в 1680–1913 гг. 394; социальное и национальное происхождение офицеров 42; дедовщина в русской армии XVIII–XX вв. 165
- Артель 310–311, 455
- Артикуляция и агрегация групповых интересов 421–424
- Ассоциации добровольные: определение 415; виды 415–418; значение 418–421
- Баланс рабочих и нерабочих дней в году у крестьян 270
- Большак и большуха 155
- Большая семья см. Семья; Составная семья
- Боярская дума 358–361, 365
- Брак: возраст вступления 105; отношение к браку 99; выбор невесты и жениха 101; расчеты при вступлении 100; повторные 103; законные ограничения при вступлении 102; сезонность 106; уровень брачности 108; продолжительность 109; коэффициент брачности 97; модель брачности восточноевропейская и западноевропейская 112; распределение браков по месяцам 107; средний возраст вступления в брак городского и сельского населения в 1867–1910 гг. 220
- Братчины 294
- Брачный возраст в 1867 и 1919 гг. 220
- Время воинской повинности в Российской империи для отдельных этносов 43
- Брутто-коэффициент воспроизводства населения см. Воспроизводство населения 131
- Буржуазия и ее менталитет 227–228
- Бюрократизация крестьянской общины 283
- Бюрократия: определение 354; численность и социальный состав 392–394; состав и организация 382–386; привлечение к уголовной ответственности за должностные преступления 385; жалобы населения 385; факторы успешной карьеры 91; число зафиксированных должностных преступлений в 1846–1913 гг. 342

Вдовство 103,298
Венчание на царство, или коронование 357, 358
Верховная власть как лидер общества и модернизации 396
Вестернизация 428, 449
Взятки 384
Власть: типы властвования, или господства (традиционный, харизматический, легальный, смешанный) 356; легитимность 355
Внебрачные дети 105, 116
Внутрисемейные отношения: у горожан 160; у дворян 161; у крестьян 154–160; гуманизация отношений после эмансипации 159; преступления против союза брачного 160
Возрастной состав крестьян, принимавших участие в важнейших полевых работах или помогавших по хозяйству XIX–начале XX в. 147
Воля и свобода в понимании крестьян 250–251
Воображаемые сообщества 85
Воспроизводство населения: брутто-коэффициент и нетто-коэффициент 131; переход от традиционного к современному типу 134; цена простого воспроизводства населения 127
Всесословная правомерная монархия 376–379
Второе раскрепощение крестьянства в 1906 г. 265
Вымирания крестьянства концепция 120
Гендер 159, 207
Географическая среда: определение 516; климат 30; почвы, ландшафт 31–33; сравнительная обеспеченность природными ресурсами России и других стран 33; спекуляции о решающем влиянии географического фактора 33–36
Географический детерминизм 33–36, 509
Геополитика 26–27
Глобализация 463–465, 508
Город и деревня: административное, юридическое, экономическое и социальное размежевание 178–185; интеграция после великих реформ 202
Город см. Городские поселения; Городское население
Город: доиндустриальный, индустриальный, раннеиндустриальный и постиндустриальный 183; малый, средний и большой 173; см. также Городские поселения; Городское население
Городские поселения: понятие города 169; городская сеть в России и на Западе 172; распределение по числу жителей в XVII–начале XX в. 173; соотношение больших, средних и малых городов 174; средняя людность городов в 1646–1910 гг. 175; городской комфорт 190; структура городов по функциям 180; см. также город и деревня
Городское население: численность 193; социальная структура 197; окрестнянивание в пореформенный период 220; занятия 180–185; см. также Городское сословие; Население; Урбанизация
Городское сословие: численность 75; превращение посадских людей в сословие 73; сословные привилегии 74; трансформация сословия в классы 86–87; стратификация 76; имущественное неравенство 77; социальная мобильность 90; закрепощение 245–246; раскрепощение 259–262

Господства типы (традиционный, харизматический, легальный, смешанный) 355–356

Государственная дума как парламент 379–380

Государственность: определение 354; народная монархия до XVIII в. 357–363; дворянская патерналистская монархия XVIII в. 363–371; правомерная бюрократическая монархия первой половины XIX в. 371–376; сословная правомерная монархия пореформенного периода 376–379; дуалистическая правовая монархия 1906–1917 гг. 379–381; республика 383; общая эволюция в XVII–начале XX в. и ее факторы 386–388

Государственный совет 392

Государство

Государство и народ: отношение народа к самодержавию 400–401; формирование общественного мнения в народе 401–405; влияние народа на коронные власти 413–414

Государство и образованное общество: в XVIII–начале XX в. 395–400; взаимная враждебность и ее факторы 398–400; воздействие общества на коронные власти 405–414; см. также Каналы связи между обществом и государством

Государство: определение 354; правомерное и правовое как две последовательные стадии развития правового государства 356; полицейское, или регуляторное 372

Гражданское общество: определение 391; становление 424–427

Грамотность: населения 163–164; крестьяне ограничивали образование своих детей 218–219

Групповые интересы: агрегация и артикуляция 421–424

Гуманизация отношений: в семье 165; в обществе 165

Дворяне: численность 64; превращение в сословие 63; участие в государственном управлении 367–369; стратификация до 1861 г. 64; стратификация после 1861 г. 66; имущественное неравенство 64; социальная мобильность 89; открытость при входе 89; утрата сословных привилегий после освобождения крестьян 66; обеднение 67; закрепощение 241–242; раскрепощение 253–257; превращение из правящего в преобладающее сословие и затем в средний класс 373–374; число помещиков, распределенных по трем стратам, в 1727–1905 гг. 66; личное 64; дворянские корпорации 306–308

Дворянская патерналистская монархия 363–371

Дворянские корпорации 306–308

Дедовщина в русской армии XVIII–XX вв. 165

Демографическая революция, или демографический переход 131–135

Демографические показатели в различных странах в XIX–начале XX в. 132–133

Демографические процессы среди разных сословий в 1840–1850-е гг. 129

Демографические процессы в среде помещичьих и государственных крестьян и городского населения в первой половине XIX в. 121

Демографические характеристики населения различных конфессий в 1896–1904 гг. 129

Демографический детерминизм 36–39, 509

Демографический менталитет крестьянства 98–105

Демографический переход, или демографическая революция 131–135
Демократизация внутрисемейных отношений 165–166
Демократия общинного типа 289
Деревня, см. Сельские поселения
Дети: отношение к детям 103; уход за детьми 127; внебрачные 105, 116; подкидывание 117; национальные различия в смертности 130; отцы 228–229; процент детей в возрасте до 7 лет 115
Джини коэффициент имущественного неравенства: определение 66, 511; у дворянства 66; у духовенства 73; у городского сословия 78; у крестьянства 80
Динамика политического процесса 421–424
Дискурс 86, 206, 509
Добровольные ассоциации: определение 415; виды 415–418; значение 418–421
Должностные преступления 385
Доносы и причины их распространенности 413
Доходность барщинных и оброчных имений 268; помещичьих и казенных имений 268
Доходность крепостного и вольного труда 269
Дуалистическая правовая монархия 379–382
Духовенство: численность 71; превращение в сословие 68; сословные привилегии 69; как корпорация 70; церковные реформы 1860–1870-е гг. 71; трансформация сословия в профессию 71; годовые доходы 73; стратификация 72; имущественное неравенство 73; социальная мобильность 89; разборы 243; состав семей по числу членов 142; негативное отношение населения к духовенству 70; закрепощение 243; раскрепощение 257–259; состав православного приходского духовенства в России в XVIII–начале XX в. 72
Евреи 45, 50, 56, 129, 130
Европеизация и модернизация 448–454
Епископское тягло 244
Жалобы и апелляции на судебные приговоры 407–408, 413
Жалованная грамота городам 260–261
Жалованная грамота дворянству 254–255
Жалованная грамота крестьянству 79
Женщина: положение в семье и обществе 155, 158–161, 219, 299; половая зрелость и брак 105–106; феминизм 165; структура занятости в 1897 г. 188; в отходничестве 159
Жизненный цикл крестьянской семьи 141
Закрепощение: дворян 241; духовенства 243; посадских 245; крестьян 246; всеобщность крепостничества и его факторы 249; отношение населения к насилию до эмансипации 251–252
Занятия населения: городского 180; сельского 185; всего населения 188; занятия крестьян в городе 200; занятия мещан и купцов в деревне 201; мужчин и женщин в 1897 г. 188; см. также Структура занятости
Западная Европа и Россия II: сходство и различия 456–462; Россия в каждый момент похожа на то, чем западноевропейские страны были прежде

462–467; лаг в развитии к 1914 г. и 1990 г. 464, 466–467; разные часовые пояса 456–467

Земские соборы 358–360, 362

Идеалы молодежи в начале XX в. 228–229

Идеальный тип России и Запада 446–447

Избрание на царство 357

Имидж России 433, 445–446

Империя 47–48, 366

Имущественное неравенство см. Джини коэффициент имущественного неравенства; социальная стратификация

Индекс развития человеческого потенциала 55–56, 510

Индекс человеческого развития: определение 55, 510; 14 народов России в 1897 г. 55–56

Индивидуализм 438–439

Индустриализация рассеянная 195

«Инородцы» 44; см. также Нерусские народы

Интеллигенция: определение 391; менталитет 223–228

Интенсивное и экстенсивное развитие экономики 28–30

Интерриоризация 135, 206, 510

Информационные центры и источники информации для народа (ярмарки, базары, кабаки и др.) 402–405

Исповедь, посещение и пропуск в 1780–1913 гг. 230–231

История и социология 9–22

Итоги социального развития России в период империи 433–441

Каналы связи между обществом и государством: политическая полиция 406; петиции, ходатайства, адреса 407; пресса 408; доносы 413–414

Карьера чиновника и ее факторы 91

Каста 509

Киселева П. Д. реформа государственных крестьян 265–266

Классы: определение 510; превращение сословий в классы в пореформенный период и незавершенность классообразования к 1917 г. 86

Коллективные представления: понятие 205; крестьянства до эмансипации 207–211; крестьянства в пореформенное время 214–217; городских низов до Великих реформ 211–214; городских низов после Великих реформ 214–217; отражение в лубочной литературе 216–217; борьба традиции против модернизма 217–223; роль отходничества в изменении: рабочих 221–223; интеллигенции 223–226; буржуазии 227

Колониализм европейский и русский 47–48

Колонизация 23–26; факторы 26–30; последствия 30–54; оценка результатов 54–58

Колонизация с точки зрения теорий функционализма, конфликта и модернизации 57–59

Коммуникация политическая 401–414

Конвергенция России и Запада 447–448

Консенсус 85, 289, 297, 302, 391, 398, 427

Конституция России в форме Основных законов Российской империи 1906 г. 379

Контент-анализ содержания журнала «Нива» за 1870–1913 гг. 223–226

Контрацепции методы 118–119; см. также рождаемость

Контрреформы как корректировка процесса реформирования 397–398

Конфликт культурный 235–237

Коронное управление вытеснение общественным самоуправлением в результате Великих реформ 393–394

Коронование 357–358, 366

Коррупция 384

Коэффициент брачности см. Брак

Коэффициент Джини см. Джини коэффициент

Коэффициент разводимости см. Разводы

Коэффициент рождаемости см. Рождаемость

Коэффициент смертности см. Смертность

Кредит беспроцентный в деревне 214, 215

Кредитные учреждения и крестьяне 215

Крепостное право: определение 240; три формы (государственное, корпоративное, частновладельческое крепостничество) 241; корпоративное (общинное) 248; всеобщность 249; и потребительская трудовая этика крестьянства 270; и культурные установки 250; как средство увеличить доходы 268; и крестьянские волнения 251; число крепостных мужского пола, принадлежавших помещикам в 1727–1858 гг. 65–66; причины отмены 267–272

Крестьяне: категории 78; численность 79; как квазисословие 79; социальная стратификация в 1495–1860 гг. 80; имущественное неравенство 80; социальная мобильность 90; свободные хлебопашцы 263; закрепощение 246; раскрепощение 262–267; крестьянский суд 280; самосуд 334; см. также Население; Община крестьянская; Семья

Круговая порука 279

«Куклы» в г. Орле в 1840-е гг. 412

Культурный раскол русского общества 235–237

Купечество: численность 74–76, 259–261

Лаг в развитии России и Запада: к 1914 г. 464; к 1990 г. 466–467

Легальное господство см. Господства типы

Легитимность власти: основания 357, 363–364, 371–372, 378, 379; законность в государственном управлении 369–371, 374–377, 379

Личные дворяне 64

Лубочная литература и изменения в трактовке традиционных ценностей 216–217

Льготы (налоговые и социальные) нерусских народов, входивших в состав Российской империи 42–44

Людность поселения см. Городские поселения; Сельские поселения

Манипуляция массовым сознанием 403–404

Манифест о вольности дворянства 1762 г. 254

Межсословная социальная мобильность, см. Социальная мобильность

- Менталитет демографический 98–105
- Менталитет: понятие 205; см. Коллективные представления
- Местничество 359, 362
- Механическая и органическая солидарность как идеальные типы 442
- Мещане 74–78
- Миграции 24–26
- Миграционная парадигма 27
- Мировоззрение 205
- Миропонимание 205
- Мирозозерцание 205
- Мобильность; см. Социальная мобильность
- Мода в деревне после эмансипации 439
- Модель брачности см. Браки
- Модернизация и европеизация (вестернизация) 448–470
- Модернизация политическая, ритмы и результаты 424–430
- Модернизация социальная: определение 439; результаты 433–441; по схеме Э. Дюркгейма от механической к органической солидарности 441–444; в ракурсе цивилизационной парадигмы 444–448; в ракурсе модернизационной парадигмы 448–456; в ракурсе трех парадигм 468–470
- Молодежь: в крестьянской общине 99; идеалы учащейся молодежи в начале XX в. 228–229
- Молодость социальная 456–470
- Монархическая модель семьи 165
- Монархия и самодержавие, операционные определения 354
- «Мы» и «я» 296
- Наивный монархизм 367, 400–401
- Наказы депутатам в Комиссию для составления нового Уложения 409
- Налоги и повинности 267, 268, 279, 284, 286, 297, 298, 360, 362, 414
- Налоговые и социальные льготы нерусских народов, входивших в состав Российской империи 44–45
- Народ и государство 400–414
- Народная монархия 357–362
- Народничество как господствующая идеология интеллигенции 226
- Народного самодержавия теория 378
- Население: численность и плотность 24; национальный состав 49; численность городского и сельского 193; социальная структура городского и сельского 88; распределение сословий между городом и деревней 199; плотность населения и интенсивность земледелия 36–39
- Национальная политика: принципы 41–47; этапы 48; причины смены курса в 1863 г. 49; последствия интеграционной политики 49–51
- Национальное государство 58
- Национальное движение: теория национальных движений М. Хроха 52–54; фазы развития 52; у «молодых» и «старых» народов 53; у русских 52; и русские либералы 51; и большевики 52
- Национальный вопрос 39–46
- Национальный состав населения 40
- Национальный состав российской элиты 42

Национальный состав ссыльных революционеров в 1907–1917 г. 50

Незаконорожденные дети 105, 116

Неравенство имущественное и социальное см. Джини коэффициент имущественного неравенства; социальная Стратификация

Нерусские народы в составе Российской империи: численность 40; их правовое и материальное положение 44–45; участие в революционном движении 50; средняя продолжительность жизни у 11 народностей России в 1897 г. 130; различия в детской смертности по национальностям 130; семейное состояние по конфессиям в 1897 г. 129; см. также Евреи; «Иностранцы»; Национальное движение; Национальный вопрос

Нетто-коэффициент воспроизводства населения 131

«Нива», контент-анализ содержания журнала за 1870–1913 гг. 223–226

Нуклеаризация семьи 147, 151, 153

Образ России и Запада в литературе конца XIX–начала XX в. 445–446

Образование см. Грамотность

Обуржуазивание дворянства 87

Общественное мнение: определение 392; образованного общества 396–400; народа 401–405; как фактор государственной политики 396, 404–405

Общественность: определение 391; состав и численность 395

Общество и государство: образованное общество и государство 395–400; народ и государство 400; каналы связи между обществом и государством 405–414; конфликт 398–400; см. также Государство и образованное общество

Общество и общность (община), см. Общность и общество

Общество и семья 164–166

Общие коэффициенты брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста православного населения в Европейской России в XVIII–начале XX в. 97

Община городская в XVIII–первой половине XIX в. 305–306

Община городская и крестьянская до конца XVII в. 277–282

Общество и общность (община) 276, 308–312

Община (общность) и общество: определения 276; трансформация общности в общество у разных сословий 308–312

Община крестьянская в XVIII–первой половине XIX в.: как юридическое лицо 281; бюрократизация 283; распространение передельно-общинной организации на все великорусское крестьянство 267; дуализм 280; функции 278; структуры официальная и неофициальная 284; закон и обычай 284; обычай и мораль 285; способы воздействия 285; самоуправление 286; общественные должности 286; старики 287; патриархи 288; принципы общинной жизни 290–292; общинные и христианские принципы 292; межличностные отношения 293–297; уравнительный механизм в крестьянской общине 297–298; патриархальная, или традиционная, демократия в общине 289; крестьянский суд 280; самосуд 334

Община крестьянская после 1861 г.: после Великих реформ 300–305; возрождение общины после 1917 г. 304

Общность (община) и общество: определения 276; трансформация общности в общество у разных сословий 308–312

Обычай и закон 284–285; в уголовном праве 330–334
Ограничения по закону при вступлении в брак 102
Окрестьянская революция 1917 г. как антимодернистская революция 454–456
Освященный собор 358–361, 362, 366
Основания разводов среди православного населения Европейской России в 1841–1850 и 1905–1912 гг. 111
Основные законы Российской империи 1906 г. как конституция 379
Отделение города от деревни см. Размежевание города и деревни
Отношение населения к духовенству 70
Отраслевая структура занятости населения см. Структура занятости
Отставание России от Запада: к 1914 г. 464; к 1990 г. 466–467
Отходничество и влияние на социальную структуру, рождаемость крестьян, семейный уклад крестьян и менталитет 144, 154, 159, 167, 215, 218, 219, 236, 267, 272, 310
Отцы и дети 228–229, 296
Офицерский корпус по социальному и национальному составу 42
Официальной народности теория 375

Парадигма экстенсивности 28–30
Парламент в России 379–380
Патернализм верховной власти 357–358
Первая мировая война 51, 401, 427, 431
Передель земельные, коренные и частные 278–279; за ребежом 469
Перенаселение аграрное 37
Переселения 24–26
Плотность городской сети см. Городские поселения
Повседнев 206
Податные, или тяглые, сословия см. Крестьяне; Мещане; Купцы
Подкидывание детей 117
Политическая коммуникация 401–141, 421–424
Политическая культура: консенсусная/конфликтная 358, 376, 431, 511
Политическая модернизация 424–430
Политическая полиция (Тайная канцелярия, Третье отделение) 406–407
Политическая социализация 421–424
Политическое рекрутирование 421–424
Полицейский курс 421–424
Полицейское, или регулярное, государство в России 372
Половое воздержание во время Великого поста в 1867–1910 гг. 232–234
Половозрастная стратификация крестьянства 299–300
Положение нерусских народов в составе Российской империи 44–45; см. также Евреи; «Инородцы»; Национальное движение; Национальный вопрос; Нерусские народы
Польская конституция 48–49
Польский синдром 48
Помещики как предприниматели 271
Помещики, см. Дворянство

Помочь (толока) 295
Посадские люди см. Городское сословие
Поселения см. Городские поселения; Сельские поселения
Постмодернизм в историографии 205–206
Почетное гражданство как сословная группа 75
Почетный гражданин города как почетное звание 413
Право уголовное см. Уголовное право
Правомерная монархия 371–375
Праздники, их число и отношение к ним 270, 298
Преемственность капитала низкая 78
Пресса и ее роль в формировании общественного мнения 409–410
Преступность: источники и методика их обработки 534; динамика в 1803–1913 гг. 336–344; быстрый рост после Великих реформ 345; по профессиям и сословиям 346; структура в 1846–1913 гг. 342; наказания, наложенные судами в 1834–1913 гг. 343; функции 350; факторы 344; в России и за границей 348; в СССР 347–349; и свобода 349–352; концепция Э. Дюркгейма и Р. Мертон о росте преступности в условиях аномии и дисфункциональности общественной системы 351–352
Приданое 110, 112
Природные ресурсы см. Географическая среда
Продолжительность жизни 55–56, 130
Продолжительность труда у американских рабов и русских крепостных 269
Прозвища у крестьян 294
Производительность труда в зерновом производстве по районам без применения машин и удобрений 29
Производительность труда: барщинных и оброчных крестьян 268; помещичьих и казенных крестьян 268; русских и иностранных крестьян 269; и уровень насилия 271–272
Происхождение учащихся гимназий и университетов 90
Промышленность: размещение предприятий 192; рассеянная индустриализация 195
Пропуск исповеди во время Пасхи в XIX–начале XX в. 230
Профессионализация как путь преобразования сословий в классы 87
Процент детей в возрасте до 7 лет в общей численности населения Европейской России по сословиям в 1796–1903 гг. 115; см. также Дети
Прямые налоги русских и нерусских в XVIII в. (в коп. с души мужского пола) 45
Пьянство 295–296
Рабочие и нерабочие дни в году 270–271
Рабочие: социальное происхождение 221; менталитет 221–223
Разводы: законные основания 110; самовольные 111; число 111; коэффициент разводимости 111; основания разводов 111
Размежевание города и деревни 178–185
Размещение предприятий обрабатывающей промышленности и рабочей силы между городом и деревней в XVIII–начале XX в. 192
Разночинцы 81–83

Раскол российского культурного и социального пространства и его причины 235–237, 450–454

Раскольники см. Старообрядцы

Раскрепощение: дворянства 253–257; духовенства 257–259; городского сословия 259–262; помещичьих крестьян 262–265; казенных крестьян 265–266; и развитие частной собственности 255–256, 258, 262, 266–267; и крестьянские волнения 272; и смягчение нравов 272; и коммерциализация хозяйства 272; освобождение от корпоративного крепостничества 265

Распределение браков по месяцам 107

Распределение городов России в конце XVII–начале XX в.: по числу жителей 173; большие, средние и малые города 174

Распределение населения по сословиям между городом и деревней в XIX в. 199

Распределение предприятий обрабатывающей промышленности и рабочей силы между городом и деревней Европейской России в XVIII–начале XX. 192

Распределение русского населения по районам Российской империи в 1897 г. 25

Распределение сельских поселений по числу жителей в Европейской России в 1850-е и 1897 гг. 176

Рассеянная индустриализация 195

Революция цен в России и на Западе 453–454

Регулирование рождаемости 116–121

Ресурсы природные, см. Географическая среда

Реформы в России: 1775–1885 гг. 305, 369; опережали потребности, возможности и готовность широких народных масс к переменам 397, 455–456; и контрреформы 397–398

Родство кровное, духовное и свойство 102

Рождаемость: общий уровень 114; различия по сословиям 114; снижение рождаемости 115; влияние малоземелья, отходничества и других экономических факторов на снижение рождаемости 115; способы регулирования 118; начало регулирования и его факторы 119; регулирование 116–119; коэффициент рождаемости 97; число рождений на брак и соотношение родившихся и умерших по конфессиям в 1848–1852 гг. 130

Россия и Западная Европа: сходство и различия 456–462; Россия в каждый момент похожа на то, чем западноевропейские страны были прежде 462–467; лаг в развитии к 1914 г. и 1990 г. 464, 466–467; разные часовые пояса 456–467

Рост населения Российской империи в XVII–начале XX в. 24

Русификация и модернизация 57–58

Самодержавие: в России 364–365; как лидер модернизации 396–397

Самодержавие – православие – народность 375

Самосуд в среде крестьянства 334

Самоуправление 281–282; см. также Община городская; Община крестьянская

Санитарное состояние городов 126

Санкция: социальная 285–286; репрессивная и реститутивная 441–444

Свобода и воля в понимании крестьян 250–251

Свободные (вольные) хлебопашцы 263
Сезонность браков 106
Секуляризация сознания: пропуск исповеди 230–231; нарушение полового воздержания во время поста 232–234; десакрализация мира и власти 440, 443, 449
Секуляризация церковных имений 78
Сельская (крестьянская) община см. Община крестьянская
Сельские поселения: численность 175; распределение по числу жителей в 1850 и 1897 г. 176; городского типа 177; людность 177
Сельское население: численность 193; социальная структура 197; занятия 185; см. также Город и деревня; Крестьяне; Население
Семейная революция 515
Семейное состояние населения: по сословиям 113; изменения после Великих реформ 112; различных конфессий в 1897 г. 129
Семья и общество 164–166
Семья: и домохозяйство 139; пять форм семейной организации 140; число человек в семьях разного типа 143; людность крестьянского двора по регионам в XVIII–начале XX в. 140, людность двора городского населения в XVIII–первой половине XIX в. 150; людность семей духовенства 142; типология семей городского населения в 1850 и 1897 гг. 151; жизненный цикл крестьянской семьи 141; факторы устойчивости большой семьи в деревне 147; число иждивенцев в семьях разного типа 148; семейные разделы 149; типология семей городского населения в 1850 и 1897 г. 151; средняя населенность крестьянского двора 140; см. также Внутрисемейные отношения
Сенат 392
Синод 366
Служилые люди 61, 63
«Служилый город» 306–307
Слухи среди народа 402
Смертность: общий уровень 122; различия по сословиям в 1840–1870-е гг. 123, 125; крестьянства Воронежской губернии в 1898–1902 гг. 124; и образ жизни 124; и местожительство 125–126; и высокая рождаемость 126; и уход за детьми 127; и благосостояние 122; различия в детской смертности по конфессиям 130; факторы снижения 122; коэффициент смертности 97; в городах 126
Соблюдение постов 232–234
Собственность 252, 255–256, 258, 262, 266–267, 311
Солидарность механическая и органическая 441–444
Сообщество воображаемое 85
Сословия: определение 83; становление 83–86; трансформация в классы 86–87
Состав православного приходского духовенства в России в XVIII–начале XX в. 72
Составная семья: 143–146; как стадия развития малой семьи 146–147; уменьшение доли перманентно составных семей 147; см. также Семья
Социализация: 163, 296; см. также дети
Социальная мобильность: вертикальная 88–92; горизонтальная 91
Социальная модернизация 433–441

- Социальная молодость 456–470
- Социальная страта см. Социальная стратификация
- Социальная стратификация 65–66, 73, 76, 80, 299–300
- Социальная структура населения в Европейской России: в XVII–начале XX в. 88; городского и сельского населения в XVIII–XIX вв. 197–202
- Социальное неравенство см. Джини коэффициент имущественного неравенства; Социальная стратификация
- Социальное происхождение учащихся гимназий и университетов 90
- Социология и история 9–22
- Средний класс в России 81–83
- Средняя населенность крестьянского двора в России в XVIII–начале XX в. 140
- Средняя продолжительность жизни у 11 народностей России в 1897 г. 130
- Старики в общине 287–288
- Старообрядцы 70, 116, 209, 227, 244, 326, 358, 403, 417, 421, 422, 425
- Столыпинская реформа 302–304
- Стратификация городского сословия в Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. 76
- Стратификация крестьянства Европейской России в 1495–1860 гг. 80
- Стратификация помещиков в Европейской России без Польши и Финляндии в 1727, 1777, 1833, 1858, 1861 и 1905 гг. 66
- Стратификация дворянства Европейской России без Польши и Финляндии в 1858 г. 65
- Стратификация половозрастная среди крестьян 299–300
- Стратификация см. Социальная стратификация
- Структура занятости самодельного населения: городского в XVIII–XIX вв. 186–187; в 1857–1897 гг. 187; по полу в 1897 г. 188; см. также Занятия населения
- Сход городской и сельский 158, 159, 222, 223, 251, 278–305, 310; см. также Община городская; Община крестьянская

- Татарские набеги 26
- Территория: расширение 23–26; факторы территориальной экспансии 26–30; негативные и позитивные последствия экспансии 30–33
- Терроризм и его отрицательное влияние на становление гражданского общества и правового государства 330, 378
- Типология господства 356
- Типология семей: сельского населения 144–146, 151–153; городского населения 151–152
- Титул императора 40–41
- Товарность сельского хозяйства 443
- Толока (помочь) 295
- Третьеиюньский переворот 270–271
- Тяглые люди 61

- Уголовное право и его понятия: преступление 317–321; субъект и объект преступления 321–325; невменяемость 325–326; номенклатура составов преступления 326–327; наказания 327–330; обычное 330–334

Урбанизация: уровень 193; «деурбанизация» в XVIII–первой половине XIX в. 192; факторы медленной урбанизации 193; рассеянная урбанизация 197
Установка социальная 205

Февральская революция 51, 429–430

Феминизм 165; см. также Женщина

Функциональная структура городов России в XVIII–XIX вв. 181

Ходить в кусочки – собирать милостыню во время неурожая 295

Цена простого воспроизводства населения 127

Цены товаров и интеграция России в Европу 453–454

Церковные реформы 1860–1870-х гг. 71

Цехи, цеховые и их корпорации 77

Частная собственность: дворянства 255–256; духовенства 258; городского сословия 262; крестьянства 266–267

Чиновники, см. Бюрократия

Численность городского и сельского населения в Европейской России в XVIII–начале XX в. 193

Численность переселенцев по районам вселения в 1678–1915 гг. 25

Экспансия территориальная, см. Колонизация

Экстенсивности парадигма 28–30

Эмансипация см. Раскрепощение

Этакратическое общество 62, 83

Этнический состав населения России 40

Ярмарки как информационные центры 402

Список таблиц

I.1. Рост населения Российской империи в 1646–1914 гг.	24
I.2. Распределение русского населения по регионам Российской империи в 1897 г.	25
I.3. Численность переселенцев по районам вселения в 1678–1915 гг. (в тыс.)	–
I.4. Производительность труда в зерновом производстве в регионах Европейской России XVIII–XIX вв.	29
I.5. Этнический состав населения России в 1719–1914 гг. (в %)	40
I.6. Бремя воинской повинности в Российской империи для отдельных этносов	43
I.7. Прямые налоги русских и нерусских в XVIII в. (в коп. с души мужского пола)	45
I.8. Национальный состав ссыльных революционеров в 1907–1917 гг.	50
I.9. Индекс человеческого развития 14 народов России в 1897 г.	56
II.1. Стратификация дворянства Европейской России в 1858 г.	65
II.2. Стратификация дворян-помещиков в 1727–1905 гг. в Европейской России	66
II.3. Состав православного приходского духовенства в России в 1738–1913 гг.	72
II.4. Стратификация городского сословия в Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (в %)	76
II.5. Стратификация крестьянства Европейской России в 1495–1860 гг.	80
II.6. Социальная структура населения в Европейской России без Польши и Финляндии в XVII – начале XX в. (в %)	88
II.7. Социальное происхождение чиновников I–XIV классов (в %)	89
II.8. Социальный состав учащихся гимназий и университетов (в %)	90
III.1. Коэффициенты брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста православного населения Европейской России в XVIII – начале XX в. (на тыс. человек)	97
III.2. Распределение вступления в брак по месяцам в Европейской России в конце XVIII – начале XX в. (в %)	107
III.3. Разводы среди православного населения Европейской России в середине XIX – начале XX в.	111
III.4. Семейное состояние населения в Европейской России в 1850-е гг. и в 1897 г. (в %)	113
III.5. Демографические процессы среди разных сословий в 1840–1850-е гг. (на тыс. человек населения)	114
III.6. Количество детей в возрасте до 7 лет (в % от общей численности населения)	115
III.7. Демографические процессы в среде помещичьих и государственных крестьян и городского населения в первой половине XIX в. (на тыс. человек)	121
III.8. Смертность среди разных сословий в 1840–1870-е гг. (на тыс. человек населения)	123
III.9. Уровень здоровья и смертности крестьян Воронежской губернии в зависимости от их благосостояния в 1898–1902 гг. (на тыс. человек)	124
III.10. Семейная структура населения различных конфессий в 1897 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) (в %)	129

III.11. Некоторые демографические характеристики населения различных конфессий в 1896–1904 гг. в Европейской России	–
III.12. Число рождений, приходящееся на брак, и соотношение родившихся и умерших по конфессиям в 1848–1852 гг.	130
III.13. Средняя продолжительность жизни при рождении 11 народностей Европейской России в 1896–1897 гг. (лет)	–
III.14. Демографические показатели в различных странах в XIX–начале XX в.	132
IV.1. Средняя людность крестьянского двора в России (человек обоего пола)	140
IV.2. Людность дворов-семей в России в 1850-е гг. (в %)	141
IV.3. Состав семей представителей духовенства Вологодской губернии в 1859 г.	142
IV.4. Типология крестьянских хозяйств-семей в середине XIX в. в Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской губерниях (в %)	144
IV.5. Типология хозяйств-семей сельского населения в 1897 г. в Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской губерниях (в %)	145
IV.6. Типология хозяйств-семей сельского населения Европейской России по районам в 1897 г. (в %)	146
IV.7. Возрастной состав крестьян, принимавших участие в важнейших полевых работах или помогавших в хозяйстве в конце XIX – начале XX в.	147
IV.8. Типология городских семей в Ярославской и Киевской губерниях в XIX в. (в %)	151
IV.9. Типология семей городского населения Европейской России по районам в 1897 г. (в %)	152
V.1. Распределение городов России по числу жителей в конце XVII – начале XX в. (без Кавказа, Польши, Финляндии и Средней Азии)	173
V.2. Распределение больших, средних и малых городов в конце XVII – начале XX в. в Европейской России без Польши и Финляндии (в %)	174
V.3. Распределение сельских поселений по числу жителей в Европейской России без Польши и Финляндии в 1850-е гг. и 1897 г.	176
V.4. Функциональная структура городов Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (в %)	181
V.5. Отраслевая структура занятости самодельного городского населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (в %)	185
V.6. Структура занятости самодельного населения России без Польши и Финляндии в 1857–1897 гг. (в %)	186
V.7. Отраслевая структура занятости самодельного населения обоего пола Европейской России без Польши и Финляндии в 1897 г.	187
V.8. Структура занятости самодельных мужчин и женщин в Европейской России без Польши и Финляндии в 1897 г. (в тыс. человек)	188
V.9. Распределение предприятий обрабатывающей промышленности и рабочей силы между городом и деревней Европейской России в XVIII – начале XX в.	192

V.10. Численность городского и сельского населения в Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII – начале XX в.	193
V.11. Социальная структура городского и сельского населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (в %)	198
V.12. Распределение населения по сословиям между городом и деревней в XIX в. (в %)	199
VI.1. Средний возраст вступления в брак городского и сельского населения Европейской России в 1867 и 1910 гг.	220
VI.2. Число лиц православного исповедания, пропускавших исповеди и причастия во время Великого поста по неуважительным причинам в 1780–1913 гг. (в %)	230
VI.3. Данные о рождаемости через 9 месяцев после Великого поста в 1867–1910 гг. (в %)	232
VI.4. Доля населения, практиковавшая половое воздержание во время Великого поста по религиозным соображениям, в 1867–1910 гг. (в %)	233
IX.1. Динамика преступности в России в 1803–1913 гг.	336
IX.2. Динамика крупной преступности в России в 1803–1913 гг.	340
IX.3. Динамика мелкой преступности в России в 1803–1913 гг.	341
IX.4. Число наиболее важных зафиксированных полицией преступлений в 1846–1913 гг. (в среднем в год, тыс.)	342
IX.5. Распределение различных видов наказаний в России в 1834–1913 гг. (в %)	343
IX.6. Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения в России в XIX–XX вв.	347
XI.1. Численность и социальный состав чиновничества России без Польши и Финляндии в XVII – начале XX в.	393
XI.2. Численность регулярной армии в 1680–1913 гг.	395
XII.1. Механическая и органическая солидарность как идеальные типы	442
XII.2. Образ России и Запада на конец XIX – начало XX в.	445
XII.3. Лаг в уровне развития между Россией и великими державами по 13 признакам в 1913 г.	464
XII.4. Лаг в уровне развития между СССР и великими державами по 16 признакам в 1989 г.	466

Учебно-научное издание

Б.Н. Мионов
Историческая социология России

Редактор М.С. Юдович
Компьютерная верстка О.В. Голенской

Подписано в печать 25.03.2009. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 33,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Интерсоиcиc».
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.
Отпечатано с диапозитивов в типографии «Ренومه».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.